

СТАРЫЙ СВЕТ — НОВЫЕ ВРЕМЕНА

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА

ИДЕИ, РЕАЛЬНОСТЬ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Под редакцией Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова

ВЕСЬ
МИР

Серия: Старый Свет — новые времена

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА

Идеи, реальность, перспективы

Научный руководитель серии
«Старый Свет – новые времена»
академик РАН Н.П. Шмелёв

Редакционная коллегия серии Института Европы РАН:

акад. РАН Н.П. Шмелёв (председатель),
к.э.н. В.Б. Белов, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
акад. РАН В.В. Журкин, к.и.н. О.А. Зимарин,
д.и.н. М.В. Каргалова, чл.-корр. РАН М.Г. Носов,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, чл.-корр. РАН В.П. Фёдоров,
д.и.н. В.Я. Швейцер, д.и.н. А.А. Язькова

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт Европы
Российской академии наук

БОЛЬШАЯ ЕВРОПА

Идеи, реальность, перспективы

Под общей редакцией
Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова

Москва 2014

УДК 327(4)
ББК 66.4(4),3
Б79

Научный редактор:

А.А. Галкин

В.В. Орлова (ответственный секретарь редколлегии)

Авторский коллектив:

*акад. РАН Н.П. Шмелёв,
акад. РАН В.В. Журкин, акад. РАН Э.Н. Крылатых,
чл.-корр. РАН М.Г. Носов, чл.-корр. РАН Т.Т. Тимофеев,
чл.-корр. РАН В.П. Фёдоров, д.полит.н. Ал.А. Громыко,
к.э.н. Н.М. Антюшина, д.э.н. А.И. Бажан, к.э.н. В.Б. Белов,
д.э.н. Ю.А. Борко, д.э.н. О.В. Буторина, д.и.н. О.Г. Буховец,
д.филос.н. Е.В. Водопьянова, д.и.н. А.А. Галкин, д.э.н. И.С. Гладков,
к.э.н. Н.В. Говорова, к.э.н. Д.А. Данилов, к.филос.н. А.К. Камкин,
д.и.н. М.В. Каргалова, д.и.н. А.А. Красиков, д.э.н. В.М. Кудров,
д.полит.н. И.Ф. Максимычев, д.полит.н. О.Ю. Потёмкина,
д.и.н. Ю.И. Рубинский, д.культурол.н., к.филолог.н. Е.Ю. Сидоров,
д.э.н. В.К. Фальцман, д.э.н. А.Д. Хайтун, д.э.н. Е.С. Хесин,
д.э.н. В.С. Циренищиков, д.и.н. В.Я. Швейцер, д.и.н. А.А. Язькова*

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 14-03-16006д.**

Отпечатано в России

ISBN 978-5-98153-038-5 (ИЕ РАН)
ISBN 978-5-7777-0643-0 (Весь Мир)

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2014
- © Издательство «Весь Мир», оформление 2014

Посвящается памяти
академика РАН
Николая Петровича Шмелёва

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Введение (<u>Н.П. Шмелёв</u> , В.П. Фёдоров)	13
РАЗДЕЛ I.	ЕВРОПА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ	25
Глава 1.	Европа: проблемы цивилизационных связей и взаимодействий (<u>Т.Т. Тимофеев</u>)	25
	Созидательные связи	26
	Социокультурные измерения	29
	Роль конкуренции и волновое развитие	32
	Социальные противоречия	34
	К вопросу о перспективах	37
Глава 2.	Становление Европы как мастерской мира (Е.С. Хесин)	42
	Понятие «мастерская мира» и его эволюция	42
	Западная Европа как колыбель мастерских мира	47
	Подробнее о лидерах экономического состязания	54
Глава 3.	Ценностные ориентиры (Ю.И. Рубинский)	60
	Единство и плюрализм	61
	Европа для себя или для всех?	78
Глава 4.	Трагические изломы европейской истории (И.Ф. Максимычев)	86
	Кто в Европе хозяин?	86
	«Наследники» Рима	88
	Европейский «концерт держав»	89
	Новый поход на Восток	90
	Панъевропейский проект	94
	Антисоветизм — дымовая завеса агрессии	96
	Начало Второй мировой войны	101
	Кто кого победил?	104

Глава 5.	Минное поле холодной войны: останется Европа «Малой» или станет «Большой»? <i>(И.Ф. Максимычев)</i>	107
	Шансы общеевропейского единства	108
	Размежевание	110
	Параллельная интеграция	113
	Корни русофобии	114
	Проект Большой Европы	116
	Нерешенная проблема безопасности	120
	Без России голос Европы не будет слышен!	122
РАЗДЕЛ II.	СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА	125
Глава 6.	Новые времена — новые проблемы <i>(А.А. Галкин)</i>	125
	Истоки	125
	Узел первый: люди и природа	127
	Узел второй: сдвиги в структуре миропорядка	129
	Узел третий: издержки научного и технологического прогресса	135
	Узел четвертый: экономические штормы	138
Глава 7.	Демографические проблемы стран Евросоюза <i>(А.К. Камкин)</i>	145
	Судьбы коренных европейцев	145
	Иммиграционные проблемы ФРГ	156
	Феномен параллельных обществ	160
Глава 8.	Инновационное обновление экономики <i>(В.С. Циренщиков)</i>	166
	Концептуальные основы	166
	Конкурентные позиции и основные направления инновационного обновления	169
	Новейшие тенденции и перспективы	182
Глава 9.	Еврозона: гравитация против конвергенции? <i>(О.В. Буторина)</i>	186
	Некоторые теоретические положения	187
	Расширение ЕС и его влияние на условия конвергенции	188
	Место и роль Германии в процессах конвергенции	191
	Общее и особенное в практике денежно-кредитной политики	196
	Ценовая динамика и гравитационный эффект	199

Глава 10.	Уроки европейской интеграции (<i>Ю.А. Борко</i>)	206
	Слагаемые успеха Европейского сообщества	208
	Факторы успеха	209
	Внутренние и внешние факторы перемен	212
	ЕС в роли пожарной команды	214
	Что дальше?	216
Глава 11.	Евросоюз: нерешенные проблемы (<i>Н.П. Шмелёв</i> , <i>В.П. Фёдоров</i>)	223
	<i>Mixtum compositum</i> , или гетерогенный союз	224
	Государство — субъект и объект интеграции	228
Глава 12.	Россия между Европой и Азией (<i>М.Г. Носов</i>)	243
	История двухконтинентальности	243
	Идеологические последствия	249
	Экономика двухконтинентальности	253
	Европа и Азия в экономике России	256
	Евразийский союз как попытка интеграции	257
Глава 13.	Место Европы в мировом хозяйстве (<i>А.И. Бажан</i>)	265
	Экономические достижения Евросоюза	265
	Внешние причины	268
	Внутренние причины	276
	Решения принимаются, проблемы остаются	277
Глава 14.	Конкурентоспособность России на рынках Большой Европы и мира (<i>В.К. Фальцман</i>)	284
	Наукоемкая продукция	285
	Перерабатывающие производства	289
	Возможности повышения конкурентоспособности российской продукции	295
Глава 15.	Внешнеторговые связи ЕС и Российской Федерации (<i>И.С. Гладков</i>)	306
	Позиции сторон	306
	Внешнеторговая деятельность на новом этапе	312
	Асимметричное партнерство в товарной торговле	317
	Специфика торговли услугами	324
Глава 16.	Путь Европы к социальной интеграции и новации в социальной сфере ЕС (<i>М.В. Каргалова</i>)	327
	Социальная сфера перед вызовом модернизации	329
	Новое наполнение социальной политики	332
	Механизмы решения социальных проблем	336
	Социальное партнерство нового типа	338
	Функции и формы общественного контроля	342
	Перспективы ЕСМ	344

Глава 17.	Социальная Европа и вызовы современности	
	<i>(Н.В. Говорова)</i>	347
	Демографический аспект	350
	Кризис занятости: молодежный аспект	352
	Борьба с бедностью и неравенством	356
Глава 18.	Европа и продовольственная проблема	
	<i>(Э.Н. Крылатых)</i>	362
	Проблемы продовольственной безопасности	364
	Развитие Единой аграрной политики Евросоюза	374
	Особенности аграрной политики России	380
	Прогнозы развития европейских продуктовых рынков	385
Глава 19.	Россия — Евросоюз: энергетическая безопасность	
	<i>(А.Д. Хайтун)</i>	391
	Европа в поле глобальной энергетики	391
	Энергетическая политика стран ЕС	396
	ЕС и энергоресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока	407
	Экологическая безопасность энергетики	408
	Политические аспекты энергетической безопасности	409
Глава 20.	Проблемы европейского образования в XXI веке	
	<i>(Е.В. Водопьянова)</i>	413
	От Болонского процесса к новому пространству высшего образования	413
	Высшая школа в рыночном плену	415
	Государственное финансирование высшей школы: «за» и «против»	419
	Болонские технологии в России: цена вопроса	423
	Реалии российского образования	426
	Кадры, кадры и снова кадры...	428
Глава 21.	Россия и Евросоюз в полицентричном мире	
	<i>(Ал.А. Громыко)</i>	430
	Полицентричный мир — новая реальность	430
	Роль России в новой расстановке сил	435
	Малая Европа во второй половине XX — начале XXI века	440
	Малая Европа — Россия — США: стратегии геополитического выживания	453
Глава 22.	Россия и Евросоюз — динамика взаимоотношений	
	<i>(В.Б. Белов, О.Ю. Потёмкина)</i>	463

	Экономическое сотрудничество	463
	Визовые проблемы в отношениях России и ЕС	478
	Перспективы взаимодействия на международной арене	484
Глава 23.	Россия и Евросоюз в сфере безопасности <i>(В.В. Журкин)</i>	488
Глава 24.	Россия и НАТО: между партнерством и сдерживанием <i>(Д.А. Данилов)</i>	497
	Политические циклы	497
	Попытка перезагрузки: лиссабонское окно возможностей	501
	Украинский кризис: возвращение к взаимному сдерживанию?	506
	НАТО: стратегический ревизионизм	510
	Политика незакрытых дверей	514
Глава 25.	Религии в Европе: возможности взаимодействия <i>(А.А. Красиков)</i>	521
	Идея диалога религий и общества	521
	Реальность диалога религий и общества в Европе	527
	Перспективы религии в обществе будущего	534
Глава 26.	Трансформация партийно-политических систем Европы <i>(В.Я. Швейцер)</i>	541
	Партии в старом и новом формате	541
	Экспоненты правой политической культуры	543
	Антикризисная стратегия и тактика консервативно-либерального лагеря	546
	Социал-демократия в зоне политической турбулентности	552
	Сепаратисты в наступлении	554
	Партии, выборы и власть на постсоветском пространстве	558
Глава 27.	Кризис российской культуры: причины и следствия <i>(Е.Ю. Сидоров)</i>	562
	Сущность человека и культура	563
	О значимости культурного плюрализма	564
	В поиске постулатов культуры	566
	Против вторжения прагматики	568
	Культура и средства массовой информации	571
	Познать глубинную Россию	574

РАЗДЕЛ III. БУДУЩЕЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ	579
Глава 28. Евразийская интеграция (<i>О.Г. Буховец</i>)	579
Восток — Запад: надежды и разочарования	580
Успехи Евросоюза и восприятие постсоветской интеграции	581
Метаморфозы восприятия интеграции через призму эталона ЕС	583
Кризис ЕС и его последствия для евразийской интеграции	585
XXI век: экономическая субъектность стран и интеграционных союзов	587
Постсоветская интеграция и вызовы современности	591
Локомотивы интеграции	594
Императивы для постсоветского мира	595
Глава 29. Интеграция и национальное сознание (<i>А.А. Галкин</i>)	599
Об анатомии национальной идентичности	600
Каналы воздействия	601
Иллюзии и реальность	603
Специфика реакции массового сознания	607
На горизонте грозные тучи	612
Глава 30. Региональное измерение Большой Европы (<i>В.Б. Белов, А.А. Язькова</i>)	619
Становление и развитие региональной политики Евросоюза	621
Центрально-Восточная Европа	629
Юго-Восточная Европа	631
Большое Причерноморье	634
Глава 31. Экономика России в Европе и мире (<i>В.М. Кудров</i>)	638
Современные реалии российской экономики	638
Проблемы модернизации экономики	642
Проблемы инновационного развития	644
Глава 32. Арктика — зона конкуренции и сотрудничества (<i>Н.М. Антюшина</i>)	651
Юридические аспекты	652
Военное присутствие в Арктике	654
Экология и климатические изменения	655
Перспективы добычи полезных ископаемых	657

	Северные морские маршруты	661
	Эволюция Арктического совета	664
	Сотрудничество в области научных исследований	666
	Освоение Арктики как инновационный проект	667
Глава 33.	Европейская безопасность в перспективе	
	<i>(Д.А. Данилов)</i>	671
	Полюса европейской системы	672
	Системные дисбалансы	676
	На пути к общему пространству	679
	Европейская безопасность: окно возможностей и «украинские ставни»	684
Заключение.	Большая Европа — грядущая реальность или утопия? (<u>Н.П. Шмелёв</u> , Ал.А. Громыко)	689
	Сведения об авторах	696

ВВЕДЕНИЕ

Нередко текущие события как бы отодвигают на задний план глубинные тенденции исторического общественного развития, создавая впечатление попятного движения. Но проходит время, и эти тенденции вновь берут верх, продолжая свою траекторию. Это в полной мере относится к символу Большой Европы.

Говоря о ней, обычно подразумевают укоренившееся в глубинах общественного сознания народов нашего континента чувство взаимной сопричастности, ощущаемое в разных формах и на различном уровне, на протяжении более чем тысячелетнего развития. При этом на каждом этапе такое ощущение неизбежно отражало сумму конкретных интересов.

Обычно истоки ориентации на Большую Европу связывают с деятельностью франкского короля Карла Великого (742–814), пытавшегося в ходе многочисленных военных походов возродить ушедшую задолго до этого в небытие Западную Римскую империю. И в какой-то степени это ему удалось. Взяв на вооружение лозунг расширения влияния христианства и опираясь на поддержку «папской курии», он сумел присоединить к своим владениям север Пиренейского и большую часть Апеннинского полуострова, территорию будущих Австрии и Венгрии, заэльбские земли, населенные саксонцами, и провозгласить в 800 г. сколоченное таким образом государственное образование Империей, легитимизированной решением папского престола.

Империя Карла Великого просуществовала недолго. Однако память о ней в общественном сознании сохранилась. Без понимания этого трудно в полной мере оценить истинный смысл последующих небезуспешных усилий, направленных, в частности, на создание Священной римской империи германской нации, ставшей важной частью политического ландшафта средневековой Европы, и многие другие события.

Позже создание и упрочение системы национальных государств оттеснило общественную ориентацию на сопричастность судеб европейских народов, но только на время. Наиболее рельефно это стало проявляться с начала XX в.

Особую роль в этом сыграли принципиально важные обстоятельства. *Во-первых*, две предельно кровопролитные, разрушительные мировые войны (1914–1918 и 1939–1945), эпицентром которых стала территория Европы, убедительно продемонстрировали европейским народам, насколько жизненно необходимо для их дальнейшего существования создание на континенте условий, полностью исключающих воспроизведение подобных событий. Стало очевидным, что наилучшим гарантом в этом смысле было бы максимально возможное органическое сближение сложившихся государственных образований. *Во-вторых*, многие страны европейского континента, как и регион в целом, начали все заметнее терять устоявшуюся на протяжении столетий роль «мастерской мира» — центра мирового экономического развития. А вернуть эту роль можно было, лишь объединив усилия соответствующих государств.

Оба эти обстоятельства в решающей степени способствовали реанимации давних, во многом подзабытых установок, ориентированных на континентальную общность — «европеизм». Эти установки перестали быть всего лишь объектом размышлений и интересов узкой прослойки интеллектуалов и превратились в своего рода «материальную силу». Так сложились предпосылки для объединения растущего числа европейских стран в рамках организации, ставшей к концу XX в. Европейским Союзом.

Анализ становления и развития Европейского Союза, его успехов и нерешенных проблем дан в ряде предыдущих книг Института Европы. Должное внимание этой стороне дела уделено и в данной работе. Вместе с тем специфика темы породила необходимость рассмотреть не только то, что уже произошло в этой сфере, но то, что должно было бы стать, но еще не стало реальностью.

Интеграция на территории нашего континента начала складываться и многие годы реализовывалась в условиях острой холодной войны. Поэтому интеграция оставалась частичной в том, что касалось территориального охвата. Последовавшее ее расширение на восток континента за счет государств бывшего советского блока и некоторых новых стран, возникших на постсоветском пространстве, ситуации не только не изменило, но сделало ее в чем-то сложнее.

Известно, что в политической публицистике Европейский Союз нередко отождествляют с Европой. Но это, мягко говоря, неточно не

только в географическом, но и в политическом смысле. На территории Европы сложились три группы стран: Европейский Союз, формирующийся вокруг России Евразийский экономический союз и несколько государств помимо них. Европейский Союз уже объединяет 28 стран. Но на европейском континенте их более 50.

Таким образом, ориентация на Большую Европу (если подразумевать под ней совокупность всех европейских государств) в нынешних условиях предполагает набор дальнейших интеграционных усилий, прежде всего направленных на сближение Евросоюза и группы стран, тяготеющих к России.

Нужна ли нашим народам такая Большая Европа? Авторский коллектив исходит из того, что позитивный ответ на этот вопрос объективно существует. Создание Большой Европы в полной мере отвечает интересам народов континента. Кризисное состояние, в котором оказался в XXI в. Европейский Союз, убедительно демонстрирует, наряду со многим другим, насколько уязвима частичная интеграция с точки зрения не только внутренней организации создаваемой системы, но и ее отношений со странами, остающимися за ее пределами.

Россия была и останется на многие годы для Евросоюза главным поставщиком энергетического сырья. Учитывая огромные, выявленные и пока не используемые запасы различных природных ископаемых, расположенные на бескрайних просторах России, их экспорт обеспечен надолго, и даже если в результате целенаправленных усилий удельный вес первичного сырья в экспорте России будет постепенно сокращаться.

Страны Евросоюза могут сохранить и в должной мере нарастить масштабы жизненно важного для них промышленного производства лишь в том случае, если им удастся обеспечить для него достаточно емкие и растущие рынки сбыта. Россия, как и ее ближайшие партнеры, в этом смысле буквально незаменимы. Это касается как территориального расположения рынков сбыта, так и динамики их развития. Спрос на этих рынках до сих пор покрыт не полностью как структурно, так и количественно, а устоявшиеся тенденции позволяют прогнозировать дальнейший устойчивый рост массового потребления, а следовательно, и спроса.

В нынешних условиях увеличивается значимость России как транспортного коридора между странами Западной и Центральной Европы, с одной стороны, и государствами Тихоокеанского бассейна и Юго-Восточной Азии — с другой. Сейчас, как повсеместно признано, именно туда перемещается центр мирового экономического разви-

тия. Соответственно в этом направлении будут ориентироваться главные товарные потоки. Их путь через Россию короче и удобнее, чем те, которые используются ныне. И игнорировать это обстоятельство, по меньшей мере, неразумно.

Страны Западной и Центральной Европы, как и весь развитый мир, оказались сейчас перед множеством новых вызовов, ответы на которые до сих пор остаются неясны. Вместе с тем очевидно, что без активного соучастия России и стран ее ближайшего окружения справиться с этими вызовами практически невозможно. И это всего лишь наиболее значимые обстоятельства, настоятельно требующие не только поддержания, но и качественного улучшения отношений Евросоюза с Россией.

Не менее очевидна заинтересованность в таком улучшении и самой России.

По своей истории, культуре, мировоззрению, да и вообще по своему способу жить она была, есть и будет Европой. Конечно, со своим уникальным, нередко трагическим прошлым и со своими заблуждениями, но и с теми же идеалами и надеждами, что и у других европейских стран и народов. Будучи по своему духу европейской державой, Россия остается в то же время самостоятельной и самодостаточной цивилизацией — у нее есть все, чтобы при разумной, правильной стратегии не только сохранить, но и укрепить свое особое место в мире.

Нельзя, конечно, не видеть, что в последние десятилетия в развитии России все большую роль начинает играть «восточный вектор», «восточноазиатский акцент» — в политике, экономике, демографии и других областях. Учитывая географию страны, это не только и даже не столько альтернатива, сколько историческая неизбежность, с которой приходится считаться всем. И дело даже не в том, какой режим утвердится в будущем в стране. Дело в том, что некий цивилизационный симбиоз в жизни России между европейским и восточноазиатским влиянием, учитывая ее прошлое, ее настоящее и ее предвидимое будущее, есть, по-видимому, наиболее вероятная перспектива. И это не просто вопрос веры или неверия человеческого, это вопрос очевидной, объективной неизбежности.

Авторский коллектив книги исходит из того, что пристальное внимание России к своим «азиатским тылам» не только не противоречит, но, по сути дела, дополняет ее стремление к углублению сотрудничества и сближению с европейскими соседями. Роль России в Европе в огромной степени будет зависеть от того, какое место удастся ей занять в современном мире, каков будет ее удельный вес в его экономике и политике, в какой степени она сохранит и упрочит свою способность

к внешнеполитическому маневрированию. В противном случае ей попытаются (как и пытаются сейчас) навязать роль не полноправного жильца «европейского дома», а не нашедшей «башмачка», упустившей свое время Золушки.

Безусловно, первое и главное, в чем нуждается любое жизнеспособное государство — это безопасность, прежде всего, безопасность от внешних угроз. Исторический опыт России в ее взаимоотношениях с западными соседями был в этом смысле не просто неоднозначным, но, следует признать, поистине трагическим. За 400 последних лет состоялись: польско-шведская интервенция в XVII в., наполеоновское нашествие 1812 г., Крымская война в середине XIX в., Первая мировая война и, наконец, Вторая мировая и Великая Отечественная война, которая по своему ожесточению и разрушениям превзошла все когда-либо происходившее в мире. А если прибавить к этому и холодную войну второй половины XX в., то можно лишь удивляться тому, как Россия вообще сумела выжить под таким чудовищным внешним давлением.

Все это не вычеркнешь из исторической памяти народов России. Не вычеркнешь из нее и нелояльную по отношению к России позицию, занятую Брюсселем в связи с острым кризисом украинской государственности в 2014 г. Но жизнь не стоит на месте. И вместе с ней надлежит двигаться вперед.

В советские времена Россия жила в глухой международной изоляции, хотя даже и тогда взаимные культурные, научные, технические, спортивные и другие связи сохраняли определенное значение, свидетельствуя о глубоко укоренившемся цивилизационном единстве сторон, противостоящих во многих иных отношениях. Затем искусственно возведенные стены пали, демократия, многопартийность, многие общечеловеческие ценности, включая свободу передвижения по всему миру, стали доступны и для российского человека. Отношения между Россией и Европейским Союзом начали, хотя и не без откатов, улучшаться. И если удастся, наконец, преодолеть встающие новые преграды, в перспективе можно рассчитывать на такой рывок на пути к Большой Европе, который, в конце концов, поднимет ее удельный вес в мировой политике и поможет снизить потери на предстоящем сложном и длительном продвижении к более справедливому мировому порядку.

Какие масштабы и конкретные формы дальнейшего сближения России и ее западных соседей, нет смысла гадать: процесс этот не может измеряться годами, он неизбежно займет десятилетия и даже поколения. Но каждый заметный шаг на этом пути имел (и будет иметь) принципиальное значение.

В свое время достижением новой России в развитии отношений с западными европейскими соседями стало заключение Соглашения с Евросоюзом о партнерстве и сотрудничестве, которое каждый год продлевается. Намеченные в его рамках четыре общих пространства и дорожные карты — по внешней безопасности, по внутренней безопасности, по экономическому взаимодействию и по культурному сотрудничеству — были важны не только и даже не столько с точки зрения текущих событий, сколько как историческая перспектива. Если эти цели были бы достигнуты, единая, поистине Большая Европа приобрела бы принципиально новый облик, включая все — политику, военную ситуацию, общественное устройство, человеческий менталитет, общее экономическое пространство, т.е. свободу трансграничного передвижения товаров, капитала, рабочей силы и услуг, и единый научно-технический, образовательный и культурный потенциал. Думается, на деле эти дорожные карты могут стать важнейшим цивилизационным ориентиром для будущих поколений. И Европа со временем может стать сплоченным мировым центром силы, мало в чем уступающим другим, прежде всего, США и Китаю.

Следует в этой связи в полной мере учитывать также ту позитивную роль, которую могли бы сыграть развитые европейские страны в деле реализации планов модернизации России.

О какой ее модернизации должна идти речь? И так ли она необходима? Анализ сложившейся ситуации неизбежно подводит к выводу, что наша страна жизненно нуждается в подлинном рывке, предполагающем совокупность качественных перемен во всех сферах общественного развития. Ряд европейских стран существенно опередил Россию на этом пути. Углубление сотрудничества с ними, широкое использование накопленного ими опыта, заимствование разработанных ими технологий и широкое использование производимой там современной техники могли бы дать мощный стимул российскому инновационному развитию.

Модернизация для России сегодня — в первую очередь ее реиндустриализация — своего рода вторая индустриализация. Азарт непродуманных, поспешных реформ в 90-е годы XX в. стоил стране полного разрушения не менее половины ее промышленного и технологического потенциала. При существующих тенденциях, т.е. при быстром устаревании ее основных фондов, возрастающем дефиците инвестиций и в целом неясной промышленной политике, через 7–10 лет может быть окончательно разрушена и оставшаяся половина ее промышленного потенциала. К этому необходимо добавить вывод из оборота более 1/3 сельскохозяйственных земель России. И еще, по оценкам

некоторых экспертов, утрату порядка $\frac{1}{3}$ «умов» страны в результате разрушения ее науки, эмиграции ученых и перехода значительной их части в другие, преимущественно коммерческие, сферы деятельности.

Реиндустриализация требует концентрации усилий России на ряде основных направлений долгосрочной экономической политики. *Во-первых*, это выбор основных стратегических приоритетов промышленного обновления, включая всю инфраструктуру. На мировых рынках высокотехнологичной промышленной, информационной, аграрной и прочей продукции сегодня не только существует, но и непрерывно растет и обостряется жесткая международная конкуренция. Найти новые незаполненные рыночные ниши — дело весьма нелегкое. В этом России полезны согласование и координация ее усилий с ведущими мировыми производителями подобной продукции. *Во-вторых*, обновление еще сохранившихся производственных мощностей, а тем более строительство новых, потребует, как это бывало и в прошлом, массивного притока в страну техники и передовых технологий из-за рубежа. Откуда все это взять, если не извне.

Настойчивые усилия Соединенных Штатов и примкнувших к ним структур Евросоюза подорвать экономику, а следовательно, и геополитические позиции России, используя в этих целях спровоцированный ими же острый кризис Украинского государства, развеяли многие иллюзии относительно степени их добросовестности как торговых и политических партнеров. Тем не менее это не причина для поворота в сторону самоизоляции, которая принесла нам немало вреда в прошлом.

Нравственные и эмоциональные соображения, естественно, немаловажны. Но межгосударственные отношения покоятся главным образом на прагматической оценке реальных интересов. Россия, находящаяся на пороге серьезной модернизации, как уже было подчеркнuto, безусловно заинтересована в интенсивном экономическом сотрудничестве со странами, объединившимися в рамках Евросоюза. Но и страны Евросоюза в неменьшей степени нуждаются в России как в емком и постоянно растущем рынке для производимых ими товаров. Российские потребности, обусловленные модернизацией, могут, при должной ориентации, стать одним из важнейших факторов поддержания устойчивого машиностроительного, электротехнического и другого импорта из высокоиндустриальных стран, а значит, и большинства членов Евросоюза. Проблем с его оплатой, несомненно, не будет: стабильные рынки для российской энергосырьевой продукции на Западе сохранятся даже при сдвигах в пользу различного рода энергетических и прочих альтернатив. Не следует забывать и про международные кредитные возможности. В странах Евросоюза не могут не понимать этого.

Вместе с тем бурные события 2014 г., которые, скорее всего, войдут в сложную историю экономических отношений России с Евросоюзом как очевидный, хотя и поправимый в перспективе кризис, не могут не побудить нас сделать из них существенный вывод: в экономических отношениях при всей их интенсивности на нынешнем этапе развития нельзя допускать чрезмерной зависимости от отдельных партнеров. Необходимо постоянно иметь в запасе альтернативные варианты, своего рода запасной выход.

Кстати, уместно попутно раз и навсегда ответить на такой серьезнейший вопрос: кто кого финансировал до последнего времени? Запад Россию, как думают многие, или, напротив, Россия—Запад? При всей кажущейся парадоксальности ответ будет таков: Россия—Запад. За истекшие 20 с лишним лет соотношение составляло примерно 1:3 в пользу Запада. То есть на 1 доллар притока средств в российскую экономику из России на Запад уходило 3, а скорее, даже 4 доллара легального и нелегального оттока денежных средств. Все виды увода капитала из страны оцениваются сегодня в накопленной сумме не менее 1 трлн долларов.

В частности, в недавние годы объем вложений только государственных российских валютных резервов в иностранные (преимущественно американские) государственные ценные бумаги с предельно низкой доходностью в 1,0–2,0% годовых то и дело превышал солидную сумму порядка 550 млрд долларов. И особенно печально то, что подобный хронический дренаж (кровопускание) российской экономики происходил на фоне колоссальных неудовлетворенных потребностей страны в инвестициях практически во всех областях, включая производство, инфраструктуру и социальную сферу. Утечка капитала за рубеж лишила страну не менее $\frac{1}{4}$ ее фонда накоплений.

Конечно, накопление, капиталообразование — это, прежде всего, внутренняя российская проблема. У России сегодня имеется немало потенциальных возможностей увеличения ее нормы накопления (с недопустимо низкой порядка 20% до необходимых 30–35% ВВП), в том числе благодаря рациональному использованию уже имеющихся средств. Почему российские инвесторы при очевидной слабости отечественной кредитной системы не могут занимать из российских государственных резервов не под 8–10% годовых, как они вынуждены сегодня делать в иностранных частных банках, а под 1,5–2,0%, т.е. за столько же, за сколько Россия на деле дает займы своим зарубежным партнерам? Тем более экономический кризис последних лет показал, что Российское государство все равно было вынуждено массивным и по существу безвозвратным вбросом государственных средств

спасать своих основных отечественных заемщиков. А задолженность российских компаний и банков иностранным частным банкам сегодня почти равна тем же самым нашим государственным резервам, хранимым так дешево в иностранных ценных бумагах.

Нельзя не видеть и такие возможности увеличения инвестиционных ресурсов страны, как неоправданное, по-своему уникальное для мира соотношение в распределении природной ренты на энергетические и другие сырьевые ресурсы в пользу частных российских компаний — отсутствие действенного контроля над перемещением валютных средств за рубеж; необходимое восстановление обязательной продажи валютной выручки за рубли; более широкое использование эмиссионных и кредитных возможностей Центробанка (в роли кредитора в последней инстанции); налоговые и амортизационные льготы инвесторам, особенно модернизирующим производство; отказ от «плоской шкалы» налогообложения; действенная система административного, бюджетного, налогового и кредитного стимулирования малого и среднего предпринимательства и пр.

Все эти меры, однако, никак не ограничивают значения притока иностранного капитала в Россию, особенно прямых иностранных инвестиций. Пока их роль относительно невелика — порядка 3% всего капиталообразования в стране. Иностраный капитал идет преимущественно либо в финансовые спекуляции («горячие», краткосрочные деньги), либо в сверхприбыльные отрасли («длинные» деньги), далеко не всегда имеющие серьезный модернизационный эффект: косметическую, пивоваренную, фармацевтическую, табачную промышленность, производство безалкогольных напитков, коммуникации, автосборку и др. Особенно активно иностранные инвестиции идут в топливно-энергетический комплекс — до $\frac{1}{3}$ их объема. Но, что показательно, в машиностроение — лишь 1%.

Привлечение иностранного капитала, его взаимопереплетение с отечественным, экспансия ТНК (а таких компаний даже собственно российского происхождения уже около 20) — это в целом благотворный процесс, содействующий экономическому подъему и росту благосостояния всех его участников. Важно только соблюдать и сохранять баланс взаимных интересов.

По мере роста своей открытости российская экономика станет все более органично связанной с мировой валютно-финансовой системой и во все большей мере зависимой от ее устойчивости. Россия, в частности, заинтересована в том, что если доллар и дальше будет утрачивать свои доминирующие позиции, то процесс этот должен быть растянут на многие годы. Слишком велики долларové активы у множества

стран, в том числе таких как Китай, Япония, Россия, и пока около 2/3 мировой торговли все еще обслуживается в долларах. Поэтому крах доллара был бы неприемлемым ударом по всей глобальной экономике. Не менее пагубен стал бы крах евро с неизбежным за этим распадом еврозоны (Россия держит в евро значительную часть своих валютных резервов). А новая мировая валютно-финансовая система на базе, скажем, искусственной валюты МВФ или китайского юаня, или какой-то новой корзины валют — это пока фантазии.

Кроме всего прочего, перед Россией стоит ныне, может быть, наиболее острая и трудная по своей сложности задача: демонополизация ее экономики и создание (конечно, в определенном взаимодействии с административными рычагами) действенного автоматического механизма стимулирования инновационного процесса. При нынешнем заоблачном уровне прибыльности естественных и искусственных отечественных монополий у них в реальности нет или почти нет серьезной мотивации к модернизации старых, а тем более к строительству новых, технологически продвинутых производственных мощностей. Конечно, это, прежде всего, собственная политическая, экономическая и институциональная проблема России. Но сотрудничество и конкуренция с Западом как по импорту, так и по экспорту, а также поддержка и с той и с другой стороны притока прямого иностранного капитала, особенно в малый и средний бизнес, могли бы дать заметный дополнительный толчок переходу российской экономики к конкурентному рынку.

Запад мог бы сыграть важную роль в возрождении науки и образования России. Это, конечно, дело, прежде всего, самой России. Никакой модернизации страны и ее перехода к «экономике знаний» не может быть, если финансирование науки и образования из государственного бюджета по доле в его расходах не увеличится, по крайней мере, в два-три раза.

Частный капитал — особая статья: серьезно надеяться на его участие в решении российских общенациональных задач такого масштаба вряд ли можно раньше, чем через несколько десятилетий. Активный же академический — как исследовательский, так и образовательный — обмен между Западом и Россией может, как уже показывает накопленный опыт, развиваться не только на благотворительных принципах, но и на вполне коммерческих, взаимовыгодных основах. И особенно это важно для Евросоюза, который, продолжая отставать от США во многих ведущих областях очередной научно-технологической революции, имеет все шансы объединенными усилиями с Россией достичь их уровня в предстоящие десятилетия.

Исключительно важной проблемой в отношениях России с Евросоюзом являются интеграционные тенденции. Западноевропейская интеграция не только доказала свою высокую жизнеспособность, свой естественный, органичный характер, но и столкнулась с проблемой территориальных переделов. В реальности и сегодня, и на достаточно отдаленную перспективу стоит вопрос не о дальнейшем расширении ЕС, а в первую очередь о необходимости избежать его развала под влиянием чисто экономических, особенно валютно-финансовых причин.

В заключение еще раз о трудностях на пути к Большой Европе.

После распада СССР Евросоюз, действуя в кооперации с НАТО, не избежал искушения, не считаясь с интересами России, прибегнуть к стратегии экономического, политического и военного проталкивания своего влияния в восточном направлении. Вне зависимости от целей, которыми обосновывалась новая версия «похода на восток», такая политика не могла не породить недоразумений, а то и напряженности в отношениях между Россией и Евросоюзом.

В ряде стран европейского Запада действует антироссийское лобби. Его влияние усилилось после вхождения в Евросоюз ряда восточноевропейских государств, властвующая элита которых широко использует антироссийскую риторику ради демонстрации своей лояльности «атлантическому сообществу», точнее США, и НАТО. Цель этого лобби — закрепить в общественном сознании европейских стран негативное представление о России, об исходящей от нее опасности. Эта антироссийская деятельность не может не вносить элементы неустойчивости, недоверия, которые подогревает прорывающееся время от времени необъективное отношение Евросоюза к праву России на защиту своих национальных интересов.

В правящих кругах ЕС еще не преодолена сложившаяся в 90-е годы XX в., после распада Советского Союза система взглядов, согласно которой внешнеполитические потери России, понесенные ею в последние десятилетия, оценивают как естественную плату за столетия державной, имперской политики, а ослабление ее влияния на мировой арене — как своего рода возвращение к существованию в качестве обычного государства «второго эшелона». Соответственно, России предлагается переосмыслить свою стратегическую ориентацию на многовекторность, многополярность и на собственный, специфический путь. Естественно, что такой подход ЕС к России категорически неприемлем, как неприемлемо проведение в отношении ее политики разного рода экономических санкций.

Немалую роль играет и то, что уровень взаимоотношений ЕС и Российской Федерации во многом определяют наименее благожела-

тельно настроенные страны — участницы Евросоюза. Эти настроения могут иметь под собой разные основания — от исторически обусловленных до текущих коммерческих, от партийно-политических предпочтений до причин личного плана.

Между тем простая и не раз высказываемая и в России, и на Западе мысль о том, что интеграция, происходящая в постсоветском пространстве, и интеграция в уже сложившихся рамках Евросоюза объективно не только не противоречат и не противостоят друг другу, но могут (и должны) иметь общую конечную, хотя, безусловно, и неблизкую цель, получает сегодня достаточно широкое распространение. В самом деле, как можно по тем или иным произвольным причинам сбрасывать со счетов многовековые взаимные связи на постсоветском пространстве — цивилизационные, народнохозяйственные, культурные, да и просто человеческие, вошедшие в плоть и кровь соответствующих стран и народов? Тем более таких стран, которые и раньше, и теперь представляют собой, по существу, единый общий рынок, требующий только устранения отдельных барьеров и препятствий, мешающих его развитию?

Это и происходит уже, в частности, в пределах Таможенного союза Белоруссии, Казахстана и России, а в 2015 г. начнет действовать Евразийский экономический союз с присоединением к нему ряда других постсоветских государств.

Какие разумные, рациональные соображения могут быть выдвинуты против восстановления разрушенной за последнюю четверть века единой инфраструктуры этих стран — энергообеспечивающей, транспортной, образовательной, не говоря уже о сложившихся за долгие совместные годы кооперационных связях между предприятиями, а также, по сути, едином рынке рабочей силы? Очевидно, что создание Единого евразийского экономического пространства — это отнюдь не реанимация великодержавного российского колосса, а столь же естественный, сколь и органичный процесс, как и тот, что происходил и происходит в пределах Евросоюза.

Обобщая сказанное выше, есть все основания утверждать, что создание в перспективе общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока отнюдь не химера, а вполне реальная цель, если, конечно, исключить возможность возвращения к временам холодной войны или глобальной катастрофы. Но достижение этой цели требует не конфликта, не подрыва новых, нарождающихся конструктивных тенденций, а глубокого понимания сложившихся и вероятных реальностей.

Раздел I. ЕВРОПА В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Глава 1

ЕВРОПА: ПРОБЛЕМЫ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ*

Большая Европа — явление динамичное. Понимание путей ее развития, как и масштабов воздействия европейского опыта на народы за ее пределами, неоднократно менялось в силу ряда причин — исторических, экономических, социально-политических, духовных. Сравнивая модели и темпы развития европейских и других стран, следует учитывать воздействие разного рода обстоятельств. Не последнюю роль при этом играли (и продолжают играть) цивилизационные факторы.

Рассмотрим данный аспект подробнее.

В трактовке вопроса о происхождении и различии цивилизаций существуют разные точки зрения.

Некоторые западные авторы ищут их истоки в самых давних временах. Подобная точка зрения представлена, в частности, в работах английского историка Гордона Чайлда. Для него европейская цивилизация, к «основателям» которой он причисляет германцев, англосаксов, греков, римлян, славян, ирано-индийцев и др., — исторический продукт «единого древнего арийского корня», сохраняющий преемственность своих основных цивилизационных характеристик¹.

Другая точка зрения, которой придерживаются многие философы, историки и культурологи, предпочитает оперировать более конкретными категориями, различая старые и новые цивилизационные модели, учитывая степень стабильности (или нестабильности) локальных цивилизаций, стадии их развития, анализируя пути их взаимовлияния.

Немалое значение для понимания сущности европейской цивилизации, ее особенностей имеет и то, что смысл, вкладываемый в понятие «Европа», гораздо шире ее географических границ. Достижения

* Это последняя работа известного ученого, члена-корреспондента РАН *Тимура Тимофеевича Тимофеева*.

¹ *Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации / Пер. с англ. М.: Центрполиграф, 2010.*

европейской цивилизации породили всемирный резонанс. Как справедливо отмечал известный французский философ Эдгар Морэн, на протяжении многих столетий она находилась в центре исторических событий мировой значимости; от нее постоянно исходила очень интенсивная политическая, военная, экономическая, цивилизационно-культурная активность².

«Большая Европа», «европеизм», свобода, демократия, борьба за справедливость, права человека, другие лучшие европейские понятия и ценности давно перешагнули региональные рамки и тракуются гораздо шире пределов их историко-географического происхождения и первоначального распространения.

Созидательные связи

Проблема цивилизаций — это, прежде всего, проблема отношений между людьми. В основе созидательных контактов между ними лежат возникновение и мультипликация торговых связей — сначала на локальном, а затем на региональном и межнациональном уровнях, их последующая реализация в форме экономических соглашений и союзов. Параллельно с этим шло позитивное развитие культурных и образовательных контактов и взаимодействий, установление производственных и научно-технических связей. Распространенной формой взаимодействия стали совместные политические акции и участие в коалициях.

Одновременно, как это обычно бывает, выпукло проявилась и негативная сторона происходивших процессов: принуждение, насилие, агрессивные войны и порабощение с применением как грубой, так и «мягкой» силы. Закономерной реакцией на противоречия менявшегося мира была интенсификация поисков путей их урегулирования на основе диалога и компромисса, все более широкого развития сфер продуктивного, взаимопользующего общения.

² В то же время, как констатирует Э. Морэн, у части европейцев стал распространяться своеобразный «комплекс превосходства Европы» над другими цивилизациями. По мнению некоторых, отсталыми оказались не только неевропейские цивилизации, но неполноценными выглядели также неевропейские расы. Отсюда и вера европейцев в то, что на Европу возложена миссия — цивилизовать дикарей, варваров и примитивные народы. Получил распространение киплинговский миф о превосходстве белого человека, лучшими образцами которого изображали высоких блондинов типа арийцев. Такой расизм, по признанию автора, распространенный сначала среди англосаксов, а потом и среди германцев, наносил ощутимые удары по европейской солидарности, служил почвой для роста национализма (см.: *Morin E. European civilization // Globalization and civilization / Ed. by M. Mozaffari. L., N.Y.: Routledge, 2002. P. 129–130).*

Именно в этой сложной и противоречивой обстановке на протяжении длительного времени рождались и развивались многочисленные цивилизации как важные скрепы истории человечества.

Большинство известных цивилиографов XX–XXI вв., анализируя главные пути и направления междивизиационных связей, обычно подразделяют их на контакты в пространстве и во времени, что наглядно проявлялось, например, в эпоху Возрождения. Связи между цивилизациями, способы общения между ними, существуя в многообразных формах, развивались по разным направлениям.

Как метко и справедливо заметил в своем труде о коллективных судьбах и универсальных сдвигах в средиземноморских обществах знаменитый французский историк Ф. Бродель, надо в полной мере учитывать то, что в ходе развития всей совокупности «неизбежных связей между цивилизациями» большая часть заимствований осуществляется безвестными для историков участниками. «Этот невообразимый товаропоток, который никогда не стоит на месте, распадается на столь огромное число отдельных операций, молниеносных и затяжных, идущих во всех направлениях, что проследить за ними никак невозможно». При этом, однако, трудно отрицать, что «жизнь цивилизации немислима без обмена, без передачи и заимствования»³. Правда, великие цивилизации, как уточняли в то же время Ф. Бродель и его коллеги, не в меньшей степени признают и то, что они иной раз отказывались присоединиться к выбору, не поддаваясь навязываемым им ценностям.

Европейская цивилизация развивалась и обогащалась вследствие совокупного действия многих обстоятельств, благодаря стечению разных объективных и субъективных факторов. В свое время растущее значение приобрели взаимные воздействия, взаимопроникновение классического и «варварского» миров, закрепленные возникновением и распространением христианства. В дальнейшем в Европе происходило немало расколов, бунтов, экспансий, трансформаций, дроблений. В результате сложилось то разнообразие и плюрализм, которые и сегодня проявляются на нашем континенте.

В то же время еще в первой половине XIX в. Франсуа Гизо обращал внимание на то, что во многом «в цивилизации различных европейских государств обнаруживается некоторое единство; что, несмотря на большие различия во времени и в самом ходе, оно обуславливается фактами почти однородными, находится в связи с одними и теми же

³ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. Ч. 2. Коллективные судьбы и универсальные сдвиги / Пер. с фр. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 18, 594, 597–598.

основными началами и стремится к одним и тем же результатам». При этом, подчеркивал он, многовековая «европейская цивилизация... постоянно прогрессирует». Здесь наличие тех или иных элементов общественного устройства, различные начала «вынуждены были волей-неволей существовать совместно и примирались путем компромиссов. Каждое из них ограничивалось той ролью в ходе развития, которая приходилась ему по праву, тогда как в других странах господство одного начала порождало тиранию; в Европе результатом разнообразия и постоянной борьбы элементов цивилизации явилась свобода»⁴. Фокусом европейской цивилизации, сосредоточением ее успехов и противоречий Ф. Гизо во многом считал Францию.

Не будем, однако, абсолютизировать значение названного обстоятельства. Далеко не все громко рекламируемые аспекты французского опыта беспрепятственно находили практическую реализацию. Вспомним о знаменитом лозунге «Свобода, равенство, братство!», прозвучавшем в конце XVIII в. в годы Великой французской революции. Сколько мук, кровавых жертв, тягот, страданий перенесли миллионы людей на нелегком и сложном пути к его осуществлению.

Цивилизационные ценности и общности, постепенно формировавшиеся в Европе, стали, как известно, осмысляться не сразу. На ранних фазах европейской истории речь шла, скорее, о сумме отдельных, территориально и «ментально» разрозненных племен, городов и стран. В данной связи многие полагали, что европейская история должна в первую очередь заниматься пережитым отдельными обществами в каждую из эпох прошлого Европы. Но уже начиная с поздней античности, европейская история перестает быть набором разрозненных событий, приобретая черты и общего целого.

Соглашаясь в принципе с таким выводом, профессор Лондонского университета Норман Дэвис, автор объемистого труда «История Европы», изданного на рубеже XX–XXI вв., тем не менее не без оснований отмечал, что многообразие обнаруживается в самых разных реакциях европейцев на происходившие события. Неиссякаемо также разнообразие национальных государств и культур в рамках европейской цивилизации. Гизо был далеко не единственным, кто считал «разнообразие главной чертой Европы, но провозгласил это первым»⁵.

К наиболее давним, широко распространенным способам общения между людьми, а следовательно, и между европейцами и их со-

⁴ Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с фр. М.: Территория будущего, 2007. С. 16, 44–45.

⁵ Дэвис Н. История Европы / Пер. с англ. М.: Транзиткнига, АСТ, 2004. С. 12.

седами относились, как уже отмечалось выше, торговые отношения и взаимодействия. Вместе с тем эти отношения, как и другие факторы, способствовали неравномерному распределению выгод и тягот от цивилизационных обменов между племенами, народностями и нациями.

Рассматривая влияние природных (географических) факторов на развитие обществ, ряд исследователей выделяет несколько последовательных фаз. *Во-первых*, это речная фаза — колыбель общностей, зародившихся на берегах великих рек. *Во-вторых*, морская (средиземноморская) фаза цивилизационного становления, утвердившегося на побережье обширного внутреннего морского бассейна, расположенного между Европой, Африкой и Азией⁶; очагами цивилизации, носившей явно выраженный средиземноморский характер, были Карфаген, а также поселения в Провансе и на Иберийском полуострове⁷. *В-третьих*, океаническая фаза⁸, представленная новой цивилизацией, просуществовавшей до нашего времени. Представление о последней использовалось (и используется до сих пор) в качестве основы для интенсивной разработки разнообразных форм военно-политических, гуманитарных, других контактов и делового сотрудничества между государствами, расположенными по обе стороны Атлантического океана.

Со временем все более широкое распространение получает комплексный подход к рассмотрению многообразных взаимовлияний разных народов.

Социокультурные измерения

Во всемирной, в том числе в европейской истории, обычно выделяется несколько важнейших крупных периодов, отличавшихся специфической динамикой межкультурных и иных взаимодействий, которые оказывали влияние сверх границ обществ и культурных ареалов.

Так, наследие античного мира, в том числе высшие достижения эллинистической и римской цивилизаций дали очень многое современной культуре. Речь в данном случае идет не только о последствиях междивилизационных контактов в торгово-экономической сфере между городами и областями в бассейне Эгейского моря, но и о значительном вкладе эгейского общества, его жителей в развитие последу-

⁶ Большую роль здесь играли финикийцы, которые еще до начала нашей эры основали целый ряд городов на берегах Средиземного моря.

⁷ Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. Географическая теория прогресса и социального развития. М., 1924. С. 134–136.

⁸ Там же. С. 139–141.

ющей европейской и мировой культуры. Правы, пожалуй, те исследователи, которые, ссылаясь, в частности, на результаты расшифровки надписей на глиняных табличках, относящихся еще ко второму тысячелетию до нашей эры, считают, что «жители эгейских областей дали первые образцы письменности, донесшей до нас догомеровский греческий язык». Фресковая живопись того времени имела широкое «распространение в античном искусстве, а затем в монументальной живописи Средневековья (в Византии, в Древней Руси, в Болгарии, во Франции и в других странах) и в эпоху Возрождения. Многие строительные приемы и архитектурные формы, применявшиеся носителями эгейской культуры, получили позднее, в классическую эпоху, широкое развитие»⁹.

Что касается политической жизни Европы, то здесь со временем все заметнее возрастала роль культуры маневрирования и компромиссов. При этом нередко утверждались специфические подходы, стимулировавшие прогресс межцивилизационных отношений.

В ряде случаев, как отмечают, в частности, исследователи, принадлежащие к знаменитой французской исторической школе «Анналов», упор в основном делался на доминирующее значение культурных и научно-технических контактов. При этом, с одной стороны, каждая цивилизация обычно привязывалась к определенному географическому пространству с более или менее стабильными границами, а с другой — различные культурные пространства влияли друг на друга. «Каждая цивилизация экспортирует и импортирует культурные ценности, — отмечал в этой связи Ф. Бродель. — Никакая культурная граница не является закрытой, непроницаемой». И вообще, фиксированность пространства и их границ «не исключает их прозрачности для постоянно перемещающихся через эти границы культурных ценностей». Развивая эту мысль, Ф. Бродель и его коллеги неоднократно отмечали, что именно в многоцветной Европе со всей очевидностью развивались процессы их «цивилизационной, культурной конвергенции»¹⁰.

Большой вклад в рассмотрение этого аспекта внесла немецкий исследователь, профессор Ю. Шеррер. Рассматривая базовые «культурологические парадигмы», она относила к ним несколько «культурологических методов», включая социологический, структурно-функциональный, эволюционный и компаративный. Подобно другим

⁹ См. подробнее: *Златковская Т. У истоков европейской культуры*. М.: Наука, 1961. С. 4.

¹⁰ *Бродель Ф. Грамматика цивилизаций* / Пер. с фр. М.: Весь Мир, 2008. С. 41–42, 311. См. также об этом в публикациях историков Л. Февра, М. Блока и др.

своим соотечественникам, она не проводила строгих различий между «культурной идентичностью» и цивилизационной принадлежностью¹¹.

Можно только согласиться с мнением тех, кто относит культуру к наилучшим способам межцивилизационного диалога. Ведь она олицетворяет столь характерную для европейской цивилизации тягу к общению, реализуя к тому же ее историческую преемственность.

Особое значение приобретают в рассматриваемой связи межцивилизационные контакты. Известный многолетний сотрудник парижской штаб-квартиры ЮНЕСКО, один из руководителей международного проекта «Интегральное исследование Шелкового пути», японский профессор Э. Хаттори подчеркивает: «Культуры испокон веков взаимообогащаются в ходе диалога. В результате создаются новые и оживают старые традиции... Если размышлять о современной Франции как о культурном явлении, необходимо осознать, что французская культура не осталась неизменной со времен древней Галлии. Со временем любая культура меняется. Благодаря своему географическому положению французская культура на протяжении многих веков сталкивалась с другими, что привело к их особому синтезу»¹².

Многие цивилиграфы придают большое значение формам «встреч» цивилизаций, «способам их общения» в прошлом и настоящем. Активно работает в этом направлении японский профессор Шунтаро Ито — почетный президент Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций. Он, как и ряд его единомышленников, считает, что во многих цивилизационных теориях чрезмерное значение придается вертикальному рассмотрению цивилизаций. Между тем по его мнению, надлежит, прежде всего, анализировать горизонтальные измерения «межцивилизационных сфер». Именно это позволит прояснить значение нынешних глобальных связей цивилизаций. В ходе цивилизационных трансформаций, подчеркивает он, складываются разные области и формы взаимовлияния разных культур.

Исследуя развитие «межцивилизационных сфер» (МЦС) на протяжении всей истории, Ш. Ито установил, что их взаимное влияние

¹¹ Scherrer J. Kulturologie. Russland auf der Suche nach einer zivilisationichen Identität. Göttingen, 2003. (Критический обзор данной публикации см., например: Морозов Ф. Культурологическая парадигма в интерпретации Ю. Шеррер // Международный альманах «Синтез-цивилизации и культуры». Вып. II. М., 2004. С. 414, 423.)

¹² Хаттори Э. Размышления на перекрестках цивилизаций (полный текст см.: Hattori E. Letters from Silk Roads: Thinking at the Crossroads of Civilization. N.Y., Oxford: Lanham, 2000).

можно зафиксировать уже на самых ранних этапах. Так, вполне очевидно воздействие месопотамской цивилизации на индуистскую и на египетскую, а последней — на общины Эгейских островов, включая и остров Крит. Весьма развитые формы были характерны для «греко-сирийских МЦС», «греко-римских МЦС», «греко-персидских МЦС». Особую роль, на его взгляд, сыграли «МЦС Шелкового пути», соединившего в свое время персидскую, а затем арабскую и европейскую, цивилизации с китайской. Ито напоминает также о других конкретных межцивилизационных связях: китайско-японских, трансатлантических, об отношениях между арабским миром и Черной Африкой, что вело к исламизации последней, и т.д.

Взаимные культурные обмены способствовали прогрессу цивилизаций. Вместе с тем сохранение и развитие культурного многообразия, в конечном счете, способствовало совершенствованию всего глобального сообщества.

Роль конкуренции и волновое развитие

К числу краеугольных камней становления и развития цивилизаций многие, особенно либеральные авторы, относят, прежде всего, конкуренцию. Ее развитие, по их представлению, требовало децентрализации как в политике, так и в экономической жизни. В свою очередь конкуренция послужила стимулом для возникновения национальных государств и капитализма.

Важным фактором становления конкуренции стало все более широкое использование достижений науки, поскольку они обеспечивали странам Запада, помимо всего прочего, военные преимущества над цивилизациями, сложившимися в других частях мира. Свою роль при этом сыграло установление незыблемых прав собственности, позволивших утвердить верховенство закона, обеспечить защиту частных собственников и создать систему разрешения споров между ними как основу сравнительно устойчивых форм правления.

Впоследствии возникла и получила широкое хождение концепция «потребительского общества», ориентирующая на такой способ материальной жизни, при котором центральная экономическая роль отводится производству и приобретению потребительских товаров. Это, помимо всего прочего, послужило, как полагают адепты данной концепции, устойчивой базой, обеспечившей успехи промышленной революции. Возросла также значимость соответствующей трудовой этики как необходимой моральной основы, освященной принципами

христианского протестантизма¹³. Все это, так или иначе, позволило жителям Европы, научившимся, сочетая экстенсивный и интенсивный труд, развивать необходимые условия для «устойчивого накопления капитала», стать первыми среди народов мира.

Но создание таких условий, добавим мы, само по себе отнюдь не всегда гарантировало непрерывный экономический рост. Нельзя абстрагироваться от таких факторов, как периодические колебания мировой торговой конъюнктуры, регулярные экономические флуктуации, последствия войн, экологических бедствий, социально-политических, демографических и других кризисных ситуаций.

Кризисы разного типа систематически сказывались на многих аспектах европейской жизни. А это побуждало экономистов, социологов и историков уделять немалое внимание как особенностям сравнительно краткосрочных либо среднесрочных циклов и характерных для них кризисных феноменов (например, так называемым десятилетним «циклом Жюнглара» или четырехлетним «циклом Китчэна»), так и гораздо более долговременным кризисам и циклам.

Французские и британские авторы выделяли — применительно к европейской средневековой и последующей истории — несколько крупных («вековых» и более длительных) циклов социально-экономического развития: 1250–1507 гг.; 1510–1733 гг.; 1743 (1817) — 1896 гг.; 1896–1974 гг. и т.д. Первая и последняя даты каждого из них фиксировали начало подъема и окончание спада; промежуточная дата в скобках отмечала кульминационный момент, когда тенденция начинала обратное движение¹⁴.

Интенсивное изучение волнообразного развития предполагало должный учет не только экономических циклов, но и эволюции политических идей и движений, государственных институтов, организаций гражданского общества¹⁵. Подобные исследования способствовали

¹³ Ferguson N. Civilization. L.: Penguin Books, 2012. P. 305–306.

¹⁴ Бродель Ф. Вековая тенденция // Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. С. 73–84. См. также: Cameron R. The Logistics of European Economic Growth: A note on Historical Periodization // Journal of European Economic History. 1973. Vol. II. No1; Civilization and World Systems: Studying World-historical Change / Ed. by S. Sanderson. Walnut Creek, CA: Altamira Press, 1995.

¹⁵ Эта проблематика интенсивно исследуется и обсуждается политологами, философами, социологами. См., например: Кантор К. Дезинтеграционно-интеграционная спираль всемирной истории // Вопросы философии». 1997. № 3; Коукер К. Сумерки Запада. М.: МШПИ, 2000; Лапкин В. Циклы, ритмы, волны: проблемы моделирования политического развития // Полис. 2002. № 4.

изучению актуальной проблематики по нескольким важным направлениям, стимулировали переосмысление уроков глубоких экономических потрясений и преобразований структуры государственных институтов. Больше внимание стало уделяться расширению и видоизменению социально-экономической роли государства, оказавшегося перед лицом нарастающих массовых социальных движений. Заметный вклад в систематическое изучение этой проблематики внесли в XIX—XX вв. такие европейские авторы, как Л. фон Штейн, В. Зомбарт, Э. Лабрусс, Э. Дюркгейм, Р. Дарендорф и др.¹⁶

Лучшему пониманию происходившего способствовал должный учет более долговременных процессов, ведущих к структурным научно-техническим сдвигам. Больше внимание было уделено новым стратификационным процессам на рынках труда — возрастанию количества и удельного веса высококвалифицированных отрядов наемных работников, занятых не только физическим, но и нефизическим трудом. Тем самым становились неизбежными новые формы взаимоотношений труда и капитала.

Социальные противоречия

Важным проявлением сдвигов, происходивших в европейских странах по мере усиления социально-экономической конфликтности, стали изменения в трактовке проблем управления общественным развитием: от ранних версий либерализма к использованию новых форм государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и роста в ней значимости «публичного сектора». Отсюда богатый, хотя и неоднозначный опыт кейнсианских, а затем — некейнсианских¹⁷ (или подобных им) методов социально-экономического регулирования.

Новые подходы позволили успешнее развивать сравнительный анализ цивилизаций. Серьезному продвижению в данной области, особенно на рубеже XX и XXI вв., в значительной мере способствовали работы таких исследователей, как Ш. Эйзенштадт, Ч. Тилли, У. Бледсо, М. Мелко. Они не только обратили внимание на появление

¹⁶ Von Stein L. The History of the Social Movement in France, 1789–1850 / Intr., ed. and translated by K. Mengelberg. Totowa, NJ, 1964. P. 467; Sombart W. Der Modern Kapitalismus. B. I–III. Leipzig, 1902; Durkheim E. Division of Labor in Society; Dahrendorf R. On the Origin of Inequality among Men // Social Inequality. N.Y., 1969. P. 16–42.

¹⁷ Об этом, в частности, см.: Скидельски Р. Кейнс: Возвращение Мастера. Гл. 7, 8 / Пер. с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2011; Валлерстайн И. После либерализма / Пер. с англ. М.: Едиториал, 2003.

новых типов социальных и политических движений, организаций, но и стремились способствовать структурированию конкретных социально-экономических интересов, которые, наряду с порождаемыми ими конфликтами, придавали соответствующим событиям революционный или, напротив, консервативно-репрессивный характер.

Подобный подход оказался по-своему продуктивным применительно к анализу как ранних буржуазных: нидерландской, английской и американской революций, так и Великой французской революции конца XVIII в., а затем — и русских, китайской и других революций XX столетия¹⁸.

При их изучении стало значительно лучше осуществляться сопоставление разных типов внутренней напряженности, многообразных форм социальных взрывов, их ближайших и более отдаленных цивилизационных последствий. Наряду с выявлением важнейших экономических, социально-политических и духовных противоречий предреволюционных и революционных обществ, учитывалась возросшая роль массовых акций солидарности. Напомним, что данной проблематике было уделено немало внимания на страницах коллективных монографий, созданных учеными Института международного рабочего движения (ИМРД) и других институтов АН СССР, в том числе в 8-томном труде «Международное рабочее движение: вопросы истории и теории», отразившем итоги научных исследований на рубеже XX—XXI столетий.

Выступая за непредвзятый, объективный подход к традициям социальной борьбы, в том числе за использование накопленного в этой области опыта, крайне важно предостеречь от принижения, а тем более игнорирования его основных как позитивных, так и негативных уроков.

Роль массовых выступлений, сопровождавшихся столкновением разных идейно-политических сил в общественном развитии, по-своему подтверждают, например, следующие сводные данные. В целом за пять столетий, с XV по XX в., в Европе состоялось свыше 700 крупных социальных потрясений и войн. В одной только Франции между 1548 и 1944 гг. возникло более четырех десятков различных революционных ситуаций, включая религиозные конфликты. А на Иберийском полуострове — в Испании и Португалии — число таких ситуаций, войн и других крупных конфликтов за тот же период превысило шестьдесят¹⁹.

¹⁸ *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / Пер. с англ. М.: Аспект-Пресс, 1999. С. 23–49, 270–276 и др.

¹⁹ *Tilly Ch.* European Revolutions, 1492–1992. Oxford: Blackwell, 1993. P. 102–103, 146–147 (242–248).

Вопросы соотношения различных форм коллективных действий, многообразные аспекты этой проблематики рассматриваются в ряде работ известных исследователей²⁰, в том числе в трудах, посвященных урокам двух мировых войн, начинавшихся в Европе в XX в., и другим крупным межгосударственным столкновениям. При этом повысилось внимание к деятельности в этой сфере международных объединений и национальных организаций разных ориентаций, к анализу степени влияния их сторонников и результативности их действий.

На рубеже прошлого и нынешнего веков стало все чаще проявляться стремление к тому, чтобы минимизировать в новых условиях использование наиболее грубых форм военно-политического насилия²¹. Обратили на себя внимание, наряду с другими, работы Р. Купманса, К. Колдуэлла, Ч. Тилли и других западных авторов, посвященные последствиям конфликтов, росту антииммигрантских настроений, которые возникали и возникают на почве национально-этнической розни, межконфессиональной нетерпимости, тех или иных форм расистской ксенофобии²².

Заметно возрос интерес в разных регионах мира к интерпретациям понятия социальной справедливости с учетом отношения к нему различных слоев населения. Эта проблематика давно закономерно находится в фокусе как научного, так и социально-политического дискурса. В Европе, как известно, под знаменами борьбы с неравенством и несправедливостями выступали многие поколения участников социальных движений. Ее содержание и конкретные формы видоизменялись, но сама борьба вокруг принципов и требований справедливости продолжала развиваться.

Симптоматично, что в последние годы она стала привлекать к себе все большее международное внимание. Появился ряд трудов известных экономистов, социологов, историков (например, У. Томпсона,

²⁰ См., например: *Chesnais J.-Cl. Histoire de la violence en Occident de 1800 an à nos jours.* Paris, 1981; *Handbook of Datasets on Crises and Wars, 1495–1988 // Journal of Interdisciplinary History.* Boulder, CO. 1991. P. 21, 603–633.

²¹ *Kaldor M. New and Old Wars. Organised Violence in a Global Era /* Redwood City, CA: Stanford Univ. Press, 1999; *Humanitarian Intervention / Council on Foreign Relations.* N.Y., 2000, P. 94.

²² См. об этом, в частности, в публикациях: *Caldwell Ch. Reflections on the Revolution in Europe. Immigration, Islam and the West.* L.: Penguin Books, 2010. Ch. 1, 7; *Gurr T. Minorities at Risk. A Global View of Ethnopolitical Conflicts /* Institute of Peace Press. 2000; *Koopmans R. Explaining the Rise of Racist and Extreme Right Violence in Western Europe // European Journal of Political Research.* 1996. № 30. P. 185–216; *Tilly Ch. Violent and Nonviolent Trajectories in Contentions Politics. Idem. State-Incited Violence // Political Power and Social Theory.* 1995. № 9. P. 161–225.

Э. Хобсбаума, А. Сена и др.), которые нацелены также на уточнение объективных показателей динамики «человеческого капитала». Соответствующие интернациональные сопоставления стали использоваться специализированными ведомствами ООН при подготовке ими регулярно издаваемых аналитических материалов, посвященных мировому развитию и динамике «человеческого развития»²³. Все чаще стало проявляться стремление к тому, чтобы в большей мере увязывать друг с другом решения соответствующих национальных и интернациональных проблем.

Нельзя не констатировать и то, что значимость глобальной тематики повсеместно повышается. Это обусловлено рядом объективных факторов, в том числе и в немалой степени тенденцией, ведущей, в конечном счете, к формированию общепланетарной цивилизации.

Отсюда и новые возможности появления, в том числе в Европе, все более широких политических и цивилизационных коалиций. Такие процессы могут, разумеется, быть стимулированы усилением связей, продуктивных взаимодействий, реального партнерства европейской и других цивилизационных общностей.

К вопросу о перспективах

Европа и мир пребывают сейчас на переломе. Это во многом обусловлено особенностями созревания нового типа цивилизационного развития. Отсюда заметное повышение значимости глобальных проблем — демографических, финансово-экономических, энерго-экологических. Возросшая мировая цивилизационная «кризисогенность» обостряет трудности и опасности, порождаемые рисками новой нестабильности, затрудняющими управляемость на национальных и региональных уровнях и в различных сферах международных отношений.

Это признается сейчас многими, в том числе европейцами. Не случайно немалое число политических и государственных деятелей в Евро-

²³ См., например: Справедливость и развитие. Доклад о мировом развитии. 2006. М.: Весь Мир, 2006. С. 4–7, 17–21, 51–71 и др.; Miller D. Justice and Global Inequality // Inequality, Globalization, and World Politics / Ed. by A. Hurrell and N. Woods. Oxford, 1999; Thompson W. The Left in History. L., 1997; ряд других публикаций о новейшей эволюции международных дебатов по вопросам социальной справедливости: Алексеева Т. Справедливость как политическая концепция: Очерк современных западных дискуссий. М.: МОНФ, 2001; Гаврилова И. Современные теории социальной справедливости // Политика. 2009. № 1. С. 182–189.

пе настойчиво призывает общественность поддержать идею коренного пересмотра подхода к современным цивилизационным приоритетам.

«*Изменить цивилизацию*» — так именуется, например, изданный в Париже коллективный труд группы видных ученых и общественных деятелей европейских стран. Авторы этой книги (большинство из них разделяет социал-реформистские убеждения) считают, в частности, что главным приоритетом новой цивилизации должно стать усиление того, что они называют «экологической конверсией». Разъясняя суть этого понятия, ответственный редактор книги, видная деятельница Социалистической партии Франции Мартина Обри провозглашает: «Мы меняем цивилизацию... Экологические потрясения требуют существенного пересмотра взглядов в деле защиты нашей планеты... Пора покончить с накопившимися в мире злоупотреблениями со стороны, с наглостью заевшихся элит, а также с тупиком всемирного экологического регулирования»²⁴.

Опасная турбулентность в природе и обществе, казалось бы, требует от людей повышения уровня толерантности и взаимопонимания, сплочения и сотрудничества между индивидами, народами и цивилизациями. Между тем то там, то тут растут ядовитые сорняки недоверия, разобщения, озлобленности. Ухудшаются национально-этнические и социальные отношения, усиливается кризис мультикультурализма.

Соответственно, активизируются поиски адекватного ответа на наметившиеся опасные угрозы и вызовы. Можно ли найти решения возникших проблем? По всей вероятности — да. Но для этого мало простой констатации их наличия. Необходимы также меры по становлению и развитию реального межнационального и межцивилизационного партнерства, укреплению конструктивного сотрудничества людей, культур, цивилизаций. А для этого требуются добрая воля, решимость и умение на практике добиваться целей.

Размышляющие о будущем Большой Европы нередко высказывают неоднозначные суждения. Различаются и представления о возможных сценариях развития. Обычно их рассмотрение увязывается не только с региональными событиями, но и с глобальными переменами цивилизационного плана.

Так, многие современные европейские ученые, в их числе французские исследователи Эдгар Морэн, Морис Эмар, Мишель Вевьерка и некоторые другие, оценивают нынешнюю фазу всемирной истории как очередную глобальный кризис цивилизации. Близкие им взгляды

²⁴ Aubry M., avec 50 chercheurs et citoyens. Pour changer de civilization. Paris: O. Jacob, 2011. P. 7–38, 418.

высказывают британские политологи Дэвид Хелд и Кевин Юнг. Осмысливая долговременные последствия системного кризиса и концентрируя внимание на возросших «глобальных рисках управляемости», они приходят к выводу, что эти риски не только нависают над системой глобальной финансовой устойчивости, но и создают серьезную угрозу сфере безопасности и структурам управляемости глобальной окружающей средой²⁵.

При всем этом в ряде высказываемых ныне соображений о будущем Европы, точнее Евросоюза, проявляются более или менее оптимистические оценки и прогнозы. Это может показаться мало обоснованным. Ведь в ряде стран — членов ЕС зримо растет число так называемых «евроскептиков». Множатся их ряды и на верхних этажах властвующей элиты. Это еще раз вроде бы наглядно продемонстрировали и вызвавшая скандальные отклики резкая речь британского премьера Д. Кэмерона, произнесенная им в начале 2013 г. в Давосе, и новые признаки обострения разногласий в среде правоцентристов в Италии и Испании, и продолжающееся углубление кризисного развития в Греции и Португалии и т.д.

И все же не следует очертя голову кидаться в крайности. Вряд ли уместно — при всех сегодняшних трудностях ряда европейских стран и Евросоюза в целом — перечеркивать их богатейший созидательный опыт и роль их немало творческого потенциала.

Обратимся, для примера, к тем колоссальным новым возможностям, которые открываются теперь в связи с реализацией перспективных программ и проектов, отражающих новейший этап индустриальной революции²⁶. А ведь она, кроме всего прочего, дополнительно создает благоприятную почву для углубления диалога и партнерства цивилизаций, для расширения возможностей формирования более широких коалиций между странами и народами.

Значительный интерес представляют идеи, предполагающие качественное наращивание совместных усилий по сближению разных европейских и других культурно-цивилизационных ценностей. Число их сторонников возрастает. Сможет ли это движение набрать достаточные силы? Сумеет ли оно превратиться в перспективе в некое подобие

²⁵ *Held D., Young K. Governance of Global Risks — in Finance, Security, and the Environment // The Deepening Crisis: The Governance Challenges After Neoliberalism. N.Y., 2011. P. 19–20.*

²⁶ См. об этом: *Rifkin J. The Third Industrial Revolution: How Lateral Power is Transforming Energy, the Economy, and the World. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2011, P. 36–38.* О том же см. в специальном докладе на указанную тему: *The Third Industrial Revolution. L.: Economist, 2012.*

межгосударственного ценностного «партнерства» или, более того, во всемирную конфедерацию цивилизационных сообществ, естественно, засвидетельствует лишь будущее. Но надеяться на это совсем не лишнее. Во всяком случае, приостанавливать конструктивные поиски в этом направлении не стоит. Здесь всегда должно оставаться место для полезных творческих инициатив.

Европа, накопившая немалый опыт цивилизационных взаимодействий, нуждается в дальнейшем расширении их диапазона, в продуктивной международной кооперации.

Рассматривая эту проблему применительно к отношениям между Евросоюзом и Россией, необходимо исходить из комплексного подхода, иными словами, не только из «ново-евразийских» или же, напротив, «европеистских» ориентаций, но и из более широкого, глобального контекста. Отсюда правомерность поисков путей «синтеза», осуществляемого в тех или иных формах, активизации многовекторного внешнеполитического курса.

* * *

Предстоящие десятилетия XXI в., судя по всему, во многом будут принципиально отличаться от предыдущих исторических эпох. Это относится также к европейским перспективам.

Напомним, что XX в. выделялся — в том, что касалось Европы, — высочайшим уровнем военно-политической конфликтности. Именно здесь, как уже отмечалось, начинались события, обернувшиеся развязыванием двух самых кровавых, разрушительных мировых войн. Вместе с тем поучительные уроки прошлого не прошли для нее даром. Антивоенные настроения и установки стали неотъемлемой составной частью общественного сознания европейских народов. С этим не могут не считаться и верхи европейской властвующей элиты.

Немалую роль в современной истории играют сейчас — и тем более будут играть потом — рассмотренные выше последствия новой фазы общепланетарного прогресса. К характерным для нее отличительным чертам относятся, прежде всего, глобальные вызовы, создающие серьезнейшие угрозы безопасности народов. Отсюда растущие призывы научиться совмещать традиционную для европейских ценностей приверженность к индивидуальным свободам с осознанием коллективной ответственности за судьбы природы и общества.

Насколько реально в этом смысле формирование нового глобального сознания? По мнению ряда современных мыслителей, оно не только возможно, но и неотвратимо. В меняющихся условиях множат-

ся ростки нового глобального этоса. Свойственные ему нормы поведения во все большей степени характеризуются освобождением от исходных религиозно-мировоззренческих мотивов и в какой-то мере от прежних идейно-политических контекстов. Ведь опыт общественного развития есть, помимо всего прочего, также опыт взаимодействий и сотрудничества «людей разных верований и убеждений»²⁷. Это обуславливает необходимость и возможности сочетания новых подходов, возникновения новых союзов и коалиций.

На новом витке глобального цивилизационного кризиса вполне естественны и, более того, неизбежны новые разумные инициативы и общие поиски выхода из, казалось бы, тупиковых, кризисных ситуаций. Это объективно назревшая альтернатива, которая должна прийти на смену опасностям, порождаемым обществами риска. Произойдет ли это, покажет ближайшее будущее.

²⁷ Гусейнов А. Возможно ли глобальное общество без глобального этоса? // Философия — мысль и поступок. СПб., 2012. С. 640.

Глава 2

СТАНОВЛЕНИЕ ЕВРОПЫ КАК МАСТЕРСКОЙ МИРА

Своеобразие нынешней европейской экономики, а также современных моделей хозяйственного механизма и социально-политического устройства европейских государств во многом отражает исторические условия их становления. Ключ к пониманию эволюции положения Европы в мировом хозяйстве дает анализ особенностей зарождения капиталистического способа производства в регионе, в том числе выявление генезиса и причин длительной роли Европы (и, прежде всего, ее западной части) как мастерской мира.

Понятие «мастерская мира» и его эволюция

Под мастерскими мира следует понимать отдельные, по преимуществу передовые высокоразвитые страны или группы экономически тесно связанных государств мирового авангарда, как правило, входящих в региональные (интеграционные) объединения и выступающих на мировых рынках не только как самостоятельные хозяйственные субъекты, но и как единая сила. Ключевой признак принадлежности к мастерским мира — обладание доминантными позициями в мировой экономике в целом либо в определенных регионах, а также в отдельных ее сферах (в промышленности, финансах).

Это центры мирохозяйственных связей и полюса экономического притяжения, по отношению к которым остальной мир занимает зависимое положение. Страны-мастерские мира находятся на более высоких уровнях экономического развития по сравнению с другими государствами и нередко характеризуются более высокими технологическими укладами. В этом качестве они представляют собой ядра международного разделения труда, определяющие характер и формы международной специализации и кооперации производства. Иными

словами, между мастерскими мира и странами, находящимися за их пределами, но в сферах их влияния, складываются отношения, которые можно охарактеризовать как асимметричная взаимозависимость.

Приобретение той или иной страной или группой стран статуса мастерской мира является непосредственным результатом совокупного влияния преимуществ их экономики (эффективности производства, прежде всего производительности труда, высокой конкурентоспособности, своевременного и полного учета преимуществ участия в международном разделении труда). В прошлом этого статуса более развитые страны добивались и путем внеэкономического воздействия, используя как военную силу, так и различные формы политической экспансии.

И. Валлерстайн ввел в оборот определение стран-гегемонов, которые «на какой-то период могли определять условия игры для всей межгосударственной системы, господствовали в микроэкономике, лидировали в производстве, торговле и финансах, добивались удобных им политических решений с минимальным привлечением военной силы, хотя в военном плане они были сильны, вырабатывали культурный лексикон, которым пользовался весь мир»¹. Впрочем, как справедливо пишет российский исследователь истории Британской империи В. Соколов, представление о лидерстве какой-либо страны во всех перечисленных зонах выглядит упрощенным². В одних сферах экономики может доминировать одна страна, в других — другая.

Отношения между мастерскими мира и остальным миром вписываются в модель экономические «центр — полупериферия — периферия»³, задающую общие рамки, в которых взаимодействуют общества, находящиеся на различных уровнях экономического, технического и политического развития. Государства или регионы, формирующие мастерские мира, контролируют наиболее передовые технологии и производственные процессы, владеют более совершенными формами организации труда. Другие страны по большей части представляют собой среду их распространения. Впрочем, существует немало примеров того, как периферия, получив от центра необходимые средства и компетенции, в конечном итоге сама становится мастер-

¹ Валлерстайн И. Миросистемный анализ: введение. М.: Территория будущего, 2006. С. 116.

² Соколов В. Британская империя как геоэкономическая система (1603–1972). М.: Экономика, 2012. С. 25.

³ В классическом виде эта модель разработана Джоном Фридманом в 1966 г. в книге «Политика регионального развития: опыт Венесуэлы» (*Friedmann J. Regional Development Policy: A Case Study of Venezuela*. Cambridge, MA: MIT Press, 1966. P. 279).

ской мира. Так произошло, например, с британскими переселенческими колониями в Америке.

В основе формирования мастерских мира лежит неравномерность экономического, технологического и социального развития, в результате которой происходит смена центров экономической мощи и политического влияния.

В этой связи центральное место в анализе возникновения мастерских мира занимают оценка соотношения экономических (технологических) и социально-политических факторов развития, их взаимодействия, ответ на вопрос: какие из этих факторов имеют наибольший вес в действии механизма неравномерности, играют определяющую роль в экономическом прогрессе.

Базисом ускоренного развития хозяйства одних стран по сравнению с другими, полагают одни, являются особенности их экономики: темпы накопления физического и человеческого капитала, а также эффективность их использования, характер отраслевой структуры хозяйств и темпы их модернизации, специфика участия стран в международном разделении труда. В центре исследований экономистов, придерживающихся этого мнения, — анализ хозяйственных аспектов развития. Другие считают причинами неравномерности особенности институциональной среды, которые, в свою очередь, порождены целым комплексом условий исторического развития: цивилизационных, политических, правовых, социально-психологических, идейно-культурных, демографических. Нередко эти факторы противопоставляют друг другу. В действительности, как показывает исторический опыт, они тесно переплетаются и взаимодействуют в процессе экономического развития⁴ и в конечном итоге определяют генезис и становление такого феномена, как мастерская мира.

По мере усложнения экономики, изменений в ее отраслевой и институциональной структуре, углубления международного разделения труда и нарастания процессов интернационализации изменялось и содержание понятия «мастерская мира». Оно во многом определялось

⁴ Польский экономист Гжегож В. Колодко пишет: «Долгосрочное экономическое развитие имело место, когда наблюдалось совпадение пяти моментов: 1) технический прогресс; 2) преобладание критического мышления и инновационности над догматизмом в сфере культуры и экономики; 3) экономическое знание и способности организовать расширение производства; 4) политическая воля правителей произвести необходимые институциональные реформы, высвобождающие и творчески направляющие человеческую энергию и предприимчивость; 5) открытость к внешним контактам, что делало возможным обмен не только товарами, но и знаниями, информацией и культурой». См.: *Колодко Г.В. Мир в движении*. М.: Магистр, 2009. С. 105.

различиями в типах хозяйств — индустриальных и постиндустриальных экономик.

Возникновение мастерских мира относится к периоду перехода от доиндустриального типа хозяйства к индустриальному, от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике (конец XVIII—XIX вв.)⁵.

Для доиндустриального типа была характерна ориентация на первичный сектор экономики — сельское хозяйство и добывающие отрасли экономики. Основными факторами производства являлись природные (земля) и трудовые ресурсы. Переход к индустриальному типу экономики сопровождался не только трансформацией аграрного общества, где большинство населения вело натуральное хозяйство, в индустриальное, но и изменением характера ресурсов, необходимых для производства. На первый план выдвигались инвестиционные ресурсы, или капитал, а также предпринимательский талант. Новые требования предъявлялись и к качеству человеческого капитала.

В этих условиях гегемонией на мировом рынке стали обладать государства, занимавшие доминирующие позиции в промышленности. Мастерскими мира становились страны, являвшиеся крупнейшими поставщиками продукции обрабатывающей промышленности на внешний рынок и получателями аграрно-сырьевых товаров извне. Само понятие «мастерская мира» было идентично понятиям «промышленная мастерская мира», «всемирная фабрика» промышленных изделий.

Растянувшийся на ряд десятилетий процесс индустриализации привел к коренному изменению экономического лица западного сектора Европы.

Начало становлению такого феномена, как «мастерские мира» положила промышленная революция в Великобритании. Термин «промышленная революция»⁶, или «промышленный переворот», подчеркивал быстрый и глубокий характер изменений в орудиях труда и в организации производства на рубеже XVIII—XIX вв. Этот процесс сопровождался резким повышением производительности труда, бы-

⁵ Известно, что классики марксизма считали важнейшей предпосылкой такого перехода первоначальное накопление капитала, которое в Европе продолжалось с середины XV в. до середины XVIII в. Однако вряд ли этот процесс сводился лишь к экспроприации средств производства у массы мелких производителей (крестьян и ремесленников) и превращению средств производства и денежных богатств в капитал. Нередко, наоборот, рост заработной платы создавал массовый потребительский спрос, необходимый для массового выпуска промышленных товаров и развития промышленности.

⁶ Этот термин был предложен французским экономистом Ж. Бланки (1837) и Ф. Энгельсом (1845), а после публикации А. Тойнби «Лекции о промышленной революции» (1884) стал общепризнанным.

строй урбанизацией, началом интенсивного экономического роста. Характерной чертой промышленной революции стало утверждение капитализма в качестве нового общественного строя, господствующей мировой системы хозяйства.

В XIX–XX вв. международное разделение труда получило дальнейшее развитие. Наряду с общим разделением труда происходило углубление частного разделения труда, связанное с предметной специализацией внутри крупных сфер по отраслям и подотраслям производства. В этих условиях государства-мастерские мира сосредотачивались на производстве продукции новых отраслей промышленности: транспортном машиностроении (автомобильном, аэрокосмическом), электротехнической, химической промышленности, фармацевтических изделий. Одновременно шел процесс «выталкивания» из этих государств в колонии и развивающиеся страны старых, традиционных, по преимуществу трудоемких и грязных отраслей производства. Мастерскими мира становились государства, в которых наиболее динамично развивались новые отрасли промышленности.

В минувшем столетии, особенно во второй его половине, а также в начале XXI в. понятие «мастерские мира» претерпело дальнейшее изменение. В результате развертывания научно-технической революции — коренной перестройки технических основ материального производства — происходит постепенная трансформация индустриального общества в постиндустриальное. В основе преобразований-инноваций лежало дальнейшее становление экономики, основанной на знаниях. Наибольшее развитие получают наукоемкие, ресурсосберегающие и информационные технологии. Информатизация начала пронизывать все сферы жизни общества. Интенсивным фактором развития становится человеческий капитал.

Глубокие сдвиги наметились и в отраслевой структуре мировой экономики. В ряде развитых государств наметился процесс своеобразной деиндустриализации: в результате повышения эффективности материального производства доля промышленности в создании ВВП существенно снизилась. Преобладающей сферой производства стали услуги, в том числе финансовые. В производстве нематериальных благ сосредотачивается основная доля объема трудовых ресурсов и добавленной стоимости. Отрасли услуг стали главным источником занятости, частично компенсируя ее сокращение в материальном производстве.

Опережающее развитие сферы услуг — универсальный процесс, свойственный всем странам. Если раньше при преобладании в экономике индустриального сектора международные экономические отношения сводились по большей части к торговле промышленны-

ми товарами, то для последних десятилетий характерно развитие международного перемещения факторов производства. Услуги все активнее встраиваются в международные потоки товаров, капитала, рабочей силы, технологии. В этих условиях повышается значение стран-производителей услуг, в первую очередь интеллектуальных, знаний и ценностей. Одновременно активно идет процесс реиндустриализации на новой технологической основе. Именно производители услуг, наряду с продуцентами высокотехнологичных товаров, информационных продуктов, представляют собой современные мастерские мира.

Становление мастерских мира XXI в. неразрывно связано, *во-первых*, с неравномерностью развития инновационно-технологической сферы, *во-вторых*, со степенью эффективности взаимодействия государства и бизнеса, государственной экономической политики, сложившихся моделей общественного устройства, *в-третьих*, с глобализацией и формированием полицентричного мира и, наконец, с интеграционными процессами, происходящими в различных регионах.

Мастерскими мира становятся современные лидеры глобализации. На обретение этого статуса претендуют и новые центры экономической мощи, прежде всего, крупнейшие страны с формирующимися рынками. Пока они остаются по преимуществу фабричными мастерскими. Однако на повестке дня некоторых из них, прежде всего Китая, — переход к новой модели развития, предполагающей движение по пути превращения в интеллектуальные центры. Наконец, в известном смысле мастерскими мира в современных условиях можно считать и ведущие транснациональные корпорации, которые одновременно действуют во многих странах на основе единичного и частного международного разделения труда.

Западная Европа как колыбель мастерских мира

Уже с позднего Средневековья экономика стран Западной Европы стала развиваться быстрее остального мира. Ее превосходство в темпах роста возросло после начала промышленных революций. В результате доля Западной Европы в мировой экономике с 1500 по 1870 г. увеличилась почти вдвое, а к 1913 г. — превысила треть мирового ВВП. Вследствие более динамичного расширения ее экономики возрастал и разрыв в уровнях развития хозяйства в этом регионе и мира в целом. В 1500 г. ВВП на душу населения в Западной Европе превышал аналогичный показатель в целом по миру в 1,4 раза, в 1600 г. — в 1,5,

в 1700 г. — в 1,6 раза. В связи с индустриализацией в 1820 г. это превышение составляло уже 1,8 раза, в 1870 г. — 2,2, а в 1913 г. — 2,3 раза.

Возникает вопрос: почему именно в европейском регионе впервые появилась общественная система, со временем получившая название «капитализм»? Почему именно здесь сформировались первые мастерские мира? Каковы те движущие силы, которые привели к тому, что к 60-м годам XIX в. здесь практически утвердились хозяйственно-правовые рамки, необходимые для развития нового способа производства?

Западная Европа оказалась в эпицентре мировой экономики вследствие особенностей ее истории и традиций, а также благодаря стечению целого комплекса экономических и политических факторов развития.

Зарождение условий, благоприятных для создания мастерских мира, органично связано с цивилизацией и культурой. Подъему экономики способствовало формирование новых институтов, успешно осваивавших наследие Античности и Возрождения. Их деятельность была основана на римском праве с его основополагающим принципом частной собственности, на зарождавшихся либерально-демократических установках обновляющейся части элиты. Изобретение книгопечатания сыграло огромную роль в распространении новых взглядов по всей Европе.

Важным элементом античного наследия, оказавшим влияние на социально-экономическую эволюцию Западной Европы, стали свободные города. Их экономика была ориентирована на рынок. Города-государства выступали центрами становления коммерческого права, адекватного условиям развитой торговли.

Западная Европа конца XVIII в. — еще аграрное общество. Правда, здесь уже существенно выше, чем прежде, уровень урбанизации, больше распространена грамотность, выше уровень образования, значительная часть населения занята вне сельского хозяйства. А главное — здесь складывается новый, своеобразный набор институтов; все большая часть производства ориентирована не на натуральное потребление, а на рынок; права собственности четко определены; налоговые обязательства фиксированы и определяются в соответствии с нормами, которые устанавливают сами налогоплательщики; широко распространен наемный труд.

Подъем экономики был органически связан с утверждением принципа религиозной свободы, самоуправлением протестантских общин на территории, охваченной Реформацией. Доктрина протестантской трудовой этики обосновывала добродетельность труда, необходимость работать добросовестно и усердно. Стремление к экономии, к разви-

тию промышленности, к отказу от дорогостоящих развлечений (равно как и дорогостоящих богослужений) ускорило накопление капитала, который вкладывался в торговлю и производство. В итоге протестантские государства начали опережать в экономическом развитии католические.

Особую роль в расширении рынков и получении новых источников сырья и продовольствия сыграли Великие географические открытия конца XV—XVI вв. Вместе с эпохой Возрождения и подъемом европейских национальных государств они способствовали переходу от Средневековья к Новому времени. Открытие новых торговых путей и неизвестных ранее стран и континентов в относительно короткий срок влило в хозяйство европейских стран огромные ресурсы. Великие географические открытия в высокой степени стимулировали готовность порвать с традицией, экспериментировать с новыми способами решения проблем.

Продвижение в новые земли привело к созданию и подъему колониальных империй. Складывается новое разделение труда между Западной Европой и ее новыми владениями. Бурное развитие заморской торговли породило первые акционерные компании. Усложнялись кредитные, банковские расчеты, операции с ценными бумагами.

Последствия колониализма для формирования мастерских мира в Европе оказались неоднозначными. *Во-первых*, не все европейские государства смогли воспользоваться преимуществами мобилизации ресурсов заморских стран. Если в Великобритании, во Франции, в Нидерландах значительная часть этих ресурсов шла на финансирование промышленности и торговли, то возвышение Испании и Португалии в качестве колониальных держав оказалось относительно недолгим. Полученные от колоний богатства тратились их знатью непроизводительно, в основном на покупку предметов роскоши.

Во-вторых, колониальные империи представляли собой во многом закрытые для конкурентов экономические системы. В таких условиях получение огромных гарантированных доходов от обладания колониальных рынков уменьшало стимулы к модернизации экономики. Экономика колониальных держав нередко опиралась на старые, традиционные отрасли промышленности. Новые отрасли развивались позже и медленнее, чем у соперников. В конечном итоге это ослабляло позиции колониальных держав и приводило к потере ими статуса мастерских мира.

Важным фактором ускорения экономики стало изменение политического устройства наиболее развитых стран региона: их демократизация, развитие парламентаризма, появление государств, в которых

обеспечивалось верховенство права, возникновение политических партий, предлагавших конкурирующие экономические платформы.

Именно Западная Европа явилась колыбелью большинства этих, прежде всего, законодательных институтов. Старейшим в мире парламентом, получившим властные полномочия, был исландский Альтинг, созданный в 930 г. Тем не менее родиной современного парламентаризма с полным основанием считается Великобритания. Пробраз парламента возник в ней в XIII в., когда король Иоанн Безземельный был вынужден подписать «Великую хартию вольностей», согласно которой король не имел права вводить новые налоги без согласия королевского совета. В 1265 г. в Лондоне было созвано собрание духовной и светской знати и представителей графств, которое принято считать первым английским парламентом. Великобритания — первая страна, где парламент принял на себя всю полноту власти.

Кроме Исландии и Великобритании, в Средние века законодательные органы возникли еще в трех европейских странах — Ирландии, Андорре и Польше. В 1789 г. парламенты появились одновременно во Франции и в США (во Франции с 1302 г. действовали Генеральные штаты, но их нельзя считать классическим парламентом). Лишь в XIX в. были созданы парламенты за пределами Европы, в XX в. их обрели практически все страны мира.

В Европе в середине XIX столетия вслед за Соединенными Штатами Америки возникли и современные политические партии. Это было связано с введением в ряде стран всеобщего избирательного права, с приобщением широких слоев населения к решению важнейшего вопроса политической жизни — утверждения государственной власти посредством выборов. Каждая партия создавалась для защиты интересов, прежде всего экономических, определенной социальной группы.

Мощный толчок прогрессу экономики дало развитие науки, которое стало составной частью общего интеллектуального развития. Именно Западная Европа начиная с XV столетия становится средоточием научной мысли. В эпоху Возрождения в ней совершается поворот к свободному от догматизма рационалистическому исследованию, идет стремительное накопление новых эмпирических знаний. Произошла научная революция, начало которой положил Н. Коперник, создавший гелиоцентрическую систему мира (1543). В конце XVI в. зарождается экспериментальное естествознание. Благодаря деятельности европейских ученых XVII столетие вошло в историю как «век Разума», а XVIII в. — как «век Просвещения». В середине XVII столетия эпицентр научной революции переместился в Великобританию, во Францию и в Голландию.

В последующем научное знание переплелось с технологическими достижениями. В XIX столетии и в начале XX столетия подавляющее число ученых в области естественных и технических знаний (астрономов, математиков, физиков, химиков, биологов), а также общественных наук жило в Европе. Она занимала лидирующие позиции и в области экономических наук. В ней творили такие выдающиеся ученые, как Ж.Б. Кольбер, У. Петти, А. Смит, Д. Рикардо, П.Ж. Прудон, Т.Р. Мальтус, Ж.Б. Сэй, Ф. Бастиа, Ф. Лист, К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Маршалл, Дж.М. Кейнс и др. Их труды оказали немалое влияние на экономическую политику европейских (и не только) стран. В Западной Европе возникли первые научные общества (в 1662 г. — Лондонское королевское общество, в 1666 г. — Парижская академия наук). Лидирующие позиции в сфере науки Европа сохраняла вплоть до середины минувшего столетия, когда стала уступать США.

Большой вклад в преобразование экономики внесло развитие высшего образования. В Европе появились первые университеты⁷. В 1080 г. был открыт Болонский университет, в 1167 г. — Оксфордский. В XIII в. возник ряд университетов: в Париже, Кембридже, Саламанке, Монпелье, Падуе, Неаполе, Тулузе. В XIV столетии появляются университеты: в Праге (1348), в Кракове (1363), в Вене (1365), в Гейдельберге (1385), затем в Лейпциге (1409), в Базеле (1459) и т.д. В течение многих веков эти университеты оставались крупнейшими в мире. А Оксфордский и Кембриджский университеты и поныне входят в десятку лучших университетов⁸.

Указанные выше цивилизационные, социально-политические и институциональные факторы сыграли решающую роль в создании благоприятных условий для прогресса европейской экономики, ее выдвигая на мировую авансцену.

Одновременно ускорилась неравномерность развития экономики в самой Западной Европе, оказавшая непосредственное воздействие на специфику формирования мастерских мира. Убедительное представление об этом дают приводимые ниже таблицы 2.1–2.3.

На протяжении 1500–1820 гг. наиболее быстрыми темпами развивалась Великобритания. Ей мало уступали Нидерланды. От них существенно отставали другие европейские страны. В этот период Италия утратила свое первенство по размерам ВВП — ее опередили Франция

⁷ До нашего времени сохранились появившиеся впервые в европейских университетах ученые степени доктора и магистра, звания профессора и доцента, лекции как основная форма сообщения знаний, факультеты как подразделения университета.

⁸ World University Rankings 2012-2013 / The World University Rankings // www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2012-13/world-ranking.

Таблица 2.1

Доля стран Западной Европы в мировом ВВП, в %

Страны	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Великобритания	1,1	1,8	2,9	5,2	9,0	8,2	6,5	4,2	3,2
Германия*	3,3	3,8	3,7	3,9	6,5	8,7	5,0	5,9	4,1
Франция	4,4	4,7	5,3	5,1	6,5	5,3	4,1	4,3	3,4
Италия	4,7	4,4	3,9	3,2	3,8	3,5	3,1	3,5	3,0
Испания	1,8	2,1	2,0	1,8	1,8	1,5	1,2	1,7	1,7
Нидерланды	0,3	0,6	1,1	0,6	0,9	0,9	1,1	1,1	0,9
Западная Европа в целом	17,8	19,8	21,9	23,0	33,0	33,7	26,2	25,6	20,3
США	0,3	0,2	0,1	1,8	8,8	18,9	27,3	22,1	21,4
Япония	3,1	2,9	4,1	3,0	2,3	2,6	3,0	7,8	7,1
Китай	24,9	29,0	22,3	32,9	17,1	8,8	4,5	4,6	12,3
Индия	24,4	22,4	24,4	16,0	12,1	7,5	4,2	3,1	5,4
Бывший СССР**	3,4	3,5	4,4	5,1	7,5	8,3	9,6	9,4	3,6
Мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* В границах 1871–1918 гг.

** В границах 1989 г.

Источник: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics / OECD. Paris, 2003. P. 261.

Таблица 2.2

ВВП на душу населения, в долл. США 1990 г.

Страны	1500	1600	1700	1820	1870	1913	1950	1973	2001
Великобритания	714	974	1250	1706	3190	4921	6939	12025	20124
Германия*	688	791	910	1077	1839	3648	3881	11966	18677
Франция	727	841	919	1135	1876	3485	5271	13114	21092
Италия	1100	1100	1100	1117	1499	2564	3592	10634	19040
Испания	661	853	853	1008	1207	2056	2189	7661	15659
Нидерланды	764	1381	2130	1838	2757	4049	5996	13082	21722
Западная Европа в целом	771	890	998	1204	1960	3458	4570	11416	19256
США	400	400	527	1257	2445	5301	9561	16689	27948
Япония	500	520	570	669	737	1387	1921	11434	20683
Китай	600	600	600	600	530	552	439	839	3583
Индия	550	550	550	533	533	673	619	853	1957
Бывший СССР**	499	552	610	688	943	1488	2841	6059	4626
Мир	566	595	615	667	875	1525	2111	4091	6049

* В границах 1871–1918 гг.

** В границах 1989 г.

Источник: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics / OECD. Paris, 2003. P. 262.

Таблица 2.3

Среднегодовые темпы роста ВВП на душу населения, в %

Страны	1500– 1820	1820– 1870	1870– 1913	1913– 1950	1950– 1973	1973– 2001
Великобритания	0,27	1,26	1,01	0,93	2,42	1,86
Германия*	0,14	1,08	1,61	0,17	5,02	1,60
Франция	0,14	1,01	1,45	1,12	4,04	1,71
Италия	0,00	0,59	1,26	0,85	4,95	2,10
Испания	0,13	0,36	1,25	0,17	5,60	2,59
Нидерланды	0,28	0,81	0,90	1,07	3,45	1,83
Западная Европа в целом	0,14	0,98	1,33	0,76	4,05	1,89
США	0,36	1,34	1,82	1,61	2,45	1,86
Япония	0,09	0,19	1,48	0,88	8,06	2,14
Китай	0,00	-0,25	0,10	-0,62	2,86	5,32
Индия	-0,01	0,00	0,54	-0,22	1,40	3,01
Бывший СССР**	0,10	0,63	1,06	1,76	3,35	-0,96
Мир	0,05	0,54	1,30	0,88	2,92	1,41

* В границах 1871–1918 гг.

** В границах 1989 г.

Источник: Maddison A. The World Economy: Historical Statistics / OECD. Paris, 2003. P. 263.

и Германия, а лидирующее положение по этому показателю заняла Великобритания. Эти процессы сказались на изменениях в уровнях развития государств. Если в 1500 г. на первом месте по ВВП на душу населения находилась Италия, то к 1820 г. она уступала всем другим ведущим странам региона за исключением Испании. Высокие позиции по этому показателю сохраняли Нидерланды. Резко вперед по подушевому ВВП вырвалась Великобритания, существенно — в 1,5 и 1,6 раза — опередившая Францию и Германию.

В 1820–1870 гг. по темпам роста экономики Великобритания по-прежнему опережала конкурентов, однако ее почти догнала Германия. К ним подтянулись Франция и Италия, от них отстала Испания. В 1870 г. доля Великобритании в мировом ВВП достигла своего исторического максимума. Германия приблизилась к Франции. К этому времени по уровню ВВП на душу населения Великобритания сохранила свое лидирующее положение. По этому показателю она превосходила Францию и Германию в 1,7 раза.

В 1870–1913 гг. наиболее динамично среди экономик европейских стран развивалась Германия. Другие государства существенно уступали ей по темпам роста. В результате по величине ВВП Германия вышла

на первое место, опередив Великобританию. На третьем месте с большим отставанием оказалась Франция. Великобритании удалось сохранить превосходство по ВВП на душу населения, однако разрыв между ней, Германией и Францией заметно сократился.

Подробнее о лидерах экономического состязания

В течение последующих десятилетий двумя крупнейшими промышленными центрами в Европе, претендовавшими на статус мастерских мира, оставались Великобритания и Германия, поэтому имеет смысл рассмотреть их подробнее.

Первой мастерской мира была Великобритания. Именно здесь к XVI–XVII вв. сложились наиболее благоприятные цивилизационные, социально-политические и экономические условия для промышленной революции и последующего прогресса. Такие черты социально-политического устройства британского общества, как эволюционность, «традиционализм» и сравнительная стабильность политических институтов обеспечивали ей центральное положение в международном разделении труда вплоть до 70-х годов XIX столетия. В течение ряда веков британскую политическую культуру отличали умеренность и органическое вплетение новых элементов в существующие структуры, сочетание и слияние традиционных и современных ценностей, постепенное овладение правящей элитой навыками и умениями «согласования интересов» в рамках демократических институтов. Стабильность британского общества покоилась на консенсусе относительно основополагающих целей и путей их достижения.

Первые зачатки государственности в Великобритании относятся к VI–XI вв. н.э. Монархия здесь существует (с кратким перерывом между 1649 и 1660 гг., когда страна была объявлена республикой) уже девять столетий. Она представляет собой классический пример стабильной двухпартийной системы. Принцип разделения властей всегда неукоснительно соблюдался. Основу правопорядка составляют законы, принятые парламентом, общее право и обычаи. Эти особенности социально-политического устройства, без сомнения, обеспечивали правящим кругам Великобритании определенные преимущества не только внутри страны, но и на международной арене. Промышленная революция началась в Великобритании во второй половине XVIII в. и продолжалась в течение всего XIX в., постепенно распространяв-

шись на другие страны Европы. В 1830—1860 гг. промышленная революция охватила Францию, в 50—90-е годы XIX в. — Германию, в 70-е годы XIX в. — Скандинавские страны.

Еще в XVI в. Великобритания являлась небольшой аграрной страной с населением 3—3,5 млн человек, из них лишь 20% жило в городах. Городская цеховая промышленность была развита слабее, чем на континенте, а торговый флот намного уступал голландскому. Но именно XVI в. стал началом резкого подъема экономики, благодаря которому эта страна через три столетия стала промышленным гегемоном мира. В XVII—XVIII столетиях в ней возникли многочисленные промышленные мануфактуры, был реализован ряд изобретений, создавших переворот в мировой технике. В Великобритании сформировались новые общественные классы — многочисленный пролетариат и промышленная буржуазия. Произошел массовый переход разорившихся ремесленников и крестьян в ряды наемных рабочих. К середине XIX в. в ее экономике господствующая роль принадлежала уже не сельскому хозяйству, как прежде, а промышленности, причем, что особенно важно, прежнее ремесленное и мануфактурное производство уступило место крупной фабрично-заводской промышленности. Великобритания перешла раньше других стран к машинному производству. Монопольное обладание его преимуществами обеспечивало более высокую производительность труда.

Накоплению капитала способствовали огромные доходы от заморских колоний и привилегированное положение в международной посреднической торговле (мировой перевозчик).

Мощным орудием формирования рыночной экономики в Великобритании стало государство, которое стимулировало развитие промышленности и инфраструктуры, в том числе социальной, включая систему образования. Оно также поощряло внешнюю торговлю и обеспечивало защиту национальных производителей и торговцев от иностранной конкуренции — вводило протекционистские меры или осуществляло переход к свободной, беспошлинной торговле — в зависимости от интересов национальной промышленности.

С промышленным переворотом в Великобритании связано занятие ею господствующего положения на формирувавшемся в то время мировом рынке. Ф. Энгельс, рассматривая его состояние в 40-х гг. XIX в., отмечал: «Этот мировой рынок тогда еще состоял из некоторого числа стран, сгруппированных вокруг одного крупного промышленного центра — Англии»⁹.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Об Англии. М., 1952. С.17.

В 50–60-х годах XIX в. первенство Англии в мировой промышленности и торговле достигло вершины. Преимущества, связанные с более быстрым и ранним завершением промышленного переворота, а также использование ресурсов колоний обеспечили британским предпринимателям лидирующее положение на мировом рынке. В конце 60-х годов XIX в. Великобритания добывала угля в 5 раз больше, чем Германия, и в 4 раза больше, чем США. В 1860 г. она сама потребляла на своих фабриках столько хлопка, сколько все страны мира вместе взятые. Мощность паровых двигателей в английской промышленности достигла к 1870 г. 4,5 млн лошадиных сил, что в 1,5 раза превышало показатели Германии и в 2 раза — Франции. К середине XIX столетия в Великобритании была сосредоточена половина мирового производства чугуна, угля и хлопчатобумажных тканей. Страна стала крупнейшим экспортером машин и оборудования.

Роль Великобритании в качестве мастерской мира подкреплялась доминированием Лондона как международного финансового центра (мировой банкир). Поддерживая с 1821 г. золотой стандарт и необходимый уровень золотого запаса, она способствовала стабилизации валютного курса.

Длительное положение Великобритании в качестве мастерской мира оказало огромное воздействие на становление британской модели социально-экономического развития и современного хозяйственного механизма. Особенности этого становления во многом определяются тем, что реальные позиции Великобритании в мировой экономике, особенно в валютно-кредитной сфере и на международном рынке капиталов, и поныне сильнее, чем можно судить по доле страны в мировом производстве. Вместе с тем они объясняют причины ослабления этих позиций в XX столетии.

До сих пор открытость экономики Великобритании — доля экспорта и импорта товаров, услуг, капитала по отношению к ВВП — выше, чем в большинстве ведущих государств мира. Глубокий след оставило имперское прошлое — обладание самой крупной колониальной империей, системой имперских преференций, стерлинговой зоной. До недавнего времени значение экономических связей с развивающимися странами было для Великобритании существенно большим, чем для ее конкурентов.

В последней трети XIX в. Великобритания, как уже отмечалось, стала отставать от США и Германии по темпам роста экономики и промышленного производства. Вместе с тем она продолжала занимать одно из ведущих мест в международной валютно-финансовой системе. И поныне Лондон остается крупнейшим финансовым центром

Европы. Иными словами, потеряв к началу Первой мировой войны положение промышленной мастерской мира, Великобритания обрела статус «финансовой мастерской».

На рубеже XIX–XX вв. место Великобритании как ведущей промышленной мастерской Европы заняла Германия. Главная причина отставания Великобритании — затянувшееся господство феодальных общественно-экономических отношений. Показательно, в частности, что таможенное объединение страны было осуществлено лишь в 30-е годы XX в.

Промышленный переворот в Германии состоялся только во второй половине XIX в. — почти на столетие позже Великобритании и на 50 лет позже Франции. Но происходил он бурно и стремительно. Еще в начале 70-х годов XIX в. Германия была преимущественно сельскохозяйственной страной со слаборазвитой промышленностью. К 90-м годам XIX в. положение резко изменилось.

Осуществлению промышленной революции способствовали политические реформы. Конституция 1871 г. предусматривала всеобщие выборы в парламент (рейхстаг) и федеративное устройство страны. Тогдашний канцлер (глава правительства) объединившейся Германии Бисмарк с помощью прогрессивных законов, улучшавших положение наемных работников, заложил тем самым фундамент «социального государства», существующего в стране до сих пор.

Преодолению отставания способствовало широкое вмешательство государства в экономическую жизнь. В 1880 г. был учрежден Высший экономический совет, занимавшийся выработкой законопроектов и уставов. В 1896 г. была проведена реорганизация торговых палат, направленная на расширение их роли в развитии промышленности и торговли, принят новый торговый устав. Государство поощряло синдицирование промышленности. Финансовой базой развития промышленности стала 5-миллиардная контрибуция, полученная от Франции после ее поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. Важную роль в экономическом подъеме Германии конца XIX в. сыграла аннексия Германией Эльзаса и Лотарингии с их богатейшими запасами железных руд.

Индустриализация страны была запоздалой, но это давало и ряд преимуществ. Германия осуществила ее, широко заимствуя передовой иностранный опыт. Ее промышленность, особенно тяжелая, строилась на базе самой современной техники, на основе собственного машиностроения, тогда как в Великобритании и во Франции наличие многочисленных устаревших предприятий увеличивало издержки производства. В Германии сложились крупнейшие предприятия

и широко использовались передовые формы организации производства. К концу XIX в. особенно очевидными стали две характерные черты германской экономики: выдающаяся роль банковского капитала в экономическом развитии страны и рост значения картелей и трестов в разных отраслях промышленности. К 1911 г. здесь насчитывалось 600 синдикатов и картелей.

С 1895 г. германская промышленность вышла на первое место в Европе. Вплоть до Первой мировой войны Германия располагала сильнейшей в мире металлургической и металлообрабатывающей промышленностью. Наиболее явно ее лидерство было выражено в передовых отраслях, таких как производство машин и оборудования, химическая промышленность, точная механика и оптика, электротехника. К 1914 г. доля Германии в мировом промышленном производстве достигала 15% — по этому показателю она уступала только США.

Особенности формирования экономики Германии нашли отражение в структуре современного хозяйства этой страны и ее месте в международном разделении труда. Удельный вес промышленности в ВВП Германии выше, чем в подавляющем числе других развитых стран. Германия занимает второе-третье место в мире по экспорту промышленной продукции. Иными словами, она по-прежнему является одной из ведущих промышленных мастерских мира.

* * *

Две мировые войны, великая депрессия начала 30-х гг. XX в. ослабили экономические позиции Европы в мире. Этому способствовали также выдвигание в минувшем столетии на авансцену мировой экономики США, а также усиление в конце XX — первых десятилетиях XXI вв. позиций крупнейших развивающихся государств, прежде всего, Китая и Индии. С 1900 по 1950 г. доля Западной Европы в мировом ВВП снизилась с 36,7 до 26,2%, в мировом промышленном производстве — с 39,1 до 31,4%, в том числе в обрабатывающей промышленности — с 32,8 до 25,7%, в добывающей — с 52,8 до 49,8%. Во второй половине XX в. падение продолжалось. К 2000 г. удельный вес региона в мировом ВВП и промышленном производстве уменьшился до 20,8 и 23,6%, в том числе в обрабатывающей промышленности — до 22,8%, в добывающей — 22,6%. Сильнее оставались позиции Западной Европы в сфере финансов. Еще в 1950 г. объем предоставленных ею финансовых услуг превышал $\frac{2}{3}$ мировых, в 2000 г. — более двух третей¹⁰.

¹⁰ Мировая экономика. Глобальные тенденции за 100 лет / Под ред. И.С. Королева. М.: Экономистъ, 2003. С. 526, 572, 573.

Вместе с тем, несмотря на все изменения в экономической динамике, сохраняющиеся различия в страновых социально-экономических и политических моделях в Западной Европе, постепенно усиливались центристские тенденции, факторы, создающие единое экономическое пространство: общерегиональная торговля, инфраструктурное строительство, экспорт капитала, производственная кооперация поверх национальных границ¹¹. В результате сложились предпосылки для превращения в мастерскую мира уже всего европейского региона. Их реализации способствовали развернувшиеся в нем интеграционные процессы. Но об этом пойдет речь уже в другой главе.

¹¹ Западноевропейские страны. Особенности социально-экономических моделей / Отв. ред. В.П. Гутник. М.: Наука, 2002. С. 22.

Глава 3

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ

Ценностные ориентиры, присущие определенному социуму — народу, клану, партии, корпорации, образуют единую систему, имеющую свою внутреннюю логику. Тем не менее их приоритеты могут меняться, сталкивая различные нравственные императивы: чувство и долг, стремление к миру и необходимость отпора агрессии, уважение к частной собственности и социальную справедливость. В таких случаях возникают моральные коллизии, преодоление которых требует не только ума и силы воли, но и совести, моральной ответственности за себя и других.

В разные эпохи и у различных народов эти приоритеты, как и сами ценности, могут эволюционировать. Достаточно привести пример принципа равноправия женщин этнических, конфессиональных или сексуальных меньшинств, к которому под разными широтами относятся весьма неоднозначно. «Истина по одну сторону Пиренеев оказывается заблуждением по другую», — иронически отмечал еще в XVII в. французский философ Блез Паскаль.

В связи с этим возникает проблема принадлежности той или иной ценностной системы к региональному цивилизационному ареалу или же к мировой цивилизации в целом, определить контуры которой всегда было весьма сложно.

К началу XXI в. колоссальные потоки товаров, капиталов, людей превратили планету в «мировую деревню», каждый из 7,2 млрд обитателей которой в чем-то зависит от кого-то другого. Стандартизация производства, потребления, масскульты ведет к эрозии самобытности цивилизационных ареалов и их ценностных систем.

Между тем те же самые процессы порождают и обратный эффект. Опасности утраты культурной идентичности, размывания традиционных ценностей провоцируют всплески национализма и ксенофобии, религиозной нетерпимости и фанатизма, принимающих порой экс-

тремистские формы. Они могут выражаться в попытках повернуть время вспять, решить проблемы настоящего и будущего апелляцией к ценностям прошлого. Их олицетворением служат мифологизированные образцы великих предков — государственных деятелей и полководцев, культ которых призван оправдать амбиции современных политиков. Отсюда призывы к протекционизму в экономике, самоизоляции в духовной сфере, ссылки на происки внешних врагов и их местных пособников как главной причине трудностей. Эти призывы оборачиваются порой и претензиями на превосходство собственной уникальной системы ценностей над всеми прочими, а иногда и попытками агрессивного навязывания ее другим в качестве единственного идеального образца.

Под знаком такой манихейской дихотомии, подпитывавшейся непримиримо враждебными идеологиями, прошла, по существу, почти вся история XX столетия, отмеченная двумя мировыми войнами, революциями, господством тоталитарных режимов. С окончанием холодной войны могло показаться, что перед лицом беспрецедентных вызовов, с которыми столкнулось человечество на рубеже третьего тысячелетия, все это навсегда уйдет в прошлое. К сожалению, подобные надежды не оправдались. Издержки происходящего приходится во многом оплачивать всему человечеству, в том числе Европе, которая всегда была и остается своего рода опытным полем, лабораторией, где рождаются, проходят проверку и становятся всеобщими или отмирают многие ценностные категории современного многополярного мира.

Единство и плюрализм

Спецификой Европы всегда было и остается противоречивое сочетание различий этнического происхождения, языков, культур, религиозных ориентаций населяющих ее народов с глубокой общностью системы их основополагающих ценностей.

Евросоюз недаром называют порой «Вавилонской башней». В самом деле, каждая из трех основных групп индоевропейских языков, на которых говорят в Европе: германская, романская и славянская, в свою очередь, распадается на множество ветвей. На германских языках говорят немцы, австрийцы, голландцы, англичане, скандинавы — шведы, датчане, норвежцы, исландцы. На романских — итальянцы, французы, испанцы, португальцы, румыны. Славянская семья распадается на западных славян (поляки, чехи, словаки, словенцы), южных (сербы, хорваты, болгары) и восточных (русские, украинцы, белорусы).

Лингвистическая карта Европы не совпадает с политическими границами государств: в Ирландии, Шотландии, Уэльсе, французской Бретани еще пользуются кельтскими языками (гэльский, бретонский). Треть венгров живет за границей. В Бельгии валлоны говорят по-французски, в Швейцарии разные кантоны — на немецком, французском, итальянском и ретороманском языках. Особняком от них всех стоят угро-финские языки (финны, эстонцы, венгры, мордва, мари, черемисы на Волге), прибалты (литовцы, латыши), а языки басков и албанцев вообще не имеют аналогов.

Хотя религиозными корнями всех европейских народов, за исключением албанцев-мусульман, является христианство, оно распадается на три ведущих конфессии: католицизм, православие и протестантизм, причем последний включает множество течений и сект — лютеранство, кальвинизм, англиканство и т.д. Верующие испанцы, португальцы, итальянцы, французы, южные немцы, австрийцы, а также чехи, поляки, словаки, литовцы, венгры, словенцы, хорваты в подавляющем большинстве католики, северные и восточные немцы, англичане, голландцы, скандинавы, финны, латыши, эстонцы — протестанты. Православие, возникшее в Византии, приняли вслед за греками сербы, болгары, румыны, русские, украинцы, белорусы.

Этнолингвистическая и конфессиональная чересполосица во многом способствовала тому, что история Европы была, прежде всего, историей войн за передел территорий, населения, ресурсов — сначала европейских, а в колониальную эпоху и заморских. Европа стала исходным рубежом и основным полем битвы двух мировых, а затем холодной войн, которые раскалывали континент на противостоящие общественные системы, выступавшие под флагами враждебных религиозных или идеологических учений, и военные блоки. Закономерным результатом колоссальных потерь и разрушений в этих войнах стала утрата Европой роли центра тяжести мировой экономики и политики, переместившегося сначала на запад в Северную Америку, а затем на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион.

В то же время в ценностном отношении европейцы, несмотря на раздиравшие их конфликты, всегда сохраняли чувство принадлежности к одному и тому же цивилизационному ареалу¹. «Все народы Европы имеют общую физиологию, некоторое общее сходство. Вопреки огульному разделению их на латинскую и тевтонскую расы, на южан и северян — все же есть общая связь, соединяющая всех их в одно це-

¹ Рубинский Ю.И. Европейские ценности // Доклады Института Европы РАН. № 189. М.: Русский сувенир, 2007.

лое и хорошо видимая каждому, кто поглубже вник в их общую историю. Вы знаете, что еще сравнительно недавно вся Европа называлась христианским миром, и это выражение употреблялось в публичном праве. Кроме общего характера, у каждого из этих народов есть еще свой частный характер, но и тот, и другой всецело сотканы из истории и традиции, — писал выдающийся русский мыслитель XIX в. П.Я. Чаадаев. — ... Это идеи долга, справедливости, права, порядка. Они родились из самих событий, образовавших там общество, они входят необходимым элементом в социальный уклад этих стран. Это и составляет атмосферу Запада; это — больше, чем история, больше, чем психология, это физиология европейского человека»².

Основой этой общности служит, прежде всего, культурное наследие Античности — Древних Греции и Рима. «На берегах и островах Эгейского моря возникла цивилизация, имеющая исключительное значение не только для своего времени и географических рамок, но и уникальная по интенсивности своего влияния на традиции культуры, в которой мы живем до сих пор», — писал британский историк Европы Дж.М. Робертс³.

Древние греки передали современным европейцам представление об окружающем мире как о гармоничном целом, фундаментальные категории философии, этики и эстетики, основные формы государственного строя — автократию, аристократию и демократию, предупредив об опасности вырождения их при определенных обстоятельствах в тиранию, олигархию или анархию. После того как демократические Афины потерпели поражение в войне против аристократической Спарты, вся Греция подпала под власть Македонии, а затем Рима. Афинская демократия, даже ограниченная рабовладением, навсегда осталась в сознании европейцев символом народовластия — решения стоящих перед государством проблем по воле большинства. В древней Элладе родились и достигли расцвета основные виды и жанры европейской культуры: литература, драматургия, театр, скульптура, живопись, наконец, спорт, о чем до сих пор напоминают Олимпийские игры.

Не менее важным компонентом в формировании системы ценностей современной Европы стало право Древнего Рима. «Нередко говорят, что римское право является одним из устоев европейской цивилизации. Это действительно так», — констатирует британский историк Европы Норманн Дэвис⁴. Само латинское слово «lex» («закон») пере-

² Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. С. 44, 45.

³ Robertts J.M. The Penguin History of Europe. L.: Penguin Books, 1997. P. 23.

⁴ Davies N. Europe: a history. Oxford (N.Y.): Oxford University Press, 1996. P. 821.

водится как «связь», т.е. взаимозависимость между членами общества. Хотя своды законов были уже гораздо раньше в деспотиях Древнего Востока — от Хаммурапи до Моисея, — именно римское право впервые юридически отделило гражданскую сферу жизни от публичной, закрепило понятие частной собственности, ввело в качестве способа решения гражданских споров открытый состязательный процесс между равноправными сторонами, где суд выносит приговор на основе писаного законодательства. «*Dura lex sed lex*» («Суров закон, но он закон») гласит латинская формула, украшающая до сих пор судебные учреждения многих европейских стран. Римская правовая культура стала основой самой эффективной для своего времени, четко структурированной системы управления государством, где каждый носитель власти имел строго определенный круг полномочий и ответственности. Она продолжала бесперебойно функционировать даже при правлении императоров-тиранов вроде Калигулы или Нерона.

Важнейшим истоком европейских ценностей стало христианство. Придя в Европу с Ближнего Востока и превратившись за три столетия из гонимой иудейской секты в государственную религию Римской империи, оно принесло Европе основу ее духовной культуры. Десять заповедей Ветхого завета и евангельская проповедь любви к ближнему, милосердие, покаяние служили на протяжении двух тысячелетий моральным компасом в житейском море для десятков поколений европейцев. Это особенно характерно для Европы Средних веков, когда христианская вера была безраздельно господствующей формой общественного сознания. С христианством тесно связаны такие кардинальные ценности европейского феодального общества, как кодекс рыцарской чести, верности вассала сеньору, куртуазного служения Прекрасной даме, легенда о мистическом Граале — кубке с обращенной в вино кровью Спасителя, символизировавшем вечные поиски недостижимого идеала. Романтическую ностальгию по этим ценностям, тронутую грустной иронией, олицетворяет «рыцарь печального образа» — Алонсо Кихана Добрый, известный под именем Дон Кихота.

В истории европейского христианства осталось немало мрачных страниц: жестокие преследования еретиков, охота на ведьм, костры инквизиции, иступление крестовых походов и кровавых религиозных войн, обскурантизм и фанатичное мракобесие. Они послужили суровыми уроками, включив в систему ценностей европейцев такое фундаментальное понятие, как веротерпимость, которой не хватает ныне, к сожалению, многим другим великим монотеистическим религиям.

Вековая борьба за первенство между светской и духовной властями — императорами и папами на Западе, басилевсами или царями

и патриархами на востоке Европы — завершилась, в конечном счете, отделением в большинстве европейских стран церкви от государства и школы от церкви, закреплением в Конституциях секулярного принципа свободы совести, не допускающего дискриминации за религиозные убеждения или их отсутствие.

Если культурное наследие Античности и христианство стали достоянием всех европейцев, способствовали формированию ими единой системы ценностей, то это могло произойти, как ни парадоксально, только благодаря тому, что в них изначально был заложен внутренний плюрализм, многовариантность. Культура республиканского, затем имперского Рима сформировалась в соревновании с греческой, заимствуя одни ее элементы (религию, искусство) и отторгая другие. Навязанное Римом провинциям империи писаное право конкурировало с обычным, прецедентным правом завоеванных народов, особенно германских, до тех пор, пока между ними не образовался относительный компромиссный синтез. Тем не менее немалые различия между англосаксонской и континентальной правовыми системами сохраняются поныне.

Это тем более очевидно в отношении христианства. Священное писание толкуется в отдельных частях Европы с учетом местных культурных традиций. Наряду с теологическими и ритуальными вопросами, церковные расколы были связаны с различными подходами к нравственным и социальным проблемам. Протестантизм появился на европейской арене там и тогда, когда католическая церковь, связанная общностью интересов с феодальным прошлым, стала помехой для дальнейшего развития рыночной экономики и ее мотора — городской торгово-ремесленной буржуазии: если в католическом вероучении частная собственность и прибыль сохраняли морально ущербную печать греховности, то в протестантском пуританизме они оказывались инструментом Божьего промысла. Аналогичные ценностные нюансы присутствовали и в православии (реформы Никона и старообрядчество). Тем не менее фундаментальные нравственные основы христианского вероучения были и остаются общими для всех европейцев.

Если Античность и христианство послужили истоками европейских ценностей, то решающими вехами в их дальнейшей исторической эволюции стали Ренессанс и Просвещение. Обе эти эпохи были временами острейшей борьбы нового со старым, разрыва традиции с модерном. Традиционный уклад, присущий деревне, всегда базируется на неизменном циклическом повторении времен года, использовании одних и тех же привычных способов и орудий производства. Ему присущ иерархический, патерналистский принцип построения семьи, об-

щины, государства, где домочадцы, крестьяне, подданные безропотно подчиняются авторитету отца, хозяина, монарха, гарантирующего им взамен безопасность и покровительство.

Напротив, культура модерна, родившаяся в европейском городе, всегда была и остается неразрывно связанной с идеей постоянного обновления, прогресса — материального и духовного. Вертикальная структура общественных связей, присущая консервативной традиции, волей-неволей отступала под нажимом горизонтальной. Будучи центрами торговли, ремесла, услуг, города, окруженные крепостными стенами, добивались от феодальной аристократии и монархов в обмен на займы и уплату налогов выборного самоуправления. Оно опиралось порой на собственную вооруженную силу. Крепостной, проживший в европейском городе год и один день, становился его гражданином. Апеллируя к античным образцам, мыслители-гуманисты Ренессанса — Эразм, Брант, Рабле (XIV—XVI вв.) — существенно обновили ценностную систему Европы. Они поставили человека в центр мироздания, провозгласили его мерой всех вещей. Широко раздвинув горизонты Европы в ходе великих географических открытий, а Земли — во Вселенной, Колумб, Магеллан, Коперник помогли европейцам осознать безграничные возможности человеческого ума и воли, а Леонардо да Винчи или Микеланджело — величие его творческого гения⁵.

К эпохе Ренессанса и Реформации относится формирование такой характерной черты психологии западноевропейцев, как индивидуализм. Под этим термином, имеющим обычно негативные коннотации, подразумевается отнюдь не просто эгоистическое равнодушие к окружающим людям и готовность жертвовать чужими интересами ради собственных. Речь идет о чувстве собственного достоинства, независимости от чужих милостей, инициативе и готовности к риску, личной ответственности за свои поступки. Именно эти качества, воспетые впоследствии романтиками, побудили европейцев отправиться вслед за Марко Поло, Плано Карпини, Афанасием Никитиным в далекие странствия к иным цивилизациям, за Кортесом, Писарро, Ермаком — на завоевание горстками конкистадоров или вольных казаков целых континентов.

Материальными предпосылками Ренессанса стало бурное развитие торговли, банковского дела, теснивших свойственное феодализму натуральное хозяйство. Средневековая культура деревни, замка, монастыря уступала городской с ее ремесленными цехами, купеческими

⁵ *Роттердамский Э.* Философские произведения. М.: Наука, 1987; *Брант С.* Ко- рабль дураков. Избранные сатиры. М.: Художественная литература, 1965.

гильдиями, выборными магистратами и коммунальными свободами. Мануфактурное, затем фабричное производство на основе наемного труда брало верх над крепостничеством и земельной рентой.

«Традиция частной собственности подготовила подъем рыночной экономики, являющейся одной из характерных черт европейского континента. Со времен Ренессанса обмен товарами между ведущими европейскими странами, путешествия ради торговли, отправление в путь судов, груженых тканями, продовольствием, винами или инструментами, становится повседневной практикой, — пишет бывший премьер-министр Франции Доминик де Вильпен. — ...Появление капитализма лишь еще более углубит связь между европейским индивидуализмом и торговой традицией континента. Принимая термины Вебера, можно считать, что развитие капитализма опиралось на дух протестантизма — религии, которая обещает своим верующим спасение души с учетом их успеха, являющегося плодом не столько их личного труда, сколько божественного избрания»⁶.

Не менее значительный, поистине капитальный вклад в формирование системы европейских ценностей внесло Просвещение. Блестящая плеяда философов XVIII в. — Вольтер, Руссо, Дидро, Д'Аламбер — провозгласила критический разум, не признающий ни предрассудков, ни традиционных авторитетов, единственным инструментом познания законов окружающего мира и его перестройки на рациональных началах. Среди интеллектуальных элит Европы наука начала постепенно теснить религию как ведущую форму общественного сознания. Знание стало не менее важной ценностью, нежели вера. Именно энциклопедисты впервые в мире ввели понятие «естественных прав человека и гражданина», нашедших выражение в бессмертном лозунге Великой Французской революции 1789 г. — «Свобода, Равенство, Братство». Нанеся сокрушительный удар по сословным привилегиям дворянства и духовенства, по неограниченной власти абсолютных монархов, она стала решающим этапом в утверждении европейской демократии как непреходящей ценностной категории.

Ренессанс, Реформация и Просвещение утверждали свои идеалы в упорной борьбе с архаическими традициями прошлого, радикально обновляя как сами ценности, так и их приоритеты. Однако традиции не исчезали бесследно. Даже лишённые былой безраздельной власти над умами и душами, прежние элиты долго сохраняли сторонников. Некоторые традиционные взгляды, принципы, структуры выживали, причудливо переплетаясь с новыми и образуя с ними синтез. Это по-

⁶ *Semprun J., de Villepin D. L'Homme européen. Paris: Plon, 2005. P. 36–37.*

могало смягчать чересчур болезненные последствия разрыва экономической, политической, культурной ткани общества, сохраняя при обновлении элит преемственность поколений. Главной характеристикой системы европейских ценностей стал их плюрализм.

В этом плане имеет смысл сравнить различные пути обновления общественно-политического сегмента ценностных систем, избранные двумя ведущими державами Западной Европы — Англией и Францией.

Первая в Европе английская революция XVII в. прошла через достаточно драматические этапы — гражданскую войну, казнь короля, диктатуру Кромвеля, но завершилась, в конце концов, компромиссом сторон, прежней и новой элит — консервативной земельной аристократии и либеральной городской буржуазии. Политической формой этого компромисса стала монархия, где права короля были жестко ограничены парламентом с аристократической Палатой лордов и преимущественно буржуазной Палатой общин, баланс между которыми обеспечивала относительно независимая судебная система. Создание такой системы облегчалось постепенной интеграцией прежних элит в рыночную экономику и использованием буржуазией в своих интересах таких позитивных элементов старого порядка, как гарантия неприкосновенности личности Великой хартией вольностей, вырванной некогда феодалами у короны. Залогом ценностной стабильности общества послужил тот факт, что английская революция проходила под флагом протестантского пуританства, но в лоне господствующей англиканской церкви.

По-иному сложились судьбы Великой Французской революции 1789 г. Жесткая вертикаль власти абсолютной монархии, опиравшейся на союз двух привилегированных, освобожденных от налогов сословий — дворянства, которое контролировало высшие эшелоны власти, и католического духовенства с его монополией на образование, исключала межэлитный компромисс. Интеграция части буржуазии в структуры системы через откупы, займы короне, продажу государственных должностей и дворянских грамот не меняла дела: крайняя централизация процесса принятия решений лишь создавала почву для коррупции, блокируя модернизационные реформы.

На фоне хронического дефицита государственных финансов, связанного с содержанием пышного версальского двора, многочисленного, продажного и неэффективного чиновничества, огромной армии для дорогостоящих военных походов, напряженность во французском обществе между верхами и «третьим сословием» неуклонно росла, вызвав, в конечном счете, раскол элит. Сформированные просветителями идеи разделения и равновесия властей, общественного договора

между государством и гражданским обществом завоевали умы большинства французского, а затем и европейского общества⁷.

Как известно, Великая Французская революция была реализована в крайне жестком варианте. Компромисс элит, подобный английскому, не состоялся. При этом утрата дворянскими элитами идейно-ценностной гегемонии усугублялась глубокой дискредитацией их союзницы и духовной опоры — католической церкви. Поэтому в отличие от более ранних английской, а затем нидерландской революций события во Франции прошли под знаменем не протестантского пуританства, а воинствующего свободомыслия и антиклерикализма.

Психологические, в том числе ценностные различия в подходах к традиции и модерну по обе стороны Ла-Манша удачно определил Жак Фовэ — известный французский публицист, главный редактор влиятельной газеты «Монд» в середине XX в.: «Консерватизм может служить плотиной, которая сдерживает напор потока допущенных ошибок. Если бы поток протекал свободно, он снес бы все на своем пути. Определенный механизм может упорядочить течение, использовать его силу, если нужно профильтровать. Это консерватизм по-английски. В противном случае плотина поднимается с уровнем воды до тех пор, пока ее однажды не прорвет. Это консерватизм по-французски. Революции вспыхивают только потому, что эволюции слишком запаздывают»⁸.

Не случайно противостояние Великой Французской революции объективно создало благоприятную почву для прочного утверждения на европейской почве идеологии консерватизма. Независимо от национальных особенностей консерватизм как образ мыслей и ценностная тенденция остается и поныне основой общественных взглядов значительной части европейцев. Именно он служит краеугольным камнем той части европейского политического спектра, которую принято называть правой.

Сам этот термин, как и противоположное ему прилагательное — левый, появился в начале Великой Французской революции. В августе 1789 г. депутаты Законодательного собрания, выступавшие за сохранение за королем в тексте будущей Конституции права вето на принятые народными представителями законы, разместились справа от председателя (это были дворяне и большинство духовенства), а его противники, представители «третьего сословия» — слева. С тех пор эти термины прочно вошли в мировой политический лексикон. Хотя их смысловая

⁷ *Ferro M. Histoire de France. Paris: Odile Jacob, 2003. P. 266–267.*

⁸ *Fauvet J. La France déchirée. Paris: Fayard, 1957. P. 31–32.*

нагрузка колебалась в разные времена и в различных странах в весьма широком диапазоне. Правые ценности в принципе означают предпочтение существующего порядка реформам во имя сохранения стабильности, а то и возврат к идеализированному прошлому. Ценностное кредо европейских правых консерваторов всегда базировалось на доверии к вертикальной иерархии элит, чей авторитет вытекает из их происхождения, образования, богатства, культуры, навыков управления обществом. Основными задачами государственной власти правые считают обеспечение общественного порядка, внешней и внутренней безопасности, неприкосновенность собственности. В духовной сфере они защищают обычно традиционные моральные ценности — семью, религию, нацию. В искусстве ценят классические традиции, не доверяя модернистским исканиям. Наконец, в международных делах представителям правоконсервативной традиции свойственны тенденция к преимуществу национально-государственных интересов перед многосторонними обязательствами, склонность к изоляционизму, жесткие методы решения спорных проблем, в том числе силовыми способами.

Правые ценности разделяют не только представители социально привилегированных слоев, но и значительная часть обывательской массы, боящейся любых перемен и воспитанной в патерналистском духе уважения к власти. Если основное ядро правого электората — верхняя страта среднего класса — остается обычно умеренно-консервативным, то в периоды кризисов часть его оказывается восприимчивым к популистской демагогии ультраправых радикалов во главе с харизматическими вождями, апеллирующими к люмпенизированным маргиналам. Они призывают не сохранить, а наоборот, сломать существующую систему, заменив ее режимом авторитарного типа. Однако такой оборот событий неизменно ведет к разрыву со всей системой европейских ценностей, в том числе правых. Катастрофические последствия этого наглядно продемонстрировали тоталитарные диктатуры в Европе между двумя мировыми войнами. Иными словами, плюрализм мнений, признание права на существование и гражданский диалог с политическими противниками, возможности ротации власти с ними в ходе свободных выборов является краеугольным камнем системы европейских общественных ценностей в целом⁹.

Противоположный, левый фланг европейского политического спектра имеет свой набор ценностных ориентиров. Для него харак-

⁹ Франция в поисках новых путей / Отв. ред. Ю.И. Рубинский. М.: Весь Мир, 2007. С. 319.

терны критическое отношение к статус-кво, стремление улучшить его путем модернизации общественных структур, вера в прогресс, социальную справедливость, защита демократии, прав человека, равноправие женщин, осуждение дискриминации представителей этнических, религиозных и сексуальных меньшинств. В конституционных вопросах сторонники европейских левых ценностей склонны поддерживать расширение полномочий выборных законодательных органов (парламент, местное самоуправление) как гарантии против авторитарных поползновений исполнительной власти, защищать независимость правосудия, гражданское общество от бюрократии, отстаивать светский характер государства. В сфере культуры сторонники левых ценностей обычно сочувствуют новаторским исканиям, модернизму и постмодерну, раскрепощению нравов. Наконец, во внешней политике левые в принципе сочувствуют мирному решению международных споров, разоружению, поддерживают усилия по защите окружающей среды и помощь развивающимся странам, хотя последняя принимает порой утрированные формы гуманитарного мессианства. В социальном плане левые ценности характерны для менее обеспеченной, но образованной части населения.

На протяжении XVIII–XIX вв. наиболее влиятельным идейно-политическим течением в Европе, разделявшим левые ценности, являлся либерализм, сторонники которого позиционировали себя как единственная альтернатива традиционалистскому консерватизму и феодально-аристократической реакции.

Слово «либерал» происходит от латинского *liber* — «свободный». Символом веры либералов считается свобода личности, несовместимая с наследственными статусными привилегиями элит и авторитарной властью государства. Гарантиями индивидуальной свободы для либералов всегда были и остаются частная собственность, разделение и равновесие ветвей власти, верховенство закона и независимость судей в правовом государстве. Либерализм по определению всегда отвергал насильственные формы борьбы, предпочитая путь постепенных реформ¹⁰. Подобная стратегия определялась социальной опорой либералов, которыми обычно являлись обеспеченные слои, не склонные рисковать достигнутым общественным положением и собственностью в ходе революционных потрясений.

Родиной европейского либерализма, безусловно, была Англия, где первая в мире буржуазно-демократическая революция XVII в., как уже

¹⁰ Слово «либерал» приобрело, в конечном счете, и более широкое применение — под ним обычно имеют в виду просто человека любых взглядов, склонного при решении конфликтов к терпимости, поискам компромиссной «золотой середины», снисходительности к уклонению от чересчур жестких правил.

отмечалось, завершилась компромиссом элит в форме ограниченной парламентом монархии. В верхней Палате лордов доминировали консерваторы — тори, в нижней Палате общин им успешно противостояли либералы — виги. Одни представляли интересы наследственной земельной аристократии, другие — городской торгово-промышленной буржуазии, политическое влияние которой нарастало по мере расширения избирательного права, ставшего действительно всеобщим, включая женщин, только в XX в. Виднейшим представителем английской либеральной политической мысли является Дж. Стюарт Милль, ее практиками — премьер-министры последней трети XIX — начала XX в. У. Гладстон и Д. Ллойд-Джордж.

Британский политический либерализм находил продолжение и закрепление в экономическом фритредерстве — ориентации на свободу торговли от таможенных барьеров, на избавление от излишне тяжелого налогового бремени, от жесткого административного регулирования государством рынка, в том числе рынка рабочей силы. Оно нашло обоснование в классических трудах А. Смита и Д. Рикардо, ставших фундаментом либеральной экономической мысли на два столетия — вплоть до Ф. фон Хаека, В. Рёнке и М. Фридмана в XX в. Фритредерство исходит из базового постулата, согласно которому свободная конкуренция производителей товаров и услуг на рынке является единственным способом примирить узкокорыстные эгоистические частные интересы с общими. В ценностном отношении этот рыночный механизм освящался «протестантской этикой», для которой успех в делах выступал не плодом греховного корыстолюбия, а исполнением морального долга перед Богом и людьми.

Достижения либералов на определенном историческом этапе развития экономики и демократизации политической жизни Европы XIX в. трудно отрицать. Именно под их руководством Великобритания стала промышленной «мастерской мира», его главным торгово-финансовым центром, метрополией величайшей в истории империи, а Европа — ведущим цивилизационным центром в глобальном масштабе. Однако в XX в. либеральный сегмент системы европейских ценностей значительно сузился, а сам либерализм утратил былую роль авангарда общества, сместившись с левого фланга политического спектра Европы на правый. В ведущих государствах ЕС сравнительно небольшие либеральные партии типа свободных демократов или либерал-демократов играют роль довесков, младших партнеров в правоцентристских коалициях с консерваторами.

Добившись внушительных успехов на волне научно-технических революций, экономика мирового капитализма не смогла избавиться

от имманентно присущих рыночному хозяйству издержек: циклического развития, безработицы, имущественного неравенства. В ходе двух самых масштабных системных кризисов — Великой депрессии 1929–1933 гг. и Великой рецессии, начавшейся в 2008 г., — стали неизбежными меры государственного вмешательства в экономику кейнсианского типа: стимулирование спроса через финансирование бюджетом крупных инфраструктурных проектов, в том числе за счет гибкой денежно-кредитной политики, использование смешанных форм собственности и др. Хотя эффективность этих инструментов имела определенные пределы, а монетаристский неолиберализм неоднократно и безуспешно переходил в контрнаступление, государственное вмешательство выглядело теперь уже как «консервативная революция».

К началу XXI в. в развитых странах Европы политическая программа либералов (смена абсолютных монархий конституционными или республиками, развитие парламентаризма, гарантии основных гражданских свобод, отделение церкви от государства) давно реализована, а ценностные категории либерализма в плане модернизации нравов или культуры стали общим достоянием. Несмотря на культ индивидуальной свободы и враждебность сословным привилегиям, которым противопоставлялась меритократия («власть умных и заслуженных»), либеральные ценности во многом элитарны. Одержав окончательную победу над феодально-абсолютистской аристократией, либерально-буржуазные элиты Европы становились более консервативными, заимствуя у вчерашних соперников справа значительную часть их традиционалистских ценностей — семейных, религиозных, этических и эстетических¹¹. Эта эволюция стала очевидной уже с середины XIX в. во Франции, запоздалое вступление которой в эпоху промышленного капитализма сопровождалось острыми коллизиями между трудом и капиталом. Поэтому именно во Франции, а не в экономически более передовой Англии рабочее движение выдвинуло лозунги социализма, которые противопоставили либеральной системе ценностей собственную, основанную на идее социальной справедливости¹².

Принимая поочередно утопические (Сен-Симон, Фурье, Кабе), анархо-синдикалистские (Прудон), гуманистические (Жорес), наконец марксистские (Гед) формы, французский социализм отражал издавна присущие политической культуре Франции этатистские и эгалитаристские традиции, существенно отличные от англосаксонского

¹¹ Talisse R.B. *Pluralism and liberal politics*. N.Y.: Routledge, 2012; Fein M.L. *Post-liberalism*. N.Y., 2012; Leboyer O. *Elites et libéralisme*. Paris, 2011.

¹² Ligou D. *Histoire du socialisme en France (1871–1961)*. Paris, 1962.

либерализма. Между тем именно синтез обоих лег в основу европейской модели капитализма, реализованной наиболее эффективно в Германии и Скандинавских странах.

Получив широкое распространение далеко за пределами Франции и Европы, международное социалистическое движение распалось в начале XX в. на два основных потока — реформистскую социал-демократию и коммунистическое течение, ценностные установки и политические пути которых расходились все дальше. Первая доминировала в экономически более развитой Европе (Германия, Великобритания, Скандинавские страны), второе — там, где доля крестьян и традиционных городских слоев населения долго оставалась выше (Россия, Франция, Италия, Испания).

Окончательный разрыв между ними не только в идейно-политическом, но в ценностном плане произошел в результате Первой мировой войны и Октябрьской революции в России. Судьбы обоих течений оказались различны, хотя ни одно, пусть в разной степени, не оправдало ожиданий своих сторонников.

Серьезной заслугой западноевропейской социал-демократии стала, прежде всего, ее способность перехватить у либералов миссию защиты и дальнейшего развития народовластия, соединив ее с социальными реформами. Приходя к власти в результате свободных выборов, партии Социал-демократии сыграли решающую роль в становлении европейской модели рыночного хозяйства, составной частью которого были антикризисное регулирование с активным участием государства и широкая система социальной защиты. После Второй мировой войны социал-демократы вместе с христианскими демократами и либералами внесли значительный вклад в развитие европейской интеграции. Однако эти достижения потребовали от социал-демократов принесения в жертву значительной части не только исходных программных установок, но и некоторых основополагающих ценностей. Лозунги ликвидации частной собственности на средства производства, несовместимые с рыночной экономикой и правительственной ответственностью, отправили в архив. Убыточный госсектор был резко сокращен или приватизирован не только правыми консерваторами и либералами, но и самими социал-демократами. Перераспределительное соцобеспечение и трудовое законодательство приводятся в соответствие с жесткими требованиями обеспечения финансового равновесия, диктуемыми интеграцией экономики стран ЕС и глобализацией.

К началу XXI в. европейская социал-демократия по существу отказалась от лозунгов «разрыва с капитализмом», ограничившись управлением обществом и государством в соответствии с универсаль-

ными законами рыночной экономики. Центр тяжести ее деятельности сместился к защите левых ценностей в социальной и общественно-политической областях (соцстрах, трудовые отношения, права меньшинств, защита окружающей среды, образование, здравоохранение и т.д.). Социал-демократия фактически заняла покинутую либералами нишу основного противовеса правым консерваторам на ценностном уровне. Половинчатые итоги деятельности европейских социал-демократов с ценностной точки зрения выглядят, однако, гораздо позитивнее, нежели судьбы другой составляющей мирового социалистического движения — коммунизма, пришедшего в Европе к XXI в. в состоянии глубокого кризиса.

На протяжении XIX—XX вв. значительное место в числе европейских ценностей, наряду с консерватизмом, либерализмом и социализмом, занял национализм. Естественное чувство привязанности к родной стране и ее народу, гордости ее историей и культурой присуще человеку с глубокой древности. Оно особенно обостряется в периоды национальных катастроф и бедствий, когда тревога за судьбы Отечества спланивает народ вокруг харизматических персонажей, чьи образы становятся олицетворением национального единства (Жанна д'Арк во Франции, Минин и Пожарский в России и т.д.). Однако при определенных обстоятельствах это чувство может приобретать утрированный характер, находя выражение в притязаниях на превосходство своего народа над другими, в презрении и враждебности к ним. Тогда патриотизм перерождается в национализм, ксенофобию, а порой даже в расизм.

Превращение патриотизма или национализма из этнокультурного феномена в политический, а главное в ценностный, началось в Европе со времен Великой Французской революции. Именно тогда подданные монархов, принадлежавшие порой к разным народам и говорившие на разных языках, были провозглашены гражданами с равными правами и обязанностями независимо от происхождения, взглядов или вероисповедания. Якобинцы даже заявляли, что гражданином Французской республики может считать себя любой человек, преданный идеалам свободы и преследуемый за это. Новые импульсы пробуждения национально-патриотических чувств европейских народов дали Наполеоновские войны и «весна народов» — революции 1848 г., в ходе которых борьба за освобождение от иностранного господства переплелась с лозунгами демократического объединения раздробленных народов, прежде всего, Германии и Италии, в государства-нации.

Родившиеся на левом фланге европейского политического спектра (недаром французские якобинцы называли себя «патриотами») национально-патриотические ценности перекочевали во второй поло-

вине XIX в. на правый, где их взяли на вооружение консервативные, а затем и реакционные силы. Особенно зловещие формы крайний национализм приобрел в Европе между двумя мировыми войнами, когда стал основой идеологии итальянского фашизма, германского нацизма и ряда периферийных авторитарных диктатур (Испания, Португалия, Греция, Венгрия, Румыния и т.д.). Чудовищные преступления против человечества, в том числе геноцид миллионов невинных людей — евреев, славян, цыган и представителей прочих народов, совершенные гитлеровцами во имя господства «арийской высшей расы», получили должную квалификацию в приговоре Международного трибунала в Нюрнберге. Трагический опыт межвоенного периода оказал значительное влияние на европейскую систему ценностей.

Тем не менее рецидивы крайнего национализма дают себя знать вплоть до наших дней, причем имеют тенденцию к учащению. Наглядный пример этого — острый конфликт между различными этнолингвистическими, культурными и политическими составляющими украинской нации, поставивший страну на грань распада.

В ряде европейских стран питательной почвой для радикал-национализма оказалась массовая иммиграция прежде всего из экономически и политически отставших стран с чуждой европейцам культурной и конфессиональной ментальностью.

Реакцией коренного европейского населения на этот процесс стал рост отчуждения и враждебности к иммигрантам, активно и небезуспешно используемые на фоне кризиса ультраправыми популистскими партиями типа Партии свободы в Нидерландах и в Австрии, «Золотой зари» в Греции или Национального фронта во Франции. Требования прекращения иммиграции, высылки нелегальных иммигрантов, предоставления коренному населению преимуществ при приеме на работу, распределении жилья и социальных льгот принесли кандидату Национального фронта Марин Ле Пен почти 25% голосов на выборах в Европарламент 25 мая 2014 г. Соответствующие настроения оказывают влияние и на умеренные партии правого центра.

Национал-популистская волна не могла не отразиться на системе ценностей, сложившейся в Европе на рубеже третьего тысячелетия. Сравнительно недавно воспоминания об ужасах гитлеровского геноцида, как и тяжелый психологический осадок, оставшийся от войн периода деколонизации (Вьетнам, Алжир и т.д.), а в немалой степени и от постколониальных военных действий (Ирак, Ливия, Афганистан, Сирия), вызывали у большинства европейцев, особенно придерживающихся левых взглядов, синдром морального осуждения любой дискриминации людей с иным цветом кожи, культурой, религией. Одним

из важных последствий подъема националистических настроений у части европейского общества, в основном правой, стало падение популярности идеологии и ценностей европеизма.

Ценностная составляющая евростроительства не раз подвергалась испытаниям как внутри ЕС (например, двойные стандарты в отношении статуса «неграждан» в странах Балтии), так и вовне (войны в Боснии и Герцеговине, Сербии), но в целом сохраняла свою роль вплоть до разворачивания кризиса мировой экономики в 2008–2009 гг. На фоне серьезных экономических трудностей, с которыми столкнулся Евросоюз и особенно его южная периферия, средиземноморским странам стало все труднее соблюдать в полном объеме основополагающие принципы евростроительства. В ходе революций так называемой «арабской весны» потоки беженцев из Северной Африки заставили ряд ведущих европейских стран временно приостановить действие Шенгенских соглашений о безвизовом режиме и потребовать их пересмотра. Это же способствовало дальнейшему ужесточению иммиграционной политики ЕС. В итоге притягательность «европейской мечты» оказалась под вопросом. Евроскептицизм значительной части избирателей и вызванный им раскол элит привели к намерению провести референдум о сохранении членства в ЕС Великобритании.

Определенные основания для пессимистических оценок сложившейся ситуации бесспорно есть, причем не только в связи с ростом национал-популизма и существенно возросшей перекачки финансовых потоков с севера ЕС на его юг. На протяжении последних десятилетий в странах Евросоюза наметились и многие другие опасные тенденции, тревожащие общественность.

Успехи борьбы женщин за равноправие в образовании и профессиональной деятельности, механизация быта, семейное планирование, социальное обеспечение подточили прежние устои моногамной семьи. Этому способствовали «революция нравов» молодежи, легализация «мягких» наркотиков и однополых браков. Ценностные устои европейцев расшатываются под натиском безудержного консюмеризма — культа потребления, стимулируемого вездесущей рекламой и финансируемого все более рискованным кредитом. Коррупционные и сексуальные скандалы нанесли тяжелый ущерб авторитету экономических и политических элит, символами морального падения которых стали фигуры С. Берлускони и Д. Строс-Кана. Молодое поколение европейцев, наиболее пострадавшее в ходе мирового кризиса, все чаще ставит под вопрос лицемерное «единое мышление», выходя порой на массовые акции протеста. Эти тревожные тенденции ведут к распространению упаднических настроений.

Тем не менее объявлять на этом основании систему европейских ценностей безнадежно устаревшей было бы глубокой ошибкой. Именно в нынешнюю эпоху коренной ломки глобального баланса сил, а вместе с ним и многих традиционных представлений о границах добра и зла в отношениях между цивилизациями, народами и отдельными людьми становится особенно очевидным непреходящее значение европейских ценностей как одного из основных компонентов духовного наследия всего человечества.

Европа для себя или для всех?

На рубеже третьего тысячелетия мир стал свидетелем крушения альтернативной системы ценностей «реального социализма», предлагавшейся коммунистическим движением. Двумя десятилетиями спустя плачевный исход войн в Ираке и Афганистане на фоне тяжелого структурного кризиса американской и мировой экономики нанесли тяжелый урон престижу либерального капитализма по модели США, которую после холодной войны поспешили провозгласить венцом мировой цивилизации, «концом истории»¹³. В итоге ни одна из основных соперничавших ценностных систем бывшего биполярного мира так и не стала универсальной.

Между тем беспрецедентный подъем экономики ряда развивающихся стран, прежде всего Китая и Индии, а также Бразилии, ЮАР, Южной Кореи, Турции, Индонезии, который привел к сдвигу центра мировой экономики и политики от Атлантики к Азиатско-Тихоокеанскому региону (АТР), породил надежды на создание новой, более динамичной и перспективной модели развития. Она стала бы, как надеялись некоторые европейцы, основой не только сбалансированного многополярного миропорядка, но и принципиально иной, приемлемой для всех, общей системой ценностных координат.

Однако «поднимающиеся» страны так и не создали принципиально иной модели социально-экономического развития. Составляющие их «экономического чуда» известны — это дешевая рабочая сила, импорт западных технологий и капиталов, огромная доля накопления и инвестиций в ВВП, наконец, значительная роль государства в определении стратегических приоритетов, в обеспечении благоприятного для инвесторов налогового, социального и экологического законодательства. Успешно соединить эти элементы мог, как правило, жесткий

¹³ Zakaria F. The Post-American World. L.: Allen Lane, 2008. P. 5.

режим авторитарного характера, отвечавший историко-культурным традициям и реалиям большинства стран, сравнительно недавно добившихся независимости от колониального или полуколониального господства. Атрибутами таких режимов обычно оказываются несменяемость лидеров, все более резкий разрыв в уровне доходов верхов и низов, глубокие региональные и отраслевые диспропорции, запредельная коррупция бюрократии и, как следствие, рост социально-политической напряженности, рано или поздно чреватой серьезными потрясениями.

Этап ускоренного догоняющего развития, подкрепленного в ряде случаев сырьевой рентой в виде экспорта природных ресурсов, имеет пределы во времени и в пространстве. Трудовые ресурсы по мере «демографического перехода» сокращаются и дорожают, природные богатства испытывают резкие ценовые колебания, тогда как источники инвестиций из постиндустриальных стран Запада в условиях кризиса, как и их рынки, сокращаются. Единственным способом предотвратить крушение такой исчерпавшей свой ресурс модели может быть лишь своевременное реформирование прежних структур. Недаром новое, пятое после революции поколение руководства КНР, пришедшее к власти в 2012 г., провозгласило своей целью переход к новой модели развития, сочетающей расширение внутреннего спроса и модернизацию производственных структур на основе инновационных технологий будущего.

Если в социально-экономической сфере речь не идет более, как это было во времена холодной войны, о соперничестве разных моделей общества как универсального эталона, то в области культуры, особенно систем ценностей, такая конкуренция исключена по определению. Ни одна из держав бывшего «третьего мира», ни все они вместе взятые не могут, да и не стремятся распространять свои собственные ценностные категории вовне, навязывая их силой другим. Будучи наследниками великих древних культур и религий, каждая из них озабочена, прежде всего, сохранением собственных ценностей, которым грозит глобализация, нежели приведение их к единому стандарту или проекции вовне. Исключением из этого правила являются лишь представители фундаменталистского ислама, выступающие под флагом террористической «священной войны» — джихада во имя создания мирового халифата, основанного на ценностях тысячелетней давности. Однако мусульманский мир глубоко расколот, а значительная часть его предпочитает искать свои пути развития.

Особенно показателен пример Японии — первой из неевропейских держав, преуспевшей в модернизации экономики и общества по

западным образцам при ревностном сохранении своей национальной идентичности. Являясь третьей после США и КНР экономикой мира, Япония остается — больше, чем какая-либо другая современная страна, — верной своим собственным ценностям, «экспортный потенциал» которых не может быть сравним с торговым. К тому же японская демография оказалась одной из самых проблемных в мире, а экономика с конца 80-х годов XX в. переживает хроническую стагнацию. Это побуждает ее приступить в 2013 г. к коренному пересмотру прежней экономической стратегии. Не исключено, что японский сценарий может рано или поздно повториться и в других «поднимающихся» державах Азии, Африки, Латинской Америки, включая Китай, Индию, Бразилию и ЮАР, по мере преодоления ими разрыва в уровне развития от постиндустриального Запада.

Между тем тяжелый долговой кризис стран южной периферии еврозоны, отразившийся на экономике и функционировании Евросоюза в целом (низкие темпы роста, высокая безработица и т.д.), нанес немалый ущерб репутации европейской социально-экономической и политической модели, сложившейся за последние полвека и основанной на интеграции. Тем не менее очередь кандидатов на вступление в ЕС не сокращается, а «копенгагенские критерии» для них остаются в силе. Более того, даже правящие круги государств с режимами авторитарного типа в Азии, Африке, Латинской Америке, на постсоветском пространстве вынуждены прибегать к имитации выборных представительных учреждений, допускать в определенных рамках деятельность гражданского общества, претендовать на соблюдение прав человека именно в европейском понимании данных категорий. Это можно рассматривать как свидетельство того, что европейские ценности, точнее, та их часть, которая получила глобальное измерение, имеют шансы быть все более востребованными, прежде всего, благодаря их многообразию, плюрализму, позволяющим адаптировать их к самым различным условиям. Основные течения европейской политической мысли и практики — консерватизм, либерализм, социализм, национализм — существуют в том или ином виде повсюду, но именно в Европе их сторонникам удалось, за некоторыми исключениями, наладить цивилизованное сосуществование.

Российский философ Т.В. Скородумова высказала в свое время справедливую мысль о том, что стержнем системы европейских ценностей является положение человека в обществе, определяемое контрактом — формальным или нет — между верхами и низами, управляющим и управляемыми. Исполнение такого контракта достигается по-разному с учетом различного уровня экономического развития,

культурных особенностей каждой страны, но он в любом случае предполагает диалог между государством и гражданским обществом, исполнительной и законодательной, светской и духовной, экономической и политической властями. Альтернативой ему неизбежно оказываются социально-политические потрясения с высокими издержками для общества в целом, причем их масштаб прямо пропорционален степени жесткости вертикально-иерархических режимов, что наглядно показала серия «цветных революций».

Вданной связи возникает естественный вопрос о значении европейских ценностей для России, который остается в центре ее общественно-политической и духовной жизни на протяжении многих столетий¹⁴. Со времен крещения киевлян в 988 г. восточное славянство, точно так же, как южное или западное, являлось органической составной частью христианской Европы, полностью разделяя систему ее средневековых ценностей. Дочери великого князя Ярослава Мудрого были замужем за королями Франции, Венгрии и Норвегии. Купеческие республики Великого Новгорода и Пскова фактически входили в Ганзейский союз на Балтике вместе с немецкими и скандинавскими городами.

Церковный раскол, но особенно вторжение в середине XIII в. татаро-монголов, за которым последовало 240-летнее господство Золотой Орды, существенно изменили ситуацию. Русь оказалась надолго отрезанной от Западной и Центральной Европы, оставшись в стороне от важнейших этапов формирования ее культурной идентичности — Ренессанса, Реформации, великих географических открытий. Даже после того как русские княжества преодолели усобицы, сплотились вокруг Москвы и сбросили ордынское иго, последствия этой изоляции еще долго давали о себе знать.

Именно тогда возник спор о пределах Европы, который продолжается до сих пор. На западе ими со всей очевидностью считаются Атлантический океан, на севере — Северное и Балтийское, на юге — Средиземное моря. Между тем на востоке эта граница, формально проходящая по Уралу, сугубо условна. Уже в XVI в. Московское царство завоевало Сибирь, раздвинув свои пределы далеко вглубь Азии — до Тихого океана, а на некоторое время даже до побережья Северной Америки вплоть до Калифорнии. Причем это гигантское евроазиатское пространство оказалось ввиду крайней малочисленности коренного населения и его ассимиляции в цивилизационном отношении практически однородным.

¹⁴ Рубинский Ю.И. Указ. соч.

В связи с этим вопрос о границе Европы перерос из географического в культурный и политический — о принадлежности России к европейской цивилизации вообще и системе ее ценностей в частности. Мнения на этот счет разделились. Представление об имманентной цивилизационной несовместимости Европы и России из-за ее континентальных масштабов, евроазиатской географии, сложной истории, наконец, этноконфессиональной неоднородности прочно укоренилось в сознании значительной части западноевропейских элит. Со своей стороны, Московское царство, сплотившее русские земли и освободившее их от власти Золотой Орды, ревниво оберегало недавно обретенную независимость — как политическую, так и духовную. Ее оплотом служила православная церковь, видевшая в католической Европе и ее авангарде на востоке — Польско-Литовской державе — опасного врага, особенно после Смутного времени (начало XVII в.).

Вместе с тем в московских верхах постепенно зрело понимание того, что в условиях изоляции от западного образования, науки, техники, товаров, специалистов страна неизбежно обречена на маргинализацию, оставаясь полуазиатским провинциальным задворком европейской цивилизации. Именно это сознание подготовило почву для беспрецедентных по решительности, а порой и по варварской жестокости реформ Петра Великого, прорубивших России «окно в Европу». Однако петровская «революция сверху» оказалась сопряженной с огромными издержками — не только людскими и материальными (население страны сократилось на четверть), но также духовными. Между европеизированным, причем долгое время весьма поверхностно, тонким слоем служилого дворянства, бюрократии, нарождавшейся городской буржуазии и интеллигенции, с одной стороны, и народными массами, прежде всего закрепощенным крестьянством — с другой, образовался глубокий разрыв не только в культуре, образе жизни, быте и нравах, но даже в языке. По существу, в послепетровской России сложились две разные, во многом даже противоположные системы ценностей — такого разрыва в Западной Европе не бывало нигде.

Отрыв российских элит от народа усугублялся не менее глубоким расколом самих элит на тех, кто стремился довести модернизацию общества до европейских стандартов — отмены крепостного права, гарантий основных гражданских свобод в конституции, создания выборных представительных учреждений, и их противников, упорно сопротивлявшихся переменам во имя защиты исконных национальных традиций. Хотя борьба между консерваторами и либералами, затем либералами и социалистами была общей чертой общественно-политической жизни всех европейских стран, выливаясь порой в революцион-

ные потрясения, именно в России культурный раскол элит приобрел характер перманентного противоборства несовместимых систем ценностей. По существу, это был конфликт между двумя путями развития страны, четкий выбор между которыми крайне затруднялся двойственностью ее географии, истории и культуры.

При этом оба лагеря всегда были крайне неоднородными: эстафета европеизма переходила от Новикова и Радищева к либеральному окружению молодого Александра I, затем к декабристам, «западникам», творцам реформ Александра II, кадетам, социал-демократам. Лагерь традиционалистов оставался идейно не менее разношерстным и противоречивым: он включал отнюдь не только твердолобых реакционеров-охранителей или черносотенных националистов-погромщиков. В нем фигурировали и либеральные славянофилы (Киреевский, Хомяков, братья Аксаковы), революционные и либеральные народники, искавшие путь к социализму через крестьянскую общину, их преемники-эсеры.

Двойственность отношений между Западной Европой и Россией, вызывавшая раскол внутри обеих элит, давала себя знать и в советский период. Партия большевиков пришла к власти как сугубо «западническая» сила — революционное крыло международной, прежде всего европейской социал-демократии под флагом родившихся в Европе марксистских идей. В глазах Ленина и Троцкого октябрьский переворот 1917 г. должен был стать началом мировой социалистической революции, для которой Россия являлась лишь отправной точкой, подтолкнув революцию в Германии. Поэтому на протяжении первого десятилетия советской власти СССР выступал в роли знаменосца универсалистских, мессианских идей глобального масштаба, свойственных тогда европейской интеллектуальной традиции. Прошлое России осуждалось как сплошное «темное царство» реакции, православная церковь подвергалась гонениям, а из национально-культурных традиций принималось только то, что выглядело предтечей революции.

Однако по мере того как мечты о мировой революции рассеивались, а Сталин приступал к строительству «социализма в одной стране», идейное кредо режима претерпевало существенные изменения. Сбылось предвидение Н. Бердяева, считавшего, что 3-й Коммунистический Интернационал на российской почве рано или поздно станет лишь советским изданием идеи «Третьего Рима». Модернизационный пафос индустриализации все сильнее подкреплялся мотивами советского патриотизма — в истории России подчеркивалась позитивная роль царей-строителей империи (Ивана Грозного, Петра I). Эта смена вех получила новый мощный стимул во время Второй мировой войны,

когда Сталин апеллировал к патриотическим ценностям русского народа, памяти «великих предков» — Дмитрия Донского, Александра Невского, Суворова и Кутузова. В официальной советской идеологии победа в Великой Отечественной войне оттесняла на задний план поблекшие воспоминания о революционной романтике Октября в качестве главного источника легитимации режима.

Традиционная дихотомия между Европой и Азией как на духовном, цивилизационно-ценностном уровне, так и в поисках оптимальной социально-экономической модели, государственного строя, внешнеполитического курса сохранялась и в постсоветской России. Это особенно четко проявилось с того времени, когда в коридоры власти правопреемницы бывшего СССР — Российской Федерации — на короткое время пришла группа молодых представителей либеральной интеллигенции. Ее целями были провозглашены решительный разрыв с советским прошлым, создание в кратчайшие сроки основ рыночной экономики и плюралистической демократии, сближение с евроатлантическими структурами по самому широкому кругу международных проблем.

Определенные результаты на этом пути были достигнуты. Однако их экономическая эффективность оказалась сомнительной, а социальная цена — чрезвычайно высокой. Между тем значительное ослабление военного потенциала России, зависимость ее экономики от кредитов международных финансовых институтов, контролируемых США, серьезно подорвали позиции Москвы на международной арене, что вылилось в серию внешнеполитических неудач, в частности, в ходе распада бывшей Югославии, расширения НАТО и т.д.

Результатом стал уже в конце 90-х годов XX в., но особенно в начале XXI в. крутой перелом настроений российской общественности, тяжело переживавшей болезненный синдром утраты роли мировой державы. В дискурсе представителей правящих кругов все сильнее зазвучали национал-патриотические мотивы. Они находили идеологическую подпитку в подъеме антизападных, клерикальных и почвеннических течений, представители которых отстаивали для России особый путь с собственной системой ценностей. Эти мотивы сопровождались нарастанием авторитарно-бюрократических методов управления, преобладанием централизма над федерализмом, усилением роли государства в экономике.

Вместе с тем выросшая в нулевые «тучные годы», приспособившаяся к новым условиям существования прослойка жителей крупных российских городских центров — средоточия современных видов производства, услуг и информации — стала проявлять неудовлетворенность

положением дел в стране. В конце 2011–2012 гг. она нашла выражение в массовых уличных демонстрациях, участники которых мотивировались не столько конкретной экономической или политической программой, сколько требованиями морально-ценностного порядка. Хотя к протестному движению примкнули отдельные националисты и левые радикалы, большинство разделяло либерально-западнические ценности. Однако основная масса населения страны, не обнаружив в этом движении отклика на свои интересы, его не поддержала.

Противоречивые тенденции в общественной жизни России начала XXI в. не являются, по существу, принципиально новыми. Они лишь продолжают в современных условиях издавна присущую стране внутреннюю противоречивость культурно-ценностных ориентиров, связанную с ее уникальной географией и сложной, порой трагичной историей.

В данной связи имеет смысл уточнить грань между геополитическими и экономическими интересами России, с одной стороны, и системой ее ценностей — с другой.

Первые, безусловно, требуют многовекторного, сбалансированного подхода. «Поворот на восток» в сторону динамично развивающегося Азиатско-Тихоокеанского региона, бесспорно, является объективным императивом для всех центров силы глобализированного многополярного мира. Для России проблема интенсивного обустройства Сибири и Дальнего Востока, занимающих три четверти ее территории, но насчитывающих лишь 20% населения, стала вопросом ее выживания как великой державы. Отсюда — естественно активное развитие экономического и политического сотрудничества Российской Федерации с государствами АТР, прежде всего, со своим великим соседом — Китаем.

Однако попытки придать общему геополитическому тренду ценностное измерение, представить его как выбор между европейскими и азиатскими ценностями в пользу последних или как претензию на роль особой евразийской цивилизации, по меньшей мере, наивны. Они могут привести Россию либо к самоизоляции, либо к раздвоению собственной духовной идентичности. В этнокультурном, конфессиональном, а главное, в ценностном отношении Россия всегда была, есть и будет своеобразной, но органической и к тому же незаменимой составной частью европейской цивилизации.

Глава 4

ТРАГИЧЕСКИЕ ИЗЛОМЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Нередко приходится сталкиваться с утверждением, будто прогресс в истории человечества неразрывно связан с войнами. Этот лукавый тезис во многом способствовал прославлению милитаризма и принес человечеству неисчислимые беды. Соответствующая идеология формировала, в частности, основополагающие постулаты теорий, на которые опирались завоеватели всех времен. История же указывает на закономерность противоположного тезиса: войны всегда толкали общество назад. Для тех, кому когда-либо приходилось вплотную столкнуться с войной и всем, что с ней связано, этот тезис не требует особых доказательств. На собственном опыте они убедились в том, что война — это, прежде всего, смерть и разрушения, бессмысленная трата национальных потенциалов, вражда между народами, становящаяся подчас «наследственной».

Кто в Европе хозяин?

В истории человечества насчитывается множество войн. Их было столько, что трудно четко отделить «мирные» эпохи от «немирных». Поэтому можно понять тех, кто поддается соблазну считать непрерывность военных конфликтов неизбежной и рассматривает, скажем, европейское прошлое как убедительную иллюстрацию рассуждений о «пользе войн». Действительно, на просторах Европы извечно шло противоборство между теми, кто уже освоился в той или иной местности и стал считать ее своей, и теми, кто пришел издалека, но хотел закрепиться именно здесь. Пишет же историю тот, кто остался победителем в схватке за «место под солнцем». К тому же не так легко установить, кто и где был «самым первым». Западная Европа не жаловалась на безлюдье еще до появления кельтов.

«Вновь прибывающих» бывало много. На протяжении тысячелетий они волнами накатывались из глубин Азии. Со временем, по мере заполнения людьми континентального пространства, направления перемещения человеческих масс разнообразились. Теперь удара можно было ждать отовсюду. Параллельно нарастала убойная сила применяемого оружия.

Понятие «война» сохранялось, но сущность обозначаемого им феномена менялась. Вряд ли можно считать явлениями одного порядка схватки с использованием мечей и стрел в рамках межплеменных раздоров седой древности, столкновения более поздних эпох с применением совершенствующегося огнестрельного оружия и поголовное истребление «вражеского» населения, не исключая женщин и детей, в ходе Второй мировой войны. Впрочем, тесная связь между ними сохранялась. Неоспоримо, что Холокост, Хиросима и Нагасаки стали апогеем дегуманизации, но начинался этот процесс, как считают многие специалисты, с уничтожения всего и вся еще во времена Тридцатилетней войны 1618–1648 гг., ставшей первой массовой мясорубкой в европейской истории.

Конечные цели завоевательных походов несильно отличались друг от друга. Военные и политические вожди видели свою задачу, прежде всего, в захвате обширной территории, в идеале — всего континента. Это диктовалось многими факторами, воспринимавшимися как рациональные. Ликвидация или ослабление максимального числа потенциальных соперников считались верхом государственной мудрости.

Стремление отдельных властителей стать единственным повелевателем Европы сопровождало каждый этап эволюции европейского социума. Впервые осуществить эту мечту (впрочем, только частично) удалось Древнему Риму, чья империя в эпоху расцвета включала в себя большую часть континента с вовлечением ряда внеевропейских территорий. Если абстрагироваться от рабовладения как экономической основы тогдашнего общества, римляне выполнили значительную часть требований, которые предъявляют сегодня цивилизованному государству. Их империю характеризовали внешняя безопасность, гражданский мир, свобода передвижения, унифицированное судопроизводство, централизованное управление, единая валюта, почта, надежная инфраструктура, сосуществование конкурирующих религий и т.д. И сегодня достойны восхищения системы водоснабжения римских городов, их цирки, бани, стадионы, канализация. Там, где сохранились отдельные участки дорог, связывавших Рим с отдаленными провинциями, ими можно пользоваться до сих пор. Населенные пункты не нуждались в укреплениях, оборонительные валы строились на государственных границах, главным образом на востоке, откуда грозило наше-

ствие непокорных народов, которых римляне презрительно именовали варварами, не подозревая, что именно они принесут гибель империи.

Ценой унификации тогдашнего цивилизованного мира был постоянный конфликт Рима с нелатинизированной частью Европы. А это означало нескончаемые военные действия, которые в конце концов опрокинули Рим.

Поскольку в те времена Европа, включая Средиземноморье, оставалась самодостаточной и замкнутой цивилизацией, внешние войны Рима и нашествия варваров выглядели в определенном смысле как эпизоды затянувшейся мировой войны. Вместе с тем уже практика Древнего Рима показала, что объединение Европы силой не может быть прочным и военные победы, какими бы они ни были блестящими, непременно сменяются поражением.

«Наследники» Рима

Заключительный этап самого долговечного европейского лидерства, которое выпало на долю Древнего Рима, ничем не напоминал голливудский «хеппи-энд». В начале новой эры Римская империя распалась на две части: западную, которую быстро победили варвары, и восточную, сохранившую в облике Византии основы греко-римской цивилизации и еще тысячу лет прикрывавшую Западную Европу от азиатского натиска. Однако вместо благодарности и солидарности со стороны западных европейцев, с которыми византийцев к тому же связывала единая христианская вера, Византия стала жертвой вероломного нападения крестоносцев, а позже была брошена на произвол судьбы перед лицом османского нашествия. «Небесное отмщение» оказалось скорым — турки захватили Балканы и осадили Вену.

После гибели Византии функцию щита для Европы приняла на себя Русь-Россия. Православие стало прямым восприемником античной культуры. В поствизантийский период суть отношений между Западом и Востоком Европы не изменилась. Отягощенные недоверием и взаимными подозрениями, они до сих пор носят сложный характер.

Объединить Европу по древнеримскому образцу пытались в последующем с разной степенью результативности многие, в частности, средневековая Священная Римская империя германской нации, пока ее не прикончил Наполеон Бонапарт.

«Священная Римская» так и не стала настоящей империей с постоянной столицей и границами. Претензии «немецкого Рима» на универсальность были с самого начала во многом подорваны вызванным им самим

расколом континента на католический Запад и православный Восток. Мало того, именно под его крылом возник дополнительный ожесточенный идеологический конфликт, разделивший Западную Европу на католическую и протестантскую половины. Междоусобная, по существу, гражданская война католиков с протестантами сопровождалась опустошением наиболее развитых и богатых областей континента в ходе Тридцатилетней войны. Деление Европы на протестантский север и католический юг сохранилось по сию пору, правда, уже без вооруженных конфликтов.

В таких условиях центральная власть «Священной Римской» не могла не становиться с годами все более слабой, фиктивной, формально-церемониальной, т.е. обреченной на исчезновение. Триумфы войск Великой французской революции и ее наследника Бонапарта послужили лишь внешним толчком к отречению австрийского императора от «римской» короны в 1806 г. На этом время, отпущенное историей для второй масштабной попытки объединить континент в рамках единой империи, истекло.

Следующий замах на континентальное лидерство не заставил себя долго ждать. Бонапарт стремился подчинить Европу единому центру власти, которым должна была стать Франция. Достижению этой цели служила концепция континентальной блокады Англии, которая в случае реализации стала бы залогом французского контроля над всем континентом. Идеологический антагонизм между буржуазными ценностями революции, совершенной санкюлотами, и консерватизмом феодальной аристократии остальной Европы был смягчен восстановлением наследственной монархии во Франции с провозглашением самого Наполеона императором французов. Однако повторить триумфы Древнего Рима не удалось и на этот раз. Оглушенный грохотом собственных военных побед Бонапарт не уловил решающего перелома в обстановке на континенте, когда отражение французской агрессии перестало быть делом «верхних десяти тысяч» и к нему подключились массы населения атакованных стран. Первой такой феномен продемонстрировала Испания. Но если события за Пиренеями остались периферийным явлением, то Отечественная война русского народа переломила хребет французской военной машины.

Европейский «концерт держав»

Наполеоновский эксперимент, погребенный под российскими снегами, продлился чуть больше десяти лет. Установленный после его окончания европейский порядок, разработанный Венским конгрес-

сом (1814–1815) при активном участии России, продержался почти сто лет, поскольку являлся противоположностью гегемонии одного над остальными. Несмотря на то что в Вене собрались лишь коронованные властители или их представители, конгресс можно было в определенном смысле уподобить некоему общеевропейскому парламенту. Его решения не были диктатом. Методом работы конгресса стал поиск компромисса. Движущей силой и стимулом к поиску взаимоприемлемых решений служило желание предотвратить возникновение «больших» войн, способных подорвать жизнеспособность всех или большинства европейских государств.

Результатом всего этого стала континентальная система «концерта держав», т.е. конструкция, учитывающая основные интересы каждого из участников. «Оркестранты» пользовались в принципе равным статусом, что предотвратило превращение континента в «домен» одного или нескольких «грандов». Созданная Венским конгрессом система убедительно доказала свою устойчивость вопреки внутренним взрывам в составлявших ее государствах.

Последовавшее за разгромом Наполеона столетие не походило на идиллию. Бури в Европе следовали одна за другой. Взбаламученная Франция так и не приняла восстановленную после низложения корсиканца королевскую власть. Возникший вакуум потянул за собой шлейф европейских бунтов и революций. Почти сразу выяснилось, что стабильность на континенте можно поддерживать или восстановить только с русской помощью. Затяжная недальновидным Наполеоном III совместно с англичанами в середине XIX в. антирусская авантюра — Крымская война — ослабила влияние России на европейские дела и тем самым расшатала основы «концерта держав». Одним из ее последствий стало провозглашенное в 1871 г. в оккупированном немцами Версале объединение Германии под главенством Пруссии. В виде нового Германского рейха под европейский порядок был подведен заряд огромной взрывной силы. То, что общеевропейский конфликт разразился не сразу, объяснялось только прочностью системы «концерта держав».

Новый поход на Восток

Сползание континента к всеобщей войне длилось целых 43 года. Первого августа 1914 г. Германия объявила войну России, только что начавшей мобилизацию в ответ на объявление Австро-Венгрией войны Сербии. Непосредственной целью Берлина был превентивный разгром Франции, которая, по убеждению немцев, готовила реванш

за проигранную войну. Россия как военный противник нужна была кайзеру по внутривнутриполитическим соображениям. Для одобрения рейхстагом военных кредитов требовались голоса социал-демократических депутатов, готовых проголосовать «как нужно», только если речь пойдет о походе на Россию, которую они считали врагом человечества «номер один» и главным препятствием для освобождения европейского пролетариата. Ирония истории состояла в том, что именно обусловленное агрессивным актом Берлина наступление русских войск в Восточной Пруссии, недостаточно подготовленное и потому закончившееся в конце концов крахом, сорвало немецкие планы молниеносного захвата Парижа. Берлину пришлось снимать войска с Западного фронта ради выправления положения на Восточном.

После провала блицкрига и перехода к позиционной войне руководство рейха вплотную занялось конкретизацией целей военных действий, которые должны были вознаградить Германию и ее союзников за их «военные жертвы». Решено было искать «компенсацию» в первую очередь за счет новых территорий на Востоке. Уже из «сентябрьской программы» канцлера Теобальда фон Бетман-Гольвега (1914) явствует, что Германия поставила перед собой задачу не только добиться ликвидации соперничавших с ней Российской, Французской и, в конечном счете, Британской колониальных империй, но и осуществить германскую колонизацию гигантской территории на Востоке. К 1917 г. грядущий захват значительной части России стал неотъемлемой составной частью политического мышления германских элит.

В Баварском государственном историческом архиве среди материалов за 1916 г. хранятся несколько меморандумов и памятных записок (часть из них с грифом «Секретно») с рекомендациями относительно послевоенной ликвидации России как великой державы. Ведущее место среди них принадлежит распечатанному в Берлине трактату видного политика из числа прибалтийских немцев Сильвио Бредрих-Курмалена, носящему заголовок «Новая земля на Востоке»¹. Его главные тезисы таковы:

- мир между Германией и странами Западной Европы возможен, между Германией и Россией — нет: «Пропась между азиатско-монгольской и европейской культурами разделяет германца и москвитянина — здесь взаимопонимание исключено!»;
- Россия представляет собой опасность для рейха, так как она «хочет не только завоевать позиции хозяина мира, не только присоеди-

¹ Broederich-Kuhrmalen S. Das neue Ostland / Berlin: o. D., Bayerisches Historisches Staatsarchiv, Abteilung IV Kriegsarchiv, 1916. M Kr 13872.

нить к себе Восточную Германию, но и сломить германское экономическое влияние в России»²;

- для защиты Германии Балтийское море необходимо превратить в «внутреннее германское море»; для этого «следует присоединить к Германскому рейху Литву и прибалтийские провинции, что станет наградой для старейшей колонии Германии за верность, с которой она на протяжении столетий сохраняла свою культуру»;
- территориальные приращения должны «гарантировать на все времена обеспечение продовольствием в границах рейха и дать землю для заселения крестьянами, которые в образцовом порядке будут крепить и продвигать мощь нашего народа»;
- в войне против России Германия выполняет европейскую миссию: «На Востоке германский народ воюет также за будущее и спасение наших врагов на Западе, ибо гибель Германии поставит всю культуру Западной Европы в зависимость от России».

Дополнением и конкретизацией программы Бредрих-Курмалена служил меморандум кёнигсбергского профессора Фридриха Лециуса³, основные положения которого звучали следующим образом:

- «Сохранение российской мировой империи в ее нынешнем объеме несовместимо с нашей безопасностью»; у России «следует отобрать ее приграничные территории. Они должны быть переданы нам или стать самостоятельными»;
- прежде всего, надо создать самостоятельную Украину под протекторатом рейха, территория которой распространялась бы до Кавказа и включала бы в себя область великорусских донских казаков, чтобы «отрезать таким образом Московию от Черного моря»;
- к отделенной от России Финляндии следует присоединить Архангельскую губернию «с богатым медью и каменным углем Кольским полуостровом и незамерзающим мурманским берегом, а также Олонец с его залежами руды»; «разумеется, мы должны взять на себя защиту Финляндии»;
- остальные окраины России должны быть отделены от нее, но не становиться самостоятельными — например, Белоруссии нельзя предоставлять суверенитет, «поскольку она все равно примкнет к единоверной Москве, а нам нужна земля для размещения в бу-

² Старый как мир прием — собственные агрессивные планы оправдываются мнимыми захватническими замыслами намеченной жертвы агрессии.

³ *Lezius F. Deutschland und der Osten. Königsberg: o. D., Bayerisches Historisches Staatsarchiv, Abteilung IV Kriegsarchiv, 1916. M Kr 13873.*

душем наших переселенцев»; Кавказ следует передать Турции, которая станет германским протекторатом; Польша делится между Германией и Австрией; Литва и прибалтийские «буферные государства» включаются в состав рейха;

- Россию необходимо полностью отрезать от Балтийского моря, сделав Либау (Лиепая) и Кронштадт базами германского военного флота; следует также на 30 лет оккупировать Петербург, чтобы обеспечить выплату Россией контрибуции;
- полученные рейхом области должны быть «очищены» от проживающих там людей: «В последнее время принципом германской политики становится допустимость приобретения территории без ее населения, чтобы получить необходимую для заселения землю, которая нам нужна, если мы не хотим задохнуться в невыносимой тесноте нынешней Малой Германии»; население этих территорий, включая «политически нежелательные элементы», подлежит переселению в Сибирь.

Лозунг завоевания «жизненного пространства» для немцев на русской земле придумал отнюдь не Адольф Гитлер. Этот лозунг был сформулирован и «обкатан» задолго до него уважаемыми политиками-пангерманистами, действовавшими под девизом «Германия, проснись!». Нацистское безумие появилось не на пустом месте, и его нельзя толковать как некую необъяснимую «ошибку германской истории». Немецкие националисты и шовинисты выработали детальный план грабежа и уничтожения России, ее народов задолго до капитуляции 11 ноября 1918 г. и «позора Версаля», которым они впоследствии обосновывали свои планы «похода на Восток». Восточный сосед Германии не имел никакого отношения к Версалю.

Брестский мирный договор от 3 марта 1918 г., продиктованный Советской России Германским рейхом, почти полностью соответствует рекомендациям процитированных выше экспертов. Если кое-что и было отложено на последующие этапы, то исключительно из тактических соображений. Брест стал первой попыткой претворения в жизнь германской территориальной программы. Вторая попытка, предпринятая Гитлером, отличалась от нее лишь масштабами, но не по существу. Впрочем, заняться расчленением «слишком большой» России тянуло и ее «союзников» по Первой мировой войне, что они продемонстрировали в ходе начавшейся после капитуляции Германии иностранной интервенции на всей российской территории от Мурманска до Владивостока.

Среди современных германских (а вслед за ними и у части российских) историков популярен тезис, будто Гитлер и нацизм стали

«естественным» порождением «германской трагедии», обусловленной незаслуженно проигранной войной (германская революция 1918 г. часто интерпретируется как «удар кинжалом в спину» победоносной армии) и суровым обращением со стороны западных победителей. Но не Германия была «самым проигравшим» участником Первой мировой войны. Им стала, в конечном счете, Россия. Помимо огромных людских и материальных потерь, помимо отторжения значительных территорий, помимо начавшейся разрухи народного хозяйства на нее обрушилась трагедия гражданской войны. Судьба Германии оказалась на первых порах более легкой: до 1933 г. ей, по крайней мере, удалось избежать эксцессов государственного террора, объяснявшего применявшиеся им методы необходимостью подготовить страну к войне.

Панъевропейский проект

Первая мировая война принесла несчастье всем европейским странам. Урон в человеческих жизнях и последствия подрыва экономики не поддавались точному учету и никого не обошли стороной. Силы Европы были на исходе. Война отбросила континент на десятилетия назад и подорвала его ведущую роль в мире. Но наиболее чувствительный удар был нанесен по международным позициям России. Если до Первой мировой войны принадлежность России к Европе оспаривалась лишь сумасбродами из лагеря записных русофобов и предшественников нацизма, то после войны страна была официально вычеркнута победителями из перечня европейских государств и зачислена в проскрипции международных изгоев. Советскую Россию объявили главным врагом человечества, а все действия против ее интересов возвели в ранг служения высшим идеалам.

Дипломатии новой России стоило огромного труда добиться простого признания существования подвергшейся остракизму страны. Еще более сложным оказался путь к достижению статуса державы, достойной установления партнерских и тем более союзных отношений. Между тем над Европой вновь сгущались предвоенные тучи, и значение России как союзника в будущей войне, которая становилась все более вероятной, многократно возрастало. Возрождалась стратегическая конфигурация 1914 г. Снова источником военной опасности становилась Германия, построившаяся после января 1933 г. в маршевые колонны под знаменами нацизма.

В то же время одной из наиболее характерных черт ситуации, сложившейся в Европе после окончания Первой мировой войны, было

оживление и укрепление тяги к объединению континента ненасильственными методами. Общий итог более чем двух тысяч лет европейской истории состоял в осознании пагубности попыток объединения континента вооруженной рукой. Все больше людей понимали, что еще одно обращение к силе рискует привести к самоликвидации Европы. После 1918 г. поиск путей создания единой Европы перешел в практическую плоскость — при том понимании, что «азиатская Россия» исключается из намечаемого объединения. Был сформулирован встретивший широкий общественный отклик призыв к строительству «Пан-Европы» или «Соединенных штатов Европы». Этот лозунг стал популярным, прежде всего, из-за всеобщей ностальгии по довоенному времени, воспоминания о котором были еще свежи в памяти миллионов.

До 1914 г. границы в Европе являлись скорее номинальными и оставались проницаемыми для людей и товаров. Не имело значения, в какой валюте держать капитал, поскольку повсеместно действовал золотой стандарт. Практически господствовала единая экономика: можно было селиться и работать где угодно. Для полного благополучия не хватало лишь одного, правда, очень важного элемента: нужна была надежная гарантия безопасности, способная оградить континент от постоянно маячивших на горизонте широкомасштабных военных осложнений. Неудача постигла европейцев именно в сфере безопасности. Если история Европы, включая Первую мировую войну и межвоенный период, и преподала какой-то урок по части объединения, то он гласил: у общеконтинентального единства есть шанс только в том случае, если убедительным образом будет решена проблема безопасности для всей Европы.

Первая мировая война в корне изменила лицо континента и мира. Другими стали люди, надломилась психика масс. То, что самопроизвольно существовало до четырехлетнего коллективного самоубийства европейцев, виделось по окончании бойни в непостижимо прекрасном свете. Наличествовавшая накануне войны фактическая континентальная целостность легко поддавалась идеализации ввиду того, что все были недовольны послевоенными реалиями, которые сводились к социальным осложнениям, нараставшим экономическим трудностям, несдержанному поведению соседей, непрекращающейся гонке вооружений, новым границам, которые, как правило, не удовлетворяли внезапно возросшие аппетиты одних и противоречили ностальгическим эмоциям других.

Версальским миропорядком не были полностью довольны даже его творцы. По этой причине энтузиазм «штатных» защитников статус-кво слабел с каждым годом. Параллельно росли всеобщие сомнения в возможности сохранения мирного будущего. Нет сомнений в том,

что Версаль представлял собой практическую попытку решить проблему безопасности хотя бы для Западной Европы. Однако, как скоро выяснилось, ему не удалось то, с чем сто лет тому назад с блеском справился Венский конгресс. Причину провала большинство объективных аналитиков видят в том, что от участия в определении судеб континента были сознательно отстранены обе европейские державы с наибольшим потенциалом, какими оставались СССР и Германия⁴. При этом главным фактором краха Версаля приходится все же считать его однозначную антирусскую направленность. Поддержка России обеспечила бы долговечность «концерта держав» — противостояние с ней похоронило Версаль.

Между тем революционная Советская Россия, так растревожившая Запад в 1917 г., стремительно продвигалась к тому, чтобы стать «как все». К концу 20-х годов XX в. СССР окончательно отказался от идеи «мировой революции», выбросил на свалку истории доктрину, предписывавшую вмешательство во внутренние дела иностранных государств, и перешел на позиции обороны того, что имел, в рамках той территории, которой он уже располагал. Однако усиление лагеря сторонников статус-кво вследствие присоединения к нему СССР не было в достаточной мере использовано теми западноевропейскими державами, которые не были заинтересованы в новой войне. Континентальное сообщество беспомощно опустило руки перед лицом возникновения нацистского очага реальной военной опасности.

Антисоветизм — дымовая завеса агрессии

Гитлеровская Германия даже не давала себе труда утаивать национал-социалистскую концепцию захвата чужих территорий для последующей немецкой колонизации. Центральное место в этой программе демонстративно занимала оккупация земель на востоке Европы. Захватнические цели рейха прикрывались фигурным листком отражения большевистской опасности, якобы грозящей всему «цивилизованному Западу». В опубликованной в 1925 г. программной книге Гитлера «Майн кампф» провозглашалось: «Либо Германия будет мировой державой, либо ее вообще не будет. Но для того чтобы стать мировой державой, ей нужны такие размеры, какие придадут ей необходимое значение, а ее гражданам обеспечат жизнь. Итак, мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитической на-

⁴ См.: Уткин А.И. Русские во Второй мировой. М.: Алгоритм, 2007. С. 5.

правленностью довоенного времени. Мы вновь принимаемся за дело там, где закончили шесть столетий тому назад. Мы прекращаем извечное движение германцев на Юг и Запад Европы и обращаем взор на землю на Востоке. Мы заканчиваем, наконец, колониальную и торговую политику предвоенных лет и переходим к территориальной политике будущего. Но если мы сегодня говорим о новых землях в Европе, то в первую очередь мы можем подразумевать лишь Россию и подчиненные ей окраинные государства... Гигантская империя на Востоке созрела для гибели. И конец еврейского господства в России⁵ будет также концом России как государства»⁶.

Защитенность фюрера на войне против России отнюдь не означала гарантии спокойствия для Запада. В той же «Майн кампф» содержался весьма откровенный «политический завет германской нации», который гласил: «Никогда не допускайте возникновения двух континентальных держав в Европе. Расценивайте любую попытку организовать на германских границах вторую военную силу — пусть даже только в виде государства, способного стать военной силой, — как агрессию против Германии и усматривайте в этом не только право, но и обязанность всеми средствами, вплоть до применения вооруженной силы, предотвратить возникновение такого государства, а если оно уже возникло, снова уничтожить его»⁷.

Не пренебрегал фюрер и ссылками на «права человека», которые, как он утверждал в свойственной ему напыщенной манере, оправдывают любое применение силы для достижения положения правящей миром державы. Он поучал: «Права человека стоят выше, чем права государств. И если какой-либо народ потерпит поражение в своей борьбе за права человека, то это будет означать, что на весах судьбы он оказался слишком легковесным для счастья жить дальше в этом мире. Ибо тому, кто не готов или не способен сражаться за свое существование, вечно справедливое Провидение уже уготовило конец. Мир не для трусливых народов»⁸.

Получив в свое распоряжение Германию с ее мощными потенциальными возможностями, нацизм сознательно пошел на то, чтобы до предела обострить проблему сохранения мира на континенте. Раскол Европы приобрел характер готового взорваться минного поля.

Впрочем, фатальной неизбежности войны не было и тогда. В 1933–1934 гг. Советская Россия при поддержке реально мыслящих

⁵ Так нацисты именовали советский строй СССР.

⁶ *Adolf Hitler. Mein Kampf. München, 1930. S. 742, 743.*

⁷ *Ibid. S. 754.*

⁸ *Ibid. S. 104–105.*

политических кругов Франции предложила искать эмпирическим путем возможность предотвращения актов агрессии в Европе. Была выдвинута идея организации системы континентальной коллективной безопасности, принявшая форму проекта Восточного пакта, дополняющего Западный пакт безопасности, опиравшийся на Локарнское соглашение с Германией 1925 г. На основе этих многосторонних соглашений должна была возникнуть общеевропейская система поддержания мира. Действительно, если бы все европейские государства при первых же агрессивных действиях со стороны кого бы то ни было объединяли свои усилия для отражения грозящего нападения в любом направлении, прочный мир на континенте оказался бы обеспеченным и перед европейцами распахнулись бы двери к практическому объединению континента. Такая схема организации Большой Европы носила бы фундаментальный характер, поскольку опиралась бы на долгосрочное решение проблемы безопасности. Но Великобритания — тогдашний лидер Запада — предпочла торговаться с нацистской Германией, хотя агрессивные намерения Третьего рейха ни у кого не могли вызывать сомнений. Отброшенный в изоляцию СССР был также вынужден договариваться с Германией, выигрывая время и пространство для стратегической подготовки отражения неминуемого германского нападения.

С самого начала своего правления Гитлер громогласно декларировал непримиримую ненависть к большевизму и отказ вести какие-либо переговоры с СССР. Это позволило нацизму занять в глазах подверженных русофобству вождей западного лагеря тактически выгодную позицию «главного борца с коммунизмом». В качестве «антикоммунистического авангарда» рейх воспользовался возможностью (при полном бездействии Англии и Франции) в кратчайшие сроки разрушить еще сохранившиеся устои Версальской системы. За первые пять лет фашистской диктатуры Германия беспрепятственно создала предпосылки для ведения военных действий на любом направлении, в том числе и на западном. Этапами этой откровенной подготовки новой войны стали: отказ от антивоенных обязательств, налагаемых статутом Лиги наций, и выход из этой организации (октябрь 1933 г.); восстановление запрещенной Версалем всеобщей воинской повинности (октябрь 1934 г.); «возвращение» Саара, пользовавшегося особым статусом и французским покровительством (январь 1935 г.); решение о создании массовой армии (март 1935 г.); демонстративный ввод частей вермахта в Рейнскую демилитаризо-

ванную зону⁹ (март 1936 г.); вмешательство в гражданскую войну в Испании на стороне пучриста Франсиско Франко осенью 1936 г. (направленная в помощь фалангистам немецкая эскадрилья «Кондор» разбомбила, в частности, столицу Страны Басков Гернику — это был первый в истории случай массированного применения бомбардировочной авиации против гражданского населения); аншлюс Австрии (март 1938 г.).

Если не считать Саара, присоединение Австрии было первой акцией Гитлера, при которой рейх вышел за пределы продиктованных ему Версалем границ. Нацистская экспансия приобрела новое качество: не довольствуясь обрушением Версальской Европы, Германия приступила к перекройке по своему разумению конфигурации европейских государств. В 30-е годы XX в. положение Австрии в Европе по своим основным характеристикам практически отвечало статусу нейтралитета. Она не участвовала ни в каких объединениях, накладывающих военные обязательства, и не вмешивалась ни в какие конфликты. Однако вермахту стал нужен захват стратегически важного австрийского плацдарма, и 12 марта 1938 г. колонны немецких танков вступили в Австрию. Солдаты вермахта прошли торжественным маршем до Вены. Столица Австрии отныне стала центром провинции «Остмарк», разделенной на семь «имперских округов» (позже из них были образованы Дунайская и Альпийская области). До весны 1945 г. Австрия перестала существовать. Западные державы не отреагировали на ликвидацию независимого европейского государства, члена Лиги Наций. Протестовал только СССР. Третий Рейх пришел к выводу, что путь к территориальной экспансии свободен.

Летом 1938 г. наступила очередь Чехословакии. Гитлер предъявил ей ультиматум с требованием передать Германии территории с компактным проживанием немецкоязычного населения, прежде всего, Судетскую область (эти территории вошли в состав Чехословакии при развале Австро-Венгрии в 1918 г.). Речь шла, разумеется, о чисто военной стороне дела: именно в Судетах размещались долговременные оборонительные сооружения, которые должны были позволить отразить германскую агрессию (чешская «линия Мажино»). К тому же Чехословакия имела огромное практическое значение для франко-советского союза, ставшего единственным материальным результатом проекта Восточного пакта, реализация которого была сорвана соглашением о ненападении и дружбе между Германией и Польшей в январе 1934 г.

⁹ Рейнская демилитаризованная зона, предусмотренная Версальским мирным договором, должна была предотвратить возможность концентрации германских войск непосредственно у французской границы.

В отличие от Польши, которая занимала дружественную Германии позицию, отказывалась сотрудничать с СССР и согласилась участвовать в разделе Чехословакии, Прага была готова принять советские войска на чехословацкой территории для борьбы против общего врага. Однако механизм взаимопомощи с СССР мог заработать только в том случае, если у Франции хватило бы политической воли противостоять агрессору. Такая воля у Парижа явно отсутствовала. Встраиваясь в кильватер английской политики «умиротворения агрессора», Франция жертвовала политической инициативой и стремительно утрачивала роль ведущей державы Европы.

Первоначально Чехословакия была готова сражаться и в том случае, если Франция не начнет активных военных действий против агрессора, к чему ее обязывали условия франко-чехословацкого союзного договора. СССР в неофициальном порядке уведомил Чехословакию о том, что окажет ей помощь, даже не дожидаясь соответствующего решения Парижа. Надежность обещания Москвы подтверждала поддержка, которую СССР оказывал республиканской Испании, не будучи связанным с ней никакими договорами. Надо было лишь, чтобы Чехословакия сама дала отпор нацизму, но именно этого под давлением западных держав и не произошло.

Англия и Франция вопреки всем доводам рассудка настояли на том, чтобы Чехословакия уступила притязаниям Гитлера и согласилась на ампутацию окраинных областей страны. Мюнхенская конференция Германии, Италии, Англии и Франции 29 сентября 1938 г. придала оттенок респектабельности акту заклания малой европейской страны вопреки ее недвусмысленно выраженной воле. Чехи и словаки ждали решения своей участи в прихожей. СССР вообще не был приглашен на конференцию, и консультаций с ним не проводилось. На волне мюнхенской эйфории примирения с Гитлером Англия и Франция обменялись с Германией декларациями о ненападении. Однако расчет Запада на то, что «дружба» с рейхом продлится хотя бы несколько лет, не оправдался. Гитлер собирался «дружить» только на своих условиях и так долго, как это соответствовало его планам.

Мюнхенское соглашение означало 100-процентную изоляцию СССР в Европе. Оно привело не только к упразднению договора СССР с Чехословакией о взаимодействии, но и к фактической денонсации франко-советского альянса. Лондон недвусмысленно предупредил Париж, что в случае конфликта с Германией, возникшего вследствие возможного выполнения французами обязательств по франко-советскому пакту о взаимопомощи, Франция никак не сможет рассчитывать на поддержку со стороны Великобритании. Как подчеркивал британ-

ский министр иностранных дел лорд Галифакс в указаниях своему послу в Париже 1 ноября 1938 г., «пусть она (Франция) избавит себя и нас от перспективы быть втянутыми Россией в конфликт с Германией»¹⁰. По возвращении из Мюнхена Бенито Муссолини, игравший там роль «посредника» между Германией и англо-французами, заявил, выступая на заседании Национального совета фашистской партии: «То, что произошло в Мюнхене, колоссально... Произошло следующее: конец коммунизма в Европе, конец всякого политического влияния России на этом континенте»¹¹.

Начало Второй мировой войны

Итоги Мюнхена совершенно логично подвели к тому, что в марте 1939 г. рейх, уже не дожидаясь согласия западных держав, в одностороннем порядке полностью оккупировал остававшуюся еще не занятой германскими войсками территорию Чехословакии, разделив ее на «независимую» Словакию и германский протекторат Богемии и Моравии. Наступил черед Польши, чье стратегическое положение катастрофически ухудшилось в результате того, что вермахт после оккупации Чехословакии навис над ее южным флангом. Требования к Польше, предъявленные Германией в конце 1938 — начале 1939 гг.¹²,

¹⁰ Bartel H. Frankreich und die Sowjetunion 1938–1940. Ein Beitrag zur französischen Ostpolitik zwischen dem Münchner Abkommen und dem Ende der Dritten Republik. Stuttgart, 1986. S. 31.

¹¹ См.: Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М.: Наука, 1973. С. 103.

¹² В октябре 1938 г. Гитлер предложил Варшаве придать «более глубокий характер» пакту о ненападении и дружбе (1934) при условии, что Польша откажется от претензий на вольный город Данциг (это означало согласие на его присоединение к рейху), пойдет на организацию экстерриториального транзита через «польский коридор» (другими словами, создание «коридора через коридор»: речь шла об экстерриториальных железнодорожной линии и автостраде, которые связывали бы основную часть рейха с Восточной Пруссией), а также присоединится к германо-японо-итальянскому «Антикоминтерновскому пакту». В январе 1939 г. германский министр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп пытался подсластить пилюлю для Варшавы обещанием «компенсации» за счет Советской Украины. Министр иностранных дел Польши Юзеф Бек подтвердил притязания на Советскую Украину и планы создания «Польши от моря до моря», но отклонил другие предложения Гитлера (см.: Binder G. Geschichte im Zeitalter der Weltkriege. Unsere Epoche von Bismarck bis heute. Bd. I: 1870–1945. Stuttgart, 1977. S. 577). Правившие Польшей полковники стремились к объединению стран центральной части континента под польским водительством и не хотели превратиться в простого вассала Германии (См.: Schulz G. Deutschland seit dem ersten Weltkrieg 1918–1945. Göttingen, 1982. S. 185).

вызвали быстрый рост напряженности на континенте. Лондон, который только что, не моргнув глазом, сдал Чехословакию, поддерживавшую дружественные отношения с Москвой, решил вступить за Польшу, не скрывавшую своей враждебности к СССР. Англия 31 марта 1939 г. объявила о предоставлении Варшаве односторонней гарантии независимости, но не территориальной целостности (в перспективе это оставляло открытым путь к достижению «компромисса» с Гитлером по мюнхенскому образцу).

Стоявшие у власти в Польше полковники оказались не в состоянии взглянуть правде в глаза. Опасность германского вторжения безответственно недооценивалась, ударная мощь вермахта минимизировалась, боеспособность собственных вооруженных сил безмерно преувеличивалась. Посетивший Варшаву за несколько месяцев до начала войны американский журналист Уильям Шайрер записал в своем дневнике 6 апреля 1939 г.: «На этой неделе я ел и пил с доброй дюжиной поляков — чиновниками МИД, армейскими офицерами и двумя легионерами Пилсудского¹³, которые руководят Польским радио, — и все они не хотят понять, что не могут позволить себе роскошь быть врагом сразу и России, и Германии, что они должны сделать выбор и что, если им удастся объединить Россию с Францией и Великобританией, они будут спасены. Они поддевают вилкой еще один кусочек своей великолепной копченой висленской семги, запивают его рюмкой одного из пятидесяти семи сортов (польской) водки и рассуждают об опасности русской помощи. Действительно, таковая существует. Есть опасность, что Красная армия, вступив на польскую землю, никогда ее не покинет, что она своей пропагандой большевизирует страну (страна управляется полковниками с таким произволом, что, несомненно, представляет собой восприимчивую почву для большевистской пропаганды) и т.д. Все это так. Но тогда помиритесь с нацистами! Отдайте им Данциг и коридор! Никогда! — отвечают они»¹⁴.

Отказываясь от заключения военного соглашения с СССР, Варшава заявила, что при любом развитии событий не даст согласия на то, чтобы пропустить советские войска через польскую территорию для совместного отражения надвигающегося германского нападения (у СССР и Германии не было на тот момент общих границ). Возникла угроза, что вермахт очень скоро после начала военных действий выйдет на старую западную границу СССР у Киева и Минска: в не-

¹³ Во время Первой мировой войны Пилсудский организовал «польский легион», который воевал на стороне Германии против России.

¹⁴ *Shirer W.L. Mon journal à Berlin. Le journal d'un correspondant étranger 1934–1941. Montréal, 1943. P. 161.*

избежности молниеносного разгрома Польши, если ей не будет оказана реальная поддержка, никто в советском военном руководстве не сомневался. Равным образом мало кто в Москве верил в способность Англии и Франции поддержать Польшу могучим ударом по немцам на Западном фронте, поскольку никакой подготовки к чему-либо похожему не наблюдалось. В свете этих фактов становилась все более вероятной перспектива войны СССР с Германией в тот момент, когда начавшаяся реформа армии еще не завершена, надежные союзники отсутствуют и воевать придется с исходных позиций, максимально затрудняющих отпор агрессору.

Положение усугублялось явным нежеланием Лондона и Парижа брать на себя конкретные обязательства по организации военных действий против Германии в случае ее прямого нападения на СССР, а также отсутствием англо-французского согласия содействовать сохранению независимости Прибалтики. Между тем оккупация Прибалтийских стран Германией могла стать реальностью на протяжении нескольких дней: в них очень сильна была германская агентура никто и не подумал бы сопротивляться. А захватив Прибалтику, вермахт выходил бы к пригородам Ленинграда.

Все это объясняет, почему у советского руководства практически не было выбора при принятии решения относительно неожиданного германского предложения о заключении пакта о ненападении. Москва тянула с подписанием пакта буквально до последней возможности как раз для того, чтобы избежать обвинений в «срыве» переговоров с военными делегациями Англии и Франции, у которых, как выяснилось позже, вообще не было полномочий подписывать какие-либо соглашения с СССР. Еще за день до прилета Риббентропа в Москву (23 августа 1939 г.) советская сторона была готова заключить соглашение о коллективной безопасности при условии, что Запад пойдет на справедливое распределение среди участников соглашения рисков и ответственности, связанных с его реализацией.

В генеральных штабах и правительственных кабинетах Лондона и Парижа заблаговременно знали о назначенной Гитлером дате нападения на Польшу — 1 сентября 1939 г. Но и за неделю до начала войны западные державы оказались неспособны действовать с учетом реально складывающейся обстановки. Впрочем, не исключено, что восточное направление экспансии Германии кое-кого на Западе вполне устраивало: там все еще рассчитывали на близкую германо-советскую войну вопреки всем мыслимым и немыслимым соглашениям между Москвой и Берлином. С наблюдательной вышки сегодняшнего дня можно считать эти расчеты в какой-то мере оправдавшимися: мень-

ше чем через два года Гитлер действительно напал на СССР, а людские потери и разрушения у Англии и Франции оказались к концу Второй мировой войны минимальными. Они находились в явной диспропорции не только по сравнению с потерями и разрушениями у СССР, но и с цифрами Первой мировой войны¹⁵.

Кто кого победил?

После дезинтеграции социалистического содружества и самого Советского Союза на Западе предпринимаются масштабные усилия по переписыванию истории XX в., прежде всего периода Второй мировой войны. Целый океан научной и главным образом ненаучной литературы преследует незамысловатую цель: поставить на одну доску агрессора — нацистскую Германию — и жертву агрессии — Советский Союз — а также «доказать», что победителем в войне стал не Советский Союз, а США, опиравшиеся на Великобританию как на свой «непотопляемый авианосец». Воскрешаются мифы межвоенного периода, согласно которым демократической Европе пришлось противостоять двум «тоталитаризмам» — германскому и советскому, причем второй был «гораздо хуже»¹⁶.

Но если не фантазировать, то придется признать, что практически вся континентальная Европа за пределами СССР сотрудничала с Гитлером как по принуждению, так и, что хуже, по убеждению. Если посмотреть на предвоенную политическую карту Европы, то нетрудно убедиться, что режимы почти всех стран континента были фашистскими или профашистскими либо открыто (Италия, Испания, Португалия, Венгрия, Румыния, Болгария), либо фактически (Финляндия, Прибалтика, Польша и т.д.). Не случайно добровольцами в войсках СС служили представители практически всей Европы. Основные репрессии против мирного населения и евреев на оккупированных немцами

¹⁵ Точные размеры потерь установить трудно, поскольку официальные данные оспариваются, а каждый исследователь называет свои цифры. Можно исходить из следующих средних цифр безвозвратных потерь, относящихся к европейскому театру военных действий: Англия — 370 тысяч (в Первую мировую войну — 500 тысяч), Франция — 84 тысячи (1 миллион), США — 400 тысяч (116 тысяч). Из потерь вермахта, составивших 13 миллионов 600 тысяч человек, 10 миллионов приходились на Восточный фронт.

¹⁶ Обозреватель правой германской газеты «Вельт» писал в январе 2013 г. буквально следующее: «Вторая мировая война была историческим сражением между республиканской идеей и двумя массовыми идеологиями — национал-социализмом и коммунизмом» (см.: *Schmid Th. Warum Deutschland den Ersten Weltkrieg vergaß / Die Welt. 8.01.2013*).

территориях осуществлялись руками национальных властей (французская полиция, прибалтийские вооруженные формирования и т.д.).

И уж лучше не вспоминать, как Европа воевала против Гитлера. Польша была разгромлена в течение трех недель и меньше чем за месяц полностью оккупирована немцами (за исключением Западной Украины и Западной Белоруссии, взятых под защиту СССР). У Франции сил хватило лишь на месяц боев, после чего она капитулировала и отдала полстраны под немецкую зону оккупации. На Восточном фронте вместе с вермахтом против Красной армии воевали вооруженные формирования многих европейских стран (Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии, даже тех, кто официально в войне на стороне Германии не участвовал, например, испанская «голубая дивизия», «валлонский легион» и т.д.). Экономика практически всей Европы работала на войну против Советского Союза.

Второй фронт был открыт лишь тогда, когда Запад убедился, что Красная армия справится с Гитлером и в одиночку. Англо-американская высадка в Нормандии не изменила ситуацию, в которой немцы считали главным Восточный фронт и держали там свои основные силы. И после открытия Второго фронта Советскому Союзу приходилось то и дело выручать союзников. После прорыва сил вермахта в Арденнах в декабре 1944 г. советским войскам в ответ на просьбу Черчилля о помощи пришлось ускорить начало наступательной операции на Восточном фронте. А ведь любое ускорение операции означает отказ от каких-то подготовительных мер и ведет тем самым к увеличению потерь.

Если не считать затяжных боев на Апеннинском полуострове, в Европе до 1944 г. реально воевали против нацизма только СССР, Сербия и Греция. Так что эти страницы европейской истории трудно назвать героическими. Гордиться, как ни извращай прошлое, нечем. Жить с этим грузом тяжело, и, быть может, поэтому идут попытки обелить нацизм и максимально очернить СССР, представляя дело так, что русские были еще хуже, чем нацисты, а главная жертва войны — немцы. Иными словами, дело здесь совсем не в поисках исторической истины, а в неудержимом желании изжить свой комплекс исторической вины. Особенно неприемлемо подобное насилие над историей, когда им начинают заниматься «специалисты» из России, вынесшей на своих плечах всю тяжесть усмирения нацистского претендента на мировое господство.

На Западе начинают сейчас вспоминать и о том, что Гитлер «объединил» Европу «естественно» насильственным путем, поскольку иным образом этого сделать не удавалось. Много шума наделал в ФРГ скандал, вызванный речью Андреаса Келера, руководителя одной из германских медицинских ассоциаций, на пред рождественском кор-

поративе Объединения врачей страховых касс в декабре 2012 г. Он выстроил такой ряд «борцов за единую Европу»: Юлий Цезарь, Карл Великий, Наполеон, Адольф Гитлер, Ангела Меркель. Даже со скидкой на праздничные возлияния нельзя отмахнуться от высказываний Келера как от «досадной вербальной промашки», что попытались сделать участники этой встречи сразу же после того, как его слова попали в прессу. Трудно найти более убедительную иллюстрацию происходящего процесса реабилитации нацизма и его «вклада» в европейскую историю, чем процитированное бесхитрое откровение немецкого медицинского функционера. Включение изображений Гитлера и Геббельса в галерею портретов политических лидеров нового времени, «украсившую» открытое в начале 2014 г. новое здание ландтага в Потсдаме, подтверждает эту тенденцию.

Фашистское бедствие еще раз с особой силой продемонстрировало срочность решения проблемы предотвращения континентальных войн, ставших угрозой для самого физического существования европейцев. Единство Европы как политическая цель пережило период нацистского одичания и приобрело очертания задачи конкретной политики. Идея единства континента, ставшая за истекшие столетия чем-то вроде легендарной «чашы Грааля», которую постоянно искали, но не могли найти, вступила в стадию практической реализации. Все зависело от того, кто должен был войти в подлежащую созданию единую Европу.

Глава 5

МИННОЕ ПОЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹:

останется Европа «Малой» или станет «Большой»?

Характерным для итогов Второй мировой войны стало то, что к концу войны европейский континент оказался (пусть не формально, но фактически) объединенным в противостоянии нацизму. Конечно, разноплановое противоборство включало и идеологический аспект, но если гитлеровский лагерь был идеологически унифицирован, то стан противников нацизма оставался весьма пестрым по своим мировоззренческим принципам. Это не помешало сближению европейских народов на антинацистской основе, катализатором которого являлись неукротимое продвижение Красной армии на Запад и активизация операций западных союзников СССР. Обозначился мощный напор освободительного движения Сопротивления в континентальном масштабе. Приговор Нюрнбергского трибунала (1945–1946), осудившего главных германских военных преступников, стал символом нового объединения европейцев.

¹ Термин «холодная война» был запущен в оборот американской прессой после известной речи У. Черчилля в Фултоне (1946), где он обвинил Советский Союз в создании «железного занавеса» с целью отгородиться от Запада. Этот термин Запад интерпретировал как благословение на любые враждебные действия дипломатического, экономического, пропагандистского характера против СССР и его союзников с единственным исключением: дело не следовало доводить до прямых боевых действий между блоками. С учетом общественных настроений в западных странах в первые послевоенные годы вождям Запада было важно подчеркнуть, что вызванная их политикой напряженная ситуация в корне отличается от настоящей войны, которой никто не хотел. Последующее развитие в какой-то мере оправдало включение в новомодный термин перегруженного эмоциями понятия «война», поскольку несколько раз мир действительно подходил к краю термоядерной пропасти. Однако в целом содержание понятия «холодная война» сводилось на практике к описанию состояния «холодного мира», при котором практически все средства, кроме непосредственного военного конфликта между США и СССР, были хороши для оказания давления на соперника в развернувшейся схватке двух принципиально различных форм общественного устройства.

Шансы общеевропейского единства

К 1945 г. антигитлеровская коалиция превратилась в определяющий фактор развития, прежде всего, европейской истории. Набранная коалицией инерционная энергия породила обоснованную надежду на продолжение сотрудничества всех стран Европы после окончания военных действий. Понадобились время и отчаянные усилия западных политиков, прежде всего Уинстона Черчилля, озабоченного спасением Британской империи, чтобы похоронить мечту европейских народов об общеконтинентальной безопасности и прочном мире в Европе уже в непосредственном будущем.

Именно наследие Сопротивления обусловило то обстоятельство, что разгром нацистской Германии не сопровождался восстановлением состояния политической раздробленности континента, какое существовало в межвоенный период. В первые послевоенные годы сплочение европейцев определялось антигерманским настроением, естественным после ужасов войны, развязанной гитлеровским рейхом. Претензий к Германии было так много, что заключение мирного договора с ней поставили в самый конец списка работ по подготовке соглашений с бывшими вражескими государствами, отношения с которыми подлежали пересмотру и новому урегулированию. Германии реально грозил такой суровый мир, по сравнению с которым Версаль показался бы объяснением в любви. Безоговорочная капитуляция 9 мая 1945 г. подразумевала обязательство Германии принять любые условия мирного договора, который будет продиктован ей победителями.

Преступления нацизма, шокировавшие мировое общественное мнение, обусловили ожидание, что отныне будущее Германии — в той мере, в какой это будет доверено самим немцам — должно формироваться не традиционными германскими элитами, а теми людьми, кто бескомпромиссно боролся против нацистского режима. Но на практике получилось иное. Антифашисты стали задавать тон лишь в Советской зоне оккупации. Оккупационные власти западных зон отказали им в поддержке. На Западе всплыли на поверхность политические силы, которые, конечно, не одобряли нацистский эксперимент (главным образом потому, что он провалился), но и не выходили на баррикады против него. Участники заговора 20 июля 1944 г., в число которых входили и те, кто хотел бы сохранить захваченные Гитлером в ходе войны территории, не играли серьезной политической роли, поскольку были в своем большинстве казнены. В итоге, если немцы в Восточной

Германии при содействии советских оккупационных властей решительно отреклись от нацистского «наследства», то на Западе оно было включено в общее германское прошлое как неблагоприятный, но необходимый его элемент.

Положение в обеих частях Германии сближалось благодаря высокой степени миролюбия, которая стала типичной в первые послевоенные годы для настроений большинства сегментов немецкой общественности. После проигранной войны и в условиях оккупации немцы во всех четырех оккупационных зонах не хотели больше воевать. Однако возглавлявшие западную коалицию США готовились к «отбрасыванию коммунизма», что было возможно лишь военным путем. В результате сторонникам безусловной политики мира на Западе надели намордник. Там, с одной стороны, нарастала интенсивность демонстраций и маршей протеста западногерманских антимилицаристов, которая достигла апогея на рубеже 70–80-х годов XX в., когда американцы собрались разместить в ФРГ свои ракеты средней дальности, а с другой — бундесвер разрабатывал в условиях строжайшей секретности наступательные действия в восточном направлении.

Канцлер Конрад Аденауэр вполне серьезно намеревался оснастить для этого западногерманскую армию собственным ядерным оружием, которое в апреле 1957 г. он публично назвал «усовершенствованной артиллерией». К ноябрю того же года были тайно подготовлены планы создания совместной ядерной ударной силы тройственного подчинения — ФРГ, Франции и Италии. И только приход к власти во Франции генерала Шарля де Голля в 1958 г. окончательно поставил крест на атомных миражах Бонна.

Любые наступательные операции блоков по отношению друг к другу превратились бы, по существу, в гражданскую войну в Германии и уже поэтому не могли найти отклика у немцев. С тем большим упорством западные лидеры раздували миф об агрессивности СССР и ГДР и об исключительно оборонительном характере военных приготовлений Запада, включая ФРГ. «Русская опасность» служила универсальным пропагандистским прикрытием для подготовки Третьей мировой войны.

Предотвратить возможные военные авантюры Запада должна была Группа советских войск в Германии (ГСВГ), командование которой учитывало вероятность того, что западные немцы, опираясь на помощь США, рано или поздно приступят к ревизии решений Потсдамской конференции. Разработанные в этом контексте планы действий на случай войны предусматривали систему мер, которые исключали бы повторение ситуации 22 июня 1941 г., когда полномасштабное на-

ступление вермахта оказалось неожиданностью для Красной армии. Предстояло воплотить в жизнь принцип, сформулированный еще в 30-е годы XX в.: «малой кровью, могучим ударом». Советские войска собирались, отразив атаку противника, перенести дальнейшие военные действия на территорию агрессора. При этом учитывалось также, что подобной образ действий уменьшит вероятность применения американцами тактического ядерного оружия, жертвой которого стало бы в первую очередь гражданское население Германии.

Конрад Мюллер, немецкий биограф Гельмута Коля, ссылаясь на «унаследованные» ФРГ данные из архивов Национальной народной армии ГДР, сообщает, что в случае войны ГСВГ во взаимодействии с войсками ГДР и при поддержке размещенных в Чехословакии советских соединений должна была нанести удар по двум направлениям — на Рур и Нижний Рейн. Ставилась задача через 13–15 дней после начала военных действий принудить к капитуляции ФРГ, Данию, Нидерланды, Бельгию. К этому времени советским войскам предстояло достичь границ Франции и двигаться дальше, если война будет продолжаться. Все должно было быть закончено на 30–35-й день после начала войны². Детали этих планов хранились в секрете. Но и без них было ясно, что при любом варианте развития событий главным полем боя стала бы территория обоих германских государств и основную массу погибших составили бы немцы. Понятно, что подобная перспектива не могла вызывать восторга ни в ФРГ, ни в ГДР. Однако выводы, которые сделали западные немцы и немцы на востоке из ситуации, грозящей самому существованию населения Германии, не совпадали.

Размежевание

В отличие от ГДР разрушение механизма нацистской диктатуры в Западной Германии не привело к коренной ломке основ общественной и политической жизни, сложившихся в XIX и XX вв. Палочкой-выручалочкой для традиционалистских сил среди западных немцев послужил конфликт между Западом и Востоком, в условиях которого Западу срочно понадобились немецкие солдаты. Лондон, а затем и Вашингтон продолжали предпочитать стратегию, при которой основная тяжесть отстаивания своих интересов взваливается на чужие плечи.

² Müller K.R., Müller Ch., Kohl H. Auf der Höhe der Zeit. Bergisch Gladbach, Gustav Lübbe Verlag 1996. S. 60–61.

В данном случае эти плечи должны были быть немецкими. Поэтому слишком сильно давить на немцев не стоило.

Сакраментальное обвинение в адрес Советского Союза, будто именно он вызвал раскол Европы, не выдерживает внимательного рассмотрения. Москва не изменяла идее коллективной организации европейской безопасности (и сегодня Россия продолжает считать, что эта идея как нельзя лучше подходит к европейским условиям). Ее вполне устраивало сохранение альянса военных времен, который подводил континент вплотную к построению этой системы. Кроме того, Советский Союз отчаянно нуждался в репарациях для восстановления экономики и улучшения условий жизни населения, пострадавшего от германской агрессии и оккупации. Причем в репарациях не только из восточной зоны, которая никогда не входила в число ведущих в промышленном отношении германских регионов, но также и из западных зон, где находился, в частности, Рур — индустриальное сердце Германии. А это было возможно лишь при сохранении, по меньшей мере, экономического единства бывшего рейха.

При типичных для первых послевоенных лет настроениях европейской общественности единую Германию неизбежно ожидала роль «черной овцы». Ей предстояло стать пугалом для жаждущего мира континента, но одновременно и пружиной движения к его объединению вследствие опасений, которые немцы неизбежно вызывали бы в качестве вероятных нарушителей ограничений по будущему мирному договору и в качестве возможных инициаторов реванша. До самой смерти Сталина в 1953 г. Советский Союз продолжал рассчитывать на то, что с восстановлением единства Германии возникнет отправная точка для продвижения к общеевропейскому обязательству противостоять любой агрессии. Провозглашение ГДР в рамках Советской зоны оккупации состоялось с большой задержкой по сравнению с созданием ФРГ на базе западных зон, и приветственное послание Сталина по этому поводу было адресовано не народу ГДР, а всему германскому народу. Первоначально Советский Союз хотел видеть в лице ГДР не «второе германское государство», а провозвестника единой антифашистской Германии.

Спор о том, что чему предшествовало — раскол Европы расколу Германии или наоборот — напоминает по своей результативности средневековые диспуты по вопросу, что было раньше — яйцо или курица. Оба процесса проходили одновременно, частично перетекая один в другой. И все же раскол Германии следует, видимо, признать первичным. Среди внешнеполитических теоретиков, в первую очередь западных, была широко представлена точка зрения, что Германия занимает

центральное место в определении соотношения сил в Европе («Кто владеет Германией, владеет Европой»). Это придавало особое значение задаче привлечения симпатий немцев на свою сторону. Перспектива сурового мира с Германией, который затруднил бы или даже сделал невозможным военный союз с ней, быстро растеряла сторонников на начальственных этажах в Вашингтоне и Лондоне. Дольше других сопротивлялись французы, но не они определяли генеральную линию Запада. Впрочем, немецкие солдаты нужны были и Парижу (отсюда популярный среди французов и сегодня лозунг «Немцы — на фронт!»).

В условиях первых мирных лет, когда нищета среди немецкого населения приблизилась к уровню, недавно царившему на оккупированных нацистами территориях, авторитет Запада в Германии серьезно пошатнулся. Существенная помощь людям оказывалась только в Советской зоне оккупации. Сейчас никто не помнит о том времени, когда продовольственные посылки шли из восточной зоны в западные, а не наоборот, как в последующие годы, но так было. Нормы снабжения в Советской зоне оккупации были даже выше, чем в самом Советском Союзе, не говоря уже о западных зонах. Западные лидеры стали опасаться, что влияние Компартии Германии и СССР в западных зонах оккупации Германии может приобрести такие же масштабы, что и в восточной зоне. Эти опасения подталкивали как к смягчению условий оккупационного режима в западных зонах, так и к их обособлению от восточной зоны. «План Маршалла» имел в виду улучшение экономической ситуации, прежде всего в Германии, точнее в Западной Германии, а уж затем в остальных странах Европы.

Конфликт между победителями предоставил политическим силам будущей ФРГ уникальную возможность избежать оплаты счетов за начатую и проигранную нацизмом мировую войну. Из побежденной и контролируемой на всех уровнях страны Германия стала стремительно превращаться в желанного потенциального партнера и союзника вчерашних противников. Правда, за это потребовалось заплатить свою цену, которая сводилась к отказу от единства нации — «на время», как заверяли западногерманские стратеги, втихомолку уже готовившие формирования бундесвера, и их будущие союзники, подсчитывавшие, сколько солдат западных стран на «линии фронта» заменят немцы. Предстояла лишь несложная с пропагандистской точки зрения операция: надо было изобразить дело так, будто раскол Германии — дело рук коварного СССР, замышляющего подчинить не только всех немцев, но и всех свободолюбивых европейцев безжалостной диктатуре азиатского коммунизма. По существу, надо было лишь продолжить оказавшуюся довольно эффективной обработку общественного мнения,

проводившуюся д-ром Йозефом Геббельсом, этим нацистским гением политической рекламы³.

Параллельная интеграция

Вследствие антисоветского поворота политики Запада естественная после катастрофы Второй мировой войны тяга европейцев к объединению была расщеплена по идеологическому принципу на два потока: на Западе добивались единства во имя европейских (западных) ценностей, на Востоке — во имя пролетарского интернационализма. Бросается в глаза, что одной из самых существенных проблем в ходе подготовки и реализации европейского объединительного процесса в XX в. стало российское участие в эвентуально подлежащих созданию общеевропейских структурах. Если до 1914 г. Россия практически безоговорочно признавалась неотъемлемой составной частью европейского миропорядка, то после Первой мировой войны одержали верх сторонники «исключения» России из Европы. Наиболее последовательно и жестко эту линию отстаивали нацисты. Поражение нацистской Германии не привело к пересмотру стремления Запада держать Россию в карантине.

После разгрома рейха русофобское дело продолжили «холодные воители», сводившие понятие «Европа» лишь к западной части континента. СССР квалифицировался ими, естественно, как «порождение Азии», европейское социалистическое содружество было объявлено «полуазиатским». Примечательно, что эти тезисы встретили тогда меньше всего поддержки в ФРГ, которая не хотела списывать ГДР со счетов в качестве «азиатского придатка».

Для обоснования развернувшейся произвольной трактовки исторических и географических фактов приводились ссылки на советский

³ В наиболее известной за пределами Германии речи Геббельса («Хотите ли вы тотальной войны?»), которую он произнес в берлинском Дворце спорта в феврале 1943 г. с целью как-то смягчить катастрофическое впечатление, сложившееся у немцев после поражения вермахта под Сталинградом, говорилось о «великом судьбоносном сигнале тревоги», зовущем к «героической борьбе против натиска степи». За спинами наступающих советских дивизий, заявил он, «мы уже видим еврейские расстрельные команды», за которыми «следует террор, вздымаются призраки голода для миллионов и полнейшей европейской анархии». Стоит лишь заменить вышедшее скоро из моды прилагательное «еврейский» на «советский» или «русский» и получатся весьма распространенные тезисы выступлений западных политиков эпохи холодной войны — и не только! (см.: Wie Goebbels seine diabolische Rede inszenierte / Die Welt. <http://www.welt.de/geschichte/zweiter-weltkrieg/article113703756/Wie-Goebbels-seine-diabolische-Rede-inszenierte>).

«сталинизм», который был зачислен в число «азиатских явлений». Однако и после осуждения «сталинизма» XX съездом КПСС в 1956 г. линия на изоляцию СССР не изменилась. Когда в 1957 г., через 12 лет после окончания Второй мировой войны и через год после развенчания «культы личности», западноевропейская интеграция преодолела стадию деклараций и стала претворяться в действительность, состоялся осознанный выбор Запада в пользу «Малой Европы».

Западногерманское государство набрало к этому моменту такую силу, что против его воли ничего сделать было нельзя не только в Европе. ФРГ требовала же от Запада действий в целях «освобождения» ГДР, что вполне могло превратить холодную войну в горячую. Лидеры Запада остерегались следовать западногерманским миражам, но с удовольствием поддерживали германскую двугосударственность, ослаблявшую удельный вес немцев в Европе. Расколу континента был придан долговременный характер. Наследие антигитлеровской коалиции выбросили за борт. Как рассчитывали многие на Западе, окончательно.

Четко выраженным желанием политически организованного Запада было предотвратить общеевропейскую интеграцию, нацеленную на создание Большой Европы с участием России. Это обусловило категорический отказ от едва наметившейся в послевоенные годы тенденции объединения всей Европы. Разумеется, объединительный процесс как таковой начался на западной половине континента (естественно, без России), однако затем он был запущен и на европейском Востоке — с Россией-СССР. Но последовавшей параллельности интеграционных процессов не дали изменить ситуацию, при которой концепция Большой Европы, охватывающая по определению весь континент, оставалась на периферии практической политики. Варианты западной мотивировки отказа от реализации общеевропейского проекта имели второстепенное значение — они видоизменялись в зависимости от политической конъюнктуры, но смысл оставался постоянным: «Россию нельзя пускать в Европу».

Корни русофобии

Устойчивость антирусского стратегического целеположения, которое не изменилось даже после коренной ломки соотношения сил в Европе в 1990–1991 гг., лишь подтверждает, что дело здесь меньше всего в мнимой идеологической несовместимости России и Западной Европы. Риторические упражнения на эту тему призваны, скорее, скрыть истину, чем выявить ее. Мало кто в Западной Европе заинтересован

в выяснении истинного положения вещей, так как глубинные причины закоренелого русофобства западноевропейских интеграторов весьма сомнительны с рациональной точки зрения. Пойти навстречу президенту Б.Н. Ельцину, мечтавшему о том, чтобы любой ценой сесть за один стол с лидерами Евросоюза, означало бы превратить интегрированную Европу в настоящую глобальную силу, способную добиться равноправия с США. Отказ от создания Большой Европы уже на первом этапе постконфронтационного периода отвечал поэтому скорее интересам США, чем Евросоюза. Внутриевропейские страхи были по большей части связаны с возможностью возникновения прочного германо-российского партнерства, примеры которого известны из совместной истории обоих государств и которое способно стать решающим фактором политической обстановки на континенте. Открыто признать указанные обстоятельства считалось непозволительным, поскольку в этом случае подогревался бы антагонизм и к американской «крыше», и к самой ФРГ, без которой уже нельзя было представить себе западноевропейскую интеграцию. Гораздо безопаснее было валить все на русских, тем более что многие из них с началом перестройки увлеклись «самоедством».

С возникновением интеграционных центров на Западе и на Востоке континента Европа оказалась разорванной надвое не только политически, но и организационно. Западноевропейская интеграция опиралась на сопряженные усилия ФРГ и Франции, взявших на себя роль ее вдохновителя, опоры и мотора во имя сохранения мира внутри Западной Европы и — параллельно — нагнетания антисоветизма, конечной целью которого оставалось для западных немцев «освобождение» ГДР. Восточноевропейская интеграция исходила из нужд укрепления сопротивляемости членов содружества давлению извне, а также из заинтересованности небольших стран Восточной Европы в упорядочении разделения труда и тягот в рамках кооперации с гигантом — Советским Союзом. На Западе наличие двойной тяги обеспечило в целом успешный ход процесса, поскольку смягчалась острота болезненной темы гегемонии на интегрируемом пространстве. Напротив, на Востоке континента не поддающийся коррекции перевес СССР осложнял интеграционные процессы, поскольку всесильная советская бюрократия с трудом воспринимала порядок, при котором партнеры или органы Совета экономической взаимопомощи могли бы ограничивать свободу ее решений. Тем не менее, остается фактом возникновение феномена практической интеграции, охватившей, по существу, весь континент в его совокупности.

Вопросы безопасности на первом этапе послевоенной европейской интеграции были как бы вынесены за скобки. Наличие мощных арсеналов

лов ядерного оружия и средств его доставки у главных носителей мирового противостояния, СССР и США, а также договорные ограничения создания районов систем противоракетной обороны, способных устранить риск сопряженного с неприемлемым ущербом гарантированного ответного удара в случае ядерного нападения, делали «большую войну» маловероятной. Правда, «малых войн» это не касалось. Они продолжались по всему земному шару и не были такими уж безобидными. Главная опасность «малых войн» заключалась в том, что их стороны рядились сплошь и рядом в одежды участников глобального идеологического конфликта и взывали к лидеру соответствующего лагеря с призывом об оказании военной поддержки. Перерастание «малых войн» в «большую» исключалось, пока глобальные лидеры вели себя разумно и не допускали слишком грубых ошибок. Однако возможность (хотя и небольшая) такого развития событий сохранялась.

В Европе «малых войн» не было, поскольку континент относился к разряду регионов, потенциально наиболее взрывоопасных в глобальном масштабе. На Западе Европы военными делами занималась НАТО, на Востоке — Организация Варшавского договора. Конечно, такая «специализация» носила во многом формальный характер: все (или почти все) члены Европейских сообществ входили в состав НАТО; все члены СЭВ участвовали в ОВД. НАТО находилась под бесспорным верховенством США, которые в основном и осуществляли непосредственное военное прикрытие Евросообществ. Результатом явилось определенное «выравнивание» статуса европейских членов НАТО: все они оказывались в подчиненном положении по отношению к США. Превосходство СССР в ОВД было таким же подавляющим, как и в СЭВ, поэтому в области безопасности также не могло быть речи о психологической «компенсации» незначительности влияния малых социалистических стран на решение политических и экономических проблем содружества.

Проект Большой Европы

Несмотря на послевоенную разобщенность ареалов интеграции континента, было бы ошибочно считать, что концепция Большой Европы оказалась напрочь забытой. С довоенных времен коллективная организация европейской безопасности оставалась одним из главных направлений европейской политики Москвы. Политическое руководство СССР продолжало считать, что основой системы коллективной безопасности могла бы стать гармонизация взаимоотношений между

обеими половинами континента. В первые годы после войны такая гармонизация мыслилась в контексте подлежащего заключению мирного договора с Германией, который сыграл бы роль своего рода стержня для упорядочения европейских межгосударственных связей. Затем все надежды сконцентрировались на проекте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое в кремлевской перспективе приобрело характер чуть ли не «европейской ООН». Под этим углом зрения следует рассматривать лозунг «общего европейского дома», выдвинутый Л.И. Брежневым во время его последнего визита в Бонн в 1981 г. Большая Европа оставалась целью советской внешней политики на всем протяжении послевоенного периода — идеальной целью, блеск которой зачастую вел к самообману, как это случилось с абсолютизируемой Москвой Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

Кризис 1990–1991 гг., коренным образом изменивший обстановку в Европе и в мире, оставил в подвешенном состоянии вопрос о том, закончилась ли на этом холодная война или нет. Формальный ответ на этот вопрос должен был бы, по-видимому, звучать: «Да». В начале 1990-х гг. Запад торжественно провозгласил прекращение холодной войны и обещал России построить Большую Европу в обмен на сдачу геостратегических позиций, выстроенных в послевоенный период Советским Союзом ценой невероятных жертв и лишений его граждан.

Принципы Большой Европы были торжественно провозглашены в «Парижской хартии для новой Европы», принятой 21 ноября 1990 г. на состоявшейся во французской столице встрече в верхах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В задачи этой встречи входили подведение итогов закончившегося периода европейской истории и расстановка вех на последующий. Первый же раздел общеевропейской Хартии, озаглавленный «Новая эра демократии, мира и единства», начинался словами: «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась». В четвертом разделе («Дружественные отношения между государствами-участниками») говорилось о «поддержании и укреплении демократии, мира и единства в Европе», повторялся тезис о «прекращении раскола Европы» и подчеркивалась решимость «преодолеть существовавшее на протяжении десятилетий недоверие, повысить стабильность и построить единую Европу»⁴. В Декларации Хельсинкской встречи СБСЕ на высшем уровне, состоявшейся в июле 1992 г., т.е. уже после дезинтеграции СССР, подтверждались изложенные в Парижской

⁴ От Хельсинки до Будапешта. История СБСЕ // ОБСЕ в документах. 1973–1994. В 3 т. Т. 2. М.: Наука, 1996. С. 304, 306–307.

хартии «руководящие принципы создания сообщества свободных и демократических государств от Ванкувера до Владивостока»⁵.

Вся беда была в том, что решения СБСЕ не подлежали ратификации парламентами стран-участниц и поэтому не носили обязательного характера. Это были «декларации о намерениях» — красивые, звучные, даже в чем-то воодушевляющие, но подлежащие исполнению только в том случае, если заинтересованные правительства того пожелают. Советский Союз старательно выполнял все пункты решений, не обращая внимания на внутривнутриполитические последствия; остальные участники производили тщательную сортировку, определяя, что им подходит, а что нет. Совершенно очевидно, что подлинная Большая Европа не входила в число их приоритетов.

Помимо прекрасноречивых деклараций СБСЕ обещание строить Большую Европу содержалось также в заключенных в тот период договорах, которые носили нормальный международно-правовой характер, были обязательными для подписавших их сторон и регулировали реальные проблемы, связанные в основном с германским объединением. Но именно последнее обстоятельство позволило кое-кому после включения ГДР в состав ФРГ и завершения вывода с германской территории советской Западной группы войск объявить содержание этих договоров «исчерпанным». Такая судьба постигла снабженный подписями четырех держав-победительниц и обоих германских государств, а затем ратифицированный в установленном порядке «Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии» от 12 сентября 1990 г. (по своему смыслу он заменил так и не заключенный мирный договор с Германией).

Между тем в договоре «два плюс четыре» содержатся положения, сохраняющие актуальность и по сегодняшний день. В частности, в его преамбуле сформулирована цель ликвидации раскола континента, а также необходимость окончательно преодолеть антагонизм и развивать сотрудничество в Европе. Статья 2 содержит обязательство Германии, гласящее, что она «никогда не применит оружие, которым она располагает, иначе как в соответствии с ее конституцией и Уставом Организации Объединенных Наций»⁶. Участие люфтваффе в агрессии НАТО против Югославии в 1999 г. было явным нарушением указанных обязательств, однако мировая общественность предпочла «не заметить» этот факт. И сегодня ссылаться на договор от 12 сентября 1990 г. почему-то не принято.

⁵ Там же. С. 323.

⁶ Германско-советские договоры. Бонн, 1991. С. 11, 13.

Подписанный 9 ноября 1990 г. в Бонне двусторонний «Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве» между ФРГ и СССР, бесспорно, сохраняет свою силу и по сей день⁷. После дезинтеграции СССР этот договор продолжает действовать в отношениях между ФРГ и Российской Федерацией. В его тексте закреплены и развиты наиболее существенные моменты договора от 12 сентября 1990 г. Так, в соответствии со статьей 3 оба государства обязаны «разрешать свои споры исключительно мирными средствами, никогда не применять свое оружие любых видов, кроме как для целей индивидуальной или коллективной самообороны». Во исполнение статьи 4 стороны должны объединить свои усилия по существенному сокращению вооруженных сил и вооружений, «что наряду с осуществлением односторонних мер создавало бы, в частности в Европе, стабильное равновесие сил на более низком уровне, достаточном для обороны, но недостаточном для нападения». Статья 5 предусматривает совместное укрепление и развитие процесса безопасности и сотрудничества в Европе путем создания постоянных учреждений и органов СБСЕ с целью «превращения Европы в единое пространство права, демократии и сотрудничества в области экономики, культуры и информации». Особое значение имеет статья 7, в которой записано: «В случае возникновения ситуации, создающей, по мнению одной из сторон, угрозу миру или нарушения мира или могущей вызвать опасные международные осложнения, обе стороны незамедлительно будут вступать в контакт друг с другом и предпринимать усилия для того, чтобы согласовать свои позиции и условиться о мерах, которые позволили бы улучшить ситуацию или справиться с ней»⁸.

Совсем неслучайно в комментариях мировых СМИ советско-германский договор от 9 ноября 1990 г. приравнивался по своей значимости к бессрочному договору между Францией и ФРГ от 22 января 1963 г. («Елисейский договор»), который создал основу франко-германского тандема, в корне изменившего ход западноевропейской истории. В целом установление центром континента преференциальных отношений с ведущими державами, как Запада, так и Востока Европы, должно расцениваться в качестве гарантии мира, стабильности и равновесия сил в том регионе, откуда на человечество обрушились две мировые войны. Но для этого нужно, чтобы соответствующие договоры работали по существу, а не только служили поводом для проведения протокольных мероприятий.

⁷ Срок действия этого договора был определен в 20 лет с автоматическим продлением на каждый следующий пятилетний период, если ни одна из сторон не заявит своевременно о желании денонсировать договор.

⁸ Германо-советские договоры. С. 75, 77–78.

После объединения Германии возникла странная ситуация, при которой декларировалось, с одной стороны, что Большая Европа с равноправным участием России будет строиться, но, с другой — не было предусмотрено ни одного эффективного инструмента для реализации этого обязательства Запада. Так называемый «переломный период» закончился тем, что формально снабдил советскую/российскую дипломатию хоть и ослабленными, но теоретически наличествующими возможностями маневра для продвижения своих интересов в области общеевропейского процесса. Предпосылки внешнеполитической активизации имелись главным образом в сфере отношений с ФРГ, образующей естественный центр континента. Однако деградация политики нашей страны на всех направлениях (характерная для финального периода перестройки и последующего десятилетия) вела к тому, что эти возможности не использовались, а время терялось.

Слабости обновленной политической системы СССР/России эффективно использовались Западом для навязывания мировому сообществу своей схемы «нового мирового порядка», не учитывающей потребности безопасности нашей страны. Как подметил российский политолог В.В. Штоль, «ключевые центры Запада и западной цивилизации... действовали так, будто победили не в “холодной”, а в реальной “горячей” и “большой” войне, получив тем самым карт-бланш на преобразования, сопоставимые лишь с переделом мира после Первой и Второй мировых войн»⁹.

Нерешенная проблема безопасности

Официальные декларации о завершении холодной войны делались Западом в такой форме, которая позволила ему объявить себя «победителем» в абсолютном значении этого слова. И как всякий победитель, он возжелал немедленно воспользоваться плодами поражения соперника, не утруждая себя размышлениями о том, какая линия поведения больше соответствовала бы задаче обеспечения кооперационного будущего для континента: вовлечение новой России в европейское строительство или ее дальнейшая изоляция и ослабление. Впрочем, в том, что касается экономической сферы, падение стен и барьеров было немедленно использовано в интересах западноевропейского капитала. Ступор случился в сфере политического взаимодействия обеих половин Европы.

⁹ Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010. С. 28.

Объединение Германии, развал СЭВ, Варшавского договора, а затем и Советского Союза оставили лишь один европейский интеграционный центр — западный. После некоторых колебаний этот центр приступил к расширению на Восток и довольно скоро поглотил всю «промежуточную Европу», которая на протяжении веков склонялась то к западной, то к восточной половине континента. Возник мираж возможности «перекрыть» достижения Римской империи и заглотивший весь континент за российскими пределами, включая присоединение ряда территорий, входивших ранее в состав исторической России. Финансовый и экономический кризис, обрушившийся на Запад, лишь временно охладил горячие головы «объединителей». Вторжение ЕС в сферу безопасности России остается их целью и сегодня.

Основа сформулированной двадцать лет назад позиции ЕС по отношению к России не меняется: Российская Федерация как таковая не должна ни в какой форме становиться участником объединенной Европы. Иногда можно слышать заявления в том духе, что пересмотр подобной четко русофобской позиции возможен в случае, если Россия, безусловно, подчинится «законам» Евросоюза и покорно признает его руководство во всех сферах общественной жизни. Однако делаемые при этом оговорки свидетельствуют, что и тогда России «не светит» полноправное членство в ЕС. Хитроумная система контроля за внутренним развитием Российской Федерации позволяет Западу в любой момент и по любому поводу объявить, что русские «не дотягивают» до западноевропейских нормативов, «не выполняют» своих обязательств и потому режим карантина должен быть продлен.

Специально для такого рода казусов в Евросоюзе изобретен механизм «сотрудничества с новыми соседями», когда «сосед» обязуется выполнять все обязанности участника ЕС, не приобретая взамен практически никаких прав (но, получая кое-какие субсидии, расходование которых строго контролируется). Красноречивым примером может служить многострадальное соглашение об ассоциации, навязанное США и ЕС Украине. Не очень далеко от этого ушла механика стадии «кандидатства», однако «соседский» статус еще более бесправен. Практика участия «новых европейцев» в управлении делами Евросоюза подтверждает наличие существенного неравноправия его членов. Попытки «своеволия» со стороны новичков немедленно вызывают репрессивную реакцию Брюсселя. Таким образом, строительство настоящей Большой Европы блокируется и на этом направлении. Общеευропейский проект и здесь по-прежнему не покидает область научной фантастики.

Несмотря на обилие прекраснородушных (но ни к чему не обязывающих) совместных заявлений, политические отношения России и ЕС продолжают упираться в проблемы безопасности, ситуация с которыми после дезинтеграции Варшавского договора и СССР выглядит особенно гротескно. Симбиоз Евросоюза и НАТО не только сохранился, но и стал органическим. Отныне все новые члены ЕС обязаны добиться сначала своего приема в НАТО, и лишь когда на лоб кандидата поставлена наговская печать «Годен», может идти речь о его приеме в Евросоюз. Таким образом, если в эпоху конфронтации тождество ЕС и НАТО было фактическим, но не рекламируемым, то теперь оно стало официальным и провозглашаемым с «амвона». Вряд ли такое развитие отражает движение мира к большей безопасности, как нас пытаются убедить западные политики. Во всяком случае, раскол Европы не становится от этого менее глубоким. Ведь вступление суверенной России в НАТО не подлежит обсуждению — в этом едины все серьезные представители Запада.

Без России голос Европы не будет слышен!

Приходится признать, что на ближайшее время отсутствуют какие бы то ни было реальные шансы российского участия в общеевропейской интеграции — будь то экономической, политической или в области безопасности. В то же время остается непреложной истиной то, что общеевропейский вариант сможет материализоваться только с подключением к нему в какой-либо форме России. То, к чему на сегодняшний день привело продвижение Евросоюза вкупе с НАТО на Восток, является в лучшем случае разбухшей Малой Европой, но никак не Большой Европой.

В период 1990-х гг. слабость России непрерывно углублялась, и соответственно возрастала ее зависимость от «доброй воли» заграницы, что способствовало ошибочному восприятию действительности западными лидерами, и без того постоянно грешившими недооценкой потенциалов восточного гиганта. Тогда в пользу сохранения мира сработало сохранявшееся отсутствие уверенности в том, что созданный СССР ядерный потенциал сдерживания превращен демократической Россией в грудку ржавого железа, как об этом трубили герольды якобы одержанной Западом «победы». Возрождение России после 2000 г. усилило сомнения в достоверности спекуляций на тему об ее бессилии. Отчасти этим объясняется упорство, с которым правящие круги США цепляются за идею «звездных войн», рожденную еще при Рональде Рейгане.

В случае реализации американских планов создания противоракетной обороны (эксперты склоняются к мнению, что, в конечном счете, это станет в какой-то степени технически возможным) окажется разрушенной основа равновесия, на протяжении последних 70 лет удерживавшего мир от катастрофы Третьей мировой войны. Это произойдет независимо от того, действительно ли удастся свести к нулю вероятность ответного удара. В любом случае возрастет опасность неверных решений как с одной, так и с другой стороны. Уверенность (в том числе иллюзорная) в своей безнаказанности при любом повороте событий усилит склонность американских элит к глобальному авантюризму. Одновременно станут более вероятными ситуации, когда по мере нарастания напряженности в международных отношениях могут чересчур поспешно приниматься превентивные меры.

Сегодня Европа подошла к очередному поворотному рубежу. Именно сейчас решается, пойдет ли дальнейшее развитие в направлении Большой Европы или будет увековечена Малая Европа. Упорное нежелание Запада «пустить» Россию в Европу уже привело к возникновению евразийской зоны интеграции. Россия бесповоротно отвергла роль «просителя» у порога ЕС и окончательно распростилась с перспективой в ближайшие годы вступить в органические отношения с Евросоюзом. Она во все большей степени становится центром притяжения для Евразии. Это не означает, что Россия собирается «враждовать» с Евросоюзом (судя по всему, только Евросоюз видит в России «противника»). Однако Европа теряет исторический шанс выйти за свои географические границы путем включения в процесс общеевропейской интеграции входящей в состав России обширной азиатской территории, на протяжении веков уже европеизированной русскими. На фоне затяжного финансового, а теперь еще и экономического кризиса Запада все более реальной становится перспектива обратного феномена — включения частей Восточной Европы в евразийские объединительные процессы, что будет означать закрепление раскола континента на обозримое будущее. Исторический договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), подписанный главами России, Казахстана и Белоруссии в Астане 29 мая 2014 г., четко обозначил перспективный вектор движения. Договор получил тем большее звучание, что западный интеграционный вектор оказался к тому времени практически перекрытым.

* * *

Серьезный урон движению к Большой Европе нанес спровоцированный извне кризис украинской государственности. Побудительной

установкой стоявших у его истоков США было ослабление геополитических позиций России. И хотя в полной мере поставленные задачи выполнены не были, их негативные результаты налицо. Вашингтону удалось мобилизовать интегрированную часть Европы на антироссийской основе.

Мощный асимметричный ответ на геостратегическом уровне был дан воссоединением Крыма с Россией. Планы ввода войск НАТО на полуостров и демонстративного удаления российского Черноморского флота из Севастополя реализовать не удалось. Крым снова стал опорой нашего влияния и контроля в Средиземноморско-Черноморском регионе.

России была объявлена подлинная информационная война. США, следующий в их фарватере Евросоюз и американские ставленники в Киеве пытаются взять реванш на тактическом уровне, предъявляя России все новые требования. Не покидает их и надежда добиться, в конечном счете, замораживания отношений между Россией и Украиной.

Человеку свойствен исторический оптимизм даже в тех случаях, когда оснований для уверенности в светлом будущем, казалось бы, маловато. В разгар острого кризиса внутриевропейских отношений не умирает надежда, что мирная Большая Европа все же станет когда-нибудь действительностью. Ведь только в этом случае наш континент вновь сможет претендовать на то, чтобы быть соавтором Большой Истории.

РАЗДЕЛ II. СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА

Глава 6

НОВЫЕ ВРЕМЕНА – НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Судя по всему, человечество вступило в полосу глубоких, качественных сдвигов. Настали новые времена, чреватые существенными переменами в мироустройстве.

Перемены эти, естественно, сказались на судьбах Европы – ее настоящем и будущем. Эта констатация не вызывает серьезных сомнений.

Вместе с тем остаются не проясненными многие из проблем, обусловленных этими переменами, такие как направленность, масштабы, угрозы и, что особенно важно, наиболее эффективные способы их минимизации. Оживленные дискуссии на эту тему еще не дали должных результатов. Тем больше оснований поразмыслить над этим.

Истоки

Сейчас стало модным рассуждать о *вызовах нового века*. При этом нередко забывают, что многие из них обозначились гораздо раньше – в последней трети прошлого столетия.

Уже тогда стало предельно ясно, что отношения человечества и природной среды, приобретая кризисный характер, чреваты катастрофой. Между тем в то время число людей на Земле было существенно меньше, чем теперь, и лишь приближалась к 6 млрд. Существенно скромнее было и потребление энергии в расчете на одного человека. Разумеется, сейчас обусловленная этим угроза выступает гораздо ошутимей. Ведь численность населения планеты перевалила за 7-миллиардный рубеж, а потребление энергии вышло далеко за мыслимые прежде пределы. Но колокол забил тревогу еще в то время.

В последней трети XX в. одним из наиболее заметных сдвигов в динамике мироустройства стала совокупность глобализационных тенденций. Они привлекли к себе особое внимание экспертов и дали

мощный импульс массовым общественным движениям, серьезно повлиявшим на политический ландшафт ряда стран, в том числе европейских, вполне влиятельных и мощных. Со временем страсти внешне поутихли. Тем не менее внимание к проблеме не только сохранилось, но и стало существенно выше.

Немало копий было сломано в последней трети XX в. вокруг последствий быстрого накопления новых знаний, развития высоких технологий и внедрения основанного на них массового производства. Уже тогда стало очевидным, что они меняют многие жизненные условия существования человека. Не случайно для наметившихся изменений были придуманы броские, хотя и не очень точные «лейблы» «постиндустриального» и «информационного» обществ.

Последствия перемен в этой сфере ощутили, прежде всего, наиболее развитые страны, а, следовательно, значительная часть Европы. Например, приобрело массовый характер вытеснение на периферию мира традиционных, преимущественно массовых производств. Их все активнее сменяли не просто новые, но принципиально иные, значительно более экономные и производительные предприятия. Принципиально иными становились требования к наемному труду. Небывало вырос спрос на высококвалифицированную рабочую силу. Соответственно ускорились сдвиги в структуре занятости и в обществе в целом. Иными стали складывавшиеся в нем потребности, интересы и установки.

При этом, естественно, напрашивается вопрос: если главные изменения, а следовательно, и вызовы, брошенные ими человечеству, наметились относительно давно, то почему порожденные ими новые времена с особой силой ощущаются именно сейчас?

На этот вопрос можно предложить много ответов, но главные из них бесспорны. *Во-первых*, в последней трети XX в. еще не в полной мере проявились два важнейших противоречия миропорядка, с которыми приходится иметь дело ныне: глубокий кризис глобальной экономической системы и коренное перестроение международных отношений, обусловленное разложением и распадом «однополюсного» мира. *Во-вторых*, важную роль сыграла своего рода инертность, свойственная массовому общественному сознанию. Для того чтобы в должной степени осмыслить и оценить совокупность масштабных, противоречивых перемен и выработать адекватные реакции на них, различным социальным группам и, соответственно, типам сознания, потребовались как набор стимулирующих факторов, так и значительный промежуток времени.

Как же складывается, с учетом изложенного выше, положение дел сейчас, во втором десятилетии XXI в.? Рассмотрим с этой точки зрения некоторые из наиболее очевидных проблемных узлов.

Узел первый: люди и природа

Обострение отношений «люди – природа» не оставалось незамеченным и ранее. Весьма активно на него реагировала европейская общественность. В ряде стран сложились и утвердились на политическом Олимпе экологические партии. На уровне Евросоюза и во многих странах – членах ЕС развернулась борьба против таких форм негативного воздействия на окружающую среду, как выбросы в атмосферу непомерно больших объемов углекислого газа и использование ядерных электростанций.

Настроения на европейском континенте позитивно сказались на позиции международных организаций. ООН разработала Программу по окружающей среде и приняла Рамочную конвенцию по изменению климата. Был заключен ряд межгосударственных договоров о сохранении морских биоресурсов. Большинство стран мира подписали Киотский протокол, установивший ограничивающие квоты на выброс углекислого газа.

В то же время негатива за прошедшие времена накопилось больше, чем позитива.

Многие властные элиты не только не осознали значимости возникшей проблемы, но и, руководствуясь эгоистическими соображениями, энергично выступили против конкретных мер по ее решению. Под воздействием ряда причин равнодушие к ним проявила и подавляющая часть граждан. В итоге реакция на соответствующий вызов свелась к серии малоэффективных шагов.

Международные конференции по защите окружающей среды одна за другой завершались «сотрясением воздуха». Периодически вносимые в ООН предложения о создании в ее рамках влиятельной и правомочной международной экологической организации постоянно отвергались.

Киотский протокол – детище главным образом европейских стран, несмотря на сопровождавшую его рекламу, ввиду отказа от участия в нем ряда основных загрязнителей атмосферы, в частности Соединенных Штатов Америки и Китая, не дал ожидаемых результатов. Планировалось, что реализация его положений на треть сократит мировые выбросы в атмосферу углекислого газа – одного из главных источников опасных климатических изменений. В действительности эти выбросы возросли. И если не произойдет серьезных изменений, так будет продолжаться и впредь.

Не ясна и дальнейшая судьба самого Киотского протокола. Под вопросом подписание международных соглашений, которые, как предполагалось, должны прийти ему на смену.

Тем временем разрушительное воздействие некомпенсированного давления на окружающую среду приносило все новые ядовитые плоды. Все заметнее истощение многих источников жизненно необходимой человечеству энергии. Заметно возросла загрязненность Мирового океана. В ряде регионов резко обострилась нехватка пресной воды. Ускорилось опустынивание сельскохозяйственных земель. Соответственно сократился объем продовольственной продукции в расчете на одного человека. Массовое уничтожение растительного покрова, прежде всего, лесных массивов, вкупе с растущим выбросом углекислого газа все сильнее подрывают структуру земной атмосферы.

Особо угрожающие формы принимает прогрессирующее изменение климата, обусловленное во многом накоплением в атмосфере углекислого газа. Как отмечается в докладе специальной исследовательской группы, представленном на международной Конференции по изменению климата, состоявшейся в ноябре 2011 г. в южноафриканском Дурбане, планета продолжает нагреваться. Следствием этого стало усиление природных бедствий, в частности учащение наводнений, ураганов, тайфунов и смерчей. Вероятны ежегодные периоды экстремальной жары, которая не только вызовет засуху, но и заметно повысит смертность, в первую очередь, среди пожилого населения.

Но и это далеко не всё.

Весьма тревожны среднесрочные перспективы. Повсеместно зафиксированное таяние ледников может обернуться повышением уровня Мирового океана. Если не принять решительных мер, то это, вполне вероятно, приведет к затоплению густонаселенных приморских территорий, в первую очередь, на западе Европы. Последствия этого очевидны: гибель миллионов людей и массовое переселение оставшихся в живых в районы, менее пострадавшие от стихийных бедствий.

Серьезную угрозу представляют процессы, определяющие дальнейшую судьбу Гольфстрима — теплого течения, обогревающего западную часть нашего континента и обеспечивающего доминирование на ней умеренно теплых климатических условий. Если Гольфстрим изменит свое направление или будет оттеснен вглубь океана, вся западная часть европейского континента станет малопригодной для жизни. Что это будет означать для сотен миллионов ее обитателей, объяснять не надо.

Заядлые пессимисты идут в своих прогнозах еще дальше. По их мнению, усиление давления на твердую оболочку Земли утяжелившейся массы океана может спровоцировать сдвиг литосферных плит,

который расчистит путь для находящейся под ними раскаленной магмы, что, в свою очередь, повлечет за собой серию небывалых по мощи взрывов, способных нанести непоправимый ущерб белковой жизни.

Конечно, такого рода прогнозы вызывают немало сомнений. И все же закрывать глаза на возможные угрозы, по меньшей мере, неразумно.

Что же в этой связи можно и нужно сделать? Прежде всего, о неотложных мерах.

Необходимо, наконец, добиться от Организации Объединенных Наций давно назревшего создания в ее рамках Международного объединения в защиту окружающей среды, не уступающего по своим масштабам и объему финансирования таким организациям, как ЮНЕСКО. Этому объединению надлежит незамедлительно приступить к разработке всесторонней программы международной реакции на последствия предполагаемых и возможных глобальных бедствий. В числе важных составных этой программы можно назвать образование Международных сил реагирования на естественные и технологические катастрофы, с последствиями которых не смогут справиться пострадавшие от них отдельные государства, и создание Международного фонда средств помощи жертвам естественных и технологических катастроф, выходящих за национально-государственные пределы. Возможен также выход и на другие региональные и глобальные формы реагирования на климатические и иные катастрофы.

Для длительного лечения окружающей среды, очевидно, потребуются качественно иное, более эффективное объединение региональных и международных усилий и значительное наращивание объединенных инвестиций, направленных на стимулирование научных разработок и внедрения в практику возобновляемых источников энергии и синтетических материалов. В этой связи, видимо, встанет вопрос о создании совокупности соответствующих международных исследовательских и внедренческих институтов.

Разумеется, в данном случае это не проблемы нынешнего и завтрашнего дня. Однако двигаться в указанном направлении надо уже сегодня. И это как раз одна из тех жизненно важных проблем, для решения которых можно сплотить все страны Большой Европы вне зависимости от их принадлежности к тем или иным интеграционным структурам.

Узел второй: сдвиги в структуре миропорядка

Серьезные изменения произошли и происходят в архитектуре миропорядка. Международные отношения – область, в которой реак-

ция на вызовы современности некоторое время выглядела наиболее успешной. В конце XX в. завершилось глобальное противостояние двух общественных систем и двух сверхдержав – Советского Союза и Соединенных Штатов Америки. С окончанием холодной войны международная обстановка заметно разрядилась. Был заключен ряд соглашений об ограничении ядерных и обычных стратегических вооружений. Тем самым отодвинулась на задний план нависшая над миром угроза всеобщей ядерной войны, чреватой уничтожением жизни на Земле. Возникли дополнительные предпосылки сближения противостоящих сторон на европейском континенте – их реального движения к Большой Европе.

Однако затем процесс приостановился.

Между тем «крот глобализации» продолжал «рыть все глубже». Дальнейшее ее расширение вело, наряду с отдельными позитивными сдвигами в области международных отношений, и к накоплению новых противоречий.

Глобализация в сфере экономики вернула на повестку дня вопрос о международных политических институтах, способных (хотя бы частично) принимать решения, значимые для всех стран мира. При разумных ограничениях, учитывающих реальную обстановку, движение в этом направлении могло бы привести к позитивным результатам. Однако, как это часто бывает, тут же вырисовалась и теневая сторона проблемы.

Возросшая потребность в упорядоченном мироустройстве вкупе с уходом с мировой арены одной из двух сверхдержав – Советского Союза – как бы расчистила пространство для притязаний на «единодержавное» управление миром. И на эту роль сразу же появились претенденты.

Естественно, что первым в их числе оказались Соединенные Штаты Америки. Сферой их жизненных интересов стали провозглашаться все новые регионы мира. Соответственно, были окончательно отправлены в мусорную корзину жалкие остатки прежней ориентации на изоляционизм.

Первостепенная роль в формировании внешней политики США перешла к идеологическим миссионерам, считавшим главной задачей перекроить человечество по своим лекалам. Получил новую «путевку в жизнь» пребывавший в «идеологическом холодильнике» миссионерский лозунг «Pax Americana», предполагавший абсолютное доминирование американской экономики, политики и идеологии на земном шаре. Практическое осуществление этого курса привело к серии массовых кровопролитий в самых различных регионах мира.

Элементы аналогичных устремлений стали заметны и в некоторых странах Западной Европы, и в Евросоюзе в целом. В их отношении к происходившему на постсоветском пространстве стали проскальзывать рудименты, казалось бы, изжитых неокOLONИАЛИСТИЧЕСКИХ замашек. Аналогичные тенденции начали все очевиднее проявляться не только там, где эти страны осуществляли ранее свое колониальное господство, но и в Европе, и, прежде всего, на постсоветском пространстве.

Вместе с тем наметилось и нечто совсем иное. В некоторых из экономически отстававших в прошлом стран открылись сильные дополнительные стимулы к развитию. Тем самым у них появилась возможность совершить системный рывок к технологическим и техническим высотам и не только догнать, но и в чем-то перегнать кичившиеся своим экономическим превосходством государства.

Сначала преобразились в этом смысле сравнительно небольшие страны (Южная Корея, Сингапур, Тайвань, Малайзия), некогда названные в данной связи «азиатскими тиграми». Сложившуюся систему отношений это, естественно, не изменило.

Однако затем по проложенному ими пути двинулись страны-гиганты, прежде всего КНР, Индия и Бразилия. Во второе десятилетие XXI в. Китай вступил как вторая по экономической значимости (после Соединенных Штатов Америки) держава мира. Ненамного отстала от КНР Индия. В 2011 г. шестое место в мире по экономическому развитию заняла Бразилия. Сходную динамику демонстрируют Южно-Африканская Республика и Мексика, Индонезия и ряд других перспективных претендентов.

Очевидно, что возрастанию экономической значимости неизбежно сопутствуют появление и укрепление политических амбиций. Игнорирование этого обстоятельства влиятельными силами мироустройства повлекло за собой накопление неудовлетворенности и недовольства. А это, в свою очередь, внесло новые элементы нестабильности в сложившийся миропорядок.

Первоначально эти настроения существовали в скрытой форме. Затем они стали выходить наружу. Отсюда растущее сопротивление притязаниям США. Оно проявляется тем сильнее, чем яснее, что претендент на мировое господство зарвался, не учтя ограниченности своих возможностей. Не случайно в последнее время на международной арене все реже упоминают о становлении однополярного мира, т. е. мира, в котором доминируют Соединенные Штаты Америки. Соответственно, все большее внимания уделяется процессу становления «многополярности».

Описанная тенденция прокладывает дорогу в самых разных уголках планеты. Именно с этим во многом и связано образование на теле миропорядка множества новых болевых точек, чреватых длительным воспалительным процессом.

Все это имеет самое непосредственное отношение к Европе. Дестабилизация миропорядка находит отражение в резком падении роли и эффективности созданных при ее активном участии международных институтов. На глазах девальвируется авторитет ООН. Европе то и дело навязываются решения, дискредитирующие ее как гаранта справедливости и порядка. Тем самым значительно увеличивается опасность перерастания межгосударственных и даже внутренних конфликтов в столкновения силового плана. Чем это обернется для стран Европы и, прежде всего, Евросоюза, вполне очевидно. В очередной раз опасность таких последствий в полной мере подтвердил разразившийся в 2014 г. кризис украинской государственности.

Но и это далеко не все.

Оттесненный США в тень Европейский Союз может окончательно потерять принадлежавшую ему издавна роль одной из ведущих «мастерских мира». Возникнет дополнительная угроза свертывания его экономического и, прежде всего, внешнеторгового влияния на мировых рынках, в частности, в Юго-Восточной Азии, что может нанести очередной тяжелый удар по экономике входящих в ЕС государств.

Налицо и другая сторона назревающей проблемы.

Экономические достижения ряда стран, считавшихся прежде периферийными и отстающими, «разбудили» другие, менее успешные государства этой группы, породив в них надежды на «исторический реванш». Сначала они проявлялись не очень заметно, однако последнее время стали сказываться все очевидней.

Размышляя об этом, нередко обращают внимание на такое болезненное явление, как всплеск международного терроризма. Это верно, но лишь отчасти. Непосредственное отношение к происходящему имеют и иные, более масштабные явления – в их числе растущее напряжение между исламским и христианским мирами.

Разумеется, в данном случае конфессиональная оболочка отражает лишь внешнюю сторону дела. Основу конфликта составляет актуализированная система противоречий между все еще доминирующими и некогда униженными, отставшими в развитии государствами. Однако конфессиональная оболочка не только маскировочное покрывало. То, что именуют сейчас на политическом жаргоне исламом и христианством, выступают в нынешних условиях как ценностно-идеологические системы. Соответственно, конфликт между ними оборачивается

в значительной мере столкновением идеологий, имеющих не столько конфессиональный, сколько конкретный политический, а, следовательно, и материальный смысл.

Сторона, олицетворяющая идеологию христианства, прежде всего, ее европейский и американский ареалы, давно располагает реальной силой. Она не только фактически доминирует в Организации Объединенных Наций, но и имеет такой убедительный козырь, как НАТО.

Нечто аналогичное пытаются, несмотря на старые и новые противоречия, создать теперь и исламские страны. Все активнее действует пассивная в прошлом Организация исламского сотрудничества. На ее 38-й сессии в июне 2011 г. было принято решение о создании в качестве противовеса структуре ООН исламской Независимой постоянной комиссии по правам человека. И этому решению осознанно был придан демонстративный характер.

Приход к власти в ряде стран арабского мира откровенных националистов исламистского толка, судя по всему, чреват активизацией действий, направленных на создание исламского военного союза. Зная идейные установки и политическую ориентацию воинствующего исламизма, нетрудно представить себе, каковы его конечные цели.

Как это ни парадоксально, но значительный вклад в дело формирования международных структур воинствующего исламизма внесли и продолжают вносить именно те, против кого он направлен – Соединенные Штаты Америки и некоторые страны Евросоюза. Превратив вполне оправданную борьбу с активизировавшимся терроризмом в международную войну против стран, заподозренных в его поддержке, они присвоили себе право использовать вооруженные силы для военного вторжения в отнесенные к их числу государства. Поскольку во всех случаях речь шла о мусульманских странах, эта политика была повсеместно воспринята в исламском мире как своеобразное воспроизведение давних крестовых походов, оставивших в общественном сознании мусульманского населения глубокие, незаживающие раны. Одновременно, повсеместно поддержав выступления против авторитарных, но все же светских режимов во влиятельных исламских странах, они, не желая этого, расчищали путь к власти радикальным исламистам.

Какие формы приобретет назревающий клубок противоречий, судить пока трудно. Но его вероятная взрывчатая сила не вызывает сомнений.

Способ нейтрализации и минимизации упомянутых, как и многих других реальных и потенциальных конфликтов только один: возрождение, развитие и утверждение новых норм международного права. Между тем на практике происходило до сих пор нечто противоположное.

Не вдаваясь в детали, воспроизведем наиболее существенные, основные положения этого права, сформулированные и принятые к исполнению в конце и после окончания Второй мировой войны.

Это, прежде всего, принцип *правового равенства* признанных мировым сообществом независимых государств, *неприкосновенности их суверенитета*. Производным от этого было недвусмысленное запрещение использования силы и угрозы силой при решении межгосударственных конфликтов. Гарантом соблюдения этих установок должны были стать Организация Объединенных Наций и ассоциированные с ней международные институты.

Что же мы имеем сейчас? Многие из этих институтов, включая ООН, все очевиднее теряют влияние, скатываясь на уровень говорульки. С суверенитетом стран, не располагающих достаточными силами для самообороны, считаются все меньше. Применение силы, а «в лучшем случае», угроза ее применения, в отношениях между государствами перестало восприниматься как нечто чрезвычайное и недопустимое. Иногда они даже превозносятся как символ нравственности и человеколюбия (идея гуманитарного вмешательства). Широко используется такое вошедшее ныне в моду средство давления на суверенные государства, как юридически необоснованные индивидуальные и коллективные санкции.

Не означает ли это, что мы созерцаем сейчас, по сути, лишь жалкие обломки того, что именовалось когда-то международным правом. Кому-то эта констатация может показаться преувеличением. Но, к сожалению, она отражает печальную правду.

Упорядочению международных отношений это, естественно, не способствует. Напротив, все очевидней, что род человеческий пребывает сейчас на *пороге полосы неопределенностей и потрясений*.

И в этой области требуются срочные меры, которые во многом зависят от позиции государств Европы, особенно если они выступают единым фронтом.

Как минимум, можно было бы, в порядке «скорой помощи», добиться подтверждения на уровне Организации Объединенных Наций основных принципов международного права, провозглашенных в первые послевоенные годы. Вслед за этим могли бы последовать меры по новой кодификации международного права, в ходе которой в него были бы внесены и новые положения, диктуемые изменившейся обстановкой.

В качестве более отдаленной перспективы было бы полезным предусмотреть создание международных рабочих групп, в задачи которых входила бы разработка проектов дальнейшего развития и со-

вершенствования системы международных институтов, учитывающей потребности нынешнего и перспективного уровня глобализации.

И готовность к действиям такого рода могла бы тоже стать общей платформой для всех стран потенциальной Большой Европы.

Узел третий: издержки научного и технологического прогресса

Серьезные опасности таит в себе недооценка глубинных последствий такого выдающегося достижения последних десятилетий, как новый научный и технологический прорыв, обеспечивший быстрое накопление дополнительных знаний и умений в сферах материального и нематериального производства.

Обращаясь к издержкам этого процесса, чаще всего вспоминают о технологических катастрофах и миниатюризации средств массового уничтожения, которые при недостаточной бдительности могут попасть в руки преступников и террористов. Это действительно серьезная угроза. Но она, по сути, периферийна и может быть минимизирована путем целенаправленных организационно-административных действий.

Гораздо сложнее обстоит дело с социальными последствиями рассматриваемого процесса.

Широкое использование новейших знаний и умений умножает качественные сдвиги в общественном организме. Они происходили и были описаны еще в XX в. Бегло об этом упоминалось выше.

Но тогда это было во многом предвидение, возникшее под влиянием первых, лишь наметившихся тенденций. «Постиндустриальных», не говоря уже об «информационных», обществ, провозглашенных состоявшейся реальностью, тогда в действительности не существовало. Нет их – в описываемом виде – и сейчас. В экономическом организме наиболее развитых стран появились лишь отдельные инновационные прослойки и вкрапления, не затрагивающие пока его исходную сущность. Тем не менее последствия происходящих сдвигов стали существенно заметней. Очевиднее и их воздействие на все стороны общественной жизни. И это в полной мере и в первую очередь относится к наиболее развитым странам Европейского континента.

Вокруг новых явлений обычно возникает хоровод определений и предположений, иногда разумных, но нередко и иллюзорных. Поэтому, прежде чем прийти к окончательным оценкам, необходимо отделить «зерна от плевел».

Накопление новейших знаний и умений, во многом усилившее разделение и производительность труда, привело к заметному повышению роли его умственной формы. В результате резко возросли численность занятых умственным трудом людей, их значимость и влияние на общественные процессы. Данное обстоятельство общепризнано и не вызывает сомнений. Очевидно также и то, что этому сопутствовало уменьшение доли лиц, непосредственно занятых физическим трудом в материальном производстве. Однако расхожие представления о масштабах и содержании этого процесса, мягко говоря, не бесспорны.

Широкое распространение приобрела точка зрения, согласно которой материальное производство, а следовательно, и соответствующая деятельность практически сходят на нет. Между тем на практике этому процессу поставлены жесткие пределы. В самом что ни на есть экономически развитом обществе, сбросившем пути изжившего себя «индустриализма», людям нужны крыша над головой, предметы бытового обихода, одежда, пища, транспорт, инструменты, оборудование и т. д. И кто-то все это должен производить. А поскольку людей в мире становится все больше, численность тех, кто создает материальные блага, не может неограниченно сокращаться, даже если многих из них частично замещают машины.

Неубедительно выглядит и приводимая в качестве доказательства ссылка на то, что к началу нового века доля работников физического труда в экономически активном населении развитых, прежде всего, европейских стран составила всего 15%. Цифра эта отнюдь не так проста, как может показаться. Она фиксирует не столько падение роли материального производства, сколько прогрессирующий «сброс» его в менее развитые государства.

Жители развитых стран, в которых так мало материального производства и тех, кто в нем занят, ездят на машинах, собранных в Южной Корее, смотрят телевизоры, изготовленные в Индии, носят одежду, сшитую в Китае. Разумеется, в этом нет ничего плохого. Просто данные, призванные отражать объективный вес материального производства и физического труда, в действительности отражают нечто совсем другое. Очевидно, что если бы не стимулированное глобализацией межстрановое разделение труда, соответствующий показатель был бы, по меньшей мере, в два раза выше.

Неверно не учитывать и то, что современный высокопроизводительный труд в материальных отраслях нуждается в сложной системе воспроизводства. А это предполагает активное участие в нем медицинской и образовательной сфер. Не будучи по содержанию формой физического труда, они как бы включены в цепочку действий, имеющих конечной

целью материальное производство. Соответственно, при правильном подходе приведенную выше цифру следовало бы еще увеличить.

Другое дело, что характер физического труда в материальном производстве, как и в смежных областях, значительно изменился, и будет меняться в дальнейшем. Современные квалифицированные работники, если речь идет о развитых странах – это в своем большинстве образованные специалисты, имеющие за плечами не только общую среднюю школу, но и солидную профессиональную подготовку. Во многих отраслях среди занятых тем, что считается физическим трудом, уже велика доля лиц, располагающих вузовским дипломом.

В годы сравнительно высокой конъюнктуры квалифицированные работники, занятые в материальном производстве (а в развитых странах Европы они по-прежнему составляют весомую по численности и влиятельную группу), получали приемлемую по существующим меркам заработную плату, жили в более или менее приличных районах и вели образ жизни, во многом схожий с тем, который характерен для работников умственного труда.

Относительно высокий образовательный уровень, возросшие духовные потребности и зрелое чувство собственного достоинства сделали их более требовательными к общественной атмосфере и политическими институтам. Их отношение к властным структурам стало более скептическим, чем когда бы то ни было прежде. Манипулировать этой средой значительно труднее, чем в недавнем прошлом.

Таким образом, главное следствие сдвигов в структуре современного общества заключается вовсе не только в вытеснении материального производства и, тем самым, физического труда. Не менее (а то и более) важно прогрессирующее сближение работников этого типа с набирающей вес массовой категорией лиц, занятых умственным трудом, подавляющая часть которых является наемными работниками на частных предприятиях или в государственных учреждениях.

На протяжении ряда лет описанные сдвиги в социальной структуре современного развитого общества, утвердившегося в большинстве стран Европы, трактовались апологетически ориентированными авторами как свидетельство и гарантия его устойчивости. Предполагалось, что некоторое сближение по уровню жизни квалифицированных работников физического и умственного труда не только будет способствовать сближению их жизненных установок, но и приведет к образованию в этих странах политического большинства, стоящего на платформе консервативного конформизма (теории «среднего класса»).

Эти утверждения находили понимание на протяжении «тучных десятилетий», когда экономика большинства развитых стран функци-

онировала более или менее нормально. Стоило, однако, налететь экономическому шторму, как искусственность этих словесных конструкций стала предельно очевидной.

Во многих странах Европы произошло то, что было вскоре названо «бунтом среднего класса». Массовые протесты работников наемного, как умственного, так и физического труда, убедительно продемонстрировали власть имущим способность и готовность молчавшего (до поры до времени) большинства отстаивать свои интересы и права. Обнаружилось, что вне зависимости от формы наемного труда оно склонно использовать в целях самозащиты исторически опробованное оружие индустриального рабочего класса — забастовку. На непопулярные меры верхов оно начало отвечать прекращением работы. Стали бастовать транспортники, врачи, учителя. К аналогичному способу отстаивания своих интересов прибегали даже исконные служители государственной власти: таможенники, налоговики, полицейские.

Уверенность верхов в правильности проводимого курса заметно испарилась. Стало предельно очевидным, что с новыми и с трансформированными социальными слоями, составляющими сейчас в развитых странах бесспорное большинство, невозможно обращаться так, как это «сходило с рук» в обществах более традиционных. «Жить по старинке» не удастся. Как поступать в дальнейшем, им пока не очень ясно. Скорее всего, придется вносить существенные коррективы в линию поведения, принятую раньше.

Узел четвертый: экономические штормы

Вот уже ряд лет на просторах нашей планеты, вопреки прогнозам оптимистов, бушуют экономически штормы. Специфику проявлений и остроты, которую они временами приобретают, определяют многоликие причины. Однако в основе возникшей экономической неустойчивости, очевидно, лежат некие общие системные дефекты. И над некоторыми из них стоит поразмыслить.

Подключение общественных структур к глобализационным процессам последних десятилетий происходило заведомо неравномерно. В одних сферах оно реализовалось в полной мере, в других застряло на полдороге, в третьих и поныне топчется на месте.

Дальше других продвинулись экономические структуры. Это открыло перед мировой экономикой новые широкие перспективы. Вместе с тем глобализированная экономическая система оказалась

во многом оторванной от социальных и политических структур, по-прежнему действующих на уровне национальных государств.

Политические институты всегда в той или иной форме контролировали экономические процессы. Рассуждения о государстве, выполняющем лишь функции «ночного сторожа», который охраняет покой уставших от забот граждан и следит за тем, чтобы они не выбрасывали из окон мусор, – из числа мифов, рассчитанных на профанов. Даже при самых радикальных либеральных режимах государственные институты всегда определяли экономическую стратегию, возводили правовой каркас, регулирующий поведение участников рынка, надзирали за выполнением законов, в том числе и в сфере экономических отношений. Соответствующие контрольные функции осуществляли и социальные институты.

Выскользнув за пределы государств и попав на региональные, а то и глобальные просторы, на которых практически не было ни социальных, ни политических партнеров, экономические структуры – вне зависимости от формы, в которую они облачались, – оказались во многом вне контроля. И это породило многочисленные соблазны.

Ситуацию дополнительно осложнило то, что по мере углубления глобализации неравномерность движения к ней проявилась и в самой экономической сфере. Раньше других на этот путь вступила торговля. За ней последовало массовое промышленное производство. Вскоре, однако, активно используя плоды начавшейся информационной революции, вырвались вперед финансы.

Возникшая в результате система приобрела, мягко говоря, иррациональный облик. С одной стороны, экономика утвердила свою далеко идущую независимость от иных форм реализации общего интереса. С другой – финансовая сфера, составляющая неотъемлемую часть экономического процесса, получила своеобразную «вольную», оторвавшись от материального производства и обращения, непосредственным отражением которых она являлась.

То, что случилось затем, было неизбежным. Экономические институты, попирая общий интерес, начали использовать сложившуюся ситуацию, то и дело ввязываясь в сомнительные авантюры. На аналогичный путь с энтузиазмом встали и финансовые структуры.

Основную опасность подобного положения вещей иногда усматривают в том, что теперь любой человек, имеющий доступ к банковским деньгам и соответствующей информационной системе, может по собственному усмотрению включаться в международные спекуляции, оперируя и рискуя не принадлежащими ему миллионами (а то и миллиар-

дами) долларов (евро). Действительно, такие случаи были и получили широкую огласку. Но они, по сути, представляли собой лишь мелкие побочные (криминальные) издержки, если рассматривать их на фоне того, что происходило и происходит на главной финансовой арене.

Ее прогрессирующий отрыв от материального производства в условиях растущей независимости от социального и политического контроля экономической системы открыл широкую возможность для фабрикации дополнительных «ценных бумаг» (своего рода квазиденег). Нечто подобное, разумеется, практиковалось и раньше. Первым шагом в этом направлении стал, как известно, выпуск бумажных ассигнаций, который должен был смягчить тормозивший экономическое развитие дефицит золотых и серебряных денег. Затем, с возникновением акционерных обществ, вспомогательную роль в накоплении капитала и стимулировании товарооборота начали играть котирующиеся на биржах акции. Появились и другие ценные бумаги. Но на первых порах их эмиссия осуществлялась с соблюдением определенных пропорций.

Возросшая независимость финансовой сферы открыла «ящик Пандоры». В оборот были запущены десятки имитаторов денег. В их числе «денежные бумаги», т. е. документы, закрепляющие право на получение денежных сумм (векселя, чеки, облигации), а также товарные бумаги, фиксирующие имущественные права на недвижимость, на оплаченные товарные запасы или на участие в управлении компаниями. Все эти бумаги были включены в текущий хозяйственный оборот, составив существенную часть банковских активов, государственных и корпоративных резервов, депозитов и т.д. Затем были пушены в ход вторичные обязательства — на этот раз по отношению к находящимся в обороте ценным бумагам — деривативы. К концу первого десятилетия нового века общий объем сделок с квазиденьгами оценивался примерно в 711 трлн долларов — сумму, превышавшую стоимость всей мировой экономики.

Умножение числа квазиденег создавало иллюзорное представление о неограниченной возможности затрат, не обеспеченных материальным производством. Отсюда беспрецедентный рост корпоративной и государственной задолженности, в путях которой оказалось немало высокоразвитых стран.

Ко второму десятилетию нынешнего века в число государств, совокупный «суверенный» долг которых почти сравнялся с годовым ВВП или даже значительно превысил его, попали многие страны Евросоюза, включая такие крупные, как Италия и Испания. Приблизилась к этому уровню задолженности входящая в его ядро Франция.

На протяжении ряда лет благодаря относительно стабильной ситуации на мировых рынках это «сходило с рук». Оптимизм в рядах власть

имущих, обусловленный рядом привходящих обстоятельств, устойчиво питал их веру в то, что так будет и впредь. Робкие призывы немногих трезвых ученых-экономистов остановиться и перестать жить взаимны пропускались мимо ушей. Кредитоспособность признанных лидеров мировой экономики считалась само собой разумеющейся. Непомерный груз финансового обслуживания долгового бремени облегчался за счет все новых займов.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., преодоление которого к тому же потребовало существенных дополнительных затрат, развеял пирамиду иллюзий. Оказалось, что «король» если и не гол, то, по меньшей мере, нищ. Вера в кредитоспособность некогда чтимых заемщиков испарилась. Между тем стоимость кредитов небывало возросла. Чтобы удержать на плаву наиболее увязших должников, понадобились многие сотни миллиардов долларов (евро). В результате вслед за финансово-экономическим кризисом наступил, в качестве его продолжения, мировой долговой кризис, чреватый новыми потрясениями для народного хозяйства многих стран мира и, прежде всего, Европы.

Первыми его жертвами стали менее крупные и экономически неустойчивые страны (Греция, Кипр). Но это, как было очевидным сведущим экспертам, символизировало лишь только начало.

Можно ли было предотвратить такое развитие событий? Теоретически рассуждая, конечно. Для этого, правда, потребовались бы политическая воля и некоторая доля солидарности заинтересованных сторон. Необходимо было вовремя оценить назревающий вызов и, объединив усилия, несколько сузить вольности глобализированных финансовых структур. Но этому помешали многие факторы, и в первую очередь, доминировавшая на протяжении десятилетий неоконсервативная система взглядов, которая исходила из постулата о недопустимости любого «внешнего вмешательства» в закономерности функционирования рыночных отношений.

Теперь несостоятельность подобных взглядов на макроэкономические процессы становится все более очевидной. От них все чаще отрекаются даже их активные в прошлом апологеты. Однако набор средств, которые пытаются сейчас применить, чтобы избежать угрозы окончательного развала мировой финансовой системы, тоже, как говорится, «не сахар». И дело не только в том, что предлагаемые и реализуемые меры направлены против причин, а не финансовых неурядиц. Важнее то, что в основе этих мер лежит неприкрытый эгоизм социальных и политических сил, либо находящихся у власти, либо достаточно влиятельных для того, чтобы власть с ними считалась.

Стратегия, направленная, как утверждается, на смягчение последствий долгового кризиса и предотвращение финансового коллапса, исходит из того, что непомерная задолженность соответствующих стран обусловлена слишком высокими расходами на социальную сферу (затратами на образование, здравоохранение, щедрыми пенсиями, пособиями нуждающимся группам граждан). Такие расходы не только предельно отяготили государственные бюджеты, но и заметно ослабили стимулы к производительному труду массовых групп населения. Отсюда, дескать, и все беды.

На этом постулате строится следующая цепочка рассуждений. Если долговой кризис вызван слишком большими тратами на социальную сферу, то именно за ее счет и нужно экономить. Это не только даст дополнительные средства, необходимые для покрытия задолженности и сбалансирования бюджетов, но и побудит население к более интенсивной работе, что тоже поможет облегчить долговое бремя.

При этом сознательно игнорируются некоторые очевидные стороны дела.

Во-первых, отсутствует адекватная оценка истинных причин резко обострившейся долговой проблемы. Чтобы убедиться в том, что истоки «суверенного» долгового груза кроются отнюдь не в социальных расходах, достаточно сравнить две близкие по многим параметрам группы европейских стран – ту, где социальные расходы наиболее высоки (ФРГ, Австрия, Швеция, Норвегия, Нидерланды, Люксембург), и ту, где они несопоставимо ниже (Италия, Испания, Греция, Португалия, Ирландия): по уровню «суверенной» задолженности первая значительно уступает второй. Нужны ли в этих условиях дополнительные доказательства несостоятельности позиции тех, кто утверждает, будто экономия на социальных расходах представляет собой эффективное средство решения долговой проблемы?

Во-вторых, экономия на социальных расходах, как показывают расчеты специалистов и опыт, непосредственно сказывается на платежеспособности населения, а значит, и на массовом спросе. При быстром экономическом развитии и благоприятной конъюнктуре это не так опасно. Иное дело в ситуации вялой конъюнктуры, а именно она и сложилась в последние годы. В подобных условиях неизбежным следствием сокращения платежеспособного спроса становится рецессия, которая, в свою очередь, углубляет исходный долговой кризис.

В-третьих, посягательство на социальные расходы неминуемо бьет по жизненным интересам очень многих. Оно подрывает условия существования самых разных массовых групп граждан – пенсионеров и учащейся молодежи, безработных и промышленных рабочих, «белых

воротничков», занятых на частных предприятиях, и государственных служащих, – воспринимающих такого рода экономию как вызывающее посягательство на многолетние социальные завоевания. Оправданность подобной реакции не вызывает сомнений. И первой же ее жертвой становится выглядевшая устойчивой на протяжении десятилетий политическая стабильность.

Таким образом, есть все основания считать, что предлагаемое лекарство гораздо опаснее самой болезни. Однако проблема остается, и решать ее надо во что бы то ни стало.

В неменьшей мере остра необходимость хотя бы несколько укоротить нынешнюю супермобильность финансовой сферы. Как известно, финансовый капитал предельно пуглив. В условиях продолжительной экономической неустойчивости эта его черта проявляется с особой силой. Между тем известно, что миграция капитала приводит к позитивным результатам лишь тогда, когда не нарушает разумных пределов. Стоит их нарушить, как позитив оборачивается негативом. Нечто подобное наблюдалось в прошлом. Так это происходит и ныне.

В экономически менее развитых странах, т. е. там, где обычно в неконтролируемых объемах и концентрируются иностранные вклады (а в Европе есть и такие), их одномоментное массовое бегство немедленно порождает целую совокупность негативных последствий.

Во-первых, там возникает острый дефицит инвестиций. Если их тем не менее осуществляют за счет кредитов, то при нарушении разумных пределов накапливается задолженность, грозящая перерасти в еще более острый долговой кризис, о последствиях которого уже шла речь выше. *Во-вторых*, порождаемая таким бегством полная или иногда даже частичная деиндустриализация создает высокий уровень зависимости пораженного ею государства от внешних поставок готовой продукции или деталей и промежуточных материалов. В кризисных ситуациях подобная зависимость может обернуться серьезными потерями, а в крайних случаях и катастрофой.

В-третьих, массовых уход производств, при отсутствии должных компенсаторных действий, неизбежно порождает в «стране ухода» острый кризис занятости со всей суммой свойственных ему последствий.

В сравнительно спокойные годы эти процессы протекают, как правило, латентно. Но при первых же потрясениях их разрушительные последствия начинают сказываться все заметней, нередко в весьма болезненной форме.

Сведущие эксперты-экономисты обычно рекомендует странам, откуда сбегает промышленные производства, сделать в этой связи следующее:

- законодательно определить перечень производств, перенесение которых за пределы страны представляется недопустимым. Это стало бы главным барьером на пути их вероятного бегства;
- увеличить до блокирующей долю принадлежащего государству акционерного капитала предприятий, не входящих в перечень, указанный выше. Это могло бы, при необходимости, помешать и их бегству;
- создать для фирм и предприятий, в которых особо заинтересовано государство, привилегированные, особо благоприятные условия, делающие очевидно невыгодным перевод их за границу.

Последний способ, разумеется, самый эффективный, но и самый сложный и затратный.

В свою очередь, экономически менее развитым странам, куда нередко устремляются «беглые» производства, бесполезно предварительно озаботиться системной защитой как традиционного, так и укоренившегося национального производства. Это предполагает своевременное определение и строгое соблюдение допустимой доли иностранного капитала в отдельных сферах, принятие мер по ограждению важных отраслей производства от иностранного монополизма, усиление государственного влияния на производствах с участием иностранного капитала. И, что особенно важно, создание разветвленной сети социальной поддержки граждан, пострадавших в результате разорения традиционных сфер производства, стимулированного иностранной конкуренцией.

Значительно больших усилий потребуют меры, рассчитанные на последствия длительного порядка. Для развитых стран они предполагают ориентацию на энергичное наращивание усилий, направленных на ускоренное внедрение новых, инновационных производств, обладающих высоким потенциалом конкурентоспособности. Такая ориентация позволила бы им удержать за собой на протяжении ряда лет прежнее положение экономических и научно-технических центров современного мира.

Разумеется, достижение такой цели потребует полной мобилизации всех ресурсов: и политической воли, и научного потенциала, и финансовых средств, и организационных усилий, и общественных ориентаций. Это, конечно, трудно, но в принципе возможно.

Очевидно, что сближение всех европейских стран в ходе поступательного движения к Большой Европе могло бы существенно поспособствовать реализации таких решений.

Глава 7

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СТРАН ЕВРОСОЮЗА

На демографической ситуации в странах Европы, ставших ныне членами Евросоюза, все заметнее сказываются тревожные тенденции, которые, судя по всему, могут сыграть заметную роль в будущем всего континента. Это, прежде всего, старение коренных наций и массовый наплыв далеко не всегда трудовых мигрантов. Данные обстоятельства уже сказываются на культурно-историческом ландшафте континента. Тесное соприкосновение непохожих друг на друга миров во многом преобразует сложившиеся общественные и политические структуры.

Рассмотрим эти проблемы на примере стран — членов Евросоюза.

Судьбы коренных европейцев

Численность коренных жителей в этой части Европы постепенно, но неуклонно снижается, что определяется рядом причин. И первая в их числе — устойчивое сокращение рождаемости. В таблице 7.1 даны цифры общего коэффициента рождаемости: количество рождений по годам на 1000 человек населения (используется в официальной статистике Евростата с 2012 г.).

Установлено, что для сохранения численности населения общий коэффициент рождаемости должен составлять как минимум 10,5 (относительный — количество рождений на одну женщину — 2,1). Практически почти во всех странах ЕС он существенно ниже.

Заметную роль в свертывании рождаемости, характерной для стран этого региона, сыграло утверждение в них либеральных потребительских установок со свойственными им игнорированием общественного интереса, отрицанием семейных ценностей, безответственностью, эгоизмом и гедонизмом. Мировой экономический и финансовый кризис добавил в качестве причины растущие материальные заботы.

Таблица 7.1

Рождаемость в странах ЕС в 2002–2012 гг.

Страны	2002	2007	2012
ЕС 27	10,3	10,7	10,4
BE (Бельгия)	10,9	11,7	11,5
BG (Болгария)	8,5	10,0	9,5
CZ (Чехия)	9,1	11,1	10,3
DK (Дания)	11,9	11,7	10,4
DE (Германия)	8,7	8,3	8,4
EE (Эстония)	9,4	11,8	10,6
IE (Ирландия)	15,4	16,2	15,7
EL (Греция)	9,4	10,0	9,0
ES (Испания)	10,1	10,9	9,7
FR (Франция)	12,9	12,8	12,6
IT (Италия)	9,4	9,7	9,0
CY (Кипр)	11,1	11,2	11,8
LV (Латвия)	8,7	10,9	9,8
LT (Литва)	8,6	9,3	10,2
LU (Люксембург)	12,0	11,4	11,3
HU (Венгрия)	9,5	9,7	9,1
MT (Мальта)	9,9	9,3	9,8
NL (Нидерланды)	12,5	11,1	10,5
AT (Австрия)	9,7	9,2	9,4
PL (Польша)	9,3	10,2	10,0
PT (Португалия)	11,0	9,7	8,5
RO (Румыния)	9,7	10,3	10,0
SI (Словения)	8,8	9,8	10,7
SK (Словакия)	9,5	10,1	10,3
FI (Финляндия)	10,7	11,1	11,0
SE (Швеция)	10,7	11,7	11,9
UK (Великобритания)	11,3	12,6	12,8

Источник: <http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/refreshTableAction.do?tab=table&plugin=0&rcode=tps00112&language=en>

Аналогичная демографическая тенденция наблюдается и в восточноевропейских странах. Там она была первоначально обусловлена серьезными экономическими трудностями в ходе глубинных общественных преобразований 1990-х гг., а затем демографическими потерями вследствие массовой эмиграции молодежи.

Наиболее очевидное исключение, судя по данным таблицы 7.1, составляет Франция. Доминирующие в ней демографические тенденции особо выпукло выступают при их сравнении с теми, которые утвердились в Германии. Сошлемся в этой связи на комплексное исследование, проведенное группой квалифицированных специалистов.

Вот что оно показало.

Два столетия назад население Франции превышало население Германии почти в два раза. Однако к началу XX в. Франция уже существенно уступала Германии по численности граждан¹. Гибкая демографическая политика, осуществленная французскими властями после окончания Второй мировой войны, позволила, несмотря на все трудности, переломить негативную тенденцию. Темпы прироста населения Франции значительно возросли. Сейчас есть все основания предположить, что, если не произойдет каких-либо существенных потрясений, к 2050 г. она догонит по численности населения Германию, а затем значительно превзойдет ее².

Еще очевиднее контраст при сравнении демографической динамики Франции и стран Южной и Восточной Европы. По оценкам ООН, к 2025 г. население Южной Европы сократится на 8 млн человек, а Восточной — на 17 млн. Между тем во Франции оно увеличится к тому времени на 4–5 млн человек³.

Падение рождаемости, поразившее страны Евросоюза, влечет за собой не только уменьшение численности населения. Оно существенно меняет к худшему его структуру.

Острота этой проблемы обусловлена еще и тем, что на данную структуру идет наступление с двух сторон. С одной стороны, ее искажает сокращение численности молодых поколений, с другой — значительный рост продолжительности жизни.

Разумеется, последнее обстоятельство — величайшее достижение нашего времени. Но в нормальных условиях оно должно в обязательном порядке сопровождаться соответствующим увеличением объема молодых поколений. Если этого не происходит, то общество стареет. А это влечет за собой множество негативных последствий.

Самой многочисленной возрастной группой в странах Евросоюза является ныне поколение так называемых «бэби-бумеров», родившихся в первые десятилетия после Второй мировой войны. Между тем

¹ *Pison G.* France and Germany. History of cross-crossing demographic curves // *Population & Societies*. March 2012. № 487. P. 1.

² *Ibid.*

³ *Рубинский Ю.И.* Демографические проблемы Франции // *Современная Европа*. 2005. № 1. С. 55.

основная часть этой группы уже вышла или выходит на пенсионный возраст.

Согласно прогнозам аналитиков из Евростата, количество лиц старше 60 лет в странах — членах ЕС в дальнейшем будет увеличиваться в среднем на 2 млн в год. Неизбежен также резкий рост возрастной группы старше 80 лет. В то же время численность работающих лиц будет неуклонно сокращаться. Соответственно, уменьшится количество молодых членов семей, способных и готовых взять на себя заботу о стариках⁴.

Средний возраст граждан ЕС составляет 41,9 лет (данные на 2013 г.), а 13 лет назад он равнялся 38 годам⁵.

О положении в отдельных странах Евросоюза можно составить представление, обратившись к данным таблицы 7.2.

Таким образом, за 30 лет (условно одно поколение) население многих стран ЕС постарело в среднем на 8–9 лет. Более того, если верить прогнозам, то к 2060 г. средний возраст жителей региона составит уже 47,6 лет⁶.

Быстрее всего стареет население западноевропейских стран: Германии, Австрии, Нидерландов. Гораздо моложе население стран Восточной Европы — Польши, Словакии, Румынии и др. Для сравнения, в Турции средний возраст населения в 2010 г. составлял 28,8 лет⁷.

Членение стран ЕС по возрастным группам в процентах рисует следующую картину. По данным на 1 января 2010 г., группа от 50 до 64 лет составляла 19,1% населения, группа в 65–79 лет — 12,7%, а группа 80 лет и старше — 4,7%. Таким образом, доля граждан ЕС старше 50 лет равнялась 36,5%. При общей численности населения ЕС в 501 млн человек (2010) количество лиц старше 50 лет составляет около 180 млн. Количество же лиц в возрасте старше 65 лет (пенсионеров) — более 87 млн человек (17,4%).

Лидерами по количеству пенсионеров среди стран ЕС выступают Германия и Италия; там их доля превысила 20% (16,9 и 12,2 млн человек соответственно)⁸. При таких темпах старения эти страны в скором времени ожидает демографический коллапс.

Соответственно растет нагрузка на систему социального обеспечения, поскольку число пенсионеров с каждым годом увеличивается.

⁴ Active ageing and solidarity between generations. A statistical portrait of the European Union 2012. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2011. P. 15.

⁵ Ibid. P. 16.

⁶ Active ageing and solidarity between generations in Europe. P. 16.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 17.

Таблица 7.2

Средний возраст граждан стран – членов ЕС, лет

Страны	1980	1990	2000	2010	2013
ЕС 27	–	–	38,0	40,9	41,9
BE (Бельгия)	33,9	36,2	38,7	40,9	41,1
BG (Болгария)	34,1	36,5	39,1	41,4	42,9
CZ (Чехия)	32,8	35,1	37,3	39,4	40,4
DK (Дания)	34,1	37,0	38,2	40,5	41,0
DE (Германия)	36,6	37,6	39,8	44,2	45,3
EE (Эстония)	–	34,2	37,8	39,5	41,0
IE (Ирландия)	–	29,1	32,4	34,3	35,5
EL (Греция)	34,0	36,0	38,1	41,7	42,4
ES (Испания)	30,5	33,4	37,4	39,9	41,3
FR (Франция)	32,2	34,7	37,3	39,8	40,7
IT (Италия)	–	36,9	40,1	43,1	44,4
CY (Кипр)	–	–	33,3	36,2	36,2
LV (Латвия)	35,0	34,6	37,9	40,0	42,1
LT (Литва)	31,7	32,4	35,8	39,2	42,1
LU (Люксембург)	35,0	36,3	37,3	38,9	39,1
HU (Венгрия)	34,3	36,1	38,5	39,8	41,1
MT (Мальта)	28,8	–	36,3	39,2	40,5
NL (Нидерланды)	31,2	34,4	37,3	40,6	41,6
AT (Австрия)	34,7	35,6	37,9	41,7	42,6
PL (Польша)	29,4	32,2	35,1	37,7	38,7
PT (Португалия)	30,4	33,9	37,6	40,7	42,6
RO (Румыния)	30,5	32,6	34,4	38,3	40,5
SI (Словения)	–	34,0	37,8	41,4	42,2
SK (Словакия)	28,7	31,2	33,9	36,9	38,2
FI (Финляндия)	32,6	36,3	39,2	42,0	42,3
SE (Швеция)	36,0	38,4	39,3	40,7	40,9
UK (Великобритания)	34,2	35,8	37,5	39,5	39,8

Источник: Active ageing and solidarity between generations in Europe. Op. cit. P. 16, http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=demo_pjanind&lang=en

В связи с этим правительства многих стран Евросоюза рассматривают сейчас возможность повышения пенсионного возраста. Решение по этому вопросу принять не просто. *Во-первых*, потому что многие граждане оценивают подобный акт как несправедливый и асоциальный.

Во-вторых, потому что его экономические и социальные последствия трудно предсказуемы и могут серьезно дестабилизировать общественную систему.

Евросоюз предпринимает сейчас меры, направленные на стимулирование рождаемости и омоложение рынка труда. Однако реальное влияние на ситуацию они окажут лишь через несколько десятилетий.

Продолжительность жизни людей обусловлена влиянием самых разных факторов. Разумеется, в первую очередь, следует назвать здравоохранение и условия существования. Однако сейчас, по признанию экспертов, все большее значение для увеличения продолжительности жизни приобретает уровень образования.

В этой связи заслуживают внимания выводы о влиянии уровня образования на продолжительность жизни, к которым пришли многие демографы стран ЕС. По их мнению, во всех европейских странах продолжительность жизни и уровень здоровья напрямую зависят от образовательного уровня, статуса занятости и уровня доходов. Если это так, то спустя несколько десятилетий коренные европейцы будут представлять собой в основной массе пожилых людей с высоким уровнем образования и здоровья, работающих значительно дольше предыдущих поколений и зачастую не имеющих детей.

В данной ситуации приток трудовых ресурсов из-за рубежа представляется многим европейским политикам и бизнес-сообществу наиболее простым решением проблемы нехватки рабочих рук. Иностранные рабочие дешевле местной рабочей силы, готовы работать с меньшим объемом социального пакета, они непритязательны в отношении социальных гарантий.

Вместе с тем, массовый приток мигрантов таит в себе серьезную угрозу социальной стабильности. Антииммигрантские выступления во Франции, протесты против строительства мечетей в Германии, Испании и Италии, наконец, феномен Брейвика показывают, что мультикультурализм как способ урегулирования межцивилизационных и межнациональных отношений, который рассматривался одно время в качестве своего рода «панацеи», чаще всего не срабатывает. И возникает эта проблема отнюдь не сама по себе. Добрососедские отношения между представителями разных религий и культур — обычно плод многолетней кропотливой работы.

Какое место занимают иммигранты в нынешнем Евросоюзе? Приведем некоторые цифры.

По данным на 2011 г., в странах ЕС пребывало около 33,3 млн иностранцев, что составляло 6,6% их населения. В их числе 12,8 млн являлись гражданами стран ЕС, постоянно проживавшими в других

государствах — членах Евросоюза. Остальные 20,5 млн оставались гражданами стран, не входящих в ЕС⁹.

По этим же данным, 75% всех иностранцев осели в крупнейших, экономически развитых странах Евросоюза — в Германии, во Франции, в Италии, Испании, Великобритании. Так, 48,9 млн лиц, имеющих гражданство стран ЕС и постоянно проживающих в них (около 9,7% всего населения ЕС), родились вне их пределов¹⁰. Сложив приведенные выше две основные цифры, мы получим 82 млн лиц иммиграционного происхождения — весьма внушительный показатель. О численности иностранцев и лиц с миграционным происхождением в отдельных странах ЕС свидетельствуют данные таблицы 7.3.

Как видим, ситуация с численностью иностранцев (иммигрантов) в различных странах ЕС порой весьма различна. Польша и Болгария пребывают практически без иммигрантов (небольшой их процент в Болгарии составляют в основном россияне, купившие там недвижимость). Чрезвычайно высокие данные об иностранцах в Эстонии и Латвии включают русское национальное меньшинство, получившее после провозглашения независимости этими странами статус «лиц без гражданства». Лидирующее положение Люксембурга обусловлено его высокой привлекательностью, прежде всего, для граждан других стран ЕС. Весьма значителен процент иностранцев в таких крупных европейских странах, как Испания, Великобритания, Франция, Германия.

Следует особо отметить, что в некоторых из них (Италия, Португалия, Испания) за истекшие десять лет количество иностранцев почти удвоилось. В иных же странах их количество за рассматриваемое время сильно не изменилось (Германия).

Малоприятна и перспектива.

Согласно обоснованным прогнозам, к 2050 г. численность лиц с иммиграционным фоном в некоторых возрастных группах (дети в возрасте от 0 до 10 лет, молодежь в возрасте от 10 до 20 лет) ряда европейских стран — Бельгии, Германии, Великобритании, Франции превысит 50% общей численности населения в данных группах¹¹. Это будет означать не только иной этнический состав населения основных европейских стран, но и принципиально иной культурно-исторический контекст, определяющий внутреннюю и внешнюю политику зна-

⁹ Vasileva K. Nearly two-thirds of the foreigners living in the EU member states, are citizens of countries outside EU-27 // Population and social conditions. Eurostat. Statistics in focus. 2012. No 31. P. 1.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Lanzieri G. Fewer, older and multicultural? Projections of the EU populations by foreign/national background // Eurostat methodologies and working papers. P. 29–33.

Таблица 7.3

**Численность иностранцев и лиц иммиграционного происхождения
в отдельных странах ЕС, по данным на 2011 г., в %**

Страны	Иностранцы, всего	Иностранцы-граждане других стран ЕС	Иностранцы-граждане прочих стран	Лица с иммиграционным происхождением, всего	Лица с иммиграционным происхождением, граждане других стран ЕС	Лица с иммиграционным происхождением, граждане прочих стран
ЕС 27	6,6	2,5	4,1	9,7	3,3	6,4
BE (Бельгия)	10,6	6,8	3,8	14,8	7,0	7,8
BG (Болгария)	0,5	0,1	0,4	1,1	0,3	0,7
CZ (Чехия)	4,0	1,3	2,7	3,7	1,2	2,5
DK (Дания)	6,2	2,3	4,0	9,3	2,9	6,4
DE (Германия)	8,8	3,2	5,6	12,0	4,1	7,9
EE (Эстония)	15,7	1,0	14,8	16,1	1,3	14,8
IE (Ирландия)	8,1	6,5	1,5	12,4	9,7	2,7
EL (Греция)	8,5	1,4	7,1	11,1	2,8	8,3
ES (Испания)	12,3	5,0	7,2	14,2	5,1	9,1
FR (Франция)	5,9	2,1	3,8	11,2	3,3	7,9
IT (Италия)	7,5	2,2	5,3	8,8	2,8	6,0
CY (Кипр)	20,0	12,5	7,4	23,1	12,5	10,6
LV (Латвия)	17,0	0,4	16,6	15,0	1,6	13,4
LT (Литва)	1,0	0,1	1,0	6,4	1,0	5,4
LU (Люксембург)	43,1	37,2	5,9	32,5	26,9	5,6
HU (Венгрия)	2,1	1,3	0,8	4,4	3,0	1,5
MT (Мальта)	4,9	2,5	2,4	7,5	3,9	3,6
NL (Нидерланды)	4,0	2,0	2,0	11,2	2,7	8,5
AT (Австрия)	10,8	4,2	6,6	15,5	6,3	9,2
PL (Польша)	0,1	0,0	0,1	1,4	0,6	0,8
PT (Португалия)	4,2	1,0	3,2	7,6	2,0	5,6
RO (Румыния)	–	–	–	–	–	–
SI (Словения)	4,0	0,3	3,8	11,1	1,0	10,1
SK (Словакия)	1,3	0,8	0,5	–	–	–
FI (Финляндия)	3,1	1,1	2,0	4,5	1,6	2,9
SE (Швеция)	6,6	2,9	3,7	14,7	5,1	9,6
UK (Великобритания)	7,2	3,3	3,9	11,6	3,7	7,9

Источник: Vasileva K. Op. cit. P. 2.

чительной части Европы. Некоторые эксперты не исключают и своего рода «балканизации» этой части континента и обусловленных ею межэтнических конфликтов¹².

Окажутся ли эти «алармистские» прогнозы состоятельными или нет, покажет время. Пока, однако, политический класс в странах Евросоюза предпочитает не замечать этого проблемного клубка, продолжая твердить о взаимном обогащении цивилизаций, которое несет с собой иммиграция.

Разнороден и этнический состав иммигрантов. По происхождению их можно подразделить на две основные группы. Одну составляют граждане новых стран — членов ЕС (Румыния, Польша, Болгария, Литва, Латвия и Эстония), получившие право свободного перемещения в ЕС и неограниченного трудоустройства. Другую группу — выходцы из преимущественно неевропейских стран: Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, Африки, Латинской Америки. Ожидается также быстрый рост численности иммигрантов из Украины.

Лидирующие позиции в том, что касается численности иммигрантов, удерживает пока Румыния. В 2011 г. в ЕС насчитывалось около 2,3 млн выходцев из этой страны. Столько же в странах ЕС проживало лиц, имеющих турецкое гражданство¹³. Эта цифра может показаться неточной. Количество выходцев из Турции, постоянно живущих в Германии, по всем прикидкам, значительно больше. Однако следует заметить, что большинство немецких турок имеют немецкие паспорта и являются гражданами Германии не только в первом, но и во втором, а то и в третьем поколениях. Статистически они не рассматриваются как иммигранты.

Иммиграция в плане ее воздействия на рынок труда — одна из основных тем, популярных в кругу современных исследователей. Один из них — С.В. Орешков — сформулировал полученные им результаты следующим образом: «Устойчивая трудовая миграция за несколько последних десятилетий привела к заметным качественным сдвигам в экономическом разделении труда и моделях занятости принимающих стран. Воспроизводство и углубление такого разделения труда формирует новый миграционный вызов более развитых стран менее развитым: постоянно растущую потребность в мигрантах, занятых неквалифицированным низкооплачиваемым трудом. Этот спрос формирует соответствующее предложение в слаборазвитых странах,

¹² Ulfkotte U., Schwarz K., Rot K., Gelb K. Armut für alle im «lustigen Migrantenstadl». Kopp Verlag, 2010; Ulfkotte U. Vorsicht Bürgerkrieg! Was lange gärt, wird endlich Wut. Kopp Verlag, 2010.

¹³ Vasileva K. Op. cit. P. 2.

раскручивая маховик миграции. Ее негативной стороной является нелегитимная миграция, ежегодно вовлекающая в оборот миллионы людей и представляющая собой часть современного глобального миграционного режима, который обеспечивает функционирование и воспроизводство господствующего в мире экономического порядка. В настоящее время проблемы незаконной миграции приобретают весьма острый характер вследствие роста масштабов этой миграции, трудностей в регулировании, а также тесного переплетения ее с проблемой лиц, ищущих убежища, беженцев и преступных элементов»¹⁴.

И с этим нельзя не согласиться.

Мотивы, побуждающие к иммиграции, различны, но, как правило, это поиск работы. В начале XXI в. трудовые иммигранты (главным образом из стран «третьего мира») прочно заняли многие ниши на рынке труда в Евросоюзе. При этом их секторальное разделение варьируется в зависимости от той или иной страны. Многие иммигранты выполняют работу, не требующую высокой квалификации, поскольку их образовательный уровень низок. Нередко это сфера услуг (например, в Италии уходом за пожилыми людьми заняты преимущественно иностранцы)¹⁵. В Германии многие иммигранты работают на промышленных предприятиях. Однако в последнее время заметно растет и доля тех, кто ушел в частный бизнес. При этом, чем выше уровень социального обеспечения и либеральнее иммиграционное законодательство страны, тем больше иммигрантов, получающих социальную помощь. И наоборот. Там, где реализуются государственные программы трудоустройства иммигрантов, их большая часть участвует в трудовом процессе.

Включенность иммигрантов в экономическую жизнь зависит также от времени пребывания в стране-реципиенте. Обычно у иммигрантов первого поколения больше сложностей с трудоустройством, чем у второго и третьего. Сказываются меньшая приспособленность к новым условиям существования, плохое знание языка и несоответствие трудовых навыков требованиям рынка труда. Иммигранты-женщины обычно в меньшей степени вовлечены в экономическую жизнь; они в большей мере, чем представительницы коренных европейских народов, ориентированы на создание семьи и рождение детей¹⁶.

¹⁴ Орешков С.В. Влияние глобальных миграционных потоков на экономическое развитие страны: проблемы деконструктивных воздействий: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2007. С. 13.

¹⁵ Абылкаликов С.И. Италия и миграция: впереди планеты всей? // Современная Европа. 2013. № 1. С. 98.

¹⁶ Migrants in Europe. A statistical portrait of the first and second generation. 2011 ed. Eurostat. P. 35.

Высокий уровень безработицы характерен для всех возрастных и гендерных групп иммигрантов. Гарантом получения ими работы не является даже образовательный показатель. Среди иммигрантов с высшим образованием незанятых существенно больше, чем среди коренных граждан¹⁷. Немалую роль в этом играет непризнание дипломов зарубежных стран, в результате чего знания и потенциал претендентов на должность оказываются недооцененными. Таких сотрудников исследователи именуют «переквалифицированными». Их доля среди иммигрантов в некоторых возрастных группах почти в два раза превышает долю «переквалифицированных» коренных граждан¹⁸.

Безработица иммигрантов осложняет их интеграцию, как в принимающее общество, так и в новые для них рынки труда.

Уровень жизни большей части иммигрантов заметно ниже, чем местного населения. Это обусловлено не только причинами, перечисленными выше, но и рядом других обстоятельств: в том числе необходимостью начинать жизнь с нуля, что требует больших усилий, высоким уровнем рождаемости и, соответственно, многодетностью и т.д.

Более высок в их среде риск оказаться за чертой бедности. Так, исследования немецких демографов показали, что такой риск для иммигрантов более чем в два раза превышает риск для коренного населения¹⁹. Аналогичные выводы содержатся и в исследованиях, проводимых специалистами Евростата²⁰. При этом степень указанного риска напрямую зависит от численности детей. Низкие доходы обуславливают также худшие условия проживания. Многие семьи иммигрантов вынуждены жить в крайне скученных условиях. Для описания этого феномена специалисты все чаще используют понятие «новой бедности», подобной той, которая была свойственна многим европейцам сразу же после окончания Второй мировой войны.

Правда, иммигранты второго поколения, родившиеся в странах-реципиентах, и выходцы из смешанных семей испытывают значительно меньше трудностей. Они, как правило, усвоили язык страны пребывания, учились в местных школах, получили образование, соответствующее стандартам страны-реципиента. Среди них значительно меньше прервавших обучение в школе, чем среди иммигрантов первого поколения²¹. У второго поколения иммигрантов значительно боль-

¹⁷ Migrants in Europe. P. 41.

¹⁸ Ibid. P. 51.

¹⁹ Fuhr G. Armutsgefährdung von Menschen mit Migrationshintergrund. Ergebnisse des Mikrozensus. 2010 // Wirtschaft und Statistik. July 2012. S. 549.

²⁰ Migrants in Europe. P. 61.

²¹ Ibid. P. 125.

ше возможностей интегрироваться в рынок труда, чем у иммигрантов первой волны, хотя в некотором отношении они все же проигрывают представителям коренных народов²².

Как уже было отмечено, ситуация с численностью иммигрантов и степенью их интеграции в принимающее общество сильно различается в зависимости от специфики той или иной страны. Значительную роль в этом играют своеобразие целей привлечения иммигрантов, особенности иммиграционного законодательства, характер отношения к ним коренного населения. В этой связи имеет смысл выделить Федеративную Республику Германия как некий эталон иммиграционной политики.

Иммиграционные проблемы ФРГ

Наш выбор продиктован, *во-первых*, сравнительно ранним массовым привлечением трудовых мигрантов в ФРГ, *во-вторых*, сильным присутствием мигрантов в обществе современной Германии, *в-третьих*, наибольшим этническим разнообразием приезжих. Если в страны, бывшие когда-то колониальными державами, едут в основном выходцы из прежних колоний (в качестве примера можно назвать Францию, Испанию, Великобританию), то Германия является своего рода полигоном реализации мультикультурализма в самом широком смысле.

ФРГ начала в массовом порядке привлекать трудовых мигрантов еще в начале 60-х годов XX в. За прошедшие годы (свыше полвека) страна накопила большой опыт социальной политики и правового регулирования в сфере трудовой миграции.

Остановимся, прежде всего, на месте иммигрантов в немецком обществе. Стали ли они «своими» для коренных немцев? Лица с иммиграционным происхождением и иммиграционным фоном, как их именуется официальная немецкая статистика, являются сейчас неотъемлемой частью ФРГ. Их общая численность на конец 2009 г. (более свежие данные отсутствуют) составляла 15 млн 700 тысяч человек. В эту группу входят собственно иностранцы, лица, родившиеся в Германии в семьях иммигрантов, а также в смешанных браках²³. К концу 2010 г. в ФРГ проживало 2,3 млн семей с детьми младше 18 лет, в которых хотя бы один из родителей имел иммиграционное происхождение. Для сравнения, всего в ФРГ насчитывается 8,1 млн семей с несовершеннолетними

²² Ibid. P. 133.

²³ Statistisches Jahrbuch 2011 // Statistisches Bundesamt. Wiesbaden, 2012. S. 48.

детьми. Таким образом, доля семей с детьми — потомками иммигрантов составляет почти 30%. И это при том, что численность семей без детей среди коренных немцев неуклонно снижается²⁴.

Семьи с иммиграционным фоном живут преимущественно в крупных городах на западе страны, а также в Берлине. Так, доля детей иммигрантов (в основном родившихся в Германии) в возрасте до 10 лет в таких городах, как Берлин, Гамбург, Мюнхен и прочие, достигает 40%, а в некоторых районах и 50%. Доля же семей с детьми, имеющих иммигрантские корни, достигает в крупных городах 43%.

Что касается стран происхождения, то на первом месте с явным отрывом фигурирует Турция (21%). Затем следуют семьи выходцев из республик бывшего СССР («поздние переселенцы»), составляющие 16%. На третьем месте находятся семьи выходцев из бывшей Югославии (9%)²⁵.

При всем разнообразии стран происхождения и различий в языке и культуре у иммигрантов, по мнению немецких демографов, можно вычленить ряд общих характеристик:

- намного более ответственное отношение к семье и браку, наличие более традиционных форм семьи с несколькими детьми и тесной связью поколений;
- более низкий уровень разводов и не столь частое явление феномена одиноких родителей;
- в семьях иммигрантов больше детей, чем в немецких²⁶;
- семьи с иммиграционным фоном имеют стабильно более низкий доход, чем семьи коренных немцев²⁷. Поэтому члены семей мигрантов значительно чаще являются получателями социальной помощи, чем семьи коренных немцев;
- распределение социальных ролей в семьях мигрантов ближе к тому, которое типично для традиционного общества. Так, если в 59% немецких семей с детьми работают оба родителя, то для семей мигрантов этот показатель составляет всего 39%²⁸. Женщина в таких семьях занимается воспитанием детей, что обусловлено большим количеством детей в семьях иммигрантов;
- в последние годы увеличилась доля лиц с иммиграционным фоном, занимающихся частным предпринимательством. В настоящее

²⁴ Ibid. S. 19.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid.

²⁸ Ibid.

время количество индивидуальных предпринимателей-мигрантов даже превысило количество соответственно занятых немцев.

Обобщая изложенное выше, можно констатировать следующее.

Численность иммигрантов в немецком обществе неуклонно и стремительно растет. В свою очередь доля коренных немцев медленно, но верно снижается. Кривая смертности уверенно стремится вверх, а рождаемости — вниз. Это обусловлено не низким уровнем жизни, как в развивающихся странах, а структурой возрастной пирамиды, характерной для развитой части мира²⁹.

Продолжает возрастать роль иммигрантов как в экономике, так и в политике.

Уже в 2009 г. количество иностранцев-индивидуальных предпринимателей превысило число этнических немцев. Это очередное свидетельство высокой экономической активности иммигрантов и лиц с иммиграционным фоном. Их секторальное распределение на рынке труда в ФРГ отражает общие тенденции в Европе. В основном это сфера услуг и профессии в промышленности, требующие низкой и средней квалификации. Однако, испытывая дефицит специалистов в некоторых отраслях, например, в машино- и приборостроении, немецкие фирмы и правительство идут на предоставление значительных льгот иностранным студентам, обучающимся в немецких вузах. Так, выпускникам технических факультетов предоставляется льготный год на поиск работы в Германии по профильной специальности. В течение этого года молодой специалист получает социальное пособие и вид на жительство. На студентов гуманитарных отраслей такие льготы не распространяются.

Отмеченное секторальное распределение обусловлено спецификой образовательного уровня иммигрантов, особенно первого поколения. Большинство мигрантов и их потомков не имеет высшего образования, что ограничивает их в выборе сферы занятости. Правда, и сами мигранты не всегда стремятся получить высшее образование. Это во многом обусловлено тем, что в настоящее время в Германию прибывают в основном иммигранты-носители так называемой «сельской модели» семейных отношений, ориентированной на прочность семейных уз и многодетность. Носители такой модели заняты в основном в сфере услуг и предпочитают вести небольшой семейный бизнес.

Вместе с тем, по свидетельству немецких исследователей рынка труда, нынешняя Германия располагает большим скрытым резервом недоиспользованной рабочей силы, совокупная доля которого до-

²⁹ Ibid. S. 37.

стигает 20% экономически активного населения. Его образуют безработные, лица, работающие сокращенный рабочий день, временно занятые и т.д. Причины недозагрузки — проживание в регионах с избыточной рабочей силой, владение профессией, невостребованной на рынке труда и пр. Это приводит к тому, что работодателям выгоднее нанять на работу иммигранта, чем переобучать или перевозить из другого региона представителя коренной национальности.

Данное обстоятельство наглядно демонстрирует соотношение безработных и иммигрантов в различных федеральных землях. Так, наиболее высокий уровень безработицы в Германии на северо-востоке страны, в Мекленбурге-Передней Померании и в Бранденбурге. В этих же землях минимальное количество проживающих иммигрантов и лиц с иммиграционным фоном. И, наоборот, в регионах с минимальной безработицей и максимальным спросом на рабочую силу (Бавария, Баден-Вюртемберг, Берлин) максимально также число иммигрантов.

Ситуация с иммиграцией неоднозначно воспринимается обществом. Многие немцы упрекают иммигрантов в том, что они отнимают работу у коренного населения, что рост их численности становится неконтролируемым, а сами они не вписываются в принявшее их общество. Несмотря на то что в сегодняшней Германии действительно делается многое для интеграции приезжих, социальное расслоение, помноженное на культурные различия, приводит к возникновению параллельных миров. Налицо также рост праворадикальных, ксенофобских настроений, что ставит под сомнение перспективы сохранения стабильности немецкого общества.

Масла в огонь дискуссий об иммиграции в Германии подлила позиция турецкого премьер-министра Эрдогана, заявившего, что турки, живущие в Европе, главным образом в Германии, ни в коем случае не должны отказываться от своей культурной идентичности и растворяться в немецком обществе. Эта позиция была позитивно воспринята многими турками, проживающими в ФРГ.

С резкими заявлениями по вопросу об иммиграции выступают и немецкие деятели. Одним из наиболее активных и критичных в этом отношении можно с полным основанием назвать бывшего федерального канцлера ФРГ Гельмута Шмидта. В своем интервью газете «Франкфуртер Рундschau» (12.09.1992) он заявил: «Я полагаю, что было ошибкой, что мы во времена Людвига Эрхарда с усердием и с помощью всевозможных инструментов привлекали иностранных рабочих в ФРГ.. Ни из ФРГ, ни из Франции, ни из Великобритании нельзя делать страны-реципиенты миграции. Наши общества этого не вынесут. Тогда общество деградирует... Все имеет свои границы. Пред-

ставление о мультикультурном обществе, возможно, этически обоснованно, но на практике оно в условиях демократии, в которой каждый гражданин может делать и позволять делать все, что он хочет, вряд ли осуществимо»³⁰. Еще однозначнее он высказался в интервью газете «Ди Цайт» (22.04.2004): «Мультикультурное общество — это иллюзия интеллектуалов»³¹.

Феномен параллельных обществ

Ситуация с иммиграцией в ФРГ репрезентативно отражает общие тенденции в зоне Евросоюза. Концентрация мигрантов в крупных городах свойственна также Франции и Великобритании, Италии и Испании, Бельгии и Греции и т.д. Низкий образовательный уровень иммигрантов во многом ослабляет их конкурентоспособность на рынках труда. Более высокая рождаемость в семьях иммигрантов наблюдается практически во всех странах Европы. Таким образом, по ситуации с иммиграцией в ФРГ можно достаточно точно оценивать ситуацию во всей Европе.

Перечисленное выше относилось, прежде всего, к экономической стороне иммиграционной проблемы. Однако не в меньшей степени важны ее цивилизационные аспекты. Можно ли всерьез говорить о крахе мультикультурализма? Или же это эмоционально обусловленный алармизм?

Для ответа на этот вопрос необходимо задуматься о том, какой культурный тип представляет собой Европа, во многом олицетворяемая Евросоюзом, и с каким культурным типом ей приходится взаимодействовать?

Исторически она представляет собой христианскую цивилизацию. Между тем христианство в Европе переживает сейчас глубокий кризис. Общины теряют прихожан, монастыри закрываются из-за отсутствия монашествующих, из школ удаляют распятия, в некоторых странах вводятся запреты на ношение нательных крестов. Такие традиционные ценности, как взаимопомощь, любовь к ближнему, уважение к родителям, верность семейным ценностям и пр., нередко рассматриваются не только как «устаревшие», но и даже как «вредные». В свое время в Словакии нашумел случай с запретом креста на юби-

³⁰ Цит. по: Antrag der National-demokratischen Partei Deutschland auf Vorlage des Verbotsantrages beim Europäischen Gerichtshof. Stellungnahme der NPD zum Verbotsantrag der Bundesregierung. Teil I. Eigendruck im Selbstverlag. 2003. S. 16.

³¹ Helmut Schmidt / Wikiquote. http://de.wikiquote.org/wiki/Helmut_Schmidt.

лейной монете, посвященной Кириллу и Мефодию. Еврокомиссия сочла крест оскорблением чувств верующих иных конфессий.

Есть все основания констатировать, что сегодняшняя Европа (и, прежде, всего Евросоюз) — это, скорее, постхристианская цивилизация, по выражению Фридриха Ницше, преодолевшая христианство.

Своего рода эрзац-религией сегодняшнего Евросоюза является либерализм с его культом индивидуализма и личного успеха. Потребитель, человек экономический, может быть охарактеризован как адепт этого культа, некоего подобия ветхозаветного культа Ваала.

Мерой оценки нравственности служат ныне не понятия «добро» и «зло», а «прибыльность» и «убыточность». Это, в частности, объясняет резкое снижение рождаемости в наиболее благополучных европейских странах. Культ потребления несовместим с созданием семьи и рождением детей. В этом контексте объяснимо мощное движение за права сексуальных меньшинств, развернувшееся в странах Запада в XX в. Гомосексуалисты — идеальные потребители, которым не нужно заботиться о продолжении рода, поэтому весь свой доход они могут тратить на удовлетворение потребностей в процессе самореализации.

Не следует думать, что данные выводы — продукт конспирологической теории. Согласно постулатам маркетинга рынок подстраивается под поведение людей. Так, кризис семейных отношений, выразившийся в росте неполных семей с одним родителем, привел к созданию целых отраслей в промышленности, например, индустрии пищевых полуфабрикатов и пр.

Намного более фундированным объяснением зафиксированного феномена может быть методология цикличного характера цивилизаций, предложенная немецким ученым Освальдом Шпенглером, а еще за полвека до него — русским естествоиспытателем Н.Я. Данилевским. Используя метод исторических аналогий, оба автора независимо друг от друга пришли к выводу, что развитие определенных культурно-исторических типов или высоких культур осуществляется по определенным законам, которые встречаются в растительном и животном мире. Развитие культурно-исторических типов они уподобляли органической жизни с ее фазами рождения, роста, плодоношения и смерти. По мнению обоих мыслителей, а их идеи позднее были творчески переработаны другими культурологами — Арнольдом Тойнби, Львом Гумилевым и пр., Европа еще с конца XIX в. переживала фазу надлома, спада, после того как дала миру шедевры науки и искусства. Сам всплеск технического прогресса, который наблюдался на Западе в конце XIX — начале XX в., Освальд Шпенглер объяснял диалектикой

человеческого, творческого и технического, мертвого начал. Как бы то ни было, но данная теория не потеряла известной доли актуальности и по сей день.

Основная проблема, даже вызов, если говорить современным языком, заключается в том, что приезжающие в страны Европы (Евросоюза) представители исламской цивилизации не воспринимают либеральную эрзатц-религию европейцев, считая последних врагами Аллаха. Слишком уж разительны различия архетипов современных европейцев и мигрантов. Не будем судить о том, кто из них прав, а кто нет; в конце концов, в чужой монастырь со своим уставом не лезут. Однако данная тенденция взаимного отчуждения и непонимания имеет большой конфликтный потенциал, что ведет и к реальным конфликтам то в одной, то в другой европейской стране.

Эпизод с Андерсом Берингом Брейвиком, расстрелявшим на острове Утойя в 2011 г. 77 «мультикультураллистов», является отнюдь не единственным в своем роде³². Так же в 2011 г. Германию потрясло известие о раскрытии правоэкстремистской группировки, на счету которой было около 10 убийств выходцев из Турции.

Высок также террористический потенциал и среди иммигрантов. Проблемой исламского радикализма власти и правоохранительные органы стран Евросоюза озаботились поздно. Первые зерна ваххабизма и салафизма были брошены на европейскую почву еще в начале 1990-х гг., когда в ходе войны в Боснии и Герцеговине на стороне мусульмано-хорватской федерации воевали выходцы из Иордании и Саудовской Аравии, не исключая пресловутого Осаму бен Ладена, бывшего до того времени партнером американских спецслужб.

После окончания боснийской войны ваххабиты с Балкан никуда не делись, а начали интенсивную пропаганду среди местного населения и среди мусульман в странах Евросоюза. В сегодняшнем Сараево на каждом шагу стоят огромные мечети, построенные на деньги саудовской монархии. Даже с началом войны в Афганистане проблеме агрессивного исламизма уделялось мало внимания. Была просмотрена подготовка теракта в Испании, когда в результате подрыва поезда погибло почти 200 человек.

Сегодня спецслужбы многих европейских стран констатируют существование сложившейся сети радикальных исламистских группировок. В одной только ФРГ власти насчитали более 3800 радикальных

³² Примечательно, что из 77 жертв всего несколько человек были иммигрантами, остальные являлись коренными норвежцами, активистами левой партии, которых Брейвик считал «предателями народа». Таким образом, собственно в ксенофобии его можно обвинить достаточно условно.

исламистов³³. При этом речь шла не о рядовых сочувствующих и волонтерах, а об активистах, попавших в поле зрения спецслужб, зафиксированных и наблюдаемых. Если учесть сплоченность и замкнутость диаспор выходцев из мусульманских стран, то реальное количество радикалов может оказаться значительно большим.

Радикализация мусульманской диаспоры идет рука об руку со взаимным отчуждением между коренным населением и иммигрантами на бытовом уровне. Как уже упоминалось выше, в странах Евросоюза в настоящее время складывается феномен параллельных обществ, которые терпят, но не доверяют и не спешат открываться друг другу.

Не случайно французский политик Жан-Франсуа Копе, генеральный секретарь Союза в поддержку народного движения, эмоционально высказался в одной из своих статей: «Есть кварталы, где можно понять отчаяние некоторых наших соотечественников, отцов и матерей семейства, которые, возвращаясь вечером с работы, узнают, что хулиганы вырвали из рук их сына булочку с шоколадом, объяснив ему, что люди не едят в Рамадан... Никто не запретит мне говорить о том, что я вижу! Есть кварталы, где не стоит быть женщиной или белым. Разве об этом запрещено говорить?»³⁴.

Действительно, во многих европейских странах, будь то Германия, Франция, Испания или Великобритания выходцы из мусульманских стран проживают компактно, в своеобразных гетто. Так, в районе Берлина Кройцберг практически нет даже вывесок на немецком языке. Сами турки называют его маленьким Стамбулом.

Аналогичная ситуация типична для других крупных городов, будь то Лондон, Бирмингем или Стокгольм. Если принять во внимание изложенные выше экономические аспекты жизни мигрантов, существование в сложных условиях, близких к бедности, ограниченные возможности по трудоустройству, то легко понять, что тем самым создается благоприятная почва для пропаганды идей радикального ислама, рассматривающего всех европейцев как неверных. По оценкам правоохранительных органов Евросоюза, рост агрессивно настроенных исламистов растет, такие организации, как «Аль-Каида», «Хизб-Тахрир» и прочие активно вербуют новых сторонников.

Феномен диаспоры заключается также в том, что среди ее представителей сильнее ощущается чувство родства с земляками. Это чувство заставляет представителей одного этноса держаться вместе, помогать друг другу. Это свойственно практически всем этническим группам

³³ Salafistische Bestrebungen in Deutschland. Bundesamt für Verfassungsschutz. 2012. S. 4.

³⁴ Ibid. S. 4.

иммигрантов, не только мусульман. Такое существование параллельного мира, замкнутого, живущего по своим законам, не может не вызывать тревогу у коренных жителей, подозревающих в каждом мусульманине террориста.

* * *

Подводя итог, можно констатировать: большинство стран сегодняшнего Евросоюза, да и Европы в целом, отличается разнонаправленными векторами демографического развития, которые формируют ее новый облик в долгосрочной перспективе. *Во-первых*, это устойчивое сокращение рождаемости (даже некоторые положительные исключения не могут переломить общую тенденцию). *Во-вторых*, это ускорение старения населения по причине увеличения продолжительности жизни и улучшения ее качества, что грозит превратить Европу через пару десятилетий в цивилизацию пенсионеров. *В-третьих*, это массовая иммиграция, направленная на компенсацию обозначенных выше демографических потерь. При этом численность представителей иных культур растет в последнее время, в первую очередь, не за счет иммиграционного сальдо, а за счет внутреннего воспроизведения. Основным двигателем этого процесса становятся лица с миграционным фоном, т.е. родившиеся в странах-реципиентах, но сохранившие в той или иной степени язык и культуру своей исторической родины. *В-четвертых*, несмотря на масштабные программы социальной помощи и адаптации, социальный статус иммигрантов, особенно первого поколения, сильно отстает от статуса коренных европейцев и даже лиц с иммиграционным фоном, что таит в себе угрозу их маргинализации в силу жизни за чертой или вблизи черты бедности. *В-пятых*, маргинализация иммигрантов, в свою очередь, создает благоприятную почву для пропаганды радикальных идеологий, борьба с которыми усложняется эффектом диаспоры.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что модель мультикультурализма, отстаиваемая многими представителями европейского политического класса, стоит перед серьезными вызовами, решение которых не терпит отлагательства.

В этой связи следует отметить, что некоторые представители европейского политического класса ошибочно считают построение мультикультурных структур целью, а не инструментом развития государства и общества. Если принять мультикультурализм за самоцель, то это, пожалуй, действительно может привести к «балканизации» континента. Если же использовать его как инструмент развития государства и гражданского общества, то он, безусловно, может быть полезен для решения проблем демографического развития и интенсификации

рынка труда. Однако при этом не следует забывать, что Европа за свою историю уже не раз переживала полную смену населения в результате заката предыдущих культурно-исторических типов. Ушли с исторической арены кельты, распалась Римская империя. Суждено ли нам стать свидетелями заката Европы — ответ на этот вопрос может дать уже ближайшее будущее.

Глава 8

ИННОВАЦИОННОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКИ

Активное формирование ядра нового, шестого технологического уклада и поддерживающих его отраслей, происходящее в последние десятилетия в развитых странах, влечет за собой кардинальные преобразования всей хозяйственной системы. И Европа не составляет исключения. Эти изменения уже настолько значимы и заметны, что их проявления, получившие наименование «новой», «инновационной» экономики, экономики, основанной на знаниях и т.д., требуют не только дополнительных теоретических уточнений, но и внимательного изучения с точки зрения использования передового мирового опыта инновационного хозяйственного обновления в отечественной практике. Европейский опыт в этой области представляется весьма интересным, в частности и потому, что он, с одной стороны, весьма разнообразен, отражая национальную специфику, а с другой — рельефно проявляет наблюдаемые здесь наиболее общие тенденции, поддержка которых реализуется в рамках инновационных политик странового и регионального уровней. Представляется важным рассмотреть концептуальные подходы к формированию инновационной экономики, методы, используемые для оценки международной конкурентоспособности Европы в инновационном развитии и сами ее результаты, основные направления поддержки и перспективы инновационного обновления европейской экономики.

Концептуальные основы

Анализ различных концепций влияния научно-технического прогресса (НТП) на экономическое развитие показывает, что к наиболее продуктивным из них можно отнести научные школы, развивающие

работы Н.Д. Кондратьева и Й. Шумпетера¹. Для этих школ характерен эволюционный подход к исследованию формируемых НТП процессов экономического развития, проявляющихся в комплексе технологических, производственных, финансовых, организационно-институциональных, социальных и прочих взаимосвязей и взаимозависимостей.

Последние теоретические подходы можно признать сегодня доминирующими в анализе воздействия НТП на развитие современного мирового хозяйства. Их комплексное использование позволяет давать наиболее исчерпывающие на сегодняшний день качественные и количественные оценки основных вызовов НТП, предъявляемых не только текущему, но и перспективному экономическому развитию. Причем теорию долгосрочного технико-экономического развития и полученные на ее основе результаты следует рассматривать в качестве основных в таком анализе.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что пока никакой новой (инновационной) экономики не существует. Она станет реальностью лишь по завершении процесса, когда нарождающийся шестой технологический уклад займет в хозяйственном пространстве доминирующее положение. Сейчас же мы имеем дело с начальной стадией его формирования. Поэтому правильнее было бы вести речь не о статике, а о динамике этого процесса, об инновационном обновлении, а не о доминировании инновационного уклада, тем более об инновационной экономике как таковой.

Тем не менее развитие этого процесса уже вызвало к жизни ряд важных концептуальных положений, получивших широкое признание.

Переход развитых стран на новый уклад, на новую парадигму развития продемонстрировал востребованность нелинейной модели НТП и концепции открытой инновации. Преимущественно использовавшаяся ранее *линейная модель* исходила из того, что инновации являются результатом цикла «доведения» идеи по цепочке стадий (фундаментальные научные исследования, прикладные исследования, опытно-конструкторские разработки и т.д.) до рыночного продукта и его диффузии в экономическую среду. На этой концепции основывалась научно-техническая политика индустриального уклада. В числе ее главных приоритетов были поддержка стратегических отраслей, сотрудничества в сфере НИОКР, передача технологий и другие важные ориентиры.

¹ См. подробнее: Циренщиков В.С. Научно-технический прогресс и формирование технико-экономических укладов в мировой экономике // Мировая экономика и международные экономические отношения. М.: Юрайт, 2013.

Научные исследования представлялись сравнительно автономными и осуществлялись преимущественно в публичных структурах. Новаторы действовали в разобщенных сферах, изолированно или на удалении друг от друга. Они поставляли инновационную продукцию на рынки, функционирование которых базировалась преимущественно на идеализированных принципах неоклассической экономики. Предполагалось, что именно там происходит отбор инновационных товаров. Задача же публичной политики в этой сфере виделась в поддержке научных исследований, направленной на вывод потока нововведений на рынок для их оптимальной селекции в соответствии с целевым назначением.

Нелинейная инновационная модель исходит из иного понимания сущности НТП. Оно рассматривает его как комплексный, системный процесс, в рамках которого идеи генерируются на всех этапах инновационного цикла, результаты исследований используются на всех его стадиях, а фундаментальные исследования перестают быть обязательным иницирующим началом. Этот процесс имеет открытый, сетевой характер, формализуясь в виде инновационной системы. Особое значение в нем приобретают диффузия инноваций.

Именно такой нелинейный тип НТП и лежит в основе формирования инновационной экономики и обеспечивающей его политики. Инновации становятся не столько результатом НИОКР, проводимых в лаборатории той или иной компании, сколько итогом деятельности инновационных акторов, действующих в сети, объединяющей ученых и инженеров, рискованные компании и университеты, поставщиков исходных материалов и потребителей продукции и услуг. Совместное использование ими идей и ноу-хау стимулирует появление нововведений и формирует новые рынки. Очевидно, что становление таких отношений требует благоприятного социального и культурного окружения.

Данный подход заложен в сегодняшнюю инновационную политику стран экономического авангарда, характерной особенностью которой признается использование системных мер и формирование адекватных инфраструктур для поддержки инноваций. Эта политика придает большую значимость диффузии нововведений, появлению новых механизмов их финансового обеспечения (включая рискованные формы), поддержке кластерных образований национального, регионального, секторального и прочих уровней. Она нацелена на усиление интерактивного многостороннего взаимодействия между различными сочленениями или интерфейсами системы.

Считается, что переход от политики регулирования инновационной сферы первого поколения к ее второму поколению произошел в авангардных странах уже в середине 90-х годов прошлого столетия.

Именно к этому периоду политика 50-х и 60-х годов по поддержке, прежде всего, научных исследований последовательно эволюционировала в научно-технологическую политику 70–80-х годов, а затем в инновационную политику 90-х.

На подход, изложенный выше, ориентирована и концепция «открытой инновации», сформулированная в работах американских ученых Э. Хиппеля и Г. Чесбро. Они считают наиболее вероятными и перспективными инновации, полученные при соучастии внешних партнеров и основных потребителей, при котором лучше учитываются их потребности и снижаются издержки в случае неудачи проекта².

Иными словами, в экономике, основанной на знаниях, инновации должны быть диверсифицированы и всеобъемлющи, основываться не только на научных знаниях, научных исследованиях и технологических разработках, но и на предпринимательской инициативе и мастерстве. Наиболее успешные из них в значительной степени зависят также от наличия адекватных социальных, организаторских, экономических, маркетинговых и прочих компетенций. И это, судя по всему, как раз те области, серьезное отставание в которых не позволяет нам начать масштабное инновационное обновление отечественной экономики, ставит под удар национальные интересы страны.

Конкурентные позиции и основные направления инновационного обновления

Международная конкурентоспособность Евросоюза в инновационной сфере продолжает оставаться сравнительно высокой. Он располагает одним из самых больших контингентов научных работников, а по показателям затрат на НИОКР, производства научной продукции и патентования новых технологий занимает второе место после США. Однако во многих областях инновационного развития ЕС уступает не только США, но и другим странам экономического авангарда, демонстрируя в целом тенденцию к снижению международной конкурентоспособности.

Анализ, проведенный экспертами, показывает, что инновационная система Евросоюза имеет свои сильные стороны³. К ним относится, в первую очередь, уже упомянутая высокая численность

² См.: Ebersberger B. Management center Innsbruck. Innsbruck. Feb. 2009 (презентация).

³ См.: State of the Innovation Union 2012. Accelerating change / Directorate-General for Research and Innovation Innovation Union. Brussels: European Commission, 2013.

занятых в сфере НИОКР, а также сравнительно большая и постоянно увеличивающаяся доля населения с высшим образованием. ЕС существенно продвинулся в формировании единой европейской инновационной системы благодаря расширяющемуся и углубляющемуся интеграционному взаимодействию стран-членов в научной и технологической областях (хотя и не такому быстрому, на которое рассчитывали ранее). Кроме того, заметный прогресс эксперты отмечают в формировании образцовых институтов инновационной экономики.

К числу слабых позиций ЕС в инновационном развитии относят следующие:

- существенное недоинвестирование в научные исследования и в образование по сравнению с США и с основными конкурентами ЕС в Восточной Азии;
- недостаточно активный обмен знаниями между наукой и промышленностью, что сдерживает распространение и использование новаторских разработок, а также их коммерциализацию;
- относительно слабые, по сравнению с США, компетенции в научной и технологической областях, что проявляется в более низкой доле научных публикаций в общем объеме наиболее цитируемых работ, а также в сравнительно низких поступлениях от продажи лицензий и в значительно более высоких затратах на патентование, препятствующих разработке прорывных инноваций;
- менее благоприятные рамочные условия для создания инновационных продуктов, особенно доступа к источникам финансирования, включая значительно более высокие затраты на патентование, а также на ведение бизнеса в целом, сдерживающие предпринимательскую активность.

Эти негативные стороны составляют серьезную угрозу конкурентным позициям Евросоюза в инновационной сфере, адекватному продвижению в направлении формирования экономики знаний.

В такой ситуации эксперты обычно связывают возможности инновационного развития, прежде всего, с проведением кардинальных структурных сдвигов в экономике, нацеленных на повышение международной конкурентоспособности инновационных товаров и услуг. При этом считается важным уделять особое внимание проблемным областям и наращиванию сильных сторон использования новых возможностей, открываемых меняющимся многополярным инновационным окружением. В частности, хорошие перспективы на этом направлении связывают с дальнейшим усилением международного сотрудничества

со странами Восточной Азии, способного ускорить воспроизводство новых знаний.

Выявление степени влияния отдельных факторов на инновационные процессы основано на использовании суммарного инновационного индекса, рассчитываемого на основе регрессионного анализа, позволяет прийти к важным выводам о причинах страновых различий в этой области. Расчеты показывают, что наибольшее влияние оказывают наличие социального капитала, степень восприимчивости компаний к абсорбции новых технологий, а также высокий уровень взаимодействия между университетами и промышленностью в области научных исследований. Особого внимания в этой связи требует состояние социальной сферы, поскольку поддержание доверия между членами общества (социальный капитал), недопущение чрезмерного разрыва в доходах и подавление коррупции относятся к числу необходимых условий успешной инновационной деятельности.

Для проведения сравнительных исследований инновационных систем стран ЕС и его ближайших и потенциальных конкурентов в последние годы активно используется так называемая Европейская шкала инноваций. В одном из недавних расчетах экспертов ЕС она основывалась на 25 показателях развития, агрегированных в 8 функциональных блоках, отражающих различные стороны «входа» и «выхода» инновационной системы. На их основе рассчитывался упомянутый выше суммарный индекс, дающий общую суммарную оценку инновационной активности.

К сожалению, соответствующие статистические данные для стран, не входящих в состав ЕС, имелись не для всех 25 показателей. Поэтому сравнение инновационных систем стран Евросоюза с системами его основных конкурентов (США, Японии и Южной Кореи) было возможно на базе лишь 14 показателей. Тем не менее, по мнению экспертов, и как свидетельствует практика, их оказалось вполне достаточно для получения данных, адекватно характеризующих особенности инновационного развития исследуемых стран.

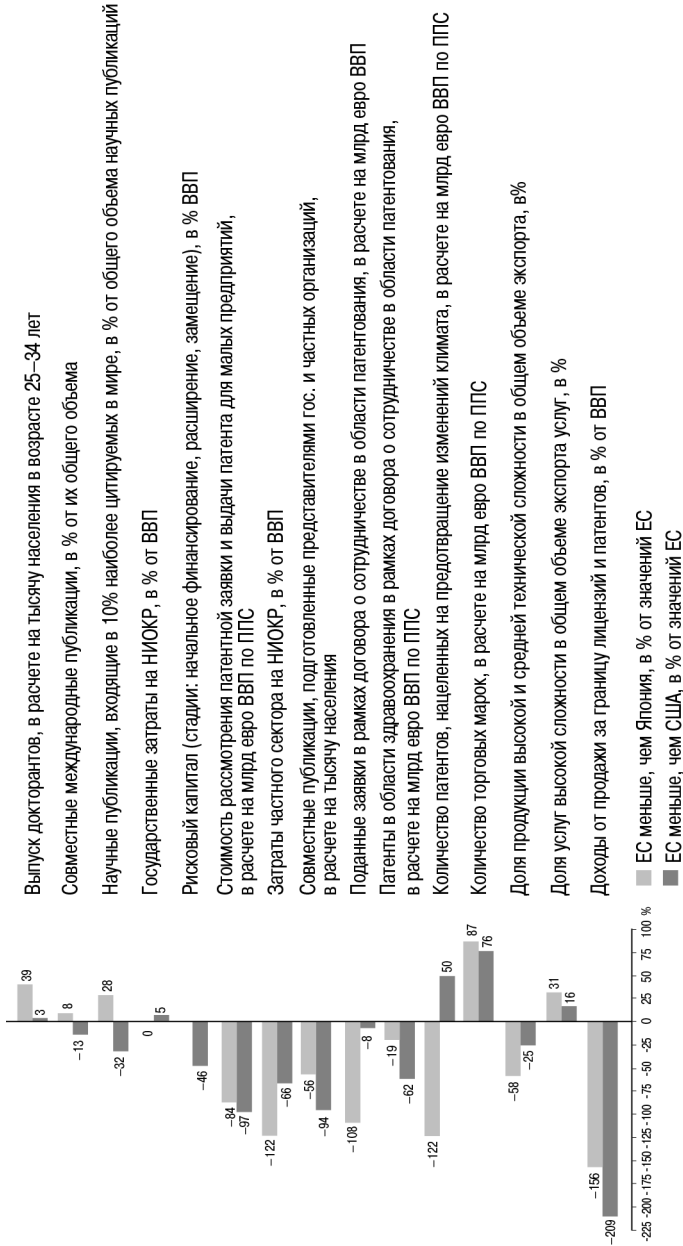
На диаграмме 8.1 приведены результаты расчетов по оценке разрыва в инновационной сфере между ЕС и его основными конкурентами — США и Японией.

Диаграммы 8.2 и 8.3 представляют основные сравнительные характеристики инновационных систем ЕС, США, Японии, Китая и Южной Кореи в статике и динамике

Приведенные в диаграммах 8.1–8.3 данные позволяют сделать несколько общих выводов.

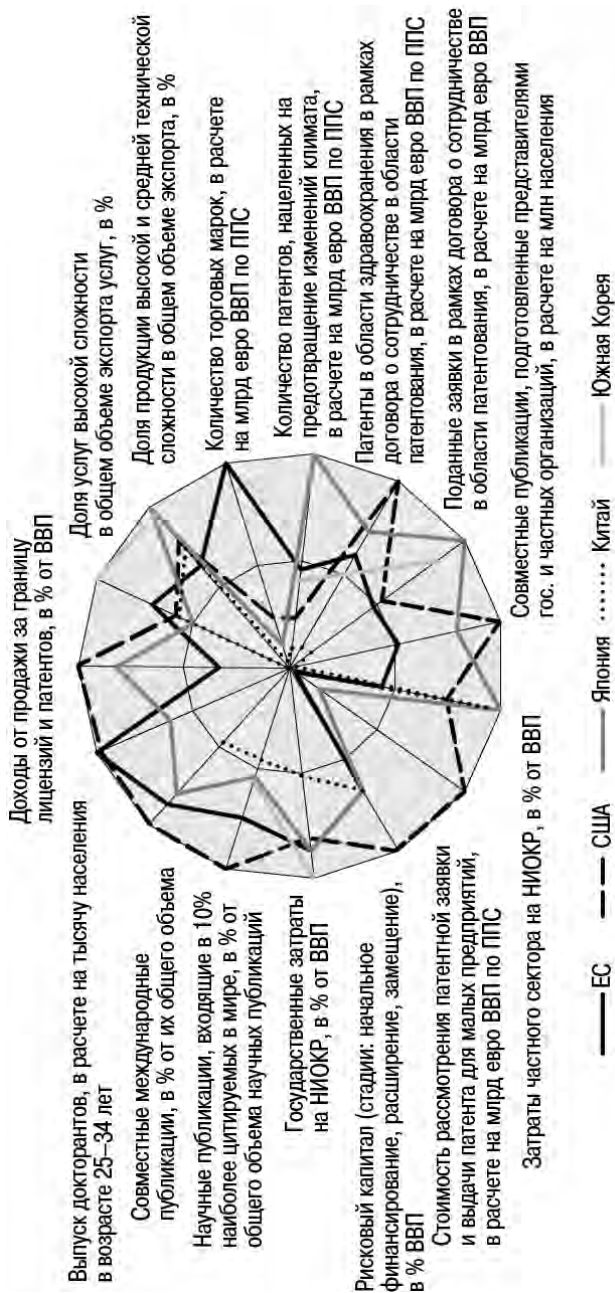
1. Заметное отставание Евросоюза от США и Японии по показателям развития национальных инновационных систем наиболее существенно в инновационной активности частного сектора, в доступе к финансированию, включая рисковое, в более высоких затратах на патентование и в обеспечении прав на интеллектуальную собственность.
2. Налицо взрывной рост инновационных систем в Китае и Южной Корее — новых конкурентах Евросоюза, ускоренно набирающих вес как важные научные, технологические и инновационные центры, в отдельных областях уже опережающие даже США и Евросоюз.
3. Пока США сохраняют инновационное лидерство, хотя в отдельных областях, таких как инвестиционная активность частного бизнеса, в сфере НИОКР и создание новых технологий (количество патентов в рамках патентного кооперационного соглашения), они уже уступают некоторым странам Восточной Азии — признанным лидерам в этих областях (Японии и Южной Корее).
4. Данные диаграммы 8.2 указывают на проявляющуюся тенденцию отставания ЕС от США, Японии и Южной Кореи, особенно в области научных исследований и производства инноваций, осуществляемых в частном секторе. Отчетливое лидерство Евросоюза проявляется в выпуске докторантов в расчете на тысячу населения в возрасте от 25 до 34 лет, а также в экспорте наукоемких услуг.
5. Динамика показателей развития инновационных систем свидетельствует также, что восточноазиатские страны (Китай, Южная Корея и Япония) опережают США и Евросоюз по темпам наращивания инвестиций в сферу НИОКР и выпуска новых технологий. Эта тенденция к смещению мирового центра научных исследований и инновационной активности в восточноазиатский регион, по-видимому, сохранится и в будущем, если принять во внимание амбициозные планы по поддержке инноваций на текущее десятилетие, принятые в этих странах.

Согласно им общий объем затрат на НИОКР в процентах к ВВП должен возрасти к 2020 г. в Южной Корее до 5%, в Японии — до 4%, в Сингапуре — до 3,5%, в Китае — до 2,5%, в то время как в ЕС — до 3%. К тому же США намерены ориентировать свою инвестиционную политику в области научных исследований и инноваций на «достижение

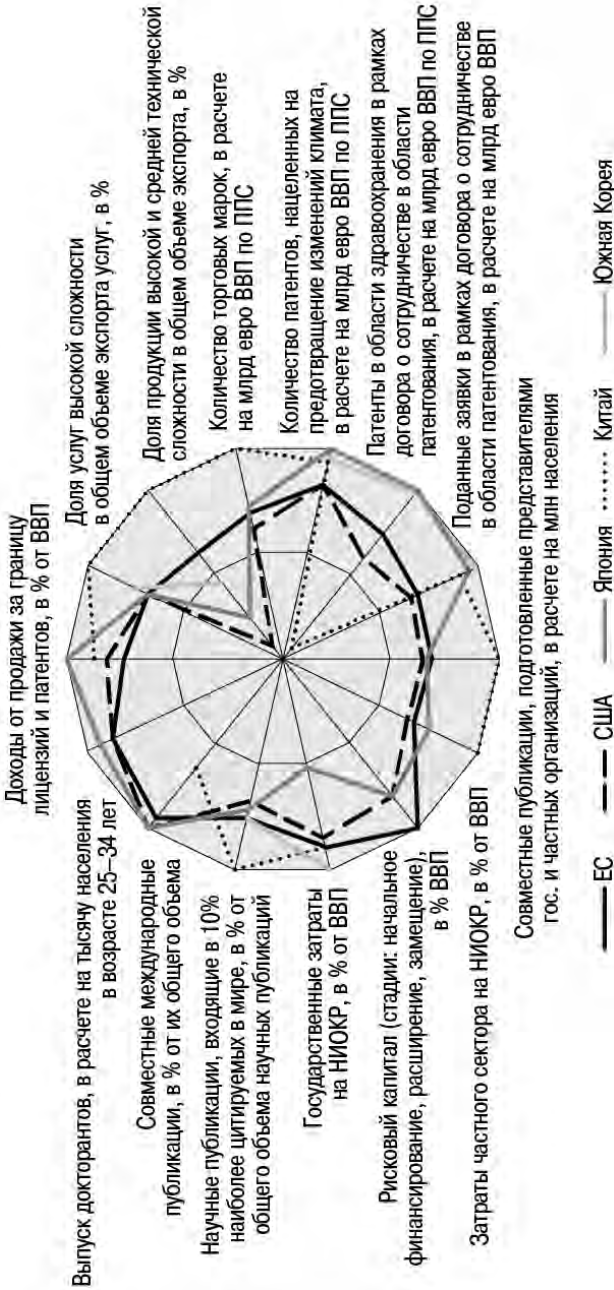
Источник: Innovation Union Competitiveness report 2011 edition / Directorate-General for Research and Innovation. Brussels: European Commission, 2011. P. 17.

Диаграмма 8. 1. Инновационный разрыв между ЕС, США и Японией по основным показателям развития инновационных систем в 2009 г.

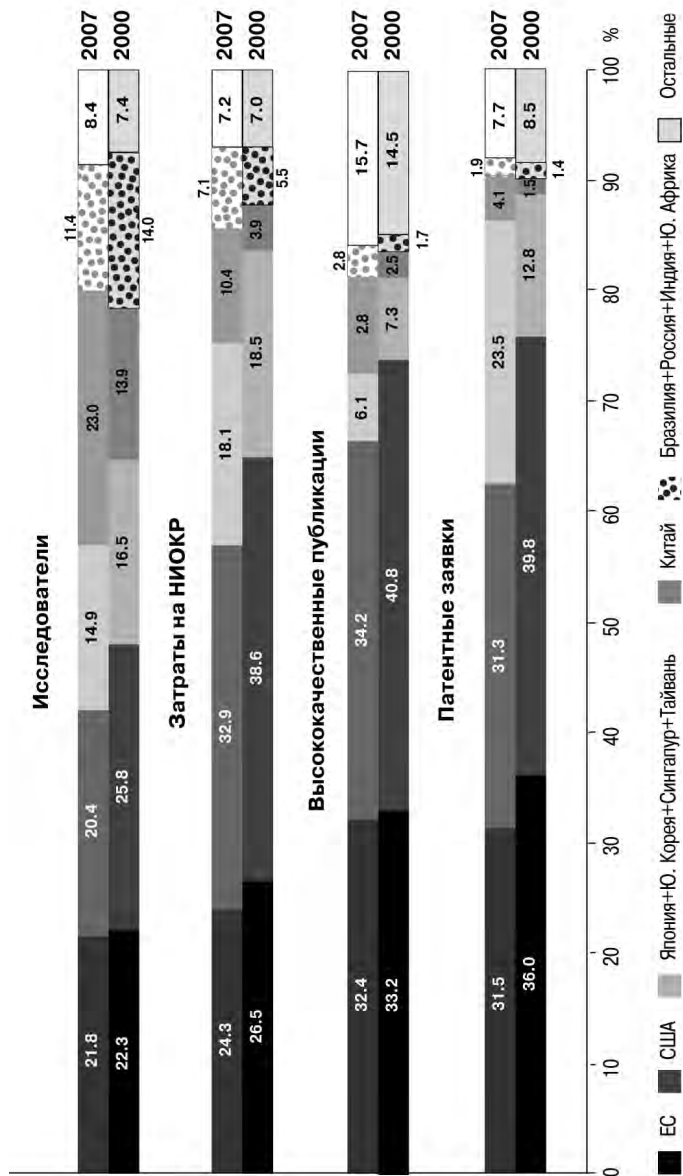
Источник: Innovation Union Competitiveness report 2011 edition / Directorate-General for Research and Innovation. Brussels: European Commission, 2011. P. 18.

Диаграмма 8.2. Сравнительные показатели инновационных систем ЕС, США, Японии, Китая и Южной Кореи в статистике за 2009 г.

Источник: Innovation Union Competitiveness report 2011 edition / Directorate-General for Research and Innovation. Brussels: European Commission, 2011. P. 18.

8.3. Сравнительные показатели развития инновационных систем ЕС, США, Японии, Китая и Южной Кореи в динамике (среднегодовой прирост за 2000–2009 гг., в %)

Источник: Innovation Union Competitiveness report 2011 edition / Directorate-General for Research and Innovation. Brussels: European Commission, 2011. P. 19.
Диаграмма 8.4. Удельный вес ЕС и его главных конкурентов в основных показателях, характеризующих мировую сферу НИОКР и инноваций

лидерства в научных исследованиях и технологиях как ключевой политики поддержки успеха»⁴.

Тем не менее конкурентные позиции Евросоюза в области научных исследований все еще остаются прочными. Как видно из диаграммы 8.4, на долю ЕС приходится свыше 24% общего объема мировых инвестиций в научные исследования и разработки, почти 22% — занятых в научных исследованиях, более 32% — общего объема эффективных научных публикаций (доля в 10% наиболее цитируемых) и около 32% — общего количества международных патентных заявок в рамках Соглашения о патентной кооперации.

Важно, однако, отметить, что эти показатели обеспечивают лишь несколько наиболее развитых стран Евросоюза, а это служит препятствием дальнейшему их наращиванию, тем более учитывая, что оно чревато расходом существенных дополнительных ресурсов.

Динамика показателей, приведенных на диаграмме 8.3, тоже свидетельствует о тенденции к ослаблению позиций Евросоюза в области мирового инновационного развития как результат быстрого продвижения в этом направлении экономик восточноазиатских стран, прежде всего, Японии, Южной Кореи, Сингапура, Тайваня и особенно Китая. Причем исключительно быстрое инновационное развитие Китая может внести определяющий вклад в превращение Восточной Азии в мировой инновационный центр.

По имеющимся оценкам, восточноазиатские страны могут превратиться в такой центр уже к 2020 г., располагая более чем 50% мирового объема патентов и научных работников, около 29% всех международных патентных заявок и 43% инвестиций в сфере научных исследований и разработок. Учитывая быстрый рост населения в этих странах и его стагнацию в Европе, можно считать эту тенденцию в определенной мере закономерной. Необязательно трактовать ее и как проявление слабости европейской сферы НИОКР и динамики инноваций. Гораздо больше оснований рассматривать происходящее как объективный процесс смещения мирового экономического и инновационного центра в Азию, к которому Европе следует хорошо подготовиться⁵.

Экономический кризис конца прошлого десятилетия оказал негативное воздействие на инвестиционную активность предпринимательского сектора в научно-исследовательской и инновационной сфе-

⁴ Из речи Б. Обамы. См.: State of the Union 2011: President Obama's Full Speech // Abc News. http://abcnews.go.com/Politics/State_of_the_Union/state-of-the-union-2011-full-transcript/story?id=12759395.

⁵ http://www.unesco.org/science/psd/publications/sc_rp_10.shtml.

рах. Тем не менее, многие европейские страны удержали от падения и даже повысили уровень правительственных затрат на НИОКР. Эти меры рассматривались ими в качестве составной части политики преодоления экономического кризиса. Подобной позиции в значительной мере способствовало осознание того, что инвестирование в знания является ныне главным приоритетом даже в условиях ограничений, накладываемых на расходование бюджетных средств.

Известно, что Европу отличает весьма емкий и диверсифицированный рынок квалифицированной рабочей силы, особенно в научно-технологической сфере. По числу сегодняшних выпускников высших учебных заведений только Китай сравнялся с Евросоюзом, опережая США и Японию, вместе взятые.

Сегодня в Евросоюзе более 30% населения в возрасте 25–34 лет имеет университетское образование, и динамика этого показателя однозначно положительна. Согласно данным доклада «Стратегия Европы 2020»⁶ намечено повысить его до 40%. Динамика выпуска исследователей университетами также свидетельствует о благоприятных возможностях ответа на вызовы инновационного развития. В Евросоюзе каждый год выпускается более 940 тыс. специалистов с университетским образованием в области научных исследований и инженерии. Ежегодный прирост этого показателя за последнее десятилетие оценивается примерно в 5%. Докторскую степень ежегодно получают около 111 тыс. человек. Это примерно вдвое больше, чем в США. Данная пропорция еще больше там, где речь идет об инженерных специальностях и ученых.

При всем этом удельные затраты на образование по отношению к ВВП остаются в ЕС примерно в 2,5 раза ниже, чем в США. Существенно меньше, чем в США, удельные затраты, приходящиеся на каждого выпускника школы или студента. Это обусловлено главным образом более низкой инвестиционной активностью частного сектора. Отсюда опасность того, что рост численности подготавливаемых специалистов будет достигаться за счет снижения качества их подготовки.

Главной задачей формирующегося Инновационного союза в ЕС считается адаптация образовательных систем, в том числе высшего образования, сложившихся в отдельных странах, к потребностям инновационного развития в том, что касается подготовки необходимого количества специалистов высокой квалификации, отвечающих запросам частного бизнеса, и повышения привлекательности должности

⁶ Europe 2020 / European Commission. http://ec.europa.eu/europe2020/index_en.htm.

исследователя. Предполагается, что это существенно повысит привлекательность региона в глазах талантливой молодежи.

Таким образом, сохраняя в целом лидирующие позиции в области производства знаний и научных публикаций, Евросоюз продолжает терять свои конкурентные преимущества в сфере коммерциализации результатов научных исследований.

Если эта тенденция сохранится, то к 2020 г. распределение долей подаваемых на регистрацию патентных заявок в рамках системы Международного соглашения о регистрации патентных заявок⁷ будет выглядеть следующим образом: Евросоюз — 18%, США — 15%, пять ведущих стран Азии — 55%.

Судить о сравнительном превосходстве той или иной страны в инновационном развитии можно и по ситуации с патентными заявками, подаваемыми в Европейское патентное ведомство (ЕПО — ЕПВ), хотя последнее и нельзя признать безупречным инструментом международных сопоставлений. Наиболее тревожным экспертам представляется тот факт, что примерно половина стран ЕС вообще не регистрируют в ЕПВ патенты в области высоких технологий. Не удивительно, что доходы, получаемые из-за границы в результате продажи патентов и лицензий, в Евросоюзе в 3 раза ниже, чем в США. Это, бесспорно, свидетельствует о наличии существенных трудностей и частично объясняется сравнительно высокими затратами при обработке заявок на патентование и оформление патентов. Очевидно, что эта сфера нуждается в существенном улучшении.

Немалую поддержку инновационному развитию в странах Евросоюза оказывает формирование там Единого научно-исследовательского пространства. Прогресс в этой области оказался не так очевиден, как можно было ожидать после первых инициатив по поддержке этого процесса, предпринятых в 2000 г. Становление данного пространства еще далеко от завершения. По оценкам, лишь около 4,5% общих национальных бюджетов НИОКР осваивалось в рамках координируемых международных проектов. Важная часть финансирования направлялась на создание и поддержку деятельности крупных транснациональных научно-исследовательских институтов или же на поддержку национальных научно-исследовательских проектов, реализуемых в рамках коммунитарных научно-исследовательских программ Евросоюза.

⁷ В системе этого Соглашения участвуют 117 стран. Она предусматривает упрощение регистрации патентных заявок, позволяет отсрочивать платежи, связанные с патентной защитой в других странах. В рамках данной системы изобретатель может зарегистрировать свою заявку как международную в одном из страновых патентных офисов и одновременно получить патентную защиту изобретения в 117 странах мира.

В последние десятилетия страны ЕС инициируют многочисленные реформы, призванные улучшить функционирование основных компонентов сферы общественных НИОКР и упрочить кооперационное взаимодействие государственных и частных секторов научных исследований и разработок. Осознав исключительную важность образовательных и научно-исследовательских институтов как ключевых компонентов национальных и коммунитарной инновационных систем и как значимого содержательного и интеграционного фактора Европейского научно-исследовательского пространства, правительства стран Евросоюза предпринимают значимые усилия по их совершенствованию.

Реформы институтов высшего образования, определяемые различными мотивациями, нацелены ныне на совершенствование институциональных структур. Согласно докладу Ассоциации европейских университетов «Тенденции 2010»⁸ интенсивное реформирование имеет различную размерность, направлено главным образом на достижение целей Болонского процесса, на обеспечение качества университетского образования, на приобретение университетами большей автономии, на повышение интернационализации образования и научных исследований. Эти реформы, по оценкам экспертов, оказали существенное воздействие на политику в области образования. Многие институты этой сферы выработали стратегию, нацеленную на международную интернационализацию образования и научных исследований.

Согласно главным выводам доклада формируемое Европейское пространство высшего образования и научных исследований и Европейское научно-исследовательское пространство открывают для университетов новые возможности, накладывая одновременно на сферу высшего образования повышенную ответственность за обеспечение в рамках Евросоюза более тесного взаимодействия в областях образования, научных исследований и инноваций. Среди главных ориентиров реформирования высшей школы особое внимание уделяется повышению их автономии, увеличению доли проектного финансирования, вовлеченности в высококонкурентные научные исследования, а также созданию для преподавательского состава благоприятных условий международной конкуренции.

Государственные институты продолжают оставаться главными источниками (70% и более) формирования бюджета большинства университетов. При этом доля ассигнований, поступающих в университеты

⁸ Trends 2010: A decade of change in European Higher Education // http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/2010_conference/documents/EUA_Trends_2010.pdf.

на конкурентных условиях из фондов, контролируемых государством, весьма различна и колеблется в среднем от 1% для университетов в Италии до 28% — в Бельгии. Доля промышленности в источниках формирования бюджетов университетов Евросоюза, активно занятых в научных исследованиях, составляет в среднем менее 10%. Более 10% от своего бюджета получают из промышленных источников лишь университеты Франции, Греции, Болгарии и Хорватии (30%). Заграничные инвестиции составляют менее 10% в бюджете подавляющего большинства университетов, а в 83% из них эта доля не достигает и 5%.

Важным источником финансирования университетов могут быть также бесприбыльные некоммерческие организации. На это указывает опыт Исландии и Португалии, где их доля в университетских бюджетах составляет 18 и 10% соответственно. Хотя в среднем по Европе удельный вес поступлений от них — менее 5%.

Сравнительно новой тенденцией в совершенствовании сферы высшего образования и других компонентов инновационных систем стало формирование в регионе «центров совершенства» (centers of excellence) или, иными словами, образцовых институциональных структур, обладающих компетенциями наивысшего мирового класса.

Формирование таких центров является ныне одним из главных приоритетов инновационной политики, важной составляющей наращивания инновационного потенциала, в том числе и потому, что близость к ним становится главным фактором, определяющим решения о территориальном размещении производственных филиалов многонациональных компаний. Евросоюз обладает значительным опытом формирования таких центров. Правда, в отдельных странах он различен и зависит от особенностей формирования национальных инновационных систем.

Как приведенные выше, так и другие качественные экспертные оценки свидетельствуют, что ЕС, заметно опережая Китай и страны Азии, вместе взятые, сохраняет за собой второе место в мире после США и по числу, и по качеству первоклассных университетов. На его долю приходится около трети всех университетов, входящих в сотню мировых лидеров (на США — больше половины).

При оценке инновационного развития Евросоюза следует учитывать и то, что сильными сторонами его инновационного потенциала, инновационной системы являются не только совокупность потенциалов и систем входящих в него стран, но и их разнообразие, содействующее страновой специализации, которая, в свою очередь, оказывает, с одной стороны, стимулирующее воздействие на интеграционные процессы в области науки и техники, а с другой — формирует основ-

ные направления такой специализации в системе международного разделения труда.

Осуществление перечисленных выше и других важных инициатив прошедшего десятилетия с момента проведения Лиссабонского саммита 2000 г. не позволило, однако, достичь провозглашенных на нем стратегических целей. Серьезным препятствием этому послужили и негативные последствия экономического кризиса. Переход к инновационной экономике оказался для ЕС не столь успешным, чтобы превратить экономику Евросоюза «в самую конкурентоспособную и динамичную».

Новейшие тенденции и перспективы

Дальнейшее продвижение по пути, намеченному лиссабонскими ориентирами, потребовало выработки новой стратегии хозяйственного развития, форм и механизмов ее реализации. И такая стратегия была разработана и принята в начале 2010 г. Она изложена в уже упоминавшемся документе «Стратегия Европы 2020» и предполагает следование трем взаимозависимым приоритетам:

- инновативному экономическому росту — развитию экономики, основанной на знаниях и инновациях;
- устойчивому росту — содействию развитию более энергосберегающей, конкурентоспособной и щадящей окружающую среду экономики;
- всеобъемлющему росту — содействию развитию экономики с высокой занятостью, обеспечивающей социальное и территориальное сплочение.

В соответствии с этими приоритетами уставлены конкретные цели до 2020 г., рекомендованные для ориентиров и траекторий движения национальных экономик странам — членам Евросоюза.

Центральной инициативой, содействующей реализации перспективной стратегии в целом, можно считать комплекс мероприятий по формированию «Инновационного союза», нацеленных на улучшение рамочных условий для научных исследований и инноваций, а также на облегчение доступа к их финансированию. План по созданию «Инновационного союза» включает более 30 мероприятий, ориентированных на:

- превращение Евросоюза в мирового лидера по производству знаний;
- устранение препятствий на пути быстрого освоения нововведений: высоких затрат на патентование, фрагментации рынка, продолжи-

тельной процедуры принятия стандартов, нехватки квалифицированного персонала;

- кардинальное совершенствование взаимодействия публичного и частного секторов, особенно в части инновационного партнерства между общесоюзными институтами, национальными и региональными органами власти и бизнесом.

Во исполнение принятых решений с 1 января 2014 г. началась реализация новой программы «Горизонт 2020», призванной объединить под одним «зонтом» все уровни поддержки научных исследований и инноваций. Это новый инструмент, объединяющий рамочные программы научных исследований и разработок по проблематике конкурентоспособности и инноваций с инициативами Европейского института инноваций и технологий по реализации выдвинутой им концепции «треугольника знаний»: объединения в целях инновационного развития усилий в области образования, научных исследований и бизнеса. В соответствии с установками по формированию Инновационного союза программа «Горизонт 2020» нацелена на реализацию важных изменений в финансировании инноваций как ответ на вызовы современного развития, на установление более простых правил для участников и на высокую результативность инновационной деятельности.

Характерная черта этой программы — акцентирование поддержки новаторской деятельности, в частности: увеличение финансирования на испытательные цели, создание прототипов, демонстрационных и пилотных установок, частное финансирование НИОКР, предпринимательства, рискованных проектов, формирование спроса на инновационную продукцию и услуги путем установления благоприятных стандартов и усиление государственной поддержки. Важным считается также стимулирование инноваций в нетехнологических областях, таких как проектирование, сервисные услуги, создание новых моделей ведения бизнеса и инноваций в социальной сфере.

К 2020 г. Европейскому инновационному союзу предстоит решить ряд важных проблем, используя целый набор крупномасштабных общесоюзных проектов. Среди них увеличение на два года средней продолжительности жизни европейского населения. О сложности этого решения может свидетельствовать, в частности, тот факт, что только затраты на лечение лиц, пораженных болезнью Альцгеймера, обходятся Евросоюзу в 1% ВВП. К другим серьезным масштабным проектам относят повышение эффективности используемых ресурсов, развитие сельского хозяйства и Интернета следующего поколения.

Освоение передового опыта инновационного развития с использованием инструментов современного мониторинга и маркетинга также рассматривается в качестве одной из актуальных задач Инновационного союза ЕС.

Продолжается работа по совершенствованию рассмотренных выше и уже принятых к реализации согласованных проектов. Она концентрируется на следующих основных приоритетных направлениях.

Ускорение с помощью мер коммунитарной политики структурных сдвигов в существующих секторах и диверсификации в новых возникающих отраслях путем поддержки развития предприятий с высоким инновационным потенциалом.

Ликвидация разрыва в уровнях инновационного развития между отдельными регионами путем осуществления адекватных мер по поддержке специализации и синергии в ходе реализации программы «Горизонт 2020», а также в рамках компетенции структурных фондов.

Улучшение рамочных условий поддержки инноваций для новаторского бизнеса, включая инновационные кластеры.

Выявление новых конкретных форм поддержки государством инноваций в общественном секторе экономики. Осуществление логически последовательной политики поддержки открытых инноваций и передачи знаний.

Оценка размеров интеллектуальной собственности, поддержка коммерциализации патентов, обеспечение масштабной и эффективной защиты секретов производства и конфиденциальной деловой информации.

Учет инновационного содержания новых технологий и услуг в разрабатываемых бизнес-моделях.

Консолидация усилий по дальнейшему углублению интеграции как необходимого условия достижения целей Инновационного союза.

Рассмотрение различных аспектов формирования инновационной экономики Евросоюза, его особенностей и перспектив свидетельствует, что обоснованные и целенаправленные инвестиции в ключевые направления хозяйственного развития, сопровождаемые мероприятиями по поддержке национальных рынков стран Евросоюза, могут эффективно содействовать созданию новых инновационных продуктов, технологий и услуг, способствуя тем самым решению проблем общественного развития. Именно такой интегрированный подход, предусматривающий существенную поддержку инновационного партнерства, эксперты рассматривают в качестве нового ресурса будущего экономического роста Евросоюза. Иными словами, концепция поддержания инновационного потенциала ЕС предусматривает, в первую очередь, использование потенциала государственно-частного партнерства в инновационном ин-

вестировании, а также в регулировании национальных и регионального рынков, а не рычагов и механизмов рыночных отношений.

Анализ европейского опыта наглядно показывает, как выстраиваются фундамент инновационных преобразований и основанная на нем конструкция инновационной экономики, какие для этого используются концептуальные подходы, институционально-организационные формы, инструменты и механизмы. Этот опыт при серьезном критическом осмыслении может быть с успехом использован в российских условиях. Речь, по сути, идет об освоении уже выработанного и опробованного зарубежной практикой комплекса мер и инструментов инновационной политики и об адаптации ее к нашим реалиям.

Глава 9

ЕВРОЗОНА: ГРАВИТАЦИЯ ПРОТИВ КОНВЕРГЕНЦИИ?

Формирование в 1999 г. экономического и валютного союза и введение единой европейской валюты должно было обеспечить Евросоюзу качественный прорыв в деле построения однородного экономического пространства, которое по своим характеристикам не уступало бы внутреннему рынку США. Однако начавшийся в 2008 г. глобальный экономический кризис, который вскоре перерос в долговой кризис в зоне евро, поставил эту цель под сомнение. Одни страны еврозоны возвращаются, пусть медленно, на траекторию экономического роста, другие же испытывают все большие трудности, приобретающие системный характер. К первой группе обычно относят Германию и ее соседей, ко второй — страны Южной Европы и Ирландию.

Согласно опубликованному в марте 2013 г. докладу Европейской комиссии, после введения евро отмечался значительный прогресс в конвергенции государств — членов ЕС по показателю ВНД на душу населения. Однако в рамках зоны евро результаты сближения были неудовлетворительными. В некоторых странах (в Италии, во Франции, в Испании, в Португалии, на Кипре, в Греции) уровень жизни рос медленнее, чем в десятилетие, предшествовавшее созданию валютного союза. При этом среднеквадратичное отклонение темпов прироста ВВП на душу населения после 2003 г. в целом увеличивалось¹.

Рассмотрим, каким образом изменились условия макроэкономической конвергенции стран еврозоны после кризиса, и попытаемся выявить наличие в данном процессе признаков гравитационного эффекта. Последний понимается нами как тяготение показателей различных стран к показателям сильнейших игроков, в отличие от конвергенции, подразумевающей их подтягивание к некоему равновесному значению.

¹ European Commission. Quarterly Report on the Euro Area. Vol. 12. No 1. 2013. P. 7–8.

Некоторые теоретические положения

Гравитационные модели давно используются в общественных науках, например, при исследовании миграционных потоков и процессов урбанизации. Широкую известность получила гравитационная модель международной торговли, объясняющая характер товарных потоков, возникающих между странами. Предположение о действующих в экономике гравитационных силах является центральным звеном классической теории стоимости, а также неоклассической теории макроэкономического равновесия².

Наличие гравитационной составляющей обнаруживается во многих процессах, характерных для функционирования международной финансовой системы. Так, становление после Второй мировой войны доллара США как доминирующей мировой валюты повлекло за собой повсеместное наращивание официальных резервов в этой денежной единице и привязку к ней обменных курсов других национальных валют. Последнему в немалой степени способствовала целенаправленная политика США. Одним из ее проводников стал МВФ, который, например, в 80-е годы XX в. настойчиво рекомендовал развивающимся странам фиксировать курсы своих валют по отношению к внешнему якорю (фактически американскому доллару).

Закреплению позиций валюты-лидера могут способствовать не только политические, но и рыночные силы, например эффект масштаба. Согласно теории ведущей валюты (*англ.* — *vehicle currency*), поскольку валютные рынки в парах с долларом являются самыми емкими и ликвидными, для них характерны наиболее узкие, по сравнению с другими валютными парами (с евро, фунтом, иеной и др.) спреды³. Данное обстоятельство, в свою очередь, стимулирует использование доллара как валюты-посредника в многоступенчатых валютных сделках, что еще больше расширяет рынки и сужает спреды⁴. Схожие ме-

² Современную критику данного положения можно найти в: *Sinha A.* On the Notion of Equilibrium or the Centre of Gravitation in Economic Theory / *Indira Gandhi Institute of Development Research.* Mumbai, July 2010.

³ *Swoboda A.* Vehicle currencies and the foreign exchange market: the case of the dollar // *The International Market for Foreign Exchange* / Ed. by R. Aliber R. N.Y.: Praeger, 1969. P. 30–40; *Hartmann P.* Currency Competition and Foreign Exchange Markets: The Dollar, the Yen and the Euro. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.

⁴ *Kenen P.* The role of the dollar as an international currency // *Group of Thirty Occasional Papers.* 1983. No 13; *Hartmann P.* Op. cit.

ханизмы, основанные на внешних сетевых эффектах (*англ.* — network externalities), регулируют использование валют в международной торговле и на рынках капитала⁵.

Хрестоматийным примером действия рыночных гравитационных сил является бегство капиталов из проблемных стран в «тихие гавани», происходящее в начале любого регионального или глобального кризиса. Срабатывающий в подобных случаях эффект домино обоснованно квалифицируется как провал рынка. Схожую природу имеют разнообразные проциклические факторы и чрезмерные реакции рынков (*англ.* — overreaction) на внешние или внутренние шоки.

Гравитационное давление смешанного типа (возникающее по воле государств, но в результате рыночного давления) можно усмотреть в международной практике использования валютных режимов. Речь идет о тяготении к двум крайним возможностям — жестко фиксированным курсам или свободному плаванию, наряду с тем, что такое тяготение давно является предметом научной дискуссии⁶.

Сказанное позволяет предположить, что в процессах региональной экономической интеграции гравитационное смещение может порождаться политическими или рыночными силами. При этом гравитационное смещение, независимо от его причины, может иметь положительный или негативный эффект с точки зрения общественного блага.

Расширение ЕС и его влияние на условия конвергенции

Среди важнейших особенностей, обеспечивших благоприятные условия для формирования и развития Европейского экономического сообщества (ЕЭС), эксперты справедливо выделяют два фактора. Первый — наличие во всех государствах-основателях объединения высокоразвитой рыночной экономики с мощным промышленным потенциалом. Второй — присутствие в группировке нескольких стран примерно одного размера, что позволило создать полицентричную

⁵ *Goldberg L.* Currency Invoicing of International Trade // *The Euro at Ten: The Next Global Currency?* / Ed. by J. Pisany-Ferry, A.S. Posen; Peterson Institute For International Economics. 2009. P. 61–68; *Thimann C.* Global Roles of Currencies // *ECB Working Paper Series*. 2009. No 1031.

⁶ *Reinhart C., Rogoff K.* The Modern History of Exchange Rate Arrangements: A Reinterpretation // *Quarterly Journal of Economics*. 2004. Vol. 119. P. 1–48; *Fisher S.* Mundell-Fleming Lecture: Exchange Rate Systems, Surveillance, and Advice // *IMF Staff Papers*. 2008. Vol. 55. No 3. P. 367–383.

систему управления. Первоначальная «шестерка» ЕЭС включала три крупные страны — Францию, Германию и Италию; две небольшие страны — Нидерланды и Бельгию, а также Люксембург, миниатюрные размеры которого отчасти компенсировались высоким уровнем жизни и наличием мощного финансового центра. В 1973 г. к числу крупных стран добавилась Великобритания.

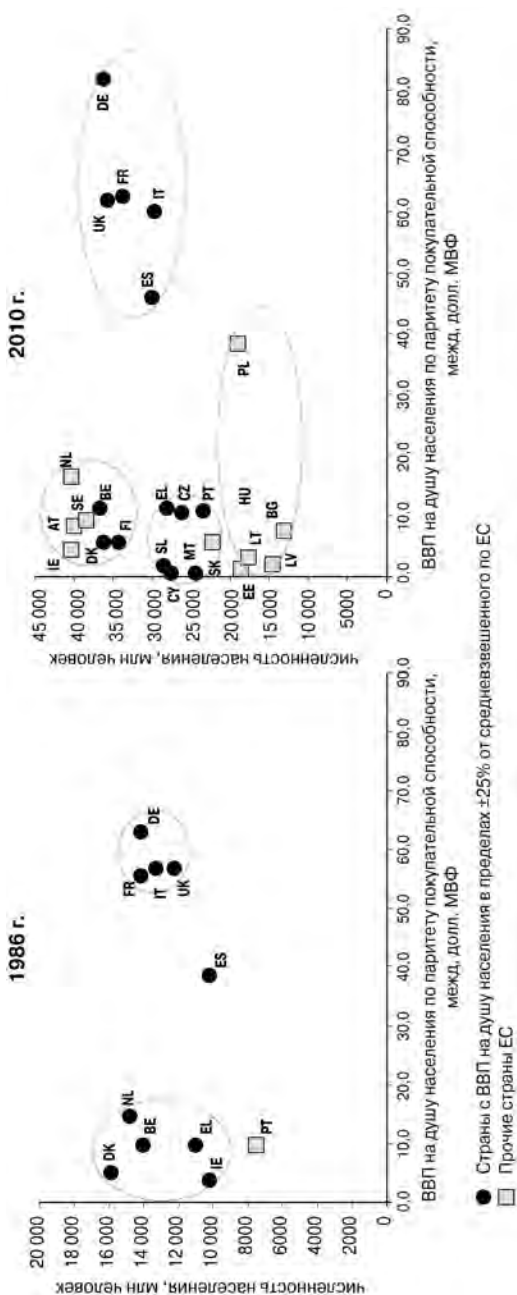
До второго южного расширения, когда в 1986 г. в ЕЭС вступили Испания и Португалия, «десятка» представляла собой две довольно однородные по душевому доходу группы. Главное отличие заключалось в численности населения, что создавало проблему баланса интересов малых и крупных стран (рисунок 9.1).

Испания попала в промежуток между большими и малыми странами. И хотя она всегда считалась относительно бедной, ее ВВП на душу населения составлял около 80% от среднего по ЕЭС. Однако у Португалии душевой доход действительно отклонялся более чем на четверть от среднего по группировке. В 2010 г. общая картина стала принципиально иной. В группе больших и богатых стран вперед по численности населения вследствие объединения вырвалась Германия. Испания благодаря росту населения сократила отрыв от 60-миллионных Великобритании, Франции и Италии. При этом резко возросло количество малых стран — с семи в 1986 г. до двадцати в 2010 г. (включая неотмеченный на рисунке 9.1 Люксембург). Внутри них возник клуб следующих весьма богатых государств: Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Австрии, Финляндии, Швеции, Дании и Ирландии.

Два восточных расширения Евросоюза 2004–2007 гг. создали большую разнокалиберную группу относительно бедных стран, куда вошли Польша, Венгрия, Латвия, Литва, Эстония, Болгария и Румыния. В число малых стран со средним уровнем благосостояния попали Греция, островные Кипр и Мальта, а также три страны, образовавшиеся в результате распада бывших социалистических государств — Словения, Чехия и Словакия.

Если в 1986 г. из 12 стран ЕС только две имели ВВП на душу населения, отклонявшийся более чем на 25% вверх или вниз от среднего по ЕС, то в 2010 г. такими были 13 стран из 27. На сегодня их уже 14 из 28, поскольку 1 июля 2013 г. в Евросоюз официально вступила Хорватия. Ее население составляет 4,4 млн человек, а ВВП на душу населения по ППС не превышает 60% от среднего по Евросоюзу.

Итак, следует констатировать, что по мере расширения Европейского Союза степень разнородности его участников неизменно нарастала. Однако увеличение числа малых государств не означает пропорционального роста их влияния по политику ЕС. Скорее, можно

Условные обозначения стран: AT – Австрия, BE – Бельгия, BG – Болгария, CY – Кипр, CZ – Чехия, DE – Германия, DK – Дания, EL – Ирландия, EE – Эстония, EL – Греция, ES – Испания, IT – Италия, FI – Финляндия, FR – Франция, HU – Венгрия, LT – Литва, LV – Латвия, MT – Мальта, NL – Нидерланды, PL – Польша, PT – Португалия, RO – Румыния, SE – Швеция, SK – Словакия, SL – Словения, UK – Великобритания, Люксембург исключен из обеих схем ввиду высокого душевого дохода.

Источник: IMF World Economic Outlook Database. April 2013.

Рисунок 9.1. Распределение стран ЕС по численности населения и душевому доходу в 1986 и 2010 гг.

предположить обратное — ввиду нараставшего географического, культурного и социально-экономического разнообразия данной категории участников. Если при создании ЕЭС малые страны (Бельгия, Нидерланды и Люксембург) представляли собой политически сплоченную группу с более высоким, чем у тяжеловесов уровнем благосостояния, то теперь это далеко не так.

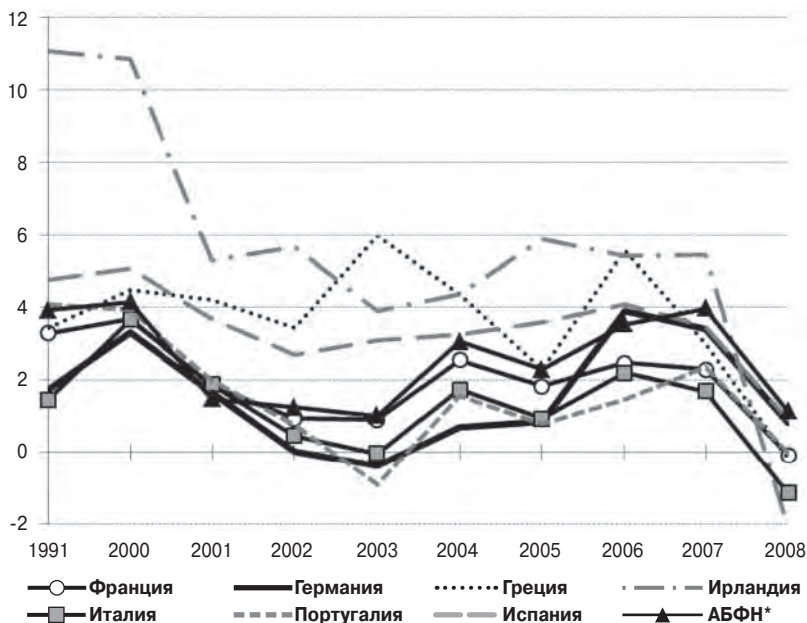
В рамках еврозоны неоднородность ее участников выглядит еще более рельефно, чем в Евросоюзе в целом. Три крупные страны — Германия, Франция и Италия — являются странами-основателями объединения. Их политический вес обусловлен не только численностью населения и высоким уровнем социально-экономического развития, но и 60-летним опытом активного участия в управлении интеграционными процессами.

Еще шесть стран — Бенилюкс, Ирландия, Австрия и Финляндия принадлежат к наиболее состоятельным членам ЕС. При этом все они, за исключением Ирландии, применяют механизмы макроэкономического регулирования, в той или иной степени ориентированные на немецкую модель. Греция, Португалия, Кипр, Мальта, Словения, Словакия и Эстония — страны гораздо менее богатые, со значительными и неодинаковыми структурными проблемами. Их возможность выступать с единых позиций в диалоге с Германией и Францией крайне ограничена. Незванная пока Испания по численности населения тяготеет к группе крупных стран, но по состоянию экономики она, конечно, ближе к своим средиземноморским соседям.

Место и роль Германии в процессах конвергенции

Важной особенностью докризисного развития еврозоны явилось неудовлетворительное состояние ее самой крупной экономики — немецкой. На протяжении шести лет — с 1999 по 2005 г. — Германия показывала едва ли не самые низкие темпы роста (рисунок 9.2), за что ее справедливо называли «больным человеком Европы» (*англ.* — the sick man of Europe). В 2004 г. большинство стран еврозоны (Франция, Италия, Испания, Нидерланды, Австрия, Бельгия, Финляндия, Ирландия) вступили в фазу оживления. Однако Германия показала значимый прирост ВВП только в 2006 г.

На протяжении 1999–2007 гг. темпы роста экономики Ирландии, Греции и Испании были значительно выше, чем в Германии, во Франции, в Италии и Нидерландах. Более того, в 2002–2005 гг. экономика Греции находилась в противофазе к экономике Германии. Одной

*АБФН – Австрия, Бельгия, Финляндия, Нидерланды.

Источник: IMF World Economic Outlook Database. October 2012.

Рисунок 9.2. Прирост ВВП в некоторых странах ЕС в 1999–2008 гг., в %

из причин, усугубившей течение кризиса в зоне евро, была реформа Пакта стабильности и роста, принятого в декабре 1997 г. по инициативе Германии. Однако ввиду больших расходов на объединение она вскоре сама оказалась в числе нарушителей. Летом 2003 г. немецкое правительство объявило о досрочном снижении налогов, хотя по итогам предыдущего года страна явно выходила за 3%-ный норматив по дефициту госбюджета. Решение правительства было продиктовано стремлением активизировать экономический рост и остановить угрожающий рост безработицы. В ответ Комиссия пригрозила санкциями.

Между тем собравшийся 25 ноября 2003 г. Совет Экофин большинством голосов («за» были только представители Испании, Австрии, Нидерландов и Финляндии) отверг рекомендацию Комиссии начать процедуру наложения санкций на Францию и Германию, предусмотренную Пактом стабильности и роста. Министры отложили ее действие на неопределенный срок, а виновным странам рекомендовали ежегодно снижать дефицит на 0,5–0,8 процентных пункта. Отвечавший за финансовые вопросы член Комиссии Педро Сольбес назвал решение «не уважающим дух и правила Пакта стабильности». Совет

управляющих Европейского центрального банка (ЕЦБ) заявил, что он «глубоко разочарован происходящим и разделяет точку зрения Комиссии на принятое Советом решение».

Канцлер Германии Герхард Шрёдер, выступая 26 ноября 2003 г. на заседании бундестага, решительно поддержал позицию Совета⁷. Он призвал к гибкой интерпретации Пакта и добавил, что его страна будет проводить жесткую линию в переговорах о будущем бюджете ЕС. По его логике, страна, которую принуждали сокращать бюджетный дефицит, не имела права увеличивать взносы в бюджет Сообщества. Иными словами, Германия использовала свое положение главного вкладчика в бюджет ЕС для давления на партнеров.

28 января 2004 г. Комиссия подала жалобу в Европейский суд первой инстанции на действия Совета. Однако этот шаг не дал желаемого эффекта: кампания в пользу смягчения пакта уже шла полным ходом. Летом министерство финансов Германии стало пропагандировать необходимость «соразмерного смешивания» краткосрочной конъюнктурной стабилизации, среднесрочной бюджетной консолидации и структурных реформ⁸. Весной 2005 г. Пакт официально реформировали: были смягчены правила определения сверхнормативного дефицита и удлинены сроки его исправления, а также расширен перечень исключительных обстоятельств, позволявших иметь дефицит свыше 3% ВВП. Как следствие, Пакт перестал быть инструментом поддержания бюджетной дисциплины.

Данные рисунка 9.2 показывают, что в 2003 г., когда Германия настояла на реформе Пакта, ее годовой ВВП сократился почти на 0,4%. Худший показатель имела только Португалия. В Италии прирост ВВП оказался нулевым, во Франции приблизился к 1%. При этом прирост ВВП в Испании составил 3%, в Ирландии — почти 4%, а в Греции — целых 6%. То есть реформа Пакта была нужна, в первую очередь, Германии и в несколько меньшей степени — Италии и Франции.

Известный польский экономист и политик, организатор рыночных реформ Лешек Бальцерович так комментировал эту ситуацию: «Следует ввести структурные ограничения, лимитирующие размер государственного долга к ВВП и прочие фискальные правила. Однако для того чтобы ввести их и поддерживать их исполнение, необходимо было привлекать соответствующие слои населения. Подобное мероприятие особенно важно для крупных стран Евросоюза, так как они менее восприимчивы к давлению со сторо-

⁷ Agence Europe, Bulletin Quotidien. 26.05.2005. No 8594. P. 12.

⁸ Финансовая политика стран ЕС / Под ред. В.П. Гутника. М.: Наука, 2004. С. 250–251.

ны Европейского сообщества, чем маленькие государства. Кроме того, они в основном и иницируют это давление. Европейские политики не должны скрывать “настоящий” курс ЕС. Печальным примером фактического отказа от принятия такого курса была ситуация, связанная с отношением Германии и Франции к Пакту стабильности и роста в 2005 г.»⁹.

Хорошо известно, что в основу денежно-кредитной политики ЕЦБ была положена практика Бундесбанка. Именно от него ЕЦБ заимствовал свою главную цель — поддержание ценовой стабильности, а также принцип независимости и многие инструменты (в частности, регулирование инфляции при помощи управления денежным агрегатом М3). Как писал известный экономист и знаток немецкой экономики В.П. Гутник, Бундесбанк, будучи независимым от парламента и правительства, более 40 лет проводил умеренно жесткую политику, направленную на поддержание покупательной способности марки. Данный курс он считал неременным условием экономического роста, занятости и социального мира. Правительство практически не вмешивалось в деятельность центрального банка, руководство которого лишь в особых случаях согласовывало свои действия с министром финансов или канцлером¹⁰.

Однако успех послевоенной немецкой марки — только половина правды. Вторая ее половина заключалась в провале валютного союза, созданного при объединении двух немецких государств. Известный российский германист В.Б. Белов констатирует: «Изначально была сделана политическая ошибка, состоявшая в решении обменять в рамках Валютного союза ФРГ и ГДР восточногерманские марки на западные по курсу один к одному, что означало ревальвацию валюты Восточной Германии почти на 400%. Предприятия на восточногерманской территории лишились объективных стоимостных ориентиров в своей деятельности. Существенно снизился уровень их конкурентоспособности и соответственно возросла безработица». И далее: «Принципиальной ошибкой стало решение о “слепом” переносе на Восточную Германию в период ее хозяйственной трансформации западногерманского институционального инструментария не только на рынок труда, но и на товарные рынки, налоговую систему, систему высшего образования и т.д. Итогом такого решения стала неспособность новых федеральных земель эффективно приспособиться к рыночным вызовам

⁹ Бальцеревич Л. Предотвращая кризис в еврозоне // Мир перемен. 2012. № 4. С. 63.

¹⁰ Гутник В.П. Политика хозяйственного порядка в Германии. М.: Экономика, 2002. С. 153.

и достичь необходимого уровня конкурентоспособности...». Из всех средств, вложенных в бывшую ГДР, производительные капиталовложения составили только четверть, основная же часть средств была поглощена потребительской сферой, прежде всего системой социального обеспечения¹¹.

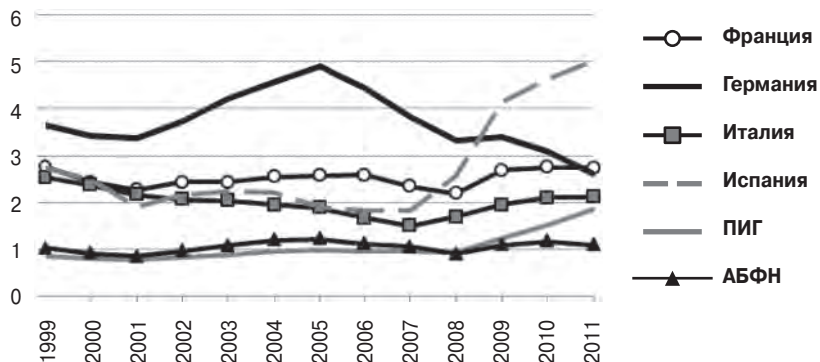
Это позволяет предположить, что в докризисный период экономика Германии находилась в состоянии асимметричного шока по отношению к остальным участникам валютного союза. Согласно теории оптимальной валютной зоны, разработанной в 60-е годы XX в. Р. Манделлом, Р. Маккинном и П. Кененом, введение единой валюты желательно, если потеря гибкости обменного курса не увеличивает издержки приспособления страны к неблагоприятным внешним или внутренним воздействиям — шокам. При этом принципиальное значение имеет возможность асимметричных шоков, т.е. воздействий, которые по-разному влияют на экономику стран-участниц валютной зоны¹². Симметричный шок менее опасен, поскольку он приводит к примерно одинаковым негативным последствиям, на что Единый центральный банк может отреагировать соответствующим снижением процентной ставки. В случае асимметричного шока ставка останется прежней, а подвергнувшаяся шоку страна не получит необходимой поддержки — ни со стороны денежных властей, ни со стороны единого казначейства (по причине его отсутствия).

Здесь следует сделать принципиальное замечание. Рассматривая вопрос асимметричного шока, теория оптимальной валютной зоны подразумевает, что его объектом является страна, равная или уступающая другим по своему экономическому весу. Сама возможность асимметричного шока в главной стране, оказывающей решающее влияние на экономические показатели и политику всего союза, никогда не рассматривалась, равно как и его вероятные последствия для всей зоны.

Дополнительный аргумент в пользу предположения об асимметричном шоке в Германии дает динамика безработицы (см. рисунок 9.3). С 2001 по 2005 г. численность безработных в Германии выросла на 46%, или на 1540 тыс. человек. Зато на протяжении 2006–2011 гг. она сократилась почти вдвое — на 2300 человек, в том числе на 770 тыс. за 2009–2011 гг. Ничего подобного ни в одной другой стране еврозоны

¹¹ Белов В.Б. Экономическое объединение ФРГ и ГДР // Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009. С. 80–81.

¹² Mundell R. Optimum Currency Areas // *American Economic Review*. 1961. Vol. 53. P. 717–725; McKinnon R. Optimum Currency Areas // *Ibidem*; Kenen P. The theory of Optimum Currency Areas: an Eclectic View // *Monetary Problems of the International Economy* / Ed. by R. Mundell, A. Swoboda. Chicago: University of Chicago Press, 1969.

Условные обозначения: ПИГ – Португалия, Испания, Греция, АБФН – Австрия, Бельгия, Финляндия, Нидерланды.

Источник: IMF, World Economic Outlook Database. October 2012.

Рисунок 9.3. Численность безработных в странах – членах ЕС в 1999–2011 гг.

не происходило. За годы кризиса в одной только Испании количество безработных увеличилось на три с лишним миллиона человек и еще почти на миллион в Греции, Ирландии и Португалии, вместе взятых.

Общее и особенное в практике денежно-кредитной политики

Еще до появления единой европейской валюты одним из ее рисков считалось то, что общий центральный банк будет проводить «средне-статистическую» денежно-кредитную политику, ориентированную на усредненные показатели еврозоны. При этом она может оказаться неподходящей для тех или иных участников, особенно в условиях асимметричного шока. Здесь мы хотим привлечь внимание к двум новым для научной дискуссии моментам.

Первый состоит в том, что заимствованная из практики Бундесбанка модель денежно-кредитной политики ЕЦБ качественно отличалась от некоторых национальных моделей. И хотя преимущества продолжительной стабильности цен и курса национальной валюты были неоспоримы для Германии, это не отменяет вопроса о том, насколько эффективен с экономической точки зрения отказ от национальных

моделей. К этому следует добавить, что любая страна, поставившая цель перейти на евро, должна в течение как минимум двух лет привязывать к нему курс национальной валюты в интервале $\pm 15\%$, участвуя в обновленном механизме обменных курсов (МОК-2). Это означает, что у центрального банка страны-претендента возникает конфликт интересов относительно приоритетов денежно-кредитной политики, который в условиях свободного движения капиталов может принимать весьма острые формы (проблема так называемой «невозможной триады» — *impossible trinity*).

Пока существовала Европейская валютная система (ЕВС), многие ее участники должны были направлять большие усилия на поддержание курсов своих валют по отношению к ЭКЮ, а фактически — к марке ФРГ. Параллельно им приходилось следить за инфляцией. Бундесбанк от такой раздвоенности был избавлен, т.е. он автоматически получал выгоды от доминирующего положения в системе.

Рассмотрим транзит от национальных моделей к общеевропейской на примере Банка Греции. В начале 90-х годов XX в. в круг его официально декларируемых задач входили: содействие достижению целей экономической политики, содействие росту производства, сдерживание инфляции, поддержание платежного баланса, либерализация банковской системы, развитие денежных рынков и рынков капитала. В связи с гармонизацией греческого законодательства с положениями Маастрихтского договора с декабря 1997 г. главной целью Банка Греции является обеспечение ценовой стабильности. Поддержка общей экономической политики правительства стала возможной только при условии, что она не противоречит первой цели¹³. В мае 1998 г. Греция присоединилась к МОК-2 с тем, чтобы иметь возможность ввести наличные евро одновременно с другими государствами, переходившими на единую валюту с 1 января 1999 г. Таким образом, ее денежно-кредитная политика испытала на себе двойное давление. С одной стороны, произошла перефокусировка основной цели, а с другой — появилась дополнительная цель — поддержание обменного курса.

До перехода на единую валюту денежно-кредитная система Греции имела свои, весьма существенные национальные особенности. *Во-первых*, для нее были характерны высокие и чрезвычайно волатильные темпы прироста денежной массы (агрегат М3). В одни периоды прирост денежной массы доходил до 15–20% в год, а в другие снижался до

¹³ Voridis H., Angelopoulou E., Skotida I. Monetary policy in Greece 1990–2000 through the publications of the Bank of Greece // Bank of Greece Economic Bulletin. January 2003. No 20. P. 11–12.

5–7% в год. Для борьбы с нестабильностью денежного предложения Банк Греции постоянно использовал такой инструмент, как ограничение кредитной экспансии. Причем в начале десятилетия он варьировал устанавливаемые лимиты в зависимости от сектора экономики. Так, в 1990 г. целевой ориентир для национальных кредитов равнялся 16,0–17,5%, для частного сектора был установлен порог 15–16%, а для государственного — 17,5–18,5%.

Данные таблицы 9.1 позволяют обнаружить еще один проциклический фактор — дерегулирование национальной денежной сферы. Согласно данным Банка Греции в 2002–2007 гг. объем кредитов, выданных банками-резидентами предприятиям и населению, ежегодно прирастал на 17–20%. То есть скорость кредитной экспансии была в 2–4 раза выше по сравнению с нормативами Банка Греции второй половины 90-х годов XX в. Особенно впечатляющими были темпы роста кредитования домохозяйств — порядка 30% в год. Вследствие кризиса этот прирост остановился и даже приобрел отрицательное значение.

Таблица 9.1

Цепные индексы объема кредитов, выданных финансовыми учреждениями-резидентами Греции нефинансовым учреждениям и домохозяйствам в 2002 – 2012 гг. (на конец года)

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Всего, в том числе:	110	106	112	122	114	114	114	105	107	96	83
Госсектор	99	82	93	125	95	90	101	138	124	94	48
Частный сектор, в том числе:	117	119	119	121	120	120	116	100	103	96	92
Предприятия	110	114	112	113	116	119	119	98	95	97	89
Население	132	128	130	131	125	121	113	102	99	96	94

Источник: Подсчитано по данным Банка Греции: <http://www.bankofgreece.gr/Pages/en/Statistics/monetary/financing.aspx>

Во-вторых, до введения евро для Греции были характерны высокие темпы инфляции и соответственно высокие и весьма волатильные процентные ставки, как номинальные, так и реальные. В 1991 г. межбанковская ставка по кредитам овернайт колебалась в диапазоне от 7 до 30% годовых, в 1992 г. — в диапазоне от 10 до 42% годовых, а в 1993 г. ее средняя величина составляла 20–25% годовых. С 1994 г. амплитуда

колебаний сжалась до 3–5 процентных пунктов. Одновременно началось постепенное снижение уровня ставки: с 20% в первом квартале 1994 г. до 13% в четвертом квартале 1996 г.¹⁴

Банк Греции снижал ключевые ставки на протяжении всей второй половины 90-х годов XX в. Если в июле 1995 г. кредитная ставка под залог греческих государственных обязательств (аналогичная ставке рефинансирования ЕЦБ) составляла 23% годовых, то в январе 1999 г. она опустилась до 13,5% годовых. В последующие два года она снизилась до рекордного для страны уровня — 5,75% годовых.

Десятилетие, предшествовавшее вступлению Греции в зону евро, было отмечено устойчивой нисходящей динамикой индекса потребительских цен. В конце 2000 г. он составлял 4%, по сравнению с 24% в конце 1990 г. Тем не менее и это чрезвычайно важно для нашего исследования, реальный процент (подсчитанный как средний месячный за вычетом индекса потребительских цен) по краткосрочным банковским займам в драмах для предприятий не снижался до 1999 г. В период с 1990 по 1994 г. он вырос примерно с 6 до 16%, а потом колебался в интервале 12–14% годовых¹⁵. Вступление Греции в валютный союз позволило национальным предприятиям брать кредиты под гораздо более низкий реальный процент не только у местных банков, но у банков других государств еврозоны. То есть переход на евро сопровождался не только отменой количественных ограничений на объем выданных кредитов, но и кардинальным изменением цены денег. Распространение общей для еврозоны (читай — немецкой) модели денежно-кредитной политики означало демонтаж инструментов, позволявших корректировать проблемы, возникавшие в относительно слабой экономике с неустойчивой денежно-кредитной сферой и повышенной инфляцией.

Ценовая динамика и гравитационный эффект

Вернемся к отправной точке нашего изучения греческого опыта — моменту, когда страна изменила набор целей денежно-кредитной политики, сделав главным приоритетом поддержание ценовой стабильности. Известно, что одной из причин нынешней тяжелой экономической ситуации в стране является происходившая в 2000-е гг. потеря ценовой конкурентоспособности греческих товаров и услуг. С 1999

¹⁴ Voridis H., Angelopoulou E., Skotida I. Op. cit. P. 20.

¹⁵ Ibid. С. 27–28.

по 2009 г. в Германии потребительские цены в общей сложности поднялись на 18%, а в Греции — на 40%. Таким образом, на практике денежно-кредитная политика ЕЦБ не стала инструментом сдерживания цен в Греции и других слабых странах. Положение осложнялось еще и тем, что, несмотря на существование маастрихтского критерия по инфляции, к нему не прилагалось институционального инструмента, который должен был обеспечить соблюдение критерия по дефициту госбюджета (имеется в виду Пакт стабильности и роста).

Резонно задаться вопросом о том, насколько главный банк зоны евро руководствовался в своей денежно-кредитной политике ценовой динамикой в разных частях зоны. Для этого сначала надо сделать несколько уточнений, касающихся расчета гармонизированного индекса потребительских цен зоны евро — ГИПЦ. По методологии Евростата, он рассчитывается как средневзвешенное национальных индексов всех стран еврозоны. Для определения долей берется стоимость потребительских расходов домашних хозяйств в каждой из стран, поделенная на стоимость данных расходов во всей еврозоне. Веса обновляются ежегодно на основе данных национальных счетов. При расчете национальных индексов используется корзина, определяемая на основе фактических расходов домохозяйств. Например, расходы на бензин включаются в статистику домохозяйств, имеющих автомобили, а расходы на автобусные билеты — для домохозяйств, реально пользующихся общественным транспортом.

Из сказанного вытекает, что ГИПЦ отражает гораздо больший вклад стран с большим ВВП, чем стран с малым ВВП. То же касается богатых стран с высоким уровнем цен и относительно бедных стран с более низкими ценами. Поэтому есть основания ожидать, что общий ценовой индекс отклоняется в сторону крупнейших стран — Германии, Франции и Италии, на которые приходится 64% ВВП еврозоны.

Дальше все зависит от разброса показателей инфляции этих стран. Если они оказываются в верхней, нижней и средней части распределения, то политика ЕЦБ будет, скорее всего, ориентироваться на медиану. Это даст возможность остальным, более мелким странам еврозоны получать от ЕЦБ процентную ставку, более или менее адекватную их ценовой динамике. Тогда у стран, отклоняющихся от среднего значения, возникнет стимул подтянуть свои показатели инфляции к этому среднему значению. В случае если показатели крупных стран лягут кучно в одну из областей общего распределения, условия для конвергенции остальных существенно ухудшатся.

Данные таблицы 9.2 показывают, что на протяжении 12 лет, с 2001 по 2012 г., индекс потребительских цен Франции почти всегда (кро-

Таблица 9.2

Показатели инфляции в странах еврозоны в 2001–2012 гг., в %

	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	Число лет в интервале ± 0,5 пп от ГИПЦ
ГИПЦ – 17 стран	2,4	2,3	2,1	2,2	2,2	2,2	2,1	3,3	0,3	1,6	2,7	2,5	12
Сред. арифм. – 17	3,4	3,0	3,0	2,6	2,3	2,5	2,2	3,7	0,4	1,7	2,9	2,7	–
Сред. арифм. ГИФ	2,0	2,0	2,0	2,1	2,0	2,0	2,0	3,2	0,4	1,5	2,6	2,5	–
Австрия	2,3	1,7	1,3	2	2,1	1,7	2,2	3,2	0,4	1,7	3,6	2,6	9
Бельгия	2,4	1,6	1,5	1,9	2,5	2,3	1,8	4,5	0	2,3	3,4	2,6	7
Германия	1,9	1,4	1	1,8	1,9	1,8	2,3	2,8	0,2	1,2	2,5	2,1	10
Греция	3,7	3,9	3,4	3	3,5	3,3	3	4,2	1,3	4,7	3,1	1	1
Ирландия	4	4,7	4	2,3	2,2	2,7	2,9	3,1	-1,7	-1,6	1,2	1,9	4
Испания	2,8	3,6	3,1	3,1	3,4	3,6	2,8	4,1	-0,2	2	3,1	2,4	4
Италия	2,3	2,6	2,8	2,3	2,2	2,2	2	3,5	0,8	1,6	2,9	3,3	10
Кипр	2	2,8	4	1,9	2	2,2	2,2	4,4	0,2	2,6	3,5	3,1	7
Люксембург	2,4	2,1	2,5	3,2	3,8	3	2,7	4,1	0	2,8	3,7	2,9	5
Мальта	2,5	2,6	1,9	2,7	2,5	2,6	0,7	4,7	1,8	2	2,5	3,2	8
Нидерланды	5,1	3,9	2,2	1,4	1,5	1,7	1,6	2,2	1	0,9	2,5	2,8	5
Португалия	4,4	3,7	3,3	2,5	2,1	3	2,4	2,7	-0,9	1,4	3,6	2,8	5
Словакия	7,2	3,5	8,4	7,5	2,8	4,3	1,9	3,9	0,9	0,7	4,1	3,7	1
Словения	8,6	7,5	5,7	3,7	2,5	2,5	3,8	5,5	0,9	2,1	2,1	2,8	4
Финляндия	2,7	2	1,3	0,1	0,8	1,3	1,6	3,9	1,6	1,7	3,3	3,2	4
Франция	1,8	1,9	2,2	2,3	1,9	1,9	1,6	3,2	0,1	1,7	2,3	2,2	11

Условные обозначения: без выделения оставлены ячейки, показатели которых находились в интервале $\pm 0,5$ процентных пункта от усреднённого показателя еврозоны. Светло-серым цветом обозначены ячейки, показатели которых более чем на 0,5 процентных пункта выше показателя еврозоны. Тёмно-серым цветом обозначены ячейки, показатели которых были более чем на 0,5 процентных пункта ниже показателя еврозоны. ГИФ – Германия, Италия, Франция.

Источник: Электронная база данных Евростат.

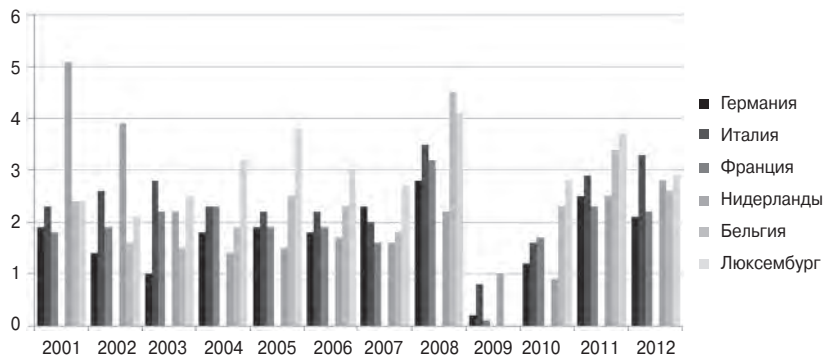
ме 2001 г.) находился в диапазоне $\pm 0,5$ процентных пункта от ГИПЦ еврозоны. Для Германии и Италии такая же картина наблюдалась на протяжении 10 из 12 лет. Австрия попадала в указанный интервал 9 лет, Мальта — 8, а Кипр — 7 лет. Все остальные страны оказывались в нем менее чем в половине случаев. Греция и Словакия выпадали из этой полосы 11 лет из 12. На протяжении десяти лет уровень инфляции в Греции был более чем на 0,5 процентных пункта выше, чем ГИПЦ, а в 2012 г. он стал, наоборот, ниже.

Еще одно наблюдение: по приведенным данным видно, что Португалия, Нидерланды, Финляндия и Ирландия не попадали в указанный коридор из-за более порывистой, неровной динамики инфляции. Их индексы потребительских цен оказывались то выше, то ниже ГИПЦ.

Обратившись ко второй и третьей строкам таблицы 9.2, мы видим, что среднее арифметическое ИПЦ по всем странам зоны евро заметно отклонялось от ГИПЦ. В среднем отклонения составляли около 0,4 процентных пункта, а иногда доходили до 0,7–1,0 процентных пункта. В то же время среднее арифметическое трех «тяжеловесов» — Германии, Италии и Франции — совпадало с ГИПЦ или было весьма близко к нему. Отклонения обычно не превышали 0,1–0,2 процентных пункта.

Из этого следует два вывода. Первый — о том, что ГИПЦ еврозоны действительно задается тремя крупнейшими странами, а ценовая динамика остальных участников зоны евро оказывает на него весьма умеренное влияние. Второй — о том, что на протяжении 2001–2008 гг. цены в трех крупнейших странах росли заметно медленнее, чем в остальных государствах валютного союза. Показатели «тяжеловесов» постоянно находились в нижней части распределения, и именно на них ориентировалась денежно-кредитная политика ЕЦБ.

Чтобы понять, каковы условия для конвергенции инфляционных показателей в еврозоне, полезно выяснить, насколько кучно ложатся индексы потребительских цен трех крупнейших стран, т.е. насколько высок уровень конвергенции ценовой динамики внутри основной группы. Среднее стандартное отклонение, или среднеквадратичное в российской терминологии, ИПЦ Германии, Франции и Италии в интервале 2001–2012 гг. составляет 0,40, а для 17 стран еврозоны оно равно 1,11 (расчет сделан на основе данных таблицы 9.2). Понятно, что сравнивать показатели трех и семнадцати стран некорректно: во втором случае разброс должен быть шире. Для более корректного сравнения используем данные трех стран, чьи экономики традиционно тесно связаны между собой — Бельгии, Нидерландов и Люксембурга. Их показатели цен приведены на рисунке 9.4 вместе с аналогичными показателями Германии, Франции и Италии.

Источник: Электронная база данных Евростат.

Рисунок 9.4. Индексы потребительских цен в некоторых странах еврозоны в 2001 – 2012 гг., в %

С первого взгляда видно, что индексы инфляции трех крупнейших стран (темно-серые столбцы) ложатся более кучно, чем индексы инфляции стран Бенилюкс (светло-серые столбцы). Разброс данных во второй группе был явно выше, чем в первой в 2001–2002, 2005–2006, 2008, 2010–2011 гг. Это наблюдение подтверждается расчетами: средняя величина стандартного отклонения ИПЦ по странам Бенилюкс составила за исследуемый период 0,85, по сравнению с 0,40 для Германии, Франции и Италии. Таким образом, мы обнаруживаем еще одну особенность ценовой динамики в еврозоне — высокую степень синхронности и конвергенции показателей трех крупнейших стран.

Отсюда вытекает довольно рискованный в политическом плане вывод. Успехи ЕЦБ в поддержании ценовой стабильности в зоне евро в предкризисные годы были в основном достигнуты за счет низкой ценовой динамики в странах-тяжеловесах. Повышенная инфляция в значительной части остальных государств валютного союза ограничено влияла на общий показатель ГИПЦ и потому могла лишь отчасти приниматься во внимание ЕЦБ при проведении им денежно-кредитной политики, нацеленной, как декларируется, на поддержание ценовой стабильности в еврозоне. Тот факт, что Германия, Франция и Италия имеют высокую степень конвергенции ценовых показателей, существенно меняет условия и саму концепцию конвергенции. На практике получается, что *не все страны Экономического и валютного союза (ЭВС) приводят свои показатели к некоему среднему значению, а средние и малые государства приближают национальные показатели к показателям трех крупнейших игроков.*

Фактически они стоят перед выбором: добиться ценовой динамики, схожей с динамикой тяжеловесов, чтобы денежно-кредитная политика ЕЦБ была адекватна их экономической ситуации, или не добиваться такого схождения, принимая как неизбежное «поштую по чужой мерке» денежно-кредитную политику. То есть издержки адаптации почти целиком ложатся на малых участников — ситуация весьма похожая на ту, которая сложилась в мировой валютно-финансовой системе ввиду доминирующего положения американского доллара. Напомним, что именно недовольство ею европейских стран было одним из мощных стимулов к созданию ЭВС. Теперь мы видим, что иерархическая конструкция может начать воссоздаваться внутри еврозоны.

На этом фоне остается открытым весьма важный вопрос о том, насколько ЕЦБ способен выполнять свою главную цель в отношении стран, не входящих в большую тройку. Если его процентная ставка является инструментом регулирования инфляционных процессов в больших странах, но оставляет без должного внимания данные процессы в остальных, то таким образом создаются условия для существования проциклического фактора в виде разницы цен при низкой цене заимствования ликвидных средств. И это притом, что национальные центральные банки стран еврозоны, переходя на единую валюту, были вынуждены отказаться от тех инструментов регулирования, которые традиционно помогали им держать на плаву национальную финансовую систему со всеми ее особенностями и недостатками. Сделанный вывод согласуется с заключениями известного французского экономиста Жака Сапира о том, что при создании ЭВС не было уделено достаточного внимания национальной специфике входящих стран. Функционирование евро, пишет он, только ухудшает динамику реальных показателей некоторых стран. «Индивидуальность социально-экономических систем как продукт национальной истории является существенным фактором любого подхода к денежной политике. На самом деле различные экономики должны иметь такой уровень инфляции, который соответствует их производственным, финансовым и социальным структурам»¹⁶.

* * *

Расширение Европейского Союза привело к существенному размыванию социально-экономической однородности государств-членов и к усилению их неоднородности в зависимости от размера стран.

¹⁶ Сапир Ж. Кризис зоны евро и перспективы евро // Проблемы прогнозирования. 2011. № 3. С. 15.

В настоящее время можно говорить о четырех группах внутри ЕС: экономически развитых тяжеловесов, богатых малых и средних, относительно благополучных малых и сравнительно бедных малых и средних стран. Вероятность того, что их уровни экономического развития и доходов на душу населения будут в ближайшие годы сближаться, крайне невелика, тем более после кризиса 2008–2011 гг.

Все это меняет парадигму и условия провозглашенной Евросоюзом политики конвергенции. Анализ истории и практики экономической политики внутри еврозоны показывает, что процесс конвергенции на практике трансформируется или рискует трансформироваться в гравитационное тяготение. Этому содействуют: политическое давление крупнейших игроков на своих партнеров (реформа Пакта стабильности и роста); распространение немецкой модели денежно-кредитной политики на всю еврозону; фактическая ориентация ЕЦБ на инфляционные показатели трех крупнейших стран. На данном фоне национальные модели макроэкономического управления, соответствующие структурным особенностям отдельных стран, их истории и традициям, теряют значение, создавая условия для усиления проциклических тенденций. Объединение Германии и медленный рост немецкой экономики в докризисный период дает основания предположить, что кризис внутри зоны евро был усилен ассиметричным шоком сильнейшего участника. Для подтверждения или опровержения данного тезиса требуются дальнейшие исследования.

Одним из проциклических факторов, существенно усугубивших течение кризиса в слабых странах еврозоны, было нарастание объемов кредитования местных физических и юридических лиц ввиду снижения процентных ставок и ликвидации валютного риска после введения евро¹⁷.

¹⁷ Подробнее о проциклических факторах кризиса см.: *Буторина О.* Причины и последствия кризиса в зоне евро // Вопросы экономики. 2012. № 12. С. 98–115.

Глава 10

УРОКИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Возможно, самый важный урок, который следует извлечь из опыта европейской интеграции, состоит в подтверждении библейской премудрости: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом»¹. Чем дальше мы отдаляемся от рубежа, разделяющего минувшее и нынешнее столетия, тем больше у нас оснований утверждать, что это также рубеж между двумя эпохами в истории европейской интеграции. Завершилась эпоха триединого Европейского Сообщества (ЕОУС–ЕЭС–Евратом); началась эпоха Европейского Союза XXI в. (ЕС–XXI). Та эпоха длилась более 50 лет — с 1951 по 2004 г.; нынешняя началась в том же 2004 г. и закончится неизвестно когда и неизвестно как.

Между тем Сообществом / Союзом и нынешним ЕС–XXI есть много различий, речь о которых пойдет ниже. Но первым, что бросается в глаза, является контраст в динамике интеграционных процессов. Устойчивое поступательное движение вперед — тогда; почти стагнация интеграционных процессов и перманентное кризисное состояние Евросоюза — теперь. Правда, в 1973–1979 г. Сообщество оказалось в депрессии, которая была вызвана внешними причинами — кризисом доллара и основанной на нем Бреттон-Вудской валютной системы, а также взрывным ростом цен на нефть. Однако возникшую опасность его распада удалось преодолеть и возобновить динамику интеграции. Основными стадиями ее развития «вглубь» стали таможенный союз, единый внутренний рынок, переход к строительству экономического и валютного союза. Параллельно интеграция развертывалась «вширь»: с «шестерки» государств-основателей до 15 участников к концу прошлого века.

Кульминацией этого процесса стали четыре события. В 1999 г. был учрежден Экономический и валютный союз (ЭВС) с единой валютой —

¹ Книга Екклесиаста. Гл. 3,1.

евро; в него вошли 12 из 15 государств — членов ЕС. В 2002 г. евро поступил в наличный оборот и стал всеобщим платежным средством. В 2003 г. был подписан договор о вступлении в ЕС 10 государств, из которых восемь представляли регион Центрально-Восточной Европы; официально они стали членами ЕС с 1 мая 2004 г. Наконец, в октябре того же года на саммите государств — членов ЕС был подписан Договор о Конституции для Европы, который должен был стать единственным политико-юридическим документом, регулирующим отношения в ЕС, его деятельность, и фактически продвинуть его к созданию федерации, хотя само это понятие в Договоре не упоминалось.

Последовавший летом 2005 г. провал договора на референдумах во Франции и в Нидерландах, двух государствах — основателях ЕС, стал шоком. С той поры Евросоюз переходит из кризиса в кризис: сначала институциональный, потом финансово-экономический, за ним, без паузы, кризис государственной задолженности и дестабилизация еврозоны. Когда и чем он завершится, никто пока не знает. Фактически ЕС пребывает в перманентном кризисном состоянии, и в завязавшихся дебатах о путях выхода из него то и дело звучит вопрос: есть ли у Евросоюза будущее, и, как заявил недавно один из самых выдающихся европейцев Жак Делор, не оказался ли под угрозой самый важный выбор, сделанный Европой 60 лет назад?²

Этот кризис привел в смущение умы политиков и ученых, поставив под сомнение сделанные ранее выводы о беспрецедентных итогах полувекового развития европейской интеграции. В 1958 г. немецко-американский политолог Эрнст Хаас опубликовал первое фундаментальное исследование семилетнего опыта Европейского сообщества угля и стали. На основе конкретного анализа этого опыта он разработал неофункционалистскую концепцию региональной интеграции, сохраняющую методологическую ценность по сей день³. С тех пор строительству «единой Европы» были посвящены сотни конференций и симпозиумов, тысячи книг и статей. Естественно, главное внимание уделялось факторам успеха, позитивному опыту европейской интеграции и возможностям его использования другими странами и их объединениями.

Теперь над Монбланом исследований и обобщений возник большой вопросительный знак. Что подтвердилось и что оказалось ошибочным в понимании процессов европейской интеграции? Насколько и в чем

² Bulletin Quotidien Europe. 30.11.2011. No 10505.

³ Haas E.B. The Uniting of Europe. Political, Social and Economical Forces, 1950–1957. Stanford, CA.: Stanford University Press, 1958.

именно она необратима? Почему факторы ее успеха, действовавшие в прошлом, не действуют теперь и смогут ли возобновить свое действие в будущем? В какой мере нынешнее состояние Евросоюза является следствием ошибочных решений политиков, и в какой — следствием изменения внутренних и внешних условий, в которых он функционирует?

Слагаемые успеха Европейского сообщества

Время — отличный ревизор. Оно выявляет и подсказывает нам то, что мы не заметили или недооценили из того, что когда-то произошло на наших глазах. Только теперь, сравнивая ушедшую и пришедшую эпохи, в полной мере понимаешь, насколько уникальным было сцепление объективных и субъективных импульсов, давших жизнь проекту «единой Европы».

Проект возник на переходе от только что отбушевавшей «горячей войны» к начавшейся холодной войне между двумя сверхдержавами. Позади остался катастрофический опыт Европы, сотворенный ею самой в первой половине XX столетия. Вся восточная и почти вся центральная ее части оказались за «железным занавесом». Перед странами Западной Европы маячила перспектива стать объектом соперничества и потенциальным театром военных действий между США и СССР. На кону стояла судьба Европы как самостоятельного центра экономической и политической силы в мире, судьба самой европейской цивилизации. Короче говоря, предстояло ответить на гамлетовский вопрос: «Быть или не быть» Европе? Этим и был вызван взрыв европейского патриотизма в политических, интеллектуальных и даже деловых кругах этих стран. Припомнилось, что идея «единой Европы» была прописана в первых письменных источниках еще в XIV в. и что в числе ее пламенных адептов были французы и итальянцы, немцы и англичане, голландцы и чехи, имена которых вписаны в историю их отечеств и Европы. Снести в одночасье ментальные и психологические барьеры между недавними победителями и побежденными оказалось невозможно, но все же открывался путь к диалогу и поискам взаимопонимания.

Идея «единой Европы» вдохновляла, она стала как бы путеводной звездой, путь к которой, как известно, может быть неопределенно долгим. Но практический успех проекта зависел от того, сумеют ли его участники решить в достаточно короткий срок три императивных исторических задачи:

- покончить с националистическими распрями и войнами, в первую очередь, с франко-германским антагонизмом и превратить Западную Европу в зону устойчивого мира, безопасности и сотрудничества;
- укрепить и консолидировать европейские демократии, которым угрожал извне и изнутри уже не «призрак коммунизма», а реальность в виде Советского Союза и коммунистического движения в самой Западной Европе;
- модернизировать западноевропейскую экономику и восстановить ее позиции на мировых рынках, используя выгоды интернационализации хозяйственных связей и создания общего рынка в западноевропейском регионе.

Два достижения Сообщества являлись поистине революционными. Извечные враги, Франция и Германия (ФРГ), стали главной движущей силой интеграции, ее спаренным локомотивом. В 1963 г. они заключили первый в истории их взаимоотношений договор о дружбе и сотрудничестве. Позже это событие было увенчано символическим актом: недалеко от крепости Верден, у стен которой в Первую мировую войну полегло с обеих сторон более одного миллиона солдат и офицеров, появилось воинское кладбище, где были перезахоронены останки павших тогда немцев и французов. В те же десятилетия в большинстве стран Западной Европы проводились фундаментальные реформы, по сути, преобразовавшие старый европейский капитализм в новую общественную систему с регулируемой рыночной экономикой, договорными отношениями между капиталом и трудом в рамках социального партнерства, активной социальной политикой государства, приоритетом закона и прав личности. Эти реформы не были органической частью интеграционного проекта, но способствовали его осуществлению, укрепив внутреннюю стабильность в странах-участницах и их взаимное доверие.

Растянувшийся на четыре десятилетия процесс формирования единого внутреннего рынка в ЕС сыграл роль стимулятора модернизации экономики и ее роста. Сообщество уже в 1980-е гг. вышло на первое место по объему внешней торговли и догнало США по величине ВВП, хотя продолжало отставать в уровне производительности труда, качестве и темпах научно-технического прогресса.

Факторы успеха

В успехах западноевропейской интеграции существенную роль сыграл внешний фактор — содействие заокеанского союзника. США

предоставили Западной Европе огромную по тем временам безвозмездную помощь для восстановления ее экономики («план Маршалла»), гарантировали ее безопасность в условиях холодной и возможной «горячей» войны (НАТО и «ядерный щит») и поддержали ее интеграционные планы. Но решать свои внутренние проблемы Западная Европа должна была сама.

Решающим фактором успеха явилась, на мой взгляд, *во-первых*, готовность и способность политического класса и других элитных групп в нескольких странах, прежде всего, во Франции и в только что учрежденной Федеративной Республике Германии осуществить идею «единой Европы» и, *во-вторых*, практическая инициатива нескольких выдающихся личностей, сыгравших решающую роль в разработке новаторского проекта интеграции, сумевших привлечь на свою сторону многих влиятельных политиков и бизнесменов, а затем возглавить реализацию проекта. Автором идеи создания ЕОУС являлся французский политик и менеджер Жан Монне, а дорогу в жизнь проекту открыли министр иностранных Франции Робер Шуман и федеральный канцлер ФРГ Конрад Аденауэр.

Самым уникальным в опыте Европейского сообщества было то, что его участникам удалось выработать принципы и создать механизмы, посредством которых они обеспечивали равновесие между общими и сепаратными интересами, находили и реализовали компромиссные решения, позволявшие сделать очередной шаг на длинном и отнюдь не гладком пути интеграции. Причины жизнеспособности ЕС следует искать как в его философии, так и в политической практике.

Философия западноевропейской интеграции представляла собой, прежде всего, разрыв с идеологией и политикой национализма, определявшей климат международных отношений в Европе вплоть до середины прошлого века. Национализму была противопоставлена давняя идея единства европейской цивилизации.

К другим важным компонентам этой философии следует отнести:

- согласие в том, что интеграция может успешно развиваться лишь при условии добровольного и равноправного участия государств и что непременной предпосылкой такого развития является демократия;
- признание относительности национально-государственного суверенитета и необходимости добровольного делегирования части суверенных прав наднациональным органам, в том числе согласие с тем, что нормативные акты, принимаемые этими органами

в пределах их компетенции, имеют приоритет над национальным законодательством;

- констатация неизбежности и возрастающей роли хозяйственной взаимозависимости государств, убежденность в том, что открытая экономика и экономическая интеграция, в конечном счете, выгоднее, чем протекционизм и автаркия;
- осознание того, что противоречия и кризисы интеграционного процесса — это не только тормоз и не повод к разрыву; напротив, их следует рассматривать как сигналы к мобилизации интеллектуальных и социально-политических сил, выступающих за интеграцию, для преодоления возникших препятствий на основе взаимоприемлемых компромиссов и нестандартных решений.

Что касается стратегии интеграции и ее практического воплощения, то в основу была положена идея постепенности и поэтапности продвижения к объединенной Европе. Она сформулирована в первом же официальном документе, посвященном интеграции. «Европа, — отмечалось в Декларации Шумана, — не будет построена сразу и по единому плану. Она будет строиться на основе конкретных достижений, благодаря которым возникнет фактическая солидарность»⁴. Воплощением этой концепции стала серия договоров и других нормативных актов основополагающего характера, которые как вехи отмечают более чем полувековой путь развития интеграции. Иногда Сообщество нарушало это правило, и каждый раз в ущерб себе, но в целом вплоть до начала 1990-х гг. оно продвигалось вперед по принципу — «шаг за шагом».

И последний штрих в этой характеристике. Сообщество, возможно, не продвинулось бы и вполовину, если бы его развитие не обеспечивалось комплексом политических, правовых, судебных, административных и финансовых механизмов. Оно создало собственную правовую систему, соединяющую элементы национально-государственного и международного права.

В целом, ЕС, в том числе его институциональная система, не имеет исторических аналогов. Западные правоведы давно называли Сообщество «юридическим кошмаром», имея в виду то, что оно сочетает в себе черты классической международной организации и государства двух типов — федеративного и конфедеративного. Создавая и реконструируя на ходу эту систему, участники ЕС руководствовались не доктринальным и зачастую не политическим, а функциональным подходом, т.е., по сути, тем же здравым смыслом.

⁴ Brugmans H. L'idée européenne, 1920–1970. Bruges, 1970. P. 382.

В итоге эта, казалось бы, немислимая гибридная система принятия и исполнения решений до поры до времени демонстрировала завидную мобильность и эффективность. Но всему приходит конец. В связи с увеличением численного состава ЕС, а также усложнением его задач и функций, еще в 1980-е гг. встал вопрос о глубокой реформе системы принятия решений и контроля над их исполнением. Вопрос этот так и не был решен.

Внутренние и внешние факторы перемен

Неудачи нередко бывают следствием предшествующих успехов. Так обстояло дело и с Евросоюзом. Разрабатывая на рубеже 1980-х и 1990-х гг. новую стратегию развития европейской интеграции, его лидеры переоценили потенциал ЕС, недооценив, напротив, масштабы перемен, произошедших и в нем самом, и — еще больше — в окружающем мире.

Первым свидетельством этих просчетов стал провал Договора о Европейской конституции. Он должен был увенчать новый Евросоюз-27, но большинство французов и голландцев сказали «нет» увеличению полномочий органов ЕС и возобновлению процесса политической интеграции. Четырехлетний период подготовки, подписания и ратификации нового договора прошел в жестких спорах: с одной стороны, между Еврокомиссией и национальными властями из-за распределения полномочий, с другой — между самими государствами-членами, поскольку каждое из них имело собственные взгляды на то, в каких областях внутренней политики оно готово на передачу части своих компетенций органам ЕС, а в каких — нет.

Этот кризис на практике показал, что, распространившись на территорию Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), Евросоюз превратился в *разнородное* объединение, участники которого резко отличаются по всем параметрам: размерам, уровню экономического и социального развития, качеству политических систем, географическому положению, культуре, историческим судьбам. Соответственно, возросли различия в национальных интересах и приоритетах. Тенденцию к более жесткому отстаиванию этих интересов стимулировала и кардинальная перемена в мировой геополитике — крушение государственного социализма в странах, расположенных к востоку от ЕС, распад СССР и завершение холодной войны. Реальной или мифической была тогда угроза агрессии с востока, но в начале 1990-х гг. все это ушло в прошлое. А вместе с тем, если не распались, то заметно ослабили дисциплинирую-

шие узы блоковой солидарности европейских государств, состоявших в двух родственных, но не идентичных союзах — ЕС и НАТО.

Финансово-экономический кризис сразу же выявил еще один внутренний изъян Евросоюза, а именно: двойную асимметричность единого экономического пространства — чрезмерный разрыв в уровнях экономического и социального развития 27 государств, а также дисгармонию между валютным союзом и фактически автономной национальной экономической политикой в еврозоне. В условиях достаточно стабильной хозяйственной конъюнктуры эти асимметрии не оказывали заметного негативного влияния на процессы экономической интеграции. Напротив, участие менее развитых стран в еврозоне служило дополнительным стимулом роста их экономики и процесса экономической конвергенции.

Кризис перевернул ситуацию с ног на голову. По степени его негативного влияния на экономику страны ЕС разделились на две группы. В группу, где оно было умеренным, вошли 9 из 11 высокоразвитых стран, исключая Италию и Великобританию, и две страны ЦВЕ — Польша и Словакия; в группу наиболее пострадавших — большинство стран ЦВЕ. Показатели экономической конвергенции оказались «лукавыми цифрами», а реальностью, проявившейся в ходе кризиса, — незавершенные структурные реформы в их экономике и, мягко говоря, «нездоровая» экономическая политика правительств.

В этой группе оказались и члены ЭВС — Греция, Ирландия, Испания и Португалия, у которых, помимо ошибочной, во многом популистской экономической и социальной политики правительств, глубина кризиса была следствием их изначального участия в еврозоне. Единая валюта и «проведение единой денежно-кредитной политики упразднили саму возможность использования каких-либо инструментов защиты, в том числе и манипулирования курсами валюты и процентными ставками, для создания более благоприятных конкурентных условий отечественному бизнесу»⁵. Так как экономическая взаимозависимость внутри валютного союза на порядок выше, чем в едином внутреннем рынке, неоднородность ЭВС и ошибки экономической политики сразу в нескольких странах-участницах не могли не сказаться на состоянии всей еврозоны. Оказавшись под бременем чрезмерных внешних долгов и угрозой дефолта, названная «четверка» сделала единую валюту и всех остальных участников ЭВС своими заложниками. Еврозона, кото-

⁵ Бажан А.И. Двойной долговой кризис в еврозоне // Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. Доклады Института Европы. 2012. № 276. С. 29.

рая должна была служить фундаментом экономической стабильности ЕС, оказалась его слабым звеном.

ЕС в роли пожарной команды

Если отсчитывать от первых планов антикризисной политики, принятых Европейским советом в октябре и декабре 2008 г., высшие органы ЕС и правительства государств-членов могут уже отметить шестую годовщину своих усилий, направленных на преодоление кризиса и его последствий, финансово-экономическую стабилизацию и возобновление экономического роста. Фактов для подведения некоторых итогов более чем достаточно.

Наблюдая эти усилия день за днем, трудно было отделаться от впечатления, что все происходит в обстановке постоянных разногласий и непрерывных ссор; решения принимаются, как правило, с опозданием, если не в последний момент, после острых дискуссий, длившихся месяцами, а то и более года. Дело доходило до индивидуальных и даже коллективных ультиматумов. В сентябре 2011 г. министры иностранных дел Польши, Чехии, Болгарии, Венгрии, Латвии, Литвы и Румынии заявили, что их страны оказались фактически отрезанными от разработки реформ, и поскольку их принятие может изменить условия, на которых они вступили в ЕС, возможно, придется провести новые референдумы о членстве в этой организации.

Этот демарш попахивал шантажом, но был учтен.

Парадокс заключается в том, что, несмотря на все это, общий результат действий Евросоюза заслуживает положительной оценки. Подробная характеристика этих действий требует слишком много места⁶, поэтому выделим основное.

Главный вывод состоит в том, что Евросоюз выдержал испытание кризисом. Угроза его распада была исчезающе мала даже в самые критические моменты; теперь ее можно назвать нулевой. Ситуация в еврозоне являлась более сложной, и некоторое время казалось, что ей не миновать распада или, скорее, выхода из нее Греции и, может быть, еще одного-двух государств. Положение остается сложным, но менее

⁶ Из последних опубликованных в России работ на эту тему назовем: Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012, главы 1, 2, 5, 6, 8; Долговой кризис в ЕС и перспективы евро / Под ред. А.И. Бажана // Доклады Института Европы. № 276. М.: Русский сувенир, 2012; *Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л.* Управление экономикой в Европейском Союзе: институциональные и политические аспекты. М.: ИМЭМО РАН, 2013.

критичным, чем пару лет назад. Полностью разрыв в уровнях интеграции валютной и экономической политики в ЭВС не преодолен, это было нереально, но он значительно уменьшен; жизнеспособность еврозоны возросла, и она более готова к нежелательному варианту — выходу из ее состава одной или двух стран, что все еще не исключено.

Интенсивность деятельности органов ЕС следует признать очень высокой. Это особенно относится к высшему из них — Европейскому совету, который вместо двух ежегодных сессий, узаконенных в договоре о ЕС, собирался четыре-шесть раз в год.

Ведущая роль институтов Евросоюза проявилась в нескольких направлениях:

- разработке рекомендаций для государств-членов, на основе которых правительства подготовили многолетние и ежегодные программы стабилизации (для участников ЭВС) или конвергенции (остальные страны), содержавшие конкретный перечень мер антикризисной политики и финансово-экономической стабилизации;
- мониторинге этих программ и их исполнения, а затем и ежегодных национальных бюджетов на стадиях их подготовки и исполнения;
- экстренной финансовой помощи государствам, испытывавшим нехватку средств для осуществления антикризисных программ или оказавшимся перед угрозой дефолта, для чего были созданы временные фонды финансовой стабилизации, замененные в 2013 г. постоянно действующим механизмом финансовой стабильности.

Ключевым направлением деятельности стало создание новой системы координации экономической политики в еврозоне, бюджетной и экономической политики в Евросоюзе и усиление контроля его институтов над их исполнением государствами-членами. С этой целью были приняты соответствующие правовые акты, главными из которых являются документ под названием «Пакт евро-плюс» и Договор о стабильности, координации и управлении в ЭВС. Были учреждены новые механизмы контроля над банковским сектором и бюджетной политикой правительств. В последних действиях и решениях саммитов ЕС, в том числе в упомянутых выше документах, весьма отчетливо проявилась тенденция связать воедино специфические проблемы еврозоны и общие проблемы Евросоюза. Особенно примечателен в этом отношении названный договор — его добровольно подписали восемь из 10 стран, не участвующих в ЭВС; воздержались только Великобритания и Чехия.

В итоге, Евросоюзу удалось, как минимум, сохранить докризисный уровень сплоченности своих участников. В противостоянии двух

тенденций — консолидации на основе принципа солидарности и конкуренции «национальных эгоизмов», в конечном счете, возобладала первая. Вряд ли можно оспорить то, что решающую роль в этом сыграл франко-германский тандем и главным образом Германия. Однако возникшие угрозы Евросоюзу и особенно еврозоне не устранены, а лишь несколько смягчены и отодвинуты.

Что дальше?

А дальше есть устрашающий список нерешенных проблем и «замороженных» программ углубления и расширения европейской интеграции, а также приоритетных задач ЕС в сфере международных экономических и политических отношений. Перечислим его в убывающей степени срочности.

Первым в списке значится головоломка по увязке финансовой стабилизации с возобновлением экономического роста и сокращением безработицы. Данные, приведенные в таблице 10.1, позволяют

Таблица 10.1

ЕС. Динамика некоторых экономических показателей, в %

	2009	2012	2013	2014*
<i>ВВП:</i>				
Еврозона	2,0**	-0,6	-0,4	1,2
ЕС-28	2,1**	-0,3	0,1	1,6
<i>Безработица</i>				
Еврозона	9,6	11,4	12,0	11,8
ЕС-28	9,0	10,5	10,8	10,5
<i>Дефицит бюджета (% ВВП)</i>				
Еврозона	6,4	3,7	-3,0	-2,5
ЕС-28	6,9	4,0	-3,3	-2,6
<i>Госдолг (% ВВП)</i>				
Еврозона	80,0	92,7	95,6	96,0
ЕС-28	74,6	86,9	88,9	89,5

* Прогноз

** 2010 г.

Источник: The European Economic Forecast – Spring 2014, Statistical Annex; http://epp.ec.europa.eu/economy_finance/eu/forecasts/.

прояснить картину. Проводимая с 2011 г. рестриктивная политика с целью снизить до установленных нормативов дефицита национальных бюджетов (3,0% ВВП) и внешней задолженности государств (60% ВВП) преуспела в первом случае и провалилась во втором. Норматив дефицита уже достигнут в еврозоне и в 2014 г. будет достигнут в целом по ЕС. Напротив, уровень государственных долгов не только не снизился, а возрос и в еврозоне, и в Евросоюзе. Для ряда стран (Греция, Португалия, Кипр, Испания) 60-процентный норматив стал своего рода «жар-птицей», и перспектива выхода некоторых из них из еврозоны не выглядит фантастической. Между тем, негативный эффект политики жесткой экономии очевиден: сокращение объема ВВП произошло в еврозоне и Евросоюзе в 2012 и 2013 гг. Уровень безработицы значительно выше, чем в кризисном 2009-м. Следствием этой политики стала возросшая социально-политическая нестабильность: забастовки и манифестации, правительственные кризисы, досрочные парламентские выборы. В Брюсселе и столицах большинства стран ЕС идут дискуссии по поводу того, как совместить меры рестриктивной политики с мерами стимулирования экономического роста и социальной политикой. Никаких решений или хотя бы внятных рекомендаций со стороны высших органов ЕС пока не последовало. Но там, несомненно, понимают, что, не решив эту головоломку, не продвинувшись в финансовой и экономической стабилизации, не возобновив устойчивый экономический рост, невозможно добиться успеха в решении долгосрочных задач углубления и расширения европейской интеграции. Согласно последним оценкам, в 2014 г. ВВП еврозоны увеличится на 1,8%, а в ЕС-28 – на 2,0%. Однако глубокий политический и экономический кризис в Украине и связанные с ним острые разногласия между Евросоюзом и Россией, включая взаимные экономические санкции, могут остановить начавшееся оживление европейской экономики.

Что касается других приоритетных направлений деятельности ЕС, то к 2020 г. можно ожидать выполнения если не всей, то значительной части принятой программы дальнейшего строительства единого внутреннего рынка, особенно в отраслях энергетики и информационных технологий. Его достройка и наладка будут продолжены в следующей декаде, «нога в ногу» со структурными реформами в странах ЦВЕ и их продвижением по пути экономической конвергенции.

Это относится и к перспективам расширения ЭВС. После того как в 2014 г. в него принята 18-м членом Латвия, а в 2015 г., вероятно, вступит Литва, нового расширения можно ожидать ближе к 2020 г.,

но в основном эта задача будет перенесена на следующее десятилетие. Когда и какие страны-аутсайдеры заявят о своем намерении вступить в него, пока предсказать невозможно. Ситуация прояснится не ранее того, как будут достигнуты заметные успехи в стабилизации еврозоны и возобновлении экономического роста в ЕС.

Осуществление программы Европа-2020. Похоже, эту программу, целью которой объявлен «умный, устойчивый и инклюзивный рост»⁷, ожидает судьба, в большой мере напоминающая ту, что выпала на долю предшествующей Лиссабонской стратегии. Она, видимо, будет реализована в каких-то частях и в какой-то степени, но в целом не будет выполнена в срок. Поскольку обозначенные в ней приоритеты и их количественные параметры сохраняют свою актуальность, программу, скорее всего, продлят, несколько модифицировав и проставив новую дату, например, 2030.

Расширение Евросоюза. В международных экспертных кругах давно сложилось мнение, что он достиг оптимальных пределов расширения, если не превзошел их. Но в своем подходе к расширению его архитекторы всегда руководствовались, скорее, политическими императивами, нежели экономическими критериями. Теперь на очереди принятие группы западно-балканских стран. Хорватия уже стала 28-м членом ЕС. Пока он не отказался от приема остальных, но, с учетом сложившейся ситуации, сроки могут быть перенесены на следующее десятилетие. Что касается вступления в ЕС Турции, то ее шансы выглядят не просто минимальными, а призрачными. Оптимальным вариантом для обеих сторон было бы постепенное вхождение Турции в единое европейское экономическое пространство, дополненное соглашением о сотрудничестве в сфере внешней политики и безопасности.

Наконец, есть комплекс задач в сферах мировой экономики и политики, решение которых затрудняется опять же нынешним внутренним состоянием Евросоюза. В их числе отношения с главным стратегическим союзником — США, с ведущими стратегическими партнерами — Китаем и Россией, судьбы Южного и Восточного партнерств, отношения с арабским миром, проблемы мировой торговли и т.д.

Решать эти задачи Евросоюзу предстоит в новом составе. Его неоднородность, как уже отмечалось, увеличилась по всем параметрам: размерам (большие и малые страны), уровням экономического и социального развития (высоко- и среднеразвитые хозяйства), качеству

⁷ European Council (24/25 March 2011) — Conclusions // Europe / Documents. No 2550. Supplement to BQE. No 10345. 26.03.2011.

политических систем (зрелые и формирующиеся демократии), географии и — последнее по месту, но не по значению — по формировавшейся веками культуре, традициям и обычаям.

Фактически после всех расширений ЕС воспроизвел в своих границах традиционную Европу национальных государств со всеми их различиями и, добавим, с укоренившейся привычкой отстаивать свою самобытность и самостоятельность. Они отказались от междоусобных войн как инструмента политики, но это лишь укрепляет их решимость защищать национальные интересы.

А расходятся участники ЕС во всех важнейших областях — в экономической и социальной политике, торговой политике, обеспечении энергетической безопасности, внешней политике и политике безопасности. Некоторые различия в интересах являются константами, другие могут периодически уменьшаться или увеличиваться. Расчет на то, что процесс экономической конвергенции может развиваться достаточно быстро, опровергнут опытом стран, вступивших в ЕС 30–40 лет назад. Некоторым странам ЦВЕ для существенного сокращения разрыва в уровнях социально-экономического развития понадобится от трех до пяти десятилетий.

Как показала практика последних лет, Евросоюз постепенно адаптируется к своей возросшей разнородности. Дискуссия идет о том, каков основной тренд: будут ли расти различия и противоречия между странами ЕС или они будут уменьшаться? Эксперты, естественно, разделились на два лагеря — «европессимистов» и «еврооптимистов». В числе осторожных «евроскептиков» оказался и бывший председатель Европейской комиссии, выдающийся архитектор европейской интеграции Жак Делор, публично заявивший пару лет назад, что ЕС переживает наихудший кризис в своей истории, потерял ориентацию и не имеет единого видения Европы⁸. Дискуссия сконцентрировалась главным образом на трех вопросах: о новой концепции развития ЕС, учитывающей его гетерогенность; о дальнейшей динамике распределения компетенций между высшими институтами ЕС и национальными правительствами; о конечной цели интеграции.

Если не вдаваться в историю, то ныне новая концепция европейской интеграции известна под разными названиями — Европа разных скоростей, Европа меняющейся геометрии, гибкая интеграция. Она зафиксирована в Маастрихтском и Лиссабонском договорах и применяется на практике. Суть ее в том, что в разных областях экономики и политики интеграция может развиваться с разной скоростью и уча-

⁸ ИТАР-ТАСС. Вестник Европы. 13.06.2006. С. 2.

ствовать в ней могут не все, а лишь заинтересованные в данном проекте государства. Вначале предполагалось, что двухскоростная интеграция будет явлением временным. Участники сепаратного проекта докажут другим государствам ЕС его выгодность, и те присоединятся к нему. С Шенгенской системой так собственно и произошло.

В нынешнем ЕС есть реальная опасность, что число групп «продвинутого сотрудничества» будет расти и они будут взаимодействовать в этом составе неопределенно долго. Возрастающая дифференциация участников ЕС по интересам и сепаратным группам может перерасти в его фрагментацию. И это не просто гипотеза. В 2007 г. президент Франции Саркози предложил создать Средиземноморский Союз с участием всех стран этого региона, в том числе семи членов ЕС, а для остальных его участников был предусмотрен статус наблюдателя. Естественно, этот проект отвергли, а учрежденный в 2008 г. Союз для Средиземноморья, в который вошли все страны ЕС и полтора десятка средиземноморских стран, оказался фикцией. Более реальный сценарий — обособление еврозоны, первым шагом к которому может стать недавно подписанный Договор о стабильности, координации и управлении в ЭВС, учредивший, в частности, саммиты его участников. В кулуарах обсуждалась также идея отдельного бюджета ЭВС. Пока от нее отказались, но семя размышлений брошено.

Подавляющее большинство последовательных европейцев считают единственным противоядием этой тенденции дальнейшее перераспределение полномочий в пользу Евросоюза. Финансово-экономический кризис со всеми его последующими негативными эффектами значительно укрепил позиции сторонников этой точки зрения. Она, бесспорно, доминирует в Еврокомиссии, имеет много сторонников в Европарламенте. Как отмечено выше, в ходе экстренных мер, принятых в сфере экономики, функции и полномочия высших органов Евросоюза были значительно расширены, и немалое число европейских и российских экспертов полагают, что эта тенденция необратима.

Однако, на наш взгляд, точка невозврата не пройдена. В пользу этого мнения существуют три аргумента. *Во-первых*, за последние пять лет степень доверия к Евросоюзу со стороны его граждан уменьшилась с 57% весной 2007 г. до 31% весной 2012 г.⁹ Это естественная реакция большинства населения стран ЕС на инициируемую брюссельской евробюрократией политику жесточайшей экономии. Национальные парламенты и правительства не могут игнорировать эту тенденцию. *Во-вторых*, во многих европейских странах нарастают националистические

⁹ Standard Eurobarometer. No 78. First Results — Autumn. 2012. P. 14.

настроения, вызванные не интеграцией, а иными причинами. Каково бы ни было их происхождение, они усиливают негативное отношение населения к сужению сферы полномочий национальных властей, что воспринимается как сдача национального суверенитета. Этот тренд подтвердили состоявшиеся в конце мая 2014 г. выборы в Европейский парламент, в результате которых численность депутатов, представляющих в нем праворадикальные партии националистической ориентации, почти удвоилась. *В-третьих*, негативное отношение к нынешнему балансу прерогатив институтов ЕС и государств-членов проявилось и на официальном уровне. В июне 2013 г. голландское правительство направило в парламент доклад о применении принципа субсидиарности в ЕС. В сопроводительном письме оно отметило, что «время для все более тесного союза во всех областях действий осталось позади» и что действия на европейском уровне следует предпринимать только в случае необходимости и в интересах участвующих государств¹⁰. Такая позиция имеет сторонников в политических кругах и правительствах ряда других стран, особенно в Великобритании.

С момента вступления в силу Лиссабонского договора (декабрь 2009 г.) прошло пять лет. Реформированная институциональная система выглядит более упорядоченной, чем прежняя, но в своей оперативности она не прибавила. Принятие любого важного решения превратилось в мучительный процесс согласования позиций всех его участников (5 главных институтов ЕС плюс 28 правительств) и поисков компромисса. Это ее органический изъян. Скорее всего, в обозримый период (10–15 лет) существенных сдвигов в сторону расширения полномочий органов ЕС не произойдет. В случае же дальнейшей дифференциации интересов и позиций его участников и роста националистических настроений не исключено и попятное движение — в сторону сокращения регулирующих функций на наднациональном уровне и демонтажа соответствующих механизмов европейской бюрократической машины.

Что касается конечной цели, то в европейских столицах, похоже, пока еще не определились в том, каким следует быть Евросоюзу в радикально изменившихся условиях глобального бытия. В 2002 г. группа экспертов высокого уровня, возглавляемая бывшим федеральным канцлером ФРГ Гельмутом Шмидтом, опубликовала доклад «Будущая эволюция Европейского Союза». Его заключительный пункт начинался словами: «Нынешний кризис в Европе вызван отсутствием общей

¹⁰ Bulletin Quotidien Europe. No 10874. 26.06.2013.

концепции будущего образа ЕС»¹¹. Это было заявлено в пору триумфа, когда никто не подозревал, что вскоре Евросоюз будут испытывать на прочность кризисы, а провал Конституционного договора надолго снимет с повестки дня идею «единой Европы» в виде Европейской федерации. Другой общей идеи, способной мобилизовать и сплотить общественность трех десятков стран, пока нет. Политике Евросоюза не хватает воображения и дерзости. Возможно, многое объясняется тем, что государства-участники, прежде всего ведущие, пока не выдвинули новых лидеров масштабов «отцов-основателей» Европейского Сообщества.

Следующие 15–20 лет будут трудным испытанием не только прочности Союза, но и жизнеспособности самой идеи европейской интеграции. «Европейский Союз, — отмечалось в упомянутом докладе, — это развивающаяся организация. Для того чтобы достигнуть зрелости, ему необходимо, по меньшей мере, еще полвека»¹². Выдержит ли он испытание временем? Сомнения на этот счет имеются. Но и опыта преодоления трудностей ему не занимать.

¹¹ Future Evolution of the European Union. Chairman's Report on the High-level Expert Group Meeting. Chaired by H.E. Chancellor Helmut Schmidt // InterAction Council, Paris, 11–12 April 2002. P. 7.

¹² Ibid. P. 6.

Глава 11

ЕВРОСОЮЗ: НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Нынешний Европейский Союз в своем содержательном развитии прошел несколько этапов расширения — с 6 до 28 стран — и носил разные названия — Европейское экономическое сообщество, Общий рынок, Европейские сообщества. Хотя рассуждения о желательном создании единой Европы уходят вглубь истории, воплощение этой идеи в жизнь началось после Второй мировой войны. Европа устала от междоусобиц, потрясавших ее на протяжении веков. Европейская политическая мысль активно искала пути предотвращения новых вооруженных столкновений на континенте. Особое внимание уделялось тому, каким образом умиротворить Германию (тогда Западную Германию), главную виновницу двух мировых войн. Пруссия также отличалась агрессивным отношением к другим странам и после Второй мировой войны была упразднена по решению держав-победительниц.

Предложение французского министра иностранных дел Робера Шумана, которое он сделал в выступлении 9 мая 1950 г., легло на подготовленную почву. Обращаясь прежде всего к Бонну (тогдашней столице ФРГ), он призвал к экономической интеграции посредством объединения промышленных потенциалов стран, вследствие чего война между Францией и Германией станет физически невозможной. Канцлер Конрад Аденауэр ответил согласием в тот же день на своей пресс-конференции. Девятое мая отмечается сейчас в Евросоюзе как День Европы. Считается, что западные державы извлекли урок из опыта Версальского мирного договора 1919 г., который рассматривал Германию как побежденного врага и предписывал ей тяжелые послевоенные условия. Чтобы не допустить повторения прошлого, ее бывшие противники ввели Западную Германию в систему двусторонних и многосторонних отношений под своим покровительством — план Маршалла, Общий рынок, НАТО. Нельзя не отметить, однако, что

«иго Версаля» длилось недолго и при попустительстве победителей Германия вскоре освободилась от него.

Играли свою роль в форсировании интеграции и соображения противодействия Советскому Союзу, расширявшему свое влияние в послевоенной Европе. По его инициативе в 1949 г. был учрежден Совет экономической взаимопомощи.

Начавшись по политическим причинам, интеграционный процесс охватил разные стороны общественной жизни. В ходе научно-технического прогресса производительным силам становилось тесно в национальных границах. Создание новых производств ориентировалось с самого начала не только на внутренний рынок, но и на экспорт, а это, в свою очередь, требовало устранения пограничных барьеров. Сочетание действовавших в одном векторе субъективных и объективных факторов обеспечило благоприятное и быстрое развитие интеграции, превосходившее порой ожидания ее участников. Постепенно на путь реализма встало и советское исследовательское сообщество, сначала игнорировавшее западноевропейскую интеграцию, но затем признавшее этот новоявленный феномен на континенте. Большую роль в научном прорыве идеологически обусловленного отрицания интеграции сыграли Ю.А. Борко, Л.И. Глухарёв, М.М. Максимова, Ю.В. Шишков и другие ученые.

Mixtum compositum, или гетерогенный союз

Начальным практическим шагом в реализации «плана Шумана» стало создание Европейского объединения угля и стали (ЕОУС) в 1951 г. сроком на 50 лет. Оно было предусмотрено Парижским соглашением, которое подписали шесть стран: ФРГ, Франция, Италия и страны Бенилюкса.

Дальнейшая организационная подготовка длилась несколько лет, и в 1957 г. теми же странами были одобрены Римские договоры, вступившие в силу в 1958 г.: о создании Европейского экономического сообщества и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратома). Перед этими организациями ставились задачи последовательно демонтировать таможенные барьеры, обеспечить свободу передвижения людей, материальных ресурсов, услуг, создать возможности беспрепятственного предпринимательства. Одновременно отстраивались, часто с нуля, институциональные и правовые основы объединения.

На первых порах интеграция продвигалась по указанным трем направлениям — ЕЭС, Евратом, ЕОУС (*Montanunion*). Со временем

произошло слияние этих учреждений в общеинтеграционные органы управления, а ЕОУС было официально закрыто в 2002 г.

Поступательный ход интеграции в прошедшие десятилетия — общепризнанный факт. «Прекраснейшая авантюра в истории человечества», по выражению французского депутата Тьерри Мариани, состоялась. Европа экономически и политически объединилась — было создано общее пространство, сглажены прежние обиды и споры. В отдельных странах внутренняя политика более чем на 50% определяется европейским интеграционным законодательством, а в таких областях, как экономика, сельское хозяйство и защита окружающей среды — на 80%.

Благодаря интеграции были устранены войны между ее участниками. Преведенная история континента читается как одна сплошная война, а мирные перерывы рассматривались лишь как этапы ее продолжения. Жорж Клемансо (1841—1929) исторг на смертном одре непримиримые слова по отношению к немцам: «Пусть меня похоронят стоя — лицом к Германии». На Версальской мирной конференции, где он был председателем, французский премьер-министр способствовал принятию жестких условий для Германии. В частности, Германия потеряла тогда 70 тыс. км² своей территории, не считая колоний.

В 1963 г. К. Аденауэр и Ш. де Голль подписали в Париже знаменитый Елисейский договор, ставший краеугольным камнем для всестороннего сотрудничества бывших соперников. В обеих столицах было пышно отмечено 50-летие договора.

С 2006 г. школьники старших классов в ФРГ и во Франции учатся по общему германо-французскому учебнику истории и культуроведению — редкий пример такого рода. Сотрудничество между двумя странами определено до 2020 г. в виде принятой в 2010 г. программы, состоящей из 80 пунктов. Даже если не все поставленные задачи будут выполнены, обращают на себя внимание масштабность и перспективы договоренностей.

В 1989 г. руководители двух стран Г. Коль и Ф. Миттеран учредили немецко-французскую бригаду, смысл которой состоит в укреплении военного сотрудничества. Немецкие части бригады расквартированы в разных районах Франции, а французские — в разных районах Германии.

Не обошлось и без борьбы и сбоев на пути интеграции.

Противостояние Евросоюза и возникшей в 1960 г. Европейской ассоциации свободной торговли во главе с Великобританией закончилось в пользу союза. Ряд стран перешел из одной организации в другую, что свидетельствовало о большой притягательности брюссельского варианта.

Самому Евросоюзу пришлось пережить немало неприятностей, например, провалы Конституции ЕС на референдумах во Франции и в Нидерландах в 2005 г. Переработанный текст был также отвергнут населением Ирландии. Потребовались экстраординарные внешние и внутренние усилия, чтобы его одобрили там со второго захода. Новый конституционный документ известен как Лиссабонский договор. Следует заметить, что если бы первоначальная конституция, а затем ее переделанная версия были повсеместно представлены на всенародное, а не парламентское голосование, то было бы трудно предсказать его исход. Свой евроскепсис определенная часть жителей ЕС выражает в следующих словах: люблю Европу, ненавижу Евросоюз¹. Как бы то ни было, кризис в принятии основополагающего документа был преодолен, и нынешняя система управления приобретает рутинный, но отнюдь не беспроблемный характер.

В 1999 г. вследствие обвинений в коррупции ушла в отставку Европейская комиссия во главе с Жаком Сантером.

Стоит отметить неудачу с программой развития ЕС на 2000–2010 гг., которая, среди прочих целей, предусматривала технологический прорыв стран Евросоюза на мировой арене, превращение его в самое конкурентоспособное и динамичное, «основанное на знаниях экономическое пространство в мире». Нерешенные задачи «Лиссабонской стратегии» перешли ныне в новую концепцию «Европа 2020».

Охват интеграцией все новых стран снижал ее качество, если измерять его некоторыми важными интегральными показателями. Известны подсчеты такого рода. Возьмем, например, размер ВВП на душу населения. Живущий в Париже доктор экономических наук Берлин Иришев опубликовал в 2009 г. книгу под названием «Евросоюз: опыт интеграционной модели», нашедшую положительный отклик в международной научной печати. Опираясь на первичные источники, он сделал следующий вывод: ВВП на душу населения уменьшался с каждым последующим расширением. В ЕС-25 он был на 22% меньше, чем в первоначальном ЕС-6. Тем более он ухудшился после вхождения в ЕС двух наиболее бедных стран — Болгарии и Румынии. Что касается показателей экономической свободы, конкурентоспособности и коррупции, то в расширяющемся Союзе они обнаруживают устойчивую тенденцию к ухудшению. «Они были наилучшими для Евросоюза-15 и оказались наихудшими для ЕС-27», — пишет автор.

¹ Известный критик европейской интеграции, тогдашний президент Чехии Вацлав Клаус, находясь в Москве в 2010 г., сказал: «Я не для того жил четыре десятилетия под господством Москвы, чтобы теперь попасть под господство маленького города под названием Брюссель».

Стоит отметить и довольно большие масштабы материального неблагополучия в ЕС: 79 млн граждан Евросоюза, или 16% населения, живут ниже черты бедности. Новыми, наиболее вероятными кандидатами на вступление в ЕС выступают, например, Черногория и Македония, отнюдь не самые передовые в экономическом отношении страны. А 28-м участником организации с июля 2013 г. стала Хорватия. В определенном смысле Евросоюз является заложником географии, поскольку территориальная принадлежность к Европе дает странам основание претендовать на прием в интеграционное сообщество. Эта скамейка достаточно длинная. Напомним, что Совет Европы включает в себя 47 государств, в том числе Турцию.

Обращают на себя внимание инициативы Евросоюза по созданию вокруг себя дружественного пояса государств. Таковой является, например, европейская политика соседства, которую один британский журнал назвал своего рода расширением. Здесь дело не доходит до полноценного институционального вступления в Союз, однако наличие попытки заинтересовать эти государства в упрочении связей с ЕС по разным направлениям — финансовым, торговым, визовым и др. Сюда же относятся программы по формированию Средиземноморского союза, Восточного партнерства.

Изначальная сложность интеграции состоит в том, что государство выступает в одном лице как субъект и как объект этого процесса. Чтобы интеграция продвигалась, действие государства должно быть сильнее его же противодействия, что означает добровольный и часто болезненный отказ от святой святых — власти и ее прерогатив в ряде сфер. Креативное саморазрушение государства в пользу интеграции имеет свои пределы, за которыми государство как стимулятор, или субъект интеграции, наталкивается на неуступчивость его как объекта, или тормоза интеграции.

Широко известно сравнение интеграции с велосипедом. Лучше было бы сравнивать с велосипедистом, который, чтобы не упасть, должен постоянно быть в движении. Концепция велосипеда предполагает исчезновение государства как такового, но это не так. Не все поддается интеграции, и если с этим согласиться, то она должна где-то остановиться. Здание интеграции строится на демонтаже государственности ее участников, и этот перенос управления из национальных столиц в Брюссель квалифицируется как исторический прогресс. Слово «исторический» здесь представляется излишним, ибо история еще окончательно не определилась и неизвестно, что станет в конце концов с Евросоюзом. «Для завершения европейской экономической и политической интеграции, если оно вообще состоится, — пишет

Майкл Спенс, лауреат Нобелевской премии по экономике (2001), — понадобится еще полвека»². Объективности ради следует признать, что пока европейская интеграция является самой результативной во всех отношениях по сравнению с другими объединительными попытками в мире.

Арифметическое сложение статистических показателей государств ЕС выводит эту организацию на лидирующие позиции в мире. Вместе с тем важной чертой Евросоюза являются существенные различия в «весовых категориях». Германия со своим почти 20%-ным участием в европейском ВВП занимает ведущее место в альянсе, тогда как доля Эстонии, Кипра, Мальты и ряда других стран измеряется десятками долями процента. Вклад Греции, «маленькой, но опасной», наделавшей так много шума из-за грозящего ей дефолта, составляет 2%. Сильно разнятся страны и по другим экономическим показателям.

Успехи европейской интеграции 28 государств известны, и было бы излишним их перечислять. Наряду с Лиссабонским договором и Шенгенскими соглашениями, создание единой валюты для 18 стран-участниц (при всех переживаемых сложностях) является венцом этих достижений. Вместе с тем следует обратить внимание на отсутствие значительных положительных результатов в ряде важнейших сфер экономики и политики. Их не так уж и мало, на чем остановимся подробнее. При этом нужно сразу подчеркнуть, что такой итог здесь не является следствием недоработок или ошибок интеграторов, а отражает невозможность другого исхода. Иначе не могло и не может быть. Это врожденные дефекты интеграции, которые не поддаются устранению.

Государство — субъект и объект интеграции

Во-первых, речь идет о разрозненной экономической политике. Углубление интеграции привело к частичному сближению национальных подходов, к единой валюте и валютной политике. На этом углубление закончилось или, если соблюдать осторожность, почти закончилось. Оно объективно не могло продолжаться, так как отказ, скажем, от суверенной политики лишил бы страны-участницы важных признаков их государственного статуса. А с этим многие в Евросоюзе не согласны. Здесь бесспорный приоритет отдается национальному фактору, национальной идентичности, а не интеграционному объединению.

² Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях / Пер. с англ. М., 2013. С. 298.

Дальнейшему прогрессу в ликвидации государственности поставлен определенный заслон. Ни немцы, ни поляки — никто другой из членов Евросоюза не готовы отдать свои права на государственное самоуправление. На континенте мало кто грезит о Соединенных Штатах Европы. Нет такой силы, которая принудила бы страны выйти на общую дорогу, — каждая идет своим путем. И совсем не обязательно это связано с негативными последствиями для отдельно взятых членов ЕС. Например, Ирландия в свое время установила у себя льготные налоги, налоговый демпинг и, одновременно ссылаясь на бюджетный дефицит, вытребовала максимум финансовых поступлений из фондов Евросоюза. Правда, это не избавило ее в дальнейшем от серьезных трудностей.

Финансовые потрясения в ЕС показали неадекватность проводимой интеграционной политики требованиям устойчивого развития. Осознана необходимость изменений с целью усилить координацию национальных действий и поднять коэффициент сплочения. Выпадение любой страны нанесет колоссальный ущерб как всему делу интеграции, так и государствам-изгоям. Интеграция потеряет свою динамику и внесет разобщенность в благородное семейство интеграторов. Ведь что значит для любой страны оставить евро и вернуться к национальной валюте? Для этого ей потребуется несколько лет подготовки и перенастройки всей денежной системы. Сам процесс выхода из еврозоны будет способствовать продолжению кризисных явлений, т.е. результат был бы противоположный тому, который хотели избежать.

Прогрессивные сдвиги в экономике происходят медленно. В этом отношении ФРГ накопила свой опыт, небесполезный для проблемных стран ЕС. После объединения в «новые земли» (бывшая ГДР) были перечислены из Бонна и Берлина огромные средства — 1,5–2 трлн евро, что, хотя и оказало стимулирующее воздействие на восточногерманскую экономику, но не оправдало первоначальных западногерманских ожиданий. Нечего и говорить, что нынешние условия в других странах гораздо менее благоприятные, чем те, что были у «новых земель» объединенной Германии.

Воспользоваться ситуацией в своих целях и получить прирост голосов на общенациональных выборах могут ультраправые силы — такие опасения достаточно сильны в Евросоюзе. Нечто подобное уже имело место в Австрии, когда почти весь 2000 г. страна находилась в состоянии политического карантина, объявленного ей остальными 14 участниками ЕС. Причиной явилось создание правительственной коалиции Австрийской народной партии с националистической Австрийской партией свободы, которую тогда возглавлял Й. Хайдер, вскоре формально ушедший в отставку. Санкции к Австрии принима-

лись на уровне двусторонних отношений: частичный бойкот дипломатических представителей, отказ в поддержке австрийских кандидатов на занятие постов в органах союза, сокращенная подача информации. Тогда был демонстративно преподан урок не только Австрии, но и другим странам, где сильны националистические движения. Евросоюз показал свою нетерпимость к ультра, представляющим опасность для демократии. Поэтому маловероятно, чтобы участники Евросоюза не учитывали риска прихода к власти нежелательных сил в случае исключения страны из интеграционного сообщества.

Остается другое направление — еще больше сплотиться. Термин, знакомый нам из недавнего собственного прошлого.

Мировой финансовый кризис принес интеграторам разного рода разочарования. Как раньше считалось, разноразмерная Европа поможет продвинуть интеграцию вперед за счет того, что более передовые в экономическом отношении страны, взяв на себя лидерство, не дадут застопориться интеграционному развитию. Но получилось так, что кризис неожиданно постучался и в верхний этаж ЕС, в еврозону, создание которой представлялось как наглядное достижение Европы. В соответствии с философским тезисом сплоченность может перейти в свою противоположность.

В ходе европейских дебатов не было недостатка в разных предложениях. Так, одна идея нашла выражение в термине «экономическое правительство», означающем скоординированность действий глав стран еврозоны. Авторство принадлежит тогдашнему французскому президенту Саркози. Однако сразу же последовала критика термина, поскольку он предполагает потерю самостоятельности национальной политики в ряде областей, чему противятся некоторые участники ЕС. «Кто стал бы контролировать экономическое правительство?» — спрашивают эксперты и не получают ответа. Интеграционные органы в их нынешнем виде не приспособлены для такого управления.

Не скрывает своих принимающих порой острые формы расхождений с другими членами Евросоюза Великобритания. Определенную неразбериху вносит в управление установленный порядок, согласно которому смена председательства стран в ЕС происходит через каждые шесть месяцев. В январе 2012 г. председательство перешло от Польши к Дании, причем обе не являются членами еврозоны, у которой есть свой руководитель, на тот момент — премьер-министр Люксембурга Ж.-К. Юнкер. Неизвестно, будет ли выполняться должным образом Бюджетный пакт, подписанный в марте 2012 г. 25 странами ЕС. Списание долгов тоже не решает проблему. Надо поднимать реальную экономику, конкурентоспособность и производительность труда, а это

самое трудное в экономической политике. Часто никто не знает, как к этому подступиться.

Один из «отцов еврозоны», канадский лауреат Нобелевской премии по экономике Роберт Манделл, признавая наступившие для ведущих мировых валют нелучшие времена, предлагает «задуматься о возможных альтернативах», т.е. о создании новой глобальной валюты. Одно из условий при этом: она «не должна принадлежать какому-то одному государству, как в случае с долларом, — она должна принадлежать всему миру»³.

Не будет лишним отметить, что настроения интеграционных деятелей весьма изменчивы и зависят от конкретной экономической обстановки. Если в кризисное время они проповедуют необходимость усиления регулирования по всем направлениям и делают соответствующие шаги, то с переходом в стадию подъема большее звучание получают другие, прорыночные ноты.

Финансовые средства, которыми располагают собственно власти Евросоюза, невелики и используются для текущих программ. Размер бюджета ЕС составляет примерно 1% суммарного объема ВВП стран ЕС. Главными источниками бюджета Евросоюза служат прямые платежи стран-участниц. Показательна дискуссия вокруг этого вопроса. Одни эксперты предлагают ввести интеграционный налог в пользу кассы Евросоюза и отчисление в нее части налога на добавленную стоимость при сокращении прямых перечислений. По их мнению, это повысило бы роль интеграционных органов и их самостоятельность. Другие эксперты выступают против подобного изменения существующей практики, не желая давать ЕС большей свободы действий и ссылаясь на отсутствие должного финансового контроля.

Впервые за время существования Евросоюза был уменьшен размер бюджета на предстоящий семилетний период, т.е. на 2014—2020 гг. На этом настояли ФРГ, Великобритания и некоторые другие страны, обосновывая свою позицию тем, что поскольку приходится прибегать к сокращению расходов на национальном уровне, такие меры следует осуществлять и на наднациональном. Влияния возражавших государств-реципиентов не хватило для того, чтобы убедить в обратном «богатые» страны. Подчеркнем, что этот бюджет носит сугубо фискальный характер и не предназначен для антициклического регулирования экономики.

Своевременное распознавание событий еще не удавалось никому, будь то отдельное национальное хозяйство или международная эко-

³ Эхо планеты. 2013. № 4.

номическая организация. Даже такой блюститель порядка, как Германия, за 64 года существования шесть раз испытала падение производства ниже нуля, последний раз в 2009 г., когда ВВП сократился на 4,7%. В некоторые годы были нарушены ею и такие нормативы Евросоюза, как дефицит бюджета и размеры государственного долга.

Нельзя не отметить роль Европейского центрального банка. Его задачей является обеспечение стабильности евро, а важным инструментом в этом — изменение учетной ставки. Поскольку экономическое положение в разных странах отличается по фазам цикла или конъюнктуры, то такое изменение вносит дополнительный разлад в общеевропейские отношения. Так, борьба с инфляцией требует повышения ставки, чтобы не допустить перегрева растущих экономик, тогда как эта же мера бьет по тем странам, которые страдают от депрессии и предпринимают попытки преодолеть ее. Такой диссонанс можно постоянно наблюдать в интеграционной Европе.

Порассуждаем теперь от противного. Представим, что все только что изложенное неверно и что странам удалось договориться о едином экономическом управлении, отдав Брюсселю все свои права. Но и в этом случае не приходится ожидать гармонии. Даст о себе знать такая извечная черта мировой экономики, как неравномерность развития. Эта неравномерность настолько явно выражена, что ее следует признать объективным экономическим законом. В свое время из этой неравномерности В.И. Ленин делал вывод о выпадении слабых звеньев мирового капитализма, что, в конечном счете, не подтвердилось. Подтвердилось другое: неравномерность не убивает капитализм, а вводит в действие такой мощный резерв системы, как государственное регулирование с целью «наведения порядка».

Конкуренция в Общем рынке и единая валюта способствуют некоторому выравниванию скорее цен на товары, чем выравниванию производительности труда. Отсюда следует, что за один и тот же товар страны получают разную выгоду, т.е. выигрывает та страна, где производительность труда выше. Тем самым увеличивается экономический разрыв между участниками интеграции. Конечно, можно найти примеры, где этот разрыв сокращается, что совсем не обязательно для всех 28 стран с их кардинальным расхождением по уровню развития. Это противоречие решается в отдельно взятых странах, чьи регионы тоже отличаются друг от друга по важнейшим показателям, путем перераспределения денег от богатых регионов к бедным, от доноров к реципиентам. Ограничителем здесь выступают государственные интересы стран-доноров.

Несмотря на все усилия и более высокий уровень обобществления производства, правительство не может привести в нужное соот-

ветствие части страны, выровнять их. В ней всегда есть процветающие и депрессивные края, демографически сильные и слабые территории (север и юг Италии, старые и новые земли Германии и расслоение среди ее старых земель). «Разрыв между беднейшими регионами Британии (в основном на севере и в Уэльсе) и богатыми (на юго-востоке) увеличился за последние 20 лет», — подтверждает английский журнал «Экономист»⁴. Между донорами и получателями финансовых средств не прекращаются споры относительно изымаемых денег в пользу последних. Им всегда мало, тогда как благополучные районы жалуются на чрезмерность перераспределения. Даже если какие-то изъяны и устраняют с помощью правительственной политики, то возникают очередные проблемы и хозяйство начинает хромать по-новому. Тем более не могут быть гармонизированы части мира, локальные объединения (в данном случае Евросоюз) при любом их сплочении, которое всегда ниже, чем в отдельно взятой стране.

Показательно приводимое в таблице 11.1 сопоставление динамики в странах еврозоны; различия в процентах накапливались из года в год и составили значительную величину ВВП.

Отсюда следует важный вывод. Кризис евро — это не какое-то случайное событие или несчастный случай, а неизбежность, закономерное отражение неоднородности экономической материи, неоднородности, которая была и есть, будь это межстрановая интеграционная территория или национальное хозяйство. Намерения западных деятелей усилить экономическую координацию и учредить некий экономический кабинет даже в случае их реализации могут поменять лишь форму и периодичность кризисов, но не отменить их. Экономическое регулирование сводится, по существу, к манипулированию сферой об-

Таблица 11.1

Сопоставление темпов роста в странах еврозоны (2005–2011 гг., в %)

Словакия	30,1	Нидерланды	9,1
Люксембург	17,2	Финляндия	9,0
Мальта	14,7	Бельгия	8,6
Кипр	14,4	Германия	8,6
Словения	11,2	Франция	5,6
Австрия	10,1	Испания	5,3

Источник: EU Kommission; Der Spiegel. 2011. No 33. S. 30.

⁴ The Economist. 2011. March 12–18.

ращения, и тут трудно преодолеть соблазн решить проблемы легким способом, т.е. заемными деньгами. Если применяются методы кейнсианские, то и результаты не могут быть другими. Как выразился один европейский эксперт, правительства похожи на заядлого курильщика, который в последний день года зарекается немедленно бросить курить, а в первый день нового года опять тянется к сигарете.

Может показаться, что создание нового европейского стабилизационного фонда (Европейский стабилизационный механизм) с его миллиардами евро есть то исцеляющее средство, которого не хватало для очередного успеха. Действительно, сумма немалая — в этом не только сила, но и слабость фонда. Чем больше размер, тем меньше шансов на то, что «здоровые» государства согласятся на постоянной основе тратить свои средства на поддержку проблемных стран. Например, Германия — крупнейшая держава континента — не видит себя в этом качестве. Она выступает против того, чтобы интеграционное объединение превратилось в союз по перераспределению средств (*Transferunion*). А если ее правительство будет действовать иначе, в интересах Европы, то свои коррективы внесут немецкие избиратели, не желающие финансировать всех подряд, или Конституционный суд, куда уже обращались противники раздачи субсидий налево-направо, но пока не получили там поддержки. Часты ссылки на такие страны, как Швеция или Швейцария, которые вполне успешно обходятся без единой валюты.

В отношении Германии как нетто-плательщика следует сделать важную оговорку. Она действительно платит больше всех в интеграционную казну. Однако если рассчитать эти платежи на душу населения, то ФРГ отнюдь не будет лидером.

Утешением для европейцев может послужить то, что шатание евро не будет постоянным. Очередную кризисную вспышку зальют деньгами, экономическая жизнь войдет в привычное русло, пока не последует новое потрясение. Регулировать экономику — это все равно, что греться у костра. Как ни поворачивайся, одной стороне тела будет жарко, другой — холодно. «Чтобы кризисы не повторялись, — пишут известные немецкие политические деятели Пеер Штайнбрюк и Франк-Вальтер Штайнмайер, — нам нужна долгосрочная действенная программа мер по более строгому регулированию финансовых рынков». «Чтобы кризисы не повторялись» — звучит для политиков такого масштаба как-то наивно. В том-то и дело, что кризисы — это рыночные перегибы, повторению которых невозможно воспрепятствовать. Это нерациональная рациональность рыночного хозяйства, и никакой контроль не устранит ее. Есть, конечно, альтернатива — это национализация по-социалистически, но тогда придется считаться с

общим понижением эффективности хозяйствования, на что западные страны не пойдут из-за соображений конкурентоспособности.

Содержание французской экономической стратегии раскрыла бывшая министр экономики, промышленности и занятости Кристин Лагард в своем интервью журналу «Эксперт»⁵. Цель — войти в «добродетельный круг». Если люди работают дольше, то они платят налоги, получают зарплату, на них не надо тратить деньги из социального бюджета, чтобы платить пенсии, они больше потребляют, и в результате потребность в рабочих руках возрастает и безработица уменьшается, считает она. В противоположность этому кругу есть порочный круг раннего выхода на пенсию. Здесь, по ее словам, происходит все наоборот — меньше потребление, ниже производство, выше безработица. Этими аргументами обосновывается (не только во Франции) повышение срока выхода на пенсию с 60 до 62 лет для женщин и с 65 до 67 лет для мужчин.

Если практика — критерий истины, то экономической политике еще нигде не удалось создать упомянутый добродетельный круг. Можно, конечно, за него принять экономический рост, но этот гребень весьма недолог, и экономическая динамика после подъема падает ниже нуля, заставляя врасплох и политику, и науку.

Следующим, вторым нерешенным вопросом интеграции является социальная составляющая. Здесь следует различать два аспекта.

Объективный экономический закон роста потребностей по мере развития производительных сил находит выражение в общем улучшении жизни населения, хотя и происходит это не без трудностей и не без борьбы, например, между профсоюзами и объединениями предпринимателей. Нередко к этой борьбе подключается правительство, стремясь предотвратить разрастание конфликта. Как бы то ни было, общая экономическая динамика, различаясь по странам, позволяет облагораживать материальные условия жизни. Можно назвать этот процесс предопределенным, или иначе выторговыванием взаимных уступок, размер которых зависит от эффективности производства и силы партнеров. А они существенно различаются по странам, например, по степени организованного рабочего движения.

Обобщая, отметим, что заслуга в повышении жизненного стандарта принадлежит, прежде всего, научно-техническому прогрессу, который и создает запасы для упомянутых уступок, а роль социальных партнеров при этом не поддается измерению. Математические формулы здесь бесполезны.

⁵ Эксперт. 2010. № 39.

Другое дело — экономическая дифференциация общества. Здесь вина целиком лежит на государстве. Интеграция не устранила и не могла устранить разрыв в благосостоянии разных слоев населения, поэтому она не обладает большой привлекательной силой для них. Не случайно важнейшие решения в Евросоюзе проводятся через национальные парламенты, а не через референдумы. Конечно, не следует отрицать определенное продвижение вперед в социальной области в ходе интеграции (косвенная выгода от экономической кооперации, демонстрационный эффект, международная солидарность при забастовках, конституционное закрепление социального характера государства), однако здесь мы имеем дело с материями во многом разного свойства — интеграция преобразует производительные силы, но проходит мимо социальных отношений. Их умиротворение не зависит от параметров страны, равно как и от того, входит ли она в интеграционный союз или нет.

В Евросоюзе получает распространение такой социальный параметр, как индикатор лишений (*Deprivations-indicator*). Он рассчитывается по следующему принципу. Берутся девять позиций образа жизни, и если три из них отсутствуют, то семья считается страдающей от материальных лишений. Если отсутствуют четыре позиции и более, то семья определяется как сильно страдающая материально. Эти позиции такие:

- финансовая проблема: невозможность своевременно оплачивать арендную плату или другие бытовые счета;
- финансовая проблема: невозможность поддерживать нужную температуру в квартире;
- финансовая проблема: невозможность оплачивать из собственных средств неожиданные расходы умеренного размера;
- финансовая проблема: невозможность питаться через день мясом, рыбой или качественными вегетарианскими продуктами;
- финансовая проблема: невозможность ежегодно проводить одну неделю во время отпуска вне собственной квартиры;
- отсутствие автомобиля в семье;
- отсутствие стиральной машины в семье;
- отсутствие цветного телевизора в семье;
- отсутствие телефона в семье.

На основе этих пунктов подсчитан индекс материальных лишений для европейских стран в 2009 г., который колебался от 4,8% (1,6%) в Швеции до 55,5% (41,9%) в Болгарии.

Таблица 11.2

Индекс материальных лишений, в %

Страна	Материальные лишения	Очень значительные материальные лишения	Страна	Материальные лишения	Очень значительные материальные лишения
Болгария	55,5	41,9	Чехия	15,6	6,1
Румыния	49,3	32,2	Мальта	14,8	4,7
Венгрия	40,9	20,8	Франция	13,5	5,6
Латвия	39,	21,9	Германия	12,5	5,4
Польша	29,5	15,0	Бельгия	11,4	5,2
Литва	27,0	15,1	Испания	11,3	3,5
Словакия	24,5	11,1	Австрия	10,9	4,8
Греция	23,0	11,0	Великобритания	10,3	3,3
Португалия	21,5	9,1	Финляндия	8,2	2,8
Кипр	21,2	7,9	Швейцария	6,7	2,1
Ирландия	17,1	6,1	Дания	6,0	2,3
Эстония	17,1	6,2	Нидерланды	5,2	1,4
Словения	16,2	6,1	Норвегия	5,2	2,2
Италия	15,6	7,0	Швеция	4,8	1,6

Источник: Wirtschaft und Statistik. Mai 2011. S. 485.

Как видим, в некоторых странах ЕС бедностью затронута значительная часть населения, и перспектива вырваться из нее остается туманной.

Тот повторяющийся факт, что кризис обрушивается на экономику как с неба, свидетельствует о сохраняющейся ненадежности экономического прогнозирования, и здесь мы переходим *к третьему пункту*. Интеграция не повысила точности прогнозов, а в чем-то усложнила этот вид деятельности. Если в доинтеграционную эпоху экономические предсказания, на которые более или менее ориентировалась политика, отягощались каким-то числом неопределенных факторов, то сейчас это число надо множить на 28. Отсюда происходят беспрестанные дискуссии относительно будущего развития, что вполне простительно ввиду чрезвычайно сложной материи. Кстати, не лишен занимательности тот факт, что такие экономические прорицатели, как

Й. Шумпетер и Дж.М. Кейнс потеряли в свое время значительные личные средства на кризисном падении курса акций.

Между тем неясность перспективы затрудняет регулирование, которое при наступлении кризиса всегда являет собой сплошной экспромт. Как говорят сейчас западные эксперты, правительства в борьбе с кризисом, может быть, и не повторят старых ошибок, однако могут сделать много новых, и с ними можно согласиться. На международной арене непредсказуемое влияние закона стоимости более ощутимо, чем в национальных рамках, где для него коридор сужен государственным вмешательством. Эвристика, если под ней понимать методическую систему для познания чего-либо, в экономике безнадежно наталкивается на «сопротивляемость материала».

Из-за серьезных трудностей страны Евросоюза вынуждены были отойти от выполнения положения Лиссабонского договора, согласно которому каждая страна самостоятельно решает свои проблемы и не рассчитывает на помощь участников союза. В эту статью был заложен не только экономический смысл, который заключался в том, что национальное правительство несет полную ответственность за свои обязательства и результаты своих действий. Здесь имеется и политэкономическое содержание. Была сделана попытка по возможности исключить влияние внешнего фактора на ход внутреннего развития, на экономическое регулирование как в странах-донорах, так и в странах-реципиентах. Как известно, внешний фактор вносит существенные коррективы в конъюнктуру, искажает и преобразует ее. Однако эти намерения не оправдались.

Четвертый вопрос, который не смог решить Евросоюз, — это территориальные разногласия внутри и вне его. Сюда относятся Гибралтар, разделенный Кипр, Фолклендские острова и др. «Нам не нужен второй Кипр», — высказала свое мнение Ангела Меркель по поводу возможного в перспективе вступления Косова в Евросоюз. В этих словах чувствуется неудовлетворенность существующим положением вещей в ЕС относительно территориального размежевания.

Членство в ЕС не снимает приоритета индивидуальных государственных интересов стран перед коллективными интересами участников интеграции и перед их обязательствами внутри альянса. Государственный эгоизм неустраним он стоит выше норм сообщества, он *über alles*. Это проявляется во многом, но с наибольшей силой в территориальных спорах.

Пятая проблема Евросоюза заключается в том, что на его пространстве сохраняются центробежные национальные и прочие антагонизмы. Бельгия находится на грани распада. Если говорящие на

разных языках Фландрия и Валлония готовы пожертвовать единством нынешней страны, то при гипотетическом коллапсе Бельгии они в той же мере будут мало озабочены укреплением Евросоюза с его многими служебными языками. Перечень можно продолжить: Страна Басков, Каталония, Северная Ирландия, Шотландия, Гренландия, Корсика... Сепаратизм поддерживается лозунгом «Европа регионов», который при логическом продолжении означает раскассирование государств как таковых. В Европе существует такой интеграционный субрегион, как Вишеградская четверка (Польша, Чехия, Словакия и Венгрия) произошло условное разделение Европы на южную и северную части.

А тут еще возрастает опасность для Евросоюза с неожиданного направления, а именно от притока иммигрантов со всего мира. Без них европейские страны не могут обеспечить себе, с одной стороны, необходимую экономическую динамику, а с другой стороны, увеличение доли легальных и нелегальных эмигрантов в численности жителей приведет в перспективе к перманентным беспорядкам и ухудшению самочувствия титульного населения.

Шестой нерешаемой задачей является неспособность Европы стать самостоятельным военным союзом. Основную ответственность за оборону и нападение несут США в рамках НАТО и вне этой организации, и такой порядок вполне устраивает их европейских союзников. Само существование Североатлантического блока не способствует, а скорее, противодействует интеграционному процессу, поскольку важнейшая составляющая функция любого государства — оборона — находится под неевропейским контролем. НАТО — это «нога в двери» интеграции. В то же время без США страны Евросоюза в силу их неоднородности, разных параметров и предпочтений объективно не в состоянии быть в военном отношении на уровне XXI в. По словам Збигнева Бжезинского, в политике безопасности Европа остается протекторатом США. Когда в Старом Свете пишут, что «русские знают, что они не могут иметь хороших отношений с Европой, если у них плохие отношения с Америкой», то это лишний раз фиксирует ведомое положение младшего союзника⁶. В Европе нет такого военного лидера, который мог бы сплотить вокруг себя остальные страны континента.

Характерной чертой современной европейской цивилизации является ее несамостоятельность — она выражает готовность подчиняться Соединенным Штатам Америки и подчиняется им. У европейцев только одни помыслы — лишь бы их не бросили США.

⁶ The Economist. 2011. April 23. P. 27.

Расширение Евросоюза ничего здесь не меняет. Происходит лишь арифметическое сложение ВВП, территорий, численности населения, а зависимость от США как была, так и остается. Закон превращения количества в качество в данном случае не работает. Неравноправие между Старым и Новым Светом — малоприятный факт для Европы, и о нем предпочитают не говорить подобно тому, как члены благородного общества не склонны распространяться о своих недугах.

Широко известны язвительные слова Генри Киссинджера: где тот номер телефона Европы, куда можно было бы позвонить и узнать ее мнение по разным вопросам. Как видим, в расчет не берутся руководящие органы ЕС. В ответ европейские деятели, действуя по принципу «око за око», могли бы спросить, а насколько сами США являются европейской страной? Здесь недостаточно ссылки на единые цивилизационные истоки. В своей агрессивности США приобрели новое качество, отличающее их в худшую сторону от Евросоюза. Отнюдь не стремясь к парадоксальности, можно сказать, что, не будучи европейской державой, США возглавляют Европейский континент и представляют тот самый номер телефона, куда следует звонить за консультацией.

На своем историческом пути США неоднократно сталкивались со стратегическими противниками и Вашингтону сопутствовал успех. Сначала это была Англия, потом Германия и Япония, Евросоюз, ставшие в конце концов подчиненными союзниками США, затем Советский Союз.

Ныне нелегким контрпартнером является Россия, которая утратила военный паритет и сейчас стремится его восстановить, а в будущем принципиальным соперником Соединенных Штатов выступит Китай с неясным исходом этого противостояния. Кто знает, может быть, когда-нибудь Европа сменит своего покровителя, действуя по принципу: кто сильнее, тот и цивилизационный друг.

Суть явления часто высвечивается предельно ясно. Во время крымских и украинских событий в 2013–2014 гг. США взяли на себя главную роль в применении санкций в отношении России и оказывали всемерное давление на своих европейских союзников с той же целью. Они настаивали на расширении перечня санкций и на их скоординированности, т.е. желали нанести максимально возможный ущерб нашей стране, как это было в период холодной войны. В ход были пущены все рычаги нажима. Европа по ряду позиций уступила, сознавая вместе с тем, что санкции ударят и по ней.

Конечно, нельзя не видеть кровную связь между США и Европой, но как бы мы ее ни характеризовали как единую цивилизацию или как

ее подвиды, очевидным остается факт подчинения одного континента другому.

В 2012 г. произошел обмен мнениями по обе стороны Атлантики относительно создания общей зоны свободной торговли. Признавая экономическую эффективность такого сближения, эксперты расходятся в своих представлениях насчет диапазона этой свободы, т.е. вносить ли в соглашение все виды товарообмена или сохранять ограничения, например, на ГМО или пошлины на отдельные продовольственные товары. Высказываются опасения, что если одна сторона будет настаивать на каких-то исключениях, то другая сторона в ответ выдвинет свои претензии, и таким образом «гора родит мышь».

Американского интеллектуала Сэмюэла Хантингтона, скончавшегося в 2008 г., нельзя отнести к прорицателям светлого будущего для человечества. Будут ли звездные войны, еще не известно, но вот идея о столкновении цивилизаций, первоначально выдвинутая в 1993 г. в его журнальной статье, не теряет актуальности. Дело не только в спорах вокруг нее. Некоторые оппоненты обвиняют Хантингтона в том, что его рассуждения способствуют объединению исламского мира и что, начитавшись Хантингтона, западное общество впадет в еще большее уныние перед лицом наступающего соперника. Главное в том, что такое столкновение уже сейчас нельзя отрицать, и первой жертвой становится Европа, если иметь в виду разрушительный иммиграционный фактор.

Поэтому к изложенному тезису о несамостоятельности Европы по отношению к США добавим другой тезис — о степени ее внутренней жизнеспособности.

* * *

Перечисленные неинтеграционные и антиинтеграционные факторы ставят пределы, казалось бы, безальтернативному сближению стран, их растворению в общем пространстве, объединению национальных квартир без всяких перегородок. Надгосударственные институты в интеграционной Европе не означают отмирания государства как такового, а отражают лишь другие формы его существования. А раз так, то сохраняются все предпосылки коллизий и конфликтов.

Межстрановые объединения, федерация, конфедерация или что-то другое имеют интересное свойство. При вступлении в них участники подчеркивают общую пользу, а после вступления стремятся к односторонним выгодам. Кризис зоны евро показал, что прежние национальные предрассудки и антипатии никуда не исчезли — они ждали своего часа. Это не война всех против всех, но и не территория всеобщего взаимопонимания.

Следующий отсюда общий вывод вряд ли может кого-нибудь порадовать, нас в том числе. Если раньше успехи интеграции породили надежду на то, что ее участникам удастся силой интеллекта и доброй воли создать некое благоразумное устройство на своей территории, что они смогут избавиться от наследия неблагополучного прошлого, то сейчас приходится, к сожалению, расстаться с этой надеждой. Это тяжелое прозрение не только Европы, где в интеграции видели великий шанс не только преобразования общественной жизни, но и остального мира, в котором еще не развеялись эти иллюзии.

«Европа скачет дальше. *Trepeschut u rejut ot ветра одежды. — Tremulae sinuantur flamine vestes*», — такими словами закончил известный английский автор Норман Дэвис свой фундаментальный труд «История Европы», вышедший на русском языке в 2006 г. Сейчас патетика в отношении Европы поутихла. Европа не скачет больше, а с тревогой вступает в неизвестное будущее, опасаясь всяких неожиданностей. Бывший канцлер ФРГ Гельмут Шмидт заявил в 2012 г.: «Я не вижу в Европейском Союзе вдохновения для мира. Я рассматриваю его как предприятие, которое было неправильно задумано на основе слишком быстрой экспансии и, вероятно, потерпит неудачу».

Россия не выиграет от гипотетического коллапса Евросоюза, когда наши отношения с европейскими странами невольно вернулись бы к двустороннему характеру. У Запада есть двойная страховка от несанкционированных «прыжков в сторону» отдельных стран, или, если выражаться дипломатично, чтобы не допустить их самостоятельного курса во внешней политике — это Евросоюз и НАТО. При распаде ЕС на составляющие усилятся дисциплинирующие меры из натовской штаб-квартиры. Преобладание США в Европе стало бы абсолютным.

Как представляется, до развала Евросоюза дело все-таки не дойдет, но между интеграцией и дезинтеграцией будет отныне существовать подвижный дисбаланс. В XX в. закончился крахом великий эксперимент по строительству коммунизма, а теперь похоже на то, что реальность окажется намного сложнее задуманного европейского интеграционного мегапроекта.

Глава 12

РОССИЯ МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

В силу истории и географии Россия является двухконтинентальной державой, одна треть которой занимает восточную часть Европы, а две трети — северную часть Азии. Этнически свыше 80% россиян — славяне, менее 20% — азиаты. Подобное географически-этническое противоречие почти два века питает споры российских интеллигентов, которые никак не решат, к какому континенту принадлежит Россия, хотя ответ на этот вопрос достаточно прост: Россия — часть Европы и часть Азии. Однако сложность нашей геополитической ситуации состоит в том, что наша двухконтинентальность имеет, по крайней мере, три важных измерения — историческое, идеологическое и экономическое.

История двухконтинентальности

Российская географическая «двухконтинентальность» дарована нам историей и, являясь очевидным благом, сама по себе не слишком сильно воздействует на нашу внешнюю политику, однако вопрос о внешнеполитической ориентации России тесно связан с идеологическим наследием наших контактов с азиатской цивилизацией.

По своему менталитету, религии, по многим национальным обычаям, несомненно, Россия цивилизационно принадлежит к Европе. В то же время мы отличаемся от Европы, хотя очень часто пытаемся прикрыть это разговорами об «особой российской цивилизации». Эти отличия стали результатом российской истории, и главное место в нашем отходе от европейских социальных, юридических и поведенческих норм сыграли два фактора. Прежде всего, это татаро-монгольское нашествие, которое на долгое время определило идеологический дрейф в сторону от Европы. Менее значительным, хотя и достаточно важным, явилось наше близкое соседство с Азией, закрепленное экс-

пансией Российской империи на Восток, что определило ее географическую двухконтинентальность, ставшую весомым аргументом сторонников «особости» российской цивилизации. Наша сегодняшняя принадлежность к Азии никак не связана с какой-либо общностью с зарубежными жителями этого континента.

Попытки уйти от нашей европейской идентичности, сделать акцент на российское евразийство содержат в себе фактическое, хотя и не всегда открыто декларируемое, оправдание противопоставления демократии тому тоталитарному наследию, которое мы исторически получили от наших восточных соседей по континенту.

Формирование национальных стереотипов и всего того, что определяет общественное и бытовое поведение человека, происходило на протяжении всей нашей истории. В конечном итоге, эти отличия от европейских норм и стереотипов и являются главным фактором неопределенности нашего собственного ценностного позиционирования. Мы уже не первый век стоим перед трудностями идеологического выбора между европейской демократией с ее реальными и часто приписываемыми ей недостатками и встроенным в национальное сознание тоталитаризмом. При этом проблема такого выбора напрямую связана с будущим страны, поскольку столь необходимая нам модернизация непосредственно связана с демократией.

В своей статье «Россия, вперед!» бывший президент Д.А. Медведев подчеркивал как то, что «демократия нуждается в защите», так и то, что «не ностальгия должна определять нашу внешнюю политику, а стратегические цели модернизации России»¹. Хотелось бы предположить, что под ностальгией подразумевалось именно прощание с тоталитарными чертами нашего прошлого.

Наш отход от европейских ценностей имеет долгую историю. Киевская Русь развивалась как европейское государство, имела матримониальные связи с правителями Византии, Греции, Франции и других европейских стран, торговала, воевала и мирилась с соседями, а ее территория была сопоставима с землями Священной Римской империи. Вопрос континентальной принадлежности Руси решался однозначно в пользу Европы. Азия напоминала о себе войнами с приграничными печенегами или хазарами, что определялось положением Руси на окраине, но внутри европейской цивилизации. Крещение Руси окончательно подтвердило ее европейский выбор.

Развитие государства, претендовавшего на культурное и политическое наследие Киевской Руси, в силу исторических причин сделало

¹ РИА Новости. 10.09.2009.

его евразийским не только в географическом и ментальном смыслах, но и в идеологическом. Процесс подобного превращения происходил в несколько исторических этапов.

Первый этап смешения европейских образцов поведения с азиатскими у русских начался вследствие общей границы Киевской Руси с печенегами, половцами, хазарами, скифами и другими народами Азии. Хотя принято считать, что именно монгольское нашествие стало причиной русского дрейфа в сторону Азии, смешение европейского с азиатским на Руси началось задолго до XIII в. Как писал Н.М. Карамзин, «не Татары выучили наших предков стеснять женскую свободу и человечество в холопском состоянии, торговать людьми, брать законные взятки в судах... мы все то видели у Славян и Россиян гораздо прежде»². В то время и Европа вела религиозные по форме, но захватнические по сути войны с восточными соседями. Однако если Россия воевала со степными народами, социальный и бытовой уровень которых был намного ниже нашего, то крестоносцы пытались завоевать народы, чья культура в то время была значительно выше европейского уровня.

Вторым этапом этого процесса стало то, что мы именуем татаро-монгольским нашествием, хронологические рамки которого определяются 1237 г., когда кочевники-монголы, создавшие империю, простиравшуюся от Тихого океана до Черного моря, вторглись на земли русских княжеств, и поражением Большой Орды в 1480 г., после чего Русь окончательно стала самостоятельной. Более 240 лет Россия фактически находилась под властью монгольских ханов, что естественно не слишком способствовало культурному обмену между русскими княжествами и Западом. Итоги монгольского нашествия на долгие годы приостановили развитие европейской составляющей русской культуры. Это отнюдь не означало превращение русских в азиатов. Были сохранены язык, культура, а главное, в силу веротерпимости монголов, христианская вера, объединявшая народ.

В силу длительности монгольского ига шел процесс определенной ассимиляции — некоторые обычаи и бытовые привычки завоевателей стали частью русской культуры, в языке появилось множество восточных слов. Тем не менее по замечанию того же Н.М. Карамзина, «... Россияне вышли из-под ига более с Европейским, нежели Азиатским характером», хотя Европа «в сии 250 лет изменилась, а мы остались, как были»³. Иными словами, по словам историка, мы остались

² Карамзин Н.М. История государства Российского. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 270.

³ Там же. С. 270.

на том уровне, на котором Европа была в начале XI в., а была она: «Феатром Поместного (феодалного) тиранства, слабости Венценосцев, дерзости Баронов, рабства народного, суеверия, невежества»⁴. В то же время освобождение Руси от ига пришлось на период расцвета Ренессанса в Европе. Эти два с половиной века консервации развития и создали условия, при которых Россия на долгие годы оказалась в положении страны, догоняющей своих европейских соседей. Это определяло не только сложность подобного соревнования, но и естественный комплекс неполноценности, обычно сопровождаемый ощущением ущемленной гордости.

Годы рабства во многом изменили ментальность и психологию людей. По словам Карамзина, «забыв гордость народную, мы выучились низким хитростям рабства, заменяющим силу в слабых; обманывая Татар, более обманывали и друг друга; откупаясь деньгами от насилия варваров, стали корыстолюбивее и бесчувственнее к обидам, к стыду, подверженные наглостям иноплеменных тиранов»⁵.

Третьим этапом было провозглашение Москвы «новым Третьим Римом» после падения Константинополя в 1453 г., что окончательно определило антизападный вектор развития православной церкви. Русская церковь, выбирая между веротерпимостью монгольских завоевателей и потенциально доминантным влиянием Рима, отказалась присоединиться к Флорентийской унии 1439 г., что отделило православную церковь от восточной церкви. Этот выбор, очевидно, определялся справедливыми политическими расчетами, но создал ситуацию противостояния между Западом и Россией, распространявшегося при этом не только на церковь, но и на власть, и на народ. Иван Грозный в 1582 г. отверг экуменистические попытки Папы Григория XIII объединить церкви. В ответ на слова папского посланника Антония Поссевина о том, что «Папа хочет, чтоб во всем мире была одна церковь: мы бы ходили в греческую, а славяне греческой веры приходили бы в наши церкви», царь ответил, что «нам с вами не сойтись о вере: наша вера христианская с издавних лет была сама по себе, а римская церковь сама по себе»⁶.

После избавления от ига Орды угроза с Востока исчезла, а на Западе лежали славянские земли, захваченные соседями в период нашествия. В российском политическом и народном сознании Запад надолго, если не навсегда, остался соперником и захватчиком, что определяло

⁴ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 266.

⁵ Там же. С. 267.

⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. III. Т. 6. М.: Мысль, 1989. С. 649.

российский отказ от разного рода предложений о сотрудничестве со стороны Европы и негативное отношение к западным соседям.

Четвертый этап начался со взятия Иваном Грозным Казани в 1552 г., положившего начало русской географической и культурной экспансии на Восток, которая фактически продолжалась до поражения России в войне с Японией в 1905 г. Огромная Российская империя, которая на пике своего могущества простиралась от границ с Германией на Западе до Тихого океана на Востоке, в основе своей сохраняла введенное в 1497 г. феодальное крепостное право, что в известном смысле для большинства населения было продолжением Ордынского рабства, фиксацией психологии азиатского иерархического подчинения. В Российской империи до отмены в 1861 г. крепостного права фактически существовало две страны. На уровне власти Россия, начиная с царства Ивана III, весь этот период в разной степени интенсивности контактировала с Европой, заимствовала европейскую культуру и основы европейской политической мысли. Однако даже грандиозные петровские реформы, направленные на европеизацию России, не слишком затронули крестьянское большинство, которое еще долго определяло формирование национального менталитета. Чувство религиозного превосходства перед Западом, культивировавшееся церковью и двором, переносилось на поведение людей. Для русских любой не- православный был чужаком «поганым и басурманином», и это распространялось как на выходцев из Западной Европы, так и на мусульман. «Русский человек считал оскорбительным для чести народности, а тем более православия, входить в близкие сношения с иноверцами не только в делах веры, но и практического, житейского быта»⁷, — писал историк церкви Лев Рушинский в 1871 г.

Петровские реформы во многом изменили российское отношение к Западу. Царь откровенно призвал учиться у Европы, сам поехал туда и начал жестокие, но назревшие политические и технологические реформы. Петр был создателем регулярной русской армии и флота, он модернизировал систему управления, начал создавать собственную промышленность; при этом в своих реформах он использовал европейские образцы. Однако петровские реформы сопровождались сохранением абсолютизма власти и крепостничества, что было наследием правления Орды, которую идеологи классического евразийства

⁷ Рушинский Л.П. Религиозный быт русских: по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М.: Императорское Общество Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1871. С. 202–203.

считали геополитической и идеологической предшественницей Российской империи, созданной Петром⁸.

С одной стороны, реформы Петра I и его военные победы окончательно сделали Россию частью европейской системы международных отношений, с другой — сохранение деспотичной системы правления закрепило отставание от Европы, где быстрыми темпами развивались промышленность и торговля. До конца XIX в., несмотря на то что Российская империя стала грозной политической и военной силой на европейском континенте, она сохраняла все ту же восточную деспотическую систему правления. Европейское образование, переписка Екатерины II с Вольтером, блестящий петербургский двор и многое другое оставались привилегией дворянства, составлявшего лишь малую часть российского населения.

Пятым этапом было создание многонационального СССР, где, с одной стороны, существовало единство значительной части народов, населявших страну, а с другой — в условиях отсутствия демократии депортировались целые народы. В этот период за счет внутренней миграции населения, смешанных браков, существования единого государства шел процесс формирования евразийского государства, которое в то же время не слишком задумывалось о своем европейском или азиатском самоопределении. Сначала мы были советским народом, а уж потом русскими, украинцами или казахами.

С точки зрения системы управления государством, СССР, несмотря на провозглашение принципов народовластия, вернулся «в начало XX в.». Лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», впоследствии смягченный призывом к «мирному сосуществованию двух систем», закрепили нашу идеологическую конфронтацию с Западом. Глобальная угроза фашизма определила союзнические отношения СССР с США и Великобританией⁹, но после окончания Второй мировой войны конфронтационные отношения между социализмом и капитализмом вновь возобновились и сохранялись до начала горбачевской перестройки. М.С. Горбачёв начал говорить о Европе «от Бреста до Владивостока», а главное — позволил разрушить Берлинскую стену. Запад

⁸ Вернадский Г.В. Монголы и Русь. М.: Аграф, 1997.

⁹ 22 июня 1941 г. посол СССР в Лондоне И.М. Майский посетил министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена, который заверил его в том, что «Англия будет твердо поддерживать СССР в этой войне». В тот же день, прослушав речь премьера У. Черчилля, обещавшего поддержку СССР в войне, Майский, который еще вчера выступал как союзник Берлина, подумал: «Порадуемся успеху сегодняшнего дня, а дальше видно будет» (см.: Майский И.М. Воспоминания советского дипломата. 1925–1945 гг. М.: Наука, 1971).

давал обещания оказывать СССР всяческую помощь, но при этом, по достаточно понятным причинам, с удовольствием наблюдал за развалом своего главного геополитического соперника.

Шестой этап формирования нашего евразийства начался с распада СССР и превращения азиатских республик в самостоятельные государства. После этого Россия достаточно долго не обращалась к теме двухконтинентальности. Потеряв значительную часть своей азиатской территории и большую часть азиатского населения, мы с более чем 80% славянского населения этнически стали европейской страной. Однако можно ожидать, что азиатская составляющая нашей демографии может вырасти за счет широкого потока мигрантов из Азии, обусловленного экономическими причинами.

Идеологические последствия

Если попытаться подвести некоторые итоги формирования нашей политики и идеологии, которые сложились к сегодняшнему дню, то следует отметить, что, несмотря на серьезные изменения, которые произошли в период отхода от вросшего в национальное сознание тоталитаризма, окончательно избавиться от этого наследия нашей истории, к сожалению, так и не удалось. Мы считали и продолжаем считать Запад нашим основным врагом, хотя основа подобной конфронтации — идеологические противоречия — уже почти четверть века не стоят на повестке дня.

Как и во времена нашествия Орды, Запад воспринимается как сила, которая постоянно готова ущемить наши интересы в самом широком географическом, экономическом или в любом другом плане. Мы забываем только об одном: мы сегодня намного больше думаем о Западе и о его кознях, чем они думают о нас. В период холодной войны там постоянно оценивали нас, думали как о противнике, поскольку боялись нас. Сегодня они вспоминают о России или в связи с перекрытием газовой трубы зимой, или с принятием Думой «закона Димы Яковлева». Там пишут о нас, когда жена мэра нашего крупнейшего города становится миллиардершей или когда одну из крупнейших нефтяных компаний покупает никому неизвестная «Байкалфинансгруп», зарегистрированная всего за две недели до аукциона в здании, где находились рюмочная и магазин сотовых телефонов. Они говорят о том, что не укладывается в их понимание демократии — о наших принципах ведения бизнеса, о действии судебной системы, о масштабах нашей коррупции.

Именно в этом отходе от общепринятых в цивилизованном мире принципов жизни и заключаются наши сегодняшние отличия от Запада и корень сохраняющихся противоречий с Европой и США. Мы обвиняем их в двойных стандартах в подходе к принципам прав человека, ссылаясь на их спокойное отношение к репрессивным режимам в других частях мира, но при этом забываем, что к нам подходят с критериями, предъявляемыми цивилизованному миру. Несмотря на долгую историю противостояния Запада и России, мы всегда оставались для Запада не только «жандармом Европы» или «империей зла», но и страной общей с ним европейской культуры. Нам давно пора отказаться от того, что Ф.М. Достоевский назвал «деликатным страхом перед Европой»¹⁰, поскольку мы — неотъемлемая часть европейской цивилизации.

В то же время общепринятые нормы поведения в политике, в экономике и в быту должны стать нормой и для нас. Мы должны рассматривать это не как уступку Западу, а как расставание с нашим историческим тоталитарным наследием. Со времени монгольского вторжения в 1237 г. наш народ жил в условиях демократии совсем недолгое время. В 1905 г. Николай II легализовал политические партии и разрешил созыв Государственной думы. После 1917 г. эти ростки демократии уничтожили, и только с приходом к власти М.С. Горбачёва были сделаны попытки вернуть нам демократические ценности и внутреннюю свободу. Он стал первым советским правителем, кто ушел из власти по собственной воле, что более чем что-либо другое говорило о происходящих изменениях.

Эксперимент с демократией в новой России оказался не совсем удачным. Власть и народ не смогли полностью воспользоваться ее благами. По-видимому, объективно мы были не совсем готовы к этому, хотя такими, какими мы были в еще недавнем прошлом, мы уже никогда не станем.

Новая Россия лишь на словах встала на путь рыночной экономики и демократии. Б.Н. Ельцина многие журналисты и политологи, даже признавая его многочисленные политические ошибки и просчеты, считают демократом. На мой взгляд, если он действительно был бы таковым, то в 1996 г. президентом стал бы Г.А. Зюганов, а уже в 2000 г. народ, на своей шкуре почувствовав прелесть возвращения в «светлое прошлое», действительно выбирал бы президента на основе честной демократической процедуры. По сути, правление первого российско-

¹⁰ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 26: Дневник писателя. М.: Наука, 1984. С. 31.

го президента являлось первым шагом к новому возвращению к авторитаризму и компрометацией принципов демократии.

К началу нового века Россия подошла с продолжающей стагнировать экономикой, основанной не на рынке, а скорее, на полукриминальном базаре; ельцинская демократия выродилась не в свободу, а в настоящую вольницу, не подчинявшуюся ни закону, ни здравому смыслу. В результате были нарушены экономические и культурные связи между Россией и постсоветским пространством, а сама Россия оказалась перед угрозой хаоса и распада.

Сменивший Б.Н. Ельцина на посту президента В.В. Путин поставил задачу возвращения страны в нормальное русло развития, и во многом эта задача была решена. В России начался рост ВВП, сократилась численность населения, живущего ниже уровня бедности, вырос индекс производства обрабатывающих отраслей. В 2011 г. по сравнению с 2000 г. почти в 6 раз вырос объем внешней торговли. Значительное влияние на позитивное развитие экономики оказывала благоприятная конъюнктура цен на углеводородное сырье, продажа которого дает около половины доходов российского бюджета и 65% экспорта. В то же время многие проблемы российской экономики остались нерешенными, а формирование бюджета оказалось заложником высоких цен на нефть и газ. Развитие страны тормозила коррупция, которая приняла системный характер.

На смену ельцинскому демократическому хаосу в 2006 г. пришли кремлевская «суверенная демократия» В.Ю. Суркова и «вертикаль власти» В.В. Путина. Это, по сути, обозначало публичную декларацию того, что Россия остается демократической страной, но де-факто государство само будет определять методику и практику применения демократических норм. Отказываясь признать тот факт, что демократия имеет европейские корни, мы начали поиск собственных форм демократии. Мы не были здесь первооткрывателями: ни один правитель никогда не назовет свою власть недемократичной (так, три Кима возглавляли и возглавляют Корейскую Народную Демократическую Республику, Пол Пот стоял во главе Демократической Камбоджи). Нравилась суверенная демократия далеко не всем даже в Кремле. Будущий президент России и будущий премьер-министр Д.А. Медведев в 2006 г. справедливо заметил, что «если же к слову “демократия” приставляются какие-то определения, это создает странный привкус и наводит на мысль, что все-таки речь идет о какой-то иной, нетрадиционной демократии»¹¹.

¹¹ Эксперт. 2006. № 28.

Таблица 12.1

Социально-экономическое состояние стран постсоветского пространства*

Страны	Индекс демократии 2012 ¹⁾	Индекс экономической свободы 2013 ²⁾	Индекс свободы печати 2013 ³⁾	Индекс восприятия коррупции 2012 ⁴⁾	Индекс человеческого развития 2012 ⁵⁾	Место по уровню ВВП на душу населения и его объем, в долл. 2013 ⁶⁾
Россия	122	139	148	127	55	78/17 500
Украина	80	161	126	144	78	137/7 200
Белоруссия	141	154	157	123	50	85/15 000
Казахстан	143	68	160	140	69	97/13 500
Узбекистан	161	162	164	168	114	170/3 500
Киргизия	106	89	106	150	126	184/2 400
Таджикистан	151	131	123	154	127	188/2 200
Туркмения	161	169	177	168	102	127/8 600
Армения	114	38	74	94	86	149/5 900
Азербайджан	139	88	156	127	91	115/10 400
Молдавия	67	115	55	102	112	171/3 400
Грузия	93	21	100	55	72	150/5 800
Латвия	42	55	39	49	44	74/18 100
Литва	47	22	33	43	41	67/21 400
Эстония	34	13	11	28	34	66/21 700

* Чем меньше показатель, тем лучше состояние страны.

Источники: 1) Democracy Index 2013 Economist Intelligence Unit;
 2) 2013 Index of Economic Freedom;
 3) Reporters without borders, Press Freedom Index 2013;
 4) Transparency International. The Corruption Perceptions Index 2013;
 5) United Nations Development Programme: Human Development Index 2013;
 6) CIA Factbook 2013.

Тем не менее, став президентом, Д.А. Медведев ограничил свой вклад в демократизацию системы лишь декларацией о том, что «свобода лучше, чем несвобода». Несогласие с действиями властей вновь стало синонимом антипатриотизма, а если ты не патриот, то, значит, космополит, а если космополит, то борешься «с развитием нашей страны»¹², как написал член Генерального совета партии «Единая Россия» А.К. Исаев.

¹² Комсомольская правда. 11.01.2013.

При этом понятие космополит и в СССР, и в новой России всегда имело негативную коннотацию и всегда подразумевало тех, кто считает Россию европейской страной и стремится к ее развитию в стандартах западной демократии. Отход от стандартов демократии привел к новому витку оппозиционного движения и падению нашего рейтинга по шкале индексов социально-экономического состояния общества.

Россия сохраняет относительно высокий уровень индекса человеческого развития, что во многом связано с сохранившимися с советских времен системами образования и здравоохранения и уровнем ВВП на душу населения за счет высоких цен на энергоносители. При этом низкий уровень остальных показателей характерен как для России, так и для бывших республик СССР, за исключением Прибалтики, что заставляет в очередной раз задуматься о связи между экономикой и демократией.

Экономика двухконтинентальности

Экономические аспекты нашей двухконтинентальности, в свою очередь, тоже имеют два измерения. Первое касается места экономики «российской Азии» в экономике страны. Второе — экономических отношений России с зарубежными странами и места Европы и Азии в наших внешнеэкономических связях, включая отношения со странами «ближнего зарубежья».

Азиатская часть России более чем в 3 раза больше европейской по площади, но почти в 3 раза уступает ей по численности населения и значительно отстает по уровню экономического развития. Валовой региональный продукт европейской части в 2,4 раза больше, чем в азиатской части¹³, хотя именно на ней добываются две трети российской нефти и значительная часть газа, сосредоточено 85% энергоресурсов и древесины, 75% пресной воды, основная масса запасов алмазов, золота, руд цветных и редких металлов.

Экспорт европейской части Российской Федерации более чем в 2 раза больше, чем у азиатской части, а импорт более чем в 8 раз выше, что в первую очередь связано с демографическими различиями двух частей страны, поскольку российский импорт во многом состоит из тех товаров, которые так или иначе связаны с личным потреблением. Европейская часть получает львиную долю иностранных инвести-

¹³ Подсчитано, см.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011. Стат. сборник. М.: Росстат, 2011.

ций. В 2013 г. прямые и портфельные иностранные инвестиции в Россию составили 170,2 млрд долл., из которых свыше 80% пришлось на регионы европейской части страны, при этом Москве досталось более половины от всего объема капиталовложений. Связано это в первую очередь с тем, что прямые инвестиции составляют лишь 15,4% от общего объема иностранных капиталовложений¹⁴.

Трудности экономического развития Сибири и Дальнего Востока связаны с рядом факторов. В новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, принятой в июле 2008 г., указано на необходимость развития Сибири и Дальнего Востока в качестве условия закрепления принадлежности России к Азиатско-Тихоокеанскому региону, «этому динамично развивающемуся региону»¹⁵. Призыв к повороту в сторону Азии явился не только естественным и необходимым признанием растущей роли этого региона в глобальной политике и экономике, но и отражал понимание того, что основой нашего становления в качестве Азиатско-Тихоокеанской державы должно стать развитие ее азиатской части.

Первые программы развития региона принимались еще в середине XIX в., и в тот период по темпам развития Дальний Восток опережал другие части Российской империи. Туда шло массовое переселение крестьян из внутренних районов страны, что стимулировалось льготами, которые они получали от государства. Одним из важнейших двигателей развития региона стал Владивосток, имевший с 1861 г. статус порто-франко. Созданная в 1920 г. Дальневосточная Республика сумела и после своей ликвидации сохранить особый экономический статус, который был закреплен НЭПом.

В 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) и СНК «О развитии Дальнего Востока», задачей которого являлось создание оборонной промышленности на востоке страны. При этом была введена льготная шкала зарплат, что обеспечило приток рабочей силы и позволило создать в регионе мощную, хотя и ориентированную на военное производство промышленную базу и сопутствующую ей инфраструктуру.

Первая послевоенная программа развития региона была принята в 1967 г. и продолжила экономическую политику, основанную на сохранении высокого уровня оплаты труда, что позволяло развивать экономику и социальные структуры. Последнюю советскую программу приняли в августе 1987 г. Эта программа не была обеспечена финансовыми ресурсами, а главное — отменила все льготы, которые имело

¹⁴ Российский статистический ежегодник. 2012. М.: Росстат, 2012. С. 660.

¹⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 // Внешняя политика России 2000–2020. Т. III. М.: Аспект-Пресс, 2012. С. 222.

население на Дальнем Востоке и Севере. В результате Дальний Восток с 1991 по 2012 г. потерял почти 11% населения.

Остается нерешенной проблема растущего с каждым годом человеческого отчуждения населения Дальнего Востока от европейской части России. Если в советское время большинство жителей региона, имея длительный льготный отпуск и финансовые средства, могло выезжать, по их определению, «на материк», то теперь запредельные цены на авиабилеты и отмена льгот привели к тому, что значительная часть населения Дальнего Востока в XXI в. побывала в Китае, Японии или в Южной Корее, но лишь немногие посетили Европейскую часть России.

После распада СССР в сентябре 1992 г. была принята Федеральная целевая программа «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 г.». В дальнейшем, в апреле 1996 г., она была трансформирована в Программу развития Дальнего Востока и Забайкалья на 1996–2005 гг., которая в марте 2002 г. была продлена до 2010 г., а затем до 2013 г. В соответствии с последней редакцией этой программы государство планировало инвестировать в развитие этих регионов около 20 млрд долл. Эти решения были продиктованы озабоченностью государства социальным и экономическим отставанием развития Сибири и Дальнего Востока и предусматривали правильные и своевременные меры по созданию экономической базы регионов. Однако все программы имели общие черты. Их формулировки были в будущем времени и изобиловали такими определениями, как «предусмотреть», «должны стать», «необходимо обеспечить». А главное, ни одна из этих программ не была реализована полностью.

Государство продолжает демонстрировать свою заинтересованность в развитии азиатской части России. Руководство страны неоднократно посещало Дальний Восток. А в сентябре 2012 г. во Владивостоке с широким размахом был проведен саммит АТЭС, на подготовку которого, по оценкам, затрачено 679,3 млрд руб.¹⁶, что более чем в 10 раз превышает сумму доходной части бюджета Приморского края за 2012 г.¹⁷ Даже если учесть, что 300 млрд из этой суммы пошло на газовую трубопроводную систему Сахалин—Владивосток¹⁸, расходы на мероприятие, итогом которого было полтора десятка соглашений о намерениях, оказались не слишком рациональными.

В мае 2012 г. была сделана еще одна попытка решить экономические и социальные проблемы Дальнего Востока с помощью аппа-

¹⁶ Vladivostok Times. 9.11.2012.

¹⁷ Закон Приморского края о краевом бюджете на 2012 г. № 858 КЗ.

¹⁸ Пресс-конференция В. Путина по итогам саммита АТЭС-2012 / БезФормата.RU. <http://www.vladivostok.bezformata.ru/listnews/putina-po-itogam-sammita-ates/6437857/>.

ратных рычагов и создания новой программы развития региона. Решением правительства создано Министерство по развитию Дальнего Востока, первые шаги которого уже подвергнуты резкой критике президента России, а назначенный министром бывший губернатор Хабаровского края и полномочный представитель президента в Дальневосточном федеральном округе В.И. Ишаев уже в августе 2013 г. был отправлен в отставку¹⁹. Параллельно принято решение о создании Корпорации по развитию Дальнего Востока, которое, по оценке директора Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН П.А. Минакира, будет просто «формой перераспределения доходов»²⁰.

Европа и Азия в экономике России

Экономика дореволюционной России, СССР и постсоветской России всегда ориентировалась на Европу. В конце XIX — в начале XX в. главными торговыми партнерами России были Германия, на которую в 1913 г. пришлось 29,8% российского экспорта и 47,5% импорта, и Великобритания, (соответственно 17,6 и 12,6%). В Азии крупнейшими торговыми партнерами России являлись Китай, на который в 1913 г. пришлось 2,1% российского экспорта и 6,1% импорта, и Иран (соответственно 3,8 и 3,3%)²¹.

Ситуация не сильно изменилась и в советское время. В 1986 г. основными торговыми партнерами СССР выступали социалистические страны Европы, на которые приходилось свыше 60% экспорта и почти 55% импорта. Крупнейшими торговыми партнерами СССР были ГДР и Чехословакия²².

Европейская ориентация российской внешней торговли сохраняется и сегодня. В 2012 г. объем экспорта России составил 529 млрд долл., импорта — 336 млрд долл.²³, и на ЕС пришлось соответственно 48,9 и 40,3%, тогда как на страны СНГ — 14,9 и 13,8%.

¹⁹ Новый министр А.С. Галушка до своего назначения был сопредседателем Центрального штаба общественного движения «Народный фронт “За Россию”»

²⁰ Минакир: корпорация по развитию Дальнего Востока — просто форма перераспределения дохода / Mail.ru Новости. news.mail.ru/inregions/foreast/27/politics/8909449/.

²¹ Обзор внешней торговли России по Европейским и Азиатским границам за 1914 г. СПб., 1915. Табл. 5, 6.

²² Внешняя торговля СССР. Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987.

²³ Российский статистический ежегодник. 2012. С. 696.

Динамика наших экономических отношений с ЕС сегодня определяется, с одной стороны, тем, что Европа пока еще зависит от российских поставок газа и нефти, а с другой — тем, что рынок продавца постепенно дрейфует к рынку покупателя. Происходит это как в силу объективных причин — появление на рынках сланцевого газа и расширение поставок сжиженного газа, так и вследствие субъективных причин — неэффективность работы Газпрома, чьи решения часто определяются не экономическими, а политическими соображениями. Напряженность в энергетической сфере дополняется обострением политических отношений, поскольку поведение ЕС далеко не всегда отвечает ожиданиям российской власти, что очевидно проявилось в ходе украинского кризиса в первой половине 2014 г.

Россия поддерживает нормальные отношения как со странами Европы, так и Азии. Однако у России нет стран-союзников, за исключением поддерживаемых Москвой самопровозглашенных государств на постсоветском пространстве и квазисоюзнических отношений с такими странами, как Венесуэла и Сирия.

Даже Союзное государство России и Белоруссии за много лет своего существования не продвинулось дальше предложения «проводить 2 апреля в школах Беларуси и России единый урок Союзного государства»²⁴. Союзные отношения в рамках СНГ или ОДКБ носят противоречивый и не слишком надежный характер. Суррогатом союзных отношений является «стратегическое партнерство», как например, отношения России с Китаем, Индией, Германией и с рядом других стран. Такое партнерство важно и выгодно обеим сторонам, но достаточно далеко от интеграции, которая является высшей формой союзнических отношений²⁵.

Евразийский союз как попытка интеграции

Попыткой создать действенное интеграционное объединение явилась концепция создания Евразийского союза. После развала СССР

²⁴ Интервью Госсекретаря Союзного государства Г. Рапоты // Российская газета. 27.12.2012.

²⁵ 20 января 1945 г. в своей четвертой и последней инаугурационной речи президент США Франклин Рузвельт процитировал слова американского поэта и философа Ральфа Уолдо Эмерсона: «Единственный способ обрести друга — это быть им самому». До сих пор мы не слишком задумываемся над этим справедливым тезисом, не предпринимая серьезных усилий для укрепления двустороннего процесса создания подлинно союзнических отношений с миром.

Россия оказалась не готовой к созданию прочной и взаимовыгодной системы отношений с бывшими республиками, что определило не слишком эффективное функционирование созданного в 1991 г. Союза Независимых Государств (СНГ) и ряда других организаций с участием бывших советских республик. В сентябре 2012 г. кандидат в президенты России В.В. Путин призвал к созданию Евразийского экономического союза, согласие на участие в котором, кроме России, дали Казахстан и Белоруссия.

Говоря о перспективах создания Евразийского союза, В.В. Путин следующим образом обрисовал его контуры: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом. В том числе, это означает, что на базе Таможенного союза и Единого экономического пространства необходимо перейти к более тесной координации экономической и валютной политики, создать полноценный экономический союз»²⁶. Планируется, что Союз в своей работе должен опираться на созданный в июле 2010 г. Таможенный союз трех стран.

С одной стороны, это было рациональной попыткой укрепления отношений со странами постсоветского пространства и обеспечения роста товарообмена между тремя странами, который в рамках Таможенного союза рос быстрее товарооборота России с внешним миром. Однако, с другой, идея создания Евразийского союза, по сути, подразумевала возможное изменение неевропейского вектора политики. Определяя суть Евразийского союза, один из его инициаторов президент Казахстана Н. Назарбаев подчеркнул, что «в евразийском проекте недальновидно видеть только лишь возможность коллективно закрыться от внешних экономических, военных, политических, информационных, технологических, экологических и других угроз». Это «только лишь» означало существование встроенного изоляционистского акцента в создаваемой организации. Хотя уже в следующем абзаце он подчеркнул, что речь идет о «возможности широкого взаимодействия, например, с Евросоюзом»²⁷.

Мотив восстановления в той или форме распавшегося СССР ни в коей форме не звучал в заявлениях создателей Евразийского союза, но на Западе это было воспринято именно так. На самом деле, хотя

²⁶ Известия. 3.10.2012.

²⁷ Назарбаев Н. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего // Известия (Казахстан). 26.10.2011.

речь не идет о реальном возрождении империи, всегда существовавшие и существующие в сознании народа и руководства ностальгические воспоминания о величии СССР прозвучали в выступлении В.В. Путина в таких оборотах, как «мощное национальное объединение», или «один из полюсов современного мира». Учитывая, что ВВП России в 6,6 раза больше суммарного ВВП двух участников предполагаемого союза, очевидно, какая страна будет определять политику и экономику этой организации.

Говоря о перспективах предполагаемого союза, прежде всего, необходимо определить его экономическую составляющую, которая и должна стать основой его функционирования, и выявить рациональность российского выбора между Европой и новым союзом в случае, если «коллективное закрытие от угроз» будет реализовано. При этом под источником перечисленных угроз Н. Назарбаев, несомненно, имел в виду Запад в целом и ЕС в частности.

Что касается предполагаемой «мощи» объединения, то площадь ЕС почти в 5 раз уступает площади Евразийского союза. Запасы газа ЕС почти в 25 раз меньше, чем в Евразийском союзе, а запасы нефти в ЕС несопоставимы с теми огромными запасами, которые имеет Евразийский союз. На территории этих трех стран проживает около 180 млн человек, и на них приходится свыше 80% экономического потенциала бывшего СССР.

Однако Евразийский союз почти в три раза уступает ЕС по количеству населения, в 5,6 раза — по объему ВВП, почти в 3,5 раза — по объему торговли. А по уровню ВВП на душу населения Россия, имеющая самый высокий показатель среди членов Союза, уступает большинству членов ЕС, за исключением Болгарии, Румынии, Венгрии, Латвии, Хорватии и Польши²⁸.

При этом, пока и в обозримом будущем, для России ЕС останется главным торговым партнером и важнейшим источником инвестиций и технологических инноваций для российской экономики. Для Белоруссии ЕС является вторым по значению торговым партнером после России, а для Казахстана — первым. Очевидно, что даже в случае расширения участников нового Союза он в обозримом будущем не сможет стать ни конкурентом, ни заменой существующим европейским связям для России, Белоруссии или Казахстана. Наиболее выгодным и для участников Союза, и для ЕС было бы экономическое партнерство, а в дальнейшем, возможно, и интеграция, что потребует координации правил торговли, о чем Россия и ЕС в принципе договорились еще в 2003 г., однако так и не смогли решить этот вопрос.

²⁸ International Monetary Fund. World Economic Outlook Database. October 2013.

Жизнеспособность любого интеграционного объединения, прежде всего, зависит от добровольного желания потенциальных его участников присоединиться к нему. Это желание определяется ожиданием тех экономических и политических выгод, которые могут быть в будущем обеспечены его присоединением к союзу. С этой точки зрения, формирование Евразийского союза пока испытывает ряд сложностей. Сегодня его развитие зависит от ряда факторов. Число потенциальных участников будет в первую очередь определяться их выбором между европейским или евразийским направлением политики. Вступление в Союз Киргизстана и Армении не сильно изменит его потенциал. Гораздо важнее для будущего Союза было бы участие в нем таких стран, как Украина и Узбекистан.

Очевидно, что наши усилия по вовлечению этих стран в Союз не увенчались успехом. Более того, вопрос о политической и экономической ориентации Украины стал причиной нашего конфликта с этой страной и странами Запада. Не слишком велики шансы на присоединение Узбекистана к Евразийскому Союзу. Россия является крупнейшим торговым партнером Узбекистана, и Ташкент формально рассматривает перспективы вхождения в Союз. Однако в декабре 2011 г. президент Узбекистана И. Каримов заявил, что «к сожалению, кое-где на пространстве бывшего Союза есть определенные силы, которые вынашивают мысли о возрождении в новой форме империи, носившей название СССР»²⁹. Как известно, Узбекистан в 2008 г. вышел из рядов предшественника Евразийского союза — ЕврАзЭС, отказался войти в созданное в 2010 г. Единое экономическое пространство, а в 2012 г. покинул ОДКБ, что позволяет думать, что пока Узбекистан подобную возможность всерьез не рассматривает.

Сосредоточив свои интеграционные усилия на создании Евразийского союза, Россия может оказаться вне тех процессов, которые идут в мире. Двухконтинентальная Россия не пытается использовать свои экономические и географические возможности в интересах интеграции. И в Европе, и в Азии идут процессы интеграции, которые все больше приобретают глобальный характер. Выступая 12 февраля 2013 г. в Конгрессе с посланием «О положении страны» Барак Обама сказал, что «в целях увеличения американского экспорта и количества рабочих мест и создания равных возможностей на растущих рынках Азии, мы намерены завершить переговоры по Транс-Тихоокеанскому партнерству (ТТП)... и начать переговоры о всеобъемлющем торговом и инвестиционном партнерстве с ЕС»³⁰.

²⁹ Независимая газета. 7.12.2011.

³⁰ State of the Union 2013: President Obama's Address to Congress. 12.02.2013.

Одна из важнейших тем, которую Россия вынесла на обсуждение саммита АТЭС во Владивостоке в 2012 г. и которая определена как возможность развития Евразийского союза, это использование транзитного потенциала России для организации перевозок грузов и контейнеров из Азии в Европу. Об этом говорил в своем выступлении на саммите президент России В.В. Путин: «В связи с рекомендуемой Деловым консультативным советом АТЭС дальнейшей диверсификацией торговых маршрутов, мы с партнерами по Единому экономическому пространству (ЕЭП) готовы предложить географические, инфраструктурные возможности России, Белоруссии и Казахстана»³¹. Создание транспортной системы дает возможность сокращения времени следования грузов более чем в 2 раза. Время прохождения контейнерного поезда следованием из Китая в Финляндию через Транссибирскую магистраль составляет менее 10 суток, а время следования морским путем — 28 суток. Кроме того, снижается уровень политических рисков, поскольку 90% маршрута проходит по территории России и до минимума сокращается число перевалок груза, что уменьшает расходы грузовладельцев и предотвращает риск случайного повреждения грузов при перевалке. Экономия на перевозках может составить для стран АТЭС до 370 млрд долл. в год.

Между странами ЕС и АТР ежегодно курсирует около 6 млн контейнеров и пока основная часть этого потока (98%) перевозится иностранным морским флотом через зарубежные порты, минуя территорию России. В середине 80-х годов XX в. Транссиб активно участвовал в международных контейнерных перевозках между Юго-Восточной Азией и Центральной Европой. Ежегодно через СССР перевозилось более 100 млн т грузов в год, в том числе 140–160 тыс. контейнеров. В начале 1990-х гг. количество товарных рейсов с транзитными грузами из дальневосточного порта Находка значительно сократилось, и к середине 1990-х гг. для этих целей использовалась только треть потенциала Транссиба. Произошло это в силу как общего спада российской экономики, так и за счет ошибочной ценовой политики. В результате Россия потеряла дополнительные финансовые ресурсы, поступавшие от реализации транзитного потенциала, учитывая, что стоимость доставки по Транссибу одного стандартного контейнера составляет около 2 тыс. долл. По оценкам правительства РФ, «возможный объем контейнерных грузов евро-азиатской торговли, который можно привлечь с морского маршрута на транспортные коммуникации России, в частности по

³¹ www.News.ru.com. 7.09.2012.

коридору “Запад–Восток”, можно оценить на сегодняшний день в размере 250–450 тыс. контейнеров»³².

Однако при разработке этих планов не всегда учитываются возможности Транссиба. Президент ОАО «РЖД» В.И. Якунин заявил в Улан-Удэ, на Байкальском экономическом форуме в сентябре 2012 г.: «Сегодня Транссиб является одной из самых загруженных магистралей в мире. Его пропускные способности практически исчерпаны». Создать выгодный и быстрый транспортный мост между двумя континентами можно лишь в случае крупных инвестиций в Транссибирскую магистраль, которая требует серьезной модернизации. По оценке В.И. Якунина, Транссибу и БАМу для развития железнодорожной инфраструктуры требуется 981 млрд руб. до 2016 г.³³ Планируется к 2020 г. увеличить пропускную способность БАМа до 93 млн т грузов в год за счет строительства второго главного пути. Однако здесь надо помнить, что БАМ с протяженностью 4287 км идет от Советской Гавани на Тихом океане до Тайшета в Иркутской области, где он соединяется с Транссибом.

Пока это всего лишь планы. А в реальности Россия за 22 года своей независимости железных дорог не строила. Строительство Транссиба началось в 1891 г. и было закончено через десять лет. За год строилось 740 км железнодорожного пути. За годы существования СССР было построено железных дорог в десять раз меньше, чем за двадцать лет с 1891 г., а после 1991 г. строительство железных дорог вообще прекратилось. Более того, с 1990 по 2011 г. длина железных дорог России сократилась на 1 тыс. км. За тот же период годовой объем перевозок грузов по железной дороге составил 1382 млн т, что на 758 млн т меньше, чем в 1990 г.³⁴

Складывается ситуация, при которой в обозримом будущем инициатива строительства межконтинентального моста может перейти к Китаю, который не только быстрыми темпами создает и модернизирует внутреннюю сеть железных дорог, но и планирует выход на международный рынок пассажирских, а возможно, и грузовых перевозок³⁵.

³² Стратегия развития железнодорожного транспорта в Российской Федерации до 2030 г. от 17 июня 2008 г. № 877-р. (сноска 32)

³³ Приморье-24. 2.07.2012. (сноска 33)

³⁴ Российский статистический ежегодник 2012. С. 481.

³⁵ Китай начал строить высокоскоростные дороги с 1996 г. В настоящее время общая протяженность таких дорог в Китае составляет 9300 км. Перед новым 2013 г. была открыта самая длинная в мире высокоскоростная дорога между Пекином и Шанхаем протяженностью 2298 км, по которой ежедневно будет курсировать 150 пар поездов. К 2015 г. протяженность высокоскоростных дорог составит 18 тыс. км. Китай планирует соеди-

* * *

Россия — евразийская страна не только в силу своей географии, но и истории. Наша уникальность позволяет нам заимствовать и перерабатывать опыт и экономические ресурсы обоих континентов, наша география предоставляет России огромные ресурсные, стратегические и прочие выгоды. Однако исторически наше тесное взаимодействие с Азией создало устойчивое неприятие многих европейских ценностей, включая демократию. Далеко не все жители Европы одинаковы. Они по-разному могут трактовать политкорректность, иммиграцию и многие другие проблемы. Объединяет их то, что политику государства определяют принципы демократии, которые достаточно просты: состоятельность выборов, независимая судебная система, свободные средства информации, соблюдение прав человека на законодательном уровне. Все, что за пределами этих принципов, к демократии имеет лишь семантическое отношение.

Рыночная экономика может нормально функционировать только в условиях демократии, которая обеспечивает защиту частной собственности, состоятельность принятия решений, выборность и открытость власти, эффективную борьбу с коррупцией. Достаточно проанализировать развитие экономик Северной и Южной Кореи или ФРГ и ГДР, чтобы убедиться в справедливости этого постулата. Когда заходит речь о существовании прямой связи между демократией и экономикой, то те, кто не считает, что подобная взаимозависимость существует, чаще всего приводят пример Китая, где уже несколько десятилетий прирост ВВП держится на уровне 8–10%, несмотря на де-факто существующую однопартийную систему и коммунистическую идеологию. При этом мы часто забываем, что и СССР долгие годы гордился высокими темпами роста экономики.

нить Кашгар на Южно-Синьцзянской железной дороге с Афганистаном через Киргизию и Узбекистан, а далее через Иран и Турцию с европейской сетью железных дорог. Идет разработка проекта строительства скоростной дороги между Пекином и Лондоном, которая позволит преодолеть это расстояние за двое суток. Для сравнения можно отметить, что Россия приступила к разработке системы высокоскоростного железнодорожного сообщения в 1987 г., однако ни одной дороги такого типа так и не было построено. В декабре 2009 г. было начато движение скоростного поезда «Сапсан» между Москвой и Санкт-Петербургом, в 2010 г. к ним прибавились линии Москва—Нижегород и Санкт-Петербург—Хельсинки. Все эти линии были запущены по уже существующим путям, что резко ограничивает как скорость движения, так и его частоту. В настоящее время по линии Москва—Санкт-Петербург—Москва ежедневно курсируют 6–7 пар поездов.

В отличие от России Китай начал реформы не с политики и идеологии, а с экономики. Гигантские успехи страны привели не только к тому, что Китай, используя свои демографические ресурсы, стал одним из лидеров мировой экономики, но и к нарастанию острейших социальных проблем, включая рост коррупции и расслоение общества. Решить эти вопросы в условиях однопартийной системы не представляется возможным, и это хорошо понимает новое поколение китайских руководителей. Но они понимают и то, что демократические реформы, а они, хотя и весьма осторожно, но проводят их, могут привести к потере контроля над страной. Пример СССР, где квазидемократия привела сначала к развалу страны, а затем к затянувшемуся на десятилетие коллапсу экономики, им хорошо известен.

В стратегическом плане без демократических реформ экономическое развитие Китая неизбежно окажется в тупике, и последствия возможного социального взрыва намного превзойдут последствия развала СССР не только для Китая, но и для мира. Тактически руководство КНР уже сегодня занято поиском баланса между демократией и стабильностью, основанной на росте экономики в условиях специфики китайской демографической ситуации, менталитете нации, историческом опыте и реалиях современного мира.

Сходная задача стоит и перед Россией. После хаоса 90-х годов XX в. руководству страны удалось стабилизировать экономику, создать предпосылки для роста ВВП, повысить уровень жизни части населения. Однако дальнейшее развитие государства, в котором продолжают расти неравенство доходов и коррупция, не решаются проблемы развития инфраструктуры экономики и нарастает социальная напряженность, требует проведения демократических реформ.

Возвращаясь к вопросу о российской «двухконтинентальности», можно констатировать, что как идеологически, так и экономически Запад в целом и Европа, в частности, контрпродуктивно рассматривать в качестве антагониста. Мы должны проводить многовекторную дипломатию, развивать отношения и с Западом, и с Востоком, и с Югом. Но при этом нам необходимо осознать, что демократия не навязывается нам Западом, а является непременным условием дальнейшего экономического и социального развития России.

Глава 13

МЕСТО ЕВРОПЫ В МИРОВОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Европа на протяжении столетий являлась «мастерской мира». Именно она некогда породила промышленную революцию, а затем и современную техногенную цивилизацию, которая распространилась на другие части света.

И сегодня место и роль Европы в мировом хозяйстве значительны. Хотя ее население составляет всего лишь около 8% от числа жителей Земли, она производит примерно 20% мирового валового внутреннего продукта¹. Уровень последнего, рассчитанный на душу населения, почти в 3 раза превосходит среднемировой показатель, что свидетельствует о высокой производительности общественного труда.

В то же время именно в последние десятилетия возникли негативные факторы, которые подрывают экономическую стабильность региона и создают проблемы развитию всей мировой экономики. Влияние этих факторов настолько значительно, что многие авторы прогнозируют «закат» Европы, потерю ею ведущего места и роли как наиболее мощного в экономическом плане региона мира. И все это в самые ближайшие десятилетия.

Экономические достижения Евросоюза

Основой европейской экономики выступает экономический потенциал Евросоюза. Это интеграционное объединение 28 стран включает в себя подавляющую часть государств Западной, Центральной и частично Восточной Европы и определяет ведущую роль региона

¹ Показатели не включают данные по Украине и России. Сравнение валового внутреннего продукта Европы и мира произведено с учетом покупательной способности валют, в которых выражена их стоимость.

в мировом хозяйстве. Руководящие структуры ЕС, европейские СМИ, соответствующие учебные курсы в университетах в своей пропаганде достижений ЕС, как правило, отмечают следующие показатели экономической мощи, определяющей его положение в мировой экономике.

Прежде всего, Евросоюз — глобальный лидер в мировом производстве материальных благ и услуг. Его ВВП, по некоторым расчетам, вскоре достигнет 17,6 трлн долл. США и существенно превзойдет американский уровень (16,2 трлн)². ЕС занимает первые места в мире по промышленному производству и предоставлению услуг. Объем его сельскохозяйственного производства примерно соответствует уровню другого мирового лидера в этой области — США. Высокое качество европейских товаров обусловило широкое признание в мире брендов и марок многих европейских компаний. Среди 500 крупнейших мировых производителей товаров и услуг 140 имеют корни в странах ЕС: зарегистрированы там, осуществляют в них, как и в других частях земного шара, активную производственную и коммерческую деятельность. К таким компаниям, в частности, относится англо-голландская *Royal-Dutch Shell*, являющаяся второй крупнейшей мировой компанией, годовой оборот которой составляет около 300 млрд долл.

Обладание мощным экономическим потенциалом определяет ведущее место ЕС и в мировой торговле. На эту часть света приходится чуть менее 40% мировой торговли. Правда, большую ее часть (около 60%) составляют внутренние операции между странами, входящими в ЕС. Но даже если исключить внутрисоюзные сделки, то и в этом случае рассчитанные параметры международной торговли свидетельствуют о главенствующей роли Евросоюза. На его долю приходится 16,0% мирового экспорта, в то время как доля других ведущих субъектов мировой экономики — Китая и США — составляет соответственно 14,1 и 11,4%. В мировом импорте товаров доля объединенной Европы также является преобладающей — 17,5%, тогда как США импортируют 16,9% продуктов и услуг, поставляемых на мировой рынок, а Китай — 12,0%³.

Особенность Евросоюза состоит также в том, что он является полюсом притяжения ресурсов мировой экономики. Обладая высоко развитой, технологичной инфраструктурой, квалифицированными специалистами во многих областях науки, техники и организации производства, эффективной базой по подготовке необходимых кадров, емким общим рынком, свободным от ограничений движения товаров, капиталов и рабочей силы, он служит привлекательной сферой, куда

² Panorama de l'économie mondiale. CEPII. 2013. Décembre. P. 7.

³ Chiffres clés de l'Europe. Resumé 2013 de l'annuaire en ligne d'Eurostat. P. 128.

устремляются иностранные инвестиции. В результате в 2012 г. в ЕС из других стран поступило более 15% прямых инвестиций. В то же время, обладая существенными финансовыми резервами, этот регион сам активно инвестирует средства: его вклад в мировой поток прямых иностранных инвестиций составляет примерно 16,5%.

Высокий уровень производительности труда обуславливает относительно высокий уровень жизни, который вкпе с наиболее передовой в мире социальной инфраструктурой является причиной мощного иммиграционного потока, источники которого расположены в Азии, Африке, Латинской Америке и частично в Восточной Европе. Именно этот поток позволяет Евросоюзу сохранять значительный прирост населения, что дает возможность, особенно странам-лидерам ЕС, наращивать экономический потенциал, в том числе за счет человеческого капитала.

Наконец, большое значение для утверждения Европы в качестве значимой мировой экономической силы имеет, конечно, формирование не имеющего аналогов специфического интеграционного объединения. Пока что нигде в мире региональная интеграция не достигла такого высокого уровня, как в ЕС, где устранение ограничений во внутрисоюзной торговле, движении капиталов и рабочей силы дополнено введением единой валюты и системой наднациональных органов управления экономикой и другими сферами общественной жизни. Пример Евросоюза в этом смысле имеет колоссальное значение для тех групп стран, которые следуют по пути интеграции.

Следует отметить, что именно с углублением европейской интеграции некогда связывались надежды правящих кругов Евросоюза на устойчивое процветание Европы. На этом же представлении зачастую основывались соответствующие прогнозы в нашей стране. В действительности же прошедшее десятилетие оказалось для Евросоюза периодом «отступления». Он пережил череду кризисов, и его положение видится ныне далеко не «в розовом свете». Во многих нынешних публикациях «продукт» состоявшейся интеграции стали характеризовать как слабое звено мировой экономики. При этом дело не ограничивается одними журналистскими оценками. Аналогичных взглядов придерживаются и весьма серьезные экономисты. Так, по мнению нобелевского лауреата Джозефа Стиглица, интегрированная Европа олицетворяет сейчас «риск для мировой экономики»⁴. Лауреат той же премии Пол Кругман называет ее «главным больным мировой экономики»⁵.

⁴ Le Monde. 2.01.2013.

⁵ The New York Times. 28.02.2012.

Попытаемся же разобраться в причинах того, что в действительности происходит.

Внешние причины

К внешним причинам, прежде всего, относится тесная связь финансовых институтов ЕС с американскими банками и экономикой США в целом. Финансовые структуры интегрированной Европы активно подпитывались из-за океана за счет как традиционных кредитных операций, так и сделок с новейшими финансовыми продуктами (всевозможными производными финансовыми инструментами, создающими пирамиды финансовых обязательств). Значительными были также вложения в экономику стран Евросоюза американских инвесторов. В результате финансовый кризис, возникший в Соединенных Штатах, быстро перекинулся на Европу. К этому стоит добавить слабый контроль за финансовыми и кредитными рынками, обусловленный политикой либерализации, и, по существу, отсутствие их регулирования как в США, так и в ЕС, что также явилось результатом либерализации.

Конкретно это выглядело так.

Безудержное, неограниченное, неразборчивое кредитование жилищного строительства в США, в котором принимали участие ведущие мировые финансовые институты, привело, в конечном счете, к неисполнению обязательств заемщиками и, по существу, к дефолту ряда финансовых структур мирового значения. Соответственно, связанные с ними финансовые организации и корпорации всего мира, и прежде всего Европы, стали испытывать дефицит ликвидности. Это, в свою очередь, разожгло пожар мирового финансово-экономического кризиса. Чтобы его преодолеть потребовалось государственное вмешательство. Кризис стали тушить бюджетными средствами и кредитами центральных банков. В результате возрос дефицит государственных бюджетов стран ЕС. Но накопление бюджетных дефицитов означало их превращение в государственные долги. Так страны Евросоюза стали жертвами нового, на этот раз долгового кризиса.

О его масштабах в ЕС и в других крупнейших зонах мира свидетельствуют данные таблицы 13.1. В таблице приведены данные за 2010 г. по странам «двадцатки», которые, как известно, создают более 90% мирового внутреннего продукта и представители которых регулярно собираются для обсуждения глобальных экономических проблем.

Таблица 13.1

Дефицит государственного бюджета и государственный долг в странах G20 в 2010 г., в % к ВВП

Страны	Баланс госбюджета	Государственный долг
<i>Среднее по всем странам G20</i>	-6,2	77,8
<i>Среднее по развитым странам G20</i>	-8,2	104,4
<i>Среднее по странам ЕС</i>	-6,3	85,3
<i>Среднее по развивающимся странам G20</i>	-3,5	41,6
США	-10,2	94,4
Великобритания	-9,9	75,5
Япония	-9,3	220,0
Индия	-8,9	67,3
Франция	-7,1	82,4
Канада	-5,6	84,0
ЮАР	-5,1	34,8
Австралия	-4,9	20,5
Италия	-4,5	119,0
Германия	-4,3	84,0
Мексика	-4,3	42,9
Россия	-3,5	11,7
Турция	-2,9	42,2
Бразилия	-2,8	66,8
Китай	-2,3	33,8
Аргентина	-1,6	49,1
Индонезия	-1,2	27,4
Республика Корея	1,7	33,4
Саудовская Аравия	6,7	9,9

Источник: Fiscal Monitor. Fiscal Exit: From Strategy to Implementation // International Monetary Fund. November 2010. См.: URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/fm/2010/02/fmindex.htm>.

Если принять за норму стандарты, действовавшие в Евросоюзе (бюджетный дефицит в 3% к уровню ВВП, а государственный долг в 60%), то можно сделать следующий вывод: долговой кризис затронул главным образом развитые страны и в частности костяк ЕС. В среднем государственный долг в ЕС составил 85,3%, а дефицит госбюджета — 6,3%.

Не менее важно и то, что уровни бюджетного дефицита и государственного долга развитых государств были существенно выше уровней развивающихся стран, для которых финансово-экономический кризис, в сущности, не перерос в долговую. Весьма велики, как абсолютно, так и относительно, были бюджетные дефициты и государственные долги США и Японии. Существенно они превышали нормативы в Великобритании, во Франции, в Германии, Италии. Вместе с тем среди развивающихся стран негативные показатели были характерны лишь для Индии.

Объяснение этого феномена выводит на вторую внешнюю причину кризисного состояния стран — членов Евросоюза: углубляющуюся глобальную диспропорцию, порождаемую быстрым ростом экономики стран с формирующимися рынками и все более заметным отставанием по темпам роста экономики стран «золотого миллиарда».

В обстановке усиливающейся глобализации и под воздействием закона неравномерного развития капиталистической экономики некоторые некогда бедные страны, и прежде всего государства Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), совершили неожиданный рывок. Его основой и одной из главных причин было широкое использование в производстве западных технических достижений в сочетании с естественным преимуществом развивающихся экономик: более низким уровнем жизни, а потому и относительно невысокими издержками производства. Это позволило компаниям, разместившимся в этих странах, существенно потеснить с мировых рынков западные корпорации. В результате конкурентных преимуществ их доля в мировом производстве на протяжении последних 30 лет неуклонно увеличивалась, а доля стран «золотого миллиарда», в том числе Евросоюза, заметно сокращалась. Об этом свидетельствуют данные таблицы 13.2.

В таблице приведены цифры, характеризующие участие отдельных регионов мира и некоторых стран в производстве мирового ВВП. Они показывают значительное снижение удельного веса в мировом производстве таких глобальных лидеров, как США и Япония. Что касается Евросоюза, то сокращение его доли в мировом производстве можно расценить как обвальное: с 1980 г. по 2013 г. оно уменьшилось с 28,1 до 18,9%, т. е. почти в 1,5 раза. В то же время фантастический скачок сделали страны АТР. Их вес в мировой экономике увеличился более чем в 4 раза, в том числе Китая — в 8 раз, и составляет около 23%.

Каким же образом это повлияло на кризисную ситуацию в Европе? До самого последнего времени экономический рост в наиболее динамичных развивающихся странах осуществлялся главным обра-

Таблица 13.2

Структура мирового ВВП, в %

	1980	1990	2000	2013 (предварительные данные)
Северная Америка, в том числе США	26,2 21,5	26,5 22,2	27,8 23,3	22,2 18,4
Европейский Союз (27 стран)	28,1	26,7	24,9	18,9
Япония	7,7	9,1	7,6	5,4
Юго-Восточная Азия, в том числе Китай	5,5 1,9	8,8 3,5	13,7 7,0	23,2 15,5
СНГ	—	7,3	3,5	4,3
Другие страны Азии и Океания, в том числе Индия	4,8 2,3	5,7 2,9	6,6 3,7	9,1 6,1
Южная Америка	7,3	6,2	6,3	6,6
Другие страны Европы и Турция	3,0	2,9	2,9	2,7
Средний Восток и Магриб	6,4	4,5	4,6	5,0
Африка южнее Сахары	2,5	2,3	2,2	2,6
Мир в целом	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Panorama de l'économie mondiale. CEPII. 2013. Décembre. P. 8.

зом за счет роста экспорта, что, с одной стороны, позволяло сдерживать увеличение внутреннего потребления и издержек производства, а с другой — наращивать производство за счет вытеснения с мировых товарных рынков продукции развитых стран. Это положительно воздействовало на торговые и текущие балансы развивающихся стран и отрицательно — на балансы развитых государств. Поскольку отрицательные балансы покрываются за счет займов государства, корпораций и частных лиц, это увеличивает долговую нагрузку на национальную экономику вообще и на государственный бюджет, в частности.

Конкретно ситуация складывалась следующим образом. Экспорт из развивающихся стран с 2000 по 2010 г. возрастал в среднем за год на 9,2% и преимущественно превышал импорт. В то время экспорт из ЕС увеличивался в среднем на 5,3%. Соответственно, развивающиеся страны имели существенное положительное сальдо торгового баланса и счетов текущих операций. Так, по данным Организации экономического сотрудничества, профицит счетов текущих операций у лидера развивающихся стран — Китая составлял 2,8% ВВП. В итоге в зоне

развивающихся стран концентрировались сбережения, превышающие накопления, в таких объемах, которые были достаточны не только для того, чтобы не допустить значительного роста долгов, но и осуществлять инвестиции за границей.

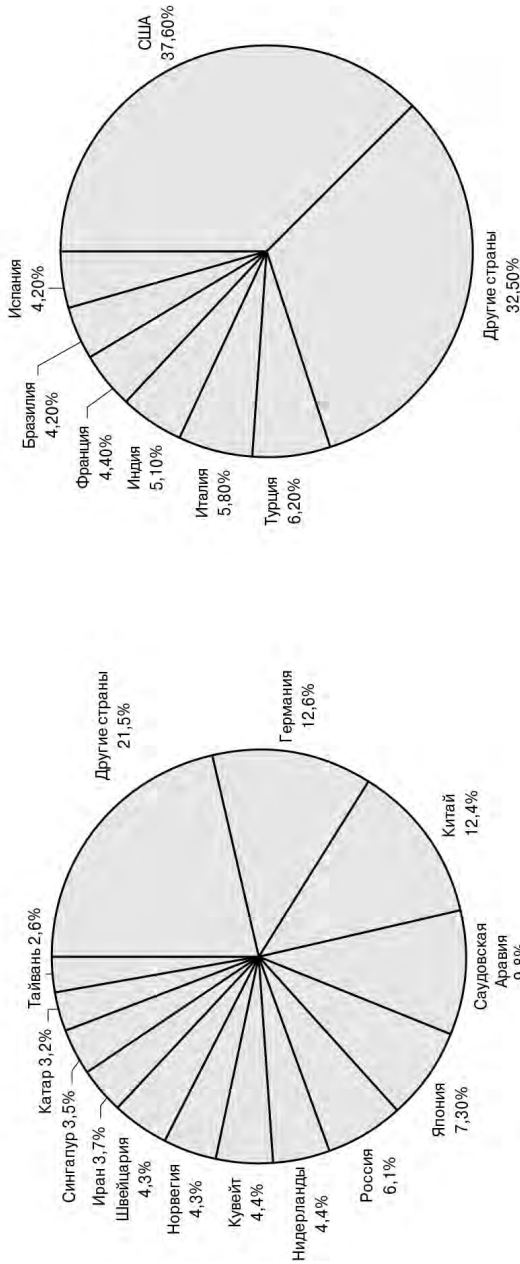
По-иному складывалась ситуация в Европейском Союзе. В 2011 г. отрицательное сальдо счетов текущих операций стран ЕС составило 0,8% его ВВП, что усугубило долговой кризис в этом регионе. Еще выше было отрицательное сальдо США. В том же в 2011 г. оно достигло 600 млрд долл., что соответствовало почти 4% ВВП.

На США приходится подавляющая часть мирового дефицита счетов текущих операций. Его относительная величина на протяжении 20 последних лет, начиная с 1995 г., когда он составил 6% ВВП, оставалась стабильно высокой. Следовательно, на протяжении двух последних десятилетий Соединенные Штаты, по существу, потребляли (по стоимости) намного больше товаров и услуг, чем производили сами. В то же время острота финансово-экономического кризиса, который они переживали, была гораздо меньшей, чем в ЕС. Возникает вопрос: почему?

Дело в том, что США обладают уникальной возможностью покрывать свой дефицит путем неинфляционного наращивания эмиссии долларовой массы и привлечения в огромных масштабах заимствований за рубежом. Поскольку доллары являются мировой валютой, их выпуск не ограничивается объемом товарной массы, производимой в Штатах. Федеральная резервная система (ФРС), выполняющая в США функции Центрального эмиссионного банка, просто инвестирует деньги в государственные облигации США. Увеличивающиеся в результате этого бюджетные средства растекаются по миру, стимулируя, в том числе, экспорт из развивающихся стран в Соединенные Штаты.

Существует и второй канал — в значительной мере производный от первого. Это доходы иных стран, состоящие из профицита счетов текущих операций, которые в значительной степени представляют собой эмитированные ФРС доллары, концентрирующиеся, в том числе в развивающихся экономиках, но затем возвращающиеся в силу особенностей сложившейся мировой валютно-финансовой системы обратно в Соединенные Штаты, поддерживая тем самым функционирование их национального хозяйства.

В том, что касается второго источника, картина его функционирования будет понятнее, если мы обратимся к воспроизведенным ниже рисункам 13.1 и 13.2, на которых показаны основные нетто-экспортеры и импортеры капитала. Они убедительно свидетельствуют, что США являются главными потребителями мирового капитала, и ни одно другое государство не может сравниться с ними по масштабам

Источник: IMF, Global Financial Stability Report. Statistical appendix, October 2012. P. 3.

Рисунок 13.1. Страны нетто-экспортеры капитала

Рисунок 13.2. Страны нетто-импортеры капитала

потребления. Что касается стран, которые снабжают капиталам самую мощную в мире экономику, то это в основном развивающиеся государства, а также Германия и Япония. Именно они являются инвесторами не только секторов реальной экономики, но и американских банков и государственного бюджета. И это в значительной мере обеспечивает финансовую стабильность США.

Так сложилась и уже два десятилетия действует вполне устойчивая система, которую образно можно охарактеризовать как «финансовое ярмо», надетое на шею мировой экономики и гарантирующее Соединенным Штатам сверхпотребление за счет других стран и, прежде всего, развивающегося мира.

Как долго будет длиться ее существование? Может ли она быть разрушена? Теоретически, конечно, да. Но это произойдет, по нашим расчетам, не так быстро, как иногда полагают.

Некоторые экономисты считают, что для этого необходимо ввести единую для всех стран мировую валюту, эмитируемую международными финансовыми организациями, лишенную признаков национальных денег, выпуск которой не был бы связан с эгоистическими интересами какой-либо отдельной страны. Тогда ярмо удалось бы снять, ибо дефициты США не финансировались за счет использования доллара на мировых рынках. В этих условиях, дабы не допустить дефолта собственного государства, США принуждались бы к сокращению отрицательного сальдо торгового баланса и государственного долга.

Однако такой проект вряд ли имеет шансы на успех, ибо в силу тех преимуществ, которые США имеют сейчас, они его, конечно, не поддержат. Его также не одобрит и Евросоюз, поскольку он озабочен, прежде всего, взращиванием и распространением в мире своей собственной валюты. А без согласия этих ключевых мировых игроков создать единую валюту не удастся: усилий всего остального мира пока явно недостаточно, несмотря на то что некоторое время назад этот проект активно выдвигался крупнейшими развивающимися странами и был поддержан организациями ООН.

В печати можно также встретить утверждение, что доллар рухнет под воздействием тех финансовых дисбалансов, которые характерны для США — в результате инфляции и катастрофического обесценения. А это побудит, наконец, мировое сообщество перейти к иной валютной системе. Но и такому предположению, скорее всего, не суждено сбыться. Свидетельство этому исторический опыт — многолетние финансовые дефициты США при одновременной высокой устойчивости их валюты. Устойчивость же эта связана с тем, что хотя доллары и выпускаются как национальная валюта США, но в то же время

являются реальными международными деньгами, а следовательно, их обеспечению служит не только производство в США, но и вся мировая экономика, вся та масса товаров, которая поступает на мировой рынок. В этих условиях дефицит бюджета США в определенных рамках даже необходим и полезен для мировой экономик, поскольку он поддерживает ее рост, в том числе в развивающихся странах, обеспечивая возрастающий обмен результатами их деятельности.

Ограничить власть доллара возможно лишь в перспективе за счет постепенного расширения сферы использования в международном обмене других национальных и региональных валют, на что потребуется время. Примерами первых шагов в этом направлении является, в частности, система расчетов между Россией и Китаем, в которой используются российские рубли и китайские юани. Расчеты в национальных валютах весьма широко применяются также на просторах СНГ. Уже сейчас рубль в некоторых региональных организациях на постсоветском пространстве имеет довольно сильные позиции. Так, по данным центральных банков содружества, в ЕврАзЭС рубль в последние годы опосредует около 60% всех расчетов между странами — членами группировки, тогда как доллар — менее 40%.

Особые перспективы имеет валюта Китая, поскольку эта страна уже является первым мировым экспортером товаров, а к 2020 г. с учетом прогноза темпов роста, видимо, станет и главным мировым производителем. Это является решающим объективным условием для того, чтобы национальная валюта Китая могла претендовать на роль мировой и конкурировать с американским долларом и евро. Однако пока валютная политика этой страны направлена на стимулирование экспорта путем ограничения обмена юаня на валюты других стран и поддержания его низкого курса, что делает невозможным его использование в качестве мировой валюты. Но было бы неправильным полагать, что эта политика останется неизменной во все времена. По мере дальнейшего роста китайской экономики и повышения производительности труда будет снижаться и значение специальной валютной политики, направленной на защиту национальных производителей от внешней конкуренции.

Между тем вождение юаня в разряд мировых валют не связан с какими-либо техническими сложностями. Для этого потребуется лишь введение свободной обратимости юаня и оплаты китайского экспорта в национальной валюте, т.е. установление таких условий, которые целиком зависят от воли китайского руководства. Применение указанных условий неизбежно приведет к масштабному возрастанию спроса на китайскую валюту, соизмеримого с китайским экспортом. Поэтому

ее будут вынуждены накапливать коммерческие банки, обслуживающие китайский экспорт, для проведения соответствующих расчетно-кредитных и валютных операций, а центральные банки — создавать государственные резервы в юанях для того, чтобы осуществлять, в случае необходимости, регулирование курсов своих валют к китайским деньгам. В результате станет неизбежным и повышение статуса китайской валюты до ранга мировых денег.

Внутренние причины

Долговые проблемы ЕС обусловлены не только внешними, но и внутренними причинами. К ним, прежде всего, следует отнести неравенство уровней экономического развития, а следовательно, и уровень конкурентоспособности стран еврозоны.

При использовании единой валюты внутризональное неравенство обуславливает более интенсивное возрастание дефицитов бюджета и государственного долга в странах со слабой экономикой. К таким странам, как известно, относятся Греция с беспрецедентным государственным долгом, составлявшим в 2011 г. 165% к ВВП, и Португалия, госдолг которой достиг 111,9%⁶.

Их долговая нагрузка обусловлена не только слабой конкуренцией в отношениях с развивающимися странами. Еще большие проблемы создает для них торговля с более развитыми странами самой еврозоны. Механизм роста долгов периферийных стран зоны в данном случае в принципе такой же, как и в ситуациях, описанных выше. В его основе лежит тот же торговый дефицит. Он ведет к увеличению долгов, поскольку за границей (пусть даже в рамках самой еврозоны) покупают больше, чем туда продают, а из страны вывозится больше евро, чем ввозят. Именно на этой основе растет задолженность, увеличивается государственный долг.

Упомянутые показатели тесно связаны с внутризональной конкурентоспособностью. Дело в том, что в Греции, Португалии и в какой-то мере в Испании производительность труда ниже, чем в среднем по зоне евро. Сравнительно невелик уровень производства и экспорта продукции, выпускаемой на основе новейших технологий. В то же время более высокие показатели конкурентоспособности характерны именно для

⁶ Economic Surveys: Euro Area 2012 / Keepeek. http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oced/economics/oced-economic-surveys-euro-area-2012_eco_surveys-euz-2012-en#page1.

Германии, Голландии и других высокоразвитых стран Европы, которые имеют весьма солидное положительное сальдо торгового баланса.

Поскольку основная часть дефицитов и профицитов названных стран относится к торговле именно в зоне евро, конкуренция в рамках этой организации и является, в сущности, одной из причин государственного долга периферийных стран региона. Иными словами, не только кризис ликвидности, специфика взаимоотношений с развивающимися странами, но и особенности самой зоны евро порождают в ней долговой кризис. И связано это с тем, что действующие в ней институты ликвидировали ограничения на конкуренцию. Отмена таможенных тарифов и любых административных препон на движение товаров, использование единой валюты и проведение единой денежно-кредитной политики сделали невозможным манипулирование курсами валюты и процентными ставками, необходимое для создания условий, благоприятствующих отечественному производству. В свою очередь, правительства утратили возможность проведения собственной структурной политики и поддержки национальных производств государственными средствами. В результате лидеры еврозоны, имеющие более высокий технологический уровень, все интенсивнее захватывали рынки ее периферии, обеспечивая себе тем самым внутризональный профицит торгового баланса и одновременно порождая дефицит у своих менее развитых партнеров. Особенно преуспела в этом Германия. Ей удалось создать конкурентные преимущества, по существу, по отношению ко всем другим странам-участникам зоны. Следствием стало то, что в период с 1996 г. до начала кризиса рост объема экспорта из Германии увеличивался в 2 раза быстрее, нежели экспорт всех государств еврозоны. Ее вес на общем рынке Евросоюза возрос с 1995 по 2009 г. с 25 до 27%.

Решения принимаются, проблемы остаются

Какие меры использует Евросоюз для того, чтобы сократить финансовые дисбалансы и решить проблему долгового кризиса? Предпринимаются усилия, имеющие целью воздействие на всю совокупность причин глобальной и внутрорегиональной несбалансированности. Кризис финансовых институтов, возникший из-за нехватки ликвидности и чрезмерного использования новейших финансовых инструментов, пытаются лечить, усиливая контроль финансовых регуляторов, внедряя более жесткие нормативы регулирования, пытаясь сделать рынки и работающие с ними структуры более прозрачными, не столь сложными и менее зависимыми от заемных средств.

Среди этих мер, например, переход с 2013 по 2019 г. к системе банковского регулирования «Базель-3», что должно побудить банки увеличивать резервы на случай возникновения потрясений в банковской системе и усиления рисков неплатежеспособности. Предполагается введение «налога Тобина» на финансовые транзакции, имеющее целью воспрепятствовать чересчур быстрому перемещению, прежде всего спекулятивных капиталов, которое чревато обвалом финансовых рынков.

Намечаются также реформы системы регулирования рынков производных финансовых инструментов, направленные на усиление их прозрачности и установление платы за риски. В целом эти меры не являются кардинальными и представляют собой в основном усилия, направленные на то, чтобы уменьшить остроту дисбалансов за счет совершенствования контроля и надзора за финансово-банковской сферой с целью сокращения кредитования экономики и государственных расходов. К тому же воздействие этих реформ на экономику противоречиво, а потому их использование не может быть осуществлено в полную силу из-за возможных негативных последствий.

Так, ужесточение требований Базельского комитета удорожает банковскую деятельность, а потому снижает возможности кредитования проектов, а введение «налога Тобина» чревато сокращением притока в страну, где он применяется, иностранных инвестиций. Именно по этой причине программы финансовой стабилизации реализуются на практике весьма осторожно и с большим трудом. Дело в том, что снижение расходов, конечно, сокращает финансовые дисбалансы или, по крайней мере, тормозит их рост, но в тоже время уменьшает спрос и инвестиции в экономику, а это чревато падением темпов роста, а следовательно, и сокращением доходной базы госбюджета, что не способствует выходу из кризиса. Безусловно, прав был академик РАН Н.П. Шмелёв в том, что существующую систему мировых экономических отношений, основанных на безудержном либерализме и глубоко несоответствии «между раздутой до беспрецедентных размеров массе финансовых инструментов и реальной экономикой, имеющей дело с производством и обменом материальных благ и услуг», невозможно оградить от финансовых кризисов. Необходима радикальная мера: «переход на новый этап развития, предполагающий иную форму рыночного социального капитализма»⁷.

⁷ Бажан А.И., Гусев К.Н. Глобальные дисбалансы и кризисные явления в мировой экономике (Обзор конференции) // Современная Европа. 2013. № 2.

Другой комплекс мер, принимаемых Евросоюзом в целях выхода из кризисной ситуации, направлен на мобилизацию факторов, которые позволили бы противостоять экспансии развивающихся стран на мировых рынках товаров и услуг. Иными словами, повышение конкурентоспособности экономики региона остается для ЕС важнейшей задачей, попытки решения которой осуществляются по многим направлениям.

Среди этих направлений фигурирует, в частности, стремление Евросоюза обеспечить свою сырьевую и энергетическую безопасность с тем, чтобы выйти за рамки ограничений роста, которые накладывает сырьевая зависимость. Известно, что его экономический потенциал в значительной степени покоится на привозном сырье и импорте энергоносителей. По некоторым прогнозам, за счет импорта ЕС будет удовлетворять в 2030 г. более 70% своих потребностей в энергии. Чтобы не допустить столь высокой импортозависимости, он вкладывает большие средства в развитие альтернативных источников энергии. Но результаты пока не говорят о приближении решения этой проблемы в ближайшем будущем. Основная часть (около 80%) производимой в ЕС альтернативной энергии основана на использовании биомассы и не может пока составить ценовую конкуренцию традиционным и импортируемым энергоносителям. Другой путь, который пытается использовать Евросоюз, — добиться экономического роста при сокращении потребления энергии за счет повышения эффективности использования энергетических источников. По расчетам экспертов, внедрение новых технологий даст определенный результат и будет равносильно экономии энергии в размере 20% от ее потребления, но все же не позволит решить задачу абсолютного сокращения потребления энергии.

Поскольку победа в конкуренции с развивающимся миром в сфере производства товаров с низким и средним уровнем технологичности в ближайшей перспективе невозможна, то главная ставка делается на опережающее развитие науки и новых технологий и вложение в человеческий капитал. Но и здесь положение дел пока нельзя назвать блестящим. Основной показатель, который свидетельствует о реальной заинтересованности стран развивать научные исследования и внедрять их в производство, — уровень расходов на НИОКР по отношению к ВВП. Однако Евросоюз пока не является лидером в этой области. Данный показатель составляет у него 1,8% (к нему довольно быстро приближается Китай). В то же время в США он равен 2,6%, в Японии — 3,4%.

Вложения в человеческий капитал также не дают должного эффекта. Значительная часть европейских ученых и специалистов эмигри-

рует в США, и в их числе до 30% нобелевских лауреатов в области науки. Обратный поток высококвалифицированных мигрантов из США в Европу значительно слабее. Одновременно для Евросоюза характерен существенный прирост мигрантов из Азии и Африки, уровень образования которых не соответствует требованиям, обусловленным амбициозными задачами повышения инновационной составляющей в экономическом росте объединенной Европы.

Не может пока Евросоюз ликвидировать и внутренние причины, порождающие высокий уровень долгов на периферии зоны евро. Решение такой задачи было бы возможно на основе радикального шага — упразднения фундаментального институционального противоречия, присущего еврозоне. Оно состоит в том, что в ней единая валюта и единая денежно-кредитная политика применяется по отношению к суверенным странам, сохраняющим обособленные финансово-бюджетные системы, функционирование которых во многом определяется уровнем развития, особенностями и, в конечном итоге, конкурентоспособностью экономик. Полностью снять это противоречие можно, лишь превратив зону евро в одно государство федеративного типа (некие Соединенные Штаты Европы), в котором единая валюта была бы дополнена единым полноценным бюджетом и узаконен дотационный характер более слабых национальных экономик (подобно тому, как остальные регионы Франции и Германии дотируются в процессе перераспределения бюджетных доходов).

К такому повороту событий еврозона, однако, не готова. Сильные страны не собираются субсидировать слабые. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания руководителей ведущих государств региона. Последние поглощают доход, который в случае защиты рынков могла бы получать периферия, но не намерены им делиться. Еще более призрачными следует считать надежды на создание федерации, если учитывать усиливающийся в ЕС евроскептицизм.

Менее радикальным вариантом является возможность оптимизации зоны евро за счет вывода из состава ее участников наиболее слабых в экономическом отношении государств. Но и этот вариант не применим в ближайшее время по ряду причин, изложенных ниже.

1. Такой выход означал бы очевидный провал политики Евросоюза, стремящегося интегрировать как можно большее число европейских стран, независимо от уровня их экономического развития, в том числе особо привязать к себе государства Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), находившиеся когда-то в политической и экономической орбите Советского Союза. Начало попятного движения создало

бы совершенно иную политическую атмосферу, неблагоприятную для ведущих держав Западной Европы.

2 Оптимизация экономически не выгодна странам-лидерам Евросоюза, поскольку в результате возросли бы затраты и потери расположенных на их территории компаний, банковской и финансовой систем, связанных с торговой и инвестиционной экспансией на периферии. Именно этим обусловлены публикуемые ныне многочисленные расчеты, которые указывают на значительность вероятных финансовых потерь, а также потерь из-за возможного снижения темпов экономического роста в случае выхода из зоны одного или нескольких ее участников.

В частности, весьма показательны выкладки немецкого экономиста Михеля Бёмера, возглавляющего агентство экономического прогнозирования *Prognos AG*, приведенные в шестом номере издания *Policy Brief* за 2012 г. В них утверждается, что в случае выхода из зоны одной Греции, доля которой в еврозоне не превышает 2% ВВП, потери для ЕС и мира в целом будут незначительны. ЕС в целом потеряет за семь последующих лет (с 2013 г. по 2020 г.) 419 млрд евро, при этом Франция — 157 млрд, Германия — 73 млрд. Но если процесс дезинтеграции затронет и другие страны валютного объединения, потери многократно возрастут. В случае выхода из зоны не только Греции, но и Португалии потери ЕС составят за тот же период 1320 млрд евро, Германии — 225 млрд, Франции — 31 млрд. А если к ним присоединятся Италия и Испания, потери ЕС составят 8811 млрд, еврозоны — 7755 млрд, Германии — 1707 млрд, Франции — почти 3 трлн евро.

Интересен вопрос, как возможная дезинтеграция ЕС скажется на экономике России? В расчетах Михеля Бёмера есть ответ и на него. В случае выхода из зоны одной Греции Россия не только не потеряет, но даже получит выигрыш в размере 5 млрд евро за счет переориентации инвестиций в направлении России. В случае выхода двух стран — Греции и Португалии, определенные потери будут (около 23 млрд евро), но их уровень вряд ли можно считать значительным.

3. Сами страны периферии не готовы к тому, чтобы ставить вопрос о выходе из еврозоны и ЕС. Удерживает их от такого шага целый комплекс факторов. Здесь и боязнь правящих кругов наступления негативных экономических и социальных последствий, которые, безусловно, будут, особенно в первое время. И позиция собственных и международных СМИ, привыкших всячески подчеркивать позитивную роль объединения. И позиция элит этих стран, связавших свои политические и экономические интересы с политическими кругами Запада и крупным европейским капиталом. И все еще существующие наивные надежды населения на то, что участие в Евросоюзе и исполь-

зование единой валюты позволит быстро достичь такого же уровня жизни, как в Германии или во Франции.

4. Юридически в Евросоюзе не определены правила выхода из еврозоны, поскольку до сих пор в этом не было необходимости.

Таким образом, вполне обоснованным является предположение о том, что в обозримой перспективе (на наш взгляд, в течение ближайших 10 лет) не только не возникнут «Соединенные Штаты Европы», но и не произойдет существенная оптимизация состава ее участников. Иными словами, будут приняты паллиативные меры, не нарушающие бюджетно-экономической обособленности стран-участниц зоны евро, т.е. не устраняющие зависимость их финансового положения от конкурентоспособности национальных экономик. В то же время не следует ожидать и сколько-нибудь радикальных шагов, направленных на выход из валютного объединения тех или иных его членов, а тем более ликвидации зоны в целом. Это означает, что единая европейская валюта в этот период не прекратит свое существование. Но ее использование будет по-прежнему сопровождаться финансовыми коллизиями, вызванными различиями в уровнях экономического развития входящих в зону стран.

Непредсказуемыми являются результаты последних мер, принятых Евросоюзом с целью снизить уровень государственных долгов в странах зоны евро. Речь идет о подписанном 2 марта 2012 г. 25 членами ЕС Договора о стабильности, координации и управлении в Экономическом и валютном союзе⁸. Договор содержит несколько положений, которые, по мысли его инициаторов, должны привести к недопущению и сокращению роста финансовых дефицитов.

Он предполагает:

1. Взимание штрафа до 0,1% ВВП страны за допущение бюджетного дефицита.

2. Установление жесткого предела, в рамках которого бюджет будет считаться сбалансированным: его структурный дефицит, очищенный от влияния конъюнктурных колебаний, не должен быть больше 0,5% ВВП. Допускается увеличение дефицита только до 1%, если участник еврозоны имеет низкий государственный долг по сравнению с нормативом в 60% ВВП.

3. Использование автоматического механизма коррекции в случае превышения этой величины. Суть механизма состоит в том, что каждая конкретная страна совместно с Европейской комиссией разраба-

⁸ См. текст договора: Eurozone Portal. <http://european-council.europa.eu/eurozone-governance/treaty-on-stability>.

тывает программу по устранению выявленных нарушений, определяя среднесрочные цели, привязанные к конкретным календарным датам. Выполнение программы контролируется Европейской комиссией. В случае отклонения от установленного графика этот орган или любое государство – участник еврозоны вправе обратиться в суд, который выносит виновному предупреждение, а затем, если проблемной стране не удалось ликвидировать нарушение, принимает постановление о взимании штрафа.

4. Стороны принимают на себя обязательство отразить в национальных законодательствах отмеченную выше норму сбалансированности бюджета и коррекционный механизм.

5. Обязанность участников еврозоны, имеющих государственный долг, превышающий 60% ВВП, ежегодно добиваться его уменьшения в размере $\frac{1}{20}$ части его величины по отношению к ВВП.

Учитывая жесткие условия Договора, можно предположить, что ряд стран в дальнейшем воздержатся от его ратификации. Не исключен и такой вариант, когда некоторые страны со слабой экономикой в силу невозможности поддерживать внутреннюю финансовую стабильность вынуждены будут выйти из Договора, дабы не платить штрафы, которые способны ухудшить их финансовое положение. Но тогда, в соответствии с условиями Договора, они будут лишены поддержки в виде займов, предусмотренной механизмом финансовой стабильности. В результате, вместо улучшения ситуации, произойдет обострение долговых проблем стран еврозоны. Объективно лишение займов будет выталкивать такие страны из нее, так как отсутствие ликвидности и в то же время необходимость выполнения обязательств государственного бюджета, прежде всего в социальной сфере, будут вынуждать правительства таких стран к введению собственной валюты.

Глава 14

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ РОССИИ НА РЫНКАХ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ И МИРА

Конкурентоспособность — это способность экономики удовлетворять возрастающий совокупный спрос и поддерживать экспорт. Об утрате конкурентоспособности обычно говорят такие признаки, как увеличение импорта и падение экспорта¹. Ниже анализируется конкурентоспособность важнейших российских товаров в 2000–2012 гг., возможности и факторы ее повышения в будущем.

Конкурентоспособность проанализирована на основании статистики экспорта (Э), импорта (И) и производства (П) конкретных товаров. Кроме специально оговоренных случаев, использованы данные Росстата.

Для измерения конкурентоспособности в работе предложены два показателя.

Показатель β характеризует внешнеторговое сальдо российского товара на мировых рынках — отношение объемов экспорта к импорту (в процентах):

$$\beta = \frac{\text{Э}}{\text{И}} \times 100.$$

С увеличением показателя β конкурентоспособность продукции растет.

Для продукции, поставки которой в народное хозяйство поступают, в основном, из-за рубежа в форме импорта, предложен второй показатель — *коэффициент импортной зависимости γ* :

$$\gamma = \frac{\text{И}}{\text{П} + \text{И} - \text{Э}} \times 100.$$

¹ Бетс Г., Брайндли Б., Уильямс С. и др. Бизнес. Толковый словарь / Под ред. И.М. Осадчей. М.: ИНФРА-М, Весь Мир, 1998.

Наукоемкая продукция

В таблице 14.1 приведен коэффициент импортной зависимости γ и дана оценка конкурентоспособности по шести видам **продукции гражданского машиностроения**.

Таблица 14.1

Конкурентоспособность машиностроения в 2000–2012 гг., в тыс. шт.

		2000	2012	2012 2000	Оценка конкурентоспособности российской продукции
Легковые автомобили	Производство	969	1964	2,0	Низкая, тенденция к снижению
	Импорт	71,7	1078	15,0	
	γ	7%	35%		
Грузовые автомобили	Производство	184	212	1,1	Низкая, тенденция к снижению
	Импорт	19,2	122,0	6,3	
	γ	9%	36%		
Металло-режущие станки	Производство	8,9	3,4	0,4	Низкая, приближается к 0
	Импорт	20,5	673,0	32,0	
	γ	70%	~100%		
Экскаваторы	Производство	3,4	1,9	0,6	Низкая, тенденция к снижению
	Импорт	1,4	34,8	25,0	
	γ	29%	95%		
Бульдозеры	Производство	3,0	1,4	0,5	Низкая, тенденция к снижению
	Импорт	0,2	3,4	17,0	
	γ	6%	71%		
Тракторы	Производство	19,3	14,3	0,7	Низкая, тенденция к снижению
	Импорт	20,9	92,6	4,4	
	γ	64%	91%		

По всем перечисленным в таблице 14.1 видам машин конкурентоспособность России на мировых рынках близка к нулю ($\beta=0$), так как объем экспорта российской машиностроительной продукции пренебрежительно мал: по легковым автомобилям — 2% от производства и импорта, грузовым автомобилям — 6% от их поставок в народное хо-

зайство, по металлорежущим станкам — не более 1%. По экскаваторам и бульдозерам экспорт отсутствовал. И только по тракторам экспорт был несколько выше, составляя 12% от импорта ($\beta = 12\%$).

Следствием низкой конкурентоспособности отечественных машин явилась растущая импортная зависимость. Коэффициент импортной зависимости достиг по бульдозерам 71%, по экскаваторам — 95%, тракторам — 91%. По металлорежущим станкам — 100%. По легковым автомобилям $\gamma=35\%$, по грузовым $\gamma=36\%$.

Рост импорта вытеснял отечественное производство. Производство машин в абсолютном выражении сократилось по грузовым автомобилям, экскаваторам, бульдозерам, тракторам, а по металлорежущим станкам практически обнулилось.

В то же время преобладающий в России импортоориентированный тип технологической модернизации, хотя и разрушает отечественное машиностроительное производство, в конечном итоге позволяет использовать высокопроизводительную, безопасную, экологически чистую и надежную импортную технику, экономить энергетические и другие производственные ресурсы в отраслях — пользователях машин.

Качество легковых машин — важнейший индикатор уровня жизни.

От качества строительно-дорожной техники, экскаваторов и бульдозеров зависят результаты дорожного строительства, преодоления российского бездорожья, успешность жилищного и промышленного строительства, очистка улиц от снежных заносов, а иногда и мусора, выполнение огромного объема земляных работ, по масштабам которых Россия стоит на первом месте в мире. Трактор — это не только основа сельскохозяйственной энергетики, но и транспортное средство в условиях бездорожья. Металлорежущие станки — это технологическое оборудование гражданского и оборонного машиностроения, ремонтных цехов и мастерских.

Для того чтобы согласовать интересы пользователей и производителей машин, нужна не таможенно-тарифная защита последних, а переход от импортоориентированного к догоняющему типу инновационного развития, предполагающему создание в России машиностроительных предприятий, использующих российскую рабочую силу, импортные технологии и оборудование для выпуска зарубежной техники с последующим увеличением локализации поставок отечественного металла, пластмасс, электрики, гидравлики, электроники и других комплектующих элементов. По технологическим цепочкам догоняющее развитие позволяет ликвидировать отставание не только в машиностроении, но и в смежных сферах экономической деятельности.

Автопром России продемонстрировал возможности (как, впрочем, и трудности) догоняющего типа инновационного развития. Учитывая масштабы внутреннего рынка тракторов и строительно-дорожной техники, можно ставить вопрос о распространении опыта автопрома на эти отрасли машиностроения.

Российское оборонное машиностроение отличается высокой конкурентоспособностью продукции на мировых рынках. Экспорт вооружений вырос к 2014 г. до 15 млрд долл. против 3,7 млрд долл. США в 2000 г. По экспорту вооружений Россия находится на втором месте в мире. В таблице 14.2 приведены данные о внешней торговле авиационной и судостроительной техникой.

Таблица 14.2

**Экспорт и импорт авиационной и судостроительной техники,
в млн долл. США**

		2000	2012	$\frac{2012}{2000}$	Конкурентоспособность
Авиационная техника	Экспорт	1165	4337	3,7	Высокая, но снижается
	Импорт	558	4774	8,5	
	β	209%	91%		
Суда и другие плавучие средства	Экспорт	1002	2119	2,2	Высокая, но снижается
	Импорт	237	1393	5,9	
	β	422%	159%		

Из данных таблицы 14.2 следует, что как авиационная, так и судостроительная продукция России в значительной мере ориентирована на экспорт, объемы которого достигают импорта. Экспортную ориентацию этих видов экономической деятельности обеспечивает главным образом продукция оборонного назначения: истребители, вертолеты, подводные лодки и т.д.

Доля России на мировых рынках гражданской авиационной техники не превышает 1%. В военном кораблестроении Россия занимает второе место в мире после США, а по объемам гражданского судостроения страна находится на 21-м месте.

Наличие у авиастроительных и судостроительных предприятий компетенций по выпуску конкурентоспособной продукции оборонного назначения позволяет надеяться, что в будущем они справятся с выпуском конкурентоспособных самолетов и судов гражданского назначения.

Конечно, технические требования к истребителям и подводным лодкам существенно отличаются от гражданских самолетов и судов. Несмотря на это, Россия с участием западных корпораций уже освоила выпуск гражданского самолета SSJ-100. Большие возможности открывает производство транспортных самолетов. В программе развития гражданской авиационной техники долю России на мировом рынке планируется увеличить с 1 до 5%.

Лидерские позиции Россия занимает на мировом рынке продукции атомного машиностроения. Экспорт ядерных реакторов и сопутствующего оборудования составляет 1202 млн долл. при импорте 5 млн долл. США² ($\beta=240\%$).

Электроника и вычислительная техника. Уровень производства отечественной электронной промышленности на душу населения составляет в России 14 долл. США, что на порядки ниже, чем в США (1260 долл.), Японии (1100 долл.), Евросоюзе (500 долл.). Доля России на мировом рынке электронной техники не превышает 0,1–0,3%, а на рынке информационных услуг — 0,2%³.

Между тем в 2000–2013 гг. Россия осуществила революцию в области применения **информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и связи**. Достижения в ИКТ и связи опирались на импорт и сборочное производство персональных компьютеров, импортные закупки средств мобильной связи в сочетании с собственными успехами в области программирования, запуска спутников связи, создания российских сотовых операторов, развития торговой и ремонтной сервисных служб.

С 2000 по 2012 г. импорт вычислительной техники в Россию вырос в 28 раз с 207 до 5828 млн долл. США. При этом российское (в основном сборочное) производство персональных компьютеров увеличилось в 4,2 раза. Россия вышла на высокий уровень обеспеченности персональными компьютерами: 53 на 100 семей. Для сравнения: в Германии на 100 семей приходится 61 компьютер. Уровень оснащения организаций персональными компьютерами приблизился к 100%. При этом около 80% организаций оснащены Интернетом и электронной почтой.

В основном за счет средств мобильной телефонной связи преодолено отставание в телефонизации страны, в прошлом катастрофическое.

² Таможенная статистика внешней торговли Российской Федерации. 2011 / Федеральная таможенная служба. М., 2012.

³ Сухарев О. Информационный сектор экономики: проблемы развития // Инвестиции в России. 2006. № 8.

Медицинская техника. Российская медицинская промышленность обеспечивает менее 25% медтехники для внутреннего рынка. В сфере высокотехнологичной медтехники доля импорта приближается к 100%. За 2000–2012 гг. импорт медицинской техники (совместно с ветеринарной) вырос в 11 раз — с 396 млн долл. до 4369 млн долл. США. Экспорт незначителен. Конкурентоспособность близка к нулю.

Россия обеспечена собственным производством лекарственных средств не более чем на 20% в денежном выражении и не более 65% в натуральном. Экспорт отечественных лекарств пренебрежительно мал, составляя всего несколько процентов от их импорта (таблица 14.3).

Таблица 14.3

**Конкурентоспособность фармацевтической промышленности
в 2000–2012 гг., в млн долл. США**

		2000	2012	Конкурентоспособность
Лекарственные средства	Импорт	1150	10785	Близка к нулю
	Экспорт	103	483	
	β	9%	4%	

По лекарственным средствам и медтехнике зависимость России от импорта перешагнула допустимый предел инновационной безопасности. Поэтому по этим видам продукции были приняты специальные правительственные постановления о поддержке их развития.

Перерабатывающие производства

В числе производств, перерабатывающих сырье, рассмотрены виды экономической деятельности, которые статистика относит к химической, нефтеперерабатывающей, металлургической и пищевой промышленности.

Химическая промышленность. В таблице 14.4 приведены данные, позволяющие оценить конкурентоспособность на мировых рынках восьми продуктов российской химической промышленности.

В сфере российской продукции неорганической и органической химии экспорт превышает импорт (>100), что свидетельствует о конкурентоспособности этих видов экономической деятельности на мировых

рынках. Но различие между этими группами продукции состоит в том, что экспорт продуктов неорганической химии в 2000–2012 гг. рос быстрее импорта, вследствие чего вырос внешнеторговый оборот и индикатор конкурентоспособности на внешнем рынке β увеличился со 151 до 218%.

По органическим соединениям внешнеторговый оборот в 2000–2012 гг. стремительно развивался. Но при этом экспорт отставал от роста импорта. Поэтому конкурентоспособность, оставаясь высокой на всем отрезке времени, постепенно снижалась.

Таблица 14.4

Конкурентоспособность основных видов продукции химической промышленности на мировых рынках (импорт и экспорт – в млн долл. США)

		2000	2012	2012 2000	Оценка конкурентоспособности
Продукты неорганической химии (аммиак и др.)	Импорт	1437	3587	2,5	Высокая и растет
	Экспорт	2172	7841	3,6	
	β	151%	218%		
Органические соединения	Импорт	46,5	3373	72,5	Высокая, но снижается
	Экспорт	202	4520	22,4	
	β	434%	134%		
Удобрения азотные	Импорт	0	0		Стабильно высокая
	Экспорт	541	3543	6,5	
Удобрения калийные	Импорт	0	0		Стабильно высокая
	Экспорт	407	3646	9,0	
Удобрения смешанные	Импорт	0	0		Стабильно высокая
	Экспорт	644	3987	6,2	
Полимеры и пластмассы	Импорт	949	11510	12,1	Низкая и снижается
	Экспорт	789	2103	2,7	
	β	83%	18%		
Каучук	Импорт	64	251	7,6	Высокая и растет
	Экспорт	331	2676	8,1	
	β	517%	1066%		
Шины	Импорт	251	2755	11,2	Низкая и снижается
	Экспорт	200	1049	5,2	
	β	80%	38%		

Импорт удобрений в Россию отсутствует, а их большой и растущий экспорт свидетельствует о высокой конкурентоспособности на мировых рынках. Аналогичное положение с каучуком.

Что же касается полимеров, пластмасс и шин российского производства, то по этим химическим продуктам импорт превышает экспорт. Причем со временем отрицательное внешнеторговое сальдо нарастало. Поэтому индикатор конкурентоспособности $\beta < 100$ и постепенно уменьшался. Оценивая конкурентоспособность этих продуктов, можно говорить о низкой конкурентоспособности, которая продолжает снижаться.

Нефтепереработка. Россия — крупнейший поставщик нефти и нефтепродуктов на мировые рынки.

Чем глубже переработка сырья, тем эффективней экспорт продукции с высокой добавленной стоимостью. Между тем в России первичной переработке подвергалось лишь около половины добываемой нефти. При этом глубина переработки сырья составляет около 70%.

Основным продуктом переработки является топочный мазут и дизельное топливо. Объем каждого из них вдвое превышал выпуск автомобильного бензина. Качество бензина отстает от требований европейских стандартов.

Такая структура нефтепереработки соответствовала 60-м гг. прошлого века, когда парк автомобилей в стране был незначителен, а европейские стандарты на качество бензина отсутствовали.

Индекс Нельсона, который характеризует уровень нефтепереработки, при минимальном его значении, равном 1, для России составляет 4,37, в то время как в Западной Европе он равен 7,42, а в среднем в мире — 6,7, по данным за 2012 г.⁴

Мировые рынки охотно приобретают у России сырую нефть и продукты первичной переработки с тем, чтобы завершить процесс переработки сырья до уровня высокооктанового автомобильного бензина и продуктов нефтехимии. Спрос мировых рынков в данном случае отнюдь не означает конкурентоспособность российской нефтеперерабатывающей промышленности.

В целом, по общему мнению экспертов, российская нефтеперерабатывающая промышленность устарела и требует скорейшей реконструкции.

Черная и цветная металлургия. Россия — крупный производитель и экспортер черных и цветных металлов. Россия занимает 3-е

⁴ Дребенцов В.В. Вызовы российской энергетики // Журнал новой экономической ассоциации. 2012. № 4.

Таблица 14.5

Экспорт основных металлов, в млрд долл. США

	2000	2002	2003	2004	2005	2008	2009	2010	2012	<u>2012</u> <u>2000</u>
Черные металлы	6,7	6,8	9,0	17,0	18,7	28,7	15,6	20,8	22,5	3,4
Медь	1,1	0,7	0,7	0,9	1,1	1,2	2,5	3,3	1,9	1,7
Никель	1,7	1,7	2,1	3,2	3,5	4,9	3,6	5,2	3,7	2,2
Алюминий	4,2	2,9	3,3	4,1	4,9	7,5	5,2	6,0	6,3	1,5

Таблица 14.6

Конкурентоспособность некоторых видов металлов на мировом рынке в 2000–2012 гг. (импорт и экспорт), в млн долл. США

		2000	2012	<u>2012</u> <u>2000</u>	Оценка конкурентоспособности
Черные металлы	Импорт	890	6403	8,2	Высокая, но снижается
	Экспорт	6733	22614	3,5	
	β	756%	353%		
Трубы из черных металлов	Импорт	569	1447	4,8	Переход от низкой к высокой
	Экспорт	370	1831	4,5	
	β	65%	126%		

место в мире по выплавке чугуна, 6-е — по производству стали. Черные и цветные металлы занимают в общем экспорте России второе место, уступая только экспорту минерального сырья.

Любое металлургическое производство является энергозатратным, особенно производство алюминия, загрязняющим окружающую среду, вредным и опасным для здоровья человека. Эти обстоятельства способствуют спросу на экспортные поставки металлов из России в экономически развитые страны.

Кроме того, металлургическая продукция — это базовый исходный материал для автомобильной, авиационной промышленности и других машиностроительных производств.

В таблице 14.5 приведены данные об экспорте черных и основных цветных металлов.

За десять анализируемых лет экспорт черных металлов, меди и никеля вырос примерно в 3 раза по каждой из этих позиций, в то время как алюминия — всего в 1,4 раза.

Обращает на себя внимание тот факт, что мировой финансовый кризис почти на половину сократил в 2009 г. экспортные поставки черных металлов. Причем в 2012 г. объемы экспорта еще не достигли уровня 2008 г. Аналогичная картина сложилась по экспорту алюминия и никеля.

Из данных таблицы 14.5 следует, что в экспорте российских металлов продукция черной металлургии по объемам выручки явно преобладает над основными цветными металлами.

В таблице 14.6 приведены данные об экспорте и импорте некоторых видов черных металлов, на основе которых сделан вывод об изменении конкурентоспособности продукции черной металлургии на мировых рынках.

Под влиянием внутреннего спроса производство продукции черной металлургии третьего и четвертого переделов в период с 2000 по 2012 г. росло опережающими темпами по сравнению с готовым прокатом: производство готового проката увеличилось в 1,2 раза, в то время как холоднокатаного листа — в 1,5 раза, стальных труб — в 1,8 раза. Опережающий рост холоднокатаного листа, в первую очередь, был связан с локализацией сборочного производства в автопроме. Особенно быстро рос выпуск сварных труб большого диаметра с полимерными покрытиями, используемыми для строительства газопроводов: российское производство сварных труб большого диаметра с покрытиями увеличилось примерно в 85 раз.

Агропродовольственная сфера. Таблица 14.7 содержит статистические данные, которые позволяют оценить конкурентоспособность и импортозависимость России по основным видам продукции агропродовольственной сферы.

В неблагоприятном 2010 г. производство зерна сократилось по сравнению с 2000 г. на 7%. Между тем, в 2008 г. валовый сбор зерна составлял 108,2 млн т, что в 1,6 раза превышало производство 2000 г. В 2009 г. валовый сбор зерна был равен 97,1 млн т, превысив уровень 2000 г. в 1,5 раза. В 2012 г. производство зерна превысило уровень 2000 г. на 8%.

Импорт зерна снизился в период 2000–2012 гг. до пренебрежительно малой величины, в то время как его экспорт вырос в 17 раз. В результате Россия перешла от импортоориентированного потребления зерна к экспортоориентированному его производству.

В 2012 г. показатель β существенно превысил отметку 100. Это свидетельствует о переходе к положительному внешнеторговому сальдо и экспортному производству зерна.

Кроме зерна, низкий уровень коэффициента импортозависимости Россия сохраняет по картофелю: около 1,5% в 2012 г.

Таблица 14.7

Импортозависимость России по видам продовольствия в 2000–2012 гг.

		2000	2012	2012 2000	Оценка конкурентоспособности
Зерно (млн т)	Производство	65,6	70,8	1,08	Высокая, тенденция к росту; экспортоориентированный тип развития
	Импорт	4,7	1,1	0,23	
	Экспорт	1,3	22,5	17,3	
	β	28%	2045%	–	
	γ	6,8%	2,0%	–	
Мясо, включая птицу и мясoproдукты (тыс. т)	Производство	4446	8090	1,8	Низкая, экспорт почти отсутствует, импорт растет
	Импорт	1211	1937	1,6	
	γ	21%	19%		
Молоко и мо- локопродукты (тыс. т)	Производство	32259	31831	0,99	Низкая, экспорт снижается, импорт растет
	Импорт	212,9	511,0	2,4	
	Экспорт	89,5	52,9	0,59	
	β	42%	10%	–	
	γ	1,5%	1,6%	–	
Картофель (тыс. т)	Производство	29465	29532	1,0	Высокая самообеспеченность. Экспорт и импорт незначительны
	Импорт	359	461	1,3	
	Экспорт	16,6	27,8	1,7	
	β	4,6%	6,0%	–	
	γ	1,2%	1,5%	–	
Масло растительное (тыс. т)	Импорт	698	803	1,2	Высокий рост экспорта обгоняет импорт
	Экспорт	226	1468	6,5	
	β	32%	183%	–	
Сахар (тыс. т)	Импорт	5014	588,3	0,12	Сокращение импорта происходит быстрее, чем экспорта. Россия уходит с мирового рынка сахара
	Экспорт	178	62,3	0,35	
	β	3,5%	10,6%	–	
Рыба и морепродукты (тыс. т)	Импорт	335	819,7	2,4	Высокая, но снижается за счет опережающего роста импорта по сравнению с экспортом
	Экспорт	1098	1651,8	1,5	
	β	328%	201%	–	

По мясу при незначительном экспорте импорт составил в 2012 г. около 19% от поставок.

Особенно высока зависимость России по напиткам, где $\beta=20\%$, т.е. их импорт в 5 раз превышает экспорт.

Производство молока и молочных продуктов в 2012 г. оставалось почти на том же уровне, что и в 2000 г. Но при этом импорт увеличился в 2,4 раза, а экспорт сократился на 41%.

Относительно благоприятная картина сложилась по растительному маслу, по которому экспорт увеличился в 6,5 раз при росте импорта в 1,2 раза.

Россия сокращала производство, импорт, а также экспорт сахара. Причем импорт сахара в нашу страну снижался быстрее экспорта.

По рыбе и морепродуктам импорт в Россию вырос в 2000–2012 гг. в 2,4 раза при росте экспорта российской продукции в 1,5 раза.

В Доктрине продовольственной безопасности России поставлена задача снижения импорта продовольствия, разумеется, при увеличении душевого потребления мяса, молока и некоторых других продовольственных товаров.

Предпосылкой для перехода агропродовольственной сферы России от импортозависимости к импортозамещению и экспортоориентированному развитию является наличие уникальных ресурсов земли и пресной воды.

Н.П. Шмелёв и В.П. Фёдоров рассматривают первоочередной характер будущего развития потребительского комплекса как исходный пункт оздоровления экономики, обеспечения первоочередных потребностей населения на базе продовольственной безопасности⁵.

Подводя итог анализу конкурентоспособности продукции перерабатывающей промышленности, следует отметить, что Россия чувствует себя на мировых агропродовольственных рынках намного увереннее, чем в сфере наукоемких производств.

Возможности повышения конкурентоспособности российской продукции

Будущая конкурентоспособность отечественной продукции на рынках Европы и мира в решающей мере определяется такими факторами, как образование, научный потенциал страны, инновационная интеграция России в мировое научно-техническое пространство, ин-

⁵ Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П. Российские реалии // Современная Европа. 2013. № 3.

вестиции в инновационное обновление основного капитала. Реализация этих факторов в решающей мере зависит от социально-экономической политики государства в этих сферах.

Образование как фактор формирования инновационной экономики.

Образование — важнейший долгосрочный фактор формирования конкурентоспособной инновационной экономики.

Высокий уровень профессионального, особенно естественно-научного и технического образования, явился одним из главных преимуществ России. Без него не были бы достижимы те, пускай локальные, лидерские успехи, которые имеют место по ряду направлений науки и техники.

Высшее и среднее образование выступает источником развития отечественной науки, коммерциализации ее достижений в производстве. Кроме того, образование создает предпосылки для успешных заимствований зарубежных научно-технических достижений в форме импорта или догоняющего развития российских производств.

В какой мере структура высшего и среднего профессионального образования отвечает задачам ускоренного развития обрабатывающей, особенно наукоемкой продукции? Ответ на этот вопрос содержит таблица 14.8, в которой приведен выпуск вузов по специальностям, обеспечивающий рост производства обрабатывающей промышленности.

Суммарный выпуск вузов по специальностям, обеспечивающим рост производства наукоемкой продукции (электроники, приборостроения, авиационной и ракетно-космической промышленности и др.), составил в 2012 г. 122,7 тыс. чел. Это — около 12% от общего выпуска вузов. Не так уж и мало, если учесть, что в обрабатывающих производствах сосредоточено около 13% рабочих мест.

Быстрый рост выпуска специалистов наблюдался в период 2000—2012 гг. по всем приведенным в таблице 14.8 специальностям. Наиболее интенсивным он был по выпуску специалистов по информатике и вычислительной технике, химической промышленности и биотехнологиям, приборостроению и оплотехнике.

Конкурс на вступительных экзаменах в вузы демонстрирует дальнейший положительный сдвиг в предпочтениях молодежи в сторону работы в сфере наукоемких обрабатывающих производств.

Абсолютные значения конкурса на вступительных экзаменах в вузы по всем специальностям составляли 208 чел. на 100 мест. По специальностям «Приборостроение» он был выше и равнялся 259 чел. на 100 мест, по «Электронике, радиотехнике, связи» — 212 чел. на 100 мест, по «Автоматике и управлению» — 211 чел. на 100 мест, а по «Информатике и вычислительной технике» — даже 244 чел. на 100 мест.

Таблица 14.8

**Выпуск вузов по специальностям, обеспечивающим инновационный рост
производства обрабатывающей промышленности
в 2000–2012 гг., в тыс. чел.**

Специальности	2000	2005	2012	<u>2012</u> <u>2000</u>
Электроника, радиотехника, связь	9,9	15,1	12,0	0,79
Приборостроение и оптотехника	3,2	6,5	6,0	0,92
Авиационная и ракетокосмическая техника	2,9	4,8	4,9	1,02
Информатика и вычислительная техника	9,3	17,7	20,5	1,16
Машиностроение и металлургия	13,9	25,8	19,6	0,76
Химическая промышленность и биотехнологии	4,5	10,7	8,9	0,83
Оружие и системы вооружений	...	0,6	0,4	0,66
Морская техника	...	3,4	3,8	1,12
Транспортные средства	...	29,4	33,4	1,14
Автоматика и управление	9,3	11,4	13,2	1,16
ИТОГО:	...	125,4	122,7	0,98

Правда, по специальности «Авиационная и ракетно-космическая техника» конкурс составил 187 чел./100 мест, по специальности «Вооружение» — 195 чел./100 мест и был меньше среднероссийского.

Как следует из данных таблицы 14.9, доля специалистов со средним специальным образованием для наукоемких видов экономической деятельности была минимальна, не превышая в общем выпуске 1–2% по каждой специальности. Несколько больше она была для информатики и вычислительной техники (5,4%), машиностроения и металлургии (4,0%). В целом же доля технических специальностей составляла около 14% от всех выпускников, получивших среднее образование.

В настоящее время $\frac{2}{3}$ выпускников вузов и $\frac{1}{3}$ среднего профессионального образования приходятся на экономику, менеджмент, педагогику, гуманитарные науки. Такая «гуманитаризация» образования с позиций развития инновационной экономики представляется излишней. Однако в этом состоит выбор общества, члены которого осознанно оплачивают значительную часть издержек на гуманитарное образование.

Поэтому переориентация высшего и среднего образования на задачи инновационной экономики потребует от государства специальных мер по популяризации технических специальностей.

Таблица 14.9

**Структура выпуска специалистов среднего технического образования
по инновационным специальностям**

Специальности	2000		2012	
	тыс. чел.	%	тыс. чел.	%
<i>Выпуск, всего</i>	567,7	100	454,9	100
машиностроение и металлургия	15,8	2,8	18,4	4,0
авиационная и ракетно-космическая техника	1,7	0,4
приборостроение и оптотехника	0,7	0,1	0,9	0,2
автоматика и управление	7,1	1,3	5,3	1,2
информатика и вычислительная техника	9,1	1,6	24,6	5,4
химическая и биотехнологии	4,6	0,8	4,3	0,7
электроника, радиотехника, связь	12,0	2,1	6,6	1,5

Что касается качества технического образования, то выпускники МВТУ, МФТИ, МАИ, ряда других российских вузов успешно работают в лучших научно-исследовательских центрах не только России, но и в США, Германии и Израиле, доказывая высокую конкурентоспособность своего образования. Разумеется, не все технические вузы обеспечивают высокий образовательный уровень.

Наметивший положительный сдвиг предпочтений российской молодежи в сторону производства и применения наукоемкой продукции может быть усилен вследствие повышения госзаказов на ее производство, увеличения бюджетных мест и стипендий в вузах по техническим специальностям, гарантированных рабочих мест для выпускников с конкурентоспособным уровнем зарплаты.

Научный потенциал России. Формирование инновационной экономики России происходит в условиях конкуренции российских разработок с зарубежными, в том числе с заимствованными в процессе инновационной интеграции России в мировое научно-техническое пространство. При этом российские разработки в соответствующих правовых рамках могут использовать как отечественные, так и зарубежные патенты.

В таблице 14.10 приведено число вновь созданных в России технологий по степеням новизны.

Таблица 14.10

Новизна разработок в 2000–2012 гг.

	2000	2012	%	2012 2000	Оценка конкурентоспособности
Всего создано новых технологий, в том числе	688	1324	100	1,9	
новых для России	569	1188	89,7	2,1	Частичная
принципиально новых	72	135	10,1	1,9	Полная
обладающих патентной чистотой	262	786	59,4	3,0	Частичная

Из таблицы видно, что доля принципиально новых, обладающих полной конкурентоспособностью, технологий составляла в 2012 г. около 10%. Число новых технологий с использованием патентов, свидетельствующее о частичной конкурентоспособности, выросло в 2000–2012 гг. в 3 раза, в результате чего их доля в общем числе новых технологий увеличилась до 59%.

Число действующих в России патентов составляло в 2012 г. 255 тыс. В 2012 г. российским заявителям было выдано 35 тыс. патентов (в 2000 г. – 19,6 тыс.). При этом коэффициент ежегодного обновления парка патентов составлял 13,7%, что свидетельствует о высокой патентной активности.

Эффективность затрат на технологические инновации, рассчитанная как отношение произведенных инновационных продуктов к объему затрат, составляет 3,3 руб. инновационной продукции в среднем на каждый 1 руб. затрат. Наиболее высокой была эффективность затрат в сфере производства транспортных средств (7,9 руб./руб.) и химической промышленности (5,2 руб./руб.).

В советские годы в России был создан мощный научный потенциал, который собственными силами полностью закрывал потребности страны по всем направлениям инновационной деятельности, но не предусматривал интеграцию в мировое научно-техническое пространство. В современной рыночной экономике такая изоляция невозможна даже в оборонной промышленности. При переходе к инновационной экономике с учетом конкуренции на мировых рынках инноваций в российской науке необходимы следующие изменения.

Постепенное сокращение удельного веса затрат на фундаментальные исследования за счет роста затрат на прикладные исследования и разработки.

Но при этом, отдавая приоритет финансированию лидерских разработок, Россия вынуждена вести минимально необходимую исследовательскую деятельность во всех сферах, чтобы обеспечить порог осведомленности о мировых достижениях, без чего передача технологий не будет эффективной.

Необходимо приостановить начавшееся сокращение численности исследователей в области технических наук (с 275 тыс. чел. в 2000 г. до 225 тыс. чел. в 2012 г.), а также исследователей в области естественных наук (100 тыс. чел. в 2000 г. и 89 тыс. чел. в 2012 г.). Соответственно, предстоит повысить долю аспирантов по техническим наукам, которая в 2012 г. составила менее 5% от общей численности аспирантов.

Инновационная интеграция России в мировое экономическое пространство. В условиях глобализации формирование инновационной экономики происходит под влиянием долгосрочного фактора экономической, прежде всего инновационной интеграции. Инновационная интеграция — это вхождение страны в мировое научно-техническое пространство. Для России она реализуется по формуле «нефть и газ в обмен на инновации» и достигается путем обмена на минеральное сырье научно-технических знаний, технологий, техники, высокотехнологичной и наукоемкой продукции.

В условиях инновационной интеграции межстрановые потоки инноваций реализуются в форме:

- импорта наукоемкой продукции, машин, оборудования;
- обмена новыми знаниями, основанного на изучении публикаций, информации, полученной в процессе посещения выставок, передовых предприятий и т.д.;
- создания западными корпорациями в России предприятий с ориентацией на российский, а затем и мировые рынки;
- обучения специалистов за рубежом;
- строительства совместных предприятий;
- прямого обмена знаниями между учеными в ходе личного общения;
- совместных исследований и разработок.

Инновационная интеграция сближает страны-партнеры, увеличивая их экономическую и технологическую взаимозависимость и содействия их политической совместимости.

Глобальные угрозы, связанные с украинским кризисом, ограничивают перспективы инновационной интеграции России.

Инвестиции в инновационное обновление основного капитала.

Инвестиции в основной капитал являются важнейшим фактором перехода к инновационной экономике.

Таблица 14.11

Состояние и обновление основного капитала России в 2005–2012 гг., в %

	2005	2008	2012
Коэффициент обновления	3,0	4,4	3,9
Коэффициент выбытия	1,1	1,0	0,7
Удельный вес полностью изношенного капитала	13,3	13,1	14,0

Из таблицы 14.11 следует, что существующая инвестиционная активность обеспечивает коэффициент обновления основного капитала на уровне 3–4% в год. При этом коэффициент выбытия достигает около 1% в год. Значит, прирост основного капитала составляет около 2–3% в год.

Если принять, что фондоотдача вновь введенного основного капитала должна быть никак не меньше действующего, то при этом предположении минимально гарантированные темпы экономического роста должны соответствовать приросту основного капитала, составляя 2–3% в год, конечно, не считая возможности изменения объемов производства продукции на действующих мощностях.

Такие темпы экономического роста отстают от мировых и для России недостаточны. Тем более, если учесть сокращение выпуска продукции на действующих мощностях из ее неконкурентоспособности и вытеснения импортом.

Дополнительным аргументом в пользу повышения инвестиционной активности является необходимость существенно увеличить коэффициент выбытия основного капитала, с тем, чтобы заменить полностью изношенные основные фонды, которые составляют 14%⁶.

Наряду с внутриэкономическими резервами повышения инвестиционной активности, вложения в инновационное обновление экономики России могут быть увеличены за счет создания условий для увеличения ввоза (импорта) капитала и относительного сокращения вывоза (экспорта). Но из-за неблагоприятной глобальной обстановки

⁶ Часть полностью изношенного основного капитала, включающего производственные мощности с низким уровнем использования, может быть ликвидирована без инвестиционных затрат на возмещение выбытия.

в ближайшее время эту тенденцию реализовать России, по-видимому, не удастся.

В 2000–2012 гг. экспорт капитала увеличился в 9,9 раза, а импорт — в 14,2 раза. Из таблицы 14.12 следует, что экспорт капитала в докризисные годы превышал его импорт. В 2012 г. импорт и экспорт капитала почти сравнялись.

Таблица 14.12

**Российский импорт и экспорт инвестиций в 2000–2012 гг.,
в млрд долл. США**

	2000	2008	2012	$\frac{2012}{2000}$
Экспорт	15,1	114,3	149,9	9,9
Импорт	10,9	103,8	154,6	14,2
β	138%	110%	97%	

В 2012 г. российский импорт инвестиционных машин, оборудования и транспортных средств составил 130 млрд долл. США. Главными поставщиками техники в Россию явились Германия, Италия и другие страны Евросоюза.

Если исходить из паритета покупательной способности рубля в накоплениях основного капитала, равного, по данным Росстата, 22,95 руб./долл. (2008), то импорт техники был равен в 2012 г. 2928 млрд руб., что составляло около 60% от всех поступлений в народное хозяйство машин, оборудования и транспортных средств.

Этот расчет свидетельствует о высокой импортной зависимости инновационного обновления России от импорта техники из Германии, других стран ЕС и остального мира.

Индикатором будущей конкурентоспособности отдельных видов экономической деятельности отечественной промышленности отчасти может выступать *отраслевая структура иностранных инвестиций*. Если принять все иностранные инвестиции в Россию за 100%, то наибольший удельный вес имеют иностранные инвестиции в добычу топливно-энергетических ресурсов (около 12%), в производство нефтепродуктов и кокса (12,5%). На долю металлургического производства приходится 6,5% иностранных инвестиций, химического — 3%. На развитие производства автомобилей направляются 1,6% зарубежных вложений, в то время как на торговлю и ремонт автотранспорта — 16,4%. В итоге иностранные инвестиции направлены на развитие

существующих успешных российских видов экономической деятельности, консервируя существующую минерально-сырьевую структуру экономики России.

Перспективы повышения конкурентоспособности России на рынках Европы и мира. Роль государства. Как показал анализ конкурентоспособности, перспективами сохранения инновационного лидерства на базе российских НИОКР с высоким экспортным потенциалом, кроме углеводородов, располагают производство вооружений, особенно военного самолетостроения и судостроения, атомная промышленность, ракетно-космическая и некоторые другие виды экономической деятельности. На основе этих достижений можно ожидать успешного создания конкурентоспособной продукции в смежных сферах экономической деятельности — в гражданском авиастроении и судостроении, а также мультипликативное распространение НТП по технологическим цепочкам.

Начавшийся этап догоняющего развития автопрома на базе сборочного производства и его локализации позволит сократить импорт иномарок. Догоняющий тип развития может быть распространен на другие отрасли машиностроения, где накопленное отставание в настоящее время ликвидируется за счет импорта техники из Германии и других стран Евросоюза (строительство дорожных машин, тракторостроение, сельхозмашиностроение и др.).

Можно ожидать дальнейшей локализации сборочных производств персональных компьютеров, телевизоров, средств мобильной связи.

Отрасли, перерабатывающие сырье — металлургия, химическая промышленность и продовольственная сфера, частично базируясь на возрождении отечественного машиностроения и в значительной мере — на закупке зарубежной техники и технологий, имеют возможность не только закрепиться в обозримом будущем на достигнутых рубежах конкурентоспособности (металлы, удобрения, зерно), но также сократить импорт пластмасс, шин и многих видов продовольствия.

Недопустимо высокий уровень импортозависимости у России в области производства лекарственных средств и технически сложной медтехники угрожает здравоохранению. Практически ликвидировано станкостроение — техническая база модернизации инвестиционного и оборонного машиностроения. Поэтому государство должно изыскать специальные возможности для возрождения технологических компетенций в сферах фармацевтики, производств сложного медицинского оборудования, металлорежущих станков, кузнечно-прессовых машин.

Государству принадлежит ведущая роль в достижении сбалансированности между структурой высшего и среднего профессионального образования и задачами повышения конкурентоспособности российской экономики. Предстоит возродить всемирную славу лучших технических университетов России, обеспечив им свободу реформирования и автономию развития, поднять конкурсы для поступления в них за счет повышенных стипендий, гарантий высокооплачиваемых рабочих мест для выпускников.

Государственная научно-техническая политика также должна исходить из задач и приоритетов повышения приоритетов российской экономики, из возможностей поддержания точек научно-технического роста и лидерства в тех ограниченных сферах, где они имеются, предусмотрев ликвидацию технологического отставания там, где оно накопилось.

Ни при каких условиях нельзя допускать рост заработной платы, опережающий рост производительности труда в стране. В противном случае российская продукция окончательно потеряет свои ценовые конкурентные преимущества.

Внешнеэкономическая политика государства должна создавать благоприятные условия для модернизации неконкурентоспособных видов экономической деятельности, в том числе за счет интеграции в европейское и мировое научно-техническое пространство.

Роль инновационной интеграции со странами Евросоюза и остального мира неизбежно будет возрастать по мере ускорения в мире технологического прогресса.

Без инвестиций не может быть инноваций. Инвестиции по отношению к инновациям первичны. Поэтому возможности формирования инновационной экономики в решающей мере зависят от наличия инвестиций. Задача формирования благоприятного инвестиционного климата является для России наиболее трудной, требующей крутого поворота не только в экономической, но и в политической сфере, коренных улучшений в области борьбы с преступностью, коррупцией, совершенствования суда, развития предпринимательской ответственности перед обществом. Формирование благоприятного инвестиционного климата, так же, как и другие направления государственной поддержки инновационной экономики, по своим масштабам далеко выходят за рамки настоящей работы и заслуживают отдельного глубокого изучения.

Таким образом, перспективы повышения конкурентоспособности российской экономики в решающей мере зависят от успехов в государственной научно-технической, инновационной, экологической и социальной политике как на федеральном, так и на региональных уровнях.

Каким бы сложным ни казался поиск путей перехода к высококонкурентной экономике, приемлемых для российского общества, опыт ряда европейских и азиатских стран свидетельствует о том, что положительный результат достижим даже при худших стартовых позициях, чем в настоящее время у России.

Украинский кризис 2014 г. и санкции в отношении России могут отразиться на временном снижении инвестиционной возможности повышения конкурентоспособности российской продукции. В то же время в новой геополитической обстановке для многих видов российской продукции обострятся вопросы экономической безопасности и импортозамещения на внутреннем российском рынке. Возникает проблема поиска новых внутренних источников инвестиций в основной капитал и модернизацию.

Глава 15

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СВЯЗИ ЕС И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В основе взаимовыгодных контактов «незаменимых партнеров», как их определили стороны на юбилейном 30-м саммите ЕС—Россия в декабре 2012 г., лежит ряд объективных обстоятельств. Прежде всего, это принадлежность к одному региону, что способствует снижению издержек при осуществлении внешнеторговых и иных операций, включая выстраивание товаропотоков, движение информации, деловое общение представителей бизнеса. Важную роль играет и тесно связанная с европейским рынком отечественная транспортно-бытовая инфраструктура, позволяющая эффективно использовать различные виды транспорта для оптимизации грузоперевозок.

Немалое значение имеет заинтересованность сторон в наращивании обмена товарами и услугами. Это предопределяет потребность стран — членов Евросоюза в получении из Российской Федерации природных ресурсов и важность закупок России в ЕС машинотехнической продукции и услуг, необходимых для модернизации отечественной экономики. В перспективе развитию торговых связей послужит и состоявшееся в 2012 г. вступление Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО), придавшее импульс подготовке обновленной договорной базы внешнеэкономических контактов.

Вместе с тем очевидны существенные различия в положении России и стран — членов ЕС в современной системе международного обмена, в их подходах к дальнейшему развитию и диверсификации своей деятельности во внешнеторговой сфере.

Позиции сторон

Европейский Союз пережил в начале XXI в. очередное значительное расширение численного состава. В результате произошло суще-

ственное увеличение его территории и ресурсного потенциала. Таким образом, продолжилось формирование крупнейшего субрегионального рынка¹, что во многом определило положение ЕС, а также Европы в целом, в международных торгово-экономических связях.

Евросоюз, активно противодействуя ударам глобального финансово-экономического кризиса и другим современным вызовам, остается наиболее крупным в мире интеграционным объединением, ведущим коллективным игроком в системе международной торговли товарами и услугами.

К 2012 г. на Евросоюз в составе 27 стран-участниц² приходилось 34–35% стоимостного объема мирового товарного обмена (на быстро растущую Азию, включая Китай, Японию, но без стран Ближнего Востока — 31%, на Северную Америку — 13–17%)³. При этом в международной торговле услугами удельный вес ЕС еще значительнее: он составляет 42,5% в глобальном экспорте и 38,3% — в импорте (аналогичные индикаторы для Азии равнялись соответственно 26,4% и 28,2%, для Северной Америки — 16,1% и 13,4%). Таким образом, в сложившемся треугольнике лидирующих регионов сейчас сконцентрировалось более 4/5 мирового обмена товарами и услугами.

Именно так на фоне нарастания процессов глобализации и происходит консолидация мирового товарного рынка. Важную роль в этом продолжает играть региональная экономическая интеграция, получившая развитие, прежде всего, в Европе, Северной Америке и Юго-Восточной Азии.

Тем не менее, если рассматривать положение Европейского Союза в международной торговле в среднесрочной исторической ретроспективе, можно констатировать следующее: лидерство Евросоюза сохраняется, но за последнюю четверть века заметно ослабло.

Если в 1990 г. на долю государств Евросоюза приходилось 49,6% объемов глобальной товарной торговли, то в 2000 г. — 41,9%, а к 2012 г. — 37,1%. При этом следует учитывать, что страны — члены

¹ Оформление Единого внутреннего рынка (ЕВР) в рамках Евросоюза завершилось в начале 90-х гг XX в. На практике был реализован принцип обеспечения «четырех свобод» — беспрепятственного перемещения товаров, услуг, рабочей силы и капитала. В этих условиях формировалась общая торговая политика.

² В дальнейшем используется аббревиатура ЕС-27.

³ Характерно, что в первых двух случаях разрыв в показателях по экспорту и импорту товаров оказывался незначительным, тогда как данные, характеризующие ситуацию в североамериканском регионе и включающие статистику США, заметно различались. Это обусловлено существенным превышением товарного импорта над экспортом США. Здесь и далее подсчитано по: World Trade Report. 2012. Trade and public policies: A closer look at non-tariff measures in the 21st century. Geneva, WTO, 2012. P. 28–30, 206–208.

ЕС обеспечивали в этот период не менее 91–92% совокупных стоимостных параметров всего внешнеторгового обмена региона Европы⁴. Поэтому выявленная тенденция в достаточно полной мере характеризует постепенное — на протяжении двух последних десятилетий — ослабление позиций этой интеграционной группировки в системе современной международной торговли.

Справедливости ради стоит отметить, что прошедшее этапами в 2004 и 2007 гг. значительное расширение численного состава Европейского Союза несколько повысило его удельный вес в глобальном экспорте. Однако просматривается устойчивый тренд к его постепенному понижению с 41,8% в 2004 г. до нынешних 33,9%. Хотя, как и ранее, среди 20 ведущих мировых экспортеров товарной продукции находится не менее семи-восьми европейских стран.

Под давлением конкуренции со стороны Китая и других новых индустриальных экономик Азии позиции Евросоюза в международной торговле будут постепенно ослабевать и в дальнейшем. Однако нестабильная динамика в области товарного экспорта ряда азиатских «тигров» в состоянии оказать меньшее влияние на соотношение сил в системе мировой торговли товарами и услугами, чем это прогнозировалось ранее. Такое развитие событий вполне вероятно, особенно если учитывать преимущества европейских государств в деле создания инновационной среды, благоприятной для формирования в регионе перспективных технологических сдвигов и управленческих решений⁵.

Важным фактором, стабилизирующим положение Европейского Союза в международном товарном обмене, выступает его продуманная и гибкая внешнеторговая политика. Ее основы были заложены в 1957 г. при подписании Римского договора о создании Европейского экономического сообщества. Однако на первой стадии развития интеграционных процессов регулирование касалось прежде всего тарифной сферы.

В дальнейшем ведущей тенденцией стало постепенное перемещение торговой политики от национальных органов власти к наднациональным структурам. Этот процесс протекал в непростой ситуации, поскольку страны-члены блока длительное время противились передаче властных полномочий Европейской комиссии, постепенно расширявшей свои компетенции, в том числе в осуществлении внешнеторговых контактов. В ходе такого противоборства вырабатывались специфич-

⁴ Gladkov I. *Russland im System des europäischen Handels*. Saarbrücken: AV Akademiker Verlag, 2012. S. 35–36; World Trade Report. 2012. P. 28–30, 206–208, 248.

⁵ Science, technology and innovation in Europe. 2012. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012.

ческие механизмы продвижения ряда полномочий (в области обмена услугами, прав интеллектуальной собственности и осуществления инвестиционной деятельности) на наднациональный уровень, причем осуществлялось это поэтапно, по мере возникновения необходимости⁶.

В конце XX — начале XXI в. значительно расширились представления о формировании «общей торговой политики» ЕС. Если до оформления Единого внутреннего рынка государства-члены еще имели возможность использовать протекционистские меры на национальном уровне, то позднее в условиях функционирования ЕВР они лишались ее.

В этот и в последующий периоды серьезные изменения происходили в договорной базе европейской интеграции, причем некоторые из них касались ведения внешней торговли и переговорных процессов.

Амстердамский договор 1997 г. открывал перспективу передачи странами — членами ЕС на основе консенсуса различных дополнительных полномочий, включая внешнеторговые, руководящим структурам организации, не связывая их обязательным пересмотром основных учредительных соглашений. Результатом этого стало заметное расширение компетенции Европейской комиссии при проведении многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО с отдельными зарубежными партнерами.

Положения Ниццкого договора 2001 г., имевшие отношение к внешнеторговой сфере, также можно рассматривать как шаги к расширению официальных полномочий руководящих структур ЕС. К их новым компетенциям стали относить обмен услугами и регулирование прав интеллектуальной собственности. Однако на национальном уровне в ряде случаев оставалось использование права вето, в частности, при либерализации торговли культурно значимыми товарами и услугами.

В том же направлении продвинул реформирование Евросоюза и Лиссабонский договор 2007 г. Проведение общей торговой политики, а также принятие законодательных мер в области торговли услугами, коммерческих аспектов интеллектуальной собственности и прямых иностранных инвестиций — как постоянные функции — ныне относятся к исключительной компетенции ЕС. Кроме того, руководящие органы Европейского Союза наделялись правами контроля над обменом различными (социальными, культурными, образовательными, медицинскими и аудиовизуальными) услугами.

При этом на властные структуры Евросоюза — Совет ЕС, межправительственный Комитет по торговле, Европейскую комиссию — в со-

⁶ Здесь и далее см.: Стрежнева М. Эволюция торговой политики Европейского Союза // МЭиМО. 2012. № 8. С. 39–48.

ответствии с принятыми процедурами была возложена практическая реализация принятых решений, касающихся непосредственно переговорного процесса с третьими странами, заключения соглашений с ними в сферах, указанных выше. Существенно упрочились в осуществлении торговой политики и позиции Европейского парламента, поскольку в его функции вошло одобрение всех торговых соглашений Европейского Союза с зарубежными партнерами.

Развитие внешнеторговой политики и практики в России на рубеже XX—XXI вв. проходило в иных условиях — в ходе рыночного реформирования отечественной экономики, которое на первых порах протекало на фоне продолжительного и глубокого трансформационного спада. Инструментом его преодоления и проведения структурной перестройки хозяйства в интересах подключения страны к современной системе международных экономических связей выступило преобразование внешнеэкономической сферы, включая внешнюю торговлю.

Российские реформы начались, по сути, с формирования «открытой» экономики⁷, ориентированной на контакты с зарубежными рынками. Как показала практика, первоначально именно внешнеторговые связи оказались своего рода «локомотивом» внутрихозяйственной рыночной трансформации России. При этом экспортные поставки Российской Федерации позволяли получать доходы, необходимые для развития отечественной экономики, а закупки по импорту способствовали более эффективному решению важной проблемы обеспечения внутреннего рынка потребительскими товарами. Позитивную роль сыграли и поступления в бюджет таможенных платежей и сборов, ставших с самого начала надежными инструментами стабилизации финансовой системы. Важно и то, что на протяжении всего периода рыночных реформ внешнеторговый баланс России неизменно сводился с положительным сальдо, размеры которого возрастали.

Тем не менее во внешнеторговой сфере России сложились и серьезные негативные тренды. Стоимостные объемы отечественного товарного вывоза в конце XX в. демонстрировали слабую динамику⁸,

⁷ Индикатор соотношения стоимостных объемов товарного экспорта и валового продукта страны, отражающий степень «открытости» национального хозяйства, составлял в России в 1991 г. — 13,3%, в 2000 г. — 44,1%, к 2011 г. — около 30% (а для ЕС-27 в среднем по группировке — до 40%). См.: databank.worldbank.org.

⁸ На первом этапе рыночных реформ стоимостные объемы российской внешней торговли показали резкое падение, а затем стабилизацию и рост. При этом долевое участие России в международной товарной торговле за 1990-е гг. снизилось: в мировом экспорте — с 2,5 до 1,7%, а в мировом импорте — с 2,3 до 0,5%. См.: Российский статистический ежегодник. 2006: Стат. сб. М.: Росстат, 2007. С. 813; Российский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. М.: Росстат, 2012. С. 781.

а его структура продолжала оставаться «утяжеленной» в основном за счет доминирования в ней топлива и сырьевых товаров. На машино-техническую продукцию приходилось менее 9% стоимости российского товарного экспорта, сохранявшего по-прежнему ярко выраженный сырьевой характер. При этом рост стоимостных показателей вывоза отечественных товаров основывался, прежде всего, на повышении мировых цен на энергоносители, но не обеспечивал соответствующего увеличения валютных поступлений в бюджет. Это, в свою очередь, оказывало сдерживающее воздействие на реконструкцию промышленного и экспортного потенциала.

В сфере импортных закупок Российской Федерации также отмечались заметные сдвиги. В целом почти $\frac{3}{4}$ всей стоимости товарного ввоза составляли всего три товарные группы — машины, оборудование и транспортные средства, сельскохозяйственное сырье и продовольствие, а также продукция химической промышленности, которые показывали разнонаправленные тенденции (сокращение удельного веса продовольствия и значительное возрастание доли химической продукции). Крупнейшими статьями товарного импорта оставались машинотехнические изделия, обеспечивавшие sporadически возрас-тавшую долю российского ввоза. Столь специфическая структура товарного импорта сохранялась и в дальнейшем. Но особенно явными в ее динамике стали снижение удельного веса продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья, а также рост стоимостных объемов и доли ввозимых машин, оборудования и транспортных средств.

Помимо активизации внешнеторговых контактов в сфере товарного обмена Россия подключилась к мировому рынку услуг. Однако ее позиции в международном обмене услугами были существенно скромнее.

Прежде всего, обращают на себя внимание стоимостные показатели российского вывоза услуг, к концу XX в. примерно в 10 раз уступавшие индикаторам товарного экспорта.

В начале XXI в. вывоз отечественных услуг составлял около 12 млрд долл. США в год, на него приходилось менее 1% общей стоимости их глобального экспорта. Россия занимала 29-ю позицию среди ведущих экспортеров услуг в мире⁹. Импорт услуг в Российскую Федерацию был примерно вдвое больше — 20,7 млрд долл. в год, или 1,4% мирового импорта услуг. При этом страна находилась на 19-м месте в числе крупнейших импортеров услуг.

⁹ См.: World Trade Report. 2003. Trade and Trade policy Developments. Geneva, WTO, 2003. P. 70.

В структуре вывозимых и ввозимых услуг доминировали всего три их вида — поездки и транспортные, а также прочие деловые услуги. Они в совокупности обеспечивали около $\frac{9}{10}$ отечественного экспорта и импорта услуг.

При этом следует иметь в виду, что состоявшееся в период проведения рыночных преобразований подключение России к современным системам международного обмена и разделения труда вряд ли уместно считать гармоничным, полностью соответствующим как ее потенциалу, так и перспективным экономическим интересам.

Внешнеторговая деятельность на новом этапе

В начале XXI в. произошло дальнейшее нарастание масштабов внешнеторговой активности Европейского Союза, в том числе вследствие поэтапного увеличения численного состава группировки (см. таблицу 15.1).

Действительно, в 2002–2012 гг. стоимостные объемы совокупного товарного экспорта и импорта Евросоюза возросли примерно в 2,2 раза. Но опережающими темпами, особенно в посткризисный период, развивались контакты со странами, не входящими в интеграционное объединение и расположенными в основном в других, чаще отдаленных от Европы регионах мирового хозяйства. Собственные товарные поставки ЕС-27 в эти государства, как и закупки товаров в них по импорту, увеличились примерно в 2,6 раза¹⁰.

Одной из важных особенностей расширения внешнеторговой деятельности стран — членов Европейского Союза за истекшее десятилетие стала диверсификация контактов, что обусловило относительное повышение значимости торгово-экономических связей Евросоюза с внешним миром. Если в 2002–2007 гг. на партнеров вне ЕС приходилось около 32% всего товарного вывоза группировки, то в 2009 г. — 33,3%, а к 2014 г. — 37,4%¹¹.

Аналогичным образом, но еще более заметно, активизировались приобретения товаров за пределами Евросоюза. В 2002 г. импортные закупки в государствах внешнего мира составляли 33,2% общей стоимости товарного ввоза группировки, в 2007 г. — 35,0%, а к 2014 г. — 38,8%.

¹⁰ Здесь и далее расчеты автора. См.: World Trade Report. 2003. P. 68–69; WTO. World Trade Report. 2012. P. 28–30, 206–208, 248 World Trade Report. 2013. P. 32–34.

¹¹ Здесь и далее расчеты автора по данным ФТС России.

Таблица 15.1

Динамика международного товарооборота в 2002–2012 гг., в млрд долл. США

	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
<i>Мир в целом</i>											
Экспорт, всего	6424	7274	8880	10121	11762	13570	15775	12147	14855	17779	17850
Импорт, всего	6685	7557	9215	10481	12080	13940	16120	12385	15050	18000	18155
<i>ЕС-27</i>											
Экспорт, всего	2638	3149	3762	4066	4591	5347	5922	4596	5157	6039	5792
Экспорт внутри ЕС-27	1794	2166	2577	2756	3136	3646	3996	3064	3368	3906	3626
Экспорт вне ЕС-27	843	983	1185	1310	1456	1701	1927	1532	1789	2133	2166
Импорт, всего	2672	3214	3855	4222	4830	5611	6299	4749	5368	6256	5927
Импорт внутри ЕС-27	1786	2156	2576	2754	3133	3646	3996	3064	3367	3906	3626
Импорт вне ЕС-27	886	1058	1278	1468	1697	1965	2304	1685	2001	2350	2301
Баланс, всего	-34	-65	-93	-156	-239	-264	-377	-153	-211	-217	-135
Баланс в торговле со странами вне ЕС-27	-43	-75	-93	-158	-241	-264	-377	-153	-212	-217	-135
<i>Россия</i>											
Экспорт, всего	107	135	183	245	305	355	472	304	400	516	525
Импорт, всего	60	74	95	125	164	223	292	192	248	305	313
Баланс	47	61	88	120	141	132	180	112	152	210	212

Источник: World Trade Report. 2012. Trade and public policies: A closer look at non-tariff measures in the 21-st century. P. 28–30, 206–208, 248; World Trade Report. 2013. Factors shaping the future of world trade. Geneva, WTO, 2013. P. 32–34.

Подобная тенденция оказалась весьма выгодной для Российской Федерации, поскольку увеличивала шансы на повышение объемов продаж странам — членам ЕС отечественных топливно-сырьевых товаров и расширение закупок в них необходимой машинотехнической продукции.

В современном географическом распределении товарных потоков Евросоюза за пределами региона продолжают доминировать с заметным отрывом от конкурентов четыре его основных внешнеторговых партнера. Если первую-вторую позицию оспаривают США и Китай, то третью и четвертую — Россия и Швейцария.

Характерно, что в последнее время на фоне возрастания абсолютных показателей экспортно-импортных контактов ЕС с тремя из четырех его ведущих партнеров (США, Китаем и Швейцарией) относительные индикаторы их торговых связей во всех случаях, за исключением экспорта Евросоюза в Китай, демонстрировали некоторое снижение, тогда как торговля Европейского Союза с Российской Федерацией набирала все более высокие обороты и вес.

В начале XXI в. внешнеторговая деятельность России развивалась значительно более высокими темпами, чем мировой товарный обмен и торговые связи стран — членов Евросоюза (ср. данные таблицы 15.1).

Действительно, если в 90-е гг. XX в. стоимостные параметры внешнего товарооборота России увеличились в 1,4 раза, то в период 2001–2013 гг. они возросли почти в 6 раз (товарный экспорт — в 5,3 раза, импорт — в 7,6 раза). При этом международный обмен товарами в стоимостном выражении расширился в 2,8 раза, а товарный вывоз Евросоюза — примерно в 2,3 раза.

Стремительный прорыв Российской Федерации в группу мировых лидеров по стоимостным объемам товарного экспорта обеспечил ей довольно заметное продвижение с 17-й на 9-ю позицию в этом престижном международном рейтинге. Соответственно повысился удельный вес России в глобальном вывозе товаров с 1,7% в 2002 г. до 2,9% к 2013 г. В тот же период заметно возросли стоимостные параметры товарных закупок Российской Федерации по импорту, что позволило ей подняться с 23-го на 16-е место в списке ведущих импортеров, а ее доля в мировом товарном ввозе увеличилась вдвое — с 0,9% в 2002 г. до 1,8% к 2013 г.¹²

В товарной структуре российских экспортных поставок отмечалось нарастание прежних тенденций. Всего три крупнейшие товарные группы обеспечивали постоянно возрастающую часть (с 84,3% в 2001 г. до

¹² См.: World Trade Report. 2003. P. 68–69; World Trade Report. 2013. P. 32–33.

Таблица 15.2

Динамика товарной торговли ЕС и России в 2000–2013 гг., в млрд евро, %

	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Общий объем торговли ЕС-27* с внешним миром														
Экспорт ЕС	849,7	884,7	891,9	869,2	953,0	1052,7	1160,1	1241,0	1309,2	1098,1	1349,6	1532,2	1688,1	1737,0
Темпы роста, %	...	4,1	0,8	-2,6	9,6	10,5	10,2	6,9	5,5	-16,1	22,9	13,5	9,8	3,2
Импорт ЕС	992,7	979,1	937,0	935,2	1027,5	1179,6	1352,8	1435,1	1566,4	1207,8	1509,1	1688,1	1798,6	1682,4
Темпы роста, %	...	-1,4	-4,3	-0,2	9,9	14,8	14,7	6,1	9,1	-22,9	24,9	11,9	6,5	-6,5
Баланс	-143,0	-94,4	-45,1	-66,0	-74,6	-126,8	-192,7	-194,1	-257,2	-109,7	-159,4	-155,9	-115,5	54,6
Объем внешней торговли ЕС-27 с Россией														
Экспорт ЕС	22,7	31,6	34,4	37,2	46,0	56,7	72,3	89,1	104,8	65,6	86,1	108,6	123,4	119,8
Темпы роста, %	...	39,2	8,9	8,1	23,7	23,3	27,5	23,2	17,6	-37,4	31,1	26,1	13,6	-2,9
Импорт ЕС	63,8	65,9	64,5	70,7	84,0	112,6	140,9	145,0	178,1	117,7	160,1	201,3	215,1	206,5
Темпы роста, %	...	3,3	-2,1	9,6	18,8	34,1	25,1	2,9	22,8	-33,9	36,0	25,7	6,9	-4,0
Баланс	-41,0	-34,3	-30,1	-33,5	-37,9	-55,9	-68,6	-55,9	-73,3	-52,1	-73,9	-92,7	-91,7	-86,7
Доля России в общем объеме внешней торговли ЕС-27 с внешним миром, в %														
Экспорт ЕС	2,7	3,6	3,9	4,3	4,8	5,4	6,2	7,2	8,0	6,0	6,4	7,1	7,3	6,9
Импорт ЕС	6,4	6,7	6,9	7,6	8,2	9,5	10,4	10,1	11,4	9,7	10,6	11,9	12,0	12,3

* Агрегированные данные Евростата по внешнеторговым связям ЕС-27 и России на протяжении 2000–2011 гг. В 2012–2013 гг. данные включают статистику по 28 странам — членам ЕС.

Составлено и подсчитано автором по: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/news/20120601_2_eurostat_ru_; <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/russia>; <http://exporthelp.europa.eu>; <http://trade.ec.europa.eu>.

88,6% к 2013 г.) всего стоимостного объема вывоза отечественных товаров. Причем удельный вес ведущей экспортной группы — минерального сырья — повысился фактически на треть, достигнув 71,4%. Напротив, на традиционно более значимую машинотехническую продукцию приходилась уменьшавшаяся доля совокупного вывоза товаров из России — она снизилась с 8,8% в 2001 г. до 5,4% в 2010 г. и 5,1% к 2013 г.¹³

Аналогичная ситуация сложилась в товарном импорте России, поскольку три ведущие товарные группы абсорбировали более $\frac{3}{4}$ его стоимости (71,2% в 2001 г. и 78,4% к 2013 г.). Однако при некотором ослаблении позиций продовольственных товаров и продукции химической промышленности удельный вес машин, оборудования и транспортных средств во ввозе товаров в Россию возрос практически на $\frac{3}{5}$, составив к 2013 г. 50,2%.

В географии товарных зарубежных поставок и импортных закупок России сохранялись традиционные партнеры. Ведущими среди них оставались страны — члены Европейского Союза, конкуренцию которым в последние годы составил Китай, опередивший по общей стоимости взаимных торговых операций с Россией остальные зарубежные страны, оттеснив прежних и традиционных лидеров — Германию и Нидерланды.

В этот период Российская Федерация существенно расширила свое присутствие на мировом рынке услуг. За 2001–2012 гг. стоимостные параметры вывоза и ввоза услуг в Россию увеличились примерно в 5,2 раза.

К 2013 г. отечественный экспорт услуг составлял около 58 млрд долл. США в год, на него приходилось 1,3% общей стоимости их глобального вывоза. Это позволило стране занять 22-ю позицию в числе ведущих экспортеров услуг в мире. Импорт услуг в Российскую Федерацию был примерно вдвое больше — 102 млрд долл. США в год, или 2,5% глобального ввоза услуг. Россия находилась на 14-м месте среди крупнейших мировых импортеров услуг¹⁴. При этом в структуре вывоза и ввоза услуг доминировали группы поездок, транспортных и прочих деловых услуг. Следует отметить, что в отличие от ситуации во внешнем товарообороте баланс в торговле услугами сводился с отрицательным для России сальдо.

¹³ Здесь и далее подсчитано по: Российский статистический ежегодник. 2013. С. 624–625.

¹⁴ См.: International Trade Statistics. 2012. Appendix Historical Trends. Geneva: WTO Publications, 2012. P. 221–225; World Trade Report. 2013. P. 36–37. Ср. также с данными Росстата: Российский статистический ежегодник. 2013. М.: Росстат, 2013. С. 643.

В итоге, как показывают динамические и структурные характеристики российской внешней торговли, в этой сфере исторически сложился и сохранялся, а в последнее время даже становился более выраженным евроцентричный вектор ее развития.

Асимметричное партнерство в товарной торговле

Внешнеторговые контакты между ЕС и Россией показывали устойчивую тенденцию к расширению, причем темпами, опережающими увеличение общих объемов торговли Евросоюза с внешним миром.

Только за 2001–2013 гг., согласно расчетам автора по статистическим данным Евростата, стоимость экспортных поставок Европейского Союза в Россию возросла в 3,8 раза, а закупок по импорту в Российской Федерации — в 3,1 раза (см. таблицу 15.2).

Повышение внешнеторговой активности обеих сторон закономерно вело к постепенному, особенно заметному с 2004 г., возрастанию удельного веса Российской Федерации во внешнеторговых связях Евросоюза.

Если в 2001 г. на Россию приходилось 3,6% совокупного товарного вывоза из ЕС в страны внешнего мира, то к 2014 г. — 6,9%¹⁵. Таким образом, данный показатель практически удвоился, хотя в ходе глобального финансово-экономического кризиса он сокращался до уровня 6,0–6,4%.

Возросло также относительное значение поставок российских товаров в страны — члены ЕС: с 6,7% в 2001 г. до 12,3% к 2014 г. Конечно, темпы расширения оказались более скромными, чем можно было ожидать, но рассматриваемый индикатор увеличился заметно.

Существенным фактором, институализировавшим взаимодействие сторон в различных сферах, включая поступательное развитие торговых связей между ними, можно считать подписанное в 1994 г. и вступившее в силу в конце 1997 г. основополагающее двустороннее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Российской Федерацией. В этом же направлении следует рассматривать и деятельность Совета сотрудничества ЕС–Россия, приступившего к работе в 1998 г.

Другим значимым фактором стало расширение численного состава Евросоюза. С 2004 г., когда появилось 10 новых членов группировки, объем взаимной торговли расширился, удельный вес Европейского Союза во внешнеторговых связях России увеличился с 35 до 51%.

¹⁵ См.: Здесь и далее расчеты автора по данным Евростата, ФТС России.

ЕС тогда в составе 25 государств получил своеобразный «контрольный пакет» во внешней торговле России.

В дальнейшем доля ЕС-27 в общем товарном обороте России, согласно расчетам автора по данным Росстата, обнаруживала тенденцию к снижению (см. таблицу 15.3).

Таблица 15.3

**Динамика товарной торговли РФ и ЕС в 2007–2013 гг.,
в млрд долл. США, %***

Показатели / Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Товарооборот РФ, всего	552,2	734,7	469,3	625,4	821,3	841,9	844,2
Товарооборот РФ с ЕС-27, всего	283,9	382,4	236,3	306,9	393,9	409,6	417,5
<i>Доля в общем товарообороте, %</i>							
Товарооборот РФ, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Товарооборот РФ с ЕС-27	51,4	51,8	50,3	49,0	48,0	48,7	49,4
<i>В том числе:</i>							
Австрия	0,9	0,7	0,8	0,6	0,6	0,6	0,6
Бельгия	1,1	1,2	1,4	1,3	1,4	1,3	1,4
Болгария	0,8	0,8	0,6	0,6	0,5	0,6	0,3
Великобритания	3,0	3,1	2,7	2,5	2,6	2,8	2,9
Венгрия	1,6	1,8	1,4	1,4	1,3	1,2	1,1
Германия	9,6	9,2	8,5	8,4	8,7	8,7	8,9
Греция	0,5	0,6	0,6	0,5	0,6	0,8	0,8
Дания	0,5	0,5	0,7	0,5	0,5	0,5	0,4
Ирландия	0,2	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Испания	1,4	1,3	1,1	1,1	1,3	1,3	1,3
Италия	6,5	7,2	7,0	6,0	5,6	5,4	6,4
Кипр	0,9	0,2	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2
Латвия	0,6	1,2	1,0	1,0	1,0	1,1	1,3
Литва	0,9	0,8	0,9	0,7	1,0	0,8	0,9
Люксембург	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Мальта	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,3	0,5
Нидерланды	8,4	8,4	8,5	9,3	8,3	9,8	9,0
Польша	3,2	3,7	3,6	3,3	3,4	3,3	3,3
Португалия	0,5	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2

Продолжение таблицы 15.3

Показатели / Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Румыния	0,7	0,7	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4
Словакия	1,2	1,3	1,0	1,1	1,2	1,2	1,1
Словения	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Финляндия	2,9	3,0	2,8	2,7	2,3	2,0	2,2
Франция	3,0	3,0	3,7	3,6	3,4	2,9	2,6
Хорватия	0,2
Чешская Республика	1,3	1,5	1,4	1,3	1,2	1,2	1,3
Швеция	1,1	1,2	1,1	1,0	1,1	1,2	1,0
Эстония	0,4	0,2	0,3	0,4	0,5	0,5	0,6

* *Примечание.* В статистических данных Евростата и Росстата по товарной торговле ЕС-27 и России отмечаются определенные расхождения, которые обусловлены несовершенством подсчетов по текущим валютным курсам; погрешностями статистики таможенных служб в разных странах; «Роттердамским эффектом», осложняющим учет грузов, проходящих через крупные морские порты Европы (в Нидерландах, Латвии и пр.) в другие страны – члены ЕС; посредничеством оффшорных компаний, действующих на Кипре; масштабными операциями в сфере контрабанды и «челночного бизнеса».

Источник: Российский статистический ежегодник за соответствующие годы. См. также: <http://www.customs.ru/>.

Нарастание масштабов внешнеторговой активности в экономических связях России и Евросоюза позволяет констатировать, что интерес к сотрудничеству обоюдный, но асимметричный. Значимость российского рынка для ЕС-27 за последние годы несколько возросла (РФ занимает третью позицию среди его основных заграничных контрагентов), а для России Европейский Союз остается крупнейшим коллективным зарубежным партнером¹⁶.

Важной характеристикой торговых связей Евросоюза и России явилось ежегодное сведение баланса с положительным сальдо, размеры которого постоянно возрастали. Если в 2004 г. превышение российского экспорта над импортом в товарном обмене с ЕС составляло около 47,4 млрд долл., то к 2014 г. — примерно 116,2 млрд долл. (см. таблицу 15.2).

¹⁶ Среди отдельных стран, по данным ФТС России, ведущим контрагентом Российской Федерации с 2010 г. становится Китай, на который в последние годы приходится 9,5–10,5% всего внешнеторгового обмена России. См.: Федеральная таможенная служба. www.customs.ru.

Судя по официальным оценкам, стороны взаимно рассматривают друг друга как партнеров, взаимодействие которых способствует обеспечению взаимного экономического развития и процветания¹⁷.

В географической структуре внешнеторговых связей между Россией и ЕС на протяжении рассматриваемого периода не отмечалось значительных изменений. Наибольшее значение сейчас для России имеют экспортно-импортные контакты с ведущими экономиками Европы — Нидерландами, Германией и Италией, которые абсорбируют значительную часть (до $\frac{1}{2}$) внешнеторговых операций России в субрегионе, а также с Польшей, Францией, Великобританией и Финляндией, выступающими ее давними и традиционными партнерами в этой сфере.

При этом стоит обратить внимание на особую ситуацию в торговле с Нидерландами. Ввозимые из России через ее порты товары могут предназначаться не только и не столько для голландских потребителей, сколько для покупателей из других стран — членов ЕС. Учитываются же они в нидерландской таможенной статистике как импорт российских товаров. Поэтому «конкуренция» Нидерландов и Германии за роль крупнейшего партнера России среди стран — членов ЕС во многом условна.

Долевое участие этих двух государств в совокупном товарообороте Россия—Евросоюз феноменально. В целом, на эти страны приходится ежегодно более $\frac{1}{3}$ его общего стоимостного объема.

В 2012 г. в Германию поступил товарный экспорт из России на сумму около 35 млрд долл., российские закупки составили свыше 38,3 млрд долл., а в 2013 г. эти показатели равнялись соответственно 37 млрд долл. и 37,9 млрд долл. В 2013 г. вывоз товаров из России в Германию вырос на 5,8%, а ввоз германской товарной продукции в Россию сократился на 1,0%. При отрицательном для России сальдо внешнеторговых операций, ставшем тенденцией с 2007 г., Германия фактически сохраняет свое давнее и вполне традиционное лидерство среди европейских стран в товарной торговле с Россией (здесь и далее см. таблицу 15.3).

Неплохо складывались торговые отношения России и с Нидерландами. В 2012 г. экспорт российских товаров в эту страну возрос на 22,4% (тогда как вывоз в Германию — на 4,2 %) и составил 76,9 млрд долл., а импорт из этой страны в РФ повысился всего на 0,9% — до 5,98 млрд долл. Тем не менее в 2013 г. индикаторы внешней торгов-

¹⁷ Подобные заявления прозвучали по итогам состоявшегося в декабре 2012 г. юбилейного 30-го саммита Россия–ЕС (проводятся дважды в год). См.: Компас. 2013. № 2. С. 10–12.

ли России с Нидерландами заметно понизились: товарооборот — на 8,3%, российский вывоз — на 8,8% (70,1 млрд долл.), а ввоз из Нидерландов — на 2,2% (5,85 млрд долл.). Как уже отмечалось, подобный дисбаланс во взаимном обмене отражает транспортировку отечественных товаров через голландские порты в другие страны — члены ЕС, феномен, известный как «Роттердамский эффект»¹⁸.

Следующую группу ведущих внешнеторговых партнеров России составляют Италия (12,9% совокупного товарооборота между Россией и ЕС-27), Польша (6,7%), Великобритания (5,9%), Франция (5,3%) и Финляндия (4,5%). Как показывают расчеты автора на основе данных ФТС РФ, эти пять стран обеспечивают более $\frac{1}{3}$ общей стоимости экспортно-импортных операций РФ с ЕС-27. При этом участие каждой из них во взаимной торговле Евросоюза с Россией характеризуется относительной стабильностью, за исключением Италии и Финляндии, доли которых в 2008–2012 гг. демонстрировали тенденцию к снижению, но в 2013 г. заметно повысились.

Таким образом, просматривается высокая степень концентрации во взаимном товарообмене Евросоюза и России, поскольку совокупный удельный вес всех остальных 20 стран-членов группировки достигает в товарообороте ЕС-27 с РФ лишь немногим более $\frac{1}{4}$.

Обращает на себя внимание и то, что при общем положительном сальдо в торговле с ЕС-27 Российская Федерация в контактах с отдельными странами имела пассивный баланс. В последнее время к ним относятся Австрия, Германия, Дания, Ирландия, Люксембург, Португалия, Словения. В 2012 г. этот список пополнился Францией и Чешской Республикой.

В товарной структуре взаимных торговых потоков между Россией и странами — членами Евросоюза в первой декаде XXI в. прослеживались тенденции, сложившиеся в предшествующий период и явно отражавшие дисбалансы, возникшие в экспортно-импортных связях.

Наиболее характерной чертой российского товарного экспорта в ЕС оставалось доминирование сырьевой продукции. Если в 2000 г. на такие товары приходилось 63,0% всей стоимости вывоза России в страны субрегиона, то в 2010 г. — 77,5%, а к 2012 г. — почти 82,0%.

¹⁸ Предназначенные для остальных государств ЕС-27 товары после их прибытия в порты Нидерландов и, прежде всего, в Роттердам, фиксируются в согласованной статистике внешней торговли ЕС. В дальнейшем создается положительный эффект, влияющий на сальдо внешней торговли с Россией стран — членов ЕС, в которые реэкспортируются такие товары, поскольку данные поставки регистрируются по линии внутренней торговли ЕС с Нидерландами, а не как операции во внешней торговле ЕС с Российской Федерацией. См. подробнее: Восстановление торговли товарами между Россией и ЕС в 2011 году. (European Union. eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/news/20120601_2_eurostat_ru.)

Внутри данной товарной группы все большее значение — в абсолютном и относительном исчислениях — приобретали энергоносители, масштабы экспорта и удельный вес которых постоянно увеличивались. В 2000 г. поставки нефти и газа обеспечивали 56,1% стоимостного объема вывоза отечественных товаров в Евросоюз, состоявший тогда из 15 стран-членов. В 2010 г. на долю энергетических ресурсов приходилось фактически уже $\frac{3}{4}$, а к 2012 г. — более $\frac{4}{5}$ всей стоимости российского товарного экспорта в ЕС-27. При этом значение прочих групп сырьевых товаров в отечественном вывозе обнаруживало тенденцию к заметному снижению (см. таблицу 15.4).

Еще драматичнее складывались тренды в российском экспорте в страны — члены ЕС промышленной продукции. Как группа таких товаров в целом, так и ее составляющие показывали падение удельного веса, причем машинотехнические изделия (энергетическое и промышленное, электрическое и электронное оборудование и детали, компьютеры, дорожные транспортные средства и детали, морские суда, самолеты и железнодорожное оборудование), доля которых в отечественном товарном вывозе в регион в 2000 г. была крайне невелика (1,7%), в 2010–2012 гг. не смогли обеспечить даже 1% экспорта российских товаров в ЕС.

В целом, можно констатировать, что за первые 12 лет XXI в. произошло сокращение удельного веса промышленных товаров в российском вывозе практически вдвое — с 21,1 до 11,4%. Аналогичные сдвиги характерны для общего товарного экспорта России в страны дальнего зарубежья. Отсюда острая необходимость преодоления столь явной зависимости российской экономики от экспорта энергоресурсов. Ведь очевидно, что сложившаяся структура отечественного вывоза не может обеспечить решение актуальных проблем, стоящих перед нашей страной.

В импортных закупках Российской Федерации в странах — членах Европейского Союза, напротив, в последние годы постоянно росла значимость промышленной продукции. С 2001 по 2012 г. ее удельный вес в российском товарном импорте из ЕС увеличился с 81,3 до 87,4%. При этом наиболее важной его составляющей оставались машинное оборудование и транспортные средства, на которые приходилось от 36,9 до 47,6% стоимости всех ежегодных закупок. Известными колебаниями отмечена динамика ввоза в Россию продукции химической промышленности ЕС, но в целом можно констатировать некоторый рост его относительных показателей.

Что касается закупок Россией прочих промышленных товаров (кожи, резины, дерева, бумаги, текстиля, металлов, строительных при-

Таблица 15.4

Структурные изменения в товарной торговле ЕС и России в 2000–2012 гг., в млн долл., %

Товарные группы	2000		2010		2011		2012*	
	Экспорт РФ	Импорт РФ	Экспорт РФ	Импорт РФ	Экспорт РФ	Импорт РФ	Экспорт РФ	Импорт РФ
Товарооборот, всего	60 397	21 601	211 469	95 518	266 458	127 530	277 946	132 373
млн долл.	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
%								
В том числе:								
Сырьевые товары	63,0	16,1	77,5	11,9	81,8	11,2	81,6	11,3
Продовольственные товары, напитки	1,1	12,5	0,4	9,5	0,5	8,3	2,0**	9,5**
Сырье	5,8	3,1	2,5	1,6	2,2	1,8
Энергоносители	56,1	0,5	74,6	0,8	79,1	1,0	79,6	1,8
Промышленные товары	21,1	81,3	12,5	86,5	11,4	87,4	3,9	65,2
Продукция химической промышленности	3,9	14,4	3,0	18,3	2,9	16,9	2,9	15,6
Продукция машиностроения и транспорта	1,7	36,9	0,8	44,7	0,8	47,6	0,9	49,6
Прочие промышленные товары	15,5	30,0	8,7	23,5	7,7	22,9	0,1	4,0
Прочие товары	15,9	2,6	10,0	1,6	6,8	1,4	14,5	19,5

* Оценочные показатели (вероятны несоответствия в сопоставлении отдельных товарных групп) (Евростат).

** Представленные данные включают продовольственные товары и сырье.

Составлено и подсчитано автором по: Eurostat, eecas.europa.eu/delegations/ russia/documents/news/ 20120601_2_eurostat_ru.; http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/.

надлежащих и арматуры, мебели, одежды, обуви, научных приборов, часов, фототехники) в странах — членах ЕС, то следует отметить постепенное и устойчивое снижение их значимости (падение удельного веса этой товарной группы с 30,0 до 22,9%).

Специфика торговли услугами

Обмен услугами между Российской Федерацией и Европейским Союзом по сравнению с товарной торговлей, как уже отмечалось, характеризуется рядом особенностей.

Несмотря на динамичное развитие, он пока не выдерживает конкуренции зарубежных и, прежде всего, европейских партнеров. Поэтому нынешняя торговля услугами по стоимостным объемам существенно уступает товарному обмену. В кризисном 2009 г. внешнеторговый оборот России и ЕС-27 составлял 253,3 млрд долл., а совокупный экспорт-импорт услуг достигал всего 42,1 млрд долл., т. е. был меньше примерно в 6 раз. В 2010 г. разрыв между этими показателями составлял 6,3 раза, а в 2011–2012 гг. — более чем 7 раз.

Весьма скромны позиции России в экспорте услуг Евросоюза. Хотя за последнее время они несколько укрепились. Тем не менее на отечественный рынок приходится сейчас лишь около 4% общего объема торговли услугами ЕС с внешним миром.

При всем этом российский импорт услуг по совокупной стоимости заметно опережал их экспорт, что позволяло Европейскому Союзу сводить баланс подобных операций с крупным и постоянно растущим положительным сальдо. Расчеты на основе данных Евростата показывают, что в 2009 г. оно составляло 7,8 млрд долл., в 2010 г. — 9,6 млрд долл., в 2011 г. — 9,9 млрд долл., а в 2012 г. — 14,0 млрд долл. (см. таблицу 15.5).

В отличие от товарной торговли совокупный вывоз Россией услуг в 2011 г. стагнировал. Замедление роста его стоимостных показателей произошло в основном за счет снижения экспорта транспортных и некоторых прочих услуг (связи, страховых, компьютерных, информационных, коммерческих). Сократился также вывоз государственных услуг. Тем не менее понесенные потери были отчасти компенсированы позитивной динамикой сектора туристических, а также строительных и финансовых услуг. В целом, в 2012 г. отмечались высокие темпы роста обмена услугами между ЕС-27 и РФ.

Наиболее существенный вклад в экспорт услуг Россией вносит транспортная система, на которую приходится около 48,4% стоимост-

Таблица 15.5

Торговля услугами между ЕС-27 и Россией, 2009–2012* годы, в млн евро, %

	Экспорт в Россию				Импорт из России				Баланс			
	2009	2010	2011	2012	2009	2010	2011	2012	2009	2010	2011	2012
Всего	19 039	23 309	23 900	29 100	11 231	13 693	14 000	15 100	7 807	9 617	9 900	14 000
Темпы роста, % из них:	...	22,4	2,5	21,8	...	21,9	0,4	7,9	...	-2033	-1 239	...
Транспорт	3 658	4 597	5 245	...	4 635	6 631	6 484	...	-978	4 201	5 835	...
Туризм	4 419	5 949	7 721	...	1 732	1 749	1 886	...	2 686	4 201	5 835	...
Прочие услуги	10 894	12 767	12 448	...	5 022	5 298	5 238	...	5 872	7 469	7 210	...
из них:												
Услуги связи	422	562	571	...	309	367	357	...	114	195	215	...
Строительные услуги	1 290	1 626	1 211	...	760	718	866	...	530	908	345	...
Страховые услуги	168	103	197	...	177	222	213	...	-9	-118	-16	...
Финансовые услуги	1 908	2 349	1 679	...	587	424	484	...	1 320	1 925	1 195	...
Компьютерные и информационные услуги	1 229	1 597	1 591	...	110	146	131	...	1 119	1 451	1 459	...
Роялти и лицензионные платежи	459	589	803	...	33	35	42	...	426	554	761	...
Прочие коммерческие услуги	5 147	5 636	6 043	...	2 883	3 239	3 003	...	2 263	2 397	3 040	...
Индивидуальные услуги	89	146	179	...	60	48	66	...	29	98	113	...
в сфере культуры и отдыха												
Государственные услуги, прочие	183	158	174	...	103	100	76	...	79	58	98	...
Доля России в общем объеме торговли услугами ЕС-27 с внешним миром, %	3,9	4,3	4,4	...	2,7	3,0	2,9

* 2012 г. – оценка, Евростат.

Составлено и подчитано автором по Eurostat, IMF: eas.europa.eu/delegations/russia/documents/news/20120601_2_eurostat_ru; trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2013september/tradoc_111720.

ных объемов. За ней следуют прочие услуги, обеспечивающие до 38,7% их совокупного экспорта в страны — члены ЕС. Третью позицию пока занимают туристические услуги, хотя по стоимостным показателям они уступают импорту таких услуг из ЕС примерно в 3,4–4,0 раза.

Между тем у России есть немалые возможности кардинального улучшения ситуации в экспортном секторе услуг. Его основой мог бы стать транспорт. Для этого, однако, необходимы решительные шаги, направленные на создание трансконтинентальных линий перевозки грузов и пассажиров как морским, так и железнодорожным и воздушным путем.

Совершенствования требует также сфера туризма. На российской территории расположено немалое количество широко известных объектов, привлекательных для приезжающих из-за рубежа. Осуществлению масштабных проектов, способных повысить интерес иностранных туристов к визитам в Россию, препятствуют отсутствие необходимой инфраструктуры и дефицит должного внимания к ее созданию.

Схожие проблемы существуют и в сфере импорта услуг из Евросоюза в Россию. К 2012 г. в его общей стоимости лидировали туристические услуги: на них приходилось 30,6%. На второй позиции находились транспортные услуги (20,5%). Оба эти сектора обеспечивали более половины всех услуг, импортируемых из ЕС-27 в Россию. На все прочие услуги пришлось в совокупности 48,9%.

В целом, можно констатировать, что в сфере обмена услугами между Европейским Союзом и Российской Федерацией существует немало проблем, которые требуют обсуждения на межгосударственном уровне.

Обострение отношений между Россией и Евросоюзом, обусловленное различным подходом сторон к развитию кризисной ситуации в восточноевропейском регионе, пока не подорвало основ взаимного сотрудничества с ЕС в экономической области¹⁹. Они оказались достаточно прочными. Вместе с тем пострадало такое немаловажное условие сотрудничества, как взаимное доверие.

¹⁹ Об этом свидетельствует, в частности, динамика внешнеторговых связей ЕС и России в первой половине 2014 г. Так, анализ статистических данных ФТС России показывает следующее. Несмотря на осложнения в контактах между сторонами из-за кризисной ситуации в субрегионе, а также обусловленное этим проявление тенденции к снижению абсолютных стоимостных объемов взаимного товарного обмена (на 3,7%), удельный вес стран – членов Евросоюза во внешней торговле России по завершении первых шести месяцев текущего года фактически мало изменился. Действительно, если в этот же период 2013 г. на Европейский Союз приходилось 50,4% внешнеторгового товарооборота Российской Федерации, то в 2014 г. его доля составила 49,5%. См.: Федеральная таможенная служба (<http://www.customs.ru>).

Глава 16

ПУТЬ ЕВРОПЫ К СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ И НОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ ЕС

Более полувека назад группа стран, расположенных в Западной Европе, вступила на интеграционный путь развития. Интеграция эволюционировала вглубь и вширь. Она обеспечила участвующим в ней государствам поступательное экономическое развитие и высокий уровень жизни населения. Три так называемых «славных десятилетия» привели к весомым экономическим успехам и серьезным социальным завоеваниям.

С момента создания Европейскому Союзу было свойственно стремление сочетать экономические достижения с социальным развитием. Авторство разработки курса, органически сочетающего экономическое и социальное развитие, принадлежит одному из отцов-основателей Сообщества Жаку Делору. Избранного им курса (с необходимыми дополнениями и трансформациями) Евросоюз придерживается до сих пор.

Ныне оправданность такого подхода становится все очевидней на фоне возросшего значения социальных последствий глобальных процессов. Не случайно в кругу специалистов можно все чаще услышать мнение, согласно которому облик нового века будут определять именно социальные проблемы.

Европейское сообщество, вставшее на путь интеграции, постоянно подчеркивало свою идентичность, значение социальной солидарности и социального сплочения. Отмена межгосударственных границ, создание экономического и валютного союза, введение единой валюты «евро», формирование общеевропейских пространств в разных сферах жизни создавали условия для социальной стабильности.

Европейский Союз не раз демонстрировал способность не только сохранять уже достигнутые позиции в экономической и социальной сферах, но и эффективно реагировать на вызовы глобализации.

Колоссальные изменения в области экономики, финансов, науки и техники коснулись и области регулирования глобальных процессов,

включив в повестку дня проблемы управления, совершенствования социальной структуры общества, политических и производственных отношений, формирования массового сознания, способности достигать компромиссов.

Возрастание внимания к социальному вопросу можно рассматривать как реакцию общества на глобализацию. Последняя нарушает сложившийся баланс сил между наемными работниками и держателями капитала. Перераспределение финансовых потоков ведет к пересмотру структур налогообложения. Приобретает особую значимость социальная ответственность государства и бизнеса. Более весомой становится роль социального диалога при разработке концепции устойчивого развития.

Европейский Союз, приверженный развитию социально-ориентированной экономики, вынужден брать на себя заботу о социальных последствиях глобализации, о необходимом переструктурировании рынка труда, об обеспечении занятости, о соблюдении основных прав и свобод. Не случайно разработка и проведение в жизнь общей стратегии в социальной области превратились в одно из приоритетных направлений деятельности Сообщества. У Евросоюза появились новые по своему характеру социальные обязательства, которые могут быть выполнены только при обновлении социальной политики.

Речь идет о том, чтобы заменить гарантии сохранения уровня доходов населения нерыночными средствами (пособия, социальные льготы и т.д.) на стратегию, побуждающую к активности на рынке труда (предоставление возможности получить профессиональное образование, оказание помощи в поиске рабочих мест, содействие привлечению на рынок труда женщин и людей старшего возраста, обеспечение участия в управлении производством и т.д.).

Начало XXI в. принесло серьезные трудности. Финансово-экономические кризисы поразили даже самые благополучные государства Европы. На национальном уровне повсеместно проводилась политика жесткой экономии, сокращались бюджетные расходы и наращивалось налоговое бремя. На наднациональном уровне форсировалось углубление интеграции в бюджетной и финансовой сферах.

Проявились негативные социальные последствия этих действий. Экономические потрясения выбили почву из-под ног социальной политики, создали угрозу социальной безопасности и стабильности. Проведение по-настоящему эффективной социальной политики возможно лишь на хорошо организованном экономическом пространстве, обеспечивающем высокий уровень занятости и благоприятный социальный климат.

Потребовался пересмотр всей социальной политики. Осознав необходимость и неизбежную взаимосвязь экономических и социальных процессов, Евросоюз приступил вслед за экономической к социальной интеграции, признав их неизбежную связь.

«В этом контексте, — как справедливо отмечал известный ирландский политолог Питер Херрманн, — становится ясно, что социальная политика не может ограничиваться политикой занятости и другими мерами на обочине экономического процесса»¹.

Оценка современной социальной политики ЕС позволяет констатировать, что по мере ее превращения в общеевропейскую она вбирает в себя новые потребности общества, предполагает новаторские подходы не только к решению социальных проблем, но и к развитию социально-политического и социально-психологического потенциала людских ресурсов. Основными ее характеристиками становятся концептуально обоснованная теоретическая база и опора на в целом сформировавшееся правовое пространство. Именно это позволяет социальной политике ЕС стать влиятельным фактором общественной и политической жизни.

Социальная сфера перед вызовом модернизации

Углубление европейского интеграционного процесса заставило социальное измерение реагировать на такое проникающее во все стороны жизни современного общества явление, как модернизация. Диапазон социальной политики значительно расширился, все более очевидным становится ее новое наполнение.

Новизна заключается не только в расширении круга проблем, которыми вынуждена заниматься социальная политика, но и в поисках таких подходов к их решению, которые учитывали бы целый комплекс факторов, определяющих нынешнее развитие общества. Другими словами, современная социальная политика, если она хочет быть эффективной, должна быть готова отвечать на вызовы XXI в.

В числе упомянутых выше факторов следует отметить изменение социальной структуры общества, возросшую роль человеческих ресурсов, проявление социально-политических и социально-психологических последствий кризисных явлений и трансформаций в экономике, распространение информационных и телекоммуникационных сетей, расширение ЕС за счет разноуровневых стран и др. Оказалось, что отдельные государства — члены Союза не могут справиться со многими

¹ Herrmann P. Social Policy in Context. Amsterdam; Rosenberg Publishers, 2009. P. 10.

проблемами. Поэтому дополнительная ответственность ложится на институты Евросоюза.

Это, в свою очередь, вызывает осложнения в его отношениях с национальными государствами. Традиционно социальная сфера была прерогативой каждой отдельно взятой страны, а многие национальные системы социальной защиты до сих пор остаются весьма самостоятельными и эффективными.

Европейский Союз оказался перед необходимостью решить стратегическую задачу: определить и реализовать новые направления социальной политики, нацеленной на осуществление социальной интеграции и построение единого социального пространства. Большое значение в этом плане имеют налаживание координации и регулирования национальных систем социальной защиты, способность добиться их функционирования в соответствии с основными целями Союза. Пока это недостижимо, поскольку некоторые государства-члены, оберегая свой суверенитет в социальной сфере, не готовы пойти по такому пути, что мешает их включению в «процесс сплочения». Именно эта мысль была подчеркнута еще в начале 1990-х гг. в докладе Европейской комиссии «Социальная защита в Европе»².

Очевидной становится также необходимость гармонизации национальных и коммунитарной социальных политик. Европейское право предусматривает включение в национальное законодательство официальных документов, принимаемых руководящими институтами ЕС. В частности, имеются в виду директивы. Чаще всего они относятся к социальной сфере. Между тем, процесс гармонизации не всегда проходит гладко. Если к концу 1990-х имплементация социальных директив Сообщества приближалась на национальном уровне в среднем к 80%, а в 4 государствах-членах (Дании, Финляндии, Швеции, Испании) составляла 100%, то затем этот процесс был заторможен, натолкнувшись на возросшее сопротивление национальных властей³.

Пытаясь преодолеть или хотя бы минимизировать постоянные противоречия и даже столкновения между властными структурами разного уровня, ЕС сейчас вновь обращается к уже зарекомендовавшей себя «упреждающей стратегии». Она призвана не только решать возникающие проблемы, но и своевременно прогнозировать и регулировать их, исходя из среднесрочной и долгосрочной перспектив.

² *Social protection in Europe 1993. COM (93) 531 final, 26 April 1994* (http://aei.pitt.edu/42125/1/com1993_0531en01.pdf).

³ *Каргалова М.В.* От социальной идеи к социальной интеграции. М.: Интердиалект+, 1999. С. 243.

В арсенале «упреждающей стратегии», кроме возможности использовать материальные ресурсы Сообщества, наличествуют и новые социальные технологии: программы предотвращения социальных конфликтов, содержащие набор превентивных действий, обеспечивающих «социальную экологию» (новое понятие, определяющее систему отношений человека и общества, социально ориентированную стратегию бизнеса, уровень его цивилизованности и социальной ответственности).

С этих позиций следует рассматривать решение Международной организации труда (МОТ) о создании Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации. В одном из своих докладов, подготовленном на основе анализа ситуации в ведущих странах мира, Комиссия обращала внимание на необходимость подходить к решению проблем с упором на социальные аспекты глобализации и с учетом признанных гуманистических ценностей, уважения прав и достоинства человека; стремиться к такой глобализации, которая была бы справедливой, демократически управляемой, создающей ощутимые преимущества для всех стран и народов мира⁴.

Потребность в новых формах социальной защиты испытывает и видоизменившийся рынок труда. Новое содержание современного труда и форм его организации, возросшая роль человеческого фактора со всей остротой ставят вопрос о развитии людских ресурсов, о совершенствовании промышленных отношений. Социальная политика в большей степени нацелена сейчас на обеспечение условий для расширенного воспроизводства и эффективного функционирования этой составляющей общественного богатства. Такая постановка вопроса вполне логична: человеческий капитал, по примерным подсчетам, составляет в среднем до $\frac{2}{3}$ от итоговой оценки общественного богатства. Тот факт, что основой его роста становится величина «интеллектуального капитала», объясняет усиленное внимание к проблеме людских ресурсов, созданию социального пространства, обеспечивающего условия их существования и развития.

Можно сослаться в этой связи на мнение видного английского социолога Энтони Гидденса, неоднократно подчеркивавшего, что «везде, где возможно, главным принципом новой политики должно стать инвестирование в человеческий капитал», а вместо существовавшего ранее «государства благосостояния» необходимо развивать «государ-

⁴ A Fair Globalization. Creating opportunities for all World Commission on the Social Dimension of Globalization. Geneva: ILO, 2004. P. 10.

ство социального инвестирования»⁵. При этом социальный капитал, обретающий специфическую значимость для новой экономики, может инвестироваться и реинвестироваться подобно финансовому капиталу.

Хотя характерное для нынешнего этапа инновационное развитие по привычке связывают с производственными технологиями, в полном объеме оно может быть реализовано только при условии, что общество обладает высоким уровнем культуры и соответствующих умений. В нынешних условиях равноценны как производственные, так и управленческие, информационные и социальные технологии. Только в результате их комплексного применения можно получить инновационный продукт, необходимый для поступательного развития. Иными словами, без использования инноваций в социальной сфере, разработки и введения новых социальных технологий процесс модернизации будет значительно замедлен.

Новое наполнение социальной политики

Социальная политика XXI в. вышла за свои традиционные границы. Социальное обеспечение, сохранность зарплат, льгот и пособий, прежняя система организации труда уже не устраивают людей. Современный человек стремится реализовать свой социальный потенциал. А это, в свою очередь, придает особую значимость таким понятиям, как «качество жизни» и «социальное качество».

В соответствии с этим подготовка рабочей силы нового типа, отвечающей потребностям современного производства, предполагает создание условий для гармонизации профессиональной и семейной жизни, расширение социальных и гражданских прав, доступ к культуре и знаниям. Другими словами — создание условий для всестороннего развития и реализации возможностей для каждого, независимо от принадлежности к той или иной социальной группе.

Возможность жить и работать в благоприятной окружающей среде, реализовывать в процессе трудовой деятельности творческий потенциал личности, чувствовать себя защищенным от экономических и политических потрясений — все это входит в понятие качества жизни.

В Амстердамской «Декларации о качестве социальной жизни в Европе» (1997) содержалось требование построения «Европы, в которой социальное качество признавалось бы фактором первостепенной важ-

⁵ Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy. Cambridge: Polity Press, 1998. P. 117.

ности для человека» и утверждалось, что граждане Европы должны требовать участия в социальной, экономической жизни Сообщества и жить в условиях, которые повышают благосостояние индивида и общества в целом. В 2003 г. учрежден специальный Европейский фонд социального качества⁶.

В корне изменился и подход к проблеме занятости, которая остается самой острой проблемой современной Европы. В Лиссабонской стратегии (2000) говорится об «экономике, построенной на знаниях», а в подготовленных Европейской комиссией документах содержатся пункты, касающиеся поддержки курса перехода экономики на инновационную модель. Стратегия «Европа 2020», принятая в 2010 г., среди основных своих целей называет «социальное и территориальное сплочение».

Особая роль, которая отводится социальной политике, в немалой степени определяется тем, что она теснее всего связана с обеспечением общественной стабильности. В этом свете широкие перспективы открывает коммунитарная политика. Именно она обеспечивает возможность объединить усилия и достижения государств-членов, координируя их деятельность, оказывая помощь тем странам — членам Союза, которые в ней нуждаются.

Коммунитарная социальная политика сложилась как самостоятельное и приоритетное направление деятельности Европейского Союза к 1990-м годам. Однако кардинальные изменения, всколыхнувшие Европу с наступлением нового тысячелетия, так потрясли основы жизни на континенте, что поставили общественность перед необходимостью переоценки уже сложившихся представлений.

На протяжении многих десятилетий интеграционному сообществу была свойственна недооценка своей социальной базы. Населению отводилась роль не субъекта, а объекта интеграционного процесса и социальной политики, определявшейся верхними эшелонами власти. Именно этим были обусловлены многие сложности, с которыми столкнулись руководящие институты Евросоюза. Ими неоднократно, порой без должной предварительной подготовки предпринимались попытки найти решение разноплановых проблем, в том числе относящихся к социальному измерению. Постепенно приходило понимание того, что для успешной работы в этом направлении необходима поддержка граждан, опора на социальные силы. Время от времени обсуждались разнообразные концепции социального «выравнивания», со-

⁶ См. подробнее: *Herrmann P. Social quality — Looking for a Global Social Policy. Attempting an Approximation to the Analysis of Distances of Social Systems. 2. Auf. Bremen: Europäischer Hochschulverlag. 2009. P. 96.*

циальной справедливости и социального мира. Это нашло отражение в официальных документах сообщества.

В качестве примера можно назвать Хартию основных социальных прав трудящихся Сообщества и Хартию основных прав Европейского Союза. Первая была принята по инициативе европейских профсоюзов в 1989 г. Представляя ее на заседании Европейского совета в Страсбурге, тогдашний председатель Еврокомиссии Жак Делор заявил: «Данная Социальная Хартия проиллюстрирует рывок вперед в социальной сфере. Она покажет нашу политическую волю построить социальную Европу в соответствии с важным принципом субсидиарности, а также с учетом многообразия условий жизни»⁷.

Хартия основных прав Европейского Союза появилась в 2001 г., во время саммита ЕС в Ницце⁸. Она значительно расширила положения Хартии основных прав трудящихся Сообщества и распространила свое действие на всех граждан ЕС. В ней были использованы новые способы классификации основных прав и свобод. В отличие от документа 1989 г. на первый план выступали такие ценности, как человеческое достоинство, равенство, свобода, солидарность. Обеспечение конкретных прав человека (экономических, политических, социальных) рассматривалось как гарантия защиты провозглашенных ценностей. Статья 51 гл. V Хартии содержала интерпретацию прав и принципов, на которых она была построена, а также перечень мер по предотвращению злоупотреблений при их нарушении. Чрезвычайно важным было изменение правового статуса Хартии основных прав ЕС после принятия Лиссабонского договора 2007 г. Согласно пункту 1 Статьи 6 ДЕС «Европейский Союз признает права, свободы и принципы, содержащиеся в Хартии основных прав от 7 декабря 2000 г. в том виде, как она адаптирована 12 декабря 2007 г. в Страсбурге, в качестве имеющих ту же юридическую силу, что и договоры»⁹. Включение ряда положений и принципов Хартии в текст Договора стало признанием их обязательной юридической силы и значимости сформулированных в ней задач.

Теоретические основы коммунитарной социальной политики были разработаны в Зеленой и Белой книгах о социальной политике¹⁰.

⁷ Социальная политика. Европейский Союз: прошлое, настоящее, будущее. М., 1996. С. 9.

⁸ Ниццкий договор и Хартия основных прав Европейского Союза. М.: Норма, 2003.

⁹ Энтин Л.М. Право Европейского Союза. Новый этап эволюции: 2008–2017 гг. М.: Аксиом, 2008. С. 85–86.

¹⁰ Green Paper — European Social Policy — Options for the Union. Com. Doc. 1993. No 551 (http://ec.europa.eu/green-papers/pdf/social_policy_options_gp_com_93_551.pdf);

Цель Зеленой книги «Перспективы для Союза» (1993) состояла в том, чтобы стимулировать дебаты во всех государствах-членах о будущих направлениях социальной политики в ЕС. От национальных правительств, различных организаций и отдельных лиц были получены более 500 предложений.

Все это происходило в тот момент, когда внимание Сообщества было сосредоточено на совмещении экономических и социальных задач в условиях растущей безработицы и снижающейся конкурентоспособности Европы.

Основная идея Зеленой книги заключалась в том, что следующая фаза в развитии европейской социальной политики не может быть основана на идее замедления социального прогресса для повышения конкурентоспособности экономики. Напротив, как многократно подчеркивалось Европейским советом, Сообщество обязано полностью обеспечить взаимодополняемость экономического и социального прогресса.

Белая книга «Европейская социальная политика: путь для Союза» (1994) определяла стратегию консолидации и развития действий Союза в сфере будущей социальной политики, а также предложила ряд специфических мер в областях, где можно достичь прогресса в кратчайшие сроки. По замыслу авторов, «Белая книга стремилась обрисовать путь развития европейской социальной политики в следующем столетии»¹¹.

Белая книга представила концепцию социальной стратегии ЕС в преддверии XXI в., которую определила как «стратегию консолидации и развития действий Союза». В частности, речь шла о том, что нельзя рассматривать социальные права без учета качества труда и уровня его оплаты, что необходимо развивать общеевропейскую систему социальной защиты, основанную на гарантии социальных и трудовых прав граждан и опирающуюся на богатый национальный опыт государств-членов.

Общепризнано, что Белая книга до сих остается наиболее комплексным и серьезным документом по социальной политике из числа разработанных в структурах ЕС. Ее теоретическое значение трудно переоценить. Даже спустя полтора десятилетия после ее появления, выводы и предложения этого незаурядного документа остаются актуальными, во многом созвучными Лиссабонской стратегии, которой Европейский Союз следует по сей день.

European Social Policy — A Way Forward for the Union — A White Paper. COM(94) 333, July 1994 (http://ec.europa.eu/white-papers/index_en.htm).

¹¹ Социальная политика. С. 146–235.

Механизмы решения социальных проблем, новые подходы

Задачи социальной стратегии и способы их решения конкретизированы в «Социальных повестках дня», которые представляют собой среднесрочные конкретные планы. Они корректируют и дополняют Лиссабонскую стратегию. «Социальная повестка дня» на 2006–2010 гг., как и предшествующие ей (2000–2005 гг. и др.), реализовывалась под лозунгом «Социальная Европа в мировой экономике: занятость и новые шансы для всех» и исходила из того, что постановка конкретных актуальных задач и анализ допущенных ошибок позволяют трансформировать социальную стратегию, не меняя ее общего направления. Выдвинутая на передний план задача укрепить доверие граждан к коммунитарной социальной политике, обеспечить равенство шансов для всех, упрочить социальное сплочение рассматривалась в этом документе как важный фактор, влияющий на экономическое развитие. Формирование европейского рынка труда, модернизация форм его работы, указывалось в нем, настоятельно требуют решения задачи рационального использования рабочей силы, ее профессиональной и социальной адаптации¹².

Следует признать, что своевременно поставленные и правильно сформулированные в документах ЕС задачи далеко не всегда оказывались выполненными. Их объем и сложный механизм реализации зачастую не позволяли Европейскому Союзу добиваться желаемых результатов.

Вопросы социальной политики регулярно рассматривались на заседаниях Европарламента и Европейского совета, соответствующих Советов министров ЕС. Деятельность Комиссии в социальной сфере в составе ЕК распалась на три основных элемента: имплементацию документов социальной политики, регулирование социальных диалогов и управление структурными фондами (в первую очередь, Европейским социальным фондом).

Множество официальных документов, относящихся к социальной сфере (регламенты, директивы, решения, сообщения и доклады Европейской комиссии, аналитические записки с результатами мониторингов и т.д.), хотя и демонстрируют неослабевающее внимание руководящих институтов ЕС к социальному измерению интеграции, не свидетельствуют об их способности к оперативному решению острых

¹² The 2005 Review of the EU Sustainable Development Strategy: Initial Stocktaking and Future Orientations Agenda Social. Com. Doc. 2005. 33 final.

проблем. Особенно наглядно это проявилось в том, что коммунитарное законодательство в этой сфере до сих пор не гармонизировано с юридическими системами отдельных государств-членов, а иногда идет и в разрез с ними.

Социальную политику ЕС не проводит какой-либо единый орган. С одной стороны, это позволяет учитывать ее различные аспекты и последствия, но с другой — ведет к распылению усилий по решению социальных проблем. За это Еврокомиссию неоднократно критиковали, и именно поэтому потребовались шаги по упорядочению процессов и процедур управления общей социальной политикой Сообщества.

Исходя из оценки реальных результатов, приходится признать, что социальная политика ЕС, теоретически обоснованная и логично построенная, еще не в состоянии решить проблемы социальной защиты всех категорий и групп общества, гарантировать социальную стабильность и создать глобальный социальный климат, благоприятствующий устойчивому экономическому росту.

Затягивается процесс преодоления таких губительных феноменов, как общественное недовольство, безработица, дифференциация в доходах, диспропорция в уровнях развития отдельных регионов и государств-членов, пробуксовка финансовой системы, несовершенство системы энергетического обеспечения, опасности, связанные с нерациональным использованием природных и человеческих ресурсов.

Будущее социальной интеграции неразрывно связано с совершенствованием общей политики в этой сфере, с увеличением компетенций коммунитарных органов, которые на основе сформированного социального права регулировали бы процесс и координировали действия государств-членов.

Для реализации общей социальной политики в рамках Евросоюза создан сложный и разветвленный институциональный механизм¹³. Он складывался и оттачивал свой инструментарий на протяжении десятилетий. Совершенствовался механизм исполнительной власти, расширялись компетенции уже существующих структур, создавались новые, способные конструктивно отвечать на вызовы времени. Большое значение придавалось упрощению процедур принятия решений.

Вместе с тем, несмотря на все усилия руководящих институтов и ряд реализованных нововведений, эффективные формы регулирования деятельности Евросоюза в социальной области не найдены. Видимо, для их создания необходимы более высокий уровень массового

¹³ См. подробнее: *Каргалова М.В., Егорова Е.Н.* Социальное измерение европейской интеграции. М.: Аксиом, 2010. С. 106–138.

сознания, более четкое структурирование гражданского общества, повышение социальной ответственности бизнеса, ясная политическая воля правящих кругов.

Экономические и финансовые потрясения породили спонтанные и долгосрочные риски. Перераспределялись инвестиционные потоки, обострялась проблема заниженной эластичности рынков труда, возникали серьезные сложности с миграционной политикой, появлялись трещины в системах социального обеспечения. Справиться с негативными социальными последствиями всего этого можно было, лишь располагая хорошо продуманной и скоординированной социальной политикой.

Обосновать целесообразность реформ, необходимых для дальнейшего поступательного развития интеграции, недостаточно. Не секрет, что именно реформы в социальной сфере дали в последние годы немало поводов для социальных коллизий и конфронтаций. Зачастую позиция самих граждан, стремление сохранить возможность пользоваться прежними налаженными, обеспечивающими их благополучное существование системами социальной защиты и материальной помощью государства являются препятствиями для дальнейшего, совершенно необходимого реформирования социальной сферы.

Социальное партнерство нового типа

Успех реформ, реализация конкретных мер зависят от желания и способности общества поддержать их или хотя бы признать их целесообразность. Особая роль в решении этой сложнейшей проблемы принадлежит социальному диалогу и политике социального партнерства. Только с их помощью можно активизировать и рационально использовать весь механизм социальной и экономической структуры общества, учесть интересы каждой его части, обеспечить их взаимодействие.

Социальное партнерство всегда строилось на взаимном противостоянии партнеров. Смена методов борьбы не сняла социальную напряженность во взаимодействии партнеров. Поэтому правомерно говорить об усилении социально-политического и социально-психологического аспектов социальной политики как государственной, так и корпоративной, о потенциале социального партнерства.

Новый уровень социального партнерства хорошо прослеживается на примере Евросоюза. В качестве официальных партнеров выступают представители крупных наднациональных объединений: Союз европейских предпринимателей (UNICE), Европейская конфедерация профсоюзов (ETUC), Европейский центр работников госпредприя-

тий (СЕЕР), Европейская ассоциация мелких и средних предприятий (UEAPME). Значительную роль играют руководящие структуры Евросоюза. Через Брюссель оказывается финансовая поддержка наиболее крупным неправительственным организациям, представляющим гражданское общество.

Официальные социальные партнеры имеют право присутствовать на заседаниях и встречах на высшем уровне, когда обсуждается интересующая их повестка дня. Социальный диалог ведется через коммунитарные институты и специализированные консультативные и экспертные комитеты. Причем во всех случаях соблюдается принцип «трипартизма», позволяющий обеспечивать равноценное представительство социальных партнеров. В соответствии с этим принципом работает, например, Экономический и социальный комитет — основная консультативная структура ЕС по социальной политике. Именно он накануне саммита в Ницце выступил с инициативой разработки Хартии основных прав ЕС.

При Европейской комиссии создана сеть специализированных комитетов, центров и агентств, занимающихся социальными проблемами. Некоторые из них существуют десятилетиями, другие появились недавно. Так, Ниццкий договор 2001 г. создал правовую основу для учреждения Комитета по социальной защите. В задачи комитета входит проведение мониторинга социальной ситуации и развития систем социальной защиты в государствах-членах и в Сообществе в целом, содействие обмену информацией и опытом между государствами-членами и Европейской комиссией.

Поддержку при возникновении трудных ситуаций в разных странах и регионах оказывают структурные фонды. Они создавались в разные периоды, и перед каждым ставились конкретные задачи. Эти фонды располагают солидными финансовыми возможностями за счет постоянного увеличения объемов их финансирования из бюджета ЕС. Так, если в 1958—1988 гг. ресурсы структурных фондов составили 58,4 млрд экю, то на 2006—2012 гг. им было выделено более 200 млрд евро. В Европейский социальный фонд ежегодно направляется 10 млрд евро. Только на реформы, призванные приспособить структурные фонды к работе в условиях кризиса в 2008—2013 гг., было выделено 18,5 млрд евро. Сейчас расходы на структурные фонды составляют почти 37% всех расходов ЕС. Для поддержки инициативных программ в этой сфере Сообщества ежегодно выделяется 9% финансовых ресурсов Европейского Союза.

Следует признать, что рабочий механизм фондов, особенно когда дело касается распределения финансов, остается несовершенным. Практическое выделение средств из-за бюрократических процедур регулярно отстает от планов ассигнований. Нецелевые затраты и нарушения являются хроническими. Об этом свидетельствует количество дел, возбуждаемых Европейским судом по правам человека и Счетной палатой.

Несмотря на сложившуюся развитую социальную инфраструктуру, необходимо ее совершенствовать с тем, чтобы идти в ногу со временем. Так, с 2007 г. начал работу Европейский фонд преодоления последствий глобализации. Принят специальный план восстановления, или «оздоровления», как его иногда называют, который регулирует оказание помощи пострадавшим от кризиса.

Кризисные потрясения, которые продолжают переживать государства – члены Евросоюза нарушают поступательное социально-экономическое развитие, которое требует социальной стабильности, достижения баланса сил и учета интересов разных социальных групп и профессиональных категорий.

Европейское сообщество нуждается во взаимопонимании и идентичности. Но для этого ему предстоит преодолеть ряд проблем, усложняющих ситуацию. Прежде всего, это позиции крупного бизнеса, держателей капитала, некоторых политических партий, которые все еще диктуют пути выхода из кризиса. Чаще всего это обусловлено борьбой за власть и за право управлять экономикой.

Социальная солидарность и социальное сплочение как цель, которую ставит перед собой Европейский Союз, предполагают формирование социальной коалиции, которая сумела бы на новой основе удовлетворить запросы большинства. Сложнее всего в данной ситуации преодолеть некоторые тенденции, свойственные крупному бизнесу.

Примером намерения содействовать сплочению общества, используя новые формы социального партнерства, стало решение Еврокомиссии (2006) о запуске проекта «Европейский альянс в области социальной ответственности бизнеса». Инициатива формировалась в ходе широких дискуссий с привлечением всех социальных партнеров. О ее поддержке заявил Форум представителей гражданского общества, назвав проект новой формой социального партнерства. По замыслу инициаторов результаты работы Альянса должны ощутить инвесторы, потребители, трудящиеся предприятий.

Название проекта отражает важную роль, которая отводится бизнесу в деле влияния на экономику, на все процессы социально-эко-

номического развития, на формирование образа жизни. Кроме добровольного включения в координированную производственную и коммерческую деятельность, предполагается проведение социальных и экологических мероприятий, разработанных совместно с организациями гражданского общества. Участниками проекта стали как крупные, так средние и малые предприятия.

Одобрению этого проекта предшествовали появление Зеленой книги о корпоративной социальной ответственности (2001) и решение Европейского совета об оказании поддержки предприятиям для развития их социальной ответственности (2005). Хотя на первой стадии Альянс рассматривался как инструмент упорядочения экономики только в рамках Европейского Союза, его инициаторы намерены выйти на международный уровень, наладив сотрудничество с МОТ, ОБСЕ, ОЭСР и др.

В качестве аргумента в пользу такого решения приводят Глобальное соглашение о корпоративной социальной ответственности бизнеса, разработанное ООН в начале века. Согласно этому соглашению компании должны регулярно публиковать отчеты по планам своего развития, социальным обязательствам, экологической политике. Если к началу нового столетия такие отчеты представляли около трети крупных международных компаний, то сейчас их более половины.

Можно констатировать, что Европейский Союз стремится осуществлять социальную интеграцию. В Сообщении, подготовленном для Европейского совета, Европарламента и Экономического и социального комитета, Комиссия сформулировала цели предлагаемого проекта так: «“Альянс” намерен находить и поддерживать новаторские методы обмена и распространения успешной практики, учитывать интересы специалистов, политиков, широких масс населения на всех уровнях в Европе и за ее пределами». Особо была подчеркнута необходимость ведения социального диалога и достижения взаимного доверия¹⁴.

Когда речь идет о социальном партнерстве нового уровня, то неизбежно появляются его новые формы, расширяется состав участников, видоизменяются их функции и правомочность. Органы исполнительной власти разных уровней нередко выступают в качестве одного из партнеров, выполняя при этом координирующие и контролирующие функции. Для этого они обладают необходимым административным и финансовым ресурсом и, чаще всего, действуют в рамках общеевропейской стратегии. Трудности при достижении компромиссов создает амбициозная, а порой и агрессивная политика бизнеса, не желающего уступать первенства.

¹⁴ Социальная Европа в XXI веке. М.: Весь Мир, 2011. С. 158–159.

Между тем все заметнее заявляет о себе третий партнер — гражданское общество. Его можно назвать молодым игроком, лишь недавно допущенным к участию в обсуждениях и, тем более, к принятию решений в экономической и социальной жизни. Выступая в роли защитников интересов общества в целом, а также требований социальных и профессиональных групп, которые они представляют, организации гражданского общества особое внимание уделяют проблеме контроля над деятельностью социальных партнеров.

Функции и формы общественного контроля

Существуют различные варианты участия граждан в разработке форм общественного контроля над процессами, от которых зависит качество их жизни. Наиболее известен и популярен «социальный аудит». С началом его использования появилась возможность оценивать деятельность предприятий и организаций с точки зрения их социальных перспектив. Практика показала, что проведение проверок и обнародование отчетов превращается в способ не только включения гражданского общества в политику, но позволяют совершенствовать деятельность властных структур и бизнеса и вплотную подойти к налаживанию общественного контроля над производственной жизнью. Создается своеобразная социальная бухгалтерия, доступ к которой открыт для партнеров.

В ходе социального аудита собирается информация, необходимая для квалифицированной оценки ситуации, выявляются причины, тормозящие производственный процесс и снижающие уровень социальной защиты персонала.

Круг организаций, практикующих социальный аудит, постоянно расширяется. В настоящее время в Европейском Союзе уже действуют несколько десятков организаций, специализирующихся на проведении социального аудита и социального инвестирования.

В 1997 г. учреждено «Объединение социальных предприятий», которое разработало первую программу по социальному аудиту. В 2002 г. создана организация «Исследование социально ответственных инвестиций “Аванзи”» (*Avanzi SRI Research*). Она оказывает услуги компаниям, работающим на территории Италии, и неправительственным организациям. Во Франции мониторингом вопросов, связанных с социальным аудитом, занимаются два неправительственных центра. Существуют и Агентства по стандартизации, оказывающие помощь в разработке норм и индикаторов социальной ответственности бизнеса.

При разработке форм общественного контроля учитываются национальные особенности, разнообразие обусловленных ими условий и возможностей, а также уровень организованности главного действующего лица социального аудита — гражданского общества.

Социальный аудит предоставляет участникам возможность усовершенствовать сам процесс социального партнерства. «Постоянно проводимый, он способен отразить картину производственной деятельности, ее влияния на персонал и окружающую среду, оценить социальные действия администрации. Практика социального аудита и обнародование отчетов превращаются в эффективный механизм взаимодействия бизнеса, государства и гражданского общества»¹⁵.

Интересным начинанием, свидетельствующим о стремлении руководящих институтов ЕС привлекать активные силы общества к решению стратегических задач социально-экономического развития, была разработка, а затем и использование в повседневной практике метода открытой координации (МОК). Его нередко называли самым важным из новых механизмов, способных объединить усилия социальных партнеров, представителей органов власти Евросоюза и отдельных государств-членов.

Цель МОК — постановка стратегических задач на политическом, экономическом и социальном поле, определение места и роли активных сил общества в деле выполнения этих задач, а также доли ответственности каждого. Предусматривался учет их возможностей и специфики при координации действий по обозначенным направлениям.

Эта новая форма взаимодействия должна была работать, не опираясь на законодательную базу, без вмешательства коммунитарных институтов и принуждения государств-членов к конкретным действиям и решениям. Она являлась своеобразной платформой, призванной открыть возможность для всех желающих внести свой вклад в дальнейшее развитие интеграционного процесса.

Один из разработчиков МОК А. Хемерийк следующим образом определял принцип его работы: «Умелое использование политического процесса через сочетание национальных политик и координации со стороны ЕС, что позволит комбинировать общие действия и национальную автономию, не нанося при этом ущерба традиционному коммунитарному методу, официально и аргументировано развивать

15 См.: Гражданское общество, общественный контроль и социальная ответственность бизнеса // Доклады Института Европы. № 183. М.: Русский сувенир, 2006.

принципы субсидиарности и пропорциональности при формировании общей политики ЕС»¹⁶.

До сих пор у экспертов нет единых позиций относительно степени эффективности МОК и его перспектив. Например, существовало мнение, что он, как и многие другие инструменты «прямой демократии», таит в себе опасность снижения ответственности участников. Считалось, что, опираясь на принцип неукоснительного соблюдения порядка, предписываемого официальными документами («Социальными повестками дня» и т.д.), МОК ведет к возрастанию роли некоторых социальных групп, в частности, «нового класса» высших чиновников и функционеров ЕС. Именно поэтому, как все новшества, он требовал дальнейшей проработки и на национальном уровне. Жизнь показала, что МОК в социальной сфере себя исчерпал. Это нашло отражение в Лиссабонском договоре, который открыл новые горизонты в социальной политике ЕС

В основе современной социальной политики ЕС по-прежнему лежит апробированный десятилетиями принцип социального партнерства. Сегодня одним из свойственных ему проявлений стали более высокий уровень и расширившееся содержание социальных инноваций.

Весьма показательна тенденция соединения социального диалога с диалогом политическим и гражданским. Сложившаяся ситуация потребовала совершенствования отношений между партнерами и такой организации общества, при которой были бы четко обозначены задачи каждого и определены методы их взаимодействия. Возникновение таких форм, как «Альянс» и «Метод открытой координации» свидетельствует не только о появлении дополнительных возможностей, но и о переделе сфер влияния. Примером служат претензии упомянутого выше «нового класса» чиновников в связи с их «особыми отношениями» с бизнесом.

Перспективы ЕСМ

Одним из последствий мирового экономического кризиса начала века стало сужение возможностей государства проводить социальную политику по традиционным схемам. Ему все труднее удерживать на прежнем уровне качество жизни населения. Есть все основания

¹⁶ Hemerijk A. Joining Forces for Social Europe. Reinventing the Lisbon Imperative of «Double Engagement». Conference paper: Konferenz zum Europäischen Sozialmodell der deutschen Ratspräsidentschaft, 8–9. Februar 2007. Nürnberg, 2007. P. 10.

утверждать, что без помощи бизнеса социальная сфера уже не может функционировать. Именно это побуждает все активнее поднимать вопрос о социальной ответственности бизнеса. Здесь явно просматриваются не только моральные, но и чисто прагматические соображения. Социальную ответственность бизнеса правомерно рассматривать как инструмент, не только позволяющий налаживать сбалансированные отношения с партнерами, но и повышать их деловую репутацию, а, следовательно, способствовать поддержанию конкурентоспособности.

Что касается гражданского общества (и это тоже относится к числу новаций), то оно все активнее претендует на право осуществлять контроль над деятельностью как бизнеса, так и государства.

В целом, следует признать, что ЕС пока не располагает отлаженной системой отношений гражданского общества с государственной властью и бизнес-структурами. Создание «Европы граждан» еще далеко от завершения. Не случайно над этой проблемой не первое десятилетие работают руководящие институты Сообщества, создаются блоки политических партий, солидаризируются неправительственные организации.

Совершенствование структуры общества предполагает появление нового типа управления, которое базировалось бы не на диктате и давлении, а на диалоге и взаимодействии. При этом необходимо утверждение толерантности и готовности к разумным компромиссам у всех участников интеграционного процесса.

Будущее и эффективность социальной интеграции в рамках Европейского Союза связаны с Европейской социальной моделью (ЕСМ) и во многом зависят от ее способности осуществлять трансформации как структурные, так и содержательные, в соответствии с вызовами времени.

Европейская социальная модель широко известна в мире и привлекательна для многих. Сравнительно благополучное существование европейцев, их умение с наименьшими потерями решать трудные проблемы и способность вовремя реагировать на перемены, происходящие в мире, притягивали и продолжают притягивать к Европейскому Союзу как государства, так и массовые потоки иммигрантов. Будучи комплексной системой, ЕСМ не ограничивается областью социальной защиты и социального обеспечения. Она реализуется и в более широком плане, рассматривая проблемы, связанные с взаимодействием и сотрудничеством в разных секторах жизни общества¹⁷.

¹⁷ См.: Социальная политика в XXI веке. С. 173–348.

Очевидно, предстоит серьезная работа по уточнению, дополнению, конкретизации путей реформирования ЕСМ в соответствии с меняющейся ситуацией. До сих пор не выработано четкое и однозначное определение понятия «Европейская социальная модель», хотя этим занимаются многочисленные эксперты и политики, издается масса научных трудов, проводятся специальные семинары и конференции.

При этом смысловое наполнение термина, его принципы, опирающиеся на традиционные европейские цивилизационные ценности, и обозначенные в ЕСМ цели сомнению не подвергаются. Видимо, именно поэтому не встает вопрос о необходимости поисков альтернативного пути развития. Не случайно газета «Монд» опубликовала статью под заголовком «Если умрет Европейская социальная модель, значит, умрет Европа»¹⁸.

ЕСМ предлагает социальную архитектуру современного общества и вариант его социально-экономического развития, наиболее отвечающие вызовам XXI века. Но, очевидно, что кроме новых теоретических разработок и дискуссий между ее сторонниками и противниками («евроскептиками») для достижения поставленных целей потребуются объединение усилий политических, экономических и гражданских партнеров.

¹⁸ Le Monde. 29.03.2012.

Глава 17

СОЦИАЛЬНАЯ ЕВРОПА И ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Среди глобальных вызовов XXI в. непосредственное отношение к социальной политике Европейского Союза имеют старение населения (и, соответственно, рабочей силы), повышение уровня бедности и неравенства, нарастающий вал технологических изменений и ухудшение экологической ситуации. Эти процессы протекают на фоне замедления мирового экономического роста и усиления роли человеческого капитала как основного фактора развития.

Мировой экономический и финансовый кризис сделал Европу более поляризованной и асимметричной, тем не менее, экономические перспективы начинают внушать осторожный оптимизм. По данным статистической службы Европейского Союза во втором квартале 2014 г. ВВП еврозоны увеличился на 0,7%; ВВП ЕС-28 — на 1,2% по сравнению с тем же периодом 2013 г.¹ В июне 2014 г. объем промышленного производства остался без изменений в зоне евро и вырос на 0,7% в ЕС-28², а уровень безработицы составил соответственно 11,5 % и 10,2%, снизившись на 0,5 и 0,1% по сравнению с годом ранее³.

Основным инструментом преодоления последствий кризиса в Евросоюзе выступает принятая в середине 2010 г. стратегия «Европа 2020» — программа по стимулированию роста и занятости, разработанная Европейской комиссией (ЕК) как продолжение Лиссабонской стратегии (2000—2010), многие положения которой не были реали-

¹ GDP stable in the euro area and up by 0.2% in the EU28 / European Commission (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/2-14082014-AP/EN/2-14082014-AP-EN.PDF).

² Industrial producer prices up by 0.1% in both euro area and EU28 / European Commission (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/4-13082014-AP/EN/4-13082014-AP-EN.PDF).

³ Euro area unemployment rate at 11.5% / European Commission (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/3-31072014-BP/EN/3-31072014-BP-EN.PDF).

зованы. Стратегия обозначила как главные движущие силы экономического роста науку и исследования, в которые предполагается инвестировать не менее 3% ВВП, содействие развитию образования и инноваций, эффективное использование всех ресурсов европейской экономики. В сфере борьбы с бедностью и социальной исключенностью планируется снизить на 20 млн чел. число бедных; в области занятости декларируется необходимость решительных изменений и количественных, и качественных ее параметров. К 2020 г. предполагается достигнуть высокого уровня занятости трудоспособного населения (75%) на фоне увеличения (до 40%) доли молодых людей, получивших высшее образование и снижения (до 10%) — бросивших обучение⁴. Совершенно очевидно, что достигнуть данные цели можно только за счет усиления координации деятельности стран — членов Союза по перечисленным направлениям.

Кризис оказал ощутимое негативное влияние на функционирование и параметры европейской социальной модели, усугубив бедность, неравенство и уязвимость многих групп населения, прежде всего молодого поколения, лиц преклонного возраста и неквалифицированных работников. На европейском рынке труда отмечается существенная сегментация и недостаточно эффективная политика, разбалансированность во взаимодействии с рынком образовательных услуг. При этом проявление последствий кризиса в ЕС происходит неравномерно по регионам, странам и отраслям. В середине 2014 г. низкие показатели безработицы отмечены в Австрии, Германии и на Мальте (5,0–5,6%), в то время как в Испании и Греции ее общий уровень составил 24,5 и 27,3%⁵. Обострились различия в стандартах жизни и системах социальной защиты. Величины социальных расходов и выплат достаточно высоки во Франции, в Швеции, Люксембурге, Нидерландах и Бельгии в отличие от Латвии, Эстонии, Литвы, Болгарии и Румынии. Особенность нынешней ситуации — увеличение разрыва в социально-экономических показателях государств ЕС. Среди крупных экономик Союза их рост наблюдается в Германии, во Франции и в Польше, в отличие от Италии и Великобритании, самые значительное сокращение — в Испании и Португалии. В большинстве государств существенно усилилось неравенство по уровням дохода и материального благосостояния; экономические модели стран все чаще сталкиваются с трудностями

⁴ Europe 2020 strategy indicators, EU-27 / European Commission (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/europe_2020_indicators/headline_indicators).

⁵ Euro area unemployment rate at 11.5% / European Commission (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/3-31072014-BP/EN/3-31072014-BP-EN.PDF).

в генерировании высоких темпов экономического роста и сохранении приемлемой степени социальной справедливости⁶. Социально-экономические проблемы усугубляются неблагоприятными демографическими тенденциями, изменениями структуры экономики и региональными диспропорциями.

В течение всего существования Союза вопросы социальной политики оставались преимущественно в юрисдикции отдельных государств. Власти ЕС и национальные правительства, оценивая экономические, технологические, демографические и другие вызовы мирового масштаба, а также совокупность внутренних проблем, намерены в большей степени координировать свою работу по перечисленным направлениям. Лиссабонский Договор о функционировании Европейского Союза (2009) отнес социальную политику и координацию вопросов занятости к сферам совместной компетенции ЕС и стран-членов, выделяя в качестве ее основных целей повышение занятости, улучшение условий жизни и труда, дальнейшее развитие человеческого потенциала⁷. В арсенале социальной политики Союза внушительный набор инструментов, и в последнее время наблюдается тенденция к усилению роли наднациональных институтов. Для проведения в жизнь социальной политики и решения текущих задач используются средства фондов с общим бюджетом (Европейский социальный фонд, Европейский фонд регионального развития, Европейский сельскохозяйственный фонд, Финансовый фонд содействия рыболовству и Фонд сплочения). Европейский социальный фонд (ЕСФ) — основной инструмент ЕС по инвестициям в человеческий капитал. Приоритетные сферы его финансирования — поддержка занятости и мобильности, инвестирование в образование и квалификацию трудящихся, борьба с бедностью и социальной исключенностью. Бюджет Фонда на 2014–2020 гг. составит 84 млрд евро (на 10 млрд больше, чем в предыдущий семилетний период)⁸.

Дискуссия вокруг «социальной Европы» продолжает находиться в центре дебатов о дальнейшем развитии Союза; социальная проблематика входит во все аспекты деятельности ЕС. Евросоюз пытается выстраивать свою долгосрочную стратегию, принимая во внимание

⁶ Тем не менее во многих западноевропейских странах, особенно Скандинавских, уровень доходов, равно как и имущественное равенство относятся к числу самых высоких в мире.

⁷ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Art.151 // Official Journal of the European Union. 30.03.2010. С. 83.

⁸ Q&A on the legislative package of EU regional, employment and social policy for 2014–2020 / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-663_en.htm).

различия между странами по уровню социально-экономического развития, качеству образовательных, медицинских, социальных услуг, а также с учетом демографических тенденций.

Демографический аспект

Старение — фактор, характеризующий демографические перспективы европейского общества. В подобных условиях перед властями Евросоюза встает задача увеличения продолжительности трудовой деятельности и предоставления доступного социального обеспечения. В 2010 г. ЕК выступила с предложением поставить пенсионный возраст в зависимость от продолжительности жизни, что позволит значительно уменьшить расходы на пенсионное обеспечение, связанные со старением населения. В настоящее время пенсии представляют ключевой источник дохода для каждого четвертого европейца; на них в среднем тратится более 10% ВВП ЕС⁹. Ряд стран уже принял меры по увеличению пенсионного возраста: Великобритания намерена увеличить его как для мужчин, так и для женщин до 66 лет к 2020 г., а затем — до 68 лет, во Франции к 2018 г. пенсионный возраст вырастет до 62, в Германии к 2029 г. — до 67 лет.

Европейцы по-разному относятся к инициативам ЕК — исследования Европейской социологической службы (Евробарометр) выявили различное восприятие возраста и отношения к выходу на пенсию в странах Союза. Так, в среднем европейцы ощущают себя молодыми до 42 лет (на Мальте, в Португалии и Швеции — до 37, на Кипре и в Греции — до 50 лет), а начинают чувствовать старыми — с 64 лет. С точки зрения наличия работы только один из трех европейцев согласен, что официальный пенсионный возраст должен быть увеличен. Треть европейцев заявляет, что хотели бы продолжить работать после того, как достигнут пенсионного возраста. Частичная занятость, вдобавок к частичной пенсии, более привлекательна, чем полный уход с работы для двух третей европейцев. Большинство из них полагает, что их страна или регион «благоприятны для пожилых людей»¹⁰.

ЕК прилагала немалые усилия для популяризации своей идеи: в регионе прошло широкое обсуждение (в течение 2010–2012 гг.)

⁹ Ensuring the sustainability of EU pension systems / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-155_en.htm).

¹⁰ Europeans ready for «active ageing», new survey says / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-16_en.htm).

Белой книги «Повестка дня для адекватных устойчивых пенсий» — документа с предложениями по реформированию пенсионной системы в странах Союза и Зеленой книги «На пути к адекватным, стабильным и надежным пенсионным системам в Европе» — стратегической программы в области пенсионного обеспечения; 2012 г. был объявлен Европейским годом активного старения и солидарности поколений. Активное старение предполагает деятельную жизнь в пожилом возрасте. Для этого необходимо: стимулировать занятость и активное участие пожилых граждан в жизни общества, увеличить финансирование пожизненного обеспечения, произвести обустройство рабочих мест в соответствии с потребностями совмещения частичной работы с частичной пенсией, обеспечить адекватный уход за престарелыми.

В течение 2012 г. в Европе прошли различные мероприятия, были запущены программы по улучшению жизни и здоровья, социальной интеграции, привлечению людей старшего поколения на рынок труда на общеевропейском, национальном, региональном и местном уровнях. ЕК предложила странам выработать собственные подходы к осуществлению этих идей, отметив при этом, что необходимы следующие меры: предоставление стимулов для продолжения трудовой активности посредством льгот по налогообложению; обеспечение деятельности по развитию профессиональных навыков пожилых людей с учетом кадровой потребности; использование их опыта для работы в качестве наставников; совершенствование навыков в процессе обучения на протяжении всей жизни. Интересные инициативы были разработаны в Австрии, Ирландии, Германии, Польше, Бельгии и Дании. Комиссией в этой области совместно со странами-членами сформулированы «руководящие принципы», адресованные организациям, занимающимся улучшением условий жизни пожилых людей, а также разработан новый инструмент для выявления проблем и мониторинга прогресса в этой области — Индекс активного старения. Он создан совместно с Экономической комиссией ООН для Европы и европейским Центром по политике и исследованиям в области социального благосостояния (Вена, Австрия).

Без вклада пожилых людей Евросоюз вряд ли сможет осуществить цели программы «Европа 2020». Незаменимым инструментом для продления трудовой активности выступает система непрерывного обучения и повышения квалификации, включая дистанционное образование. Для осуществления преобразований на рынке труда уже в ближайшем будущем понадобится значительно повысить инвестирование в систему охраны здоровья и труда.

В 2007 г. ЕК приняла пятилетнюю стратегию по обеспечению здоровья и безопасности граждан на рабочем месте, основная цель которой — сокращение на четверть профессиональных заболеваний и травматизма на рабочем месте. Далеко не во всех странах, отраслях и секторах европейской экономики удастся добиться соизмеримых успехов в области охраны труда. Европейской экономике приходится платить высокую цену (2,6–3,8% ВВП) за несовершенство политики в данной области. В связи со стремительными темпами развития отдельных секторов европейской экономики, новациями в области производства товаров и услуг наблюдается появление непредвиденных рисков и болезней. Для реализации Стратегии предпринимались совместные действия на национальных и коммунитарном уровнях в ряде областей: образовании, здравоохранении, инновационных исследованиях. В целом на протяжении последнего десятилетия удалось добиться ежегодного снижения числа инцидентов на рабочем месте, в том числе психосоциологических рисков и рисков, связанных с использованием новых технологий. Исследования ЕК подтверждают потребность в новой стратегии для более эффективного внедрения законодательства ЕС в данной области, особенно на малых, средних и микропредприятиях, разработки специальной программы сохранения здоровья и безопасности рабочих старшего возраста, пропаганды экологии и культуры труда¹¹.

После выхода из кризиса Евросоюзу трудно будет удержать свои конкурентные позиции в мире без адекватного отклика на демографические вызовы. Их преодоление лежит в русле создания благоприятных условий для совмещения семейных и производственных обязанностей, соответствующего финансирования программ по трудоустройству, повышению квалификации и росту мобильности молодежи, определения оптимальных размеров миграции молодых и высококвалифицированных специалистов.

Кризис занятости: молодежный аспект

В июне 2014 г. в ЕС насчитывалось 5,129 млн безработных среди молодежи (3,319 млн — в зоне евро)¹², и это не только низкоквалифицированные работники, которые рано закончили обучение, сре-

¹¹ EU policy on health and safety at work: myths and facts / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-162_en.htm).

¹² Euro area unemployment rate at 11.5% / European Commission (http://epp.eurostat.ec.europa.eu/cache/ITY_PUBLIC/3-31072014-BP/EN/3-31072014-BP-EN.PDF).

ди них немало выпускников высших учебных заведений¹³. Учитывая нынешние и будущие вызовы, ЕК в соответствии со Стратегией «Европа 2020» призывает повышать квалификацию и мобильность рабочей силы. Новая европейская программа по борьбе с молодежной безработицей, на которую предполагается потратить порядка 30 млрд евро из Европейского социального фонда, позволит создать 370 тыс. новых рабочих мест, обеспечить работой или дополнительным обучением выпускников школ в течение четырех месяцев после ее окончания. Только каждый третий гражданин ЕС в возрасте 15–24 лет имеет работу, а доля молодежной безработицы более чем вдвое превышает ее общий уровень. Этот показатель сильно разнится по странам: он относительно низок в Германии (7,8%), но выше 20% в большинстве стран ЕС, а в Испании и Греции — это каждый второй молодой человек. 7,5 млн молодых европейцев — вне занятости, образования или обучения, а значит, подвержены риску бедности и маргинализации¹⁴.

Продвижение по службе молодых специалистов идет медленно; первые рабочие места или стажировки даже после получения высшего образования редко становятся стартовыми площадками для устойчивой занятости. У многих молодых людей временная занятость чередуется с периодами безработицы. Высокие показатели молодежной безработицы говорят о многих недостатках системы профессионального образования: отсутствие единых стандартов качества, недостаточное участие социальных партнеров в разработке и организации стажировок и ученичества¹⁵. Практика чередования учебного процесса и практического опыта на рабочем месте существует в Австрии, Германии, Дании, Нидерландах, во Франции и в Словении. Статистика показывает, что в этих странах молодым людям легче интегрироваться на рынке труда, и ситуация с безработицей среди молодежи не так остра. Для некоторых профессий (врач, адвокат, учитель) стажировки — обязательный элемент образовательного процесса. Требуется совместные

¹³ Издержки общества из-за молодежной безработицы составляют порядка 150 млрд евро в год или 1,2% ВВП ЕС; отдельные страны (Болгария, Кипр, Греция, Венгрия, Ирландия, Италия, Латвия и Польша) теряют более 2% ВВП (Q&A on the legislative package of EU regional, employment and social policy for 2014-2020 / European Union (<http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=MEMO/11/663>).

¹⁴ EU measures to tackle youth unemployment / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-14-466_en.htm).

¹⁵ Стажировка — временная работа, включающая образовательный компонент и обеспечивающая практический опыт, знание и навыки, которые служат дополнением к теоретическому образованию. Ученичество — чередование учебного процесса и практического опыта на рабочем месте, после которого выдается соответствующее удостоверение.

усилия со стороны ЕС и отдельных государств по обязательному включению стажировок в учебные планы; есть также потребность сделать более прозрачными процессы рекрутинга финансовой поддержки стажеров, особенно из наиболее уязвимых слоев населения.

Для лучшей интеграции молодых людей в общеевропейский рынок труда ЕК в середине 2012 г. запустила пилотный проект «Твоя первая работа с помощью общеевропейской службы занятости — EURES». Портал EURES — сеть, объединяющая службы занятости по всей Европе, охватывающая потребности в рабочей силе десятков тысяч зарегистрированных работодателей, содержит более миллиона вакансий и анкет работников, работает с 4 млн посещений в месяц на 25 европейских языках. Цель проекта — помочь 5 тыс. работникам стать более мобильными. Одновременно это станет своеобразным тестом для самой службы EURES в целях трансформации ее деятельности как панъевропейской службы занятости. В рамках проекта четыре отобранных службы по трудоустройству в Германии, Испании, Дании и Италии помогут молодым людям найти работу за пределами своей страны. Лицам в возрасте 18–30 лет будет предоставляться информация и помощь, в том числе финансовая поддержка по обучению. Компании, имеющие менее 250 сотрудников, могут рассчитывать на покрытие части стоимости обучения недавно принятых сотрудников¹⁶. Большие возможности для портала EURES и трудоустройства в целом представляет динамично развивающийся европейский ИТ-сектор, испытывающий ежегодно возрастающую потребность в специалистах.

Экономический кризис привел к снижению мобильности трудящихся: только 3% рабочей силы Евросоюза, живет и работает за пределами своей страны. Общеизвестно, что мобильность и гибкость рынка труда являются не только средством борьбы с мировым экономическим кризисом, но и перспективным инструментом оживления европейской экономики в период выхода из него. В настоящее время в ЕС большое внимание уделяется решению задач по поддержке мобильности трудящихся по трем основным направлениям: географическая, профессиональная мобильность и возврат безработных на рынок труда. Несмотря на то что состояние рынка труда в западноевропейских странах не способствует улучшению ситуации в трудовой сфере, страны «старой» Европы неохотно расставались с ограничениями свободы передвижения рабочей силы из стран-евроновичков, вступивших

¹⁶ Employment: Commission launches «Your First EURES job» pilot project to help young people find jobs / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-492_en.htm).

в ЕС в 2004 и 2007 гг. Был предусмотрен семилетний переходный период с временными ограничениями. Только Швеция, Великобритания и Ирландия сразу же открыли свои рынки для притока работников из Восточной Европы (кроме Болгарии и Румынии). Статистика говорит о том, что для большинства стран подобная политика не оказала значительного влияния на уровень безработицы, заработной платы, «утечку мозгов». На рынки западной Европы прибыло небольшое количество работников из «новых» государств ЕС по сравнению с числом мигрантов из третьих стран.

31 декабря 2013 г. рынок труда ЕС полностью открылся, и, таким образом, начали осуществляться планы властей Союза о свободном передвижении рабочей силы. Теперь отдельные страны ЕС смогут применять ограничения лишь при условии серьезных угроз для национальной экономики. Западноевропейские страны испытывают нехватку специалистов по многим специальностям, и относительно образованные работники из соседних государств могут отчасти решить проблему. Но в перспективе отток молодежи и высококвалифицированных кадров может иметь отрицательное воздействие на экономический рост, демографическую ситуацию и бюджет стран-доноров. Однако в целом по ЕС в результате свободного перемещения рабочей силы отмечались положительные изменения — рост производительности труда и ВВП, в том числе на душу населения, однако экономический кризис привел к замедлению данных процессов.

Власти ЕС предпринимали немало усилий для облегчения положения населения в кризисной период. Для успешного решения социальных проблем существует традиция объявления тематических годов, посвященных интенсивной борьбе с основными социальными вызовами. Так, еще до кризиса 2006 г. был объявлен Годом мобильности трудящихся. Мобильность — одно из ключевых измерений единого рынка в условиях увеличивающегося несоответствия между спросом и предложением труда. Среди главных проблем, препятствующих мобильности рабочей силы, — правовые и административные барьеры, доступность жилья, трудоустройство членов семьи, языковые препятствия. Для облегчения ситуации в этой сфере осуществляются дальнейшие шаги по утверждению Европейской структуры квалификаций, значительно упрощающей механизмы взаимного признания дипломов; большое внимание уделяется оптимизации работы общеевропейской службы трудоустройства, совершенствованию механизмов признания прав на социальную помощь и пенсию. Свободное перемещение рабочей силы оздоравливает экономику и позволяет накопить неоценимый личный и профессиональный опыт на международном

уровне, выступает значимым инструментом борьбы с последствиями финансово-экономического кризиса.

2007 год прошел в ЕС под знаком равных возможностей и борьбы с дискриминацией. Европейская антидискриминационная политика базируется на обеспечении качественного образования и трудоустройства молодежи, повышении уровня социальной интеграции пожилых людей, борьбе с ущемлением прав иностранцев и мигрантов, повышении роли женщин в обществе. Борьбе с бедностью и социальным исключением был посвящен 2010 год.

Борьба с бедностью и неравенством

Экономический кризис увеличил число бедных в ЕС. В ноябре 2013 г. ЕК представила отчет о занятости и тенденциях в социальной сфере ЕС, свидетельствующий о продолжающемся ухудшении социальной ситуации. Около 84 млн европейцев живут за чертой бедности, порядка 26 млн — не имеют работы. Социальный кризис угрожает росту в ближайшей перспективе, подрывает долгосрочную конкурентоспособность. В ЕС растет неравенство большинства социальных показателей между Югом и Севером, прежде всего по пяти ключевым показателям: безработица, безработица среди молодежи, число молодых людей вне образования, занятости или обучения, совокупные доходы, уровень бедности и неравенства. Во многих странах кризис усилил поляризацию заработной платы и сегментацию рынка труда¹⁷.

Европейская Платформа против бедности и социальной исключенности, принятая в декабре 2010 г., призвана усилить действия ЕК по мобилизации всех областей политики для достижения поставленных программой «Европа 2020» целей. Комиссия претворяет в жизнь новый комплексный подход к решению проблемы бедности: расширение занятости на основе создания новых рабочих мест наряду с адекватным денежным пособием и качественным социальным обеспечением. Европейская стратегия занятости (ЕСЗ), одобренная на Люксембургском саммите глав государств ЕС в ноябре 1997 г., определяет порядок контроля и отчетности всех стран — членов ЕС по выполнению ежегодно пересматриваемых задач в сфере занятости. Стратегия строится на четырех основных принципах: квалификации, предпринимательстве, гибкости и равных возможностях, обеспечивая координацию политики на рынке

¹⁷ Joint European Report confirms growing divergence / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-13-916_en.htm).

на рынке труда, способствуя повышению уровня занятости и уменьшению долгосрочной безработицы. Среди основных аспектов, характеризующих ЕСЗ, развитие человеческого потенциала, активное участие молодежи и лиц преклонного возраста на рынке труда, а также принцип гибкой защищенности. Он был взят на вооружение ЕК в 2007 г. и состоит в соединении достаточной гибкости рынка труда, в частности, высокой мобильности рабочей силы между предприятиями, отраслями и странами, и обеспечения социально-экономической защищенности работника. Метод, впервые примененный в Дании, рассматривается ЕК как один из наиболее адекватных ответов на вызовы экономического кризиса, а также как средство по его скорейшему преодолению.

Результативно функционирующий рынок труда предоставляет большинству трудоспособного населения работу и доход, позволяя государству сосредоточиться на поддержке социально уязвимых категорий граждан и, таким образом, обеспечить большее социальное равенство. Основным связующим звеном между достижением экономического роста и сокращением бедности и неравенства является обеспечение занятости. Высокий уровень занятости обеспечивает не только устойчивость индивидуальных доходов, но и рост совокупных доходов общества, создает возможности для производства максимального количества коллективных благ.

Требования рынка труда касаются в основном опыта работы и квалификации, и именно эти факторы определяют в итоге профессиональный статус и заработную плату работника. Повышению благосостояния населения и обеспечению равенства мог бы послужить качественный экономический рост, который невозможно обеспечить без развития рынка труда и создания условий для генерации новых рабочих мест. Поскольку бедность это, чаще всего, результат неэффективной политики в сфере занятости и профессионального обучения, создание рабочих мест рассматривается как один из главных стратегических вопросов.

Рынки труда стран ЕС серьезно пострадали из-за кризиса, однако сокращение занятости не было таким значительным как сокращение деловой активности, в силу разумного применения таких мер как сокращенный рабочий день или неделя. Власти Союза предпринимают попытки найти действенные инструменты обеспечения равенства шансов в трудовой сфере, доступа к кредитному финансированию (уделяя при этом особое внимание молодежному сегменту рабочей силы), социальным пособиям и пенсиям, равным возможностям в сфере образования и здравоохранения, с тем, чтобы помочь людям выйти из бедности, повысить жизненные стандарты.

В январе 2014 г. начал свою работу созданный по инициативе ЕК Европейский фонд помощи наиболее нуждающимся людям с бюджетом в размере 3,8 млрд евро (на 2014–2020 гг.). Через Фонд Евросоюз будет поддерживать программы государств-членов, на основании которых самые обездоленные граждане будут получать продовольствие и товары первой необходимости. Страны самостоятельно разрабатывают и осуществляют свои программы по борьбе с бедностью и социальной исключенностью и ходатайствуют о получении финансирования, на условиях, что 85% средств будет предоставлено из Фонда, 15% придется заплатить из собственных средств. Первая такая программа была разработана Францией (на сумму 499 млн евро) и одобрена ЕК 31 июля¹⁸.

Здесь же необходимо упомянуть еще о нескольких не безынтересных проектах, дающих ощутимый положительный социальный эффект и доказывающих силу европейской социальной модели. Ежегодно осенью в Европе проводится акция «Европейские дни трудоустройства», мероприятия которой обеспечивают прямые контакты работников и работодателей различных стран ЕС и пропагандируют преимущества трудовой мобильности. В ЕС еще до кризиса были предусмотрены достаточно развитые механизмы оказания государственной помощи промышленности и сельскому хозяйству на страновом, региональном и наднациональном уровнях. С 2007 г. начал работу Европейский фонд адаптации к глобализационным вызовам, созданный для помощи работникам европейской промышленности, сокращенным в результате глобализации, впоследствии превращенный в один из основных инструментов борьбы с негативными социальными издержками кризиса. Всего с начала своей деятельности Фонд оказал поддержку 111 тыс. работников, одобрив 128 заявки и выплатив в общей сложности 523 млн евро¹⁹. В планах Фонда на будущее — расширение поддержки на такие категории трудящихся как работающие не по найму и временные занятые. Комиссия предполагает также реагировать на крупномасштабные увольнения, вызванные непредвиденными кризисами и отрицательные эффекты торговых соглашений в сельскохозяйственном секторе.

В 2010 г. по инициативе ЕК был запущен проект по микрофинансированию. Микрокредит в ЕС означает заем в пределах 25 тыс. евро,

¹⁸ Commission adopts French programme to use €499 million from Fund for European Aid to the Most Deprived / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-895_en.htm).

¹⁹ Employment: Commission proposes one million euros from Globalisation Fund to help redundant workers in the metal sector in Spain / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-918_en.htm).

предназначенный для микропредприятий и для безработных, не имеющих доступа к традиционным банковским услугам. Характерной особенностью этой практики является отсутствие жестких требований к получателю, а одним из главных социально-экономических преимуществ — возможность открыть собственное дело, стать активным участником рынка труда, повысить не только свой доход, но и благосостояние наемных работников. В рамках проекта 20 финансовых доноров получили соответствующие гарантии (на сумму 170 млн евро) для предоставления средств потенциальным микропредпринимателям в 14 странах ЕС. До 2019 г. ссуды общим объемом 500 млн евро будут выданы 46 тыс. заемщикам. Управляет процессом выдачи кредитов от имени ЕК и Европейского инвестиционного банка Европейский Инвестиционный Фонд, выбирая микрокредитные организации (частные или общественные банки или небанковские финансовые учреждения, работающие на национальных, региональных или местных уровнях²⁰).

Проблемы с занятостью населения, обострившиеся в период кризиса, транслируются в рост бедности. Во многих странах (особенно в Греции и Ирландии) наблюдается ухудшение финансового положения домашних хозяйств на фоне улучшения этого показателя в странах Северной Европы, Германии, Бельгии, Словении и во Франции; долговременная безработица выросла в большинстве стран Союза.

Чтобы сделать европейский рынок труда более открытым и эффективным в соответствии с разработанным пакетом мер по расширению занятости, ЕК предпринимает шаги по последовательному усовершенствованию работы EURES: происходит упрощение доступа к ресурсам по трудоустройству (вакансиям и базе данных работодателей), в том числе в режиме реального времени. У портала появятся новые инновационные характеристики, такие как электронные инструменты самообслуживания, регулярные ярмарки вакансий и социальные платформы СМИ, визуальная географическая картография. Современные возможности ИТ-занятости предполагают гибкость в выборе времени и места работы, способны в особенности помочь в трудоустройстве молодежи, женщин, инвалидов и других уязвимых групп населения.

На протяжении последних лет в Евросоюзе увеличилась степень неравенства, она наиболее высока в Великобритании, Италии, Португалии. Неравенство усиливается даже в европейских странах с высококоразвитой моделью социальной защиты, таких как Дания, Германия и Швеция. Размеры и динамика заработной платы влияют на перспек-

²⁰ Job creation: Progress Microfinance proves success as tool for micro-entrepreneur start-ups / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-12-796_en.htm).

тивы восстановления европейской экономики, играя существенную роль в повышении конкурентоспособности и формировании совокупного спроса, а также в сокращении бедности. С 2008 г. в ЕС было потеряно 6 млн и создано только 1,5 млн рабочих мест. Чтобы достичь целей, поставленных Стратегией «Европа 2020», необходимо создать 17,6 млн новых рабочих мест²¹. ЕК предлагает три среднесрочных стратегии оптимального восстановления рынка труда, поддерживающих и спрос, и предложение и дополняющих усилия отдельных стран по решению данной проблемы. Создание рабочих мест является однозначным приоритетом на фоне структурных изменений в экономике, таких как старение населения и технологические изменения. Наибольшее количество новых рабочих мест предполагается создать в сфере «зеленой» экономики, здравоохранении и информационно-коммуникационных технологиях (в целом, экологически ориентированная экономика позволяет создать до 2020 г. порядка 20 млн рабочих мест²²). Здравоохранение — один из крупных секторов европейской экономики, занятость в котором продолжает расти, к 2020 г. в Евросоюзе будет ощущаться дефицит медиков (2 млн). Спрос на ИТ-профессионалов также будет расти быстрее предложения, и к 2015 г. ожидается нехватка 700 тыс. специалистов. Чтобы вернуть европейскому рынку труда докризисную динамику и превзойти ее, увеличить конкурентоспособность экономики Союза, особое внимание предполагается уделять установлению минимальной заработной платы, трудоустройству молодежи и долгосрочных безработных, поддержке социальных предприятий и самозанятости, борьбе с нелегальным трудом, активному использованию принципа гибкой защищенности.

* * *

Среди стратегических задач и приоритетов ЕС в XXI в. — обеспечение безопасного и сбалансированного экономического развития, адекватное реагирование на проблемы глобализации²³. Большинство исследователей относят рост бедности к основным социальным рискам, порождаемым глобализацией; неравенство в получении доходов и важнейших социальных благ играет все возрастающую роль в си-

²¹ Q & A on the new Employment package: Towards a job-rich recovery / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-252_en.htm).

²² Employment: Commission outlines measures to maximise job opportunities in the green economy / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_IP-14-765_en.htm).

²³ Фонтэн П. Европа в 12 уроках / European Union (http://eeas.europa.eu/delegations/russia/documents/publications/europe_12_lessons_ru.pdf/).

стеме вызовов безопасности нынешнего столетия. Расходы на социальную защиту населения составляют почти треть ВВП ЕС, и без этих трансфертов уровень бедности был бы значительно выше, чем нынешний. Так, 1% ВВП, потраченный на социальные пособия, уменьшает риск бедности на 6%²⁴ — эти цифры отражают эффективность расходов на социальные нужды.

Экономика будущего потребует новых навыков и знаний, а значит и нового уровня обучения и переквалификации рабочей силы; переход на использование возобновляемых энергетических ресурсов, режим энергосбережения и энергоэффективности окажет значительное влияние на занятость и профессиональное обучение. Сохранять равные возможности для всех при этом будет нелегко в силу высоких уровней безработицы среди молодежи, а также угрожающих тенденций роста количества молодых людей вне занятости, образования или обучения.

Для всех уровней власти в ЕС сегодня очевидна необходимость активизации усилий для обеспечения равенства возможностей для этнических, социальных и возрастных групп европейского общества в течение всей жизни. С этой целью в феврале 2013 г. ЕК представила Социальный инвестиционный пакет²⁵ — новую повестку дня для социальной политики, помощи государствам-членам в осуществлении структурных реформ, инвестирования в человеческий капитал, в эффективность социальной защиты, медицинского обслуживания, гендерного равенства.

Для разрешения социальных проблем в области занятости, построения справедливого и конкурентоспособного общества необходимы слаженные действия национальных правительств, институтов ЕС и социальных партнеров, использование потенциала растущих секторов экономики, оптимизация трудового законодательства и налогообложения. Это поможет предотвратить негативную трансформацию европейской социальной модели.

²⁴ Employment and Social Situation Quarterly Review: The number of jobless rises and social concerns persist / European Union (http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-12-230_en.htm).

²⁵ Social investment package / European Commission (<http://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1044&langId=en>).

Глава 18

ЕВРОПА И ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА

В последние 50 лет продовольственные проблемы приобрели особую актуальность в масштабах каждого отдельного государства, континентов и всего мира. Интеграция разных стран в агропродовольственной сфере (АПС) и глобализация продуктовых рынков открыли возможности решения ряда острых проблем и способствовали повышению уровня продовольственной безопасности.

Тем не менее из 7-миллиардного населения Земли около 1 млрд (или 14%) страдают от хронического голода — самой тяжелой из всех продовольственных проблем. К этому добавляются еще около 1,5 млрд чел. с проблемами неполноценного питания. По данным ФАО, ежегодно от голода умирают 20 млн жителей планеты.

Кроме того, в разных регионах часто возникают перебои с продовольственным снабжением по причинам природных катаклизмов или рукотворных бедствий техногенного, военного, террористического и случайного характера.

Под эгидой ООН, при участии ФАО и многих других организаций действует система международной продовольственной помощи, которая облегчает положение голодающих или попавших в беду из-за сбоя в продовольственном снабжении. Однако это не гарантирует продовольственного благополучия всего населения.

Методологической основой исследования проблем мировой продовольственной безопасности является концепция многофункциональности сельского хозяйства и всей агропродовольственной сферы. Она включает в себя исследование шести взаимосвязанных функций: экономической, социальной, экологической, инновационной, информационной и институциональной¹.

¹ Крылатых Э.Н. Многофункциональность агропродовольственной сферы: методология исследований для разработки стратегии развития. М.: Энциклопедия российских деревень, 2012.

Многофункциональный подход к исследованию проблем продовольствия учитывает неизбежное изменение климата Земли, воздействие природных процессов, обостряющих проблемы количества и качества продуктов питания, а также истощение природных ресурсов, используемых для сельскохозяйственного производства, прежде всего пахотных угодий и пресной воды. Возникают угрозы и для агроэкологии: происходит загрязнение почвы, утрата агроландшафтов, снижаются уровни природного разнообразия, опасными становятся масштабы потерь от вредителей и болезней.

При решении продовольственных проблем особенно важны *экономическая* и *социальная* функции АПС: ведь доступность продовольствия определяется доходами, которые формируют качество жизни населения. *Инновационная* функция находит выражение в новых технологиях производства продовольствия. Грамотная реализация *институциональной* и *информационной* функций позволяет легче решать проблемы продовольственного дефицита, а также транспортировки и хранения продукции, прямо отражающиеся на рыночном предложении производителей и платежеспособном спросе потребителей.

Обладая хорошим природным потенциалом для сельского хозяйства, Россия опасно отстает в сфере новых технологий, в инвестиционной деятельности, в социальном развитии сельских территорий, в агроэкологии и др. В результате наша страна проигрывает в конкурентной борьбе на агропродовольственных рынках мира. Став членом ВТО, она должна подчиниться правилам этой организации и взятым обязательствам по либерализации национального рынка. Если в ближайшие 5–7 лет не будет преодолено отставание в конкурентоспособности АПС, то импортная зависимость России возрастет, а продовольственная безопасность снизится до опасного уровня.

Риски такого рода можно уменьшить и даже свести на нет при условии взаимовыгодной интеграции с европейскими структурами и, прежде всего, с Евросоюзом. Стержнем такой интеграции могли бы стать: технологическая модернизация производства, в том числе с привлечением прямых иностранных инвестиций; развитие инфраструктуры продовольственного рынка; проведение совместных научных исследований фундаментального и прикладного характера для АПС; развитие современного сельскохозяйственного образования.

В этой связи полезно подробнее ознакомиться с позитивным опытом, накопленным в сельскохозяйственной сфере стран Евросоюза. Для его институционально-структурной характеристики в дальнейшем нами используется подход, реализованный в коллективной монографии «Россия в многообразии цивилизаций» профессором

В.М. Кудровым². Он рассматривает экономику Европы, опираясь на показатели 19 стран, которые распределены по трем группам.

Группа А. Восемь государств Западной Европы: Германия, Франция, Италия, Великобритания, Испания, Нидерланды, Швеция, Финляндия.

Группа В. Семь государств Центрально-Восточной Европы: Польша, Чехия, Венгрия, Румыния, Болгария, Словакия, Словения.

Группа С. Четыре государства постсоветской Европы: Россия, Украина, Беларусь, Молдова.

Перечисленные 19 стран определяют производство более 90% конечной продовольственной продукции Европы. Существенным является и то, что страны первых двух групп интегрированы в Евросоюз.

Сравнивая ситуацию в указанных группах стран, попытаемся выявить действительное содержание аграрных и продовольственных проблем Европы, достоинства и недостатки Единой аграрной политики (ЕАП) Евросоюза и аграрной политики России, проводимой на протяжении истекших двух десятилетий, а также возможности и препятствия на пути эффективной интеграции АПС европейских государств в интересах национальной, региональной и глобальной продовольственной безопасности.

Проблемы продовольственной безопасности

Продовольственная безопасность — важнейшая качественная характеристика социально-экономической системы любой страны и мира в целом, неотъемлемая составная часть национальной и международной безопасности. Этот термин был введен в международную практику после сильнейшего зернового кризиса 1972–1973 гг. экспертами ФАО. Он предполагает гарантию обеспечения доступа всех жителей и в любое время к продовольствию в количестве, необходимом для активной и здоровой жизни.

Глобализация экономики с неизбежностью вывела проблему продовольственной безопасности в разряд наиболее актуальных и неотложных проблем человечества. За истекшие два десятилетия начали формироваться институциональные основы международной системы продовольственной безопасности.

² Кудров В.М. Экономика Европы в международных сопоставлениях // Россия в многообразии цивилизаций / Институт Европы РАН. М.: Весь Мир, 2011. С. 248–257.

В 1996 г. главы государств и правительств, представленных в ООН, приняли «Римскую декларацию о всемирной продовольственной безопасности» и «План действий Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам продовольствия». В Декларации заявлено об обязанности любого государства обеспечивать «право каждого человека на доступ к безопасным для здоровья и полноценным продуктам питания в соответствии с правом на адекватное питание и основным правом каждого на свободу от голода».

В этом документе впервые дана развернутая трактовка сущности продовольственной безопасности (ПБ) и признаков ее обеспечения отдельными государствами и регионами мира.

Основными составляющими продовольственной безопасности в соответствии с Римской декларацией являются:

- физическая доступность достаточной в количественном отношении, безопасной и питательной пищи;
- экономическая (ценовая) доступность продовольствия должного объема и качества для всех социальных групп населения;
- автономность и экономическая самостоятельность национальной продовольственной системы (продовольственная независимость);
- надежность, т.е. способность национальной продовольственной системы минимизировать влияние сезонных, погодных и иных колебаний на снабжение продовольствием населения всех регионов страны;
- устойчивость, означающая, что национальная продовольственная система развивается и будет развиваться в режиме расширенного воспроизводства.

Первые два положения относятся ко всем социальным группам — потребителям продовольствия: они должны иметь физический и экономический доступ к продовольствию достаточного объема, хорошего качества и безопасности потребления. Последующие три положения характеризуют продовольственную систему, которая должна быть автономной, экономически состоятельной, надежной и устойчивой.

Сказанное относится ко всем стадиям производства — от сырья до готовой продукции. Иными словами, формируется цепочка доведения продукции до конечного потребителя, накопления запасов и резервов продукции. Кроме того, предусматривается создание нормальных социальных условий развития села, занятости и доходов сельского населения, улучшение экологической обстановки на селе, сохранение и повышение почвенного плодородия, обеспечение нормального водоснабжения сельских территорий.

Этот подход может служить ориентиром при исследовании достижений, проблем и угроз в области продовольственного обеспечения на европейском континенте и поддержания продовольственной безопасности в отдельных государствах.

В России в 2010 г. принята «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации». В ней содержится следующее определение ПБ: «...Состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного, здорового образа жизни»³.

Отметим два отличия трактовки ПБ в российском документе, по сравнению с Римской декларацией. Российский вариант увязывает гарантию качества продукции с техническими регламентами, а необходимый уровень душевого потребления — с рациональными нормами потребления по основным видам продовольствия.

Проблемы ПБ делают необходимым ее количественное и качественное измерение. В связи с этим в разных странах появились методики ее рейтинговых оценок. Наибольший интерес представляет методика расчета Индекса глобальной продовольственной безопасности (ИГПБ), разработанная Группой по сбору данных британского журнала *Economist* при финансовой поддержке компании *DuPont*. Эта методика предусматривает вычисление национальных индексов продовольственной безопасности для стран мира и составление рейтинга стран по ИГПБ⁴.

Национальный индекс каждой страны представляет собой интегральную оценку на основе 25 индикаторов, отражающих социально-экономическую ситуацию данной страны, и основан на трех главных критериях:

- 1) ценовой доступности продовольствия;
- 2) его физической доступности;
- 3) качестве продуктов питания.

Ценовая доступность определяется покупательной способностью потребителей, их уязвимостью по отношению к ценовым шокам и на-

³ Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации (<http://www.rg.ru/2010/02/03/prod-dok.html>).

⁴ EIU.Global Food Security Index 2012 <http://www.multivu.com>.

личием программ и политики поддержки потребителей. Перечислим индикаторы, формирующие данный показатель:

- доля потребления продуктов питания в расходах домашних хозяйств (измеряется средним процентом расходов домашних хозяйств на продукты питания);
- доля населения, находящегося за международной чертой бедности (живущего менее чем на 2 долл. США в день);
- валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в долл. США по паритету покупательной способности (ППС); характеризует размер индивидуального дохода и экономическую доступность пищевых продуктов;
- сельскохозяйственные тарифы на импорт (исчисляются как средняя величина тарифов режима наибольшего благоприятствования для сельскохозяйственной продукции);
- доступ к финансированию для фермеров (оценивается в зависимости от степени доступности для них финансовых ресурсов, поступающих от государства и частных источников);
- наличие продовольственных программ социальной защиты (оценивается в зависимости от масштабов и эффективности общественных инициатив, направленных на защиту бедных слоев населения от последствий продовольственных кризисов, с учетом количества продуктов питания распределяемых в рамках программ социальной защиты и других аналогичных мер).

Физическая доступность продовольствия оценивается в зависимости от степени достаточности продовольственного снабжения, наличия рисков при перебоях с поставками, потенциала средств распространения продовольствия и интенсивности научно-исследовательских работ в сфере сельскохозяйственного производства.

Используемые индикаторы:

- достаточность продуктов питания (определяется степенью доступности продовольствия (ккал/чел/сутки), а также зависимостью от регулярной продовольственной помощи);
- государственные расходы на НИОКР в области сельского хозяйства (в процентах к ВВП);
- наличие сельскохозяйственной инфраструктуры, определяющей способность хранения и транспортировки на рынок сельскохозяйственной продукции (вспомогательным показателем в данной связи служит наличие или отсутствие соответствующих инфраструктур, складских помещений, степень и качество дорожной сети, а также инфраструктуры портов);

- волатильность (неустойчивость) сельскохозяйственного производства, измеряемое как стандартное отклонение годового роста сельскохозяйственного производства за 1990–2010 гг.;
- риск политической нестабильности, которая рассматривается как возможная причина нарушения продовольственного снабжения (например, транспортной блокировки или невыполнения обязательств по продовольственной помощи).

Качество продовольствия оценивается в зависимости от разнообразия и питательности среднего рациона, а также безопасности продуктов питания. Безопасность продовольствия определяется в зависимости от наличия (или отсутствия) мер по исключению продуктов питания, вредных для здоровья потребителей. В качестве вспомогательных показателей используются наличие соответствующих контрольных структур и доступность чистой питьевой воды.

В результате обработки исходных показателей, перечисленных выше, были рассчитаны индексы ПБ (в диапазоне от 1 до 100) по каждой из 105 стран, включенных в проект. Каждой из них был присвоен рейтинг в зависимости от занимаемого места в порядке убывания индекса.

В том, что касается Европы, были получены следующие данные.

В целом, по критериям продовольственного обеспечения и продовольственной безопасности (ПБ) ситуация в большинстве европейских стран выглядит намного благополучнее, чем в других регионах мира. Вместе с тем разрыв между ними тоже весьма значителен.

Исследование выявило несколько эшелонов европейских стран, отличающихся друг от друга. Первый: Дания (2 место), Норвегия (3), Франция (4), Нидерланды (5), Австрия (6), Швейцария (7), Финляндия (9), Германия (10). Второй: Бельгия (12 место), Испания (13), Португалия (15), Швеция (17), Греция (18), Италия (19), Великобритания (20). Третий: Чешская Республика (23 место), Польша (24), Венгрия (25), Словакия (27), Российская Федерация (29). Четвертый: Сербия (37 место), Румыния (38). Пятый: Белоруссия (43 место), Украина (44), Болгария (46).

Данные, приведенные выше, получены на основании индекса ПБ по состоянию на 2012 г. К сожалению, в рейтинге продовольственной безопасности 2014 г. Россия опустилась с 29 на 40-е место⁵. Очевидно, что это следует рассматривать как свидетельство того, что ей предстоит еще многое сделать для обеспечения собственной продовольственной

⁵ EIU Global Food Security Index 2014 (<http://www.multivu.com>).

безопасности, что становится остро актуальным в контексте принятых Российской Федерацией в 2014 г. санкций против ряда стран — экспортеров продовольствия.

Критерии обеспечения ПБ тесно увязаны с показателями удельного веса отечественной продукции в общем объеме товарных ресурсов внутреннего рынка. Весьма существенный показатель питания населения и продовольственной безопасности страны — уровень суточного потребления продовольствия на 1 чел. (ккал). Значимым индикатором выступает структура питания по соотношению основных видов продовольствия в потреблении групп населения с различными уровнями доходов. Важнейшие характеристики ПБ — оценки качества и доступности продуктов питания, степень их дифференциации по регионам и странам. Другой важный индикатор ПБ государств Европы — среднедушевое потребление основных продуктов питания (см. таблицу 18.1).

Наибольшее отставание по уровню потребления в России от среднего в пяти государствах ЕС отмечено по следующим продуктам: фрукты (50%), молоко (78%), мясо (82%). Наибольшее превышение российского уровня — по потреблению: картофеля (167%), хлеба (138%), сахара (120%) По остальным видам продукции — рыба, растительное масло, овощи — эти уровни почти одинаковы.

О возможностях продовольственного обеспечения можно судить и по показателям урожайности в растениеводстве и продуктивности в животноводстве. В таблице 18.2 приведены данные по шести странам, вошедшим в группу А, и по России.

Уровень урожайности зерновых в России в 2009 г. составлял по отношению к западноевропейским уровням: по зерновым — 34%, картофелю — 38%, сахарной свекле — 49%. Иными словами, эффективность растениеводства в России в 2–3 раза ниже европейской, что прямо влияет на уровень продовольственного потребления населения и кормообеспечения животноводства.

Урожайность зерновых в государствах ЕС, особенно в Бельгии, Германии и во Франции, достигает биологических пределов для используемых сортов. Надо, однако, отметить, что между странами Евросоюза есть существенные различия в продуктивности растениеводства, например, между Бельгией и Финляндией, природные условия которых схожи. В Бельгии урожайность зерновых выше в 2,6 раза, сахарной свеклы — в 2,2 раза, картофеля — 1,6 раза. Урожайность сахарной свеклы во Франции в 1,7 раза выше, чем в Италии. Можно предположить, что это — следствие различий в технологии и формах ведения хозяйства.

Приходится отметить, что за 22 года реформирования сельского хозяйства в России производство основных видов продукции живот-

Таблица 18.1

**Потребление продуктов питания в России и в государствах Европы,
в кг на душу населения***

	Россия	Германия	Франция	Великобритания	Италия	Финляндия	В среднем по пяти европейским странам
Мясо	72	88	96	86	92	73	87
Молоко	247	442	260	241	256	410	322
Рыба	17	16	35	20	24	17	22
Сахар	41	35	32	36	32	33	34
Растительное масло	14	16	19	18	28	11	18
Овощи	110	96	98	92	152	79	103
Фрукты	62	123	120	131	152	95	124
Картофель	115	70	65	107	45	58	69
Хлеб	119	93	–	–	–	80	86

Источники: Информационные ресурсы ФАО (www.fao.org), ОЭСР (www.oecd.org). Сведения о России составлены по данным Росстата (www.gks.ru).

Примечание: *По России предварительные данные за 2012 г., по остальным государствам – за 2010 г.

Таблица 18.2

**Урожайность сельскохозяйственных культур в государствах Европы,
в ц/га**

	Год	Россия	Германия	Италия	Франция	Великобритания	Бельгия	Финляндия	В среднем по шести европейским странам
Зерновые, зернобобовые	2000	15,6	63,8	49,3	71,0	69,7	80,0	4,9	61,4
	2009	22,7	71,5	49,5	73,9	68,5	96,2	37,6	66,2
Картофель	2000	105	450	251	396	400	444	244	384
	2009	143	441	248	438	414	447	286	379
Сахарная свекла	2000	188	617	442	759	525	677	325	557
	2009	323	676	546	937	595	827	378	660

Источники: Информационные ресурсы ФАО (www.fao.org), Росстата (www.gks.ru).

новодства не достигло даже уровня 1990 г., составив в 2012 г. к объемам 1990 г. по мясу (в живом весе) 74%, молоку — 57%, яйцам — 88%, шерсти — 23%. Столь значительное падение производства может быть преодолено только при существенном изменении его технологии и организации.

Достижение ПБ сопряжено с преодолением рисков и угроз различного характера. Наиболее вероятными и опасными следует признать природные, погодные и техногенные, а также экономические, производственные и инновационные риски. Сильное воздействие оказывают макроэкономические риски, в том числе связанные с конъюнктурой мирового рынка, а также политические риски национального и мирового масштаба. Угрозы ПБ России сопряжены также с низким уровнем доходов значительной части населения, неразвитостью инфраструктуры, износом основных производственных фондов, дефицитом кадров в сельском хозяйстве, неэффективной системой управления⁶.

Один из основных критериев продовольственной безопасности — уровень самообеспечения продуктами питания, не зависящий от внешних и внутренних угроз. Их объем, качество и ассортимент должны быть достаточными и обеспечивать здоровье и расширенное воспроизводство населения. Как правило, каждая страна стремится достичь максимально возможного уровня такой самообеспеченности, зачастую всемерно развивая даже крайне затратные в существующих природно-климатических условиях отрасли сельского хозяйства.

Для уровня самообеспечения, сложившегося в России, характерна острая мясная проблема. В стране производится всего 73% всех потребляемых мясopодуlктов (см. таблицу 18.3).

Если личное потребление не обеспечено собственным производством, это вынуждает импортировать большие объемы соответствующих продуктов. Импорт свежего и мороженого мяса составил, по предварительным данным на 2012 г., 1380 тыс. тонн и мяса птицы — 555 тыс. тонн, т.е. суммарно 1935 тыс. тонн. Этот объем, скорее всего, будет возрастать в ближайшие годы при переходе на режимы ВТО.

Несколько благополучнее положение с зерном и сахаром. Тем не менее суммарный импорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья составлял в 2000 г. 7,4 млрд, а в 2013 г. — 44 млрд долл. США (рост в 6 раз). Это со всей очевидностью демонстрирует снижение продовольственной независимости России.

⁶ Сельское хозяйство России на перепутье // Экономика сельского хозяйства России. 2010. № 8. С. 84–85.

Таблица 18.3

Самообеспечение* России основными видами продовольствия, в %

Показатели	2009	2010	2011
Зерно	134,8	93,3	131,6
Сахар	95,6	85,3	127,1
Молоко	82,9	80,5	80,2
Мясо	70,6	72,2	72,8
<i>в том числе</i>			
говядина	69,6	69,6	69,8
свинина	76,4	77,7	76,6
птица	74,1	81,3	88,1

Источники: Данные Росстата (www/gks.ru).

Примечание: *Отечественное производство / личное потребление.

Согласно методике ФАО уровень международной продовольственной безопасности оценивается также по следующим показателям: объему переходящих до следующего урожая запасов зерна и величине его производства на душу населения. Первый критерий, как правило, определяется в процентах от годового потребления. Безопасным признается уровень переходящих запасов, равный 60 дням мирового потребления зерна, или 17% его годовой потребности. Сокращение запасов ниже этого уровня рассматривается как свидетельство неустойчивости мировой продовольственной системы. Как правило, оно сопровождается существенным ростом цен на зерно и другие продукты питания. Второй критерий — уровень и динамика среднечеловеческого производства зерна — позволяет оценить перспективы развития продовольственной ситуации в мире в целом, а также в отдельных регионах и странах.

В группе «А» государств Европы эти нормативы в основном соблюдаются. Однако для всего мирового сообщества необходимы выработка и реализация согласованных решений по совместному регулированию продовольственных потоков и запасов, оказанию помощи наиболее нуждающимся странам и поддержанию на этой основе глобальной продовольственной безопасности. Между тем формирование мировых продовольственных ресурсов в последние годы осуществляется в условиях растущей международной нестабильности. Это побуждает правительства самодостаточных в продовольственном отношении государств Европы осуществлять дополнительные протекционистские

меры для поддержания конкурентоспособности отечественных производителей, а международные организации — более ответственно подходить к созданию мировых резервов продовольствия и управлению ими.

В развитых странах могла бы быть с успехом востребована экологически чистая продукция из России при условии дальнейшего роста ее конкурентоспособности, включая прохождение в полном объеме установленного порядка сертификации и контроля со стороны основных импортеров в первую очередь из ЕС.

Большинство аграрников — исследователей продовольственной безопасности признает необходимость выработки глобальной стратегии инновационного развития всех составляющих продовольственной системы. В этом сложном процессе европейские страны вместе с США, Японией, Китаем и другими государствами могут сыграть лидирующую роль.

Ключевыми тенденциями в российской экономической жизни последних лет являются интенсификация интеграционных процессов, начало реального функционирования Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России, формирование Единого экономического пространства на постсоветской территории. Все это отразилось на развитии АПС.

После присоединения России к ВТО многократно возрастает роль государственной поддержки сельского хозяйства в целях сохранения и укрепления ее конкурентоспособности как на внутреннем, так и на мировом продовольственных рынках. При этом все большее практическое значение приобретают повышение эффективности такой поддержки, а также обеспечение эквивалентности межотраслевого обмена и ценового паритета на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. В ходе переговоров по вступлению в ВТО Россия дала согласие на снижение средней ставки импортных пошлин на сельхозпродукцию с 13,2 до 10,8%. Ставки по продуктам будут составлять: 14,9% на молочные продукты против прежних 19,8%, 10% на зерно против 15,1%, 7,1% на масла и жиры против 9,0%. Заметное снижение импортных пошлин произойдет и на мясную продукцию.

Уровень государственной поддержки («желтая корзина») на 2013 г. определен в объеме 9 млрд долл. США, при последующем сокращении до 4,4 млрд долл. США к 2018 г. Все это вызовет дополнительные трудности в обеспечении продовольственной безопасности страны. К их решению необходимо своевременно подготовиться, оставаясь при этом в рамках достигнутых договоренностей, существующих норм и правил ВТО.

Развитие Единой аграрной политики Евросоюза

В качестве важнейшего интеграционного мероприятия Европейского экономического сообщества (предшественника Евросоюза) с начала его создания была определена необходимость проведения Единой аграрной политики (ЕАП). В 39-й статье Римского договора, в частности, сформулированы следующие основные цели:

- увеличивать производительность сельского хозяйства путем содействия техническому прогрессу и обеспечения рационального развития сельскохозяйственного производства, а также оптимального использования производственных факторов, особенно труда;
- обеспечить достаточно высокий уровень жизни сельского населения, в частности, путем увеличения индивидуальных доходов лиц, занятых в сельском хозяйстве;
- поддерживать стабильность сельскохозяйственных рынков;
- обеспечивать возможности для роста предложения сельскохозяйственной продукции;
- содействовать тому, чтобы сельскохозяйственная продукция продавалась потребителям по доступным ценам.

Эти целевые ориентиры определяли содержание и механизмы Единой аграрной политики на протяжении 56 лет. Вместе с тем, по мере решения продовольственных проблем, развития аграрного сектора, особенно его технологической основы, и роста благосостояния сельского населения в систему ЕАП были включены новые инструменты воздействия на агропродовольственную сферу. Особенно заметными стали: совершенствование мер поддержки сельского хозяйства, ориентация на устойчивое развитие сельских территорий, экологизацию производства и проведение природоохранных мероприятий.

Особый интерес в этой связи представляет трансформация ЕАП во времени и пространстве, а также влияние агропродовольственной сферы ЕС на продовольственную безопасность Европы и мира. Аграрный сектор ЕС объединяет около 14 млн фермерских хозяйств. Они производят продукцию, составляющую в денежном эквиваленте около 340 млрд евро, что немало, хотя и образует лишь 4% ВВП. Преобладают в этом массиве небольшие фермы. Их средние размеры не превышают 13 га сельхозугодий. Финансовый кризис сильно ударил по экономике ЕС, в том числе и по сельскому хозяйству. Сельская безработица выросла на 12%. Сократились фермерские доходы. Продовольственный импорт су-

щественно увеличился, достигнув 66 млрд долл. США. Правда, ЕС остается крупнейшим экспортером продовольствия, обеспечивая около 17% его мирового объема; 67% этого экспорта приходится на продукцию с высоким уровнем переработки. Доля расходов на проведение Единой сельскохозяйственной политики несколько снижалась в процентном отношении к бюджету ЕС: с 75% в 1985 г. до 50% к концу первого десятилетия XXI в. После 2013 г. она должна сократиться до 39%.

Агропродовольственная сфера ЕС завершает 50-летний относительно благополучный цикл своего развития, который характеризовался переходом от четвертого к пятому технологическому укладу. Тем не менее, добившись впечатляющих результатов, сельское хозяйство ЕС оказалось в тисках как финансового кризиса, так и растущей социально-политической нестабильности. ЕС вынужден менять принципы и размеры поддержки фермерских хозяйств. А это, в свою очередь, порождает протестные настроения в фермерском сообществе и снижает продовольственную безопасность стран Союза. Обеспокоенность сложившимся положением дел привела к активизации работы над очередной стадией аграрной реформации.

Началом межгосударственного регулирования аграрного сектора ЕЭС можно считать «План Мансхолта», или «Меморандум о реформе сельского хозяйства», который в 1968 г. был принят комиссией ЕЭС. Одной из причин этой попытки реформирования стал существенный дисбаланс между сельскохозяйственным сырьем и продовольственной продукцией, а также малопривлекательное общее состояние производственных и сбытовых организаций отрасли. Сначала дело шло «ни шатко ни валко». Только четыре года спустя, в 1972 г. Совет Министров ЕЭС принял три предложения Комиссии: выплачивать субсидии перспективным фермерам для капитальных вложений в развитие своего производства; оказать поддержку обучению и повышению квалификации фермеров; осуществлять ежегодные или единовременные выплаты пожилым и молодым фермерам.

Это решение положило начало первому этапу Единой аграрной политики (1972–1986), нацеленному на решение трех основных задач: регулирование внутреннего продовольственного рынка и внешней торговли; поддержка производства сельскохозяйственной продукции и фермерских доходов; обеспечение технического прогресса и повышения производительности труда в аграрном секторе. Для решения этих задач была применена система методов. В их числе: поддержка внутренних цен; субсидирование экспорта; повышение доходов населения; субсидирование хранения излишков сельскохозяйственного сырья и продовольствия.

Результаты этого этапа ЕЭП были неоднозначными. Бесспорными достижениями стали: технологический прогресс сельского хозяйства и превращение ЕЭС в нетто-экспортера на мировом рынке сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Существенно повысилась производительность труда, возросли доходы фермеров. Однако мелкие фермы оставались неконкурентоспособными. Не оправдалась надежда на то, что доходы от повышения импортных пошлин покроют затраты бюджета на экспортные субсидии. Оказались необходимыми значительные расходы по хранению возросших объемов производимой продукции сельского хозяйства. Соответственно, становилась непосильной для ЕЭС возросшая нагрузка на бюджет. Отток сельского населения в города, хотя немного снизился, но все равно оставался большим (28% за 1972–1982 гг.). Сохранялась значительная дифференциация уровней жизни сельского населения по регионам каждой страны и между странами.

Все это сделало необходимой существенную корректировку аграрной политики и методов ее осуществления. Аграрная политика ЕС, проводимая на протяжении ее второго этапа (1980-е гг.), отличалась рядом новаций. Было, в частности, принято решение о «замораживании» рыночных цен и о введении квот на производство некоторых видов продукции (например, молока). С 1988 г. было введено правило, предусматривавшее снижение цен и субсидий в тех случаях, когда производство какой-либо продукции превышало максимально допустимое количество (создание так называемых «стабилизаторов»). Было также предусмотрено стимулирование сокращения площади посева некоторых культур и добровольного вывода из оборота части сельскохозяйственных угодий. Фермеры, не использовавшие на протяжении пяти лет 20% пашни, получали компенсацию за утрату расчетной прибыли.

Затем наступил третий этап. Четыре года спустя, в 1992 г. Совет Министров ЕС принял «План Макшерри», в котором определялась возможность снижения цен на некоторые виды продукции, с компенсационными выплатами производителям, выведившим из оборота соответствующие пахотные участки. О масштабах соответствующих затрат свидетельствуют данные таблицы 18.4.

Анализ данных таблицы позволяет выявить основные структурные изменения финансирования ЕАП за рассмотренные три года реформ. Наибольшие перемены произошли в регулировании зернового и масличного сегмента рынка. Компенсационные пособия в 1994 г. возросли в 4,9 раза по сравнению с 1992 г. Платежи за сокращение посевных площадей увеличились в 5,8 раза при снижении поддержки на внутреннем рынке в 7 раз, а экспортных субсидий — в 1,7 раза. Это означало перенос расходов с регулирования рынка на регулирование

Таблица 18.4

**Расходы ЕАП Евросоюза по основным видам продукции в 1992–1994 гг.,
в млн экю**

Виды продукции	1992	1993	1994
Зерновые и масличные, <i>всего</i>	10356	10210	13435
<i>в том числе:</i>			
компенсационные пособия	1864	3354	9219
платежи за сокращение посевных площадей	286	430	1673
поддержка на внутреннем рынке	5066	3461	711
экспортные субсидии	3140	2965	1832
Сахар, <i>всего</i>	1937	2091	2099
<i>в том числе:</i>			
поддержка на внутреннем рынке	632	708	700
экспортные субсидии	1305	1383	1399
Молоко и молочные продукты, <i>всего</i>	4006	5222	4244
<i>в том числе:</i>			
хранение	-344	183	182
пособие по реализации и т.п.	2 294	2 911	2 070
экспортные субсидии	2 056	2 128	1 992
Говядина и телятина, <i>всего</i>	4 413	4 124	4 786
<i>в том числе:</i>			
хранение	2 190	1 947	1 608
надбавки	890	1 071	2 276
экспортные субсидии	1 332	1 106	902
Другие виды продукции (вино, фрукты, табак и др.)	10 657	14 645	12 886
Всего	31 369	36 292	37 460

Источник: *Трейси М.* Сельское хозяйство и продовольствие в экономике развитых стран. Введение в теорию, практику и политику. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 275.

производства, причем не для стимулирования его роста, а наоборот, для его сдерживания и даже сокращения.

Заметно сократился удельный вес затрат на субсидирование экспорта с 25 до 16% от всей суммы поддержки сельского хозяйства и фермерства. Это отвечало требованиям ВТО, которые Евросоюз, впрочем, умело обходил.

Одним из новых направлений аграрной политики ЕС этого периода была поддержка фермеров, работавших в районах, неблагоприятных для сельского хозяйства. Выделялось несколько направлений такой поддержки: предоставление инвестиций, содействие техническому оснащению ферм, помощь в обучении фермеров, повышении их квалификации, развитие сбытовой инфраструктуры.

Позитивный и негативный опыт ЕАП этого периода был осмыслен и учтен в процессе подготовки ее новой концепции. Первые очередные изменения произошли в 2005 г., когда был осуществлен переход к прямым выплатам фермерам, исходя из площади их сельскохозяйственных угодий и погектарной ставки. Субсидии уже не были связаны с производством определенного вида продукции. Это позволяло фермерам проявлять большую гибкость, ориентируясь на предполагаемые изменения спроса и рыночных цен. Тем самым расширились возможности субсидирования сельского хозяйства, так как по правилам ВТО эти платежи относятся к «зеленой корзине», на которую не распространяются жесткие ограничения.

Начиная с 2007 г. было введено еще одно новшество. Источниками финансирования ЕАП стали два фонда: Европейский фонд гарантий сельскому хозяйству (ЕАГФ) и Европейский фонд развития сельских территорий (ЕАФРД). Общие выплаты фермерам из этих фондов в 2008–2011 гг. достигали 57–58 млрд евро в год, что составляло 0,5% ВВП ЕС. Для сравнения: в 2001–2004 гг. при прежней системе субсидирования сумма среднегодовых выплат составляла 45 млрд евро. Отделенные от производства прямые платежи достигали в 2008–2011 гг. 58%, другие прямые платежи — 10%, на развитие сельской местности — 25%. По единой схеме ЕС распределялось 86% общей суммы платежей, для остальных использовались схемы в рамках конкретных территорий.

Существенные изменения произошли в структуре субсидирования. В 2002 г. доля интервенций на аграрном рынке составляла 24%, а в 2010 г. — всего 8%. Доля затрат на экспортную поддержку снизилась за те же годы с 8 до 0,3%⁷.

Еще одно новое направление в рамках ЕАП — поддержка мер по повышению безопасности и качества продовольствия, обеспечению его соответствия международным стандартам во всей «продовольственной цепочке» («от поля до стола потребителя»). Следствием та-

⁷ Global and EU agricultural exports rebound // MAP (Monitoring Agri-trade Policy. May 2011 No 01–11 / European Commission (http://ec.europa.eu/agriculture/publi/map/01_11_en.pdf).

кой поддержки стало улучшения здоровья потребителей и повышение конкурентоспособности производителей. Соответствие импортируемой продукции стандартам качества, санитарным и фитосанитарным требованиям позволило снижать таможенные барьеры без ущерба для национального производства.

Единая аграрная политика распространяется на все государства ЕС, независимо от сроков их пребывания в Евросоюзе. Вместе с тем, несмотря на провозглашение их равенства в получении поддержки, она сильно дифференцирована. Это подтверждают следующие данные: прямые выплаты на 1 га по ЕС составляют 262 евро, в том числе в Германии — 344 евро, в Греции — около 500 евро, а в Эстонии, Латвии, Литве, Болгарии и Румынии — около 200 евро. Эта проблема, порождающая недовольство, пока не нашла разрешения. Введение единой средней ставки на гектар не поддерживается теми, кто имеет сейчас ставку выше средней. Призывы к честному распределению поддержки по объективным критериям бесполезны, поскольку таких критериев пока нет.

Новый этап регулирования аграрной сферы и сельского территориального развития в ЕС должен начаться в 2014 г. Разработан и широко обсуждается проект дальнейшей реформы, которая рассчитана на семь лет. Цель этой реформы — повысить конкурентоспособность сельского хозяйства; гарантировать его устойчивое развитие; обеспечить высококачественными продуктами питания все население; сохранять окружающую среду и стимулировать развитие сельских территорий.

В соответствии с утвержденным направлением деятельности проект формулирует 10 конкретных задач, а также определяет методы их решения. В перечень методов входят: целевое распределение денежных субсидий для обеспечения доходности сельскохозяйственного производства, ориентированное на стимулирование экономического роста и увеличение занятости на селе; применение антикризисного менеджмента, создание «страховочной сети» для наиболее уязвимых секторов агропродовольственного рынка, поддержка страховых резервов; достижение долгосрочной продуктивности земель и сохранения экосистем; дополнительное инвестирование в научные исследования и инновационные разработки; создание сбалансированной рыночной цепочки (от производителя до потребителя) для обеспечения продуктами питания всех слоев населения; стимулирование мероприятий по защите окружающей среды сельского хозяйства; организация поддержки начинающих фермеров в течение пяти лет после открытия ими своего дела (возрастные ограничения для начинающих — не более 40 лет); стимули-

рование занятости и предпринимательского духа в сельских регионах; усиление внимания к «слабым регионам» для предотвращения оттока населения из сельской местности, оказание дополнительной поддержки сельхозпроизводителям в регионах, обладающих худшими природными и иными условиями; оптимизация механизмов ЕАП: упрощение условий предоставления субсидий и систем контроля, рационализация механизма поддержки малых сельхозпроизводителей.

В печати публикуются предварительные оценки размера бюджетных средств, которые потребуются ЕС на проведение намеченных мероприятий. Называются цифры от 370 до 420 млрд евро, т.е. 53–60 млрд долл. США в год. Свыше 75% из них составят расходы на прямые субсидии и рыночные меры, 24% — затраты на развитие сельской местности. Для сравнения укажем, что аналогичные расходы в 2006–2011 гг. составляли 56 млрд евро в год. Это сопоставление позволяет предположить, что размеры поддержки сельского хозяйства из бюджета ЕС, скорее всего, не сократятся. Впрочем, окончательно судить об этом пока рано. Острые дискуссии в связи с проектом продолжаются. Свои опасения по поводу его отдельных положений высказывает фермерское сообщество. Переход к более справедливому распределению финансовых ресурсов между государствами наталкивается на сопротивление старых участников ЕС, особенно Голландии и Бельгии.

В целом, есть все основания оценить ЕАП Евросоюза как высокозатратную, но позитивную. Основным критерий эффективности любой аграрной политики — достижение высокого и устойчивого уровня продовольственной безопасности и независимости отдельного государства и Союза государств. По этому критерию ЕАП Евросоюза заслуживает высокой оценки. Опыт ее разработки и реализации полезен России.

Особенности аграрной политики России

Аграрная политика России в последние 20 лет менялась в русле общих рыночных трансформаций экономики в целом. Главным было введение частной собственности на землю, аренды земельных участков для сельскохозяйственного использования, развитие новых форм хозяйствования. Вместо колхозов и совхозов появились сельскохозяйственные организации (СХО) разного типа: ОАО, ЗАО, ООО, агрофирмы, сельскохозяйственные кооперативы и крестьянские (фермерские) хозяйства. Кроме того, сохранили и упрочили свое положение личные подсобные хозяйства селян и садово-огородные участки горожан.

Вместе с тем позитивной аграрной политики до середины нулевых годов не существовало. Земельная реформа 1990-х гг. предполагала приватизацию земли, используемой в колхозах и совхозах, путем выделения земельных долей работникам СХО, с правом выдела земельных участков в собственность и последующего распоряжения ими. Однако ее реализация затягивалась. По состоянию на 1 января 2006 г. предприятия всех видов использовали для сельскохозяйственного производства 458,6 млн га. Из них 21% находились в частной собственности, а остальные — в государственной и муниципальной. Земли, используемые гражданами и их объединениями для сельскохозяйственного производства, составляли 79,4 млн га. Из них в частной собственности числилось только 28%. Иными словами, приватизировано было немногим более $\frac{1}{5}$ площадей, используемых для сельского хозяйства⁸.

Вследствие отмены планирования сельскохозяйственного производства и государственных закупок продукции в начале 1990-х гг. перестала существовать система государственной поддержки сельхозпроизводителей и регулирования агропродовольственного рынка. И если хозяйства, принадлежавшие населению, с трудом выстояли и дали небольшой прирост продукции (в 2000 г. на 17% по сравнению с 1990 г.), то СХО сократили объем валовой продукции в 2,6 раза! Вследствие этого в 4 раза возрос объем импорта продовольствия и, следовательно, снизилась продовольственная независимость России.

Переломным в аграрной политике можно считать 2006 г., когда был разработан и в последующие два года реализован приоритетный проект «Развитие АПК». Это проект перерос затем в «Государственную программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы». Весьма значимым для институционального оформления аграрной политики стала принятая в 2010 г. «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации».

О содержании аграрной политики России на предстоящий период можно судить по целям, задачам и приоритетам, которые содержатся в «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 годы» (Программа-2020). Программа определила следующие цели, достижение которых обеспечит повышение продовольственной безопасности страны и конкурентоспособности АПС:

- повышение удельного веса отечественных продовольственных товаров в их общих ресурсах с учетом структуры переходящих запа-

⁸ Крылатых Э.Н. Указ. соч. С. 112–115.

- сов к 2020 г.: зерна — до 99,7%, свекловичного сахара — до 93,2%, растительного масла — до 87,7%, картофеля — до 98,7%, мяса и мясопродуктов — до 88,3%, молока и молокопродуктов — до 90,2%;
- увеличение производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий (в сопоставимых ценах) в 2020 г. по отношению к 2012 г. — на 20,8%, пищевых продуктов — на 35%;
 - обеспечение среднегодового темпа прироста объема инвестиций в основной капитал сельского хозяйства в размере 4,5%;
 - повышение среднего уровня рентабельности сельскохозяйственных организаций не менее чем до 10–15% (с учетом субсидий);
 - доведение соотношения уровней заработной платы в сельском хозяйстве и в среднем по экономике страны до 55%⁹.

Заслуживает внимания также анализ приоритетов Государственной программы. По значимости они подразделяются на два уровня. *К первому* отнесены семь приоритетов: в сфере производства — скотоводство (производство молока и мяса) как системообразующая подотрасль, использующая конкурентные преимущества страны, в первую очередь — наличие значительных площадей сельскохозяйственных угодий; в экономической сфере — повышение доходов сельскохозяйственных товаропроизводителей; в социальной сфере — устойчивое развитие сельских территорий в качестве непереносимой предпосылки сохранения трудовых ресурсов, территориальной целостности страны; создание условий для обеспечения экономической и физической доступности питания на основе рациональных норм потребления пищевых продуктов для уязвимых слоев населения; в сфере развития производственного потенциала — мелиорация земель сельскохозяйственного назначения, введение в оборот неиспользуемой пашни и других категорий сельскохозяйственных угодий; в институциональной сфере — развитие интеграционных связей, а также формирование продуктовых подкомплексов и территориальных кластеров; научное и кадровое обеспечение — в качестве важнейшего условия формирования инновационного агропромышленного комплекса.

В числе приоритетов *второго уровня*: развитие импортозамещающих подотраслей сельского хозяйства, в том числе овощеводства и плодоводства; экологическая безопасность сельскохозяйственной продукции и продовольствия; наращивание экспорта сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия по мере насыщения ими внутреннего рынка; минимизация логистических издержек и оп-

⁹ Государственная программа на 2013–2020 годы (www.mcx.ru).

тимизация других факторов, определяющих конкурентоспособность продукции, с учетом рационального размещения и специализации сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности по зонам и регионам страны, обусловленных вступлением России в ВТО.

Известно, однако, что установление приоритетов, зафиксированных в государственных программах, влечет за собой как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, оно позволяет сконцентрировать ограниченные средства на особо важных программных мероприятиях, ускорить развитие определенных видов деятельности, содействует реализации особенно важных инновационных проектов. С другой — возрастает опасность новых структурных дисбалансов, рисков утраты управляемости и т.д. К сожалению, в реальной жизни придание отдельным программным мероприятиям статуса приоритетных нередко является следствием борьбы конкурирующих структур. Ограниченные средства бюджетного финансирования являются предметом «экономического вождения» со стороны бизнеса и различных государственных учреждений, что создает благоприятную атмосферу для коррупционных сговоров и схем.

Интересны с этой точки зрения данные, содержащиеся в таблице 18.5. Наибольшее удивление вызывает в ней соотношение сумм финансовой поддержки двух подпрограмм — № 5 «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие» (1,8%) и № 6 «Обеспечение реализации государственной программы» (15,1%). Парадоксальность соотношения затрат на эти подпрограммы очевидна. Почти 9-кратное превышение средств на подпрограмму № 6, связанную с деятельностью федеральных органов управления, вызывает предположение о стремлении этих органов, прежде всего Министерства сельского хозяйства, к финансовому «самообеспечению».

Из девяти индикаторов реализации мероприятий данной подпрограммы предусмотрены такие, которые не могут не вызвать вопросов. В их числе: сохранение существующего уровня участия субъектов Российской Федерации в реализации Государственной программы; качество финансового менеджмента главных администраторов бюджетных средств, участвующих в реализации Государственной программы; укомплектованность должностей в Министерстве сельского хозяйства Российской Федерации и в Федеральной службе по ветеринарному и фитосанитарному надзору; доля региональных и муниципальных органов управления агропромышленным комплексом, использующих государственные информационные системы.

Вряд ли перечень индикаторов, приведенный выше, можно принять в качестве адекватных показателей оценки качества и результативности

Таблица 18.5

**Объем и структура бюджетных средств по подпрограммам
Государственной программы развития сельского хозяйства
и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья
и продовольствия на 2013–2020 гг.**

Подпрограммы	млрд руб.	%
1. Развитие подотрасли растениеводства, переработки и реализации продукции растениеводства	466,6	34,8
2. Развитие подотрасли животноводства, переработки и реализации продукции животноводства	499,4	37,2
3. Развитие мясного скотоводства	65,4	4,8
4. Поддержка малых форм хозяйствования	83,7	6,2
5. Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие	23,7	1,8
6. Обеспечение реализации государственной программы	202,5	15,1
В целом по Государственной программе	1341,3	100,0

Источник: Государственная программа на 2013–2020 годы (www.mcsx.ru).

работы органов управления по выполнению Государственной программы. Они, скорее, отражают ее интерпретацию чиновниками Минсельхоза и их заботу о финансировании собственной деятельности.

Новым в аграрной политике Российской Федерации в предстоящие годы будет являться ее адаптация к требованиям ВТО. В частности, предельные размеры поддержки сельского хозяйства в рамках «желтой корзины» после 2013 г. будут снижаться с 9,0 до 4,5 млрд долл. США. Это потребует изменить объекты и методы такой поддержки, переведя в «зеленую корзину» средства на социальное развитие села, экологию, научные исследования и образование. Снижение импортных пошлин и отмена квотирования потребует повышенной требовательности и более полного использования стандартов качества и безопасности продукции. Только так мы сумеем защитить внутренний рынок России от агрессивного экспорта нежелательной продукции из других стран. Реализуется переход на погектарные нормативы федеральных и региональных субсидий сельскому хозяйству, используя опыт ЕАП Евросоюза.

Очевидно, что нам предстоит дальнейший поиск эффективных направлений формирования аграрной политики с учетом требований ВТО, спецификой рыночного хозяйства и прогрессирующей интеграции продовольственных рынков.

Прогнозы развития европейских продуктовых рынков

В основу изложенных ниже прогнозов положены разработки ОЭСР, в которых рассмотрены перспективы зернового и мясного рынков Евросоюза и России.

Зерновой рынок. В прогнозных разработках представлены два взаимосвязанных зерновых рынка: пшеница и грубые зерновые (рожь, овес, ячмень и пр.). Удельный вес пшеницы в Российской Федерации в общем объеме зерновых с 2000 по 2021 г. повысится с 55 до 65%. Аналогичная доля ЕС статична — 48%. В какой-то мере это отражает большую ориентацию зернового производства ЕС на кормовые цели животноводства. В 2010 г., по данным ОЭСР, суммарное производство зерновых составляло: в ЕС — 277,9 млн т, а в России — 57,9 млн т (см. таблицу 18.6).

Прогнозы на 2021 г. исходят из следующего соотношения: ЕС — 303,1 млн т, Российская Федерация — 106,8 млн т, т.е. предполагают трехкратный разрыв. Это вывод обусловлен более чем двукратным различием в урожайности (5,4 т/га в ЕС и 2,1 т/га в России). При этом прогнозируемый экспорт зерновых будет почти одинаков: 22,8 млн т в ЕС и 25,5 млн т в России. Удельные веса экспортируемого зерна к годовому объему составят 10% в ЕС и 26% в России. Импорт зерна прогнозируется в 12,6 млн т в ЕС и 0,3 млн т в России. В структуре потребления это составит 4% в ЕС и 0,4% в России.

В последнее десятилетие страны Евросоюза начали производить из зернового сырья биотопливо. В ЕС в 2021 г. прогнозируется использовать на эти цели 28 млн т, что составит 12% произведенного зерна. В прогнозах по России перерабатывать зерно на биотопливо не предусматривается.

Тенденции, аналогичные отмеченным выше, прослеживаются на рынках пшеницы. Прогнозируемые в 2021 г. объемы ее производства в ЕС в 2 раза превысят российские показатели (см. таблицу 18.7).

При равной уборочной площади (26 млн га) урожайность в ЕС будет в 2 раза выше российской (5,5 т/га и 2,7 т/га). Отсюда и двукратное различие в объемах производства. Правда, она возрастет с 1,9 до 2,7 т/га. Однако, оценивая эти данные, не следует забывать, что урожайность пшеницы менее 3 т/га слывет недостаточной уже в наше время. Тем более неприемлемой она будет считаться в 2021 г.

Структура использования зерна в ЕС существенно отличается (и будет отличаться) от российской. В ЕС 37% его пойдет на корм скоту, 8% — на производство биоэтанола и около 5% — на прочие цели.

Таблица 18.6

Основные параметры зернового рынка ЕС и Российской Федерации

Показатели	Прогноз на 2021 г.			Индексы изменения 2010 г. к 2000 г.		Индексы изменения 2021 г. к 2010 г.	
	ЕС	Россия	Россия к ЕС	ЕС	Россия	ЕС	Россия
Производство (млн т)	303,1	106,8	0,34	1,20	0,92	1,09	1,84
Импорт (млн т)	12,6	0,3	0,02	1,70	0,24	0,95	0,63
Экспорт (млн т)	22,8	25,5	1,12	1,13	3,78	0,72	6,26
Потребление (млн т)	290,9	80,4	0,28	1,15	0,93	1,05	1,40
Запасы на конец года (млн т)	45,1	17,1	0,38	0,81	3,02	1,11	1,03
Урожайность (т/га)	5,4	2,1	0,39	1,23	1,29	1,07	1,15
Уборочные площади (млн га)	55,6	43,9	0,79	0,92	0,73	0,99	1,39

Источники: Прогнозы ОЭСР; индексы изменений рассчитаны автором.

Таблица 18.7

Основные параметры рынка пшеницы в ЕС и Российской Федерации на 2021 г.

Показатели	Показатели прогноза на 2021 г.		Индексы изменения 2021 г. к 2010 г.	
	ЕС	Россия	ЕС	Россия
Объем производства (млн т)	149,3	69,8	1,09	1,68
Импорт (млн т)	5,7	0,6	1,27	19,0
Экспорт (млн т)	17,4	26,1	0,79	7,64
Сальдо (экспорт–импорт) (млн т)	11,7	25,5	0,6	7,6
Потребление (млн т)	131,2	43,5	1,11	1,15
<i>В том числе:</i>				
Личное потребление (млн т)	57,0	11,7	1,03	0,97
На корм скоту (млн т)	54,7	23,8	1,05	1,27
На производство биотоплива (млн т)	12,4	0	2,91	0
Прочее потребление (млн т)	13,1	7,9	0,99	1,13
Остаток на конец года (млн т)	13,0	15,0	1,22	1,01
Уборочная площадь (млн т)	26,0	26,2	1,01	1,20
Урожайность (т/га)	5,5	2,7	1,08	1,42
Цена производителя (евро на т)	194	137	0,88	1,08
Потребление на душу населения (кг)	111	83	1,0	0,98

Источники: Прогнозы ОЭСР; индексы изменений рассчитаны автором.

В России аналогичные показатели составят в 2021 г. 34%, 0%, 11% (см. таблицу 18.8).

Таблица 18.8

Структура потребления пшеницы в ЕС и России, в %

Показатели	2010 г.		2021 г.	
	ЕС	Россия	ЕС	Россия
Объем производства	100	100	100	100
Экспорт	8	8	12	38
Личное потребление	40	29	38	17
На корм скоту	38	45	37	34
На производство биотоплива	3	0	8	0
Прочее использование	11	18	5	11

Источник: Прогнозы ОЭСР.

Сохранятся и различия в уровне потребления пшеницы на душу населения: 111 кг в ЕС и 83 кг в Российской Федерации. Будет сказываться и некоторая специфика потребления: в России потребляют больше ржаного, «черного» хлеба: 33 кг против 18 кг в ЕС.

Рынок пшеницы ЕС будет характеризоваться небольшим приростом объемов производства, урожайности и потребления (9–11%) при значительном увеличении импорта (до 27%). Произойдет почти трехкратное увеличение расхода пшеницы на производство биотоплива, что вряд ли социально оправданно в условиях обострения продовольственной ситуации во многих странах мира.

На рынке пшеницы Российской Федерации ожидаются высокие темпы прироста производства зерна (68%). Экспорт пшеницы может возрасти в 7,6 раза. Следует, однако, учитывать, что столь значительное увеличение обусловлено тем, что 2010 г. был особо засушливым. Потребление пшеницы стабилизируется и в расчете на душу населения, и в общем объеме, идущем на личные нужды. Существенный прирост ее потребления прогнозируется в животноводстве (27%). Россия усилит свои позиции как крупный экспортер. Проблемой остается сравнительно низкий уровень урожайности (27 ц/га), что будет по-прежнему негативно влиять на конкурентоспособность продукции. Выход из этой ситуации — в селекции новых сортов пшеницы и освоении новейших технологий ее производства. Предстоят также значительные работы по мелиорации земель в большинстве регионов, предпочтительных для выращивания пшеницы.

Рынок мяса. Мясной рынок ЕС и России представлен совокупностью трех основных сегментов: говядины, свинины и мяса птицы. Перечисленные виды конкурируют между собой по эффективности их производства и потребительским предпочтениям.

Объемы производства и потребления всего мяса и его видов представлены в таблице 18.9.

Таблица 18.9

Прогноз на 2021 г. основных показателей по мясному рынку

Показатели	ЕС				Российская Федерация			
	Показатели по видам мяса			Мясо в целом	Показатели по видам мяса			Мясо в целом
	Говядина	Свинина	Мясо птицы	Всего	Говядина	Свинина	Мясо птицы	Всего
Производство (млн т)	8,2	23,5	12,5	44,2	2,1	3,2	4,1	9,4
Импорт (млн т)	0,3	0,03	0,8	1,1	0,7	0,5	0	1,2
Потребление (млн т)	8,1	21,4	12,3	41,8	2,8	3,7	4,0	10,5
Экспорт (млн т)	0,3	2,1	1,1	3,5	0	0	1,0	1,0
Сальдо (экспорт–импорт) (млн т)	0,03	2,1	0,3	2,4	-0,7	-0,5	1,0	-0,2
Цена производителя (тыс. евро за 1 т)	3,4	1,7	2,2	2,2	2,8	3,6	2,3	2,9
Потребление на душу населения (кг)	11,0	32,0	21,0	64,0	14,0	20,0	25,0	59,0

Источник: Прогнозы ОЭСР.

Прогнозируемые на 2021 г. в ЕС объемы производства всех видов мяса в 4,7 раза превышают прогноз по Российской Федерации (соответственно 44,2 млн и 9,4 млн т). Наибольшее различие — по свинине (в 7,3 раза). Несколько меньше оно по говядине (в 3,4 раза) и по мясу птицы (в 3 раза). Экспорт мяса вряд ли будет значительным не только в России, но и ЕС. Его доля от произведенного мяса составит 10% в Российской Федерации и 8% в ЕС. Доля импортного мяса в потреблении вряд ли превысит 3% в ЕС и 11% в России. Структурные показатели мясного рынка ЕС и Российской Федерации отображены в таблице 18.10.

Доля свинины сократится в России с 37 до 34%. Зато чуть ли не в 2 раза (с 19 до 44%) возрастет доля мяса птицы. Напротив, рынок мяса ЕС

сохранит структурную стабильность. Ведущее место (53% производства) будет занимать свинина, 28% — мясо птицы и 19% — говядина.

Важной характеристикой мясного рынка выступает дифференциация темпов развития его продуктовых сегментов (см. таблицу 18.11).

Общая ситуационная тенденция на рынках мяса в ЕС сказалась на темпах производства. В первое рассмотренное десятилетие общий объем производимого мяса вырос на 6%, во втором (прогнозном) — увеличится всего на 3%. Производство говядины в ЕС в первое десятилетие сократилось на 3%, а по прогнозу уменьшится еще на 10%.

В России мясной рынок будет более динамичным. Общий прирост мясной продукции в 2000–2010 гг. составил 63%. В 2010–2021 гг. он прогнозируется на уровне 36%. Особо следует отметить успехи Российской Федерации в птицеводстве: в 2000–2010 гг. производство куриного мяса возросло в 3,7 раза, а его прирост в следующем десятилетии оценивается в 44%.

Таблица 18.10

Структурные показатели мясного рынка ЕС и Российской Федерации, в %

	Годы	Говядина	Свинина	Мясо птицы	Всего
ЕС	2000	21	53	26	100
	2010	19	53	28	100
	2021	19	53	28	100
Российская Федерация	2000	44	37	19	100
	2010	25	34	41	100
	2021	22	34	44	100

Источники: Расчеты автора на основе прогнозных и отчетных данных ОЭСР.

Таблица 18.11

Динамика развития мясных рынков ЕС и Российской Федерации в 2000–2010 и 2010–2021 гг.

Индексы изменения мясного рынка		Говядина	Свинина	Мясо птицы	Всего
ЕС	2000–2010 гг.	0,97	1,05	1,14	1,06
	2010–2021 гг.	0,90	1,04	1,05	1,03
Российская Федерация	2000–2010 гг.	0,91	1,49	3,71	1,63
	2010–2021 гг.	1,20	1,37	1,44	1,36

Источник: Расчеты автора на основе прогнозных и отчетных данных ОЭСР.

* * *

Проведенный анализ дает основания для вывода о целесообразности сохранения, несмотря на нынешние серьезные трудности, взаимосвязей сельскохозяйственного производства в Российской Федерации и ЕС. Наиболее предпочтительной для России могла бы стать его инновационная сфера. В этом случае возрастет роль обмена достижениями в селекции, семеноводстве, племенном деле, в техническом оснащении производственных процессов; в создании современных информационных систем управления. Весьма перспективно сотрудничество в развитии экологического земледелия.

Глава 19

РОССИЯ – ЕВРОСОЮЗ: ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Европа в поле глобальной энергетики

Россия обладает крупнейшей территорией и ведущей экономикой на Евразийском пространстве, если понимать под ним историческую общность стран Европы и российского Зауралья. Примыкают к этому геополитическому образованию Закавказье и Центральная Азия.

Это страны с различным политическим укладом, технологическим уровнем и традициями национальных экономик, этническим и антропологическим составами и культурно-конфессиональным разнообразием населения. Однако они имеют давние исторические связи и включены в континентальный продуктообмен и миграцию населения. В евразийском разделении труда и геополитике у России много ролей, но энергетика, транспортные связи и добыча природных ресурсов — важнейшие в аспекте взаимоотношений с Европейским Союзом.

Россия как крупнейший потребитель и одновременно производитель энергетических ресурсов способна содействовать поиску баланса интересов участников глобального и европейского энергетического взаимодействия. Страна занимает первое место в мире по объемам торговли природным газом и второе — по экспорту нефти. Как один из основных владельцев ядерных технологий, она может экспортировать услуги по атомной энергетике.

Экономическая ниша для поставок российского газа в Европу сохранится при любом соотношении сил на энергетическом рынке, но потребует выполнения инвестиционных проектов в нефтяной и газовой промышленности на сумму в 100–120 млрд долл. США, в первую очередь — для освоения арктических шельфов. Прямые инвестиции в технологию этих проектов могут быть вложены европейскими корпорациями. Россия добросовестно выполняла свои обязательства по

поставкам в соответствии с долгосрочными договорами с ЕС. По всем этим факторам энергетический комплекс России имеет определяющее значение для безопасности Европы.

На территории ЕС проживает всего 6% населения Земли, но приходится на него 14–15% мирового потребления энергии: 19% нефти, 16% природного газа, 10% угля и 35% урана. Но ситуация меняется. Значимые стратегические угрозы мировому энергоснабжению будут в дальнейшем обусловлены быстрым повышением спроса на энергоносители в странах Азии, Африки и Латинской Америки — и это на фоне перманентного роста мирового спроса на энергию — на 47% за 15 лет: с 10,5 трлн т условного топлива в 2005 г. до 15,4 трлн т в 2020 г. (прогноз).

Несмотря на расширение зоны использования альтернативных энергоносителей, ископаемые источники энергии, судя по всему, останутся важнейшими компонентами энергобаланса. До 2030-х гг. они будут покрывать более 85% роста мирового спроса. Потребление газа будет расти в среднегодовом темпе на 2,4%, нефть останется важнейшим источником энергии, формируя 30–35% мирового энергетического баланса. Доля транспортного сектора в общем потреблении нефти увеличится с 47% до порядка 55%. Лишь позже новые технологии (например, топливные элементы, гидро- и ветроэнергетика) смогут занять заметное место в мировом энергетическом балансе.

Проблематика международной энергетической безопасности в кратко- и среднесрочной перспективе определяется не столько конечностью запасов нефти и газа (соответственно 41 и 46 лет), сколько региональными кризисами и нестабильностью нефте- и газодобывающих стран, конфликтами на транспортных путях перекачки газа и нефти, угрозами судоходству. А в том, что касается Европы, можно добавить и экологические ограничения по выбросам CO₂.

Еще в 2000 г. Европейская комиссия утвердила «Зеленую книгу: О европейской стратегии безопасности энергоснабжения», в которой показан рост зависимости ЕС от импорта энергоносителей¹. К 2030 г. он будет составлять 70%. Зависимость от импорта нефти может вырасти с 76 до 90%, импорта газа — с 40 до 70%, угля — с 50% до более чем 70%.

Большая часть разведанных ныне нефтяных ресурсов сосредоточена в исламском мире. Они простираются от месторождений в Северной и Центральной Африке до Центральной Азии. Арабские страны — Оман, Катар, Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты — располагают более чем 45% разведанных запасов нефти

¹ См.: Green Paper — Towards a European strategy for the security of energy supply (<http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52000DC0769>).

и 15% мировых газовых ресурсов. С учетом Ирака и Ирана на регион Персидского залива в целом приходится около 65% всех запасов месторождений нефти и 34% — газа.

Большинство ведущих стран-экспортеров нефти следует отнести к категории политически нестабильных. «Арабская весна» потрясла Ливию, запасы которой, составляя не более 1% мировой добычи, были тем не менее весьма существенны для мирового рынка. И события в этой стране дали Европе негативные результаты. Нетрудно представить себе, как пострадает мировая энергетика при дестабилизации ситуации в Саудовской Аравии, учитывая ее удельный вес в поставке энергоносителей на мировые рынки.

Кризисы последних лет показали, что резервы добычи и переработки нефти, а также природного газа ограничены. Объем теоретически доступных свободных мощностей по добыче нефти снизился до 0,7–1,2 млн баррелей в день. Никогда прежде возможности маневра производственными мощностями ОПЕК не были так малы, тем более что предполагается глобальное перемещение нефтеперерабатывающих заводов из США и Европы в развивающиеся страны. А это означает, что в XXI в. до 60% мировой системы нефтепереработки будут находиться в политически нестабильных странах и регионах.

Основная угроза европейской энергетической безопасности исходит из:

- нестабильности некоторых добывающих регионов и неспособности стран-производителей компенсировать эту нестабильность при локальных конфликтах;
- нехватки резервных запасов и мощностей по добыче углеводородов;
- отсутствия результативного планирования энергобаланса;
- избыточной защиты странами ЕС рыночных механизмов регулирования;
- из европейской экологической политики, направленной на ограничение выбросов CO₂ от сжигания твердых энергоносителей и на запрет на развитие атомной энергетики.

Обеспечение энергетической безопасности требует совместных усилий со стороны международного сообщества по следующим основным направлениям:

- надежное снабжение экономики развитых стран традиционными углеводородными энергоресурсами;
- диверсификация энергоснабжения за счет новых источников энергии и технологий и повышение эффективности их использования.

Наша страна имеет дело с крупнейшими потребителями энергетических ресурсов. Одновременно роль крупнейшего производителя объективно сближает ее с экспортерами углеводородного сырья, прежде всего, странами ОПЕК. С учетом этих обстоятельств Россия способна содействовать поиску баланса интересов участников глобального и европейского энергетического взаимодействия.

По мнению разработчиков проекта «Доктрина энергетической безопасности» России², энергетическая безопасность — это защита граждан, государства, его экономики от угрозы дефицита энергоресурсов. Немалая роль отводится их доступности по цене.

Известно, что энергетика может использоваться как инструмент политики. Например, перекрывая или открывая трубу газопровода, выключая линию электропередачи, можно влиять на политику суверенной страны. Это с особой очевидностью проявилось в ходе кризиса украинской государственности, обострившего проблему доставки российского газа в страны ЕС через газопровод, проходящий по территории Украины. Поэтому, по оценке многих исследователей, угрозы энергетической безопасности — это физические, экономические и экологические риски.

Под *физическими рисками* в данном случае подразумевают в первую очередь истощение месторождений сжигаемого топлива, а также саму возможность межстрановых кризисов, которые влияют на стабильность поставок. *Экономические риски* трактуют как следствие нестабильности цен на энергоносители на мировом рынке, представляющее серьезную угрозу экономическому и социальному благополучию стран-импортеров. *Экологические риски* энергетики — это вероятность аварий на АЭС с последующим заражением обширных территорий, разливов нефти, аварий на предприятиях топливной энергетики при транспортировке энергоносителей и т.д.

К данному перечню можно добавить проблему *соответствия уровня технологий* энергетического сектора (производства, переработки, магистрального транспорта и сетевого распределения) уровню основных потребностей. Отсутствие такого соответствия также чревато крупными неполадками.

Существует также проблема *соотношения средств и цели*. Если рассматривать энергетический сектор как средство обеспечения экономических задач, то естественный подход к проблеме энергетической безопасности заключается в увеличении поставок энергоносителей при сохранении минимума заранее запланированных резервов. Ис-

² Энергетическая безопасность России. Интервью с директором Института систем энергетики СО РАН Н. Воропаем // Наука в Сибири. 23 января 2006 г.

ходя из этого, Евросоюзу надлежит расширять и развивать диапазон внутренних источников энергии, а России и другим партнерам-поставщикам — обеспечивать надежность внешних поставок.

В уже упомянутой «Зеленой книге» поставлены вопросы, ответы на которые должны повлиять на выработку общей стратегии в области энергетики в Европе:

1. Может ли Европейский Союз согласиться с увеличением зависимости от внешних источников энергии, не подрывая общей энергетической безопасности и конкурентоспособности?
2. Необходима ли координированная политика на уровне Сообщества? Ослабляет ли политика государственной поддержки в энергетическом секторе конкурентоспособность в Европейском Союзе? Как, признавая важность партнерства, в частности с Россией, гарантировать устойчивость цен и инвестиций?
3. Следует ли создавать большие запасы энергоресурсов — не только нефти, но газа и угля? Оправдано ли это экономически?
4. Как гарантировать надежность транспортных сетей внутри ЕС и в соседних странах?
5. Надо ли финансировать за счет конкурентных секторов (газ, нефть, ядерная энергетика) развитие возобновляемых источников энергии?
6. Какие имеются альтернативы по утилизации ядерных отходов, обеспечению ядерной безопасности и по проектированию реакторов будущего?
7. Какая политика обеспечит Европейскому Союзу выполнение обязательств по Киотскому протоколу?
8. Можно ли с помощью масштабной программы развития биотоплива и других видов топлива, в том числе водородного, обеспечить к 2025 г. до 20% энергопотребления?
9. Возможно ли для экономии энергии предпринять крайне непопулярные действия по ограничению использования автомобилей (32% потребления энергии)?

Сейчас, спустя полтора десятка лет, стало очевидным, что управляющие структуры ЕС дали на эти вопросы в целом положительный ответ. Вместе с тем не следует игнорировать и то, что проблемы энергетической безопасности Европейского пространства — это специфика «богатых» стран со все возрастающим энергопотреблением (например, в США используется около 7 т условного топлива в год на человека, а в слаборазвитых странах — 1,5–2 т)³.

³ См.: Energy use (<http://data.worldbank.org/indicator/EG.USE.PCAP.KG.OE>).

Энергетическая политика стран ЕС

Эта политика, по общему признанию, все больше сдвигается в сторону экономики потребления. Хотя запросы промышленности стабилизировались, суммарное потребление энергии возрастает со скоростью примерно 1–2% в год. 63% потребности домашних хозяйств в энергии удовлетворяется за счет нефти и газа. Дополнительную неясность в будущее энергетики вносит транспорт. Его потребности обуславливают 67% суммарного спроса на нефть. Объемы потребления в этой области выросли с 203 млн т условного топлива в 1985 г. до 340 млн т в 2010 г. Прогнозируется, что к 2015 г. число единиц пассажирского транспорта в пределах ЕС возрастет на 19%, воздушного — на 90, грузового — на 38, а морского — на 34%.

Странам ЕС приходится считаться с законами спроса-предложения на международных энергетических рынках, участниками которых они являются. Импортную зависимость частично компенсирует встречный экспорт промышленных и сельскохозяйственных товаров, а также услуг и технологий в страны-экспортеры энергетических ресурсов, в том числе в Россию.

Благодаря своему уникальному положению в качестве «моста между континентами» и ресурсному потенциалу энергетический комплекс России имеет определяющее значение для безопасности Европы. Согласно последним оценкам, к 2015 г. добыча нефти в России составит 530 млн т, а ее экспорт — 310 млн т. Добыча газа в России к 2015 г. может достигнуть 740 млрд м³, а экспорт — 290 млрд м³.

По доле нефти в энергобалансе ЕС опережает США, а по объемам потребления уступает им (70% от их уровня). Второе по значимости топливо в ЕС — это газ, доля которого в энергобалансе и в потреблении несколько ниже — 58% от уровня США.

Благодаря месторождениям в Северном море, которые по большей части принадлежат Великобритании и Норвегии, на долю ЕС приходится 4,4% мирового производства нефти. Это составило по максимуму (1997) около 158,3 млн т условного топлива при себестоимости добычи 1 барреля, колеблющейся в пределах 7–11 долл. США (1–3 долл. на Ближнем Востоке). Страны Евросоюза, решая вопросы обеспечения энергетической безопасности, вынуждены исходить из своей нефтяной зависимости.

Экономисты стремятся увидеть в происходящем и некий позитив: рост цен на топливо позволит добывать нефть с больших глубин и с использованием новых технологий.

Впрочем, динамика мирового спроса на нефть замедляется. В 2010 г. он вырос на 1,8 млн баррелей в день по сравнению с ростом в 2,8 млн баррелей в день в 2005 г.

Замедление спроса связано со «сланцевым феноменом». Доступные ресурсы нефтяных сланцев составляют около 34 млрд т, что соразмерно запасам нефти Саудовской Аравии. Технологии компаний США (в первую очередь *Genie*) и огромные запасы нефтяных сланцев создают реальные предпосылки для перемещения большей части добычи нефти в США, Израиль и другие развитые страны, в том числе страны ЕС. Если проект разработки сланцевой нефти будет реализован в полном объеме, США и Канада смогут обеспечить себе не только нефтяную, но и газовую независимость.

Обратимся теперь к нынешней роли газа. С середины прошлого века газ постепенно вышел на лидирующие позиции в основных секторах потребления энергии. Устойчивые тенденции указывают на то, что к 2030 г. почти половина электроэнергии будет вырабатываться из природного газа⁴. Большая часть газа потребляется в промышленном секторе (26%) и сфере жилищно-коммунального хозяйства (30%).

Россия занимает по запасам газа 1-е место в мире (47 трлн м³), Иран — 2-е место (26 трлн м³). На территорию Евросоюза приходится всего лишь 2% мировых запасов газа, которого при сохранении текущих темпов потребления хватит на 20 лет. Основная часть европейских запасов расположена на шельфах Нидерландов (56%) и Великобритании (24%).

ЕС импортирует 40% потребляемого газа, и более 32% этого импорта — российского происхождения. В ряде стран Евросоюза зависимость от российских поставок газа значительно выше — вплоть до 100%, например, в Словении. Прогнозируемое увеличение спроса в Западной Европе до 2025 г. составляет в среднем 2,4% в год. Доля импорта может повыситься с 40 до 70%⁵, что приведет к чрезмерному усилению энергетической зависимости Европы.

Данная перспектива стимулировала принятие ряда документов, призванных минимизировать риски. В директиве 2003/55/ЕС пред-

⁴ Тенденции российско-европейских отношений. № 2. М.: Российско-Европейский Центр Экономической Политики (РЕЦЭП), 2004.

⁵ Там же.

писывалось предоставить всем потребителям газа право свободного выбора поставщика. Было решено диверсифицировать поставки природного газа и улучшить баланс энергопотребления.

Однако реализовать эти установки оказалось крайне трудно, особенно в кризисные годы. Из-за уязвимости инфраструктуры газоснабжение гораздо менее безопасно, чем транспортировка сырой нефти, что влечет дополнительные расходы. И это будет неизбежным до тех пор, пока ЕС не увеличит в должной мере импорт сжиженного природного газа (СПГ) и не развернет разработку собственных месторождений сланцевого газа.

Массовые поставки сжиженного промышленного газа из США и Катара могут начаться уже к 2030 г., и это несмотря на то, что такие поставки вовсе не панацея: они требуют дорогостоящей инфраструктуры — заводов по сжижению и станций по розливу, специальных автоцистерн и морских танкеров. В должных объемах их пока нет. Кроме того, эти объекты весьма уязвимы перед лицом террористической угрозы.

Согласно оценкам, к 2015 г. потребность Европы в сжиженном промышленном газе составит 55–75 млн м³ и будет покрываться в основном экспортом из Катара и африканских стран и экспортом сланцевого газа из США и Канады. Возможности российского экспорта СПГ ограничены ввиду отсутствия мощных терминалов на Балтийском и Северном морях и малого числа танкеров специального назначения.

Свои сложности есть и в деле использования *ядерной энергии*. На нее приходится лишь 6% мирового топливно-энергетического баланса и 17% производимой электроэнергии. Атомные электростанции нередко рассматривают как радикальное средство стабилизации потребления энергии, тем более что ресурсы атомного топлива значительны: мировые запасы урана составляют 2,5 млн т, при этом рыночная цена урана сравнительно невелика — около 20 долл. США за 1 кг.

Рост мощностей АЭС прогнозируют, прежде всего, в странах АТР (Китай, Южная Корея, Индия), а также в некоторых странах Восточной Европы (Чешская, Словацкая Республики) и в странах СНГ (Россия, Украина, Казахстан). Ряд стран (Турция, Иран, Индонезия, Вьетнам) заявили о намерении вступить в «ядерный энергетический клуб». Вместе с тем здесь нет полной определенности, поскольку проблема «мирного атома» в крайней степени политизирована⁶.

⁶ Хайтун А.Д. Россия на европейском энергетическом рынке. М.: ИЕ РАН, 2013. С. 81.

По прогнозам МАГАТЭ⁷, доля ядерной электроэнергии в мировом производстве электроэнергии за 20–25 лет снизится до 12–15%, а к 2050 г. не будет превышать 10%. Напротив, по расчетам Института систем энергетики Сибирского отделения РАН⁸, общий вклад атомной энергетики в мировой энергетический баланс может возрасти к 2100 г. до 30%.

На территории ЕС находятся 2% мировых запасов урана (около 52 тыс. т). В 2005 г. во Франции и в Португалии урановые шахты были закрыты из-за истощения запасов и чрезмерной стоимости добычи. Впрочем, в отличие от углеводородной энергетики, где на топливо приходится примерно 60% издержек производства, затраты на ядерное топливо относительно малы (примерно 20%). Основная часть затрат на АЭС — затраты на их сооружение и обслуживание.

Ограничения по энергетической безопасности АЭС имеют в основном техногенный характер, а также связаны с террористическими угрозами. Последние опросы в странах ЕС показали, что только 14% населения согласны с ускоренным развитием атомной энергетики: «чернобыльский синдром» в общественном сознании не преодолен и к тому же усилился после аварии на АЭС «Фукусима». Недоверие распространяется и на российскую ядерную энергетику. Между тем Россия как владелец ядерных технологий может экспортировать услуги по сооружению вполне безопасных АЭС, по переработке плутония и захоронению отходов.

Особого рассмотрения заслуживают *перспективы твердого топлива*. Его общее потребление в ЕС в 2005 г. достигло 350 млн т, а к 2020 г. этот показатель должен будет равняться 450 млн т. Запасов твердого топлива в мире в 4–5 раз больше, чем нефти, и хватит минимум на 200 лет. В Европе 80% полезных ископаемых — именно твердое топливо (каменный и бурый уголь, торф и нефтяной сланец). Вместе с тем его качество варьируется в зависимости от месторождения, а добыча и особенно транспортировка стоят дорого.

Сейчас в ЕС добывают до 60 млн т угля, что составляет 5% мировой добычи. Сложные географические условия и требования к оплате труда, включая социальное страхование, делают европейский уголь неконкурентоспособным по сравнению с импортируемым из США, Австралии, Южной Африки и Колумбии. Средняя цена производимого в ЕС угля в 3–4 раза превышает цену на мировом рынке (150 долл. США за 1 т условного топлива по сравнению с 40 долл. за импортиру-

⁷ Там же. С. 66.

⁸ Там же. С. 8.

емый уголь), что заставляет производителей либо сворачивать производство (Португалия, Бельгия, Франция, Германия и Испания), либо внедрять новые технологии (Великобритания)⁹.

В невыгодное положение по сравнению с прямыми конкурентами — нефтью и газом — ставят уголь некоторые его характеристики. Для хранения угля требуются большие площади. Его транспортировка затратна. Сжигание угля существенно загрязняет окружающую среду. Среди положительных моментов можно отметить то, что перевозка твердого топлива морским и речным транспортом (90% поставляемого на рынок угля перевозится морем) не столь опасна для окружающей среды, как транспортировка нефти и газа. Преимущества угля — разнообразие источников поставок и сравнительная стабильность цен. Этим во многом объясняется быстрый рост поставок угля из США в угольные порты Европы.

Сейчас *выработку электроэнергии* в странах ЕС осуществляют из следующих источников: атомная энергия (35%), твердое топливо (27%), природный газ (16%), возобновляемая энергия, включая гидроэнергию (15%), и нефть (8%). Спрос на электроэнергию, как уже отмечалось, растет быстро: по прогнозам, вплоть до 2020 г. он будет опережать по темпам рост ВВП.

К 2020 г. производство электроэнергии в ЕС составит 800–900 ГВт по сравнению с 600 ГВт в настоящее время. Приблизительно 300 ГВт новых мощностей потребуется в ближайшие 20 лет для замещения выходящего из строя оборудования. Ожидается, что новые мощности в основном будут работать на природном газе, тогда как число электростанций, работающих на нефти и твердом топливе, будет сокращаться. В этой связи необходимо подчеркнуть, что фиксируемая сейчас и экономически оправданная тенденция укрупнения электростанций и мощностей ЛЭП повысит уязвимость энергосистем в случае стихийных бедствий или террористических акций.

В странах Евросоюза разработана и реализуется программа развития *возобновляемых источников энергии*, цель которой — покрыть с их помощью к 2015 г. 20% потребностей в электроэнергии и 12% совокупного спроса на энергию в целом. Но даже если ЕС успешно ее реализует, возобновляемая энергетика обретет конкурентоспособность лишь при длительной государственной поддержке.

С точки зрения энергетической безопасности нетрадиционные возобновляемые источники энергии — солнечная и ветроэнергети-

⁹ См. подробнее: Energy prices and costs. Commission staff working document (SWD (2014) 20 final/2) (http://ec.europa.eu/energy/doc/2030/20140122_swd_prices.pdf).

ка — располагают существенным преимуществом. Их производство децентрализовано. Они легко резервируются, и поэтому техногенная авария не может стать системной. Независимость от централизованных сетей, например ветродвигателей, импонирует потребителям из среднего класса, особенно размещенных вне мегаполисов. Поэтому использование таких источников оптимально не только с позиции энергетической безопасности, но и по социальным причинам.

Тем не менее энергетическая безопасность Евросоюза в ближайшее десятилетие будет основываться на традиционных источниках энергии, а нехватка энергоносителей будет восполняться за счет импорта.

Расширению поставок российских энергоносителей в Евросоюз способствовали географическая близость, развитая инфраструктура поставок, и, что весьма существенно, относительная политическая стабильность по сравнению со многими странами Ближнего и Среднего Востока. СССР (и затем Россия) всегда добросовестно выполняли свои обязательства по поставкам в соответствии с долгосрочными договорами с ЕС.

Вместе с тем «кризис 2005 г.» в связи с разногласиями по стоимости транзита газа через Украину несколько подорвал репутацию России как абсолютно надежного поставщика и стимулировал страны ЕС к проведению более твердой политики «равноудаленности» от поставщиков энергии.

В 2008 г. в результате нового витка газового противостояния ЕС сократил импорт российского магистрального газа, используя ресурсы Северного моря и увеличив импорт СПГ. Доля «Газпрома» на европейском рынке сократилась с 39% в 2000 г. до 27% в 2011 г. Цена российского газа упала до 402 долл. США за м³, соответственно выручка «Газпрома» сократилась на 16,5%¹⁰.

Украинский кризис 2014 г., видимо, укрепит эту тенденцию. Зависимость от российского газа, по мнению руководства Евросоюза, ставит под угрозу энергетическую безопасность стран-членов. В документах Европейского Союза отмечается, что «сколь бы важным и целесообразным ни был энергетический альянс с Россией, нельзя упускать из виду то обстоятельство, что Россия рассматривает торговлю энергоносителями в качестве потенциального средства для оказания давления на зависимые от нее государства»¹¹.

¹⁰ Хайтун А.Д. Энергетическая политика России на Европейском континенте. М.: ИЕ РАН, 2008. С. 34.

¹¹ Российский газ может «отравить» ЕС / Отраслевой портал logistics.ru (http://www.logistics.ru/9/23/i20_23057p0.htm).

Политика ЕС в области безопасности снабжения энергоносителями состоит в диверсификации поставок и дублировании транспортных систем. Законодательство ЕС предусматривает, что доля одной страны в его импорте не должна превышать 28%. Квоту продаж газа в ряде стран Евросоюза «Газпром» уже превысил, что может заставить его уступить часть своего рынка.

Диверсификации служит также строительство трубопровода и терминалов для сжиженного газа в Вильгельмсхафене, которые позволят странам ЕС стать участниками мирового рынка жидких энергоносителей, не зависящего от трансъевропейской сети трубопроводов.

Транзитная политика России предполагает жесткий контроль поставок нефтегазового топлива в страны Евросоюза из Центрально-Азиатских государств и Прикаспийского региона. В этой связи ЕС разрабатывает проект по созданию новой газовой сети «Прикаспийские страны — Ближний Восток — ЕС». Особую важность приобретет в этой связи такие транзитные страны, как Турция, государства Кавказского региона, Украина и страны Балтии.

Центральноазиатские страны СНГ обладают крупнейшими запасами природного газа: 12% от мировых — 22 трлн м³ (для сравнения, в России — 24 трлн м³). Уже сейчас страны ЦАР являются важными экспортёрами газа в страны СНГ и Евросоюза: в 2009 г. Туркмения и Узбекистан экспортировали по 60 млрд м³, Казахстан — 30 млрд м³. Природный газ ЦАР на 10–15% дешевле для потребителей, чем газ Ближнего Востока и Северной Европы, на 30–35% — чем тюменский газ.

Система газовых трубопроводов стран СНГ в суммарных показателях уступает по мощности российской газотранспортной системе примерно вдвое (77,7 тыс. км газопроводов против 150,2 тыс. км). При этом практически все они располагают магистральными газопроводами, связывающими их с потребителями в третьих странах, но для доступа к странам ЕС они нуждаются в российской инфраструктуре, что сильно ограничивает их экспортные возможности.

Сейчас Россия вступила в конкуренцию с Западом за газ стран ЦАР, в первую очередь из Туркмении. Потребители стран ЕС предлагают Ашхабаду построить газопровод по дну Каспийского моря мощностью 30 млрд м³ в год. Далее маршрут пройдет через Азербайджан, Грузию и Турцию, где газопровод соединится с проектируемым маршрутом *Nabucco* по территориям Болгарии, Румынии и Венгрии. Помимо добывающих стран, участниками проекта энергетических коммуникаций ЦАР — Европа выступают также страны-транзитеры — Грузия, Армения, Турция, Иран, через которые могут быть проложены трубопроводы.

Доказанные запасы нефти в Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Азербайджане оценивают в 15 млрд т. Экспортный потенциал этих стран уже к 2020 г. может составить 150–170 млн т ежегодно.

Каспийский регион предстает как основной конкурент тюменской и татарской нефти. Нефть Прикаспия сопоставима по цене с ближневосточной и на 25–30% дешевле, чем российская. Для того чтобы развить Каспийский проект в полном объеме и обеспечить независимый выход нефти и газа ЦАР в Европу, потребуется суммарно 30–40 млрд долл.

Российский газ идет по трубопроводам, которые пересекают границы 14 государств. Через Украину проходят 7 магистральных газопроводов из России. Пропускная способность системы на входе составляет 290 млрд м³ в год, на выходе — 175 млрд м³. Через систему газопроводов Украины осуществляется транзит российского газа в страны Европы, а также в южные регионы России.

Система мощных газопроводов была построена в СССР по оптимальным трассам, позволяющим прокладывать трубы большого диаметра. Полное дублирование такой системы по иным маршрутам в современных экономических условиях нереально, хотя попытки в этом направлении предпринимаются.

История распорядилась так, что российский газ отделен от основных центров потребления кольцом восточноевропейских стран. В этой связи перед Россией вырисовывается альтернатива: либо договариваться с транзитными странами, либо искать обходные маршруты — российское руководство избрало второй путь.

Начальным шагом в этом направлении стало создание Северобалтийского трубопровода по морю в обход Украины и Польши. Первая нитка *Nord Stream* (27,5 млрд м³) введена в эксплуатацию в 2012 г. Прокладывается вторая нитка, проектируется третья. Плюсом проекта является то, что он впервые обеспечил прямые поставки российского природного газа в Западную Европу, минуя транзитные страны.

Вторая система газопроводов Россия–ЕС в обход территории Украины — «Южный поток» по дну Черного моря — находится сейчас на стадии строительства.

Предусмотрен еще один газовый проект — «Ямал–Европа»: строительство газопровода из северных районов Тюменской области России в Германию через территории Белоруссии и Польши. Проектная производительность первой нитки газопровода — 33 млрд м³ в год. В газопровод уже вложено до 6 млрд долл. Однако Польша пока возражает против реализации данного проекта, поскольку, по мнению руководства этой страны, он избыточен для ее экономики и способствует нежелательному усилению монополизма «Газпрома».

Ориентация на строительство новых газопроводов на южном и северном флангах объясняется преимущественно политическими соображениями.

В конце 2012 г. достоянием общественности стал принципиально новый проект обходного пути к центрам европейского энергопотребления — на основе экспорта российского сжиженного газа. В Европе основными потребителями СПГ являются Франция, Бельгия и Испания. Технически и экономически поставленная задача — дело высокой сложности. «Газпром» сейчас рассматривает планы по строительству завода по сжижению природного газа в районе Приморска (Ленинградская область). Мощность завода должна составить от 5 до 7,2 млн т СПГ в год. Стоимость проекта оценивается нами в 6–7 млрд долл., однако, по нашим подсчетам, она занижена примерно вдвое.

В марте 2011 г. вступил в силу Третий энергопакет Евросоюза в области электроэнергетики и природного газа, состоящий из двух директив, трех регламентов. Его принятие — вызов многолетней монополии поставок российского природного газа в ЕС.

Уже более 15 лет он реализует планы либерализации газового рынка, имея в виду развитие конкуренции, снижение цен для граждан стран-членов и повышения конкурентоспособности европейской промышленности. В 2011 г. Еврокомиссия провела 60 разбирательств по нарушениям со стороны национальных правительств, которые не смогли соблюсти требования даже Второго энергопакета (2003).

Очевидно, что процессы либерализации энергетики необратимы и будут продолжены.

Новации в области газа и электроэнергии призваны объединить энергетический рынок ЕС. Цель — устранить национальные барьеры в торговле электроэнергией и природным газом; повысить безопасность поставок энергии; стимулировать конкуренцию национальных монополий и на этой основе повысить качество услуг. Суть реформ — полное разделение энергетических вертикально интегрированных компаний.

На полное разделение систем управления добычей и доставкой природного газа сейчас готовы пойти не все «газовые» державы. Некоторые государства, в том числе Россия, пока не приняли окончательного решения.

Наиболее дискуссионные аспекты Третьего энергопакета — условия разделения электроэнергетических и газотранспортных сетей, последовательность расширения прав национальных энергетических регуляторов в выборе потребителей. Первоначальное жесткое требование Еврокомиссии запретить компаниям, осуществляющим добычу,

генерацию или импорт газа и электроэнергии, контролировать распределительные сети означало, по сути, экспроприацию корпоративных сетей. Это вызвало негативную реакцию «Газпрома», поскольку в этом случае отменялись гарантии долгосрочных контрактов по поставкам российского газа.

Поэтому спустя некоторое время требование ЕС было сформулировано более мягко. Согласно одному из предложенных вариантов, «независимый системный оператор» позволял компаниям сохранить сети в собственности. Однако в этом случае им надлежало бы передать свои активы ему в управление. Предусматривался и другой вид разделения, при котором «независимый оператор газотранспортной или энергетической сети» оставляет крупным компаниям транспортные мощности в собственности и в управлении при условии отделения управления сетями от прочей деятельности. Последний вариант (поставщик энергоресурсов может не только сохранить сети на балансе, но и отдать оперативное управление дочерней структуре) несколько снизил накал противоречий относительно вопросов собственности при разделении компаний-монополистов.

Вместе с тем его реализация, очевидно, укрепит диктат национальных и европейских регуляторов энергетических рынков. Эти структуры, по существу, приобретут независимость от исполнительной власти государств: они получают право следить за перегрузками в сетях и за строительством международных мощностей по транспортировке, доступ к транспортным сетям независимых компаний, смогут контролировать разделение прав собственности и моделей управления в интегрированных компаниях, механизмы балансировки рынков. Наконец, будут иметь право принимать обязывающие решения.

Одна из приоритетных целей ЕС — диверсификация поставок газа и возможность доступа к любой точке ГТС Европы для транспортировки газа в любом направлении независимо от национальных границ. Однако газовая инфраструктура Европы была создана при активном участии вертикально интегрированных компаний, которые компенсировали традиционно невысокую (до 5%) рентабельность в транспортировке высокими доходами от реализации газа. Теперь эти доходы намечено ограничить.

Одна из задач Третьего энергопакета — выравнивание стоимости энергоресурсов на всей территории ЕС. Сейчас разница между отдельными регионами достигает 30%. Во многих регионах превалирует зависимость от единственного энергетического источника. Именно поэтому газовым компаниям предписано заниматься трансграничными перетоками.

Для «Газпрома» важно, что речь идет об изменении схемы поставок газа по долгосрочным контрактам: изначально цепочка поставок строилась по точкам входа-выхода на границах. Теперь она трансформируется в систему «хаб-хаб»¹² — подача энергии в узлы газовых коммуникаций, где и формируется рыночная цена. Это ставит перед газовыми корпорациями серьезные требования по реконструкции методов управления поставками газа и работы на энергетическом рынке.

На общеевропейском уровне существуют три направления поставок газа: северный коридор из Норвегии, восточный коридор из России, средиземноморский коридор из Африки, а также поставки СПГ. Поставлена задача — выравнять условия потребления газа из всех этих источников.

Для России важны условия реорганизации газовых сетей и формирования цен на европейском рынке, в частности, усиление позиций в распределительных сетях Центральной Европы. Для обеспечения расширенного воспроизводства газовой системы необходимо обеспечить загрузку вновь построенных ниток газопровода «Северный поток» и гарантии доходности этих проектов с тем, чтобы в дальнейшем получить европейские кредиты для освоения арктических месторождений газа и нефти.

По параметрам безопасности — от политической до техногенной — нефтяной экспорт России более устойчив, нежели газовый. Однако и здесь есть свои проблемы: 54% этого экспорта проходят по нефтепроводам через сопредельные, в том числе не вполне «надежные» страны. Данные о российских магистральных нефтепроводах и морских терминалах для экспорта и транзита нефти приведены в таблице 19.1.

Таблица 19.1

**Мощность магистральных нефтепроводов и морских терминалов
для экспорта и транзита нефти за пределы СНГ, в млн т/год**

Транспортная система	2005	2010	2015	2020
БТС–Приморск	62	62	62	62
Прочие порты Северо-Западного направления	15	15	15	15
МНП «Дружба»	66	66	66	66
МНП АК «Транснефть» с выходом к портам Черного моря	63	63	63	63
КТК	28	67	67	67
Тайшет–Тихий океан	–	30	50	80

Источник: Христенко В. Россия на мировых рынках нефти и газа // Экономика России: XXI век. 2008. № 18.

¹² Мельникова С. «Третий энергопакет ЕС»: принять нельзя отказаться // ТЭК стратегии развития. 2011. № 2.

Как видно из таблицы, строительство новых транспортных коммуникаций, ведущих на Запад, кроме северного нефтепровода, выходящего на терминал в Мурманске, не предусмотрено. Возможно дублирование нефтепровода через Черное море — Новороссийск — Бургас. Данный проект был уже согласован между Россией и Болгарией, однако под давлением ЕС отложен на неопределенный срок из-за вопросов экологической безопасности.

ЕС и энергоресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока

Этот огромный регион имеет мощный ресурсный потенциал: нефть и газ, уголь и гидроэнергия, золото, цветные и редкие металлы. Их разработке и использованию препятствуют неэффективные связи с мировыми экономическими центрами и низкое внутреннее потребление. Причина — слабая заселенность и удаленность этого региона от экономических центров России и Европы. В страны ЕС массовые поставки энергоресурсов в ближайшие десятилетия не предусмотрены. Основная причина — дальность транспортировки энергоресурсов в европейские центры потребления превышает 6–7 тыс. км.

Экспорт энергоресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока эффективен преимущественно в Китай и Японию, а также в США. Наиболее известен проект добычи нефти и газа на шельфе Сахалина. В части привлечения прямых иностранных инвестиций его с полным основанием рассматривают как знаковый для России.

Основные проекты экспорта нефти и газа связаны с Китаем¹³. На период до 2015 г. намечено экспортировать в эту страну ежегодно до 61 млрд м³ газа и до 31 млн т нефти. В 2010 г. введена первая очередь нефтепровода от Тайшета (Иркутская область) до Сковородино (Амурская область) длиной 2694 км. Мощность — 30 млн т в год. Помимо этого, нефтепровод должен соединить нефтяные месторождения Восточной Сибири с портом и НПЗ в заливе Находка, что позволит России выйти на рынки США и АТР.

Основные месторождения нефти данного региона: Ванкорское на севере края; Верхнечонское в Иркутской области; Верх-Тарское на севере Новосибирской области. В целом, запасы нефти и газа Восточной Сибири многократно уступают разведанным западносибирским и прогнозируемым месторождениям шельфов российской Арктики.

¹³ Хайтун А.Д. Энергетическая политика... С. 10.

Главная задача энергетики региона — развитие инфраструктуры разведки, добычи и транспорта.

Экологическая безопасность энергетики

Источникам возобновляемой энергии, таким как дрова, биомасса, биоразлагаемые отходы и гидроэлектроэнергия, в европейской экономике (как в России, так и в Евросоюзе) отведено скромное место¹⁴. Сейчас на возобновляемые источники энергии (ВИЭ) в системе энергоснабжения ЕС приходится до 6%, включая 2%, принадлежащие гидроэнергетике. Несмотря на ежегодные 3% роста и скачок в развитии ветроэнергетики (за 10 лет более 2000%), доля ВИЭ в европейском, как и в мировом, энергопотреблении пока не увеличивается. Однако помимо энергии ветра начинают использовать пока экономически неконкурентоспособную фотоэлектрическую энергию.

Рисками, связанными с экологией и здоровьем людей, чреват и рост транспортировок энергоресурсов. Через европейские воды ежегодно перевозятся 800 млн т нефти и СПГ. 70% этого объема идет через Атлантическое побережье или Северное море, 30% — через Средиземное море. Количество аварий на море напрямую связано с возрастом кораблей, осуществляющих перевозки. Возраст 60 нефтяных танкеров из 77, потерпевших аварию с 1992 по 2012 г., превышал 20 лет. «Вклад» России в данную ситуацию непропорционально велик в силу изношенности судов, обветшания трубопроводов и недостатков в организации инженерного контроля.

Продолжается рост антропогенных выбросов и усиление парникового эффекта, ускорилось глобальное потепление. Земная поверхность нагрелась в среднем на 0,3–0,6°C. В результате уровень воды в океанах поднялся на 10–25 см. За последние полстолетия толщина арктических льдов уменьшилась в среднем на 40%.

Основным источником антропогенных выбросов CO₂ остается сжигание ископаемого топлива. В Европейском Союзе 50% таких выбросов вызваны потреблением нефти, 22% — природного газа и 28% — угля. Выбросы CO₂ от потребительского сектора занимают в общем балансе 37%, транспортный сектор дает 28%, домашние хозяйства — 14, промышленность — 16 и сектор услуг — 5%. Тему глобального потепления с полным основанием рассматривают как системную угрозу человечеству.

¹⁴ См.: European Commission. Directorate-General Energy and Transport (http://ec.europa.eu/dgs/energy_transport/figures/trends_2030/index_en.htm).

Проблемы безопасности электроэнергетических коммуникаций кроются в недостаточном развитии сетевой инфраструктуры и качестве ее обслуживания. Эти обстоятельства могут замедлить интеграцию национальных рынков Европы и снизить надежность снабжения электроэнергией. Безопасность электроснабжения от техногенных и террористических угроз лучше всего обеспечивает строительство новых перемычек между сетями государств — членов ЕС и странами СНГ.

Политические аспекты энергетической безопасности

Среднесрочная энергетическая политика ЕС, имеющая главной целью ограничение доминирования некоторых стран-производителей нефти, а также газовой «гегемонии» России, неизбежно вступает в столкновение с долгосрочной энергетической политикой распределения инвестиционных ресурсов.

Сложился своего рода консенсус правительств стран Евросоюза относительно принципиальной ненадежности всех источников углеводородного топлива и недопустимости безудержной траты энергии. Однако в оценке степени надежности поставок из конкретных стран и регионов, а также в прогнозах возможных сбоев в энергоснабжении наблюдаются немаловажные различия.

Фундамент общеевропейской энергетической безопасности может заложить согласованная политика управления спросом. Важное место в этом занимает накопление энергетических резервов. В связи с этим Европейский Союз намерен¹⁵:

- создать стратегический нефтяной резерв для смягчения беспорядочных ценовых колебаний;
- использовать механизм резервирования природного газа с целью оградить себя от неустойчивости его импорта.

Новым в подходе ЕС к повышению интегральной энергетической безопасности является требование установления контроля Евросоюза по меньшей мере над $\frac{1}{3}$ нефти, находящейся в хранилищах. В случае чрезвычайной ситуации национальные правительства утратят право распоряжаться страховыми запасами нефти — все решения предстоит координировать Брюсселю. Таким образом, ЕС в мирное время планирует меры, свойственные, скорее, военной экономике.

¹⁵ Хайтун А.Д. Энергетическая политика... С. 145.

Следует отметить, что и Россия принимает меры по развитию новых газохранилищ.

Сдвиги в потреблении нефти происходят медленно, и цены на нефть на мировом рынке определяют в основном поставщики. В последние 30 лет эту роль практически полностью играл ОПЕК, поскольку самый крупный независимый поставщик — Россия — на данном рынке не вполне конкурентоспособен, прежде всего, с точки зрения стоимости добычи и транспортировки. Следует отметить, что в связи с фактической реприватизацией нефтедобычи в нашей стране поощряются не столько поставщики, способные менять объемы добычи в зависимости от спроса, сколько экспортеры, постоянно работающие на полную мощность вплоть до истощения пластов.

Для безопасности экспорта газа особенно важен механизм согласований транзита, основанный на понятных сторонам принципах. Чтобы политическая зависимость европейского импорта энергоносителей не стала чрезмерно обременительной, Европейский Союз параллельно с расширением импорта энергоносителей из России намерен увеличивать поставки из Центральной Азии, бассейна Каспийского моря и из Африки, а также СПГ из Катара и США.

Проблемы энергетической безопасности России специфичны: в стране нет дефицита энергоресурсов, и есть деньги для развития энергетического комплекса. Однако существует опасность разрушения национальной экономики от избытка того и другого. Эта угроза связана с недостаточным развитием рыночных институтов. Решения по созданию фактически государственной структуры «Роснефть», которая превратилась в крупнейшую транснациональную нефтяную монополию мира, не способствуют оптимизму сторонников рыночных преобразований.

В последней четверти прошлого века экономика СССР рухнула при падении цены нефти до 8 долл. за баррель. А следом распалось само государство. И теперь россияне каждое утро начинают с чтения информации о цене барреля нефти. Односторонняя ориентация на экспорт энергоресурсов приводит к снижению устойчивости экономики России еще и потому, что ограничивает ее научно-техническое развитие. Доля продукции высокого передела в экспорте в последние годы только сокращалась. Зато она заметно возросла в импорте. В частности, доля ввозимой продукции машиностроения увеличилась, по нашим оценкам, с 38 до 40,1%. Реальное улучшение экспортных показателей продемонстрировали лишь нефтегазовый сектор и черная металлургия. Топливо-энергетические товары заняли в общем объеме экспорта 62,2%. На 75% вырос экспорт черных металлов.

Сейчас у значительного числа российских экономистов и политиков закрепилось мнение, что цена за баррель нефти будет колебаться в пределах 110–120 долл., но не поднимется выше 140 долл. Внятного обоснования такому прогнозу нет. Если же цены на «черное золото» упадут ниже 70 долл. за баррель (до нижнего предела цены, при которой Саудовская Аравия сводит свой бюджет), то это может стать катастрофой — не менее значимой, чем дефолт 1998 г.

Пока же при нынешних ценах на нефть российские компании вполне конкурентоспособны во всех странах ЕС. Однако возможно нарушение равновесия рынка в связи с вводом новых месторождений в Ливии и Алжире, в странах Прикаспия, а также с появлением на рынке избытков СПГ и сланцевой нефти из США.

В этой связи возможны следующие сценарии:

- заключение нового картельного соглашения стран ОПЕК и ЕС о стабилизации и квотировании поставок. Это ограничит разработку новых месторождений в России, но не перекроет наших энергетических поставок в Европу. Основным конкурентом для российской нефти станет нефть прикаспийских месторождений, а также американские сланцевая нефть и СПГ;
- картельного соглашения достичь не удастся. Страны-экспортеры станут настаивать на «свободе конкуренции». Тогда российская нефть может быть вытеснена с европейского, более того — с мирового рынка. Сейчас такой сценарий кажется утопическим, но в долгосрочной перспективе и с учетом развития сланцевых месторождений он вполне реален.

В настоящее время Россия обеспечивает 26% потребления и 32% импорта *природного газа* ЕС. В перспективе российская доля в импорте газа может сократиться. Но даже в этом случае на протяжении ближайших десяти лет цена газа из действующих месторождений обеспечит эффективность экспорта.

Экономическая ниша для поставок российского газа в Европу сохранится при любом соотношении сил на энергетическом рынке, но при условии реализации крупномасштабных инвестиционных проектов освоения арктических месторождений, стоимость которых на период до 2020 г. оценивается по газовой промышленности в 45–50 млрд долл., по нефтяной промышленности — в 55–60 млрд долл.¹⁶ Потребуются серьезные государственные гарантии, а также прямые зарубежные инвестиции. Последнее возможно при важнейшем ус-

¹⁶ Хайтун А.Д. Энергетическая политика... С. 110.

ловии — доверии мирового капитала к устойчивости политической стратегии России.

Программа ЕС по развитию возобновляемых источников энергии имеет целью обеспечить с их помощью к 2020 г. 20% потребностей в электроэнергии и 12% общего спроса на энергию. Однако такие источники станут конкурентоспособными лишь в условиях государственного протекционизма. Если атомная энергетика и новые источники не покроют спроса, а энергосбережение не даст крупных результатов, экономика стран ЕС останется заложницей импорта ископаемых энергоресурсов. И в этом дилемма энергетической безопасности Европы и Евразии. Между тем решения в этой сфере нужно принимать сегодня, ведь цикл освоения месторождений и сооружения транспортных систем составляет 10–15 лет.

Глава 20

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В XXI ВЕКЕ

Одна из постиндустриальных аксиом гласит: в информационном обществе университеты важнее промышленных предприятий. Очевидно, что необходимость соответствовать новой роли предъявила и новые требования к современной высшей школе, что сделало неизбежными перемены в сфере высшего образования. При этом реалии его реформирования не менее противоречивы, нежели сама постиндустриальная эпоха.

От Болонского процесса к новому пространству высшего образования

19 июня 2014 г. исполнилось 15 лет с момента подписания Болонской декларации — совместного заявления западноевропейских министров образования. Этот документ конституировал становление нового образовательного пространства в странах ЕС и за их пределами. Декларация получила свое наименование по городу, где состоялась конференция «Зона европейского высшего образования». Ее программные установки стали, в свою очередь, развитием Сорбонской декларации, подписанной министрами образования Франции, Германии, Италии и Великобритании в 1998 г. и приуроченной к 800-летней годовщине Парижского университета.

В подписанном в 1999 г. 29 министрами образования стран Европы болонском документе было указано, что реализации этого мегапроекта должна завершиться в 2010 г. После Болоньи министры образования проводили конференции в Праге (2001 г. — 32 страны-участницы), в Берлине (2003 г. — 40 стран-участниц), в Бергене (2005 г. — 45 стран-участниц), в Лондоне (2007 г. — 46 стран-участниц), в Левене (2009) и в Будапеште–Вене (юбилейный 2010 г. — 47 стран-участниц). В Вене

же было официально объявлено о создании европейского пространства высшего образования и тем самым о формальном завершении Болонской инициативы.

Состав участников этих форумов наглядно продемонстрировал, что Болонский процесс значительно шире рамок членства в Европейском Союзе, а идеи, заложенные в его основу, вполне подходят для стран многих регионов мира.

Но что же скрывалось в действительности за этим фасадом?

Нынешняя постюбилейная дата дает повод для неюбилейных, а потому и реалистичных, размышлений об эволюции и перспективах высшего образования. В меньшей степени это относится к вузовской системе России, переживающей сегодня период реформирования, грозящего стать радикальным. Да и в целом Болонская декларация и инициированный ею процесс это, прежде всего, повод для размышлений не столько о достижениях, сколько о проблемах высшей школы, которые по-прежнему не решены, несмотря на формальное завершение болонского проекта.

Болонский процесс был продолжен инициативой, именуемой «Европейское пространство высшего образования» и реализуемой на фоне таких мегаинициатив ЕС, как «Европа 2020», а также «Образование и обучение 2020». Она направлена на решения, которые идут существенно дальше, нежели уже состоявшееся формальное присоединение многих стран Европы к Болонским инициативам. Эффективность и мобильность высшего образования — вот те базовые цели, на реализацию которых и нацелена принятая стратегия.

Напомним, что в Болонье к основным установкам реформирования высшей школы были причислены:

- введение системы сопоставимых документов о высшем образовании, в том числе единой формы приложений к диплому для выпускников вузов;
- повсеместный переход к двухуровневой (бакалавр-магистр) системе высшего образования. Первый уровень (бакалавриат) должен был иметь как минимум трехлетнюю продолжительность, второй уровень (магистратура) — пятилетнюю. Магистерская степень, в свою очередь, должна обеспечивать доступ к обучению в докторантуре;
- существенное расширение студенческой и преподавательской мобильности, а также повышение эффективности образовательных технологий;
- снижение барьеров между университетским и неуниверситетскими секторами высшего образования, что должно было повысить престиж последнего (в документах ЕС уже сегодня под универси-

- татами подразумевают все учреждения, дающие высшее образование);
- принятие единой системы учебных кредитов, при которой вместо учета числа часов, отведенных на изучение дисциплин, последние будут ранжироваться по их «трудоемкости». Для получения той или иной квалификации студент должен будет набрать нужное количество единиц трудоемкости в одном или в нескольких университетах. Кредиты могут быть получены также в рамках образования, не являющегося высшим, включая обучение в течение всей жизни. Эту же систему планировалось распространить на все послевузовские формы образования;
 - развитие сотрудничества в деле обеспечения качества высшего образования, в его оценке по единым (либо сопоставимым) критериям и методам, в том числе путем внедрения внешнего (международного) аудита качества.

Модели социального развития, обозначаемые ныне проектами «общества, основанного на знаниях» и «обучающейся экономики», выдвигают образовательную сферу на первый план, заставляя ее, тем самым, играть ведущую роль в социальной системе — роль, к которой образование, система по своей природе инерционная, во многом не готова.

Традиционализм образования — прежде всего, европейского — был на протяжении веков залогом его устойчивости. Ведь обучение представляет собой в большей степени трансляцию, чем приращение знаний. Каждое поколение пользуется, как правило, не тем образованием, которое порождает, а тем, которое создала предшествующая эпоха. И не случайно современные университеты Европы и поныне базируются на имеющей двухсотлетнюю историю модели, предложенной Вильгельмом Гумбольдтом, который в свое время в процессе реформирования провозгласил исследования сердцевиной университета и основой преподавания в нем.

Высшая школа в рыночном плену

Трактовка — университет как основная структурная единица европейской академической науки — превратила его в свое время в колыбель научного творчества, священнодействию которого не должны мешать студенты. При такой образовательной стратегии студенты в значительной степени предоставлены сами себе и минимальным об-

разом подвержены опеке преподавателей. Именно в этом своеобразном взаимодействии студентов и преподавателей наиболее ярко проявляются ныне центробежные тенденции. Педагогический процесс (при сложившемся в Европе преимущественно бесплатном высшем образовании) фактически бесприбылен. Деньги зарабатывает наука, получая их за результаты исследований, а также за престиж вуза, который тоже, в первую очередь, связан с научными результатами, полученными в именитых стенах и пользующимися мировым признанием.

Между тем наука столкнулась с проблемой эффективности раньше, чем высшая школа в целом. Сейчас даже фундаментальные исследования (в том числе осуществленные за счет грантов) оказались вписанными — пусть и не всегда успешно — в рыночную логику. Следующий шаг в этом направлении теперь предстоит сделать высшему образованию. Однако, ориентируясь на американские модели, евростратегии от педагогики одновременно не хотят прислушаться к предостережениям своих заокеанских коллег об опасности перевода всей научно-педагогической сферы на рыночные рельсы.

Вопрос эффективного взаимодействия «чистой» науки, преподавания и инфраструктуры быта должен решаться в университетском комплексе на базе приоритетной подсистемы. Сегодня ею является наука. Если центром притяжения станет сугубо образовательный процесс, то это вовсе не будет означать «снятия» вузовских проблем.

Из всех задач, обозначенных Болонской декларацией, самой трудной реализуемой оказалось снижение барьера между университетским и неуниверситетским высшим образованием — и это, прежде всего, из-за неразвитости в последнем научных изысканий, без высокого качества которых невозможно образование «высшей пробы».

Практика показала, что повсеместное снятие «невидимых барьеров» между всем высшим образованием и наукой пока маловероятно. Есть основания рассчитывать лишь на их некоторое нивелирование. И то лишь в том случае, если вузы получат возможность действовать в соответствии с моделью, характерной для промышленных корпораций. Это, в свою очередь, подразумевает, что к руководству университетами должны прийти вместо академических ученых менеджеры-профессионалы. При благоприятных обстоятельствах реализация ими инновационных потенциалов может несколько сблизить исследовательский и образовательный процессы.

В рамках глобального соревнования с США многие страны Европы предъявляют сейчас к собственным образовательным технологиям инновационные требования, принципиально отличные от сложившихся в прошлом, не считаясь с тем, что их реализация возможна

только в результате совместных действий университетов, национальных и региональных властных структур, бизнеса, наконец, студенчества и гражданского общества в целом. Однако на этом пути до сих пор получены не очень весомые результаты.

Образование, как отмечают многие эксперты, стало рассматриваться во многих странах Европы как своего рода компас, который укажет дорогу в информационное общество. Между тем сама сфера образования представляет собой пока наименее интегрированную подсистему Большой Европы. Поэтому эта сфера стала ареной наиболее интенсивных преобразований, предполагающих как формирование общеевропейского высшего образовательного пространства, так и активный экспорт образовательных услуг.

В целом, проблемы, возникшие в высшей школе, во многом обусловлены изменениями в экономике, технологии и социальных условиях существования. Общая задача, встающая сейчас перед промышленно развитыми странами в области высшего образования, — и здесь Европа не исключение — состоит ныне в том, чтобы удовлетворить растущий спрос на образованные кадры в условиях ограниченных государственных ресурсов на его финансирование. При этом ожидать увеличения бюджетной поддержки не приходится. Отсюда вынужденная ориентация на «эффективизацию» образовательной системы. В значительной степени на нее направлено стремление максимально расширить выпуск бакалавров, что, как предполагается, снизит финансовые вложения в подготовку специалистов с высшим образованием.

Реформирование образовательного пространства, провозглашенное в Болонье, предполагает также кардинальные изменения образовательных технологий. Модернизация и трудоустройство — так ныне сформулированы основные цели грядущих усилий. Отметить это обстоятельство крайне важно, поскольку именно данная сторона дела оказывает определяющее воздействие на интеллектуальный, производственный и культурный климат, формируя вектор движения к постиндустриальному обществу.

Высшая школа все более ориентируется на создание прочных связей с практической деятельностью. В свою очередь, работодатели, приглашая на работу выпускников вузов, все чаще отдают предпочтение тем специалистам, у которых уже есть опыт работы. Поэтому, даже учась в докторантуре, многие соискатели продолжают работать в промышленности.

Текущая ситуация вынуждает образовательные структуры все активнее реагировать на потребности рынка, корректируя в соответствии с ними структуру приема и содержание учебных программ. Обычно

работодателю нужен широко образованный специалист, обладающий обширными познаниями и качествами, которые традиционно слыли гуманитарными, в том числе навыками лидерства, умением принимать решения и работать в коллективе.

Однако «степень безоблачности» в отношениях бизнеса и высшей школы пока не очень велика. Установление плодотворного сотрудничества между ними требует введения в вузах новых курсов и внедрения адекватных им форм преподавания. Этому нередко мешают многочисленные административные барьеры и ограниченность финансовых средств. Кроме того, практически во всех университетах до сих пор не преодолено убеждение, что практикуемые нововведения идут вразрез с незыблемыми установками и традициями.

Немалую роль при научно-производственной кооперации в процессе подготовки высококвалифицированных кадров играют взаимоисключающие ожидания сторон. Академический сектор главным образом рассчитывает получить у бизнеса финансовую поддержку собственных исследовательских планов, добиться пополнения стипендиальных фондов, а также предоставления гарантий занятости для выпускников. Бизнес, в свою очередь, ждет от высших учебных заведений новой научно-технической информации и основанных на ней практических разработок, готовых для запуска в производство.

Это, правда, не исключает и противоположных тенденций. Интенсифицируется взаимообмен персоналом и информацией. В ряде стран в ученые советы университетов включают представителей бизнеса. Тем самым укрепляются связи системы высшего образования и структур экономики, причем происходит это, прежде всего, на региональном уровне.

В целом, несмотря на все сложности, почти повсеместно прослеживается возрастающая ориентация университетского образования на запросы рынка образовательных услуг и промышленности. В числе главных факторов, обусловивших это развитие, можно назвать следующие:

- снижение государственной поддержки университетских исследований;
- возросшую потребность бизнес-структур в проведении фундаментальных исследований;
- расширение системы контрактов между производством и университетами;
- повсеместно утвердившуюся заботу об эффективности научных исследований.

К чему же все это приводит?

Университетские исследования попадают во все возрастающую зависимость от финансовой поддержки частных структур. Наука «экономизируется». Университетские ученые все заметнее лишаются финансовых возможностей заниматься ею ради ее самой. Значительную долю рабочего времени им приходится уделять администрированию и примитивной лекторской «текучке». Рушится традиционный образ университета как бесприбыльной организации, задача которой — производство и трансляция новых знаний.

В образовательных структурах стали все шире распространяться предпринимательство и частичная занятость. Первое обусловлено участвовавшим обращением ученых к коммерческой деятельности как единственному реальному способу приобретения средств для продолжения научной работы. Вторая — вызванным новациями обострением проблемы занятости в сфере высшего образования. Многие ученые и квалифицированные преподаватели высшей школы лишились возможности работать на полной ставке.

Государственное финансирование высшей школы: «за» и «против»

Евросоюз располагает примерно 4 тыс. университетов и другими структурами высшего образования. В них обучаются более чем 19 млн студентов.

В стратегическом документе «Европа 2020» было намечено довести к концу нынешнего десятилетия долю молодежи, имеющей высшее образование, до 40% (в 2010 г. она составляла 33,6%). Однако увеличение численности студентов в странах — членах ЕС не повлекло за собой возрастания финансирования высшего образования.

Напротив, за истекшие 20 лет оно сократилось в среднем на 30%. Это, естественно, вынудило администрацию высших учебных заведений ряда стран ввести плату за обучение. В 1995 г. так поступила Ирландия, в 1998 г. — Великобритания. В начале нового столетия частичная оплата за обучение была введена в вузах Германии.

Активно обсуждается проект установления платы за обучение студентов-иностранцев, а их в странах ЕС немало. Так, в Великобритании обучается 16% общемировой численности иностранных студентов (2-е место в мире), в Германии — 11% (3-е место). Уступают они лишь Соединенным Штатам Америки (32% всех иностранных студентов). В общих затратах на образование расходы на его высший уровень в боль-

шинстве стран — членов ЕС составляют примерно $\frac{1}{5}$ от всех расходов на образование (в США — $\frac{1}{3}$).

Об объеме расходов на образование в Евросоюзе можно судить на основании данных таблицы 20.1.

В среднем государства — члены ЕС тратят на эти цели более 5,5% ВВП. Данная цифра сравнима с американскими показателями и выше, чем в Японии, где расходы составляют 3,5%. Однако из них на высшее образование в Евросоюзе приходится в среднем 1,3% ВВП по сравнению с 2,7% в США и 1,5% в Японии. Источник таких различий — низкий уровень частного финансирования высшего образования в странах ЕС. Кроме того, у них отсутствует масштабная и разветвленная филантропическая традиция, как в США.

Таблица 20.1

**Национальные расходы европейских стран на образование в 2009 г.,
в % от ВВП**

Страны	Расходы на образование	Страны	Расходы на образование
Австрия	6,01	Норвегия	7,32
Бельгия	6,57	Турция (2006)	2,82
Великобритания	5,67	Франция	5,89
Германия (2008)	4,57	Швейцария	5,55
Греция (2005)	4,07	Швеция	7,26
Италия	4,7	Чехия	4,38
Испания	5,01	Венгрия	5,12
Нидерланды	5,94	Польша	5,1
Финляндия	6,81	Португалия	5,79
Дания	8,72	Ирландия	6,5
Болгария	4,58	Мальта	5,46
Румыния	4,24	Словения	5,7
Кипр	7,98	Словакия	4,09
Литва	5,64	Эстония	6,09
Латвия	5,64	Люксембург (2007)	3,15

Источник: Eurostat.

Следует вместе с тем отметить, что, несмотря на введение платного высшего образования, в практике Болонского процесса сохранились элементы лежавшей в ее основе ориентации на социальную справедливость.

А они предполагают следующее:

- формирование студенческих коллективов из разных социальных слоев;
- ориентацию на «образование в течение всей жизни» как с целью переобучения, так и в интересах самосовершенствования личности;
- возможность сочетания учебы с работой;
- стимулирование глобального трансфера учебных программ, реализуемых на разных языках и позволяющих иностранцам учиться на родном языке за рубежом своей страны;
- наращивание всесторонних международных преподавательских и студенческих обменов.

Пока мобильность студентов, обучающихся в странах Евросоюза, невелика. В 2000 г. только 2,3% из них занимались не в той стране, гражданами которой являлись. Показатели мобильности в исследовательских интересах в ЕС оставались выше средних показателей мобильности населения в целом, но были ниже соответствующих данных по США.

В 2010–2011 гг. наиболее популярными объектами студенческих поездок были Испания, Франция и Германия. Наибольшее число студентов, учившихся в эти же годы за границей, прибыло из Испании. За ними по численности обучающихся за границей следовали Франция, Германия и Люксембург.

В целом, доля студентов, обучавшихся вне родной страны, за истекшее десятилетие выросла. Причем даже в странах, традиционно считавшихся форпостами европейской высшей школы. Этот процесс предполагается продолжить. К концу текущего десятилетия ЕС планирует поднять мобильность своих студентов до 20%.

Вместе с тем реализация обозначенной стратегии до сих пор наталкивается на множество препятствий: экономических, социокультурных, профессионально-технологических и, наконец, политического порядка. Экономические барьеры, например, напрямую обусловлены проблемами финансирования и попытками частично переложить его на плечи самих студентов.

Ранжирование спектра подготовки специалистов по более либо менее востребованным дисциплинам вряд ли сможет полностью решить стратегические проблемы высшего образования. Ведь невозможно точно прогнозировать изменение ситуации на рынках труда даже в не очень отдаленной перспективе.

Кроме того, сами болонские стратеги исходно заложили в свой проект «мину замедленного действия». Воплощение в реальность унифика-

ции европейских вузов автоматически влечет за собой расширение услуг дистанционного образования, в котором до сих пор доминируют США. Следуя логике Болонской декларации, дипломы, полученные дистанционно, будут уравнианы с дипломами ведущих вузов с тысячелетней историей. А при таком подходе ситуацию не спасет никакой международный аудит качества высшего образования. Впрочем, возможно в дело вмешаются профессиональные ассоциации, которые весьма избирательно относятся к репутации дипломов различных университетов той или иной страны.

Нельзя не учитывать и то, что новые информационные и коммуникационные технологии (в том числе технологии дистанционного образования) увеличивают конкуренцию на образовательном рынке. В результате университеты стран ЕС привлекают меньше студентов и соискателей докторской степени, чем их американские партнеры. Попутно отметим, что 50% европейцев, получивших образование в США, остаются там на несколько лет, а многие и навсегда.

К другим вненаучным факторам, препятствующим повышению роли университетов Старого Света, относятся высокий уровень безработицы, а также более низкая по сравнению с США и Японией степень университетско-промышленной кооперации и занятости в инновационной сфере.

Если среди 500 лучших университетов согласно шанхайскому рейтингу доля университетов ЕС приближается к 40%, то в первой двадцатке все же доминируют университеты США (16 из 20)¹. Сейчас в ЕС только один человек из трех в возрастной группе от 25 до 34 лет имеет диплом об университетском образовании по сравнению с 50% в Японии и 40% в США².

Финансируя реформирование высшей школы, Евросоюз поощряет, главным образом, исследовательскую мобильность и интеграционные проекты. Гораздо меньшее внимание уделяется в ЕС образовательному компоненту системы «высшее образование — наука».

Большинство университетов, участвующих в программах ЕС, размещено в Великобритании, Германии и во Франции. При этом предпочтение обычно отдается университетам, основанным до 1800 г.,

¹ Рейтинг лучших вузов мира ARWU (the Academic Ranking of World Universities) составляется Институтом высшего образования шанхайского университета Цзяо Тун (the Institute of Higher Education, Shanghai Jiao Tong University — IHE-SJTU) (<http://www.shanghairanking.com/ARWU2014.html>).

² См. European Commission, Background Information for the European Council. Февраль 2011 г. (http://ec.europa.eu/europe2020/pdf/innovation_background_en.pdf).

обладающим большим престижем и славящимся высоким уровнем подготовки своих сотрудников.

Доля вузов-участников Рамочных программ ЕС растет от программы к программе. Это также свидетельствует о том, что исследовательский потенциал университетов используют гораздо эффективнее образовательного.

Таким образом, формально завершившийся Болонский процесс предстает лишь как одна из многих составляющих комплексного подхода к реформированию высшей школы. Он сыграл свою, во многом противоречивую, роль и ушел в историю, оставив сфере высшего образования в рамках Евросоюза и за его пределами много проблем.

Ими ныне и в перспективе являются:

- дальнейшее увеличение уровня мобильности преподавательского состава и студенчества;
- более последовательная реализация формально провозглашенного принципа обучения в течение всей жизни;
- существенное повышение качества и эффективности высшего образования;
- более последовательное и системное применение на практике декларируемых принципов социальной справедливости;
- повышение ориентации на креативность, инновационность и мультилингвизм на всех уровнях высшего образования;
- качественное расширение сферы применения самых современных информационных и коммуникационных технологий.

Болонские технологии в России: цена вопроса

Как свидетельствует опыт последнего времени, высшее образование стало одним из наиболее эффективных элементов в системе гуманитарного сотрудничества России и ЕС. Прогресс на этом направлении явился, прежде всего, результатом взаимной — хотя и различной по содержанию — заинтересованности сторон в сотрудничестве такого рода. Для Евросоюза она состояла главным образом в стремлении, воздействуя на учащуюся молодежь России, существенно повысить престиж и влияние западной модели высшего образования. Для многих российских политиков сотрудничество с Евросоюзом в сфере образования в значительной степени означало реализацию импонирующей им стратегии всестороннего подражания тому, что считается престижным в «цивилизованных странах».

Этим они руководствовались, добиваясь присоединения России к Болонскому проекту. Те многочисленные трудности и «нестыковки», которыми оказалось чревато такое присоединение, в расчет не принимались.

Наша страна официально включилась в Болонский процесс в сентябре 2003 г. С тех пор прошло свыше десяти лет. Тем не менее траектория ее движения в заданном направлении по-прежнему вызывает много вопросов. В контексте нынешних российских реалий они выглядят вполне обоснованными.

Во-первых, переход на двухступенчатую систему образования для вузов России стал означать:

- уменьшение количества учебных дисциплин и отведенных на них часов;
- дополнительную нагрузку на рынок труда, куда как минимум на год раньше стало приходиться значительное количество бакалавров; при этом работодатели до сих пор далеко не всегда готовы иметь дело с работниками, обладающими данной степенью вузовской подготовки;
- увеличение (а не уменьшение, как было зафиксировано в Болонье) разрыва между подготовкой выпускников в университетах и иных вузах; дополнительную, в том числе финансовую пропасть создали различия между «обычными» вузами и национальными исследовательскими университетами;
- сокращение числа преподавателей вузов и тем самым дополнительную безработицу в рядах представителей этой профессии, поскольку аудиторная нагрузка при четырехлетнем цикле обучения бакалавров снизилась (и будет снижаться) в силу прочих факторов, усугубляющих ситуацию в отечественном высшем образовании.

Во-вторых, болонские стандарты высшего образования предполагают значительное изменение соотношения аудиторной и самостоятельной работы студентов. Наш отказ от их классического соотношения 1:1 оказался не проработанным как технологически (отсутствие достаточного числа компьютерных классов, посадочных мест в библиотеках, недостаток в них учебной литературы), так и — что не менее важно — ментально. Отечественный студент без неусыпного контроля над ним просто не готов прилежно заниматься. Отдельной критики заслужила и введенная взамен семестровой модульность обучения, фактически не оставляющая студентам времени на подготовку к экзамену.

Обратившись к вопросу о магистратуре и докторантуре, отметим, что в западных странах магистр становится таковым за количество за-

фиксированных часов, затраченных на учебу. Отечественный же диплом специалиста предполагает самостоятельное исследование. Да и каким образом можно «сосчитать», прибегая к системе кредитов, научную работу на кафедре?

Рассматривая проблему повышения мобильности, нельзя не констатировать, что при нынешних доходах нашего населения для подавляющего числа студентов рассуждения о «европейском пространстве высшего образования» выглядят просто насмешкой. То же относится и к отечественному преподавательскому составу. Размеры его заработной платы стали, как известно, «притчей во языцех». Толковые специалисты все реже проявляют готовность идти на эту работу.

Поговаривают, что в сложившихся условиях Минобрнауки готово решить проблему, отказавшись от услуг своих преподавателей и пригласив иностранцев. Но на нынешнюю заработную плату они вряд ли согласятся. При имеющемся фонде оплаты труда для решения такой задачи придется упразднить большинство имеющихся в стране вузов.

Логики в принимаемых решениях, о которых шла речь выше, мало. Но о ней думают в последнюю очередь. В первую — озвучивают декларации. В их числе и намерение увеличить в разы финансирование образовательных структур всех уровней до 2020 г., если (процитируем премьера Д.А. Медведева) «с экономикой все будет нормально». А если не будет, то, вероятно, в США и в странах Евросоюза резко возрастет число «русских преподавателей, обучающих китайских студентов». Там — в отличие от Отечества — уровень профессионализма российских педагогов не подвергают сомнению.

Единое с западными странами приложение к диплому также не решит наших проблем. Лучших выпускников отечественных вузов ждут в развитых странах мира и без того уже сейчас, а худших не пригласят и в будущем.

Что же касается коммерциализации сферы образовательных услуг, то по этому показателю мы давно перегнали Запад. Однако гордиться здесь нечем.

Россия впереди стран Евросоюза и по показателю контроля чиновников над высшей школой. Пожалуй, этот фактор является сейчас решающим в ходе слепо-догматического копирования схем, придуманных в Болонье. И от того, насколько отечественное вузовское сообщество сумеет сплоченно и творчески противостоять чиновничьим догмам, зависит не только судьба национальной высшей школы, но и перспективы вхождения России в постиндустриальный мир.

Реалии российского образования

В докладе ООН о человеческом развитии Россия ныне занимает 55 место³. Наши ближайшие соседи в этом списке — Мексика, Панама, Тринидад и Тобаго. Между тем ныне все отечественные промышленники и исследователи в один голос твердят о кадровом голоде.

Истоки сложившейся ситуации следует искать в немалой степени в реалиях школьного образования, в частности, в пресловутом ЕГЭ.

Чем вынуждены заниматься сегодня школьные учителя? В основном, «натаскиванием» учеников для правильного решения заданий финального школьного теста. В результате из учебного курса исчезает добрая половина материала, формировавшая прежде целостное восприятие той части картины мира, за которую отвечает конкретная отрасль теоретического знания. Ему на смену пришло примитивное заучивание ответов на тесты.

В средней школе изменились (разумеется, в сторону сокращения) как учебные планы, так и количество часов по базовым предметам. Зато в разы выросло число уроков физкультуры. Кстати, в ближайшей перспективе планируется ввести ЕГЭ еще и для бакалавров. Если учесть, что в этот усеченный период вузовской подготовки преподаватели должны сформировать специалиста при недополученных в средней школе навыках и информации, ситуация становится угрожающей.

Результаты проведенной реформы системы среднего образования как решающей основы следующей его ступени таковы:

- количество школ сократилось с 63 тыс. до 48 тыс.;
- развалена учебно-методическая работа;
- подорваны уважение к учителю и дисциплина;
- обучение теперь ведут по сокращенным — по сравнению с прошлым — учебным курсам;
- исчезла система начального и среднего профессионального образования.

Переход на двухступенчатое высшее образование проработан не был. Получила широкое распространение практика выдачи государственных лицензий многочисленным новоиспеченным вузам. Теперь их вроде бы планируют реорганизовать, укрупнить или закрыть. Вме-

³ Доклад о человеческом развитии 2013. Возвышение Юга: человеческий прогресс в многообразном мире / Пер. с англ. / ПРООН. М.: Весь Мир, 2013.

сте с тем под горячую руку попадают и весьма достойные высшие учебные заведения с богатейшим прошлым.

Между тем у России есть долгая история вложений в образовательную систему: 33% взрослых имеют среднее специальное или профессионально-техническое образование⁴.

Обсуждаемый вопрос неотделим и от ситуации с формированием компьютерно-информационной инфраструктуры в вузах и школах. Очевидно, что сугубо механическое подключение учебных заведений всех уровней к сети Интернет может привести лишь к засилию «информационного мусора». В то же время качественная информация является платной.

Ручной поиск информации исключительно на печатных, а не на электронных носителях во все большей степени становится сегодня анахронизмом. И эта тенденция, безусловно, будет нарастать. Однако возможностью работы с электронными базами данных обладают у нас студенты и сотрудники только крупнейших учебных и исследовательских структур. Похвастаться подпиской на репрезентативную выборку электронных ресурсов может даже не каждый московский институт Российской академии наук. В периферийных вузах об этом не смеют и мечтать. Как, впрочем, и о достойной зарплате для вузовских преподавателей. Мотивации к совершенствованию научной и образовательной деятельности данная ситуация не прибавляет. А вот почву для снижения требовательности к студентам, безусловно, формирует.

Результаты приема в вузы в 2009 г.⁵ показали, что абитуриенты с наибольшим баллом по ЕГЭ выбирали гуманитарные и социальные науки, здравоохранение, экономику, управление и сферу обслуживания (баллы от 67 до 69). Выпускники с баллами от 62 до 66 довольствовались вузами, дающими образование по информационной безопасности, культуре и искусству, архитектуре и строительству, информатике и вычислительной технике, геологии, разведке и разработке полезных ископаемых, физико-математическим наукам.

Еще хуже ситуация с такими естественными науками, как геодезия и землеустройство, энергетика, энергетическое машиностроение, электротехника и производство транспортных средств (от 55 до 59 баллов). А в хвосте списка — технология производства продовольственных продуктов и потребительских товаров, авиационная и ра-

⁴ Юлич Уитни. Пять самых образованных стран в мире / inoСМИ.ru (<http://inosmi.ru/world/20120928/200030473.html>).

⁵ См.: Кулешов В.В. Образование: мировой опыт и российские реалии // ЭКО. 2010. № 6. С. 20–21.

кетно-космическая техника, образование и педагогика, производство оружия и систем вооружений, металлургия, машиностроение и материалообработка, морская техника, сельское и рыбное хозяйство (от 45 до 54 баллов ЕГЭ).

Особо следует отметить низкую успеваемость поступивших на модные сегодня научные направления — химическое и биотехнологическое (средний балл по ЕГЭ — всего 62). Не в почете и физико-математические науки (59 баллов).

Эти данные отражают реальный престиж тех профессий, которые между тем определяют перспективное место страны в сфере инновационной экономики. Среди наиболее востребованных направлений с огромным отрывом лидирует сфера обслуживания (сервис, туризм, товароведение). Здесь конкурс в среднем составил 227 заявлений на одно бюджетное место! За ней следуют информационная безопасность (68 претендентов на место).

Тревогу вызывает будущее сферы образования, в том числе педагогики. Во-первых, абитуриентов в этой группе в четыре раза меньше, чем бюджетных мест. А, во-вторых, средний балл первокурсников составил 53 из 100. То есть учить детей через несколько лет будут троечники.

Еще более слабым выпускникам школ предстоит доверить главные технологические отрасли нашего народного хозяйства.

Как это ни печально, но приходится признать: в России разразился кризис педагогического и инженерного образования. По трем четвертям инженерных направлений и специальностей зачислены на первый курс студенты со средним баллом ЕГЭ ниже 60–55. Это значит, что половина абитуриентов, принятых на бюджетные места, имела устойчивую «тройку» по физике и математике. Это подтверждает, что Россия уже не в состоянии конкурировать в данном сегменте образования с Сингапуром, Гонконгом и Южной Кореей.

Кадры, кадры и снова кадры...

По подсчетам менеджеров «Рено-Ниссан», ныне работающих в альянсе с «АвтоВАЗом», последний сегодня нуждается в 1 тыс. новых инженеров. Взять их негде! Объединение было вынуждено вернуть на работу часть ушедших на пенсию и переобучать пришедших извне инженеров. Для решения проблемы запущена программа подготовки специалистов совместно с «Рено» на базе Тольяттинского госуниверситета и Самарской аэрокосмической академии. Если проблему не удастся

решить в кратчайшие сроки, то на «АвтоВАЗе» оставят только отверточную сборку. О национальном автопроизводстве придется забыть.

Можно привести, однако, и иной пример — попытку «штучного» обучения инженеров. В Сколково запланировано построить с нуля в партнерстве с Массачусетским технологическим институтом (MIT) университет под рабочим названием *SKTech*. Финансирует этот проект Фонд «Сколково». В структуре университета предполагается наличие пяти факультетов. На каждом из них будут функционировать по три междисциплинарных центра с несколькими лабораториями. На должность ректора университета приглашен иностранный профессор.

Будущий *SKTech* — самый дорогой образовательный проект в современной России. Набирать здесь будут, ориентируясь на подготовку инженеров с предпринимательским духом, только магистров. Расходы на одного студента будут в 10 раз выше, чем в среднем по стране.

Возникает вопрос: где найдет применение полученное в Сколково, элитное техническое образование? 100 лет назад знаменитый русский физиолог И.П. Павлов, посвятив свою Нобелевскую лекцию свойствам русского ума, назвал его «оранжерейным». Подобный редкий цветок инноваций как раз и предполагается вырастить в будущем в Сколково.

Но он не нужен нынешней российской экономике. Сколково не заменит собой отраслевую науку, а также малые и средние наукоемкие фирмы. Элитное сколковское техническое образование повиснет в вакууме тотального отсутствия капитала на НИОКР, научного сервиса, должного притока новых технологий и современного менеджмента.

Взрачивать инновационное поле трудно, долго и дорого. В Сколково в локальных масштабах пока лишь готовятся к работе в условиях международной кооперации, конкуренции и современных технологических стандартов. Это, безусловно, хорошо, но в масштабах страны до обидного мало. Ныне, как справедливо отмечают эксперты, правительство одной рукой выталкивает молодые таланты за рубеж, а другой — приглашает их в Сколково.

Разумеется, в таких условиях трудно ожидать углубления образовательного диалога со странами Евросоюза. Скорее всего, он будет продолжаться в уже отработанных формах.

Глава 21

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ В ПОЛИЦЕНТРИЧНОМ МИРЕ

Полицентричный мир — новая реальность

Тема формирования полицентричного мира неразрывно связана с вопросами глобального регулирования, с ролью каждого государства или группы государств в его механизмах. Не так много стран или их объединений, которые в принципе ставят перед собой задачу участвовать в этих процессах, тем более, их формировать. Для большинства из них верхней планкой является значимая региональная роль; для некоторых в зоне досягаемости — роль региональных лидеров. И лишь считанные из тех, кто в этом преуспел, могут претендовать на вхождение в категорию субъектов международных отношений с трансрегиональными интересами и адекватными им ресурсами.

На вершине этой пирамиды мирового влияния в прошлом располагались глобальные державы. Среди них выделялись крупные империи (особенно Британская и Российская). Им на смену пришли сверхдержавы — СССР и США. Их отличие от других тяжеловесов заключалось в том, что они обладали способностью проецировать свои интересы почти в любой точке земного шара, и ограничителями в этом выступали лишь их собственное желание и соперничество.

Россия в начале XXI столетия утверждала себя в качестве автономного межрегионального центра влияния с элементами глобальной державы. По своей культуре и истории Россия — в основном европейская держава, но по ментальности и психологии — трансконтинентальная. Имея протяженные сухопутные границы на западе, юге и востоке, она геополитически не может ограничивать свою внешнюю политику только одним направлением.

Это не означает, что у Москвы нет приоритетов при выстраивании отношений с различными частями света. Ключевые из них известны: постсоветское пространство, Евросоюз и остальная часть Европы,

США, Китай, другие члены БРИКС¹. Так как внешняя политика и национальные интересы любого государства многомерны, то в каждой конкретной ситуации складывается своя иерархия приоритетов. Например, с точки зрения мировой стратегической стабильности, никто в качестве ведущих партнеров Москвы не может конкурировать с Китаем и США. Но есть регионы, которые по насыщенности интересов с точки зрения той или иной державы, а значит, и по приоритетности, превосходят остальные. На сегодняшний день и на обозримую перспективу таким регионом для России и в политическом, и в экономическом, и в финансовом, и в культурном плане остается Большая Европа, т.е. европейское цивилизационное пространство от Атлантики до Тихого океана.

Возможно, динамика мирового развития со временем приведет к изменению расстановки приоритетов во внешней политике России. Пока трудно судить, насколько сценарий ее превращения в евразийскую державу, ориентированную в первую очередь на регион АТР, реалистичен в обозримом будущем. Россия продолжает оставаться по сути европейским, нежели азиатским или евразийским государством. Миграция россиян из Сибири и Дальнего Востока в Европейскую часть страны продолжается; большая доля зауральской экономики работает на западные рынки; инфраструктура на востоке страны — на ее двух третях — развивается медленно; финансовые вложения из-за рубежа, если не считать нефтегазовую сферу, также сконцентрированы в Европейской части России. И новые газо- и нефтепроводы, направленные в Китай, Японию и другие неевропейские государства, кардинально картину не изменят.

Так, при всей своей грандиозности, газовое соглашение между Россией и Китаем, подписанное в мае 2014 г. во время визита в Поднебесную В.В. Путина, предусматривает при выходе на максимальную проектную мощность объемы газа, составляющие порядка четверти от европейских поставок «Газпрома». Для «разворота на Восток» потребуется непреклонная воля государства, сравнимая по своей силе с той, что позволила осуществить эвакуацию на восток советской промышленности в годы Великой Отечественной войны. Никакой рыночной саморегуляцией этого не добиться. Необходима заостренная на этом вопросе неоиндустриальная, промышленная политика государства.

Однако при всех имеющихся трудностях России необходимо диверсифицировать свою внешнеторговую, внешнеэкономиче-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации, утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.

скую и инвестиционную деятельность, особенно в свете беспрецедентного подъема Китая, Индии, появления быстрорастущих рынков на огромном пространстве от Турции до Индонезии. Европейская ориентация России по ряду ключевых вопросов своего развития не должна оставаться монопольной и, тем более, эксклюзивной. В сфере безопасности, политики, экономики необходимо всемерно приветствовать и поддерживать многовекторную внешнюю политику, политику «по всем азимутам», политику стратегической глубины. Это в полной мере относится и к проекту БРИКС, обладающему огромным потенциалом и уже доказавшему свою состоятельность. Проведение очередного саммита БРИКС в Бразилии в июле 2014 г. наглядно демонстрирует несостоятельность попыток ряда западных столиц навязать России международную изоляцию из-за украинского кризиса.

Значимый вклад БРИКС в формирование многополярности состоит в том, что это не воспроизведение баланса сил в классическом смысле, а, скорее, способ увеличения адаптивности к мировым реалиям, не навязывание своего взгляда на вещи, но одновременно стремление к усилению влияния на мировые и региональные процессы. Здесь не заложена логика противопоставления; речь в основном идет об инструментарии «мягкой силы» и «умной» геополитики.

Анализ возможных конфигураций новых центров влияния продолжается. Большое внимание привлекает «Группа одиннадцати» (*Next 11*), в которую входят «перспективные рынки», группа «восточная семерка» (*East 7*) — БРИК плюс Турция, Индонезия и Мексика. В обиход экономистов и политологов вошло понятие «рынков роста», среди которых, а их насчитывается восемь, лидеры — страны БРИК, т.е. те, у кого два и больше процентов в мировом ВВП (всего 17%, из которых у России — 3%). За ними следует второй эшелон — Индонезия, Мексика, Южная Корея и Турция, т.е. страны, имеющие свыше 1% в мировом ВВП (всего 6%). В сумме рынки роста — это 23% мирового ВВП. Насколько они смогут координировать усилия для продвижения своей повестки дня в мировых делах, согласовывать свои позиции, превращая арифметическую сумму своих потенциалов в единое целое, предстоит узнать. Вероятно, они будут стремиться наращивать свою роль в рамках уже действующих структур, таких как «большая двадцатка», БРИКС и др.

Вероятно, что в обозримом будущем динамику международных отношений станут определять две группы государств — БРИКС и Евросоюз—США. Собственно говоря, так во многом уже и происходит. При таком раскладе сил Россия занимает уникальное положение, являясь

одним из крупнейших партнеров ЕС и в то же время — стратегическим партнером всех стран — участниц БРИКС, что закреплено во внешне-политических документах. Конечно, у каждого из членов БРИКС есть свои двусторонние отношения и с ЕС, и с США, но они давно перестали заикливаться на этом.

Стратегические горизонты России просматриваются и в формате «большой двадцатки». Здесь у нее открываются дополнительные возможности объединять усилия с Китаем, другими восходящими центрами влияния в мире, в том числе в их взаимодействии с участниками «семерки». Формат «восьмерки», прерванный по решению ее западных стран-членов из-за событий на Украине, не был к тому времени исчерпанным с точки зрения национальных интересов России, но и не мог служить препятствие для их защиты. Не исключено, что его деятельность в будущем возобновится.

После распада биполярной системы человечество в начале XXI в. оказалось в привычной для себя ситуации наличия различных центров силы и влияния, взаимодействие между которыми характеризует и сотрудничество, и конкуренция. В обиход вошло понятие многополярности (полицентричности). Ее предшественники были «концерты держав» XIX — начала XX в. Однако полицентричный мир, утверждающийся на наших глазах, — уникальный продукт, возникший на беспрецедентной стадии глобализации².

Принципиальное отличие многополярности от «концертов» прошлого заключается в том, что, *во-первых*, мир перестает быть не только европоцентричным, но и евроатлантическим. Впервые в истории практически на всех континентах планеты появились или появляются державы с трансрегиональными амбициями. *Во-вторых*, степень влияния на ход региональных и мировых дел зависит уже не столько от принуждения, сколько от привлекательности той или иной модели развития, а также от различного рода инструментов «мягкой силы», а точнее — «умной силы»³. *В-третьих*, во второй половине XX в. возник феномен современного международного права, фундаментом которого является Устав ООН. До сих пор он играет роль главного мерила легитимности действий государств на мировой арене, своего рода смирительной рубашкой, сковывающей намерения тех, кто хотел бы действовать, не взирая на рамки общепринятых правил.

² Всесторонне исследование мировой полицентричности предпринято в книге: Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011.

³ Подробнее см.: Бажанов Е.П. Умная сила (в поиске баланса между «мягкой» и «твердой» силой) // Дипломатический ежегодник 2013. М.: Весь Мир, 2014.

Международное право при всей своей кодификации остается в определенной части конкурентной системой, оставляющей достаточно места для различных юридических интерпретаций событий. Эта конкурентность задается диалектикой двух принципов — территориальной целостностью государств и правом наций (народов) на самоопределение. После Второй мировой войны на территории Европы долгое время главенствовал первый, однако, в других регионах мира восторжествовал второй в процессе крушения западных колониальных империй. С начала 1990-х гг., с распадом Советского Союза, Чехословакии, Югославии, а затем и Сербии, позже Грузии и Украины он вышел на первый план и на европейском пространстве. Принцип главенства права наций (народов) на самоопределение сохраняет свою привлекательность в глазах целого ряда европейских народов, стремящихся к обретению собственной государственности, среди которых выделяются каталонцы, шотландцы, фламандцы.

Опасаться многополярности из-за того, что она представляет собой возрождение баланса сил XIX в., неверно по обозначенным выше трем причинам. В любом случае, предотвратить объективные процессы мирового развития невозможно. Необходимо стремиться скорректировать их, направить в максимально позитивное русло, но не делать вид, что их можно игнорировать. Ссылаться на то, что полицентричный мир намного сложнее для управления и менее предсказуем, чем мир двухполюсный или, тем более, однополюсный, бессмысленно. Закон развития человеческой миросистемы — усложнение механизмов управления и регулирования на всех уровнях. Так было в прошлом, очевидно, будет и впредь.

Закон «взлета и падения великих держав» действовал все предыдущие столетия; продолжает он действовать и сейчас. Ни одной стране, лидировавшей в международных делах в предыдущие исторические периоды, к сегодняшнему дню не удалось удержаться на пике былого влияния, тем более, его превзойти. И это в лучшем случае. Гегемоны прошлого свои позиции или заметно сдали или вовсе перешли в более легкие «весовые категории». Рано или поздно им бросали вызов новые центры силы, происходило очередное переформатирование регионального, трансрегионального и глобального влияния.

Такие перегруппировки сил никогда не случались одномоментно. И сейчас международная система отношений одной ногой стоит в XX столетии, демонстрацией чего служат, например, попытки государств евроатлантического пространства и их объединений не допустить своей маргинализации в условиях роста полицентричности. Кто-то еще по инерции называет США сверхдержавой, но история неумолимо

движется в ином направлении. Другие предсказывают появление новой сверхдержавы — Китая. Однако уникальность полицентричности в том и заключается, что в отличие от эпохи империй, «концертов держав» или сверхдержав низка вероятность появления на трансрегиональном и, тем более, глобальном уровне новых гегемонов. «Силовые поля» политического, экономического и иного влияния распределены в современном мире как никогда неоднородно, и этот процесс набирает обороты. Эти поля препятствуют чрезмерному усилению того или иного претендента на особую статус.

Роль России в новой расстановке сил

Как в эту картину вписывается Россия? Она успела побывать в своей истории и одной из крупнейших империй, и сверхдержавой. В обоих качествах наша страна во многом определяла механизмы регионального и глобального управления и регулирования. После распада СССР Россия впервые за несколько столетий оказалась в числе сугубо региональных, даже субрегиональных игроков. Но, как показала история, в случае России не вся глубина снижения ее влияния была обусловлена железной логикой «взлетов и падений». Объективность истории сыграла свою роль, но отчасти. Время показало, что позиции нашей страны в мировых делах потенциально намного сильнее, что и было продемонстрировано на практике с начала прошлого десятилетия.

В настоящее время Россия представляет собой трансрегиональную державу с элементами глобального влияния. Сегодня тезис о международной ответственности России звучит естественно и уместно, чего не скажешь о еще недавнем прошлом. В 1990-е гг., да порой и позже, достаточно широкой популярностью пользовался тезис о вредоносности активной международной роли России, излишней стратегической глубины ее внешней политики. Его придерживались представители самых разных, порой противоположных направлений политической мысли. Например, антиэтатисты считали и продолжают считать, что чем государства меньше, тем лучше. Другие, в том числе некоторые сторонники сильной российской государственности, придерживаются точки зрения, согласно которой внешнеполитическая активность отвлекает Россию от решения более насущных задач внутреннего развития.

Думается, что неправы и те, и другие. Успешность внутреннего развития уже давно, тем более, в XXI в., в котором мир переплетен теснейшим образом, определяется внешними факторами в не меньшей степени, чем внутренними. Конечно, есть мера в вещах, и внешняя по-

литика, оторванная от реальности, от представлений о ресурсах страны, может накладывать на нее неоправданное бремя. Но нахождение правильного баланса между внешнеполитической активностью и требованиями внутреннего развития — вопрос качества государственного управления, но никак не самого принципа необходимости такой активности. Разбазаривание внутренних ресурсов ради иллюзорных внешнеполитических выгод так же неприемлемо, как бездействие во внешней политике в ущерб национальным интересам.

Стремление вернуть себе роль сверхдержавы для современной России было бы так же пагубно, как неумение защищать и продвигать свои позиции в качестве важного субъекта мировой политики, в качестве одного из центров влияния в мире XXI в. Причем стремление большей части российского политического класса и общества видеть Россию в числе ведущих субъектов мировой политики не сопровождают мессианские настроения, культивирование представлений о ее исключительности. В то же время тезис об исключительности продолжают искренне продвигать лидеры США, как в очередной раз в июне 2014 г. это сделал в военном училище Вест-Пойнт президент Барак Обама и он же в ноябре на встрече «большой двадцатки» в австралийском Брисбене. В Великобритании со времен Тони Блэра хождение получил тезис о Соединенном Королевстве как об «осевой державе» (*pivotal power*). Складывается впечатление, что чем больше степень относительного ослабления влияния ряда западных центров силы, тем чаще их лидеры говорят об особом положении управляемых ими государств.

Для своего преуспевания Россия заинтересована в дальнейшем использовании как механизмов регулирования, созданных во второй половине прошлого столетия, так и в развитии новых, постбиполярных инструментов. Среди первых — ООН и вся разветвленная система ее агентств и учреждений, ВТО (как продолжение ГАТТ), ОБСЕ (как продолжение СБСЕ) и др. Среди вторых — «большая двадцатка», БРИКС, СНГ, ОДКБ, ШОС, ЕврАзЭС, Таможенный союз, а теперь и Евразийский экономический союз. Мало кто из экспертов всерьез говорит об их ненужности. Без активной внешней политики Россия была бы не в состоянии занять достойное место в этих структурах, а, следовательно, и влиять на деятельность региональных и глобальных механизмов регулирования и управления.

Более того, для повышения шансов закрепить за собой статус центра влияния в XXI в. России необходимо лишь наращивать внешнеполитическую активность. Важную роль при этом играет следующий парадокс современности: усиление влияния во многих случаях возможно только через региональную интеграцию, даже за счет делегирования

части своего национального суверенитета, а в более широком плане — в способности стать ядром того или иного объединения государств. Наглядным примером служит Германия, которая своим нынешним весом обязана участию в ЕС, или США как ядро НАТО, или Бразилия как ведущий член различных латиноамериканских организаций. Поэтому вполне рационально стремление России взять на себя функцию центра интеграционных проектов на постсоветском пространстве. От их успешности, в том числе наиболее амбициозного — Евразийского экономического союза, будет во многом зависеть вполне оправданная претензия России на роль трансрегионального центра силы. Соглашения о его создании, подписанные лидерами трех стран в Астане в мае 2014 г., указывают правильный путь вперед.

Нельзя не отметить, что Россия в последние годы все больше внимания уделяет фактору «мягкой силы», в том числе лингвистическому измерению мировой геополитики. Можно посчитать, что «мягкая сила» — это продукт современности, постбиполярного мира. На самом деле она присутствовала в арсенале внешней политики ведущих держав не только в XX в., но и задолго до него. По сути, это способность государства распространять влияние за рубежом, опираясь на привлекательность той или иной стороны своей модели развития, не прибегая к насилию или открытому давлению.

С помощью «мягкой силы» нельзя что-либо навязать, но можно предложить, презентовать иным народам и культурам то, что привлечет их внимание, вызовет интерес к твоей стране. Чем более она привлекательна, тем больше может пользоваться возможностями, которые именуется собирательным термином «мягкая сила». Что действительно изменилось со временем, так это соотношение «жесткой» и «мягкой» сил в инструментарии внешней политики государств. В начале XXI в. на основе их переосмысления и нового комбинирования присущих им средств можно говорить об «умной силе», «быстрой силе» и др.

Такие новые разновидности силы и влияния не возникают сами собой. Например, культура и наука. В этих областях может происходить много важного, но если государство и общество, соответствующие профессиональные сообщества не доносят целенаправленно и осмысленно информацию об этих достижениях и о возможностях пользоваться ими конечным «потребителям», как внутренним, так и внешним, они не будут работать. Как и наоборот, достижения в одной стране могут стать востребованными в другой, но не принести первой благ.

Если, например, талантливые и перспективные деятели науки, культуры переезжают надолго, тем более, на постоянное место жительства за рубеж из-за отсутствия возможностей реализовать

свой потенциал на родине, они не станут проводником ее «мягкой силы». Их дальнейшая деятельность будет приносить блага не обществу, в котором они стали профессионалами, а другому, которому они служат теперь. Один из ярких примеров — судьба Игоря Ивановича Сикорского. Литературой, живописью, поэзией, театром можно восторгаться, но если их творцов напрямую не ассоциируют со страной, в которой сформировались их таланты, то ей от этого не будет большой пользы. Так, творчество Рудольфа Нуриева принесло больше славы иностранным сценическим площадкам, на которых он выступал, чем советскому театру, где произошло его становление как танцовщика.

Не менее бесперспективно и другое — попытка реализовать «мягкую силу», если за ее фасадом ничего не стоит. Если в принципе нечем «удивить мир», то максимум, чем можно заниматься — пропагандой, улучшением образа и привлекательности своей страны за счет искусной демагогии.

Задолго до того, как в России нарастающий интерес к категории «мягкой силы» стимулировал создание структур по ее продвижению, многие другие государства уже активно действовали в этом направлении. «Бритиш каунсл», Институты Сервантеса, Гёте, Данте, Конфуция, «Альянс Франсез», германские партийно-политические фонды и многие другие организации системно и систематически решали и решают поставленные перед ними задачи. Чтобы такие механизмы работали, необходим целый ряд «комплекующих», среди которых — осознание проблемы и государством, и гражданским обществом.

Одними из претендентов на роль главного двигателя «мягкой силы» России выступают русский язык и культура. У России — прочный фундамент для проведения такой политики, более того, у нее в этом — большой потенциал. Говоря современным языком, русский язык и русская культура — мировые бренды, которые знакомы миллионам жителей Земли, и далеко не только русскоязычным. Но если бренды не продвигать, они тускнеют, перестают играть какую-либо значимую роль в проецировании влияния государства за рубежом. Что во многом и случилось с российскими «козырными картами» мировой привлекательности после развала Советского Союза.

Как известно, не бывает плохого без хорошего. Феномен превращения Русского мира в диаспоральную категорию, формировавшегося по мере того, как по разным причинам за рубежами России оказывались все новые миллионы носителей русского языка и культуры, имеет и свою светлую сторону. Теперь у политики «мягкой силы» России реально или потенциально появились проводники по всему миру.

И опять же эту потенциальную возможность усиления нашего влияния можно как реализовать, так и растратить.

Западная и Центральная Европа имеет специфику зарубежной части пространства Русского мира с самой высокой плотностью русскоязычного населения. Этот регион насыщен большим количеством организаций, объединений, ассоциаций, в той или иной степени являющихся состоявшимися или потенциальными партнерами России в деле продвижения ее «мягкой силы». Европейский регион по сравнению с другими регионами мира по территории достаточно компактен, однако отличается большим разнообразием и немалыми особенностями входящих в него государств и их групп. Здесь проживает порядка десяти миллионов русскоязычных выходцев с постсоветского пространства. Среди них — представители всех волн русской эмиграции, среди которых самой многочисленной стала четвертая, прокатившаяся по Европе (и миру) после распада Советского Союза.

В последние годы Россия стала осмысленно заниматься политикой «мягкой силы», в том числе на государственном уровне, задействуя в этом как официальные, так и общественные организации и структуры, в первую очередь Россотрудничество и Фонд «Русский мир». В развитии России много проблем, но не меньше и достоинств, о которых надо не умалчивать и уверенно предъявлять остальному миру. Определенные успехи на этом направлении уже есть. Среди инструментов «мягкой силы» лингвистическое и культурное измерение мировой политики — одно из ведущих.

Формирование новых и переформатирование старых механизмов регионального и глобального регулирования продолжится еще не один год. Это именно тот отрезок времени, когда в эти процессы можно встроиться и оказывать на них влияние и даже формировать их. Если бы не высокая активность внешней политики Советского Союза, то другой сложилась бы и ООН, менее приспособленной для поддержания роли нашей страны в качестве одного из ведущих государств мира. Почему Великобритания так и не стала частью мотора европейской интеграции? Потому что в свое время упустила шанс войти в число стран — основательниц ЕЭС. Почему Бразилия все зримее превращается в лидера Латинской Америки? Потому что в нужное время активно проводила внешнюю политику по противодействию проектам панамериканской интеграции во главе с США. Так будет происходить и впредь — одни страны используют шансы для усиления своих позиций, другие их упустят. Как упустила Украина шанс стать наравне с Россией лидером интеграционных проектов на постсоветском пространстве.

Малая Европа во второй половине XX — начале XXI века

Как вписывается в картину полицентричного мира Евросоюз, другими словами — Малая Европа (в отличие от Большой Европы, включающей Россию и другие европейские страны за пределами ЕС)? Безусловно, за последние десятилетия эта организация превратилась в крупного игрока на международной арене. Европоцентризм стал возвращаться в мировую политику после ухода в прошлое биполярного мира. Благодаря этому Западная и Центральная Европа вышла из тени двух сверхдержав, в которой она находилась после Второй мировой войны. Это геополитическое «разжалование» в младшие партнеры, продолжавшееся около полувека, было в основном делом рук самих европейцев. Первая и Вторая мировые войны родились в недрах европейской цивилизации и не были привнесены извне. Они стали апогеем саморазрушения, которое Европа навлекла на себя сама. Вторая мировая война на Тихом океане и в Азии находилась на периферии главной схватки в сердце Старого Света.

Военные конфликты эпического масштаба, едва не погубив Европу, значительно сократили время, которое требовалось для того, чтобы появились внеевропейские центры силы (в том числе Движение неприсоединения), способные вести в мировой политике автономную игру. Главную выгоду от ухода в прошлое довоенной Европы получили Соединенные Штаты, а внутри нее — Советский Союз (последний — в результате колоссальных людских жертв и материальных потерь).

Необходимо отметить, что обе мировые войны ускорили процессы увядания мощи Западной Европы, но не стали первопричиной этого. Закон «взлета и падения великих держав» начал действовать задолго до того, как они разразились, и с точки зрения исторического развития европейские империи были обречены еще до 1914 или до 1939 гг. Но именно в ходе этих войн европейские, как и иные империи, потерпели крах, одни в 1914–1918 гг., другие в ходе Второй мировой войны (Германская, Итальянская, Японская). Гибель оставшихся была лишь вопросом времени (Британская, Французская, Голландская, Португальская). В 1913–1950 гг. доля Западной Европы (в границах ЕЭС-15) снизилась с более чем 33% до четверти мирового ВВП.

1945 г. надолго исключил европоцентризм из повестки дня международных отношений в пользу двух глобальных миссионерских проектов — американского и советского. Если быть более точными, наступил конец того европоцентризма, который мир в его традиционном смысле знал до Первой мировой войны. Тот европоцентризм харак-

теризовался не только передовыми для своего времени технологиями и стандартами жизни, но глубокими внутренними конфликтами, которые делали историю Европы бесконечной вереницей войн. Европа как субъект международных отношений никогда прежде не существовала, представляя собой сумму государств и колониальных империй, расположенных на ее пространствах. Они заключали между собой различные союзы и коалиции, но неизбежно ситуативного характера, и ни разу в истории не выступали единым геополитическим фронтом. Напротив, многие достижения в развитии европейской цивилизации проистекали из постоянной борьбы и соперничества ее многочисленных составляющих. Самым долговечным союзом стал «концерт держав», сложившийся после Венского конгресса 1814—1815 гг. и основанный не только на интересах, но и на ценностях. В любом случае, геополитика сводилась к поддержанию баланса сил, носившего неустойчивый и недолговечный характер.

После 1945 г. европоцентризм международных отношений продолжал существовать, но в двух новых смыслах: в ипостаси Советского Союза, который по большинству параметров развивался в рамках просвещенческой, а значит, европейской цивилизационной парадигмы, и в лице Западной и Центральной Европы как главной арены противостояния двух полюсов глобального соперничества. Но это противостояние делало ее больше объектом, нежели субъектом мировой политики.

Попытки европейских метрополий, переживших Вторую мировую войну, предотвратить распад своих империй лишь отдаляли то время, когда Европа могла вернуться в мировую политику в качестве самостоятельного игрока. Произойти, как ни парадоксально, это могло только тогда, когда все ведущие западноевропейские державы, позже всех — Великобритания и Франция в результате Суэцкого кризиса, были вынуждены отказаться от глобальных притязаний, в том числе от своих колоний, доминионов и зависимых территорий, когда они смирились с низведением своего имперского статуса до статуса государства-нации. Только тогда в Малую Европу в полной мере пришло понимание того, что путь к возрождению глобального влияния этой части мира лежит через региональную интеграцию, через ее превращение из суммы европейских государств в стратегический, экзистенциальный союз. Других жизнеспособных альтернатив не оставалось.

Парадокс заключался и в том, что в кратчайшие исторические сроки бывшие европейские метрополии, а теперь ведущие европейские национальными государства, приняли решение о начале передачи части своего суверенитета наднациональным структурам, которых рань-

ше в истории Европы не было. Такой качественный поворот в головах критической массы западноевропейских интеллектуалов и политиков мог произойти лишь по причинам беспрецедентного свойства, которыми стали ужасы Второй мировой войны, а после нее — уникальные условия противостояния двух сверхдержав. В результате были достигнуты выдающиеся результаты — Германия превратилась в пацифистскую нацию, а Париж и Берлин не только достигли исторического примирения, но стали ближайшими европейскими союзниками и двумя поршнями мотора европейской интеграции. Период с 1950-х гг. до 1973 г., когда разразился первый мировой энергетический кризис, стал «золотым веком» послевоенной Малой Европы.

Биполярный мир, отодвинув ее в геополитическую тень, одновременно создал условия, в которых интеграционный проект получил возможность развиваться относительно долго и в относительной безопасности. Относительно долго — благодаря фактору советско-американского взаимного ядерного сдерживания, в относительной безопасности — благодаря американскому протекторату над Западной Европой, а по существу — нежеланию двух сверхдержав идти на прямую конфронтацию друг с другом. Конечно, те условия трудно назвать парниковыми, но, тем не менее, их было достаточно для того, чтобы возникли Европейские сообщества, а уже в 1990-е гг. — Европейский Союз.

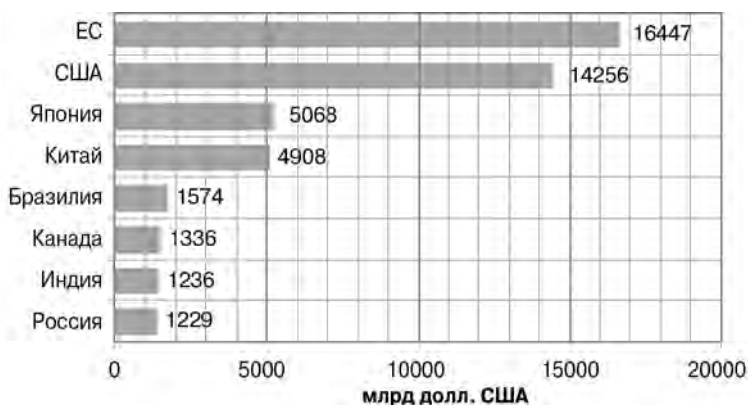
Конечно, интенсивность геополитической тени не была тотальной. Ряд западноевропейских государств в тот период продолжал играть видную роль в международных делах, например, Британия и Франция как постоянные члены Совета Безопасности ООН, они же — ядерные державы. Однако автономия их действий на региональном и, тем более, глобальном уровне, была по сравнению с двумя предыдущими веками как никогда связанной. Говорить же о какой-либо субъектности ЕЭС в качестве мирового игрока и вовсе было нельзя (юридически она появилась лишь в 2007 г. благодаря Лиссабонскому договору, вступившему в силу два года спустя).

В то же время именно в этих условиях западноевропейский интеграционный проект накапливал те экономические, социальные и политические ресурсы, которые после распада биполярного мира дали ему возможность претендовать на автономную, а затем на некоторое время — в начале XXI столетия — на ведущую роль в международных отношениях. В этом смысле 1990-е гг. стали свидетелями возрождения надежд на воссоздание европоцентризма международных отношений, по крайней мере, на то, что на евроатлантическом пространстве геополитическое доминирование США сменится паритетным альянсом Америки и Евросоюза.

Уже к моменту распада биполярного мира Малая Европа представляла собой экономического и торгового гиганта, общее экономическое пространство, единый рынок с полной или частичной свободой передвижения рабочей силы, товаров, капитала и услуг. В концептуальном плане были отработаны вопросы дальнейшей интеграции в политической сфере, в области безопасности и обороны. В конце прошлого столетия, особенно после подписания в 1992 г. Маастрихтского договора, эти планы стали приобретать реальные очертания. Метод «перелива» интеграции из одной области в другую давал хорошие результаты. Рывком на пути федерализации стало создание Экономического и валютного союза, а затем быстрое превращение евро во вторую по значимости резервную валюту мира. В 2005 г. доля ЕС-25 составляла уже около 40% мировой торговли.

Предкризисные данные, опубликованные в 2009 г. (см. рисунок 21.1), показывали, что сумма экономик ЕС-27 занимала первое место в мировом рейтинге. В ведущую восьмерку входили страны БРИК; Россия — на восьмом месте. В случае расчетов по паритету покупательной способности наша страна располагалась значительно выше — на 5–6-м месте, а Китай претендовал на первое.

Англо-французское соглашение 1998 г. в Сен-Мало открывало путь к усилению самостоятельности ЕС в области безопасности и обороны. Несмотря на все разговоры о пришествии «мягкой силы» в качестве доминанты международного влияния, широкую популярность приобрели взгляды английского дипломата Роберта Купера по деле-

Источник: МВФ, 2009.

Рисунок 21.1. Крупнейшие экономики мира (по номинальному ВВП)

нию мира на домодернистские, модернистские и постмодернистские государства⁴ (иная известная категоризация: доиндустриальные страны — большая часть Африки, индустриальные — такие как БРИКС, и постиндустриальные — значительная часть ЕС, США и др.). Из этого следовало, что государства — члены ЕС, большинство из которых относилось к последней категории, продолжали находиться в мире, полном традиционных угроз и представлений о важности сохранять способность к принуждению.

Кроме того, пример «бережного» отношения к силе «жесткой» настойчиво демонстрировал ближайший союзник Малой Европы — Соединенные Штаты. Военный бюджет этой страны, несмотря на окончание холодной войны, рос как на дрожжах в условиях увлеченности значительной части американского политического класса идеями однополярности и «милостивой» американской империи. Эти воззрения достигли своего зенита в начале 2000-х гг., когда внешняя политика США оказалась заложницей неоконсервативных кругов. На этом фоне те европейские политики, которые считали целесообразным усиление независимости ЕС от внешней политики Вашингтона, получали дополнительный импульс для продвижения своих целей. Малая Европа в 1999 г. встала на путь создания своих собственных вооруженных сил быстрого реагирования, а позже, в 2004 г. — более гибких «боевых групп»⁵.

Катастрофический провал неоконсервативных подходов США на Большом Ближнем Востоке, пренебрежение мнением многих своих союзников по НАТО только усиливали стремление Евросоюза играть по собственным правилам. К середине прошлого десятилетия пика своего влияния достигли идеи тех европейских политологов, социологов и экономистов, которые писали не только о различных интересах, но о принципиальных расхождениях между системами ценностей Малой Европы и США, не только о тактических несоответствиях, но о существенной разнице их моделей развития. Олицетворением этих взглядов стали работы немца Юргена Хабермаса⁶ и француза Жака Дерриды⁷,

⁴ Cooper R. *The Post-Modern State and the World Order*. London: Demos, 2000.

⁵ Подробнее см.: Журкин В.В. *Европейская армия: поражения и победы. Общая политика безопасности и обороны Европейского Союза*. М.: Международные отношения, 2012.

⁶ Например, см.: Хабермас Ю. *Расколотый Запад / Пер. с нем. О.И. Величко и Е.Л. Петренко*. М.: Весь Мир, 2008.

⁷ Habermas Jurgen and Derrida Jacques. February 15, or What Binds Europeans Together: A Plea for a Common Foreign Policy, Beginning in the Core of Europe // *Constellations*. 2003. Vol. 10. No 3. Blackwell Publishing.

работы англичанина Уилла Хаттона⁸ и американца Джереми Рифкина⁹. Казалось, что грядущее принятие Европейской конституции, беспрецедентный по своей длительности период экономического роста, новые волны расширения ЕС, сближение позиций по многим вопросам международных отношений между Парижем, Берлином и Москвой (саммиты «большой тройки» с подключением Испании) неизбежно выведут объединяющуюся Европу в мировые лидеры, в том числе в геополитическом плане. Недаром в тот период появилась первая и на сегодня последняя Европейская стратегия безопасности (2003). *Пакс Американа* уходил в прошлое, близился *Пакс Европа*.

Несостоятельность стремления к закреплению однополярного мира в лице гегемонии США приводила не только к чрезмерным ожиданиям в отношении будущего ЕС. Параллельно с этим все большую популярность обретала идея полицентричности, в том числе в России, которая далеко не во всем совпадала с западноевропейской идеей многосторонности. Последняя подразумевала, скорее, выход на передовые роли Малой Европы в партнерстве с США и другими составляющими коллективного Запада. То есть речь шла в основном о реконфигурации сил внутри евроатлантики при сохранении в неприкосновенности ее лидирующих позиций в мировых делах. В отличие от этого взгляда на расстановку сил в новом столетии полицентричность предполагала значительное снижение роли коллективного Запада в пользу иных центров влияния, как в Европе, так и за ее пределами.

Новый многополюсный мир, как и предыдущие миросистемы, продолжает носить иерархичный характер. Однако он представляет собой уже не две пирамиды влияния, как в биполярную эпоху, и не одну пирамиду однополярного мира, а многоярусную структуру, где есть первые среди равных, равные, второстепенные и маргинальные центры влияния. В этом смысле мир стал неполярным. Процессы выкристаллизации контуров многополярного мира ускорились вместе с приходом мирового кризиса. В последние годы он вступил в свою третью фазу — социально-политическую, которая слилась с двумя предыдущими — финансовой и экономической.

Осознание завышенности ожиданий общественных и политических элит в странах — членах ЕС наступило после провала в 2005 г. ратификации Евроконституции. Главным шоком был не столько факт неудачи референдумов, сколько то, в каких странах это произошло —

⁸ Hutton W. *The World We Are In*. Little, Brown. UK, 2002.

⁹ Rifkin J. *The European Dream: How Europe's Vision of the Future is Quietly Eclipsing the American Dream*. Cambridge, UK: Polity, 2004.

во Франции и в Голландии, стоявших у истоков всего интеграционного проекта. Обычный для Малой Европы трафарет «центр/ядро — периферия» перевернулся с ног на голову: теперь многие страны периферии стали лояльнее относиться к интеграционному проекту, чем ряд стран центра/ядра. В результате «периферия» ЕС теперь могла оказаться где угодно, как и его «центр».

Как США переоценили свою способность единолично заниматься вопросами глобального управления, так и Евросоюз оказался неспособен в условиях формирования полицентричного мира стать в нем главной доминантой с опорой на постмодернистскую «мягкую силу». Окончательно надежды ЕС на скорое обретение статуса ведущей силы XXI века похоронил мировой экономический кризис, который, начавшись в США, в 2008 г. со всей мощью обрушился на Европу. Он высветил слабые стороны интеграционной модели Малой Европы, на которые политики и чиновники ЕС долгое время предпочитали не обращать внимание.

Данные таблицы 21.1 свидетельствуют о том, насколько уязвимой оказалась Малая Европа в условиях кризиса. Еврозона показала отрицательный рост и в 2013 г. Обращает на себя внимание то, что среди стран БРИКС наибольшее падение испытала Россия, что и не удивительно при структурных перекосах ее экономики. Однако она,

Таблица 21.1

Темпы роста ВВП (по сравнению с предыдущим годом, в %)

Страны и группы стран	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
ЕС-28	3,2	0,4	-4,5	2,0	1,6	-0,4	0,1
Еврозона	3,0	0,4	-4,5	2,0	1,6	-0,6	-0,4
Бразилия	6,1	5,2	-0,3	7,5	2,7	1,0	2,5
Россия	8,5	5,2	-7,8	4,5	4,3	3,4	1,3
Индия	9,8	3,9	8,5	10,3	6,6	4,7	5,0
Китай	14,2	9,6	9,2	10,4	9,3	7,7	7,7
Южная Африка	5,5	3,6	-1,5	3,1	3,6	2,5	1,9
США	1,8	-0,3	-2,8	2,5	1,8	2,8	1,9

Источник: The World Bank (<http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>; <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>).

Данные по 2013 г. для ЕС-28 и еврозоне взяты из: Eurostat (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu/tgm/table.do?tab=table&init=1&plugin=1&language=en&pcode=tec00115>).

как и две другие страны этой пятерки, не избежавшие абсолютного падения — Бразилия и Китай, — уже в 2010 г. вернулись на уверенную кривую роста. Сохранение высоких темпов роста экономики Индии и Китая наглядно иллюстрирует тот факт, что кризис, имея мировой характер, по своей интенсивности сосредоточен в западной части мира, где находился и его первоначальный очаг — США и Великобритания.

Вместе с тем именно кризис стал тем отрезвляющим средством, которое помогло европейцам непредвзято взглянуть на свои возможности и задуматься над альтернативами развития. Вступление в силу Лиссабонского договора, необходимость модернизации Экономического и валютного союза, создания механизмов финансовой стабильности ЕС и еврозоны, внедрение процедуры «европейского семестра», строительство Бюджетного и Банковского союзов, разработка Пакта роста и занятости — все это и многое другое (за исключением Лиссабонского договора) не состоялось бы, если бы ни «горькая пилюля» кризиса. Эти процессы, в случае, если они принесут ожидаемый эффект, приведут к появлению более сильного, стабильного, сплоченного Евросоюза, который будет неизбежно конвертировать свою возросшую внутреннюю прочность в более активную внешнюю политику.

С точки зрения геополитической роли Малой Европы в новом столетии важен вопрос о расстановке сил национальных государств внутри нее. В Евросоюзе уникальным для международного опыта способом сочетаются межгосударственное и наднациональное сотрудничество, и в зависимости от той или иной сферы деятельности в ЕС превалирует то одна, то другая составляющая. Что касается внешней политики, политики безопасности и обороны, то здесь до сих пор последнее слово по традиции остается за национальными столицами, хотя Лиссабонский договор и открыл путь к дальнейшей коммунитаризации в этой сфере.

В последние годы на передовые позиции в Малой Европе, в том числе в формировании внешнеполитических подходов, выдвинулась Германия; по-прежнему активен Париж и, несмотря на внутренние трудности, Рим. Великобритания под бременем своего евроскептицизма все больше удаляется от ядра ЕС к его периферии.

Новая роль Берлина рельефно проявилась в 2003 г., когда социал-демократ Г. Шрёдер в вопросе о вторжении в Ирак пошел наперекор воле Вашингтона, а в 2011 г. уже Германия во главе с христианским демократом А. Меркель воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН по вопросу о создании над Ливией зоны, запрещенной для полетов. Германия привносит элементы пацифизма во внешнюю политику ЕС, стремление к компромиссу, прагматизм. Вместе с тем со

времен военной кампании в Югославии для Берлина применение военной силы за пределами традиционной зоны ответственности НАТО перестало быть табу. Возрождению стратегического веса и мышления Германии способствует и то, что ее соседи давно пережили германский синдром — боязнь усиления Берлина — и теперь опасаются прямо противоположного — его слабости. После очередной победы на парламентских выборах в сентябре 2013 г. канцлер Германии А. Меркель, вставшая на этот раз во главе «большой коалиции» с СДПГ, закрепила за собой статус ключевого политика Евросоюза. Германия по праву имеет статус ключевого стратегического партнера России в ЕС¹⁰. Определенный сдерживающий и прагматичный эффект привнесла Германия и в отношения между Россией и Западом в условиях украинского кризиса, разразившегося в феврале 2014 г., по крайней мере на первых порах.

Франция традиционно, со времен генерала Шарля де Голля, склонна рассматривать международные отношения в категориях не только прав человека, но и геополитики, мало подвержена иллюзиям однополярного мира, будь то во главе с США или с коллективным Западом. Она одна из первых крупных держав наравне с Россией всерьез проявила внимание к концепции многополярного мира¹¹. В 2008 г. после войны, спровоцированной нападением грузинской армии на Цхинвал, Н. Саркози, президент Франции, которая в тот период председательствовала в ЕС, сыграл важную посредническую роль в переводе кризиса в дипломатическое русло. Тогда в его лице Париж продемонстрировал способность к самостоятельной дипломатической активности, помноженной на стоявшие за ним на тот момент наднациональные структуры Евросоюза.

В то же время Франция в 2009 г. вернулась в военные структуры НАТО, а в следующем году заключила военное соглашение с Лондоном, поставив под вопрос свою заинтересованность в развитии общей для Малой Европы политики в этой сфере. Смысл совместной декларации Франции и Британии в 2008 г. в Сен-Мало, проложившей путь к формированию Европейской политики в области безопасности (ЕПБО, с 2009 г. — Общая политика безопасности и обороны, ОПБО), был ослаблен «франко-британской Антантой» 2010 г. Однако не исключено, что двустороннее Соглашение о сотрудничестве в области

¹⁰ Подробнее см.: *Максимычев И.Ф.* Российско-германские политические отношения // Германия. Вызовы XXI века / Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009.

¹¹ Подробнее см.: *Обичкина Е.О.* Французский подход к европейской интеграции: Европа как полюс силы // Франция в поисках новых путей / Под ред. Ю.И. Рубинского. М.: Весь Мир, 2007.

обороны и безопасности может рано или поздно сыграть в пользу продвижения ОПБО¹².

Войны в Югославии, военные кампании США за рубежом, начавшиеся в 2001 г., способствовали возрождению в ряде европейских стран вкуса к применению «жесткой силы». Но вместо того чтобы привести к становлению Евросоюза в качестве более зрелого геополитического игрока, это заставило часть его стран-членов, прежде всего Британию, вновь идти в кильватере Вашингтона. В результате ОПБО очутилась в еще большем застое, а сами эти страны попали в те же геополитические ловушки, что и США, разделив с ними горечь «иракского синдрома» — провального вторжения в Ирак в 2003 г. и постыдной послевоенной фазы операции.

Стратегическая незрелость ряда крупных европейских держав проявилась и во второй половине 2000-х гг., когда уже по собственной инициативе Франция и Британия начали военную кампанию в Ливии, не менее по своей сути и последствиям ущербную, чем иракская, а позже стали разжигать гражданскую войну в Сирии. На этом фоне единственным светлым пятном в серии ошибочных стратегических решений стали действия Парижа по умиротворению ситуации в Мали, беды которой, впрочем, были плодами в том числе французской политики в Ливии.

Внешнеполитические позиции Франции страдают от сложной социально-экономической ситуации в стране. Ф. Олланд в опросах общественного мнения скатился до небывало низкого для французских президентов уровня¹³. Тяжелым ударом по позициям социалистов стали результаты выборов в Европейский парламент, состоявшиеся в мае 2014 г. Париж все больше отходит на вторые роли в германо-французском тандеме на фоне очередного сближения Берлина и Лондона, в том числе в вопросах модернизации ЕС. Однако в отношениях с Россией Франция старалась наряду с Германией занимать более взвешенные позиции. Проявлением этого стал отказ Ф. Олланда, несмотря на давление со стороны Вашингтона и Лондона, отменять контракт с Москвой на поставку военных кораблей класса «Мистраль».

Британия, будучи вместе с Францией ведущей военной силой в Малой Европе, постепенно под грузом собственного евроскептицизма смещается на периферию формирования коммунитарной внешней политики. Если Лондон и продолжает проявлять активность, то ско-

¹² Подробнее см.: Данилов Д.А, Журкин В.В. // Безопасность Европы / Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011.

¹³ Рубинский Ю.И. «Новое — старое» правительство Франции. Публикация на сайте Института Европы РАН: <http://ieras.ru/pub/rub2.pdf>.

рее в том, чтобы воспрепятствовать дальнейшему становлению общей внешней политики. Не случайно в январе 2013 г. Вашингтон устами Фила Гордона, заместителя государственного секретаря США по вопросам Европы и Евразии, выступил незадолго до заявления Д. Кэмерона о референдуме 2017 г. по вопросу о членстве Британии в ЕС с предостережением в адрес Лондона. В июне 2014 г. уже сам Барак Обама на пресс-конференции в Брюсселе говорил о заинтересованности США в «едином и эффективном партнере»¹⁴. В Вашингтоне понимают, что субъектность Евросоюза в качестве внешнеполитического игрока будет со временем нарастать, и чем меньше роль Британии в этом процессе, тем сложнее Вашингтону с помощью своего ближайшего союзника в Европе контролировать его. Великобритания на сегодня — единственная страна в ЕС, которая еще питает иллюзии по поводу самостоятельности в мировой геополитике вне рамок Союза, тогда как другие государства-члены рассматривают его, по меньшей мере, как мультипликатор их внешнеполитической деятельности.

Эхом тезиса США о своей исключительной роли в международных отношениях является традиционная и нарастающая в последнее время претензия Британии на признание за ней особых позиций в Евросоюзе. Все чаще Лондон дистанцируется от других европейских коллег по все большему кругу вопросов. В отдельных случаях он готов открыто противопоставить себя большинству национальных столиц в ЕС, возвращаясь к практике М. Тэтчер в 1980-е гг. Показательный пример — попытки Британии в июне-июле 2014 г. предотвратить назначение Жан-Клода Юнкера на пост председателя Европейской комиссии. На эрозии лидерских позиций Соединенного Королевства в Евросоюзе сказывается внутривнутриполитическая ситуация в стране, в первую очередь продолжающийся рост популярности Партии независимости, шотландский национализм, неочевидные шансы консерваторов удержаться у власти на всеобщих выборах в мае 2015 г. Для России Британия будет продолжать оставаться одним из самых сложных партнеров в Европе¹⁵.

Италия уже долгое время относится к тем странам ЕС, которые последовательно выступают за взаимовыгодное развитие отношений с Москвой¹⁶. Никто иной, как Романо Проди, будучи президентом Ев-

¹⁴ Совместная пресс-конференция 5 июня 2014 г. президента США Б. Обамы и британского премьера Д. Кэмерона в Брюсселе.

¹⁵ Подробнее см.: Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Под ред. Ал.А. Громыко, Е.В. Ананьевой. М.: Весь Мир, 2014.

¹⁶ Подробнее см.: *Нестеров А.Г., Зонова Т.В.* Италия и новая Россия: вектор сотрудничества // На перекрестке Средиземноморья. «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Под ред. Т.В. Зоновой. М.: Весь Мир, 2011.

ропейской комиссии, выдвинул в начале 2000-х гг. идею единого экономического пространства с Россией. Италия постоянно оказывается в числе тех европейских государств, которые лоббируют укрепление внешнеполитического измерения ЕС, поддерживают инициативы, направленные на укрепление федеративных начал в ЕС, механизмов «солидарности», переноса центра тяжести в антикризисной политике с целей бюджетной экономии на цели экономического развития и роста. Италия сумела преодолеть наиболее острую фазу внутреннего экономического кризиса и избежать необходимости просить о помощи европейские и международные финансовые структуры, как это пришлось делать Ирландии, Греции, Португалии и ряду других стран ЕС. Именно итальянец Марио Драги на посту председателя Европейского центрального банка внес существенный вклад в стабилизацию ситуации в еврозоне.

На фоне высокой популярности премьер-министра страны Маттео Ренци, лидера Демократической партии, ее убедительной победы на выборах в Европарламент в мае 2014 г., правительство страны находилось в достаточно благоприятных условиях для проведения активной внутренней и внешней политики. Учитывая тесные исторические и экономические связи между Россией и Италией, большой опыт многолетнего и в целом благожелательного взаимодействия, высока вероятность сохранения этой тенденции и в будущем с поправкой на временное охлаждение отношений в период украинского кризиса.

Из «младоевропейцев» наибольшим весом обладает Польша, которая за годы, прошедшие после ее вступления в Евросоюз, превратилась в серьезного игрока на европейском политическом поле. Этому способствовали размеры страны, численность населения, удачные антикризисные меры, активная внешняя политика. После прихода на пост премьер-министра страны Д. Туска, лидера партии «Гражданская платформа», и до насильственной смены власти на Украине в феврале 2014 г. отношения Москвы и Варшавы приобретали больший прагматизм и, как казалось, постепенно избавлялись от наслоений прошлого. В наметившемся историческом примирении сторон свою роль сыграла трагедия с самолетом польского президента под Смоленском в апреле 2010 г. Однако во многом эта положительная тенденция была свернута вследствие драматических результатов политики «Восточного соседства» на Украине — проекта, в который Варшава вложила большой политический капитал. Польша остается ведущим членом, по выражению бывшего министра обороны США Д. Рамсфельда, «новой Европы», т.е. той

группы стран — участниц ЕС, которые наиболее последовательно проводят политику евроатлантизма¹⁷.

В целом, можно говорить о том, что после периода открытого противостояния в евроатлантическом сообществе, вызванного интервенцией в Ирак, — беспрецедентного со времен Суэцкого кризиса 1956 г., разногласия геополитического характера ушли в тень. Это не означает, что раскол между союзниками в 2003 г. был аберрацией. Напротив, те события продемонстрировали, что среди государств Малой Европы, в первую очередь в Германии, возрастает интерес к утверждению собственного взгляда на пути решения региональных и глобальных проблем. Становлению Евросоюза как автономного игрока на мировой арене способствуют и сами Соединенные Штаты, которые все меньше внимания уделяют Европе в своем стратегическом мышлении, придерживаясь формулы: «Европа — прошлое; Ближний Восток — настоящее; Азия — будущее». Чем больше Британия будет терять влияние в Евросоюзе, а США «уходить» в АТР, тем больше вероятность возобновления продвижения ЕС по пути «многоскоростной» Европы, в том числе в сфере общей внешней политики и ОПБО. В пользу этого говорит и тот факт, что в различных опросах общественного мнения к идее единой европейской внешней политики с симпатией относятся большинство жителей ЕС¹⁸.

Но этот процесс следует по извилистому пути, на котором могут происходить и откаты назад. Украинский кризис во многом развивался и развивается по трафарету, заданному событиями на Балканах в 1990-е гг., накал которых достиг своего пика в 1998 г. с вторжением НАТО в Югославию. США перехватывали инициативу у европейских союзников в решении их собственных проблем, когда последние оказывались неспособны урегулировать их самостоятельно, не готовы были это делать или оказывались слишком медлительными. Поскольку Соединенные Штаты, как всякая великая держава, преследуют прежде всего свои цели, то их активность в европейских делах далеко не всегда приводила к итогам, оптимальным с точки зрения европейских интересов, включая интересы стран — членов ЕС, а временами явно противоречила последним.

Один из наиболее свежих примеров — фактическое превращение Киева с февраля 2014 г. в политический протекторат Вашингтона.

¹⁷ Подробнее см.: Бухарин Н.И. Польша: отстаивая права // Вишеградская Европа: Откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии / Под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь Мир, 2010.

¹⁸ См.: Dirk P. A divided Union? Public opinion and the EU's Common Foreign, Security and Defence Policy. RECON Online Working Paper 2011/19. June 2011 (www.reconproject.eu/projectweb/portalproject/RECONWorkingPapers.html).

Из-за этого пострадали не только российско-украинские отношения и отношения между Москвой и Брюсселем, но и процесс становления ЕС в качестве политического субъекта международных отношений. Страны «Веймарского треугольника» — Германия, Франция и Польша, участвовавшие в составлении и подписании соглашения 21 февраля между президентом Украины В.Ф. Януковичем и лидерами майдановских оппозиционных сил, уже на следующий день фактически отrekliсь от него, полностью уступив инициативу Вашингтону с его собственной трактовкой событий в Киеве. Кризис на Украине был использован для нового раунда сплочения евроатлантического сообщества, которое в начале XXI столетия становилось все более рыхлым, причем сплочения на основе тезиса «угрозы с Востока» — ключевого в годы холодной войны. На очередной антироссийской волне новое дыхание пытается обрести НАТО, а значит, ОПБО задвигается еще глубже в тень. В результате перспективы становления Большой Европы как общего политического и экономического пространства от Атлантики до Тихого океана без разделительных линий, становятся все более туманными.

Малая Европа — Россия — США: стратегии геополитического выживания

Какие варианты стратегического развития существуют для Малой Европы в ближайшие десятилетия? Логичным представляется продолжение ее становления в качестве автономного центра влияния в XXI столетии. И здесь есть два пути приращения этого влияния: либо инерционный — с помощью уже выработанных методов «силы примера», т.е. привлекательности модели развития, «мягкой силы», либо модернизационный — с помощью дальнейшей федерализации, в том числе шагов по построению единой внешней и оборонной политики. Первый путь более легкий, не требующий новых серьезных институциональных изменений, но менее вероятный на фоне глубокого кризиса Европейской модели развития в последние годы. «Модернизация или гибель» — такая дилемма вполне реально может стоять перед ЕС. В ситуации, когда еврозона в последние годы столкнулась с возможностью распада, отдельные ее члены оказались на грани банкротства, безработица бьет рекорды, а Великобритания, одно из ведущих государств ЕС, раздумывает над возможностью выхода из него, — трудно убеждать себя и другие страны в том, что модель развития этой организации сохраняет неограниченный потенциал и неоспоримую перспективу.

Второй путь — качественные изменения в Евросоюзе — более трудный, с менее предсказуемыми последствиями и риском чрезмерного разгона ЕС по пути «многоскоростной Европы», в которой центробежные силы могут взять верх. Но, по крайней мере, он давал бы надежду на то, что если проект качественно изменится, то его гравитационное поле восстановит свою силу. В конце концов, даже в своем нынешнем ослабленном виде на Малую Европу приходится половина всех мировых расходов по статье «международное развитие». Большинство входящих в ЕС стран — мировые лидеры в стандартах жизни, что также не может не привлекать; на ЕС приходится более половины всех мировых социальных расходов. Но для этого пути «мягкой силы» будет уже недостаточно. Геополитический вес в XXI в., как убедительно показал Джозеф Най, будет определяться «умной силой», комбинирующей различные стратегии, представляющие то или иное сочетание «мягкой» и «жесткой силы»¹⁹. Представляется, что наиболее активная часть политического класса ЕС готова выбрать именно этот путь.

В то же время точка зрения о необходимости приращения геополитической роли Малой Европы имеет немало критиков, считающих, что уже в своем нынешнем виде она страдает от стратегического перенапряжения. Одно из главных препятствий как для внутреннего, так и внешнего единства Евросоюза — его разношерстность, которая достигла своего пика после мегарасширения 2004/2007 г. Постоянно возрастающая неравномерность социально-экономического развития — ахиллесова пята ЕС. Обращает на себя внимание то, что в последние годы основными проблемными странами становились даже не «младоевропейцы», а страны периферии, к которой принадлежат не только вступившие в ЕС в 1973 г. Ирландия, в 1981 г. — Греция и в 1986 г. — Испания и Португалия, но даже одно из государств-основателей — Италия. Таким образом, проблемы интеграционного проекта, обнаженные мировым экономическим кризисом, имеют намного более глубокие корни, чем скоропалительное расширение в прошедшее десятилетие.

К настоящему времени внутреннее строение ЕС базируется не столько на принципе многосторонности, сколько на мини-многосторонности, при которой различные внутрирегиональные центры силы в виде отдельных государств или их группировок не только сотрудничают, но и регулярно вступают в противоречия. К этому внутреннему стратегическому перенапряжению добавляется и внешнее, когда зона влияния Малой Европы, как бы она не называлась, охватывает уже

¹⁹ См.: *Nye Joseph S., Jr. The Future of Power. Public Affairs. New York, 2011.*

и значительную часть постсоветского пространства, и Ближний Восток, и Средиземноморье.

Иной вариант стратегического развития необходим в том случае, если считать Малую Европу затухающим центром силы вне зависимости от того, будет ли она продвигаться по инерционному пути или по пути «больше Европы», т.е. глубокого реформирования и федерирования. В этом случае встает вопрос о том, с помощью каких внешних факторов ЕС сможет решать проблему своей постепенной стратегической маргинализации, другими словами — посредством приобретения каких союзников ЕС способен остановить снижение своего геополитического веса? Действительно, каких бы успехов не добился Евросоюз в ближайшем будущем, на него по-прежнему будут оказывать разъедающее влияние три фундаментальных фактора. Первый из них — демографический. В 1900 г. население Европы составляло четверть от мирового; в 2060 г. этот показатель может упасть до 6%, из которых треть — люди старше 65 лет²⁰. Второй — постепенное снижение конкурентоспособности экономики ЕС. Третий, связанный с первыми двумя, — постепенное снижение его доли в мировом ВВП.

Как отдельные государства, становясь членами Евросоюза, получали от интеграционного проекта «прибавочную стоимость» и дополнительные рычаги по защите своих национальных интересов и внутри Союза, и вне него, так теперь он сам может воспользоваться тем же способом — вступить в интеграционные проекты более высокого уровня с наиболее близкими ему мировыми центрами влияния. Для последних такая интеграция, предложенная на равных условиях, безусловно, была бы привлекательна. Малая Европа — глобальный игрок в международной торговле, инновационных отраслях, в науке, образовании, социальных и технических стандартах, в международном развитии и постконфликтном регулировании и восстановлении.

В то же время ЕС, в силу своих проблем, не находится в привилегированном положении такого центра влияния, за внимание которого соперничают другие серьезные игроки. Надо сказать, что в Большой Европе не менее остро вопрос о геополитических партнерах стоит и перед Россией. Для обоих центров трансрегионального влияния существует опасность вытеснения на вторые роли в случае, если доминирующее положение в мире займут геополитические комбинации без их участия, такие как «Чаймерика» (Китай—США) или триумвират США—Китай—Индия (вариант «триполярного мира»).

²⁰ Ibid. P. 161.

Очевидно, что таких союзников, интеграция с которыми может решить проблемы снижения роли Малой Европы в мире, два — Россия и США. Более влиятельных партнеров в ареале европейской цивилизации у ЕС нет. Включение в ряды ЕС Турции умозрительно можно рассматривать как придание интеграционному проекту нового дыхания (увеличение общей численности населения более чем на 70 млн человек, обретение проектом мультицивилизационного характера, геополитическое вклинивание ЕС в Азию), но вероятность этого мала. И это, возможно, не показатель слабости ЕС, а его здравомыслия. Ясно, что в ближайшие десять лет его главная задача — разобраться с проблемами в собственном доме, а не импортировать новые. Не надо забывать, что решение о придании Турции статуса страны-кандидата в 1999 г. и начало переговоров о вступлении в 2005 г. пришлось на период европейского «головокружения от успехов» и ретроспективно выглядят преждевременными. Однако в будущем нельзя исключать, что при неблагоприятном стечении обстоятельств, когда другие альтернативы будут отсутствовать, членство Турции в ЕС может превратиться в его геополитический козырь.

Возвратимся к первому варианту — проекту Большой Европы. Для ЕС он проблемный по целому ряду причин: значительные антироссийские настроения, особенно в ряде стран Восточной Европы и Прибалтике, а в результате украинского кризиса и под влиянием в первую очередь англоязычной пропаганды — почти повсеместно в ЕС, различия в экономических и социально-политических структурах, по крайней мере, между Россией и наиболее развитыми государствами ЕС, несоответствия по ряду стратегических целей и задач, амбиции дальнейшего роста, если не за счет увеличения числа государств-членов Евросоюза, то за счет расширения сферы его влияния.

Но, безусловно, что плюсов не меньше с учетом российских территорий, людских и природных ресурсов, передовых позиций в отдельных стратегических областях (атомная, космическая, энергетическая, потенциально — инфраструктурная, военная промышленность). По ряду фундаментальных экономических параметров — ВВП, достаточно высокая занятость, низкий бюджетный дефицит и низкий государственный долг, пятые в мире золотовалютные резервы, невысокая доля государства в экономике, низкие налоговые ставки — Россия привлекательна. И при всех замороженных проблемах потенциал ее развития велик. Кроме того, союз с ней был бы союзом равных.

Второй вариант союзничества — новая трансатлантическая сделка с США — испробованный и понятный. Проект по созданию трансатлантической зоны свободной торговли (ТЗСТ) — движение в этом

направлении. Однако этот вариант означает крест на ОПБО, роль младшего партнера, отказ от собственных внешнеполитических и геополитических амбиций, добровольная зависимость от «большого брата», поведение которого не всегда предсказуемо и выгодно европейскому бизнесу. ЕС должен будет разделить с США бремя «жесткой силы», в первую очередь в рамках бюджета НАТО, как того добивается Вашингтон. Факт же состоит в том, что в реальных ценах оборонные расходы ЕС снизились на 9% в 1988–2005 гг. Эта тенденция лишь ускорила с приходом мирового экономического кризиса. США тратят на военные расходы в 2 раза больше, чем 28 стран ЕС вместе взятые. Но главное — такой проект будет направлен на спасение «Вашингтонского консенсуса», который скорее мертв, чем жив, и то благодаря аппарату искусственного дыхания под названием неограниченная эмиссия американского доллара.

Что касается ТЗСТ, то выгоды от нее далеко не очевидны, учитывая сельскохозяйственную политику Евросоюза, его неприятие генномодифицированной продукции и многое другое. Запущенные переговоры обещают быть долгими и трудными. Не успев начаться, они уже дали повод в июне 2013 г. для словесной перепалки между Еврокомиссией и Францией, которая стоит на страже в том числе своей индустрии культуры. Если даже переговорам будет сопутствовать удача, речь на них идет о снижении торговых барьеров на считанные проценты, что немало, учитывая масштабы рынков, но вряд ли это можно будет расценить как стратегический прорыв. Сильный рост евроскептических настроений в странах ЕС вылился в то, что на выборах в Европарламент в мае 2014 г. беспрецедентное количество депутатских мандатов получили партии, выступающих не только против Евросоюза в его нынешнем виде, но и против ТЗСТ, как, например, Национальный фронт во Франции²¹.

Считается, что компенсацией добровольного ухода Малой Европы на вторые роли станет возможность влиять на политику Вашингтона изнутри. В реальности этот путь уже не раз доказывал свою несостоятельность и тупиковость, в последний раз — на примере ближайшего союзника США в Европе — Великобритании, погубив в результате иракской эпопеи политическую карьеру Тони Блэра. И все же возвращение интегрированной Европы в лоно Америки всерьез обсуждается в западноевропейских экспертных кругах²². Но проблем с анти-

²¹ Результаты выборов в Европарламент в мае 2014 г. (см.: <http://www.ieras.ru/pub/analitika/5.pdf>).

²² См., например: *Bierling St.* The American option. How Europe can influence world politics in the XXIst century // Körber Policy Paper. No 5. Körber Foundation, May 2009.

американизмом в Европе ненамного меньше, чем с антироссийскими настроениями. Репутация США понесла большой ущерб в результате мирового экономического кризиса. Привлекательность американской модели развития померкла. Страна как никогда разделена на два противостоящих политических лагеря. Но важнее даже другое: если США находятся в фазе спада, то не станут ли они той самой соломинкой, за которую ухватится Европа?

Действительно, данные таблицы 21.2 показывают, что доля и США, и ЕС-27 (ЕС-28 после присоединения Хорватии), как и его ведущих экономик, снижается и, судя по прогнозам, будет снижаться, в то время как доля большинства экономик БРИКС и дальше продолжит увеличиваться. Необходимо отметить, что положение России в этом прогнозе шаткое. При нынешней структуре ее экономики, даже в случае умеренного экономического роста в 3–4% доля страны в мировом ВВП либо сохранится на достигнутом уровне, либо даже уменьшится из-за относительного отставания от других, более динамичных государств. Пока же Россия обязана своей заметности на мировой арене не только экономике, которая остается в своей основе сырьевой (причем ее сырьевой характер в начале XXI в. лишь усилился), сколько активной внешней политике и дипломатии. Ясно, что в дальнейшем этого будет недостаточно; страна экстренно нуждается в промышленной, неоиндустриальной политике. Украинский кризис и санкции, направленные против России, со всей наглядностью показали, что чрезмерная зависимость от экспорта сырья — зыбкая почва для лидерских позиций в новом столетии.

Таблица 21.2

Доля в мировом ВВП по ППС, в %

	1995	2007	2020	2030
США	21,7	19,4	18,3	16,6
Китай	5,5	10,1	17,7	22,7
Япония	8,3	6,0	4,6	3,6
Индия	3,1	4,3	6,9	8,7
Россия	2,8	2,9	3,1	2,7
ЕС-27	24,5	20,8	18,6	15,6
Франция	3,6	3,0	2,5	2,1
Германия	5,3	3,9	3,2	2,5
Великобритания	3,4	3,1	2,9	2,5

Источник: Economics Intelligence Unit (EIU.com).

Теоретически существует и третий вариант — «концерт держав» XXI в. в треугольнике «Россия — Малая Европа — США». Эта конфигурация избавила бы Евросоюз от необходимости сближаться либо с США, либо с Россией, объединила бы все мегапространство европейской цивилизации, гарантировала бы ему ключевую роль в мировой политике на десятилетия вперед. Союз такой «большой тройки» не имел бы себе равных ни в экономическом, ни в военном, ни в политическом смысле.

В таблице 21.3 приведены преимущества и недостатки всех трех «вершин» треугольника, все они имеют свои плюсы и минусы. Причем проблемы в их внутреннем развитии, как и неблагоприятная для США, Малой Европы и в меньшей степени для России динамика в изменении баланса сил в мире, не дают им оснований рассчитывать на успешность с опорой на консервацию имеющихся геополитических позиций. Нужны новые решения, новые «большие идеи».

Но вероятность такого проекта невысока. *Во-первых*, Соединенные Штаты, судя по всему, еще долго будут оставаться в плену «однополюсных» иллюзий, насколько дискредитированными к настоящему времени они бы ни были, а, следовательно, не согласятся даже с ролью «первого среди равных» в обозначенном треугольнике.

Во-вторых, с учетом малозаметного присутствия ЕС как субъекта мировой геополитики за исключением фасада такой субъектности в виде Европейской службы внешних действий, ясно, что в обозримом будущем в лице ЕС Россия и США в реальности имели бы дело в основном с ведущими национальными столицами Союза, а не с его наднациональными органами. Такое положение вещей могло бы только усугублять нынешнюю стагнацию в развитии коммунитарной сферы внешней политики, безопасности и обороны ЕС, маргинализировать те страны-члены, которые по геополитическим параметрам относятся ко второму или к третьему эшелону.

В-третьих, Евросоюз и США антироссийские настроения объединяют намного сильнее, чем неприятие американского доминирования сближают Россию с частью политических элит ряда стран ЕС.

В-четвертых, в случае нарастания геополитического соперничества между Китаем и США Россия не сможет сохранять с ними равноудаленное положение по ключевым стратегическим вопросам и будет объективно тяготеть к Пекину.

Невысокая вероятность, хотя и большая привлекательность и очевидная рациональность каждого из перечисленных межрегиональных интеграционных проектов с участием России — Большой Европы и «концерта держав», не означает, что шансы на их реализацию в бу-

Таблица 21.3

Россия, ЕС, США в полицентричном мире — преимущества и недостатки

	Козыри			Слабости		
	США	Малая Европа (Евросоюз)	Россия	США	Малая Европа (ЕС)	Россия
Внешняя политика	1. Выгодное геополитическое положение, ядерный статус, военная мощь, постоянный член СБ ООН, ведущий член НАТО	1. Успехи «мягкой силы», ядерный статус Франции и Британии, их членство в СБ ООН, становление Европейской службы внешних действий	1. Выгодное геополитическое положение, многоветорность, ядерный статус, постоянный член СБ ООН	1. Односторонняя внешняя политика, чрезмерная опора на «жесткую силу»	1. Неразвитость стратегического мышления и низкая автономность в качестве политико-военного игрока	1. Внешнеполитические амбиции не подкреплены адекватной экономической мощью, вмешательство корпоративных интересов в сферу дипломатии
Экономика	2. Сильные стороны англосаксонской модели развития, экономический динамизм, мировая резервная валюта	2. До недавнего времени успешная модель социального рынка, сохранение в среднем высокого уровня благосостояния в период кризиса	2. Природные, энергетические ресурсы, космическая, атомная, военная промышленность	2. Недостатки англосаксонской модели развития: гиперпрофилированный финансовый сектор, необеспеченная ликвидность, долговой характер экономики	2. Разношерстность социально-экономических моделей государств-членов ЕС, неравномерность внутреннего социально-экономического развития, слабые стороны еврозоны	2. Отсталая структура экономики, ее олигархический характер

Окончание таблицы 21.3

	Козыри		Россия	Слабости		
	США	Малая Европа (Евросоюз)		США	Малая Европа (ЕС)	Россия
Социум	3. Демографический рост, достаточный успешный опыт модели мультикультурализма	3. Общественные блага на основе «пула суверенитетов» и принципа «социальной сплоченности»	3. Богатый опыт межкультурного, межконфессионального, междинационального, межэтнического взаимодействия	3. Низкая социальная защищенность, углубление социального неравенства	3. Демографические проблемы, неконтролируемая иммиграция, рост исламского и иного экстремизма	3. Высокий уровень социального неравенства, убывание населения за Уралом
Воспитание	4. Остаточная привлекательность «американской мечты», активное использование «умной силы»	4. Сохранение относительной привлекательности «европейской мечты» (Ж. Деррида, Ю. Хабермас и др.), активная «мягкая сила»	4. Репутация мировой космической, атомной, энергетической, военной, научной, спортивной державы, обращение к активной «мягкой» и «умной силе»	4. Мессианство, высокомерие, узкое толкование национальных интересов	4. Перенапряжение сил в процессе расширения, демократический дефицит, «брюссельская бюрократия»	4. Негативный образ России на Западе, вызванный как ее внутренними проблемами, так и манипуляцией антироссийскими настроениями
Иное	5. Доминирование в информационном, финансовом пространстве, популярная культура, английский язык	5. Перспективность принципов солидарности, устойчивого развития	5. Перспективность транспортного коридора «Европа-Азия» и Северного морского пути	5. Снижение влияния в мире, сильные антиамериканские настроения, внутренняя политическая поляризация	5. Проблема «национальных эгоизмов», хрупкость дуалистической наднациональной — межгосударственной природы ЕС	5. Коррупция, политическая система в транзите

дущем не могут повиситься. Если же Европе не суждено стать объединенной от «Лиссабона до Владивостока», то тогда, тем более, интеграционным проектам на постсоветском пространстве предстоит сыграть для России огромную роль. Это значит, что какой бы путь ни избрала история, и какие комбинации государств и их союзов ни закрепились бы в качестве ведущих в текущем столетии, императивом для нашей страны является неустанное повышение ее роли в качестве интеграционного ядра. Чем полновеснее и убедительнее это удастся сделать, тем больше геополитического маневра будет у России в XXI в.

Глава 22

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ – ДИНАМИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ

Экономическое сотрудничество

В 2014 г. исполнилось двадцать пять лет Соглашению о торговле и сотрудничестве между Европейским экономическим сообществом и СССР и двадцать лет пришедшему ему на смену Соглашению о партнерстве и сотрудничестве между Европейским Союзом и Россией (СПС)¹. Последнее действует сих пор (автоматически продлеваясь с 2008 г.), определяет и институционализирует все уровни отношений. С мая 1998 г. регулярно проходили заседания Совета сотрудничества ЕС–Россия, получившие название «саммиты». Они проводились дважды в год – весной-летом в одном из российских городов, а осенью – на территории страны – председателя Евросоюза. Такой формат обсуждения существует только в отношениях с Россией.

В 2005 г. были приняты четыре дорожные карты – одна из них посвящена формированию общего экономического пространства. В 2010 г. РФ и ЕС договорились о «Партнерстве для модернизации» (ПМ). Осуществлялась работа по введению безвизового режима. Стороны вели пятнадцать отраслевых диалогов. В числе их тем особое место занимает сфера энергетики. Постоянно увеличивается численность различных негосударственных институциональных инициатив. В несколько раз выросли внешнеторговый торговый оборот (импорт рос быстрее экспорта) и объем взаимных инвестиций.

За четверть века качественно и количественно изменилась не только Россия, но и Евросоюз. Подписаны Маастрихтский и Амстердамский договоры, создан Экономический и Валютный Союз, а в его

¹ Совместная Декларация СССР и ЕЭС была подписана 25 июня 1989 г., последующее за ней Соглашение – 19 декабря 1989 г. СПС подписано 24 июня 1994 г., вступило в силу 1 декабря 1997 г.

рамках — еврозона с единой валютой. Проводятся реформы в области регулирования банковской и финансовой сферы, рынка труда и услуг, товарных рынков, в том числе рынка газа. На сохранение и укрепление конкурентоспособности хозяйственно-политического пространства ЕС направлена стратегия «Европа 2020», в рамках которой в качестве приоритета закреплено развитие экономики, основанной на знаниях и инновациях; достижение устойчивого экономического роста; формирование социально ориентированной модели хозяйствования, обеспечивающей максимальную занятость и снижение уровня бедности. Число членов ЕС увеличилось более чем в два раза — с 12 до 28. Пройдя через конституционный кризис, Евросоюз в 2009 г. подписал Лиссабонский договор, обновив свою институциональную структуру, в которой все более заметную роль играют межгосударственные подходы к интеграции. В целом ЕС превратился в один из ключевых компонентов полицентричной системы международных отношений.

За прошедшие четверть века сотрудничество России и Евросоюза характеризовалось взаимозависимостью и общей выгодой. Одновременно эти отношения в определенных сферах, в первую очередь, во внешнеэкономической и внешнеполитической, носят и конкурентный характер, на который регулярно накладывается излишняя политизированность подхода представителей ЕС.

Экономика была и останется в ближайшие десятилетия основой сотрудничества. На ЕС приходится около 50% российской внешней торговли товарами и более 40% услуг. Доля России в торговом обороте Евросоюза — около 10% (третье место после США и Китая) и около 4% по услугам.

Зависимость России от рынка ЕС (доля в общем экспорте) по многим позициям составляет от 50% и более. Например, по прокату — 50%, синтетическому каучуку и сахару — 52, нефтепродуктам — 63, мазуту — 64, никелю — 65, газу — 70, нефти — 82%. Доля ЕС в накопленных прямых инвестициях в России достигает 80%. На этот регион ориентировано 85% отечественной внешнеторговой структуры, в том числе по экспорту энергоносителей. В качестве валютного средства международных расчетов наша страна широко использует евро, в котором деноминировано более 40% отечественных золотовалютных резервов (около $\frac{1}{10}$ этих резервов формирует английский фунт²). За счет поставок из РФ Евросоюз удовлетворяет около четверти своих потребностей в газе и около трети в нефти.

² Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь Мир, 2011. С. 298.

Таблица 22.1

Торговля товарами России с ЕС, в млрд евро

Годы	Оборот	Экспорт в ЕС	Импорт из ЕС	Сальдо
2000	86,5	63,8	22,7	41,0
2001	97,5	65,9	31,6	34,3
2002	99,7	65,2	34,5	30,7
2003	108,6	71,3	37,3	33,0
2004	131,0	84,9	46,1	38,8
2005	170,7	114,0	56,7	57,3
2006	215,1	142,7	72,4	70,3
2007	236,1	146,9	89,2	57,7
2008	285,4	180,4	105,0	75,5
2009	185,3	119,6	65,7	53,9
2010	248,4	162,1	86,3	75,8
2011	309,9	201,3	108,6	92,7
2012	338,4	215,0	123,4	91,6
2013	324,9	205,4	119,5	85,9

Примечание: 2000–2003 гг. — ЕС-15; с 2004 г. — ЕС-25, с 2007 г. — ЕС-27, с 2013 г. — ЕС-28.

Источник: <http://epp.euostat.ec.europa.eu>.

Вместе с тем, несмотря на относительно позитивную количественную динамику³, качественных изменений в содержании хозяйственной кооперации Россия–Евросоюз пока не произошло. Во взаимной торговле и обмене инвестициями при позитивной количественной динамике сохраняются дисбалансы по торгово-отраслевой структуре и регионам.

Российский товарный экспорт по-прежнему является сырьевым, доля отечественной продукции с высокой добавленной стоимостью почти не растет. Европейские прямые инвестиции сосредоточены в основном в нескольких российских регионах, многие из них ориентированы на импортозамещающее производство и на продвижение импортной продукции через рознично-оптовую сеть. Единичны примеры развития кооперации европейских инвесторов в области НИ-ОКР. Лишь немногие российские производства иностранных компаний выпускают продукцию для экспорта.

Объемы прямых капиталовложений из стран ЕС существенно превышают аналогичные отечественные. Среди инвесторов из России

³ В 2013 г. впервые с 2009 г. произошло снижение объема взаимной торговли. Эта тенденция продолжилась и в 2014 г.

пока преобладают крупные нефтегазовые и металлургические компании. Относительно велика доля инвестиций российских граждан в недвижимость. Выстраивание производственно-сбытовых цепочек в обрабатывающей промышленности находится в начальной фазе.

Почти отсутствуют стратегические альянсы отечественных и европейских компаний без долевого участия. Формирующиеся альянсы с долевым участием, особенно в энергетике, вызывают раздражение и неприятие в Брюсселе, а Третий энергетический пакет превратился в средство политико-бюрократической конкурентной борьбы против инвестиционных планов «Газпрома» в Западной Европе.

Обращает на себя внимание неразвитость сферы услуг. Россия, обладая уникальными географическими преимуществами, пока не использует их для качественного прорыва в сфере въездного туризма. При всей важности визовых вопросов основной проблемой является отсутствие необходимой инфраструктуры.

Определенным исключением в сфере услуг стал относительно продвинутый транспортно-логистический сектор. Вместе с тем его участники с сожалением констатируют отсутствие прогресса по созданию трансъвропейских транспортных коридоров. Объективную критику вызывает одностороннее и несогласованное с партнерами решение ЕС включить гражданскую авиацию в систему торговли квотами на эмиссию парниковых газов⁴.

Развитие двустороннего хозяйственно-политического сотрудничества осуществляется на трех основных уровнях:

- Россия—ЕС;
- двусторонних межгосударственных отношений;
- регионов.

На уровне *Россия—ЕС* важнейшей задачей оставались подготовка и принятие нового базового соглашения (НБС), которое должно заменить пока еще действующее Соглашение о партнерстве и сотрудничестве — объективно морально устаревшее и не соответствующее требованиям времени. К сожалению, за прошедшее с 2007 г. время сторонам не удалось достичь значительного прогресса в этом направлении. По-прежнему сохраняются расхождения относительно его содержания, где основным камнем преткновения стал именно торгово-экономический блок⁵.

⁴ См. также: Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. С. 477–499.

⁵ Позиция переговорщиков ЕС состоит в том, что без прояснения принципиальных экономических вопросов они не видят смысла в работе над другими разделами будущего документа.

Известно, что Евросоюз был для России одним из основных и при этом непростым переговорщиком в вопросах ее вступления в ВТО. Среди прочего, это было обусловлено привязкой данного процесса к подготовке НБС. После урегулирования всех спорных вопросов и устранения препятствий в декабре 2011 г. последовало долгожданное принятие России во Всемирную торговую организацию, а с июля 2012 г. — ее реальное членство. Появилась надежда на быстрый прогресс в обсуждении содержания нового соглашения. Но она не оправдалась.

ЕС по-прежнему настаивал на том, что экономический раздел Соглашения следует сделать максимально объемным и внести в него ряд пунктов, не охваченных договором РФ с ВТО (в основном речь идет о торгово-инвестиционном законодательстве, конкуренции и режиме государственных закупок⁶). Это противоречит позиции российской стороны, согласно которой в новом документе должны быть оговорены лишь общие принципы хозяйственного сотрудничества. Специфические вопросы и детали должны регулироваться дополнительными договорами, а основополагающие моменты — полностью соответствовать условиям, на которых Россия вступила в ВТО.

Если, по мнению переговорщиков, представляющих ЕС, договоренности между РФ и Евросоюзом не обязательно должны распространяться на всех членов ВТО («ВТО — это универсальный договор. Соглашение РФ–ЕС — билатеральное»), то российские представители вполне справедливо указывают на то, что возможные дополнительные льготы все равно пришлось бы распространить не только на членов ЕС, но и на всех участников ВТО. Поэтому сначала надо апробировать договоренности на практике и только потом заводить речь о дополнениях, которые могут выйти за рамки с таким трудом согласованных режимов⁷. В 2012 г. вопрос о так называемом «ВТО плюс» был снят с повестки дня, и в переговорном процессе наступила техническая пауза.

⁶ Весной 2012 г. Еврокомиссия (ЕК) объявила о намерении закрыть доступ к европейским государственным закупкам компаниям из стран, где действуют преференции национальным поставщикам товаров и услуг для государственных органов. При присоединении РФ к ВТО российские компании рассчитывали получить практически неограниченный доступ к рынку госзаказов ЕС с примерным объемом в 500 млрд евро. В случае утверждения этого предложения Европарламентом доступ к нему (в силу существенных рисков введения антидемпинговых процедур) для отечественных игроков будет существенно ограничен — до тех пор, пока РФ не откроет собственный рынок государственных закупок (см.: Коммерсантъ. 26 марта 2012 г.).

⁷ В конце октября 2012 г. Европарламент принял не имеющую законодательной силы резолюцию, в которой указано, что введенный Россией запрет на импорт скота из ЕС, существующий режим преференций для отечественных производителей в сфере государственных закупок, сезонные импортные пошлины на некоторые виды сахара,

В.В. Путин в статье для немецкой газеты *Süddeutsche Zeitung* предложил ЕС создать гармоничное сообщество экономик, которое могло бы охватить пространство от Лиссабона до Владивостока⁸. Данное предложение он уточнил в своих предвыборных внешнеполитических тезисах в конце февраля 2012 г., выдвинув идею формирования единого экономического и человеческого пространства от Атлантики до Тихого океана. Никакой реакции на это предложение от ЕС так и не последовало⁹.

Не вызывает сомнения, что достижение подобной глобальной цели предполагает взаимодействие интеграционных процессов, развивающихся на нашем континенте. Российская сторона все настойчивее обращает внимание своих западных партнеров на то, что за прошедшие годы проект евразийской интеграции существенно продвинулся и что необходимо вести детальное обсуждение вопросов будущего НБС в контексте членства России в Таможенном союзе с Белоруссией и Казахстаном, деятельности Евразийской экономической комиссии (ЕЭК), в рамках которой происходит постепенный переход ряда компетенций в торгово-экономической сфере с национального уровня на наднациональный¹⁰, и создания 1 января 2015 г. на базе Единого экономического пространства (образованного в 2012 г.) Евразийского экономического союза (ЕАЭС), с перспективой присоединения к нему других постсоветских государств.

Пока эта позиция вызывает неприятие у ЕС, но все же придется начать взаимный поиск приемлемых компромиссных решений. Евросоюз должен также дать ответ на вполне обоснованный вопрос, поставленный академиком Н.П. Шмелёвым: «Какие разумные, рациональные соображения могут быть выдвинуты против восстановления фактически разрушенной за два последних десятилетия единой инфраструктуры, существовавшей на постсоветском пространстве — энергообеспечивающей, транспортной, образовательной, не говоря уже о сложившихся за долгие годы кооперационных связях между предприятиями, а также о, по существу, едином рынке рабочей силы?»

схема утилизации транспортных средств и продолжающиеся производство и реализация контрафактной продукции являются «тревожными сигналами» недостаточной готовности России исполнять взятые на себя обязательств в рамках ВТО.

⁸ *Süddeutsche Zeitung*, 25 Nov. 2010.

⁹ См. также: *Потёмкина О.Ю.* Россия и Европейский Союз: к «Единому пространству от Атлантики до Тихого океана» // *Russkii vopros*, Issue 3, 2013 (<http://russkiivopros.com/index.php?page=one&id=530&kat=6&csl=63>).

¹⁰ Помимо торговли речь идет о правилах конкуренции, государственных закупках, технических требованиях и т.д.

Очевидно, что создание Единого евразийского экономического пространства — это отнюдь не реанимация великодержавного российско-го империализма, а столь же естественный, столь же органичный процесс, как и то, что происходило и происходит в пределах Евросоюза»¹¹.

Разумеется, в сложившихся условиях уже не имеет смысла говорить о создании в перспективе зоны свободной торговли (ЗСТ) между ЕС и РФ. Такая зона в будущем должна формироваться между Евросоюзом и ЕАЭС. Несмотря на все сложности и ограничения¹², альтернативы постепенному сближению ЕС с новым международным субъектом и началу конструктивного диалога между ними, включая поиск радикальных развязок, в последующие годы не будет.

Следует согласиться с Постоянным представителем России при ЕС и Евратоме В.А. Чижовым, который считает, что целью диалога РФ–ЕС становится «обмен опытом и обсуждение путей обеспечения гармоничного, взаимодополняющего и взаимовыгодного развития процессов интеграции и сотрудничества при уважении интересов друг друга. Важна в этой формуле, прежде всего, миролюбивая и прагматичная концептуальная основа видения региональных интеграционных проектов как «сообщающихся сосудов» (а не конкурирующих компаний, что нередко следует из заявлений представителей ЕС на этот счет). Важно и подспудное признание внутренней открытости молодого евразийского проекта к восприятию интеграционного опыта третьих стран»¹³.

Определенные надежды на возможный прогресс появились в конце января 2014 г. после 32-го заседания Совета сотрудничества ЕС–Россия, который в сокращенном формате был проведен в Брюсселе. В его рамках достигнута принципиальная договоренность ускорить работу над НБС и постараться согласовать на экспертном уровне принципиальные вопросы по его тексту к очередному саммиту, который должен был пройти летом в Сочи. В этом контексте В.В. Путин особо подчеркнул, что между европейским и евразийским интеграционными процессами нет противоречия: «Обе интеграционные модели построены на схожих принципах и опираются на нормы ВТО. И могли бы эффек-

¹¹ Шмелёв Н.П. Что нужно России от Запада? // Современная Европа. 2012. № 2. С. 11.

¹² Среди прочего представители ЕС ссылаются на ограниченность переговорного мандата, выданного им странами — членами Евросоюза.

¹³ Чижов В.А. Влияние евразийской интеграции на отношения с Европейским Союзом // Выступление на конференции «Новый интеграционный процесс на евразийском пространстве. Какой должна быть реакция Европейского Союза?». Берлин, 15 июня 2012 (<http://www.russianmission.eu/ru/intervyu/vliyanie-evraziiskoi-integratsii-na-otnosheniya-s-evropeiskim-soyuzom-vystuplenie-vachizhov>).

тивно дополнить друг друга. Способствовать росту взаимного товарообмена». Важно, что обозначились и некоторые перспективы запуска диалога о создании зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и ЕС. Руководству Евросоюза было сделано соответствующее предложение. К сожалению, осторожный оптимизм российской стороны относительно возможности начала дискуссий на экспертном уровне¹⁴ не оправдал себя. В связи с кризисом на Украине переговорный процесс между РФ и ЕС весной 2014 г. был заморожен на неопределенное время. Более того, против России были введены жесткие секторальные санкции.

Но и без украинского кризиса по состоянию на начало 2014 г. сложно было говорить о каком-либо прогрессе в реализации дорожной карты по созданию общего экономического пространства. Тем не менее предстоит продолжить работу над подготовкой НБС и активизировать отраслевые диалоги с участием малого, среднего и крупного бизнеса, в том числе с целью создания предпосылок для расширения внутриотраслевого разделения труда между РФ и странами Евросоюза. Естественно, без урегулирования внешнеполитических спорных вопросов, а также дальнейшего качественного изменения хозяйственно-политических рамочных условий деятельности экономических игроков в России и устранения известных препятствий (бюрократия, коррупция и пр.) желаемых целей не достичь.

Представители Евросоюза нередко критикуют согласованную концепцию «Партнерства для модернизации», в рамках которой Россия якобы не уделяет должного внимания политическим реформам, отдавая приоритет процессам технологической трансформации. При этом зачастую игнорируют то, что большинство из существующих в РФ системных проблем и недостатков, раздражающих ЕС, четко обозначены В.В. Путиным еще в начале 2012 г. Многие из них весьма успешно решаются в рамках деятельности Агентства стратегических инициатив (АСИ), разрабатывающего 22 дорожные карты по дебиюрократизации рамочных условий хозяйствования для экономических субъектов, в первую очередь, малого и среднего бизнеса. Другими словами, существующие негативные моменты хорошо известны российскому руководству, у него есть понимание и видение соответствующих решений.

В средствах массовой информации стран Евросоюза практически не появляется взвешенных оценок итогов сотрудничества России и ЕС в природоохранной и здравоохранительной сферах, в областях

¹⁴ Путин в Брюсселе обсудил создание единого экономического и гуманитарного пространства с ЕС // ИТАР-ТАСС (<http://itar-tass.com/politika/921078>).

права (включая реформирование судебной системы) и гармонизации технических стандартов и регламентов¹⁵. Существенного продвижения удалось добиться в области инноваций и НИОКР, включая космические и ядерные исследования. 475 российских исследовательских организаций задействованы в реализации 300 проектов ЕС. Организации ЕС участвуют в 64 российских проектах. Углубляется сотрудничество высших учебных заведений, идет активизация академической мобильности¹⁶. Нет в ЕС желания в должной мере оценить и позитивные результаты работы упомянутого АСИ, которое в своей деятельности опирается на молодое поколение управленцев и собственников.

В условиях отсутствия прогресса во взаимодействии с ЕС важными остаются *двусторонние отношения России с отдельными государствами ЕС*. Эти связи существенно различаются как по объему, так и по экономическому и политическому содержанию.

В многообразии 28 кооперационных пар заложен существенный потенциал, который можно использовать при решении практически любой задачи. Академик Н.П. Шмелёв и член-корреспондент РАН В.П. Фёдоров справедливо указывали на следующую особенность наднационального уровня рассматриваемых связей: «Характерной чертой взаимоотношений ЕС и РФ является то, что их уровень во многом определяется наименее благожелательно настроенными странами – участницами Евросоюза. Эти настроения могут иметь под собой разные основания — от исторически обусловленных до текущих коммерческих, от партийно-политических предпочтений до причин личного плана»¹⁷. На двустороннем уровне эти негативные факторы можно смягчать и даже устранить, сосредоточив усилия на фор-

¹⁵ Итоги сотрудничества в рамках Пакта о модернизации ежегодно подводятся на встречах национальных координаторов совместно с сопредседателями отраслевых диалогов Россия–ЕС. Среди прочего, они критически оценивают и уточняют Рабочий план реализации, содержащий конкретные совместные проекты в приоритетных областях сотрудничества. Подробная информация содержится на интернет-ресурсе «Партнерство для модернизации: Россия–ЕС», специально разработанном Министерством экономического развития РФ «в целях развития всестороннего и полноценного информационного обеспечения российско-европейского сотрудничества в области модернизации, создания и наполнения единого реестра проектов инновационной тематики и финансовых инструментов их реализации, а также открытости и быстроты доступа к вышеуказанным данным» (см.: <http://www.formodernization.com>).

¹⁶ Юргенс И. Еще раз о стратегическом партнерстве с Евросоюзом / Институт современного развития (www.insor-russia.ru/files/INSOR_4_2013.pdf).

¹⁷ Шмелёв Н.П., Фёдоров В.П. Евросоюз–Россия: мера сотрудничества / Доклады Института Европы. № 275. М.: Русский сувенир, 2012. С. 42.

мировании комплексного и грамотного подхода к использованию позитивных возможностей в отношениях с теми странами Евросоюза, которые открыты для взаимовыгодного сотрудничества.

С точки зрения внешнеторгового оборота страны Евросоюза можно разделить на четыре группы. Первую образуют Германия, Италия и Голландия. На них приходится чуть менее половины всего внешнеторгового оборота России с Евросоюзом. Вторую составляют Франция, Великобритания, Польша и Финляндия (около четверти оборота). В третью входят Испания, Швеция, Чехия, Венгрия, Бельгия, Словакия и Латвия (около одной шестой оборота). Четвертая, самая многочисленная (четырнадцать государств), дает оставшиеся 10%.

Примерно так же (если не считать Кипр, Люксембург и Голландию — особо привлекательные для российских инвесторов финансовые центры) распределяются около 70% всех прямых капиталовложений ЕС в РФ и около 80% из РФ в ЕС. Лидируют Германия, Великобритания, Швеция, Франция, Австрия и Финляндия. Существенно отстает от лидеров Италия.

Подробная статистика по странам в том, что касается сферы услуг, к сожалению, труднодоступна.

Важную роль на страновом уровне играют двусторонние институциональные механизмы. В первую очередь они установлены с теми государствами, на которые приходится основная часть внешнеэкономических связей, т.е. с теми, кто входит в первые две указанные выше группы и обеспечивает три четверти взаимных товаропотоков.

Наличие таких механизмов обеспечивает ряд неоспоримых преимуществ. В рамках двусторонних государственных структур подготовка заседаний, обсуждение проблем, постановка задач по их решению, контроль их исполнения, привлечение к дискуссии представителей бизнеса и экспертного сообщества реализуются значительно эффективнее, чем на уровне Москвы и Брюсселя. Правда, и здесь есть свои проблемы, в том числе обусловленные наличием обязательных административных процедур. Поэтому еще результативнее действуют частные двусторонние структуры и организации.

Наиболее развитыми институциональными структурами и механизмами отличались до сих пор отношения России с *ФРГ* — как на государственном, так и на частном уровнях. С 2000 г. действует российско-германская Рабочая группа по стратегическому сотрудничеству в области экономики и финансов (СРГ)¹⁸, которая создана на базе

¹⁸ Межправительственные комиссии (МПК) по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству являются основой двусторонних институциональных

организованного в начале 1990-х гг. Российско-Германского совета по кооперации. Ее возглавляют статс-секретари министерств экономики, а основными направлениями являются содействие в реализации важнейших модернизационных, в том числе инновационных проектов, поиск и поддержка в освоении новых, более эффективных форм экономического взаимодействия, а также решение проблемных вопросов, выходящих за рамки обычных коммерческих операций. В работе группы участвуют ведущие представители российского и немецкого делового мира.

Серьезное содействие кооперации с *Италией* оказывает Российско-Итальянский Совет по экономическому, промышленному и валютно-финансовому сотрудничеству, при котором активно работают двусторонние рабочие группы.

В развитие отношений России с *Финляндией* важный вклад вносит Российско-Финляндская межправительственная комиссия по экономическому сотрудничеству, действующая в таких сферах, как развитие благоприятного коммерческого климата, преодоление торговых и инвестиционных преград и установление контактов между предприятиями. В подчинении комиссии действуют 13 отраслевых рабочих групп, находящихся под началом различных министерств и коммерческих организаций.

Важную роль в хозяйственной кооперации с *Францией* играет Российско-Французская комиссия по вопросам двустороннего сотрудничества на уровне глав правительств, созданная в 1996 г. Основной рабочей структурой комиссии является Российско-Французский совет по экономическим, финансовым, промышленным и торговым вопросам (СЕФИК), при котором создано 12 специализированных рабочих групп.

Развитию экономических отношений с *Великобританией* содействует созданный в 1992 г. Межправительственный российско-британский комитет по торговле и инвестициям (МКТИ).

В условиях технической паузы в подготовке НБС имеет смысл активизировать деятельность рабочих команд в рамках МПК. Входящие в них госчиновники должны не только обсуждать предложения, поступающие от экономических субъектов (в том числе направленные на улучшение рамочных условий хозяйствования в России), но и активно мультиплицировать лучшие практики, которые складываются в ходе двусторонней хозяйственной кооперации, а также организовывать активный обмен опытом между различными МКП и их рабочими группами.

структур между Россией и странами Евросоюза. С рядом стран вместо комиссий созданы советы, комитеты и группы (как, например, с Германией).

Во многом благодаря этим структурам 23 государства ЕС в той или иной форме договорились с Россией о поддержке концепции «Партнерства для модернизации» на уровне двусторонних отношений¹⁹. Одной из первых на этот путь встала Германия. В 2010 г. ее Федеральное министерство экономики и технологий подписало с Минэкономики РФ Декларацию, в рамках которой был подготовлен список проектов-маяков, способных стать точками модернизационного роста в различных отраслях народного хозяйства²⁰. В 2011–2013 гг. в немецком импорте обозначились качественные сдвиги: эксперты отмечали рост комплексных поставок машин и оборудования, предназначенных для существующих или строящихся заводов в России.

Видное место в модернизации отечественной экономики занимают российско-германские проекты по энергоэффективности и энергосбережению, которые реализуются почти во всех отраслях народного хозяйства РФ. В последующие годы, по мере умножения проектных результатов, можно ожидать существенного увеличения как немецких, так и других западных поставок связанных с этой сферой технологий, машин и оборудования.

Германские компании, наладившие производство в России, активно ищут отечественных субпоставщиков (при этом не только под давлением законодательного принуждения к локализации), нередко предоставляя выбранным ими российским фирмам необходимую поддержку (обучение управлению качеством, повышение квалификации персонала и пр.), что создает предпосылки для постепенного формирования будущего отечественного экспортного потенциала, особенно малого и среднего бизнеса. Уже сейчас есть «скрытые» (неизвестные общественности) отечественные «чемпионы», поставляющие комплектующие немецким и другим европейским машиностроительным

¹⁹ Более подробно см.: Романова Т.А., Павлова Е.Б. Российская модернизация и Евросоюз // Современная Европа. 2013. № 1. С. 45–57.

²⁰ В конце 2010 г. на IV ежегодном экономическом Форуме руководителей и топ-менеджеров ведущих немецких компаний в Берлине В.В. Путин в развитие идеи о модернизационном партнерстве заявил: «Нам крайне важно обеспечить по-настоящему полноформатную экономическую и технологическую кооперацию наших стран [...]. Благодаря своим естественным преимуществам Россия могла бы стать полноценным индустриальным партнером Германии. Речь идет о максимально широком вовлечении нашей промышленности в единые производственные цепочки с реальным сектором экономики Федеративной Республики. Устойчивые кооперационные связи мы можем формировать в машиностроении, фармацевтике, производстве медицинской техники, строительных материалов, пищевой промышленности и во многих других отраслях» (цит. по: Крылатых Э.Н., Фёдоров В.П. Международная экономическая интеграция и российский бизнес // Современная Европа. 2012. № 2. С. 140).

компаниям как в России, так и в ЕС. Лучшие практики этого плана надо активно обсуждать и по возможности содействовать их распространению.

Среди негосударственных структур основное место в том, что касается экономического сотрудничества, принадлежит двусторонним палатам. В декабре 2007 г. создана Российско-Германская внешнеторговая палата (РГВП), которая заменила действовавшие до этого (с начала 1990-х гг.). Бюро представителя немецкой экономики и Союз немецкой экономики. Она стала важнейшим частным институтом в сфере экономического сотрудничества между нашими странами, представляя своим членам весьма широкий спектр услуг.

Действует Российско-Британская торговая палата, созданная еще в 1986 г. С 1992 г. осуществляет свою деятельность Итало-Российская торговая палата, с 1997 г. — Российско-Французская торгово-промышленная палата, с начала 1990-х гг. — Финско-Российская торговая палата²¹.

Позитивную роль играют и другие негосударственные организации. С первой половины 1990-х гг. активную деятельность ведет Германо-Российский форум, основанный ведущими немецкими концернами. С начала текущего десятилетия параллельно с ежегодными российско-германскими межправительственными консультациями проводились заседания «Петербургского диалога», в рамках которого активно обсуждались проблемы двусторонней хозяйственной кооперации. Соответствующие рекомендации напрямую поступали президенту РФ и федеральному канцлеру Германии. «Петербургский диалог» инициировал создание Германо-Российского сырьевого форума; Форума Коха—Мечникова; Аграрного комитета «Россия—Германия».

Проявляет себя Ассоциация европейского бизнеса. Эти и другие негосударственные двусторонние российско-европейские структуры регулярно проводят обсуждения проблем, с которыми сталкиваются их члены в России, организуют конференции, круглые столы, опросы и пр. Их результаты доводятся до сведения российских исполнительных структур. Нередко по результатам таких обсуждений российские министерства и ведомства принимают решения, направленные на преодоление возникающих проблем и устранение существующих препятствий.

²¹ С точки зрения институциональных структур Нидерланды и Польша являются исключениями среди стран первых двух групп — с ними двусторонние механизмы, по сравнению с другими ведущими странами, развиты слабо. С голландцами — по формальным причинам (реальный товарооборот небольшой), с поляками — по историческим.

Например, зимой 2013 г. МЭРТ РФ представило правительству законопроект, предусматривающий снятие ограничений на участие иностранного бизнеса в уставном капитале компаний малого и среднего бизнеса. В основу этой законодательной инициативы положено предложение Германо-Российской внешнеторговой палаты. После принятия закона Госдумой малые и средние предприятия с иностранным участием среди прочего получили доступ к государственным программам и могут теперь пользоваться льготами, предусмотренными отечественным законодательством для этой категории бизнеса²².

Положительный опыт государственных и частных двусторонних структур надо активно и публично обсуждать, наиболее удачные примеры стараться мультиплицировать, пытаться встраивать их в отношения с другими странами, особенно с теми, где пока не задействованы хорошо зарекомендовавшие себя механизмы. У предпринимателей каждой из стран ЕС есть свои преимущества, которые надо использовать в интересах всестороннего партнерства.

Поддержать межгосударственный уровень экономических отношений вполне могут *отдельные регионы* — на уровне как субъектов РФ и стран — членов ЕС, так и городов и муниципальных образований. В последние годы в России наблюдаются рост хозяйственно-политического самосознания административно-территориальных единиц и усиление конкурентной борьбы между ними за основные производственные факторы — капитал и трудовые ресурсы.

Типичным примером одного из наиболее успешных в этом смысле российских субъектов является Калужская область, руководству которой в 2006 г. удалось убедить правление автомобильного концерна «Фольксваген» построить на ее территории завод по сборке легковых автомобилей. За немецким стратегическим инвестором в область пришли десятки иностранных (в основном европейских) и отечественных компаний, что позволило областной администрации начать работу по формированию нескольких высокотехнологичных кластеров. Важно, что их специализацию определил бизнес, а местная и федеральная власти начали содействовать дальнейшему развитию, постепенно переходя

²² Российско-Германская внешнеторговая палата (www.russland.ahk.de). В этом контексте следует упомянуть другую важную инициативу этой палаты. В апреле 2010 г. РГВП начала реализацию антикоррупционной «Инициативы по соблюдению принципов корпоративной этики при ведении коммерческой деятельности на территории Российской Федерации», за основу которой были взяты «Принципы противодействия взяточничеству», выработанные по инициативе Всемирного экономического форума PACT — Partnership Against Corruption Initiative. За три года к ней присоединилось около 200 иностранных и российских предприятий.

к осознанной промышленной политике. Так, зимой 2013 г. правительство РФ приняло решение создать в области новую свободную экономическую зону промышленно-производственного типа, ориентированную на производство автозапчастей и строительных материалов.

Похожую политику проводят власти Ульяновской области. Хотя она и уступает калужскому конкуренту по значимости своего географического расположения, ее хозяйственно-политическая привлекательность, в том числе в глазах европейского бизнеса, растет с каждым годом.

Среди других российских регионов, проводящих активную политику по удержанию и привлечению производственных акторов, можно назвать Татарстан, Нижегородскую, Московскую, Ленинградскую, Воронежскую, Ростовскую, Томскую и Новосибирскую области. А вот власти Калининградского региона до сих пор так и не создали предпосылок, стимулирующих массовый приток капитала из стран ЕС. Более того, в начале 2013 г. в области была ликвидирована туристско-рекреационная свободная экономическая зона «Куршская коса».

Российские территориальные субъекты проявляют все больший экономический интерес к различным регионам Евросоюза. Их делегации все чаще посещают страны — члены ЕС, презентуя свой хозяйственно-политический потенциал. Многие создали свои представительства в Брюсселе и в других городах западной части континента. Растет интерес к России и в западноевропейских региональных субъектах, в первую очередь, в Германии. Почти все федеральные земли открыли в России свои представительства. Особенно активна в их числе структура, созданная Баварией. Отдавая должное необходимости развития отношений с российскими регионами, Посольство ФРГ в России создало Рабочий штаб регионов и назначило из числа своих сотрудников 24 уполномоченных, отвечающих за отношения с тем или иным субъектом.

Все больший интерес к хозяйственной кооперации на муниципальном уровне проявляют администрации российских и немецких городов-побратимов, число которых уже приближается к сотне. Растет также активность регионов Франции, Испании, Австрии и ряда других стран ЕС. Для межрегионального взаимодействия характерны меньшая бюрократизация и более высокий уровень доверия. Это создает благоприятные предпосылки для превращения региональных хозяйственно-политических пространств в дополнительные эффективные драйверы внешнеторговых и инвестиционных потоков. Именно на уровне межстрановых и межрегиональных экономических связей в последующие несколько лет надо активно использовать существующие возможности для точечной настройки кооперационных ин-

струментов, способных стимулировать хозяйствующие субъекты РФ и стран ЕС ко все более активному сотрудничеству.

В принципе, вышесказанное коррелируется с предложениями ряда экспертов о развитии сотрудничества между РФ и ЕС на основе тактики малых шагов, к которым, среди прочего, они относят разработку льготного режима для прямых инвестиций, гармонизацию законодательства, регулирующего доступ иностранного капитала, расширение участия РФ в научно-технических программах ЕС, включая их возможную совместную разработку в будущем, кооперацию по адаптации российских стандартов к стандартам ЕС и взаимному признанию национальных сертификатов, введение согласованных на международном уровне стандартов GMP, расширение возможностей повышения квалификации управленцев²³. Совершенно очевидно, что «неизбежное при этом сближение, а в некоторых областях и объединение научно-технических потенциалов обеих сторон может решающим образом содействовать превращению грядущей Европы в мировой центр силы, сопоставимый с США и меняющимся Китаем»²⁴. Кроме того, укрепление профессиональных контактов, работа над общими проектами, участие в совместных операциях может стать основой формирования доверительных отношений.

Визовые проблемы в отношениях России и ЕС

Особое место в отношениях России и Европейского Союза занимает вопрос о взаимной отмене виз для краткосрочных поездок граждан. Визовый режим остается одним из барьеров на пути развития человеческих и экономических контактов. Его отмена стала бы мощным импульсом для реальной интеграции. Постоянный представитель России в ЕС В.А. Чижов с полным основанием отметил в этой связи, что безвизовый диалог выполняет роль ««лакмусовой бумаги», определяющей искренность намерений партнеров на построение стратегического модернизационного партнерства»²⁵.

²³ Кавешников Н. Экономический фундамент отношений между Россией и ЕС пока недостаточно крепок / РСМД (www.russiancouncil.ru/inner/?id_4=1791#top). См. также: Кузнецова Е.С., Журавлёв А.В. Обновление формы и содержания. Россия и Европейский союз в переходном состоянии / Россия в глобальной политике. 3 марта 2013 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Obnovlenie-formy-i-soderzhaniya-15875>).

²⁴ Шмелёв Н.П. Здравый смысл и будущее России: да или нет? / Современная Европа. 2013. № 1. С. 20.

²⁵ Чижов В.А. Стратегическое партнерство Россия–ЕС: еврокризис — не повод для передышки / Международная жизнь. 2012. № 6.

В 2011 г. Россия вошла в группу стран, граждане которых подали больше всего заявлений на оформление шенгенских виз. Их было зарегистрировано 5,2 млн (39% всех поданных заявлений). Доля получения многократных виз (47%) была весьма значительна, а уровень отказов в визах, напротив, низким (2%)²⁶. Стоит отметить, что интенсивность поездок при минимальном проценте отказов в визах считается в ЕС достаточным основанием для перехода к безвизовому режиму для краткосрочных поездок.

Не менее впечатляющим был и встречный поток визитов. Например, в 2011 г. Германия заняла второе (после Китая) место по числу граждан, получивших российские визы (10%). За ней следовали Франция (5%), Финляндия и Италия (4%), Великобритания (3%)²⁷.

В ходе саммита «Россия–ЕС» в декабре 2011 г. был дан старт выполнению перечня «Совместных шагов по переходу к безвизовому режиму краткосрочных поездок граждан России и ЕС». Для оценки выполнения совместных шагов Россия и ЕС обменялись специальными проверочными миссиями по четырем блокам перечня — «защищенность документов», «незаконная миграция», «общественный порядок, безопасность и правовое сотрудничество» и «внешние связи». К концу 2013 г. миссии представили подробные доклады о состоянии дел и практических действий сторон, а также рекомендации по всем направлениям перечня.

Проверка выполнения совместных шагов по трем блокам прошла гладко, миссии не выявили существенных недостатков. Однако проблемным может стать четвертый блок: «внешние связи». Именно ему представители ЕС придают особое значение, утверждая, что главным критерием решения ЕС об отмене шенгенских виз для граждан России является состояние дел с обеспечением прав человека и продвижением к демократии²⁸.

Между тем подобные заявления не согласуются с содержанием четвертого блока, где положения о приверженности принципам демократии и защите прав человека сформулированы очень конкретно: «[стороны]

²⁶ European Commission. Overview of Schengen visa statistics 2009–2011. Directorate General Home Affairs: Immigration and Asylum: Visa Policy. Brussels, 2012.

²⁷ Федеральная миграционная служба РФ. Об основных итогах деятельности ФМС России. 2011. С. 8.

²⁸ См. например: Visa liberalisation with Russia / European Council on Foreign Affairs (<http://www.ecfr.eu/scorecard/2013/russia/14>); а также: NGO checks in Russia may influence Russia-EU visa negotiations — EU official / Russia beyond the headlines (http://rbth.ru/news/2013/04/01/ngo_checks_may_influence_visa_negotiations__eu_official_tells_interfax_24516.html).

обсуждают и сотрудничают по осуществлению антидискриминационной политики, защите лиц, принадлежащих к меньшинствам, и в борьбе с преступлениями на почве ненависти; по применимым Конвенциям Совета Европы, включая Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. в областях, затронутых в совместных шагах».

Таким образом, процесс консультаций по правам человека планировалось вести параллельно процессу визовой либерализации. При этом перечень «совместных шагов» не предполагал обусловленности либерализации визового режима ситуацией с правами человека. Тем не менее российской стороне не удалось в рамках диалога отделить вопросы нарушения прав человека от собственно процесса подготовки к переговорам по визам. Принцип политической обусловленности продолжает оставаться важным внешнеполитическим инструментом ЕС. Стремление же России противостоять монополии Евросоюза в сфере защиты прав человека не воспринимается конструктивно другой стороной. В результате конфронтационная составляющая диалога возрастает. Так, Европейский парламент в январе 2014 г. выразил возмущение в связи с опубликованием Министерством иностранных дел РФ ежегодного доклада «О нарушении прав человека».

Одним из препятствий к установлению режима безвизовых поездок страны ЕС называют действующую в России систему постановки на миграционный учет (регистрацию) иностранцев. В ходе консультаций российская сторона предложила разумный ответ на высказанные претензии: в проекте договора об отмене шенгенских виз, переданном европейским партнерам в 2010 г., есть положение об отмене регистрации для прибывающих без визы с краткосрочным визитом. Для иностранцев, приезжающих в Россию на долгий срок, сохраняются как визы, так и регистрация. Стоит подчеркнуть, что отмену регистрации предлагается осуществить на двусторонней основе, так как в ряде стран ЕС соответствующая процедура широко применяется и правила регистрации жестче, чем в России²⁹.

Важно отметить, что в ходе встречи в рамках «Диалога по миграции» в июле 2013 г. в Калининграде представители Европейского Союза подтвердили отсутствие «ожидаемого» риска со стороны Российской Федерации по росту нелегальной миграции, что является важным аргументом в безвизовом диалоге Россия–ЕС. Тем не менее надежды на отмену шенгенских виз в 2014 г. накануне зимних Олимпийских игр

²⁹ The obligation of third-country nationals to report their presence on the territory of any Member State // Official Journal. 24.01.2008. P. 18, 25.

в Сочи, которые неоднократно выражал российский МИД, оказались бесосновательными.

Опубликованный в декабре 2013 г. «Доклад Комиссии ЕС о выполнении Россией перечня совместных шагов по переходу к безвизовому режиму краткосрочных поездок граждан России и ЕС» показал, что ЕС, вопреки российским ожиданиям, все так же не намерен переходить непосредственно к самим переговорам об установлении безвизового режима. Между тем доклад, в целом положительный, демонстрирует огромный объем работы по всем направлениям «перечня»: обеспечение российских граждан паспортами в соответствии с международными требованиями; выполнение действующих соглашений о реадмиссии и облегченной визовой процедуре; совершенствование системы предоставления убежища и строительство центров для соискателей статуса беженца, а также для лиц, ожидающих депортации и реадмиссии. В докладе подробно проанализированы новые тенденции в российской политике регулирования легальной, в том числе трудовой миграции, хотя эта сфера не имеет непосредственного отношения к отмене шенгенских виз. Из текста видно, что российские правоохранительные ведомства тесно и результативно взаимодействовали со своими партнерами из ЕС.

Однако итоговый вывод неутешителен для российских граждан, ожидающих отмены виз. Комиссия считает, что, несмотря на прогресс в выполнении Россией совместных шагов, «необходима дальнейшая работа, чтобы полностью выполнить все элементы перечня»³⁰. Так, в докладе неоднократно подчеркивается, что Комиссия не пойдет на это, пока не ознакомится со специальными докладами о потенциальном влиянии безвизового режима на регулирование миграционных потоков, безопасность границ, и, с другой стороны — о рисках наркотрафика и незаконной торговли оружием для безвизового режима. По каждому из блоков перечня в докладе содержатся претензии и рекомендации по устранению недостатков. Среди них встречаются требования технического характера, например, Комиссию не устраивают отсутствие в России централизованной базы регистрации граждан и слишком либеральные правила изменения имен и фамилий, что чревато злоупотреблениями. Нашлись изъяны в программах и практике обучения сотрудников правоохранительных и гражданских организаций; есть претензии к системе надзора за безопасностью информации.

³⁰ Report from the Commission to the European Parliament and the Council. First Progress Report on the implementation by Russia of the Common Steps towards visa free short-term travel of Russian and EU citizens under the EU — Russia Visa Dialogue. Brussels. 18.12.2013. COM(2013) 923 final. P. 52.

Но наряду с практическими рекомендациями есть требования и политического характера, хотя и привязанные к обеспечению безопасности свободы передвижения. В России не приняты антидискриминационные законы, поэтому Комиссия опасается за безопасность передвижения лиц нетрадиционной сексуальной ориентации; законодательство об «иностранных агентах» также является препятствием для безвизового режима и путешествий представителей неправительственных организаций; закон против «резиновых квартир», ограничивающий регистрацию мигрантов в одном месте, считается попыткой возвращения к прописке, нарушающей свободу передвижения. Таким образом, «полностью» устранять все требования Комиссии и совершенствовать законодательство и практику можно бесконечно, некоторые же рекомендации, особенно политического характера, в принципе невыполнимы.

Официальные лица ЕС регулярно говорят о безвизовом режиме как о «долгосрочной перспективе»³¹. Нельзя забывать и о том, что будущее соглашение об отмене виз должен утвердить Европейский парламент. Учитывая высокую степень критической настроенности Европарламента к внутривизовой ситуации в России, а также нелицеприятные отзывы о Европарламенте российских официальных лиц, вряд ли стоит ожидать скорого перехода к безвизовому режиму краткосрочных поездок граждан.

Параллельно Россия и ЕС вели переговоры о модернизации действующего Соглашения об упрощении выдачи виз. Казалось бы, решение этого частного и не столь сложного вопроса могло бы стать импульсом для упрочения отношений России и ЕС, так как принесло бы видимые результаты. Тем не менее и здесь не обошлось без жесткой риторики и трудностей при согласовании позиций. Текст Соглашения был готов к подписанию уже осенью 2012 г. Он предполагал в дополнение к безвизовым поездкам держателей дипломатических паспортов распространить эту льготу на обладателей служебных паспортов, а также расширить круг часто путешествующих граждан, которые могли бы пользоваться облегченной процедурой получения виз. Однако положение о безвизовых поездках по служебным паспортам не нашло поддержки у Евросоюза, несмотря на то что аналогичное положение было включено в соответствующие соглашения с другими странами — Украиной, Молдовой, Южной Кореей.

Стороны обсудили ряд компромиссных вариантов. Вернее сказать, Россия вновь пошла на уступки, согласившись распространить

³¹ См., например, интервью С. Мальстрём, члена Комиссии ЕС по внутренним делам и юстиции агентству Интерфакс // (<http://www.interfax.ru/txt.asp?id=281752>).

безвизовый въезд в страны ЕС лишь на обладателей биометрических паспортов, убрав из предложенного списка военных, а также административный персонал посольств и дипломатических миссий. Тем не менее вопрос остается открытым. Отсутствие компромиссного решения привело к новому обострению отношений партнеров: Россия приняла решение не продлевать мораторий для членов экипажей международных авиарейсов, при том что соответствующие двусторонние соглашения о безвизовом режиме для данных категорий поездок существуют не со всеми странами ЕС. В конечном итоге эта проблема может быть решена подписанием модернизированного соглашения об облегчении визовой процедуры. Позитивный результат, который мог бы быть достигнут в переговорах по столь незначительному сегменту отношений России и ЕС, тем не менее очень символичен: если нет доверия к держателям служебных паспортов (а именно они обеспечивают продвижение к четырем общим пространствам), то надежды на отмену шенгенских виз для всех россиян становятся еще более призрачными.

В то же время успехом в «политике малых дел» можно считать установление режима «местного приграничного движения» между Калининградской областью и прилегающими польскими воеводствами. Соответствующее Соглашение между Россией и Польшей вступило в силу в июле 2012 г. Такой же режим начал действовать и между Россией и Латвией в июне 2013 г. Однако польско-российское соглашение заслуживает особого внимания: чтобы учесть пожелания российской стороны о распространении действия режима на всю Калининградскую область, Комиссия ЕС в российско-польском случае согласилась на внесение соответствующих поправок в Регламент ЕС о местном приграничном движении³². Граждане приграничных регионов получили возможность приобрести разрешение на краткосрочные поездки с туристическими, культурными, социально-экономическими целями, за исключением работы и ведения бизнеса.

Когда Соглашение только готовилось, высказывались сомнения в практической эффективности нового режима. Некоторые из них оказались обоснованными. Главной проблемой стало несоответствие инфраструктуры пограничных переходов возросшему потоку граждан, желающих пересечь границу. Тем не менее статистика свидетельствует, что активность на приграничных переходах возросла в несколько раз.

³² Regulation (EU) No 1342/2011 of the European Parliament and of the Council of 13 December 2011 amending Regulation (EC) No 1931/2006 as regards the inclusion of the Kaliningrad oblast and certain Polish administrative districts in the eligible border area // OJ. 30.12.2011. L 347. P. 41.

Введение МПП и визового аутсорсинга увеличило движение через границу Польши и Калининградской области с 2,3 млн в 2011 г. до 4,1 млн в 2012 г. (на 74%)³³.

Установление местного приграничного движения на российско-польской границе имеет не только практическое, но и политическое значение, так как продемонстрировало готовность ЕС идти на гибкие компромиссные решения в вопросах, представляющих общий интерес. Инициатива Польши, которая пролоббировала соглашение в период своего председательства в ЕС, была положительно оценена в России как видимый результат сотрудничества, способствовавший и потеплению двусторонних отношений. В то же время новый режим вряд ли можно считать серьезным шагом на пути к отмене виз, так как подобные соглашения действуют и на других участках границы ЕС с соседними странами уже длительное время. Российско-польский опыт мог бы стимулировать решение аналогичного вопроса на российско-литовской границе, но пока он остается открытым.

Перспективы взаимодействия на международной арене

В Концепции внешней политики РФ подчеркивается, что Россия признает значимую роль Европейского Союза на мировой арене и «настроена на поддержание интенсивного и взаимовыгодного политического диалога» по основным проблемам международной повестки дня, заинтересована в практическом взаимодействии «во внешне- и военно-политической сферах», в создании «соответствующих механизмов сотрудничества в области внешней политики и безопасности, с тем чтобы придать работе характер совместного принятия решений с их последующей совместной реализацией»³⁴. Известно, что значительная часть времени в ходе саммитов России и ЕС уделялась дискуссиям по глобальным и региональным проблемам. При этом международная повестка дня в основном совпадала с вопросами, обсуждавшимися на встречах «Группы восьми» и «Группы двадцати». Анализ общих позиций свидетельствует о том, что у России и Евросоюза было и остается принципиальное взаимопонимание по цело-

³³ 100 000 карт МПП выдано в Калининграде — налаживаем связи и поддерживаем польскую экономику / Сайт Генерального консульства Республики Польша в Калининграде (http://www.kaliningrad.msz.gov.pl/ru/news/100_000_mrg_in_kaliningrad?printMode=true).

³⁴ МИД РФ. Концепция внешней политики Российской Федерации. 18.02.2013. (http://www.mid.ru/bf_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F).

му ряду ключевых проблем современности: предотвращение этнорелигиозных конфликтов, противодействие наркотрафику и торговле людьми, борьба с международным терроризмом и распространением оружия массового уничтожения. Однако «усиливающаяся конфронтация Евросоюза и России»³⁵, решение ЕС и государств-членов об отмене саммитов и замораживании диалогов, а также приостановление российского членства в «Группе восьми», значительно снизили перспективы взаимодействия по ключевым международным вопросам. Тем не менее начавшееся в июне 2014 г. председательство РФ в Совете безопасности ООН предоставило России возможности влиять на развитие ситуации в «горячих точках» планеты: на ход ближневосточного урегулирования, проблему международного терроризма, процесс химической демилитаризации в Сирии, проблему Афганистана, Мали и Кот-д'Ивуара, взаимоотношения между Суданом и Южным Суданом, но в первую очередь на прекращение военных действий на Украине (этот вопрос изначально не был включен в официальный график работы СБ ООН).

Созданная в 2010 г. по инициативе ЕС рабочая группа по военным вопросам, по словам С.В. Лаврова, «гармонично вписалась в структуру диалога Россия–ЕС, взяв «под свое крыло» ряд таких вопросов, как обмен оценками состояния и перспектив развития военно-политической ситуации в кризисных регионах, использование миротворческих потенциалов России и Евросоюза»³⁶. Определенный прогресс был достигнут на сирийском и иранском направлениях. В сентябре 2013 г. глава Внешнеполитической службы ЕС К. Эштон выступила в поддержку предложения России об установлении международного контроля над химическими боеприпасами в Сирии. Европарламент также сменил тон дискуссии и резолюции по ситуации в этой стране, хотя первоначально депутаты намеревались осудить Россию за ее позицию по недопущению внешнего военного вмешательства в сирийский конфликт. Представители «Группы шести», куда входит Россия, согласовали с Тегераном технические параметры контроля над иранской ядерной программой. Очевидные успехи были достигнуты в совместной борьбе с морским пиратством в регионе Африканского Рога, по линии взаимодействия с военно-морской группировкой стран ЕС,

³⁵ Борко Ю.А. Россия – Евросоюз: состоялось ли стратегическое партнерство? // Современная Европа. 2014. № 2. С. 27.

³⁶ Лавров С.В. Россия – Евросоюз: перспективы партнерства в меняющемся мире // Journal of Common Market Studies Annual Review/ 13.08.2013. (http://www.mld.ru/brp_4.nsf/newsline/80CCDE1C4AE2E27F44257BC6005FDBD9).

участвующей в операции «Аталанта» по борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Логичной представлялась российская инициатива «постановки значительной степени эпизодического сотрудничества в кризисном регулировании на прочную правовую основу»³⁷. Главным принципом разработки соответствующего документа Россия считала равноправное взаимодействие сторон в совместных операциях. Однако тезис о равных партнерских отношениях не только в декларациях, но и в практических делах не находил понимания у ЕС.

Игнорирование Евросоюзом инициативы Договора о европейской безопасности, выдвинутой Д.А. Медведевым в июне 2008 г., в условиях стагнации процесса переговоров по новому базовому соглашению, лишило Россию и ЕС возможности разработать правовую основу взаимоотношений в сфере безопасности, согласовать позиции по широкому спектру международной тематики³⁸. Не получила развития в рамках политического диалога идея создания Комитета Россия–ЕС по вопросам внешней политики и безопасности на министерском уровне. Возможность исправить положение Россия видела в подписании Меморандума о сотрудничестве между МИД России и Европейской внешнеполитической службой. Проект документа был передан Евросоюзу в 2011 г., однако, как и многие другие российские предложения, остался без ответа. В результате последовавших на Украине событий идея единой евроатлантической безопасности стала выглядеть еще менее осуществимой.

Отсутствие взаимного доверия между ЕС и Россией затормозило переговоры по всем направлениям — от энергетического до противостояния новым угрозам безопасности. Текущий кризис в отношениях России и ЕС способен как нанести им непоправимый ущерб, так и подтолкнуть к переосмыслению перспектив сотрудничества, перезапустить зашедшие еще до украинских событий в тупик многочисленные диалоги.

В этом контексте следует рассматривать принципы и возможности дальнейших отношений России с Европейским Союзом и его институтами: Советом, Комиссией, Европарламентом и с государства-

³⁷ Чижов В.А. Отношения Россия–Европейский Союз: Выступление на слушаниях в Государственной Думе Федерального Собрания РФ. М., 18.04.2013. (<http://russianmission.eu/ra/intervyu/vysshplenie-vachizhova-na-slushaniyakh-v-gosudarstvennoi-dume-federalnogo-sobraniya-rossii-0>).

³⁸ См.: Арбатова Н.К. Роль ЕС в системе европейской безопасности // Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. С. 113.

ми-членами. Необходима работа со здравомыслящими политиками, способными к разработке и восприятию новых идей сотрудничества с Россией. Отношения России и ЕС, по какому бы сценарию они ни развивались (взаимное сдерживание или восстановление сотрудничества на важных направлениях), остаются значимыми для международных отношений. «Восточный» поворот России к Азиатско-Тихоокеанскому региону призван не разрушить, но сделать более эффективными отношения с Европейским Союзом.

Глава 23

РОССИЯ И ЕВРОСОЮЗ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Сердцевиной сотрудничества Российской Федерации и Европейского Союза служит сфера экономического взаимодействия. И все же на протяжении уже довольно длительного времени между Россией и ЕС, хотя и медленно, складывалась система совместных усилий в области безопасности, ограничения и сокращения вооружений и иных военно-политических акций. Эта система на протяжении ряда лет дополняла и укрепляла экономический фундамент, на котором строятся отношения между Россией и Европейским Союзом. Пожалуй, пока еще трудно назвать все это Большой Европой. Но какие-то шаги в ее направлении делаются уже довольно давно. И некоторые из этих шагов совершаются в сфере безопасности.

Вспомнить, как начинался и развивался этот процесс, к чему он привел к настоящему времени — бесполезно. Прежде всего для того, чтобы лучше представить, как он будет двигаться по пути к подлинной Большой Европе, если она состоится когда-либо в будущем.

Взаимодействие между Россией и Евросоюзом в международной сфере безопасности началось и проходит до настоящего времени очень неоднозначно, часто зигзагообразно, с успехами и неудачами, то медленно, то быстро, то вообще никак. Одним словом — неровно. И в тоже время практически с самого начала обе стороны и вместе, и по отдельности утверждали и подчеркивали свою готовность продвигать это сотрудничество вперед.

Концептуальные основы сотрудничества между Россией и ЕС в сфере безопасности были заложены еще в конце XX в. Первое (и пока последнее) Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, подписанное 24 июня 1994 г. и вступившее в силу 1 декабря 1997 г., особенно внимания этим проблемам не уделяло. Оно было главным образом посвящено основам и конкретным вопросам экономического взаимодействия. И все же в нем были четко поставлены коренные проблемы

сотрудничества в сфере внешней политики и безопасности. Их целью было провозглашено содействие «все большему сближению позиций по международным вопросам, являющимся предметом общей озабоченности, укрепляя тем самым безопасность и стабильность»¹.

На первом же заседании учрежденного в соответствии с этим соглашением Совета сотрудничества России и ЕС общие положения соглашения были досконально детализированы. На нем были обсуждены пути расширения сотрудничества в предотвращении распространения оружия массового уничтожения и баллистических ракет, активизация усилий в укреплении мира на Балканах и в Юго-Восточной Европе в целом, совместные действия в ближневосточном мирном процессе и поддержка усилий по урегулированию ситуации в Афганистане.

В последующие годы повестка дня по укреплению европейской и глобальной безопасности лишь расширялась, продвигая взаимодействие в решении традиционных проблем и увеличивая ее за счет привлечения проблем новых, то там, то тут возникающих в нашем беспокойном мире. Конечно, роль обсуждений и дискуссий не следует переоценивать. Гораздо важнее конкретные совместные решения и акции. Надо признать, что их было несравненно меньше. И все же они есть. Более того, именно они составляют ту конкретную базу, на которой вырастает сложная система равноправного взаимовыгодного сотрудничества.

В оценке костяка практических дел следует, видимо, начать с тех, которые мы традиционно описываем в двух-трех строчках и воспринимаем как что-то, само собой разумеющееся. И при этом забываем, что за ними стоит сложная многогранная работа дипломатов, министерств иностранных дел, порой всех главных государственных механизмов, участвующих в выработке согласованных решений и реализации совместных действий. Среди подобных сфер стоило бы в виде примера назвать противодействие распространению ядерного и иного оружия массового уничтожения и борьбу против международного терроризма.

Особенно основательную и прочную традицию имеет совместная борьба против международного терроризма. В определенной мере ее можно рассматривать как традицию Большой Европы, настолько близки взгляды ЕС и России в этой сфере, практическая повседневность взаимодействия. Традиция эта возникла вскоре после террористической атаки в США 11 сентября 2001 г. Уже менее чем через месяц, 3 октября того же года, на саммите Российской Федерации и Европейского Союза в Брюсселе было принято Совместное заявление по международному терроризму, в котором было подчеркнуто, что они

¹ Документы, касающиеся сотрудничества между ЕС и Россией. М., 1994. С. 89.

«решили расширить сотрудничество в борьбе против международного терроризма»². В Заявлении были сформулированы конкретные задачи по обмену информацией, диалогу между антитеррористическими экспертами, иным формам противотеррористического взаимодействия. Впоследствии был принят еще ряд практических решений, которые развивали, дополняли и расширяли положения первого, в определенном смысле основополагающего Совместного заявления 2001 г.

Одним из конкретных проявлений реализации этого взаимодействия стала активная поддержка членами Европейского Союза российских усилий в ООН, направленных на предотвращение ядерного терроризма. Эти усилия имеют свою историю. На протяжении второй половины XX в. Организация Объединенных Наций приняла 12 антитеррористических конвенций, охватывающих самые разные аспекты борьбы против международного терроризма. К началу XXI в. стала все более отчетливо вырисовываться потенциальная угроза применения террористами тех или иных видов ядерного оружия. И тогда Россия выступила с инициативой разработки еще одной, 13-й антитеррористической конвенции — Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма.

Во время брюссельского саммита Россия—ЕС 2001 г. российский проект активно обсуждался на различных уровнях в Организации Объединенных Наций. Поэтому на саммите в Брюсселе было принято решение: «Мы будем помогать нанести заключительные штрихи на проект Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, чтобы скорее выдвинуть его на сессию Генеральной Ассамблеи»³. Что и было впоследствии сделано. Российский проект, активно поддержанный членами Европейского Союза и многими другими государствами, был принят Генеральной Ассамблеей ООН 13 апреля 2005 г. Что касается конкретных совместных мер в противодействии международному терроризму, то они успешно вырабатывались и реализовывались в последующие годы. И если идея Большой Европы будет претворяться в жизнь, ее успеху будет способствовать многолетний опыт антитеррористического сотрудничества.

Примерно такую же роль в становлении потенциальной Большой Европы может сыграть еще одно важнейшее направление в сотрудничестве в сфере безопасности — предотвращение распространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

² EU–Russia Summit. Brussels. 03.10.2001, P. 5 (http://europa.eu.int/comm/external_relations/russia/summit_10_01/dc_en.htm).

³ Ibidem.

В этой сфере в глобальных масштабах существует широкий международный консенсус. Если же говорить о взаимодействии между Россией и Европейским Союзом, то это, пожалуй, даже не консенсус, а если не идентичность подходов, во, всяком случае, что-то близкое к ней. И возникло оно, конечно, не в одночасье, а явилось результатом многолетней напряженной работы обеих сторон. Именно в результате этой близости позиций, ставшей привычной в международном дискурсе, мы нередко воспринимаем ее как само собой разумеющуюся — а зря. К этому важному явлению современной международной жизни следовало бы относиться повнимательнее.

Свою единую позицию в подходах к нераспространению ядерного и иного оружия массового уничтожения Россия и Европейский Союз провозглашали в различных совместных документах столь многократно, что, в принципе, она является общеизвестной. Этот общий подход конкретизирован в одинаковом отношении к запрещению производства расщепляющихся материалов для ядерного оружия, к контролю за распространением баллистических ракет и ракетными технологиями и к другим практическим аспектам этой глобальной проблемы.

Что особенно важно, так это выработка общей или однотипной позиции в ее практической реализации, будь то в Организации Объединенных Наций или на иных международных форумах. В повседневной же внешнеполитической практике это сходство или близость неоднократно подтверждалась то в подходе России и Евросоюза к ядерным авантюрам Северной Кореи, то в их отношении к опасным проявлениям ядерных программ Ирана, то к похожим планам или акциям других государств. Среди прочего в Европейском Союзе отмечали важность сотрудничества в предотвращении использования сферы мирного атома для распространения ядерного оружия⁴. Как и пресечения иных лазеек того же распространения.

По совпадению примерно в то же время, когда Евросоюз помогал России продвигать 13-ю антитеррористическую конвенцию, Россия, в свою очередь, поддержала западную инициативу против распространения оружия массового уничтожения, которую активно выдвигали ведущие члены ЕС. Собственно инициатором этой Инициативы по безопасности в борьбе с распространением (ИБОР) оружия массового уничтожения, выдвинутой на международной встрече в Кракове 31 мая 2003 г., были США, но члены ЕС — Великобритания, Германия, Франция, Италия, Испания, Польша, Нидерланды и Португалия — приня-

⁴ *Dietrich Ch. Nuclear multilateralisation — and Europe's role / European Institute for Security Studies. Paris, April 2013. P. 3.*

ли в ней самое активное участие и потому вошли в состав учредителей или «ядра» ИБОР⁵. Новая инициатива предусматривала развернутую и детальную систему контроля и перехвата оружия массового уничтожения или его элементов в международной транспортной сети, прежде всего морской.

Россия, тщательно изучив всевозможные аспекты системы ИБОР, ровно через год, 31 мая 2004 г. примкнула к ней. И немедленно была включена в состав «ядра» ИБОР⁶. Таким образом Евросоюз и Российская Федерация еще раз подчеркнули значимость своих совместных усилий в борьбе против распространения ядерного и иного оружия массового уничтожения. В данном случае Россия пошла навстречу Европейскому Союзу подобно тому, как при разработке 13-й антитеррористической конвенции ООН ЕС пошел навстречу России. И хотя оба эти события произошли в прошлом, хоть и недалеко, их опыт свидетельствует о масштабах возможностей взаимного сотрудничества при наличии стремления к нему и доброй воли обеих сторон. И этот опыт, причем далеко не единственный, лишний раз напоминает о потенциале совместных усилий, который очень важен при выработке подходов к развитию Большой Европы.

Что касается самого этого сотрудничества, то оно продвигается в последние годы на разных уровнях — от декларативного до конкретно-практического. К сожалению, первого значительно больше. На протяжении первого десятилетия XXI в. Россия и Европейский Союз приняли шесть совместных заявлений, в которых сформулированы основные направления сотрудничества в деле укрепления международной безопасности, и три заявления о борьбе против терроризма. А кроме этого — специальную «Дорожную карту по общему пространству внешней безопасности». Так что чего-чего, а деклараций хватало.

Сфера их практической реализации выглядит куда скромнее. И это неоднократно подвергалось критике в нашей стране. Россия не раз предлагала предпринять конкретные совместные акции по укреплению международной безопасности. Евросоюз по большей части отмалчивался. И все же реальные совместные шаги совершались. Как правило, весьма успешно. И это снова и снова оттеняет значимость и возможности плодотворного сотрудничества, если за него достаточно решительно берутся обе стороны. Яркими примерами тому послужили практические военно-политические акции в Африке и Индийском океане.

⁵ SIPRI Yearbook 2005. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford—N.Y., 2005. P. 743–745.

⁶ Ibid. P. 747.

Первая из них состоялась в Западной Африке, в двух африканских государствах — Чаде и Центральноафриканской республике (ЦАР), где с 15 марта 2008 г. проходила операция ЕС в рамках Общей политики безопасности и обороны (ОПБО). Она имела в основном гуманитарный характер, хотя осуществлялась силами военных. Евросоюз задействовал в ней около 3,7 тыс. военнослужащих из 23 стран. Это была одна из самых крупных операций в системе ЕС ОПБО. Она проводилась в связи с гуманитарной катастрофой в западносуданской провинции Дарфур, произошедшей в результате конфликта между властями Судана и местным населением, из которого около двух миллионов бежало в Чад и ЦАР. Наплыв беженцев привел к многочисленным конфликтам, а Евросоюз при содействии ООН начал работу по стабилизации ситуации. Среди множества проблем, с которыми столкнулся ЕС, особенно острой была нехватка вертолетов. Евросоюз обратился за помощью к России.

Так началось участие России в крупной акции ЕС по линии ОПБО (ЕУФОР Чад/ЦАР). 5 ноября 2008 г. было подписано соглашение между Европейским Союзом и Россией о ее вступлении в эту операцию, а также необходимые военно-технические протоколы, которые были оформлены в штабе операции. В ноябре же российская операция началась.

Следует подчеркнуть, что российская группировка, направленная в Чад/ЦАР, стала первым (и пока последним) крупным вкладом России в миротворческие операции Европейского Союза, проводимые в формате ОПБО. Внешне она выглядела не то чтобы очень впечатляюще, но ее вклад в совместную работу был огромным. Россия, как ее и просили, направила в Африку 4 транспортных вертолета и около 200 военнослужащих, составивших Российскую авиационную группу (РАГ) в составе миротворческих сил. Она месяц за месяцем успешно выполняла в тяжелых условиях африканской пустыни с ее жарой и опасными пыльными бурями поставленные перед ней задачи: перевозить необходимый персонал и грузы, эвакуировать больных и раненых, осуществлять поисково-спасательные и наблюдательные работы. Личный состав и технику перебрасывала в Африку военно-транспортная авиация Российской Федерации.

После успешного завершения операции Европейского Союза ЕУФОР Чад/ЦАР она 15 марта 2009 г. была трансформирована решением Совета Безопасности в миротворческую операцию ООН МИНУРКАТ, в состав которой перешла и Российская авиационная группа⁷. Сотрудничество военных России и Евросоюза успешно продолжалось

⁷ The Military Balance 2011. L., 2011. P. 192.

и в формате этой операции. После ее завершения к 1 января 2011 г. миротворческая миссия в Чаде и ЦАР была закрыта⁸.

Надо отметить, что и в Европейском Союзе и в России неоднократно давались высокие оценки этого плодотворного сотрудничества. Европейский Союз, характеризуя вклад Российской авиационной группы, особо подчеркивал, что «присутствие российских вертолетов увеличило мобильность сил операции. Было проведено около 500 воздушных миссий»⁹.

Что касается африканского региона Сахель, в центре которого лежат Чад и Центральноафриканская республика, то в нем на какое-то время наступило затишье. Правда, впоследствии оно было взорвано мощным выступлением сепаратистов и террористов в соседнем Мали. Но это уже совсем другая история.

Военное миротворческое сотрудничество России и Европейского Союза в Чаде и ЦАР было единственным масштабным примером такого рода. И хотя этот образец уходит все дальше в историю, он остается свидетельством тех возможностей, которые открываются перед Евросоюзом и Россией в сфере практического взаимодействия в обеспечении международной безопасности. Россия свою готовность к такому взаимодействию неоднократно проявляла.

Второй раз Россия и Евросоюз начали осуществлять крупную совместную операцию на воде — в Индийском океане вблизи берегов Африки, а точнее Сомали. Она была направлена против сомалийских пиратов, поставивших под угрозу мирное международное судоходство в Аденском заливе и прилегающих водах и по существу угрожающих закрыть важнейший морской путь через Суэцкий канал. Пиратство в распавшемся на части к концу XX в. Сомали развивалось постепенно, но в начале XXI в. приобрело огромные масштабы. Мировое общество было вынуждено искать ответ на этот острый вызов.

Особенно эффективно прореагировал на него Европейский Союз. 10 ноября 2008 г. Совет ЕС принял решение начать первую в истории военно-морскую операцию против сомалийских пиратов (ЕУНАВФОР «Аталанта»), а 8 декабря корабли ряда стран — членов ЕС уже появились у берегов Сомали. Параллельно свою военно-морскую операцию начал там же в Аденском заливе блок НАТО. Примерно в то же время появились там и боевые корабли ряда внеблоковых государств.

⁸ SIPRI Yearbook 2011. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford—N.Y., 2011. P. 117, 131.

⁹ EUFOR TCHAD/RCA FACTSHEET // European Union security and defence. Core Documents 2009. Paris, 2010. P. 54.

Одним из первых в их числе была Россия, направившая в эту зону небольшую флотилию из трех кораблей — большой противолодочный (или сторожевой) корабль, спасательный буксир и танкер. Российская группа сразу же проявила себя как эффективный борец против пиратства, активно защищая мирное морское судоходство. Кроме России в Аденский залив прислали свои суда Китай, Индия, Япония, Малайзия, другие страны.

Довольно быстро с двух сторон был налажен контакт между российской группой и европейскими кораблями операции «Атланта». В отчетах ЕС о ней высоко оценивается «позитивный опыт» взаимодействия с российскими судами в борьбе против сомалийского пиратства¹⁰. Это взаимодействие развивается в разных формах: обмена информацией, взаимной поддержки и др.

Хотя где-то в середине первого десятилетия нового века сомалийское пиратство представлялось совершенно непобедимым, активное международное сотрудничество в борьбе против него медленно, но верно начало приносить плоды. Пираты стали отступать. А уже весной 2013 г. в Европе было отмечено, что на протяжении практически целого года не состоялось ни одного успешного захвата сомалийскими пиратами какого-либо судна в Индийском океане¹¹. Свой немаловажный вклад в обеспечение этого успеха внесло сотрудничество между военно-морскими силами России и Европейского Союза.

Кое-кто может утверждать, что взаимодействие России и ЕС сложилось, де, далеко от Европы, в африканских пустынях и прибрежных водах. Но это никак не принижает значение практического опыта сотрудничества. Этот опыт очень ценен в перспективе. Он в состоянии лечь в основу других будущих свершений, масштабы которых могут расти.

Конечно, едва ли стоит переоценивать результаты сотрудничества ЕС и России в сфере международной безопасности в целом. Но они есть, и к ним следовало бы отнестись тщательно и внимательно. После окончания холодной войны многие радужные прогнозы резкого оздоровления международной обстановки, к сожалению, не подтвердились. В мире как бы исчез вкус к конструктивным и позитивным международным инициативам. Великие и малые державы заняты в основном тем, что дают кому-то отпор, отвечают на опасные вызовы своей безопасности, думают, как лучше ущемить того или иного соперника. Отчасти это можно объяснить возросшей сложностью международной обстановки и действительно имеющим место ростом угроз. Но потребность в крупных созидательных международных акциях это все же не отменяет.

¹⁰ European Union security and defence. Core documents 2010. P., 2011. P. 104.

¹¹ Europe Diplomacy and Defence. No 605. Brussels. 9 May 2013. P. 2.

Россия несколько лет назад предприняла попытку предложить европейскому, да и мировому сообществу такую акцию — Договор о европейской безопасности (ДЕБ): достаточно безобидное и в то же время конструктивное предложение рассмотреть состояние европейской безопасности с позиции реалий XXI в. встретило упорное сопротивление большинства членов НАТО и ЕС. Впрочем, известная польза от него все же была: прошла развернутая дискуссия о проблемах и перспективах европейской безопасности. Да и идея «зонтичного» договора XXI в. не исчезла. Европе рано или поздно придется к ней вернуться. Вполне реальным должно стать и возобновление подходов к решению других важных проблем безопасности Европы, разработка новых крупных инициатив.

Одна из этих проблем — растущая необходимость возобновить процесс сокращения вооружений в Европе. В свое время он развивался в рамках Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), в ходе реализации которого было уничтожено или иным способом выведено из строя более 50 тыс. единиц крупной военной техники — танков, бронемашин, артиллерийских орудий, авиации. К настоящему времени этот цикл, можно сказать, завершен. Но потребность в продолжение процесса существует. И вполне может быть начата работа по созданию нового договора, может быть под другим названием, отражающим реальности нового века. Такой процесс, сколько бы он ни продлился, работал бы на реализацию идеи Большой Европы.

В Европе существует насущная потребность коллективного, с учетом разных мнений, обсуждения проблем борьбы против усиливающегося международного терроризма и выработки новых, более эффективных мер противодействия ему. Немаловажную роль могли бы сыграть совместные шаги в развитии миротворчества, борьбе против распространения ОМУ, создании нового поколения мер укрепления доверия и безопасности («Венского документа»). Все это лежит буквально на поверхности современной европейской политической жизни. Нужна лишь политическая решимость объединиться в разработке новых крупномасштабных конструктивных инициатив.

В 2014 г. отношения между Европейским Союзом и Россией серьезно осложнились в связи с кризисом на Украине. Впрочем, это не помешало Евросоюзу, начавшему в этом году новую фундаментальную космическую программу «Коперник», запустить ее первый спутник с космодрома Куру в Южной Америке именно российской ракетой «Союз».

Коренные факторы, сближающие ЕС и Россию в сфере безопасности, никуда не исчезли. Они будут работать и дальше, способствуя продвижению к Большой Европе.

Глава 24

РОССИЯ И НАТО: МЕЖДУ ПАРТНЕРСТВОМ И СДЕРЖИВАНИЕМ

Политические циклы

Сложный баланс российской заинтересованности в развитии диалога и сотрудничества с НАТО и сохраняющихся фундаментальных разногласий между ней и Россией отражает история отношений партнеров-оппонентов. Если представить ее в виде графика на более чем двадцатилетней шкале, то это будет синусоида с ярко выраженными взлетами и падениями.

Надежды на встречу «фронтов» после окончания холодной войны, заключение «исторического соглашения» 1995 г. о совместном миротворчестве в Югославии, когда российский генерал стал специальным заместителем Верховного главнокомандующего НАТО в Европе, подписание в мае 1997 г. Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора сменились в 1999 г. глубоким кризисом, спровоцированным натовскими бомбардировками Югославии. Россия заморозила отношения с НАТО, а альянс на юбилейном Вашингтонском саммите (40-летие Организации) утвердил решение о членстве первой центрально-европейской тройки (Венгрия, Польша, Чехия) и принял новую стратегию, открывшую ему возможность действовать за пределами своей зоны ответственности на основе собственных решений. Этот первый кризис отношений России и НАТО привел к явному дефициту диалога в сфере европейской политики между бывшими противниками, что стало серьезным вызовом для всех. Опасение скатиться к новой конфронтации и взаимная заинтересованность в сотрудничестве привели к восстановлению отно-

шений между Россией и НАТО, но уже на качественно более высоком уровне.

Начало переходу в новую эру отношений или, в российской интерпретации, к их «новой философии» было положено подписанной в мае 2002 г. Римской декларацией, учредившей Совет Россия—НАТО (СРН).

Прежде всего, России тогда удалось убедить НАТО в том, что механизмы партнерства должны отвечать взаимному учету интересов. Прежний Постоянный совместный Совет, в котором Россия общалась с альянсом по формуле «НАТО + 1» и потому фактически не могла влиять на заранее определенные там консолидированные позиции, был заменен принципиально иным институтом — СРН, где все участники выступают в их национальном качестве и заседают за круглым столом, размещаясь в алфавитном порядке. Вокруг принятия этого положения споры велись вплоть до окончания переговоров. И хотя НАТО воздерживается от признания России «особым партнером», де-факто СРН закрепляет за ней такое место — подобный «равноправный» формат альянс не имеет больше ни с кем.

Вторым важным достижением стало то, что стороны, осознав опасность эскалации разногласий до уровня политического кризиса, декларировали «всепогодный характер» нового формата сотрудничества. Это позволило, *во-первых*, укрепить постоянный политический диалог, ориентированный на обсуждение широкого круга вопросов евроатлантической безопасности, включая и те, по которым имеются существенные разногласия. *Во-вторых*, «на практике это означало, что сотрудничество в рамках СРН было продвинуто вперед таким образом, чтобы оно уже не зависело полностью от расхождений между членами Совета»¹. В результате были совместно определены основные направления сотрудничества СРН и образованы соответствующие рабочие группы, которые обеспечили взаимосвязь практической работы Совета с постоянными структурами НАТО.

Декларировав свою приверженность поступательному развитию сотрудничества, партнеры не только стремились продемонстрировать эффективность вновь созданного Совета, но и проявляли вполне понятную сдержанность и осторожность, опасаясь нарушить работу еще не обкатанного механизма. Для Москвы демонстрация «полезности» совместной работы с НАТО была крайне актуальной. Ведь «размороз-

¹ Ambassadors Grushko & Brengelmann Interviewed: NRC 10 Years // Официальный сайт Совета Россия—НАТО (<http://www.nato-russia-council.info/en/articles/20130204-nrc-grushko-interview/>).

ка» отношений с НАТО являлась важной составляющей «нового курса» на сближение с США и Западом, инициированного президентом В.В. Путиным после терактов 11 сентября 2001 г., когда в России после войны в Югославии явно доминировали резко антинаатовские настроения. Запад также был крайне заинтересован вернуть расположение России, которую он оттолкнул в конце 1990-х гг. Это стало сильной мотивацией для прогресса российско-натовских отношений, особенно в условиях, когда все более ощущался острый дефицит внимания к России со стороны США.

Однако довольно скоро центростремительная инерция стала затухать. Выход США из договора по ПРО, вторжение в Ирак, «большое расширение» НАТО, «цветные революции» в странах СНГ, столкновение позиций по Косово и ДОВСЕ — все это убеждало Россию в том, что курс на сближение с НАТО не приносит тех значимых результатов, на которые рассчитывала Москва. Ведь для России главный смысл состоял в том, чтобы через партнерство с главным военно-политическим союзом Запада, стратегическим трансатлантическим альянсом добиться качественной перестройки российско-западных отношений — в направлении действительного партнерства на равноправной основе и строительства Большой Европы от Ванкувера до Владивостока. Стало крепнуть убеждение, что Запад использует СРН не как форум партнерства, а как канал, позволяющий удерживать Россию от резких антизападных реакций, а также компенсирующий в какой-то мере нарастающее давление американского унилатерализма. Политика «малых шагов», оправданная в начальный период деятельности СРН, продолжала вполне устраивать НАТО, но уже никак не отвечала интересам и внешнеполитическим целям России.

Выступление В.В. Путина на Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. обозначило новый глубокий спад в российско-западных отношениях и продемонстрировало, что Москва готова предельно жестко отстаивать свои интересы. В том же году российский министр иностранных дел С.В. Лавров в статье «Сдерживание России: назад в будущее?», опубликованной вскоре после юбилейных мероприятий в связи с пятилетием СРН, отметил, что «в силу неделимости безопасности [...] откладывание решения накопившихся проблем грозит катастрофическими последствиями для всех государств»². Лавров подчеркнул, что в политике Запада вновь усилилась линия на сдерживание России, на «воссоздание санитарного кордона к западу от гра-

² Лавров С.В. Сдерживание России: назад в будущее? / Россия в глобальной политике (http://globalaffairs.ru/number/n_9236).

ниц России», что свидетельствует о «попытке воспроизвести блоковые инстинкты и подходы, вернуться к логике “игры с нулевым результатом”». В этой связи прозвучала жесткая критика в адрес НАТО, ее политики расширения и силовых действий, которые осуществлялись под лозунгами демократии, но не имели с ней ничего общего. Россия вновь встала в жесткую оппозицию, заявив о необходимости «в интересах поддержания собственной безопасности» реагировать «на основе принципа разумной достаточности». Оставив «открытой дверь для позитивных совместных действий по обеспечению общих интересов на основе равноправия», Москва предельно ясно обозначила дилемму отношений с Западом, прежде всего с США и НАТО: «Надо выбирать между сдерживанием и сотрудничеством»³.

Попытка Д.А. Медведева, выдвинувшего сразу после его избрания президентом в 2008 г. идею заключения Договора о европейской безопасности (ДЕБ), вновь направить российско-западные отношения в кооперативное русло не встретила конструктивной поддержки. В НАТО вообще отказались обсуждать эту инициативу, ссылаясь на ее общеевропейскую направленность и, следовательно, компетенцию таких организаций как ОБСЕ. Для России это означало признание девальвации СРН, который Москва рассматривала как площадку для обсуждения ключевых аспектов евроатлантической безопасности.

Война в Грузии в августе 2008 г. и последовавшее признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии до предела обострили конфликтность российско-западных отношений, которые фактически оказались перед угрозой военно-политической конфронтации. НАТО отказалась от российского предложения созвать чрезвычайную сессию СРН для обсуждения кризисной ситуации и заморозила отношения с Россией. Тем самым был подвергнут сомнению «всепогодный характер» СРН. Значимые позитивные достижения отношений Россия–НАТО не стали, как оказалось, необратимыми и «новая эра» ознаменовалась очередным и еще более глубоким кризисом.

На этом кризисном фоне особо значимы исключения: Россия и НАТО продолжили практическое взаимодействие в сферах, критически важных для них, в частности, по Афганистану. Стало очевидно, что даже в столь конфликтной ситуации Россия и НАТО не могут позволить себе отказаться от совместной работы по противодействию общим глобальным вызовам. За шесть лет совместной работы СРН обрел собственную внутреннюю динамику. «Заморозка» отношений на деле была жестом несогласия и некой паузой в ситуации высокой полити-

³ Там же.

ческой неопределенности. В какой-то мере такая пауза даже оказалась полезной, поскольку Россия и НАТО смогли уйти от обострения прямого политического конфликта.

Однако, если НАТО и была готова при улучшении политической конъюнктуры восстановить отношения с Россией, то последняя не хотела возвращаться к прежнему порядку и настаивала на его перестройке. Видя в грузинском кризисе очевидную демонстрацию крайне негативных тенденций в системе европейской безопасности и в отношениях Россия–НАТО, Москва рассматривала его как рубеж, за которым она уже не может и не будет мириться с игнорированием своих тревог. Более того, Россия, резко протестовавшая против милитаризации Грузии и принятия ее и Украины в НАТО, воспринимала военную авантюру М. Саакашвили как следствие западного курса. На Западе, в свою очередь, поняли, что «довоенное» предостережение Москвы, жестко сформулированное С.В. Лавровым, — «мы будем делать все, чтобы не допустить принятия Украины и Грузии в НАТО»⁴ — является не только политическим протестом, но и готовностью России существенно изменить военно-политический курс в ответ на деструктивные действия НАТО.

Многие на Западе прекрасно понимали российское волнение и не желали продолжать расширение НАТО, бросая вызов Москве. После грузинской войны это понимание только окрепло, как и осознание приоритетности «российского вопроса» в европейской и евроатлантической повестке.

Попытка перезагрузки: лиссабонское окно возможностей

Маятник Россия–НАТО в очередной раз начал движение в обратную сторону. Отношения с Россией стали одной из трех центральных тем саммита НАТО в Страсбурге/Келе 4 апреля 2009 г. Страны-участницы выразили готовность «оценить в Совете Россия–НАТО возможности, которые позволят сделать его более эффективным и ценным инструментом для политического диалога и практического сотрудничества» и подчеркнули стремление использовать СРН «для политического диалога по всем вопросам — и по тем, по которым мы согласны, и по тем, по которым мы не согласны, — с целью решения проблем, реагирования на озабоченность и укрепления практическо-

⁴ Россия не допустит вступления Украины и Грузии в НАТО / Обозреватель (<http://obozrevatel.com/news/2008/4/8/229901.htm>).

го сотрудничества»⁵. В НАТО усилилось понимание приоритетности российского вопроса и неприемлемости пренебрежения российской озабоченностью: «Какими бы ни были преимущества расширения НАТО — а их много — экспансия альянса, бесспорно, произошла за счет его отношений с Россией»⁶. В контексте подготовки новой стратегической концепции НАТО началось критическое переосмысление ее линии в отношении России: «Ближайшей целью является не нахождение точной формулы взаимодействия с Москвой, а начало стратегического диалога, который ясно продемонстрирует, что члены НАТО искренне желают соединить Россию с евроатлантическим сообществом»⁷.

После возобновления работы СРН (первое, неформальное заседание на уровне министров иностранных дел состоялось 27 июля 2009 г.) Москва, с учетом позитивных сигналов со стороны НАТО, стала придерживаться линии на активную вовлеченность в сотрудничество с альянсом. Уже в декабре 2009 г. СРН принял решение провести совместный обзор вызовов и угроз XXI в., т.е. то, что Россия настойчиво, но безрезультатно предлагала НАТО раньше. Также был утвержден документ о дальнейшем развитии механизмов Совета.

Если самые серьезные претензии Запада к России продолжали быть связаны с темой грузинской войны, то Россия со своей стороны настаивала на необходимости принципиальных корректив политики НАТО. «В целом дальнейшее развитие нашего партнерства с НАТО будет в значительной степени зависеть от того, как пойдет работа над стратегической концепцией альянса», — констатировал С.В. Лавров⁸.

Между тем реакция альянса кардинально изменилась. Вместо прежней констатации существующих различий и ритуальных напоминаний, что Москва не имеет права вето в определении политики Организации, членом которой она не является, в НАТО стали признавать необходимость конструктивного диалога. «Слушать и слышать» — так охарактеризовала новую линию альянса в отношении России М. Олбрайт, посетившая в феврале 2010 г. Москву во главе группы «мудре-

⁵ Заявление по итогам встречи в верхах в Страсбурге/Келе. Обнародовано главами государств и правительств, участвовавшими в заседании Североатлантического союза в Страсбурге/Келе 4 апреля 2009 г.

⁶ *Kupchan Ch. Decision time: NATO's hard choices // NATO Review. 2009. No 2.*

⁷ *Ibidem.*

⁸ Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам заседания Совета Россия–НАТО в Брюсселе, 4 декабря 2009 // Сайт МИД РФ (<http://www.mid.ru/nsdos.nsf/8aa6d005cdf4b79432569e70041fd5c5/432569d800223f34c3257684003e48cc?OpenDocument>).

цов» НАТО, сформированную генсеком А.Ф. Расмуссеном для работы над новой стратегической концепцией. Россия стала единственным адресатом «мудрецов» среди стран — партнеров альянса, и впервые будущее реформирование НАТО обсуждалось с Россией. Более того, в процессе последующей подготовки стратегической концепции российские дипломаты получили доступ к соответствующим документам НАТО и, следовательно, возможность их обсуждения с натовскими партнерами с российских позиций.

Лиссабонские саммиты НАТО и СРН в ноябре 2010 г. стали не столько ответом на кризис двусторонних отношений Россия–НАТО, сколько результатом усилившегося поиска новой парадигмы отношений. И если «группа мудрецов» во главе с Мадлен Олбрайт рекомендовала строить отношения с Россией, «фокусируясь на перспективах прагматического взаимодействия»⁹, то в Лиссабоне была принята формула «подлинное стратегическое партнерство»¹⁰.

Для России особую важность имели три обстоятельства. Первое — новая стратегическая концепция НАТО во многом отвечала российскому видению с учетом принципиальных озабоченностей. Альянс отказался от документального закрепления за собой глобальной роли в сфере международной безопасности и подтвердил приоритетную роль ООН. Второе — в лиссабонских документах были подтверждены и, следовательно, акцентированы те договоренности о СРН, которые определяли выход на новое качество партнерства. В итоговом Заявлении СРН в Лиссабоне подчеркивалось, что «Совет Россия–НАТО является форумом для политического диалога при любых обстоятельствах и по всем вопросам, включая те, по которым у нас имеются расхождения»¹¹, однако на практике они не выполнялись, с российской точки зрения, по вине НАТО. И третье — в Лиссабоне обе стороны выразили готовность объединить усилия в такой стратегически значимой сфере как ПРО, что кардинально изменило бы характер отношений Россия–НАТО и шире — в евроатлантической системе.

⁹ NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010.

¹⁰ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation. Adopted by Heads of State and Government in Lisbon / Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm).

¹¹ Совместное заявление Совета Россия–НАТО на заседании Совета Россия–НАТО в Лиссабоне 20 ноября 2010г. / Организация Североатлантического договора (http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_68871.htm?selectedLocale=ru).

Учитывая действительно высокие позитивные политические результаты Лиссабонского саммита, на Западе его сразу назвали историческим. Москва, не приуменьшая значения достигнутых договоренностей и действительно высоко оценивая их, в то же время не была склонна их преувеличивать. Такая осторожность в оценках, несмотря на повод «праздновать», вполне объяснима. Ведь до сих пор отношения Россия–НАТО отличались явно выраженной цикличностью, развиваясь по синусоиде (взлеты-падения). В этом смысле и Лиссабонский саммит вполне вписывался в эту диалектическую картину. В Лиссабоне, несомненно, была зафиксирована новая высокая планка взаимоотношений Россия–НАТО, но не взят новый рекорд. И.Д. Солтановский, директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД России, четко обозначил российскую точку зрения: «Наши достижения не являются необратимыми, для их закрепления необходимо движение вперед», а «ключевая задача — обеспечить наиболее полную реализацию договоренностей саммита СРН в Лиссабоне, где было заявлено о переходе к новому этапу сотрудничества — подлинному стратегическому партнерству»¹².

После Лиссабонского саммита обе стороны стремились в максимальной степени инвестировать политический успех в практическое сотрудничество, реализовать «дополнительные перспективы» в сфере общих интересов. Постоянное представительство России при НАТО подтвердило, что «сотрудничество развивается по нарастающей», а многие из возникающих проблем «удаётся оперативно решить»¹³. Речь шла, прежде всего, о таких направлениях как борьба с терроризмом, противодействие распространению ОМУ, борьба с пиратством, содействие процессу стабилизации в Афганистане. В постлиссабонский период стороны не только продолжили ранее начатые проекты сотрудничества, но и запустили новые. Была расширена программа сотрудничества по Афганистану, в том числе путем создания в 2011 г. Трастового Фонда для обеспечения и обслуживания вертолетного парка афганских ВВС; в июле 2012 г. подписано и начало действовать соглашение с НАТО о комбинированном транзите альянсом нелетальных грузов из Афганистана (через аэропорт в Ульяновске); в 2012 г. согласован окончательный вариант проекта межправительственного согла-

¹² Солтановский И. Отношения Россия–НАТО: размышления в связи с двойным юбилеем // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2012. Вып. 28(44). С. 2.

¹³ Интервью и.о. постпреда России при НАТО Н.В. Корчунова изданию «Независимое военное обозрение». 21.07.2012. См.: <http://natomission.ru/print/40/113/>.

шения в рамках инициативы СРН по сотрудничеству в воздушном пространстве, проведены совместные масштабные компьютерные командно-штабные учения (КШУ) по ПРО ТВД и первые военно-гражданские командно-штабные контртеррористические учения; развернута работа по военно-технической стандартизации и практическому сотрудничеству в сфере тылового обеспечения и т.д.

Однако уже тогда было ясно, что эти достижения отнюдь не достаточны для «подлинного стратегического партнерства» и не являются необратимыми¹⁴. Весь массив практического сотрудничества в рамках СРН не устранял «серьезных расхождений по некоторым фундаментальным вопросам»¹⁵. Но именно они и являются основополагающими в отношениях Россия–НАТО. Изначально, политическая цена неудачи проекта создания совместной ПРО, заявленного в Лиссабоне как ключевое, прорывное направление сотрудничества, была неизмеримо выше общего баланса других кооперативных проектов.

Таким образом, кризис модели прагматического сотрудничества Россия–НАТО во второй половине 2000-х гг. показал, что его развитие шаг за шагом, экстенсивное наращивание программы контактов и взаимодействия не изменяет характера отношений, которые развиваются в атмосфере «кризиса доверия». То есть партнерство хотя и развивается, но «вопреки», пробиваясь на поверхность утрамбованной за долгие годы площадки разногласий и соперничества. Неустойчивость отношений Россия–НАТО остается их устойчивой характеристикой. За римским разворотом к партнерству последовали еще два крутых контр-виража — грузинский и лиссабонский, — за которыми последовал новый глубокий кризис, спровоцированный событиями на Украине и присоединением к России Крыма и Севастополя. До этого казалось, что две войны — югославская и грузинская — задали предельные уровни колебаний взаимоотношений, и обоюдной мотивацией России и НАТО стала их поступательная динамика. Опасность скатывания к конфронтации неизбежно требовала от сторон нового и более тесного сближения, цена очередного (гипотетического) кризиса стала фактически неприемлемой, а стратегия выхода из него проблематичной. Однако события вокруг Украины сломали и этот барьер. Субстантив-

¹⁴ См.: Данилов Д.А. Отношения России и НАТО: уроки прошлого и дилеммы будущего / Современная Европа. 2013. № 4. С. 11.

¹⁵ Солтановский И. Отношения Россия–НАТО: размышления в связи с двойным юбилеем / Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2012. Вып. 28(44). С. 4.

ный конфликт интересов между Западом и Россией перерос в фазу острого политического противостояния по всем направлениям, включая отношения Россия–НАТО. Лиссабонское окно возможностей было плотно закрыто киевскими ставнями.

Украинский кризис: возвращение к взаимному сдерживанию?

Украинский кризис заставляет НАТО корректировать не только планы, но и сами цели, на которые они были прежде ориентированы. Соответствующие решения должны были быть приняты в довольно короткий срок, чтобы вынести их на рассмотрение и утверждение на саммит в Уэльсе 4–5 сентября 2014 г., который «будет формировать будущее альянса»¹⁶. На саммите, по словам Расмуссена, страны НАТО «должны принять жесткие решения, связанные с долгосрочным стратегическим воздействием агрессии России на нашу собственную безопасность»¹⁷. А. Вершбоу, заместитель генсека НАТО, подтвердил: «теперь нам, конечно, придется оценить последствия событий вокруг Украины и, возможно, пересмотреть всю свою стратегию»¹⁸. Однако очевидно, что политическая оценка украинского кризиса и его влияния на будущую трансформацию НАТО уже тогда была вполне определена. Если «до Украины» в НАТО признавали, что с выходом альянса из Афганистана к концу 2014 г. «эпоха операций заканчивается и наступает период сосредоточения»¹⁹, то теперь для альянса открывается новый период — оперативного сосредоточения на европейских рубежах сдерживания, «чтобы полностью быть готовыми к быстрому реагированию на угрозу или применение силы против любого участника или региона альянса, включая сценарии, при которых у нас [НАТО. — Д.Д.] будет очень короткое время предупреждения»²⁰.

¹⁶ NATO Secretary General in London for talks on Wales Summit / Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_106833.htm?selectedLocale=en).

¹⁷ Why NATO Matters to America / Speech by NATO Secretary General A.F. Rasmussen at the Brookings Institution / Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108087.htm?selectedLocale=en).

¹⁸ «Возможно, нам придется пересмотреть всю свою стратегию». Блицинтервью Александра Вершбоу // Коммерсантъ. 2014. № 49. С. 6.

¹⁹ Интервью Постоянного представителя Российской Федерации при НАТО А.В. Грушко «Независимой газете» // Сайт МИД РФ (www.mid.ru/BDOMP/Ns-dos.nsf/arh/5044C1F81E0DC97844257C38002245E3?OpenDocument).

²⁰ 10 years after NATO Membership — Defence Cooperation between Denmark and Lithuania, Latvia and Estonia / Speech by NATO Deputy Secretary General A. Vershbow at

26 марта 2014 г. Расмуссен на встрече с президентом США Б. Обамой «приветствовал шаги, которые Соединенные Штаты предприняли в ответ на безрассудные и незаконные военные действия России в Украине». В этой связи Расмуссен и Обама подчеркнули необходимость укреплять коллективную оборону²¹. На укреплении функции коллективной обороны в НАТО постоянно и упорно настаивали многие страны «Новой Европы», в первую очередь, Польша и государства Балтии. При принятии новой стратегической концепции НАТО в Лиссабоне в ноябре 2010 г. им удалось отстоять патрулирование союзниками воздушного пространства Прибалтики на постоянной основе. В ноябре 2013 г. в Прибалтике и Польше альянс провел масштабные учения «Стедфаст Джаз», в которых отрабатывалась операция по восстановлению территориальной целостности одной из балтийских стран-участниц по статье 5 Вашингтонского договора. И все-таки на Лиссабонском саммите в целом возобладала реалистичная оценка — «угроза нападения обычных вооруженных сил на территорию НАТО мала», хотя такую угрозу и нельзя игнорировать полностью²². Теперь НАТО, заявив об аннексии Крыма Россией и о «российской военной агрессии в Украине»²³, возвращается в эпоху взаимного сдерживания, соответственно пересматривая военно-политические приоритеты и военное планирование. «Коллективная оборона всегда была главной задачей альянса. Она может стать более приоритетной, чем некоторые из миссий, которыми альянс занимался после окончания холодной войны», — подчеркивает А. Вершбоу²⁴. Москва, в свою очередь, четко осознает, что «в НАТО берут верх те, кто хочет вернуться к временам холодной войны и добиться нового сплочения альянса вокруг статьи 5 Вашингтонского договора»²⁵.

the Royal Danish Defence College in Copenhagen, Denmark / Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_109024.htm/).

²¹ NATO Secretary General and US President stress commitment to collective defence // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108328.htm?selectedLocale=en).

²² Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation . Adopted by Heads of State and Government in Lisbon // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm).

²³ A strong NATO in a changed world / Speech by NATO Secretary General A.F. Rasmussen at the «Brussels Forum» // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108215.htm?selectedLocale=en).

²⁴ «Возможно, нам придется пересмотреть всю свою стратегию»...

²⁵ Интервью Постоянного представителя Российской Федерации при НАТО А.В. Грушко газете «Коммерсантъ» // Сайт МИД РФ (<http://www.mid.ru/bdomp/nsdos.nsf/8aa6d005cddf4b79432569e70041fdc5/44257b100055eea844257cb3004213da!OpenDocument>).

Как и оказалось, на валлийском саммите НАТО утверждена программа укрепления коллективной обороны в Европе, прежде всего, за счет активизации учебно-боевой подготовки, что усилит логику и структуры взаимного сдерживания. Москва фактически получает ответ на принципиальный вопрос, еще недавно обсуждавшийся с НАТО, — куда будет перенацелена оперативная активность союза после ухода из Афганистана. Прежние предложения — наращивать военно-техническое сотрудничество, увеличивать масштабы совместных учений и т.д. — теперь не актуальны. По существу НАТО возвращается к привычной миссии²⁶ — сплотиться против геополитического противника, которого после Грузии и до Украины альянс пытался сдерживать декларацией о намерении продвигаться к «действительному стратегическому партнерству» на основе уважения взаимных интересов. Россия как и прежде будет исходить из того, что «речь идет об отношениях между ведущей в военном плане державой и крупнейшим военно-политическим блоком»²⁷. Украинский кризис расставил все точки над *i*. Холодная война так и не была завершена, в чем в России обвиняют Запад²⁸, игра с нулевой суммой определяет позиции игроков «от Ванкувера до Владивостока», а НАТО возвращается из Афганистана в Европу в качестве военно-политической опоры Запада для сдерживания России. Важнейшей для НАТО задачей, в том числе и в уэльской повестке, остается укрепление трансатлантической связи: с одной стороны, альянсу следует обеспечить адекватное американское участие при дрейфе интересов США в направлении АТР; с другой — увеличить европейскую «партнероспособность», вклад европейцев в коллективную безопасность и оборону.

Война в Ливии явно продемонстрировала, что Европа не только не может справиться с подобными конфликтами самостоятельно, без участия США, но и не может стать для них равным партнером. Европейцы не могут выполнить согласованное в альянсе решение о минимальном уровне военных расходов в 2% от ВВП (в 2013 г. только Великобритания и Греция смогли преодолеть эту планку) и о выделении минимум 20% оборонных бюджетов на закупки основных видов вооружения и военной техники (в 2013 г. — только Великобритания, Франция, Испания, Норвегия, Турция). «Несоответствие в оборон-

²⁶ Лукьянов Ф. Ренессанс НАТО // Сайт Российского Совета по Международным Делах (http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3448#top).

²⁷ Интервью Постоянного представителя Российской Федерации при НАТО А.В. Грушко «Независимой газете»...

²⁸ Караганов С. Европа: окончить холодную войну // Известия. (<http://izvestia.ru/news/568861>).

ных расходах в Североатлантическом союзе увеличивается. С 2007 г. (взятого за основу как докризисный период) по 2013 г. доля расходов США выросла с 68 до 73%. В 2013 г. доля европейских стран в общих оборонных расходах Североатлантического союза продолжала в целом снижаться». В результате НАТО никак не удается обеспечить «справедливое распределение функций, риска и обязанностей»²⁹.

Как теперь в контексте кризиса европейской системы безопасности будут решаться эти задачи? Очевидно, США обретают новые возможности для укрепления своих позиций в Европе, для ограничения попыток, пусть даже слабых и несогласованных, европейских союзников играть более самостоятельную партию, особенно в отношении России; для того, чтобы направить их активность в русло поддержки европейской миссии и гарантий Соединенных Штатов. Европа, в свою очередь, стремится использовать ситуацию для закрепления американского присутствия в условиях, когда она не способна увеличить материальное обеспечение своих трансатлантических акций. Кроме того, провальная восточная политика Евросоюза затрудняет формирование хоть какой-то общей антикризисной политики, и сдерживание политической эрозии ЕС требует искать внешние точки опоры европейского единства — виновных (Россия) и сильных (США) партнеров. Понятно, что НАТО в этом контексте является незаменимым институтом, предлагающим незаменимые инструменты.

Императивности трансатлантической связки было посвящено выступление Расмуссена «Почему НАТО важна для Америки» в Институте Брукингса 19 марта 2014 г. Он подчеркнул, что «события на Украине являются суровым напоминанием, что безопасность в Европе не может считаться чем-то само собой разумеющимся. И что ни Европа, ни Америка не могут добиться решения в одиночку»³⁰. Акцент на коллективной обороне также ведет к усилению фактора американского военно-политического присутствия и гарантий в Европе. При этом важнейшей опорой будет ЕвроПРО, строительство которой теперь будут вести не в духе российских озабоченностей и поиска «гарантий ненаправленности», а, напротив, в русле гарантий евроатлантической безопасности, для которой Россия вновь представляет потенциальную угрозу.

²⁹ Годовой отчет Генерального секретаря НАТО за 2012 г. // Division Diplomatie publique de l'OTAN. NATO/OTAN, 2013. С. 19–20.

³⁰ Why NATO Matters to America. Speech by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen at the Brookings Institution, March 19, 2014/ Официальный сайт НАТО (www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108087.htm).

Будет ли каким-то образом усилена европейская опора НАТО? Готовы ли европейцы «соответствовать» США и новым вызовам европейской безопасности? Политически — несомненно, хотя в «ненаатовском» формате гармонизация Америкой и Европой «ответа» России оказывается делом непростым, и это может снизить готовность ряда европейских стран поддерживать жесткую линию внутри НАТО. На практике в принципиальном плане ничего не изменится: призывы сплотить ряды и укрепить безопасность не достаточны для того, чтобы европейские страны в условиях крайне сложной финансово-экономической ситуации и жесткой конкуренции выделили дополнительные ресурсы на коллективную оборону. Да и на Украину потребуются найти значительные средства. Скорее всего, наметившееся усиление военно-политической вовлеченности США в Европу будет для большинства американских союзников сигналом о том, что эта задача уже решена украинским кризисом, а коллективную оборону и сдерживание по-прежнему можно обеспечивать без перенапряжения национальных бюджетов европейских стран НАТО. Вашингтон такая ситуация, очевидно, в целом пока устраивает. США, даже с «украинским» аргументом, вряд ли могли рассчитывать на существенные дополнительные вложения Европы в коллективную оборону, несмотря на соответствующие обязательства, принятые европейцами на саммите в Уэльсе. Зато теперь Соединенные Штаты получают сильные рычаги влияния в Европе, атлантические ориентиры европейских союзников усиливаются и сдерживают их от возможного ревизионизма, особенно с учетом очевидной нехватки у них ликвидных акций для голосования в (Североатлантическом) Совете директоров.

НАТО: стратегический ревизионизм

В НАТО не перестают подчеркивать серьезную озабоченность военной активностью России у границы с Украиной и возможным военным вторжением России в юго-восточные регионы этой страны. Киев призывает к защите: «Россия не отказалась от плана нападения на территорию Украины под названием “Русская весна” и держит на границе стотысячную армию», — заявляет А. Парубий, глава украинского Совета национальной безопасности и обороны³¹. Несмотря на российские опровержения и отсутствие доказательств, США говорят о провокационной

³¹ Парубий А. Операция «Русская весна» в силе, Россия готовится напасть // NEWSru.ua. (<http://rus.newsru.ua/ukraine/24mar2014/danger.html>).

российской военной активности, а генсек НАТО — о «продолжающемся военном давлении России на Украину»³². Москва полагает, что «беспрецедентная кампания по поводу “российской угрозы” преследует единственную цель: убедить общественное мнение в правильности курса на возвращение НАТО к истокам, к коллективной обороне, т.е. к сдерживанию угрозы с Востока»³³. И эту цель, конечно, поддерживают те, кто и прежде отстаивал консервативную «оборонительную» миссию НАТО.

В ответ на «российскую угрозу» министр внутренних дел Польши Б. Сенкевич заявил, что польские власти готовятся ко всем возможным вариантам развития событий, не исключая «горячую войну» с применением украинских и российских вооруженных сил, когда «ползучий вооруженный конфликт [...] может доползти до наших [польских. — Д.Д.] границ»³⁴. Уже в начале марта, до проведения референдума в Крыму (16 марта 2014 г.), в НАТО по запросу Польши и в соответствии со статьей 4 Вашингтонского договора были незамедлительно организованы консультации в сфере безопасности, на которых была подтверждена солидарность союзников. НАТО предприняла меры по усилению боеготовности, в частности, увеличила более чем в два раза количество самолетов для патрулирования в воздушном пространстве стран Балтии. Также усилена система контроля, разведки и предупреждения на восточных границах альянса — над территорией Польши и Румынии организовано патрулирование самолетами дальнего радиолокационного обнаружения АВАКС³⁵. Министр обороны Латвии Р. Вейонис заявил 24 марта, что с США и НАТО идет диалог о размещении дополнительного контингента в Балтийском регионе³⁶. Министр обороны Эстонии С. Миксер подтверждает: «Мы заинтересованы в таком сильном присутствии НАТО в регионе, какое возможно [...]. Я считаю, и не я один, что усиленное сдерживание должны обеспечивать сухопутные войска. Будут они постоянно дислоцированы на Балтике или на основе ротации подразделений, как в Турции»³⁷. Уси-

³² Doorstep statement by NATO Secretary General A. F. Rasmussen at the meeting of the European Union Foreign Affairs Council at the level of Defence Ministers in Luxembourg // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_109185.htm).

³³ Интервью Постоянного представителя России при НАТО А.В. Грушко // Коммерсант. 7 апреля 2014 г.

³⁴ Генсек НАТО: У нас есть планы для защиты Украины // NEWSru.ua. (http://rus.newsru.ua/ukraine/25mar2014/plan_nato.html).

³⁵ Why NATO Matters to America.

³⁶ НАТО обсуждает возможность размещения дополнительного контингента в Прибалтике // Росбалт (<http://www.rosbalt.ru/ukraina/2014/03/24/1248015.html>).

³⁷ Baltics urge Nato to base permanent force in region. By Richard Milne in Tallinn // Financial Times (<http://www.ft.com/intl/cms/s/0/86e4a4cc-bfb5-11e3-9513-00144feabdc0.html#axzz2z2W7TFDt>).

лено присутствие ВМС США в средиземно- и черноморской акваториях. Генсек Расмуссен заявляет о намерении укреплять коллективную оборону всеми силами: на суше, на море и в воздушном пространстве.

Показательно, что в поддержку суверенитета, независимости, территориальной целостности и нерушимости границ Украины выступили министры обороны стран НАТО в специальном заявлении от 26 февраля 2014 г. Это демонстрировало готовность НАТО к решительным действиям, не ограниченным политико-дипломатическими усилиями. Затем исполняющий обязанности министра иностранных дел А. Дешица сообщил о передаче «обращения в НАТО с просьбой рассмотреть использование всех возможностей для защиты территориальной целостности и суверенитета Украины, украинского народа и ядерных объектов, которые находятся на территории Украины»³⁸. Генсек НАТО подтвердил необходимость и готовность усилить поддержку Украины путем интенсификации политического и военного сотрудничества. Главными направлениями будут содействие «преобразованию украинских вооруженных сил в современную и эффективную организацию, способную обеспечить надежное сдерживание и защиту от военных угроз»; укрепление способности ВС Украины к совместным действиям с альянсом и интенсификация украинского участия в натовских учениях³⁹. НАТО направила на Украину группу экспертов «для предоставления консультативной помощи в обеспечении защиты критической инфраструктуры», которая, очевидно, включает объекты государственного значения и административного управления. Россия, в свою очередь, апеллирует к ОБСЕ и ее миссии, направленной на Украину.

Поскольку действия НАТО — это «ответ Москве» под лозунгом «Защитим Украину!», они не только не способствуют деэскалации конфликта, к чему призывает Запад, а, напротив, укладываются в логику нового противостояния и могут спровоцировать усиление военной опасности и скатывание к конфронтации по новой линии разделения. Активизация военных учений НАТО с участием Украины и, возможно, на ее территории, когда Россию фактически признают агрессором, неизбежно усилит напряженность и конфликтогенность как в регионе, так и в отношениях Россия—НАТО. В такой конфронтационной логике нельзя считать нереалистичными даже сценарии распространения военного присутствия НАТО на Украину. Кроме того, содействие Украине рассматривают в Организации как ее долю общей ответственности

³⁸ Украина просит ЕС, США и НАТО рассмотреть все механизмы защиты ее территориальной целостности // NEWSru.ua. (<http://rus.newsru.ua/ukraine/01mar2014/mid.html>).

³⁹ A strong NATO in a changed world.

Запада за поддержку евро-атлантических устремлений Киева. Однако именно «евро-атлантический вопрос» стал фактором углубляющегося раскола Украины и украинского общества и, в конечном счете, спровоцировал Евромайдан. Несмотря на то что новые власти в Киеве заявляют, что у них нет намерения вступать в НАТО («исключительно ради сохранения единства Украины», по признанию исполняющего обязанности премьер-министра А. Яценюка)⁴⁰, и несмотря на то, что сама НАТО не готова рассматривать такую возможность в практической плоскости, нынешний контекст сближения и углубления сотрудничества между НАТО и Украиной явно противоречит заявленным целям восстановления украинского единства.

Укрепление военного сотрудничества Украина и ее западные партнеры планируют в условиях эскалации украинского кризиса с угрозой перерастания в гражданскую войну. Верховная Рада уже приняла закон «О допуске подразделений вооруженных сил других государств на территорию Украины в 2014 г.» для участия в учениях. Он предусматривает проведение восьми учений, начиная с мая 2014 г., в том числе с участием США и стран-соседей: Польши, Словакии, Венгрии, Румынии, Молдовы. Украина планирует, например, провести на своей территории совместно с Польшей учения подразделений военной полиции «Правопорядок–2014», с США — масштабные учения «Си Бриз–2014», украинско-молдавско-румынские маневры механизированных подразделений «Юг–2014». Хотя проведение этих мероприятий весьма проблематично, учитывая их географию и легенду, а также дезорганизацию украинского военного управления и вооруженных сил. Любые попытки выполнить намеченные планы в условиях внутреннего конфликта на Украине станут серьезным дестабилизирующим фактором, существенно повысят военную опасность в регионе и, как следствие, военно-политическую конфликтность по линии Россия–Запад. Не логичнее было бы объявить временный мораторий на военную активность на территории Украины? НАТО требует от России отойти от украинских границ, но при этом планирует увеличить свою военно-политическую вовлеченность.

Нельзя не учитывать, что перевод отношений Россия–НАТО в русло взаимного сдерживания снижает планку взаимной сдержанности. И существует опасность того, что политика открытых дверей НАТО при дальнейшем осложнении отношений между Россией и Западом опять может трансформироваться в ускоренное расширение на Восток. Россия в этой

⁴⁰ Киев не намерен вступать в НАТО и хочет строить с РФ «добрососедские отношения» // NEWSru.ua. (<http://www.newsru.com/world/18mar2014/yatzenyuk.html>).

связи делает «принципиально важный» акцент на том, чтобы «надежно сохранить закрепленный в украинском законодательстве внеблоковый статус страны и гарантировать его со стороны международных игроков»⁴¹. В противном случае обратного пути уже не будет и возникнет реальная перспектива новой военной конфронтации. С другой стороны, подобный вариант, вероятно, и представляет собой самый сильный сдерживающий момент для Запада. К тому же неопределенность и нестабильность Украины и Грузии делают их членство весьма проблематичным и являются достаточно веским предлогом-аргументом против их присутствия в НАТО.

В связи с украинскими событиями внутри Молдовы также может вновь возникнуть вопрос о пересмотре ее нейтрального статуса с перспективой вхождения в НАТО. Показательно, что именно в ситуации украинского кризиса Кишинев посетил заместитель генсека НАТО А. Вершбоу, а Молдова впервые приняла участие в операции НАТО (в Косово). Вершбоу, конечно, указал на нейтральный статус Молдовы, но, поздравив Кишинев с продвижением к ассоциации с ЕС, подчеркнул, что «европейская интеграция продвигается рука об руку с более тесными отношениями с НАТО, поскольку обе организации базируются на одних ценностях»⁴². Обозначение такой евро-атлантической перспективы Молдовы, включающей ориентацию на НАТО, чревато для Кишинева фактическим повторением украинского сценария: отказ от Приднестровья, разрыв с Россией, внутренняя политическая и экономическая дестабилизация. Другими словами, пока сценарий приема этих стран в НАТО представляется маловероятным даже в условиях очередного, третьего кризиса (после Югославии — 1999 г. и Грузии — 2008 г.) российско-натовских отношений. Однако проблема расширения НАТО вновь поставлена украинским кризисом в политическую повестку, и эта «российская озабоченность» теперь рассматривается через призму острого конфликта Россия—Запад, формирующего новую военно-политическую реальность в Европе.

Политика незакрытых дверей

Аргументы НАТО в пользу своей нынешней позиции, опубликованные на официальном сайте под заголовком «Обвинения России:

⁴¹ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на заседании Всемирного координационного совета российских соотечественников, проживающих за рубежом. Москва, 14 апреля 2014 / Сайт МИД РФ (http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/3167A1A488B27F0C44257CBA005250B4).

⁴² NATO and Moldova discuss strengthening cooperation and dialogue // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108028.htm).

расставим точки над *i*⁴³, по сути, обращены не к ней. Они фиксируют фундаментальные разногласия, а серьезные российские тревоги и несогласие с НАТО объявляются несостоятельными, надуманными и нелегитимными. Но дело в том, что Россия знает и чувствует «свою правду», которую не скрывала, из которой и исходит. НАТО только теперь полностью прояснила свою позицию, хотя всегда понимала, что Россия не часть расширяющегося Запада, «не такая», «другая», «опасная». Поэтому необходимо геополитическое сдерживание, завуалированное риторикой партнерства для создания «общих пространств». Пространства, как показал украинский кризис, никогда не воспринимались общими. Но Россия об этом говорила открыто (политика зон влияния в западной интерпретации), а Запад камуфлировал ширмой общих вызовов-интересов практическую политику расширения собственной зоны «свободы и безопасности». Теперь НАТО обвиняет Россию в том, в чем раньше Россия обвиняла НАТО — в нарушении норм международного права, вооруженной агрессии, нарушении суверенитета и территориальной целостности государства — члена ООН и, в конечном счете, в разрушении сложившегося международного порядка и создании новых глубоких разделительных линий в Европе. В Москве (и не только) обвинения воспринимают как явное свидетельство циничной западной политики двойных стандартов. «Эта политика неизбежно порождает подобие “веймарского синдрома” у великой нации, чье достоинство и интересы попирались»⁴⁴.

Россия, не являющаяся частью Евро-Атлантики, и в условиях разделенной Европы может отстаивать свои интересы либо как равноправный партнер Запада, либо как его оппонент. В последнее время Москва пыталась сбалансировать обе эти линии, стремясь к развитию партнерства на затухающей волне перезагрузки. С равноправным партнерством явно не получилось, и Москва, не рассчитывая больше на понимание, вынуждена пересматривать свою стратегию за счет внутренней консолидации и в качестве оппонента Западу. Российская пружина, по выражению президента В.В. Путина, испытывая непрекращающееся давление Запада, разжалась⁴⁵. «Уроки Косово, Ирака и Ливии не будут забыты», — подчеркивает А.В. Грушко, постоянный представитель Российской Федерации при НАТО, в ответ на заявления о бесспорной легитимности позиции и действий НАТО в поддержку «пра-

⁴³ Обвинения России: расставим точки над *i*. Fact Sheet // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_109185.htm).

⁴⁴ Караганов С. Европа: окончить холодную войну.

⁴⁵ Обращение Президента Российской Федерации, 18 марта 2014 года // Президент России (<http://www.kremlin.ru/transcripts/20603>).

вительства победителей» в Киеве⁴⁶. НАТО, в свою очередь, признает, что никогда не считала подобные российские волнения правомерными и обоснованными. И винит Россию в нежелании ответить взаимностью альянсу, который предлагал ей стать «привилегированным партнером», не обращая внимания на существующие разногласия⁴⁷.

Даже «историческое достижение» Лиссабонского саммита — перевод отношений Россия—НАТО в русло стратегического партнерства — вряд ли можно в свете украинского кризиса считать искренним решением со стороны альянса. Ведь Расмуссен практически признает, что «такой» (какой Запад видит Россию теперь) она была и прежде: «Потому что это не отдельный инцидент. Он является продолжением модели поведения. Военного давления и замороженных конфликтов в нашем соседстве. Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, а теперь Крым. Что связывает эти кризисы, так это то, что одна большая страна в одностороннем порядке решает переписать международные правила. В одночасье и сама по себе»⁴⁸.

В НАТО заявили, что отныне отношения с Россией не могут строиться в прежнем ключе. НАТО воздерживается от замораживания отношений с Россией, не закрывает площадку СРН для политического диалога. Однако не ясно, куда ведет эта дверь и что это означает в практическом плане. Ведь позиция НАТО в отношении украинского кризиса и России, которая, со своей стороны, ни при каких условиях не отступится от своих взглядов, исключают возможность каких-либо компромиссных договоренностей, даже в форме технических формулировок. И для того чтобы обсуждать возможности дезэскалации кризиса, перспективу прямого диалога Москвы и Киева, у России есть другие адресаты и площадки, а диалог с НАТО как с военно-политическим союзом, скорее, вообще неуместен.

В качестве срочного ответа Москве генсек НАТО принял решение приостановить рабочие контакты с российской стороной в СРН. Мера предпринята в преддверии Совета министров иностранных дел НАТО 1–2 апреля 2014 г., на котором планировалось подвергнуть переоценке весь комплекс отношений с Россией. Трудно понять, каким образом может осуществляться в этих условиях дальнейшее практическое взаимодействие и какие из запланированных мероприятий Программы

⁴⁶ Интервью Постоянного представителя России при НАТО А.В. Грушко // Коммерсант. 7 апреля 2014 г.

⁴⁷ Обвинения России: расставим точки над «и» (обновленный июль 2014) // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/SID-BDC41138-43CA8CFF/natolive/topics_111767.htm?blnSublanguage=true&selectedLocale=ru&submit=select).

⁴⁸ A strong NATO in a changed world.

работы СРН на 2014 г., принятой в конце 2013 г.⁴⁹, будет возможно сохранить после июньского Совета НАТО. Ряд запланированных программ сотрудничества отменены уже до апрельского СМВД, включая учения и другие совместные мероприятия, заблокировано участие России в операции по обеспечению безопасности американского судна «Кейп Рэй», на котором будут уничтожить сирийское химическое оружие. Аналогичные шаги по свертыванию военного сотрудничества с Москвой предпринимают и отдельные страны НАТО. Обсуждают вопрос об отмене поставки в Россию двух французских кораблей «Мистраль» — проект, считавшийся символом развития военно-технического сотрудничества.

Россия пока не идет на ответные санкции, воздерживаясь от «адекватных ответов». Сотрудничество по Афганистану не прерывалось после августа 2008 г. И снова правительство России приняло решение (26 марта 2014 г.) выделить до 4,1 млн долл. США на обслуживание вертолетов в Афганистане в Целевой фонд Совета Россия–НАТО⁵⁰. Это был ясный сигнал, особенно накануне обсуждения «российского вопроса» на апрельском Совете НАТО, что Россия в принципе готова продолжать взаимовыгодное сотрудничество. Такое сотрудничество, свернутое до уровня вынужденного взаимодействия, — тот максимум, о котором пока может идти речь. Иными словами, двери для постепенного развития практического взаимодействия, при условии снижения остроты нынешнего кризиса, остаются приоткрытыми.

Тем не менее Североатлантический Совет принял 1 апреля 2014 г. заявление, в котором подтвердил отмену практического военного и гражданского сотрудничества с Россией, хотя и не отменил политический диалог в СРН⁵¹. Пересмотр отношений с Москвой перенесли на сессию Совета НАТО в июне. Понимая всю абсурдность очередного замораживания отношений с Россией и потому не отказываясь полностью от политического диалога с ней, НАТО вряд ли рассчитывает на реанимацию СРН, тем более по российской инициативе. О том, что договариваться, по существу, не о чем, свидетельствует решение Парламентской Ассамблеи НАТО прекратить сотрудничество с Федеральным Собранием Российской Федерации, пока на Украине не по-

⁴⁹ Сайт СРН рассматривает перспективы на 2014 г. / Сайт Совета Россия–НАТО (<http://www.nato-russia-council.info/ru/articles/2014-01-16-nrc-year-ahead-2014/>).

⁵⁰ Россия выделит фонду совета с НАТО \$4,1 млн на обслуживание вертолетов // РИА Новости (http://ria.ru/defense_safety/20140326/1001062251.html#13960143602913&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration).

⁵¹ Statement by NATO Foreign Ministers. 1 April 2014. / Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108501.htm?selectedLocale=en).

меняется ситуация⁵². Россия, в свою очередь, отозвала для проведения консультаций главного военного представителя России при НАТО генерал-полковника В.Г. Евневича.

Страны НАТО в итоговом документе апрельского Совета настаивали на том, чтобы Россия предприняла незамедлительно шаги для деэскалации конфликта в соответствии с Заявлением Комиссии НАТО—Украина от 1 апреля 2014 г.⁵³ Но если именно в этом основная цель документа, то содержание Заявления явно ей не отвечает. НАТО пытается обращаться к России не напрямую, а через «украинскую дверь», апеллируя к своим договоренностям с киевской властью, официально не признанных Москвой. При этом в НАТО прекрасно понимают, что подобный язык ультиматумов не только не приемлем в отношении России, но и не оставляет никаких шансов найти какую-либо основу для позитивного решения проблемы. «Апрельские тезисы» Североатлантического Совета НАТО нацелены на подчеркнутую демонстрацию поддержки нынешнего украинского руководства, но отнюдь не на поиск политических развязок в треугольнике НАТО—Украина—Россия.

Украинский кризис Москва и Запад трактуют абсолютно по-разному. Для России присоединение Крыма — следствие кризиса на Украине, спровоцированного, прямо или косвенно, самим Западом. Для Запада, наоборот, глубокий украинский (и европейский) кризис вызван «экспансионистскими устремлениями Кремля» и «захватом Крыма». Поэтому главным препятствием для восстановления, хотя бы частично, практического взаимодействия остается трактовка присоединения Крыма к России как «незаконной и нелегитимной попытки аннексии», от которой, согласно требованиям Комиссии НАТО—Украина, Россия должна отказаться. Следует особо выделить термин «попытка аннексии» (а не факт аннексии), который призван подчеркнуть историческую несостоятельность политики Москвы и жесткость западных условий для ее возвращения в русло панъвропейского сотрудничества.

Эти условия наряду с другими требованиями в отношении «российского поведения» могут вынудить Москву хлопнуть дверью. Тогда проиграет и та, и другая сторона, особенно с учетом важнейшей темы повестки безопасности — Афганистана и предстоящего вывода из него к концу 2014 г. боевых контингентов США и НАТО. Это в альянсе хоро-

⁵² Парламентская ассамблея НАТО разорвала отношения с Россией // Forbes (<http://www.forbes.ru/news/254127-estoniya-i-latviya-prizvali-nato-razmestit-sukhoputnyevoska-v-pribaltike>).

⁵³ Statement of the NATO—Ukraine Commission. Press Release (2014) 058. Issued on 01.04.2014 // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/news_108499.htm?mode=pressrelease).

шо понимают. Несмотря на решение НАТО прекратить практическое сотрудничество с Россией, взаимодействие по Афганистану (борьба с наркотрафиком, транзит грузов из Афганистана, вертолетный проект), согласно разъяснению Расмуссена 1 апреля 2014 г., все же должно продолжаться — в силу «совместного интереса в обеспечении нашей миссии в Афганистане»⁵⁴. Но вопрос теперь не в том, на что «согласится» НАТО в контексте предстоящего комплексного пересмотра отношений с Россией, а в том, захочет ли Москва ответить взаимностью. Действительно, если в альянсе говорят о возможности технически сохранить сотрудничество с Москвой по Афганистану в «ненатовском» формате, тогда зачем России возвращаться в СРН, лишенной даже минимальной позитивной повестки взаимодействия?

Дрейф НАТО и России к взаимному сдерживанию — серьезный вызов и для их внеевропейских партнеров. Уже очевидно, что многие из них не согласны с западной позицией и ответом России. Президент Афганистана Хамид Карзай, несмотря на очевидную зависимость от США и НАТО и на крайне сложный для страны переходный период, признал итоги референдума в Крыму, и его позиция более чем показательна. Каким образом и на какой политической основе НАТО будет развивать, согласно Стратегической концепции 2010 г, «широкую сеть партнерских отношений со странами и организациями по всему миру», если принципиально изменятся военно-политические установки и оперативные приоритеты альянса? Даже вне зависимости от того, насколько те или иные партнеры поддерживают позицию НАТО, кризис ее отношений с Россией, наметившаяся перспектива усиления взаимного сдерживания, включая военные приготовления, изменяют не только содержание, но и характер потенциального партнерства этих стран с альянсом, который заявляет себя в качестве «28 наиболее сильных, суверенных демократий в мире»⁵⁵.

Возврат к прежним отношениям невозможен — в этом генсек НАТО Расмуссен уверен. Новая парадигма российско-западных отношений и их нынешний кризис действительно не позволяют рассчитывать на выход из него за счет активизации сотрудничества, «с добавленной стоимостью», как после войны в Югославии, а затем в Грузии. Россия и НАТО исчерпали этот ресурс; перезагрузка, окончившаяся очередным и фундаментальным политическим конфликтом в Европе,

⁵⁴ Press conference by NATO Secretary General A.F. Rasmussen, following the first day of meetings of NATO Ministers of Foreign Affairs // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_108511.htm).

⁵⁵ Why NATO Matters to America.

не оставляет шансов на новую. Ключевой европейской темой остается урегулирование украинского кризиса, который, с одной стороны, обусловлен глубинными проблемами украинского государства и общества, с другой — столкновением внешних интересов и сил. В этой ситуации и для России, и для НАТО в качестве военно-политической опоры евро-атлантической системы теперь наиболее значимая политическая задача и, очевидно, программа-максимум взаимоотношений — удержаться от эскалации конфликта и взаимной конфронтации и попытаться с двух сторон содействовать стабилизации Украины.

Глава 25

РЕЛИГИИ В ЕВРОПЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Идея диалога религий и общества

Для адептов каждого вероисповедания собственная вера изначально представлялась самодостаточной. Слово «диалог» появляется в религиозном лексиконе только при Иоанне XXIII, в миру Анджело Джузеппе Ронкалли (1958–1963), руководителе самой крупной организованной религиозной институции планеты — Римской католической церкви. Новизну формулировки, а главное — обозначенного ей понятия подтверждает исследование известного немецкого историка Йозефа Лортца, согласно которому «если бы история Земли была равномерно описана в фолианте в три тысячи страниц, то история жизни заняла бы в нем только последнюю страницу. Если бы в этой странице было три столбца по тысяче строк, то история человечества охватила бы только последнюю строку третьего столбца. А история Церкви была бы представлена в этой строке только парой букв»¹.

На самом деле эта «пара букв» соответствует двум тысячелетиям христианства, которым предшествовало тысячелетие первой монотеистической религии — иудаизма. А одновременно с ним — и на протяжении какого-то времени до него — на том же географическом пространстве господствовало многобожие, которое мы привыкли именовать язычеством. И древние греки, и древние римляне отличались достаточно высокой веротерпимостью. В децентрализованной Греции культ человекоподобных богов и героев не предусматривал существования особой догматики; помимо общепризнанных божеств, могли почитаться местные (городские) и партикулярные, что исключало су-

¹ Лортц Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. I: Древность и Средние века / Пер. с нем. М.: Христианская Россия, 1999. С. XII.

ществование какой-либо религиозной розни. В Древнем Риме с его «вертикалью власти» вопрос об отношении к богам завоеванных народов также решался элементарно просто: их включали в общий список небесных покровителей Римского государства.

Выход язычества на арену истории означал безусловный прогресс культуры принявших его народов. Помимо письменности, литературы, шедевров искусства и архитектуры, а также выдающихся научных достижений, Греция подарила миру идею демократии, а Рим — нормы права, многие из которых, пройдя через кодекс Наполеона, сохранились до наших дней с одной существенной оговоркой: средиземноморская античность была эпохой рабовладения. Тем же, кто хотел бы заглянуть в далекое прошлое нашей страны, можно посоветовать перечитать первый абзац «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. И все станет ясно.

Ближний Восток и Средиземноморье стали родиной трех моноистических религий: иудаизма, христианства и ислама. Священные тексты иудаизма создавались на протяжении длительного периода времени, с XIII по II вв. до н.э. В качестве рекомендуемых норм поведения в них перечисляются 10 заповедей (законов), которые были переданы Богом избранному еврейскому народу через пророка Моисея. Эта же религия три тысячи лет назад выдвинула идею разделения властей и создала судебную систему, независимую от других властных структур².

Отпочковавшееся от иудаизма христианство получило полную свободу проповеди в Римской империи 1700 лет назад, в 313 г., по Миланскому эдикту правивших совместно двух глав государства — грека Константина и уроженца Дакии Лициния (позднее их пути разошлись, и по приказу первого второй был убит). Новая религия передала людям заповеди мира и любви, изложенные в знаменитой Нагорной проповеди Христа, который принял смерть на кресте, чтобы искупить грехи человечества. Первые христианские общины славилась нравственной чистотой и братской любовью. Об этом сообщают и языческие авторы Плиний, Лукиан, Гален. Всякое прегрешение против нравственности требовало церковного покаяния. За тяжкие грехи полагалось публичное исповедание греха и публичное покаяние. Наряду с практикой покаянной исповеди, которая имела силу закона для каждого христианина, появлялась возможность индивидуального духовного руководства: подавленный или удрученный своими грехами обращался за советом,

² Баренбойм П. 3000 лет доктрины разделения властей. Суд Сьютера. М.: Белые альвы, 1996. С. 12–13.

помощью и заступничеством к своему «духовному» отцу, который привел его к покаянию³.

Христианство сыграло решающую роль в развитии европейской и российской культуры и государственности. При этом даты их рождения хронологически не совпадают. Если общая культура восточного и западного христианства уходит корнями в историю неразделенной церкви, то государственность в ее нынешнем виде начала складываться после перенесения римским императором Константином своей столицы из Рима в город, получивший его имя (наши предки позднее назовут его Царьградом). При всех колебаниях политической конъюнктуры церковные и государственные структуры Запада никогда не сливались в одно целое. На Востоке же начиная с Константина сложился другой тип взаимоотношений церкви и государства, при котором первая оказалась в фактическом подчинении у второго.

В 325 г. в г. Никея (совр. Изник, Турция) состоялся созванный императором Первый Вселенский собор, где был принят Символ веры христиан и утверждены привилегии древних епископских кафедр. Еще одно важное решение собора возвратил к жизни из небытия в канун великих потрясений XX в. Лев Толстой. Оно гласило: «Благодатию призванные к исповеданию веры и первый порыв ревности явившие и отложившие воинские поясы, но потом, аки псы, на свою блевотину возвратившиеся... таковые 10 лет да припадают к Церкви, прося прощения, по трилетнем слушании Писания в притворе»⁴. На протяжении последующих полутора с лишним тысяч лет официальные структуры христианства единодушно игнорировали это постановление Вселенского собора, как если бы его не существовало вообще. Войны стали символом их реальной жизни и забот.

Почти все основанные апостолами Христа поместные патриархаты объявили себя кафедральными (в русском переводе — соборными) и признали приоритет власти коллегиальных церковных структур перед авторитетом предстоятеля. Латинская церковь, со своей стороны, интерпретируя кафедральность как вселенскость или универсальность, провозгласила примат Римского первосвященника как высшего церковного руководителя всех христиан. Он стал и светским государем после того, как в 756 г. король франков Пипин Короткий подарил ему отвоеванные у варваров-лангобардов обширные земли на севере Апеннинского полуострова, а также Рим и соседние с ним города. Так образовалось просуществовавшее до конца XIX в. Папское государство,

³ Лортиц И. Указ. соч. С. 106–107.

⁴ Цит. по: Толстой Л.Н. Круг чтения. В 2 т. Т. 1. М.: Политиздат, 1991. С. 391.

которое, управляясь по тем же правилам, что и другие европейские государства, не претендовало на роль их объединителя под личной властью понтифика⁵.

В середине Первого тысячелетия к двум первым монотеистическим религиям добавилась третья — ислам. Рожденная в Аравии, где проживали кочевые и полукочевые народы семитской языковой группы, она почти молниеносно распространилась на обширной территории, расположенной на трех континентах: в Азии, Африке и Европе (арабы и берберы перебрались на южное побережье Пиренейского полуострова в 711 г. и сумели продвинуться до горных районов севера). Как отмечает католический историк священник Романо Скальфи, в этот период мусульмане, иудеи и христиане сосуществуют в Испании достаточно мирно и свободно. Христианам дозволено иметь церкви и исповедовать собственную религию. Их можно встретить даже среди высоких чиновников халифата⁶. Климат взаимной терпимости стал меняться лишь с началом Реконквисты (вытеснения мусульман христианскими правителями севера на рубеже Первого и Второго тысячелетий)⁷.

К этому времени сложились два различных типа христианской государственности: разделение (на Западе) и слияние (на Востоке) церкви со светской властью. Тут же возникли и богословские разногласия. В результате вместо диалога общин двух частей континента в 1054 г. произошел раскол на православие и католичество. Что не разрушило единства европейской культуры — обмен культурными ценностями между Западом и Востоком не прекратился. К общей культуре христиан подключилась принявшая в 988 г. новую веру Киевская Русь. Академик Д.С. Лихачёв писал об «огромной роли Византии в образовании славянской культуры». Он напомнил, что именно через Византию славяне «дышали воздухом мировой культуры... на гребне общеевропейского развития»⁸.

Напротив, не принесла счастья восточным христианам, в том числе и россиянам, дожившая до наших дней византийская идея «симфонии» в отношениях с государственными структурами. О живучести этой идеи свидетельствует воспроизведение в принятом юбилейным Архиерейским собором 2000 г. документе об основах социальной концепции РПЦ

⁵ Папское государство просуществовало до 1870 г., когда войска короля Виктора-Эммануила и добровольцы — сторонники Джузеппе Гарибальди взяли столицу Италии штурмом.

⁶ Скальфи Р. Я с вами до скончания века. Краткая история Католической церкви. Милан, М.: Христианская Россия. 1998. С. 64–69.

⁷ Ланда Р.Г. Средиземноморье: общность истории и культуры / Европа и Россия: проблемы южного направления. М., 1999. С. 618.

⁸ Лихачёв Д.С. Раздумья. М.: Детская литература, 1991. С. 82.

цитаты из «Эпанагоги» — краткого сборника правовых норм, который был составлен в Византии в конце IX в.: «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке». Признавая, что церковь и государство не должны брать на себя функции, принадлежащие только одной из двух сторон диалога, авторы документа в то же время критически отзываются о свободе совести, которая, по их мнению, «свидетельствует о распаде системы духовных ценностей»⁹.

Прекратив каноническое общение с православными, западные христиане в том же XI в. совершили еще одну роковую ошибку. Они предприняли крестовые походы на Ближний Восток, продолжавшиеся с 1096 по 1270 г. При взятии Иерусалима в июле 1099 г., пишет Й. Лортц, завоеватели пролили реки невинной крови. И с первой до последней все эти экспедиции свидетельствовали о том, что «извращение христианских ценностей вошло в программу церковного руководства»¹⁰. Страдали при этом не только мусульмане и сами католики, но и представители других вероисповеданий. Так, четвертый по счету поход (1202—1204) обернулся агрессией против вчерашних братьев католического Рима — православных. Направляясь в Палестину, крестоносцы изменили маршрут и захватили Константинополь, подвергнув его варварскому разграблению. Хотя созданная ими Латинская империя просуществовала всего полвека, рана, нанесенная вселенскому христианству, кровоточила до последних лет минувшего тысячелетия. Как не вылечена до сих пор обширная гематома раскола тысячелетней давности.

Прямым следствием крестовых походов в Палестину стало повышение градуса насилия в борьбе с иноверцами по всей Европе. Начало первого же похода ознаменовалось ужасающими событиями на Рейне (Й. Лортц перечисляет названия семи городов и двух стран: Богемии и Венгрии, где еврейские погромы приобрели особенно жестокий характер). III Латеранский собор РКЦ (1179) потребовал изолировать евреев в гетто и обязать их носить отличительные знаки (желтые колпаки и шестиконечные звезды). Реконкиста в Испании завершилась в 1492 г. после вероломного нарушения «католическими королями» Фердинандом и Изабеллой обещания сохранить за побежденными жизнь и свободу в случае их капитуляции. От мусульман и иудеев потребовали перейти в христианство под угрозой высылки на чужбину и даже смерти. Действительно, многие из тех, кто согласился принять этот ультиматум,

⁹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // РПЦ. Официальный сайт Московского Патриархата (<http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html>).

¹⁰ Лортц Й. Указ. соч. С. 346–349.

были отправлены на костер инквизиции по подозрению в неискренности. Лишь ограниченному числу счастливых удалось, перейдя через несколько стран, перебраться на территорию Османской империи, которая расширилась после падения Константинополя, включив в себя Балканы и долину Дуная вплоть до подступов к Вене¹¹.

В XVI столетии Римско-католическая церковь столкнулась с новым вызовом — мощным церковно-общественным движением протеста против политики и практики Ватикана. Хотя на первом этапе этого движения его знаменосец немецкий священник и монах Мартин Лютер писал в личном письме Римскому первосвященнику Льву X, что не помышлял восставать ни против понтифика, ни против церкви, и критикует лишь тех, кто «безумными проповедями и бесстыдными поступками позорит и папу и церковь»¹². Логика борьбы, в которую сразу же включилось множество сторонников Лютера и большое число других богословов и идеологов реформации, привела к взрыву. По Европе прокатилась волна религиозных войн, причем крайнюю жестокость проявляли все стороны. Католики пытаются и жгут протестантов, протестанты отплачивают им той же монетой. И те, и другие преследуют евреев.

Итоги борьбы с протестантской реформацией подвел Тридентский собор, заседавший с декабря 1545 по апрель 1563 г. (с пятилетним перерывом между мартом 1547 и маем 1551 г.) в североитальянском городе Тренто (*лат.* — Tridentum). В 1564 г. Папа утвердил его решения, продемонстрировав свой поставленный, было, под вопрос примат над правами и привилегиями епископов. К этому времени православные жители бывшей Киевской Руси, юридически оставаясь паствой Константинопольской церкви, жили самостоятельной жизнью на территории, которую контролировали Османская империя и польско-литовское государство. 9 октября 1596 г. в один день в Бресте на Буге состоялись два православных собора, один из которых провозгласил унию, а второй — предал униатов анафеме. И так уж случилось, что в том же году на свет появился самый неординарный представитель восточного христианства своей эпохи Петр Могила. Прожив всего 50 лет, он успел за короткое время поднять православие в Украине на недосягаемую высоту, отверг униатство и выдвинул идею восстано-

¹¹ Туран Г. Религиозная толерантность в Османской империи и Турецкой республике // Религиозная толерантность. Историческое и политическое измерения. М.: Academia. 2006.

¹² Лютер М. 95 тезисов / Сост., вступит. статья, примеч. и коммент. И. Фокина. СПб: Роза мира, 2002.

ния единства христиан: через подтверждение духовного, но не юридического, первенства пап Римских при сохранении канонического общения с Константинопольским патриархатом и другими православными церквями.

Начавшаяся с эпохой просвещения секуляризация общества подтолкнула католиков на обострение противостояния всему окружающему миру, что нашло отражение в решениях Первого Ватиканского собора (1869–1870), который создал новые препятствия на пути сближения католиков с православными, не говоря уже о протестантах. В принятой им Догматической конституции *Pastor aeternus* утверждалось, что «Святой Апостольский престол и Римский папа обладают “безошибочностью” (в другом переводе — “непогрешимостью”) и первенством надо всем на Земле». После чего заявлялось: «Если кто-либо говорит, что папа Римский имеет лишь обязанность контроля или указания, а не полную и верховную юрисдикцию надо всей Церковью не только в том, что касается веры и нравственности, но и в том, что касается порядка и управления Церковью, распространенной по всему миру, или что он обладает одной лишь важной частью этой власти, а не всю ее полностью, или что его власть не является ни обычной, ни непосредственной надо всеми и каждой в отдельности Церквями, как надо всеми и каждым в отдельности пастырями и верными, то он должен быть предан анафеме»¹³.

Собор остался незавершенным, так как был прерван победой борцов за воссоединение Италии. 20 сентября 1870 г. их отряды взяли штурмом Рим, который был объявлен столицей Итальянского королевства. Лишь три четверти века спустя, после Второй мировой войны и краха режимов Гитлера и Муссолини, идея единой Европы возродилась в принципиально новом варианте, получившем путевку в жизнь благодаря принятию Устава ООН и целого комплекса национальных и международно-правовых норм, разработанных при активном участии протестантов. Контролируемое Сталиным православие и загнанный в колонии ислам промолчали.

Реальность диалога религий и общества в Европе

Диалог стал возможным после завершения в октябре 1958 г. понтификата безоговорочного поборника «контрреформации» Пия XII.

¹³ Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. Хрестоматия. М.: ББИ, 2001. С. 135.

За несколько лет до кончины он дал Конгрегации священной канцелярии (бывшей инквизиции) «совершенно секретное» поручение подготовить материалы к созыву общецерковного форума, который довел бы до конца разработку идей, оставшихся несформулированными на Первом Ватиканском соборе. Руководитель конгрегации монсеньор Оттавиани представил папе проект, в котором говорилось о необходимости «исправить ошибки богословского характера и осудить тех, кто вступает в сговор с некаатоликами»¹⁴. Проект так и не осуществили, и дело свелось к принятию в 1949 г. декрета об отлучении от церкви коммунистов и им сочувствующих.

Этот абсолютно бесполезный для РКЦ документ (он ни в малейшей степени не повлиял на расстановку политических сил в Италии и других странах Запада, не говоря уже о внутренней и внешней политике СССР, и ни один марксист поименно анафематствован не был) в конечном итоге нанес ущерб самому Святому престолу, дав противникам Пия XII новый аргумент для обвинений Ватикана в маккартизме. Сполна использовала его и официальная сталинская пропаганда, получившая еще один аргумент в поддержку тезиса о «союзе папства с американским империализмом». А в адрес самого Пия XII начали выдвигаться обвинения в неоправданном молчании перед лицом преступлений, совершенных нацифашистами во время Второй мировой войны, и прежде всего, в связи с холокостом, чудовищным убийством 6 миллионов евреев, которые были расстреляны и погибли в газовых камерах гитлеровских концлагерей. Ради объективности, однако, отметим, что этот папа, по крайней мере, не заискивал перед дуче и, оказавшись на престоле, ни разу не встречался ни с Муссолини, ни с Гитлером, в то время как руководители РПЦ пели дифирамбы Сталину и другим руководителям советского атеистического режима, превосходя в низкопоклонстве даже штатных партийных пропагандистов.

Поворот на 180 градусов к диалогу христиан был сделан при следующем папе Иоанне XXIII (ноябрь 1958 — июнь 1963 г.), когда к этой идее присоединились «три Рима»: католический Ватикан в его обеих «ипостасях» — церковной и государственной¹⁵; «новый», православный Константинопольский патриархат, свободный от выполнения каких-либо государственных функций с момента падения в XV в. Ви-

¹⁴ См. Красиков А.А. Ватикан 2000 лет спустя // Доклады Института Европы РАН. М.: 2012. С. 21.

¹⁵ В соответствии с конкордатом (договором), подписанным в 1929 г. представителями папы и итальянского правительства, было создано Государство град Ватикан (другое название — Святой престол), признанное полноправным субъектом международных отношений без восстановления светской власти пап.

зантийской империи; и «третий», русско-православный, находившийся на протяжении всех семидесяти лет советской власти под жестким контролем государства. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, в тот момент митрополит и председатель Отдела внешних церковных связей РПЦ, обращаясь к участникам посвященной Иоанну XXIII международной научно-практической конференции в Институте Европы в декабре 2000 г., призвал «помнить, что часто от всех нас, каждого на своем месте, зависит то, чтобы великие деяния великих людей не уходили в безвозвратное прошлое»¹⁶.

Созванный новым папой Второй Ватиканский собор открылся 11 октября 1962 г. Более трех лет подготовки к нему стали периодом беспрецедентно широкой гласности внутри РКЦ. В мировом масштабе развернулась невиданно свободная дискуссия по различным, в том числе и острейшим проблемам церковной жизни. На первую сессию собора приехали 2778 участников. Из них 38% представляли Европу, в том числе 15% — Италию, 31% — Южную и Северную Америку, 21% — Азию и Океанию, 10% — Африку. Что уже существенно отличалось от состава подготовительных комиссий, на 70% состоявших из жителей Европы.

В помощь им была сформирована группа богословов, в состав которой вошли, в частности, приглашенный лично Иоанном XXIII вопреки сопротивлению курии теолог-новатор Карл Ранер (ФРГ), французский ученый монах и будущий кардинал Жан Даниелу, другой будущий кардинал, член Института (Академии социальных и политических наук) Франции Анри де Любак, их соотечественник монах и сторонник движения священников-рабочих Ив Конгар, молодой швейцарский богослов, специалист по протестантизму Ганс Кюнг и др. Вспоминая атмосферу, царившую тогда в Ватикане, Кюнг писал: «В ходе встреч на симпозиумах, лекциях, вечерах и даже в буфетах завязывались многочисленные контакты между людьми, ранее не знавшими друг друга. Неожиданно открывались общие заботы и тревоги, обнаруживался разрыв между словами и делами, епископы, приехавшие из самых различных точек земного шара, указывали, что их мысли и смутные ощущения совпадают с мыслями и ощущениями других прелатов церкви, и в результате “меньшинство, каким оно казалось накануне открытия собора, оказалось большинством”»¹⁷.

Абсолютной новостью стало доведенное до сведения всех христианских конфессий желание папы отказаться от многовековой

¹⁶ Иоанн XXIII и современный мир. М.: Интердиалект+, 2002. С. 21–22.

¹⁷ Цит. по: Красиков А.А. Ватикан 2000 лет спустя. С. 29.

практики анафем и осуждений и акцентировать внимание не на том, что разделяет, а на том, что объединяет всех последователей Христа, и прежде всего, на защите священного права на жизнь каждого человека независимо от его национальной и религиозной принадлежности. В результате своих наблюдателей на форум прислали и православные, и протестанты, в том числе получив разрешение Кремля, Русская православная церковь. Иоанн XXIII скончался, проведя только одну — первую — из четырех ежегодных сессий высшего собрания епископов своей церкви. Но он оставил после себя серьезное политическое завещание: энциклику *Pacem in Terris* («Мир на земле»).

В этом документе подчеркивалось, что в основание упорядоченного и зрелого общества должен быть положен принцип, который гласит, что каждый человек — это личность, т.е. существо, одаренное разумом и свободной волей. Каждый имеет право на жизнь, на личную неприкосновенность, на средства, необходимые и достаточные для достойного образа жизни. Это, в частности, питание, одежда, жилище, отдых, медицинское обслуживание, необходимое социальное обеспечение. Из присущей людям социализации проистекает право на объединение и право придавать общественным и политическим организациям структуру, необходимую для достижения их целей, а также свободно и ответственно участвовать в их деятельности. Власть, которая основывается исключительно или преимущественно на терроре и страхе перед наказанием, не побуждает людей деятельно стремиться к достижению общего блага. Тем временем мы с прискорбием констатируем, что в экономически развитых государствах созданы и продолжают создаваться гигантские объемы вооружений, ради этого растрачиваются духовная энергия и огромные материальные средства, а граждане этих государств терпят лишения.

Отношения между государствами, указывалось далее в энциклике, должны строиться на основе истины и справедливости и проявляться в многообразных формах плодотворного сотрудничества в экономической, социальной, политической, культурной, санитарной, спортивной и других сферах. Все возникающие в мире споры могут и должны найти свое разрешение не в военных конфликтах, а путем разумных переговоров. При этом Папа не ограничился одними лишь общими призывами к переговорам, но и коснулся тех конкретных вопросов, которые должны явиться предметом обсуждения в международном масштабе. Он прямо высказался за немедленное прекращение ядерных испытаний, за запрещение атомного оружия, прекращение гонки вооружений и, наконец, за осуществление всеобщего и полного разоружения под соответствующим контролем. Прекращение гонки

вооружений, писал он, не только избавит людей от страха перед завтрашним днем, но и высвободит огромные материальные ресурсы, в которых так нуждается человечество.

Иоанн XXIII впервые в официальном документе РКЦ сформулировал тезис о возможности сотрудничества католиков и не католиков в их совместной деятельности для достижения целей, в которых заинтересовано все человечество. Он прямо заявил, «что такое сближение, которое еще вчера было невозможным, сегодня уже полезно или может стать полезным завтра. Никогда не следует смешивать заблуждение с заблуждающимся, даже если речь идет о неверном понимании нравственно-религиозной истины. Заблуждающийся остается прежде всего человеком и сохраняет, во всех случаях, достоинство личности; его следует рассматривать и уважать, как подобает его достоинству. Равным образом нельзя отождествлять ложные философские учения о природе, происхождении и предназначении мира и человека с историческими движениями, преследующими экономические, социальные, культурные и политические цели, даже если они берут свое начало в вышеуказанных учениях и вдохновлялись или все еще вдохновляются ими»¹⁸.

Собор возобновил работу осенью 1963 г. при новом понтифике Павле VI (в миру — Джованни Баттисты Монтини) и в одном из первых своих окончательных документов утвердил новую позицию РКЦ в вопросе об отношениях с «отделенными Церквами», т.е. с православными, которые — единственные среди «раскольников» — сохранили «апостольское преемство» своих епископов как правопреемников апостолов самого Христа. Для католиков отныне они стали «отделенными братьями». В другом декрете (об экуменизме) речь шла уже не только о православных, но и о протестантах, чье учение и религиозная практика основываются исключительно на Библии, но не на «традиции», будь то католической или православной. Собор впервые признал, что вина за расколы христианства в прошлом лежит на всех, в том числе и на католиках.

На последней, четвертой сессии (сентябрь-декабрь 1965 г.) была принята декларация об отношении к нехристианским религиям (*Nostra aetate*), которая начиналась с указания делать упор, прежде всего, на том, что объединяет людей и что ведет их к совместному общению. Далее подчеркивалось, что Католическая церковь не отвергает ничего из того, что истинно и свято в других религиях. Отдельный

¹⁸ Перевод энциклики был выполнен автором настоящей главы и опубликован в московском еженедельнике «За рубежом» 22 апреля 1963 г., за шесть недель до кончины Иоанна XXIII.

параграф был посвящен мусульманам, к которым «Церковь относится с уважением». Ключевое положение документа гласило: «Хотя в течение веков между христианами и мусульманами возникали немалые разногласия и вражда, Священный Собор призывает всех предать забвению прошлое и искренне стремиться к взаимопониманию, а также совместно оберегать и поддерживать ради всех людей социальную справедливость, нравственные ценности, мир и свободу»¹⁹. Это решение стало для западных христиан настоящим руководством к действию.

В следующем параграфе *Nostra aetate* напоминалось, как велико духовное наследие, общее для христиан и иудеев. Не забыли отцы собора и о тех преследованиях, которым последователи иудаизма на протяжении веков подвергались, нередко с благословения, а то и по прямому указанию христианского, в том числе католического священноначалия: «Церковь, осуждающая (отныне) всякие гонения на кого бы то ни было, памятуя об общем с иудеями наследии и движимая не политическими соображениями, но духовной любовью по Евангелию, сожалеет о ненависти, о гонениях и обо всех проявлениях антисемитизма, которые когда бы то ни было и кем бы то ни было направлялись против иудеев».

На той же сессии были приняты Декларация о религиозной свободе (*Dignitatis humanae*), признавшая право выбора религии за каждым конкретным человеком, и Пастырская конституция о Церкви в современном мире (*Gaudium et Spes*), в которой, изложив основные положения социальной доктрины католичества и не упустив ни одну из самых жгучих проблем современности, таких, как человек и конфликт, таящийся в его греховной природе, атеизм, гонка вооружений, войны, расизм, бедность, нарушения прав человека, отцы собора высказались за диалог со всеми, в том числе и с неверующими.

С первой и до последней сессии собор проходил в обстановке острого противостояния «новаторского» большинства и «традиционалистского» меньшинства епископов. Как отмечал «по горячим следам» старший консультант ОВЦС А.Л. Казим-Бек, «блустители ватиканских традиций пережили немало тревог... Им пришлось столкнуться с такими передовыми взглядами их же, часто не менее видных, собратьев, которые в их понимании представлялись чуть ли не еретическими. И они были особенно потрясены тем, что эти неприемлемые для них взгляды и суждения нашли решительную поддержку

¹⁹ Здесь и далее материалы II Ватиканского собора цитируются по изданию: Документы II Ватиканского собора. М.: Паолина, 1998.

столь значительного числа отцов, т.е. епископов той же Римской католической церкви»²⁰.

В 1978 г., прозванном «годом трех пап», скончавшегося в августе Павла VI сменил Иоанн Павел I (в миру — Альбино Лучани), неожиданно ушедший из жизни 33 дня спустя. Затем на престол взошел Иоанн Павел II (Кароль Войтыла), в котором, согласно характеристике проработавшего рядом с ним более четверти века личного врача-итальянца, слились воедино польский романтизм и общеславянский мистицизм, и оба они уже выбором нового имени продемонстрировали свой курс на продолжение «аджорнаменто» (обновления) политики церкви. Преемник папы-поляка немецкий ученый-богослов Йозеф Ратцингер, признанный специалист по богословию «контрреформации», оказался перед невозможным для него выбором между многовековыми традициями папства и реалиями Третьего тысячелетия.

Не став ни Иоанном XXIV, ни Павлом VII, ни Иоанном Павлом III, папа Ратцингер избрал в качестве нового имя Бенедикт, связанное с жизнью и деятельностью основателя западного монашества, которого в 1964 г. РКЦ провозгласила небесным покровителем Европы. В первом же ритуальном обращении «к городу (Риму) и миру» 20 апреля 2005 г. он заверил единоверцев в «твердой решимости проводить в жизнь решения Второго Ватиканского собора», но тут же добавил: «сохраняя верность нашей двухтысячелетней традиции». В еще более категорической форме эта мысль была сформулирована в выступлении Бенедикта XVI перед высокопоставленными сотрудниками римской курии 22 декабря того же года. Папа отверг «герменевтику разрыва» с «двухтысячелетней традицией церкви». Под этим знаком и прошел весь его понтификат, неожиданно завершившийся в феврале 2013 г. добровольной отставкой папы, именуемого отныне почетным понтификом, и избранием на престол месяц спустя аргентинского кардинала Хорхе Марио Бергольо, избравшего имя Франциск. Это имя, никогда ранее не использовавшееся папами, носил живший на рубеже XII—XIII вв. святой миротворец, покровитель бедных и обездоленных, создатель монашеского ордена францисканцев.

Новый понтифик вернулся к истокам «обновления», провозглашенного Вторым Ватиканским собором, канонизировал его протagonистов Иоанна XXIII и Иоанна Павла II и, не вступая в дискуссию о традициях католичества, возглавил «революцию милосерия», которая продолжается в правовом поле Евангелия, документов «Второго Ватикана» и «церковного учительства» (основных руководящих нор-

²⁰ Журнал Московской Патриархии. 1966. № 4. С. 64–73.

мативных принципов в области веры и нравственности). В свою первую энциклику *Lumen Fidei* (Свет Веры) Франциск включил некоторые тексты, подготовленные Бенедиктом для собственного, оставшегося недописанным и неопубликованным документа. А в многочисленных выступлениях открыто осудил «в корне несправедливые экономические системы» современного мира. В программном апостольском обращении *Evangelii Gaudium* новый папа подчеркнул, что предпочитает видеть «церковь раненой и грязной, нежели той, для которой главное — быть центром в клубке навязчивых идей и процедур»²¹.

Перспективы религии в обществе будущего

«Если бы религиозный фактор был в полной мере и своевременно принят во внимание аналитиками, готовящими рекомендации своим правительствам, по всей вероятности, можно было бы направить по иному руслу развитие событий в таких горячих точках планеты, как Ближний Восток, Северная Ирландия, Югославия, а на территории бывшего СССР в Абхазии, Нагорном Карабахе и, конечно же, на Северном Кавказе. Как и во многих других регионах, где ситуация приобрела или приобретает взрывоопасный характер». Таким суждением, безусловно, справедливым открывает коллективную монографию Института Европы и Международной ассоциации политических наук (Париж) почетный директор ИЕ РАН В.В. Журкин²². Будет ли принят во внимание, наряду с другими, и этот фактор — от этого зависит будущее континента и в конечном итоге всего мира.

По данным составителей «Всемирной христианской энциклопедии», человечество вступило в Третье тысячелетие с десятью тысячами самостоятельных религий, причем в одном только христианстве сложилось 33 830 деноминаций, рассеянных по всему миру. Политики, как и религиозные лидеры, не могут игнорировать тот факт, что, оставаясь на данный исторический момент самым распространенным вероисповеданием в России, в Европе и на планете в целом, христианство отстает по темпам роста численности своих адептов как от населения Земли, так и от входящих вместе с ним в «большую тройку» ислама и индуизма. По прогнозам *Pew Research Center's Forum on Religion & Public Life*, мусуль-

²¹ Полный текст этого документа распространен Ватиканом в Интернете на всех основных языках.

²² Церковь и общество. Диалог русского православия и римского католицизма глазами ученых. М.: Интердиалект+, 2001. С. 10.

манское население увеличится к 2030 г. примерно на 35% и будет составлять 26,4% от общей численности населения земного шара. Глобально в течение ближайших двух десятилетий по прогнозам мусульманское население будет расти в два раза быстрее, чем немусульманское²³.

Прогрессирующая исламизация Европы и российской Евразии может стать для них опасным вызовом, а может и наоборот, принести мир и процветание, если государства сделают правильный выбор, разрабатывая и проводя в жизнь свою внешнюю и внутреннюю политику. Первый, негативный вариант станет реальностью в случае торжества исламофобии и дискриминации граждан по этническому и религиозному принципу. О возможности второго говорит опыт почти семивекового сосуществования трех монотеистических религий на территории нынешней Испании до вероломного нарушения «католическими королями» Фердинандом и Изабеллой обещаний, данных ими арабам на последнем этапе Реконксты в конце XV в.

К негативному варианту склоняется часть политической элиты и церковно-административного аппарата РПЦ. Переформатированный в 2009 г. состав экспертного совета при Министерстве юстиции Российской Федерации во главе с официальным «сектоведом» РПЦ А.Л. Дворкиным приступил к составлению списка «экстремистских материалов», подлежащих запрету (по примеру католического «Индекса», издание которого прекращено после Второго Ватиканского собора), и к августу 2014 г. в нем оказалось уже 2377 наименований книг мусульманских, протестантских и других авторов. Реагируя на эту «охоту на ведьм», председатель Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин отметил, что новый экспертный орган «не включает в свой состав исламских богословов, ученых, исламоведов и юристов, способных дать объективную оценку тем или иным книгам», а посему «не является авторитетным» и «на его решения мусульманские центры и общественность вряд ли будут обращать внимание, а тем более руководствоваться его выводами».

Ранее, 1 апреля 1999 г., тот же Гайнутдин в письме руководителям всех ветвей власти вслед за лидерами ряда других религиозных организаций, главным образом, протестантских, критиковал практику фактической передачи права решать судьбу инаковерующих православному духовенству. «Мусульмане России с искренним уважением относятся к Русской православной церкви, — писал он. — Но мы не можем и по закону не должны каждый случай появления новой общины, строительства мечети согласовывать с деятелями РПЦ»²⁴.

²³ Политические исследования. 2012. № 5. С. 106–122.

²⁴ Здесь и далее письмо Р. Гайнутдина цитируется по копии оригинала.

Приведя несколько примеров того, как мусульманам отказывают в регистрации их общин и препятствуют строительству мечетей под тем предлогом, что речь идет об «исконно русских территориях», Гайнутдин предупредил: подобная практика может привести к ответным действиям со стороны тех, кто живет на «исконно татарских, башкирских, балкарских, узбекских, азербайджанских, дагестанских и т.д. землях. Но на сей раз они будут направлены против русских, против православия».

Напротив, положительный пример сотрудничества государственных и религиозных структур на ниве миротворчества в начавшемся недавно XXI в. привели в статьях, опубликованных на страницах журнала «Международная жизнь», министр иностранных дел России С.В. Лавров и патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Глава дипломатического ведомства, сообщив, что Россия не собирается вставать ни на одну из сторон в «выяснении отношений» между Западом и исламским миром, высоко оценил взаимодействие с РПЦ в рамках группы стратегического видения «Россия — исламский мир» и мирового общественного форума «Диалог цивилизаций». Предстоятель церкви со своей стороны рассказал о ее работе с мусульманской общиной Ирана и налаживании диалога с такими же общинами Турции, Катара, Индонезии и других исламских стран²⁵.

Но, сказав «а», надо сказать и «б». Непременным условием сохранения и укрепления межрелигиозного и межэтнического согласия в меняющемся мире должна стать внутренняя эволюция ислама в сторону признания, наряду с собственными, сугубо религиозными, общечеловеческих ценностей. Речь идет о фактическом, если не юридическом вытеснении за рамки общественной жизни норм шариата, по примеру сегодняшнего российского Поволжья и Зауралья. Гражданское право в этом случае берет верх над религиозным, а общечеловеческие ценности становятся нормой жизни всех людей, независимо от их мировоззрения и религиозной ориентированности.

Не следует сбрасывать со счетов и возможность модификации норм мусульманского права самими последователями этой религии. Такого мнения придерживается, в частности, известный мусульманский мыслитель Абдуллахи Ахмед Ан-Наим. «Мое, как мусульманина, убеждение, — пишет он, — заключается в том, что публичное право шариата не представляет собой закон ислама, которому современные мусульмане обязаны следовать во исполнение своего религиозного долга. Будучи творением мусульманских юристов, разработавших его на протяжении первых трех веков ислама, шариат, хотя и про-

²⁵ Международная жизнь. 2011. № 2. С. 2–18.

истекает из основных священных источников этой религии: Корана и Сунны, сам по себе не является священным. Современные мусульмане вполне могут выработать альтернативное публичное право ислама, приемлемое сегодня»²⁶.

Взглядом, устремленным в будущее, переоценивают свои священные тексты и реалистически мыслящие христиане. Иллюстрацией глубины перемен, которые произошли в сознании католиков после Второго Ватиканского собора, может служить напечатанная в папской газете «Оссерваторе Романо» рецензия на опубликованную книгу члена Национального центра научных исследований Франции (парижского аналога РАН) профессора Жана-Люка Солера «Монотеистическое насилие». Рецензент — католический ученый Ален Безансон признает обоснованность противопоставления автором книги религиозной толерантности дохристианских античных цивилизаций воинствующей нетерпимости Библии, которая «дала миру модель экстремизма и нетерпимости». Ветхий завет, приводит газета слова профессора Солера, базируется на противопоставлениях: «наш бог — другие боги», «наш народ — другие народы», доходя до финального: «в наше время — во веки веков». Монотеистическое насилие иудаизма было унаследовано христианами, «которые, выйдя из состояния преследуемых, превратились в преследователей». Вывод газеты: «Человек — дурное существо, его структура повреждена грехом. Он превращает в дурных всех и все, что оказывается на его пути: богов язычества, библейского Бога, Евангелие, свет. Становясь атеистом, как на то рассчитывает Солер, человек совершает преступления во имя атеизма. Воистину, ему нужен Спаситель»²⁷.

Сходные мысли прозвучали в недавнем интервью протоиерея, профессора и одного из самых популярных православных публицистов Андрея Кураева корреспонденту Интернет-издания «Православие и мир»: «Когда я цитирую Библию, я на самом деле ее толкую, потому что выбираю именно эту цитату, а не другую. Из Иоанна Златоуста сегодня берут одну цитату про то, что “освяти свою руку пощечиной по устам богохульника”. Когда ко мне на блог заходит очередной православный, считающий, что мне незнаком текст св. Иоанна про пощечину, я в ответ просто копирую ему длинную простыню из других цитат того же Златоуста, но сказанных в другом настроении духа и имеющих противоположный смысл... Это значит, что на тебе лежит ответствен-

²⁶ Ан-Наим А.А. На пути к исламской реформации / Пер. с англ. М.: Музей и общественный центр им. А. Сахарова, 1999. С. 181–208.

²⁷ L' Osservatore Romano. 20.02.2009.

ность за то, что твоя Библия раскрывается именно на этой странице. Это не ее выбор, а твой»²⁸.

Противоположной точки зрения придерживается значительная часть иерархов РПЦ, для которых все, что происходит на Земле, предрешено или решается в тот или иной момент самим Богом. Так, митрополит Челябинский Феофан (Ашурков) откликнулся на метеоритный дождь, обрушившийся на его город в феврале 2014 г., размещением на сайте епархии обращения, в котором писал: «Из Священного Писания мы знаем, что с помощью стихийных сил Господь нередко дает людям знаки и предупреждения... Припомните, как часто вы молитесь, когда последний раз были в храме»²⁹. Подобные высказывания, не раз звучавшие из уст обскурантистов в рясах в связи с трагическими событиями, которые обрушиваются на людей сегодня, как обрушивались на них и в прошлом, общество воспринимает как глумление над пострадавшими. Глумление тем более недопустимое, когда жертвами оказываются невинные дети.

Нужно ли удивляться тому, что заметным явлением современного мира стала «имплицитная религиозность»? Один из самых известных ее исследователей доцент Центра изучения религий РГГУ Б.З. Фаликов отмечает, что в основе этого явления лежит глубинная трансформация идеи Бога в сознании людей. Творец мира «видимого всего и невидимого» все чаще осознается не как запредельное начало, а как последняя глубина человеческого «я». А если это так, то человек не обязан подчиняться структурам, позиционирующим себя в качестве посредников между Творцом и его творением. То есть человек, исповедующий Христа, осознает себя скорее христианином, чем православным, католиком или протестантом. «Это и есть внеконфессиональное христианство. Отрицательное отношение лидеров христианских и других организованных религиозных институций понятно и естественно: кому хочется терять свою паству?»³⁰.

Сколь отрицательным ни было бы отношение организованных религиозных институций к аутсайдерам (а часто и друг к другу), люди, в том числе мало знакомые или даже совсем не знакомые со священными текстами различных религий, прежде всего монотеистических, сознательно или неосознанно признают необходимость соблюдения тех по существу общечеловеческих норм морали, которые выражены в десяти заповедях

²⁸ Протоиерей Андрей Кураев: Богословие любви и богословие ненависти // Pravmir.ru — Православие и мир (<http://www.pravmir.ru/bogoslovie-lyubvi-i-bogoslovie-nenavisti/>).

²⁹ Цит. по: НГ-религии. 20.02.2013.

³⁰ НГ-Религии. 06.06.2012.

Божьих. Об этом свидетельствуют опубликованные в феврале 2013 г. результаты всероссийского репрезентативного опроса, проведенного в 2012 г. исследовательской службой «Среда». Соблюдать все 10 заповедей готово лишь абсолютное меньшинство респондентов. Только 6% соблюдают семь и более заповедей. Не работают и посвящают духовной жизни «день субботний», или просто один день в неделю, лишь 4% опрошенных, и это понятно: позволить себе сделать перерыв в работе при нынешнем материальном уровне жизни могут далеко не все. Зато 57% россиян верят в Бога и 54% «с почтением относятся к родителям»³¹.

Комментируя эти данные, председатель синодального отдела по взаимоотношениям церкви и общества протоиерей Всеволод Чаплин сказал, что ожидал худшего: «Люди соблюдают Божии заповеди, даже, может быть, и не зная подробно их текста. Это говорит о том, что в народе есть внутренняя религиозность, которая была впитана через воспитание многих поколений, и даже советское богоборчество не смогло истребить этой религиозности. Люди знают, как нужно поступать и как не нужно. Они мыслят и действуют отлично от того, что им навязывает современная массовая культура, идеология материального преуспеяния любой ценой, эгоизма и т.д.»³². Поддерживая известного церковного деятеля в этом вопросе, мы не можем, однако, согласиться с другими его же высказываниями. Такими, как утверждение, что православное сознание не верит в социальный прогресс, что православной цивилизации видятся искусственными и чуждыми любые учения, говорящие о правильности политической и экономической конкуренции, а характерной чертой православного мира является тяга к персонифицированной власти потому-де, что «царь может то, чего не может простой смертный»³³.

Учитывая место, занимаемое выразителями подобных взглядов на ступенях церковной иерархии, становится ясно, насколько важно сохранить нынешний светский характер нашего, как и других современных государств, и не допустить отката назад, в мрачное средневековье и последовавшее за ним царское самодержавие (вспомним хотя бы ответ 30-летнего Николая II на вопрос о его профессии во время всероссийской переписи 1897 г.: «Хозяин земли русской»). В отличие от самодержавия правовое государство должно гарантировать гражданские права и свободу мировоззренческого и вероисповедного вы-

³¹ Исследовательская служба «Среда». Аналитический доклад за декабрь 2012.

³² Десять заповедей / Среда. Исследовательская служба (<http://sreda.org/opros/53-kak-soblyudayutsya-v-rossii-desyat-zapovedey>).

³³ *Chaplin V.* Stato secolare, appartenenza religiosa e legge: una prospettiva cristiano-ortodossa // *Laicità` dello stato, appartenenze religiose e ordinamento giuridico.* Lugano, 2008. P. 76, 78, 79, 82. (Цитаты из доклада выверены по его русскому оригиналу.)

бора своих. Этой теме посвятил свою последнюю монографию доктор юридических наук, профессор РГГУ и главный редактор журнала «Религия и право» А.В. Пчелинцев. Он с сожалением констатирует, что в православной традиции присутствуют идеи приоритета частного над общим, неоднозначно оценивается идея прав человека³⁴.

С ним согласен доктор исторических наук профессор В.П. Лукин, до февраля 2014 г. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Отвечая на вопрос корреспондента религиоведческого приложения к «Независимой газете» о том, как заповедь «Богу — богово, кесарю — кесарево» соотносится с лозунгом «симфонии» церкви (разумеется, православной) и государства, он сказал: «Сходство — это, если кто-то его и видит, чисто формальное. Эта заповедь действенна в клерикальном государстве, где... вероучение через государственные законы является правовым регулятором государственной, церковной и человеческой жизни. В светском государстве государственная церковь, как и всякая иная религиозная организация, теряет функцию правового регулятора... И если можно употреблять термин “симфония”, то он... должен распространяться на отношения государства со всем гражданским обществом»³⁵. Прекрасный совет человека, которому дорого сформулированное в Конституции России иными, современными словами «золотое правило» Христа: «Поступайте с другими людьми так, как хотите, чтобы они поступали с вами» (Мф. 7:12).

Что касается автора этой главы, он хотел бы завершить ее высказыванием однокурсника по учебе в институте члена-корреспондента РАН (и своего тезки) Анатолия Андреевича Громыко: «Ученые, конечно, не провидцы и не оракулы. Они не претендуют на то, что их советы являются истиной в последней инстанции. Но их голос должен быть услышан, их мнение должно учитываться. Проведение внешней (добавлю от себя: и внутренней. — А.К.) политики — прерогатива людей, стоящих у власти. Однако последние нередко демонстрируют вредную для правильных действий привычку — спешат, не задумываясь о последствиях»³⁶. Не примеряя на себя роль толкователей религиозных догм, мы обязаны предостерегать государственных руководителей от ошибок, которые сказываются на судьбах всех людей, независимо от приверженности тому или иному мировоззрению.

³⁴ Пчелинцев А.В. Свобода вероисповедания и деятельность религиозных объединений в Российской Федерации. Конституционно-правовые основы. М.: Юриспруденция, 2012. С. 10.

³⁵ НГ-Религии. 16.01.2013.

³⁶ Громыко А.А. Вызовы XXI века и Организация Объединенных Наций. М.: ЛЕ-ЛАНД, 2012. С. 66.

Глава 26

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ЕВРОПЫ

Государства нашего континента можно разделить как по географическим, так и по социально-политическим и экономическим признакам на три группы. В первую следует отнести страны, ставшие членами Евросоюза до конца 90-х годов XX в. Во вторую — новичков ЕС из числа стран бывшего социалистического лагеря. В третью — государства, входившие ранее в состав СССР. Естественно, что партийно-политические системы в названных группах эволюционировали, прежде всего, под влиянием страновой и региональной специфики новейшей истории. На все это наложили свой отпечаток процессы общекионтинентального и глобального плана.

Партии в старом и новом формате

Сформировавшийся к концу XX столетия «социализированный капитализм», олицетворяющий триединство социальной рыночной экономики, социального государства и социально-политического партнерства, действовал в рамках национального государства. Однако к началу нового века в результате разновекторных глобализационных процессов и трудностей, переживаемых Евросоюзом, ситуация стала меняться.

Ограниченность партийных механизмов управления финансовой, экономической, экологической и социальной сферами сделала неизбежными назначения на высшие государственные должности экспертов, не связанных с политическими партиями. Координационные встречи лидеров партий подменялись совещательными процедурами на надгосударственном уровне. Обязательная составная часть политического процесса — конфликтный характер взаимоотношений властей и значительных групп населения.

Характерной особенностью деградации устоявшихся политических конструкций стал четко обозначившийся сбой партийных координат. Их основным элементом изначально было деление на правых и левых с добавлением центризма. Правда, и сегодня соответствующие игроки на политическом поле прибегают к привычной самоидентификации. Однако в реальности она осталась главным образом в их идейно-программном багаже, все меньше характеризую реальный политический курс основных субъектов партийного пространства.

Этот курс размежевывает ведущие политические силы Старого Света по двум основным направлениям. Первое охватывает партии, ищущие разными путями выход из кризисной ситуации, совершенствуя систему интеграционных и глобализационных отношений. Этими *просистемными партиями* являются консерваторы, демохристиане и либералы. Рядом с ними — весь европейский спектр социал-демократии, вне зависимости от ее географических ареалов.

Отчасти их поддерживают экологисты, большинство которых тем не менее можно отнести к *партиям антисистемным*. В их лагере разброс идейно-политических критериев еще более явный. Здесь и радикал-социалисты — совокупность партий, состоящих из бывших коммунистов и социал-демократов, недовольных нынешним демонтажем социального государства. Одно из важных звеньев «антисистемной силы» образуют радикал-националисты, не приемлющие иммиграционного компонента современной европейской жизни, порожденного, по их мнению, чересчур поспешной интеграцией Европы и ее вовлеченностью в глобализированный мир. Корень зла в интеграции видят также сепаратистские партии, резко критикующие региональную политику Евросоюза и зачастую усматривающие путь сохранения своей самобытности в новом переделе своих национальных государств.

В складывающейся ситуации утрачивает прежнюю политическую значимость термин «центризм» как выражение промежуточной сути соответствующих партий. Добавление к этому термину приставки «право-» или «лево-» нередко может означать лишь ту или иную слабо выраженную склонность к принятию компромиссных политических решений. Постоянно оставаться в этих рамках не позволяет быстро меняющаяся социально-экономическая и внешнеполитическая конъюнктура. Поэтому политическим выражением «центризма» становится самоустранение соответствующих партий от управления в острых кризисных ситуациях, привлечение к нему беспартийных менеджеров, создание временных коалиционных союзов на зыбкой компромиссной основе. В отдельных случаях правительства, образованные на подобной основе, могут включать в себя не только «системные» партии,

но и некоторых из их антагонистов. Но этот вариант отправления власти возможен лишь как паллиативное решение — при неустойчивом парламентском большинстве системных партий.

Деградация партийной системы хотя и получила существенный импульс в годы нынешнего кризиса, усиливается тенденциями, обозначенными еще на рубеже XX—XXI вв. Это сокращение численности политических партий, утрата ими влияния на организации профессионального, возрастного и гендерного склада. Ослабевает популярность партийной прессы, тают партийные источники пополнения финансовой базы. Участились коррупционные скандалы. Многие из них подрывают авторитет традиционных партий, ибо в них нередко замешаны люди, близкие к партийной верхушке.

Уходит в небытие и престиж некогда могучих межпартийных объединений глобального масштаба, например Социнтерна. Организации межевропейского партийного сотрудничества пока не стали их заменой. Практика работы Европарламента свидетельствует, что значительная часть принимаемых им решений определяется не по партийному, а по страновому принципу.

Поскольку кризисные процессы, присущие евроинтеграционному строительству, не порождают пока устойчивых форм противодействия, партийный дискурс не открывает осязаемых перспектив грядущего выздоровления.

В сложившейся ситуации политические партии Евросоюза еще долго будут находиться в тисках двух сил. Одна из них — авторитарный глобальный неокорпоративизм, который все активнее берет на себя функцию всемирного регулятора финансовых, экономических, социальных процессов. Другая — напиральная снизу сила, состоящая из массовых непартийных движений и пытающаяся бороться с неокорпоративизмом вне рамок традиционных политических институтов.

В этих условиях есть все основания полагать, что в ближайшем будущем политические партии Евросоюза при всей их склонности к маневрированию будут в состоянии выступать в роли лишь советников или в лучшем случае посредников в ходе острых внутренних и внешнеполитических конфликтов.

Экспоненты правой политической культуры

Дефиниция «просистемные партии» отнюдь не тождественна унификации политического пространства.

Правую политическую культуру в странах Евросоюза ныне представляют главным образом три течения: консерваторы, политические клерикалы и либералы. Два из них — консерваторы и политические клерикалы — в большинстве своем являются членами единой фракции парламента ЕС, именующей себя «Европейской народной партией».

Исторически эволюционируют и сподвижники-соперники европейских «народников» по правому лагерю — либералы. Если в XIX в. либерализм дал решающий импульс к проведению реформ как в системе политической власти, так и в социально-экономической сфере, то в XX в. он постепенно утрачивал свои новаторские функции. Сдвиги в социальной структуре постиндустриального общества сузили границы традиционного городского среднего класса и фермерства — электорального резервуара либералов. После 1945 г. либералы в лучшем случае могли претендовать на место «младших партнеров» в правительственных коалициях с «народными партиями», а в отдельных случаях и с социал-демократами. К концу минувшего тысячелетия они играли более или менее заметную роль лишь в малых странах Европы — в Скандинавии и зоне Бенилюкса. Они оказались на вторых, а то и на третьих ролях в Германии, во Франции, в Италии, Великобритании. Партии либерального толка не смогли закрепиться ни в политической жизни стран, освободившихся в 70-е годы XX в. от авторитарных режимов (Испания, Португалия, Греция), ни в большинстве восточноевропейских государств бывшего «реального социализма».

В последние двадцать лет либеральная фракция Европейского парламента уступала по своей численности в депутатском корпусе более чем в два с половиной раза «народникам» и вдвое социал-демократам. Отчасти это можно объяснить тем, что идеи, исходившие из либерального лагеря Европы, перестали выглядеть более прогрессивными (в смысле углубления интеграционных процессов), чем те, что проповедовали «народники» и социал-демократы. Более того, некоторые потерпевшие неудачу начинания в рамках Евросоюза были инициированы именно европейскими либералами. Проваленная во Франции и Нидерландах Конституция ЕС создавалась под руководством «духовного отца» европейского либерализма В. Жискара д'Эстена. Такая же судьба постигла и «директиву Балкенстайна», автор которой, известный нидерландский либеральный деятель, предлагал новым членам Евросоюза из стран Восточной и Юго-Восточной Европы пользоваться европейским рынком труда вне сложившихся в нем правил социальной защиты наемных работников.

Политклерикальная часть правого лагеря также не сумела отразить свои взгляды в важнейших документах ЕС начала XXI в. Так, из уже

упоминавшегося проекта Конституции ЕС было исключено положение о «христианских ценностях» Европы. Не вошел этот тезис и в новый вариант документа ЕС конституционного характера — Лиссабонский договор (декабрь 2007 г.). В целом же христианская демократия как политическая сила все больше испытывает на себе ослабление влияния церкви на массы.

Можно предположить, что в XXI в. функционирование правой политической культуры и соответствующих ее основополагающим принципам политических партий обретут иные масштабы. Если в течение более двухсот лет, прошедших со времен Великой французской революции, правый спектр европейской политики мыслил прежде всего категориями национальных государств и лишь в самом конце XX в. вышел на стезю общеевропейского пространства, то в ближайшие годы правым придется иметь дело с задачами глобального развития. Вопросы мировой торговли и глобальной экономики, нехватки энергоресурсов, изменения климата, массивных иммиграционных потоков и еще добрый десяток проблем потребуют формирования новой модели политического поведения. Возможно, она останется неоконсервативной по своей сути, однако, должна будет учитывать непрямую линию общественных процессов, необходимость коррекций, учитывающих доктрины, сформировавшиеся в других политических лагерях. По-новому могут прозвучать в ней и тема межконфессиональных отношений, и сюжеты поиска консенсуса с развивающимися странами.

На повестке дня партий этого спектра остро стоит и поиск общего знаменателя с единомышленниками из новых членов Евросоюза. Уже сейчас становится очевидным: разнородная европейская интеграция начинает пробуксовывать в своих поисках социально-экономических программ, взаимоприемлемых для различных групп европейских государств. И здесь даже наличие общих фракций у консерваторов и либералов отнюдь не является панацеей от острых конфликтов между партиями запада и востока Европы, находящимися под одной крышей. Да и у их единомышленников, объединенных в соответствующие фракции Европарламента, нередки случаи несовпадения страновых интересов, когда легче найти хотя бы временных попутчиков в лагере социал-демократов, чем в собственных рядах.

В целом правая политическая культура, развивающаяся и в национальном, и в континентальном, и в глобальном измерениях, неизбежно аккумулирует в себе ценностные установки иного политического формата.

Антикризисная стратегия и тактика консервативно-либерального лагеря

Партии этого типа пока доминируют как во властных структурах Европейского Союза, так и во многих странах ЕС. В Испании единолично правят консерваторы. В Португалии премьер-министр также консерватор. В Великобритании и Германии они доминируют в двухпартийных правительствах. Они на первых ролях в правительствах Нидерландов, Финляндии, Люксембурга и Ирландии. Во Франции и в Италии консерваторы также на протяжении нескольких лет (до середины 2012 г.) пребывали у власти, в первом случае — в одиночку, а во втором — сотрудничая с местными национал-сепаратистами.

Поскольку финансово-экономический кризис, начавшийся осенью 2008 г., продолжается в преобразенной форме, партии правой политической культуры оказались перед острой необходимостью срочного поиска путей выхода из неблагоприятной ситуации: в одних случаях — ослабления темпов экономического роста, в других — возрастающей рецессии, в третьих — реальной угрозы полного краха.

В первой фазе кризиса основной заботой властей была санация банковской системы. Затем на повестку дня встал вопрос о спасении зоны евро (см. главу 13).

Национальные варианты антикризисной стратегии естественно не были тождественны. В Германии правительство осуществляло меры по стимулированию внутреннего спроса, занятости, регулированию уровня заработной платы, развитию социальной политики.

Французское правительство делало упор на средства государственного дирижизма, создавая специальные государственные структуры по контролю над распределением бюджетных средств отраслям экономики, наиболее подверженным кризисным явлениям. Социальная часть осуществлявшегося им плана предполагала поддержку малоимущих слоев населения, главным образом безработных. Важным адресатом этих усилий был малый и средний бизнес, которому особо угрожал нагрянувший кризис.

Подход консервативных лидеров Германии и Франции к решению внутренних проблем, в том числе понимание ими того, что кризис не может быть преодолен лишь в рамках их государств, подвиг их к выработке плана спасения экономик стран южного фланга ЕС, прежде всего Греции. Именно они (тогда в лице А. Меркель и Н. Саркози), при всех различиях в подходах к ряду конкретных вопросов помощи Греции, выступили в роли инициаторов срочного спасения самого сла-

блого звена зоны евро путем установления жесткого контроля внешних кредиторов над греческими финансами.

Третий «гигант» Европейского Союза — Великобритания — выглядела на общем фоне сравнительно благополучно. Первоначально кризис лишь поверхностно прошелся по ее основным социально-экономическим показателям. Тем не менее власти не могли не учитывать пусть только наметившиеся, но все же очевидные негативные тенденции: увеличение бюджетного дефицита, замедление роста ВВП, повышение численности безработных. В этих условиях правительство консерваторов и либерал-демократов, возглавляемое Д. Кэмероном, разработало и частично осуществило план преодоления кризиса путем сочетания жесткой финансовой и мягкой монетарной политики. Последняя обладала тем преимуществом, что Великобритания, в отличие от большинства других стран ЕС, не была напрямую связана с негативными процессами в зоне евро.

Предписанный властью режим жесткой экономии предполагал как сокращение занятости в ряде отраслей промышленного производства и в государственном секторе, так и замораживание зарплат. Вместе с тем был взят курс на снижение налоговой нагрузки на крупный бизнес, на усиление мер стимулирования малого и среднего бизнеса. Решить проблему занятости правительство намеревалось, усилив финансирование системы профессионального обучения. Принятый курс имел и очевидные асоциальные черты, прежде всего в том, что касалось уровня жизни пенсионеров, семей, получавших детские пособия, безработных.

Решая таким способом текущие проблемы, правительство Кэмерона оправдывало свою политику тем, что она в полной мере вписывается в стратегический курс на модернизацию экономики. При этом делался упор на то, что принятая правительством «программа роста» (2011) предполагала сокращение роли государства в хозяйственной жизни, меры по стимулированию частного сектора и повсеместную реализацию технологического прорыва. Ряд конкретных положений направлен на стимулирование инновационного развития.

Сложился в это время и консервативно-либеральный скандинавский вариант преодоления кризиса. Одна из его главных особенностей — вынужденная необходимость в той или иной мере, но считаться с укоренившейся в этом регионе разветвленной системой «социального государства».

Так, находившаяся у власти в Швеции (до осени 2014 г.) коалиция консерваторов, либералов и христианских демократов попыталась сбалансировать свою ориентацию на национальный бизнес со став-

шим привычным материальным положением остальной, подавляющей части шведского общества. В рамках этой системы британский вариант решения проблем безработицы (уменьшения пособий при государственном стимулировании системы профобразования) сочетался с увеличением пособий многодетным семьям и снижением налогов на пенсии. Одновременно шведское правительство потребовало от профсоюзов повысить взносы в фонд поддержки безработных.

В Дании в 2008–2011 гг. либералами и консерваторами был реализован план, основной упор в котором сделан на стимулировании бизнес-сообщества. В определенных пределах партии правой политической культуры, заправлявшие в датском правительстве, затронули и некоторые элементы «социального государства», заморозив семейные пособия и пойдя на сокращение пособий по безработице и расходов на поддержку малоимущих.

Те же тенденции были характерны для консервативно-либеральных политических сил, правящих в других малых странах Евросоюза, в частности, в Нидерландах и Люксембурге.

В Италии в годы правления коалиции партии Берлускони «Народ свободы» и национал-сепаратистов из Лиги Севера политика экономии, в основном проводившаяся путем урезания социальных расходов, была дополнена энергичной спекуляцией на проблемах иммиграции. Население всячески убеждали, что приток в страну иностранной рабочей силы не только подрывает занятость коренного населения, но и наносит ущерб социальной системе страны, не способной нести расходы на субсидии, социальную помощь, образование и медицинское обслуживание пришлых. Отсюда следовал тезис, что лучшее средство борьбы с кризисом — полное прекращение иммиграции. В конечном итоге неспособность справиться с кризисными процессами стоила консервативным силам Италии власти.

Четверка наиболее слабых звеньев ЕС — Греция, Испания, Португалия и Ирландия — оказалась вплоть до 2014 г. практически в полной зависимости от указаний руководящих органов Евросоюза.

Первые шаги в процессе подчинения национальных экономик этих стран директивам наднациональных структур — Еврокомиссии, Европейского центрального банка и Международного валютного фонда — сделали еще предшественники консервативных сил в этих странах, некогда влиятельные партии социалистов. Сменившим их силам правой политической культуры выполнять указания из Брюсселя было сподручнее, поскольку руководство органов, названных выше, по своим идеологическим позициям исходило из тех же представлений о путях преодоления кризиса.

Поскольку в коалиционное правительство Греции по рекомендации извне вошли не только консерваторы из «Новой демократии», но и социалисты из ПАСОК, то выделить чисто консервативный компонент в политике урезания зарплат, свертывания социальных расходов, массовых сокращений рабочих и служащих, всего комплекса мер по «оздоровлению» экономики и бюджета сложно. Коалиционные силы связаны здесь не только взаимными обязательствами в рамках единого правительства, но и предписаниями извне.

В Ирландии консерваторы и лейбористы, действовавшие в условиях диктата ЕС и МВФ, предоставивших стране помощь еще в 2010 г., изменяли структуру бюджетных расходов путем частичной приватизации государственного имущества и сокращения социальных статей бюджета.

Более прозрачен антикризисный курс консерваторов из Народной партии (Испания), коалиции португальских консерваторов (СДП) и христианских демократов (НП). При этом правительство Португалии связано финансовой поддержкой, запрошенной в 2011 г. на исходе правления социалистов.

Особенностью португальского варианта поиска выхода из кризисной ситуации стала широкая программа приватизации государственных предприятий. Одновременно были сокращены взносы предпринимателей в фонд социального обеспечения, снижены налоги на бизнес, произведена либерализация цен на электричество, передан в частные руки ряд крупных общенациональных банков и повышен налог на добавленную стоимость. Произошла также приватизация сферы образования и медицинского обслуживания, урезаны пенсии ряду категорий граждан. В интересах работодателей упрощена процедура увольнения и сокращения штатных единиц в частном и государственном секторах. Одновременно сокращены пособия по безработице, уменьшены выходные пособия при увольнении.

Португальский вариант выхода из кризиса, правда, без формальной зависимости от рекомендаций кредиторов, осуществлялся и в Испании. Придя к власти в ноябре 2011 г., Народная партия (лидер — премьер-министр М. Рахой) четко обозначила свои приоритеты. Предпринимательским кругам обещана «налоговая амнистия» и меры по стимулированию. Другой стороне социального дискурса были уготованы тяжелые времена. Предстоит повышение возраста выхода на пенсию. Наемным работникам грозит замораживание заработной платы, безработным — сокращение пособий. Платными должны стать почти все медицинские услуги. Ожидается сокращение государственной поддержки обычных школ, зато будут увеличены дотации частным

учебным заведениям. Меньшим, чем прежде, станет государственное финансирование вузов.

Особое место в антикризисных мероприятиях Народной партии занимает реформа рынка труда. Помимо уже указанного сокращения выходного пособия предполагается пересмотреть систему заключения коллективных договоров. Индивидуализирована оплата труда. Молодежь, приходящая на производство, может рассчитывать лишь на контракт с испытательным сроком в один год. Новый трудовой кодекс существенно расширил перечень причин для увольнения.

Окончательные выводы о долгосрочной эффективности описанных выше стратегии и тактики пока делать рано. Тем не менее, их первые итоги очевидны. Налицо как объективные, так и субъективные факторы, определяющие курс партий правого лагеря. К первым, безусловно, относится системный характер кризиса, на который оказывает существенное воздействие глобализация мировой экономики. Очевидно и то, что изначальная разноплановость хозяйственного организма, разнотемпное движение экономики государств — членов ЕС создали объективные условия для развития деструктивных финансово-экономических и социальных процессов. Руководство Евросоюза оказалось не готово к такому повороту событий и не имело превентивной программы действий на случай кризиса. Паллиативный вариант, применяемый нынешними «спасателями», никак не может заменить такую структуру управления ЕС, которая бы обладала, в отличие от Еврокомиссии, широкими регулирующими и контрольными полномочиями.

Среди субъективных факторов воздействия на курс правых сил следует назвать прежде всего неоднородность национальных политических культур. Относительное благополучие «экономических грандов» ЕС (Германия, Франция, Великобритания) и его некоторых «малых членов» (Швеция, Нидерланды, Дания, Австрия, Люксембург) базировалось на укоренившейся системе социально-политического партнерства, в рамках которого решались, с большей или меньшей долей согласия, основные проблемы экономического роста. В рамках этой же системы без особых сбоев работал механизм коалиционного сотрудничества как социально-родственных правых сил, так и ее социал-демократической составляющей.

По-иному складывались аналогичные «партнерские» отношения в странах южного фланга Евросоюза. Они, как правило, имели устойчиво-конфликтный характер, что с неизбежностью приводило к спонтанным формам сопротивления в виде массовых демонстраций протеста, общеотраслевых и даже общенациональных забастовок.

«Коалиция выживания» складывалась в них с трудом, да и то под нажимом всемогущих спонсоров-кредиторов, как, например, в Италии и особенно в Греции.

Разумеется, и первая группа стран не застрахована от конфликтов, порой весьма острых. Однако пока эти конфликты как в верхах, так и в низах не выходили за рамки «семейной ссоры», ограничиваясь порой болезненной корректировкой позиций. Примером могут служить разногласия относительно объема и форм оказания помощи Греции или постоянный спор консерваторов, лейбористов и либералов Великобритании о роли и месте страны в Евросоюзе.

Ключевым вопросом в выработке консервативно-либеральной антикризисной стратегии и тактики все еще является поиск оптимального варианта преодоления бюджетного дефицита и государственной задолженности на основе новой модели экономического роста. При этом социальная политика обречена либо на стагнацию в относительно благополучных государствах, либо на явную деградацию в странах южного фланга. Здесь на ключевые позиции все активнее выдвигается дирижистский подход, когда само государство, определяет ближайшие и перспективные шаги по регулированию хозяйственного организма. Естественно, не забыты и методы монетаристского неолиберализма.

Впрочем, социальная ориентация политических партий правой направленности осталась неизменной. Крупный бизнес получает налоговые льготы для дальнейшего развития, мелкий и средний — поддерживается на плаву в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры. Повсеместная приватизация в который раз подтверждает социальную ориентацию правых на частных собственников. В электоральном плане правые обычно рассчитывают на деньги крупного капитала и на голоса тех, кто получает прибыль. Тем, кто болезненно ущемлен кризисом, предлагают потерпеть до лучших времен. Необходимость такого курса обосновывают тем, что без стимулирования экономики нельзя ожидать положительных сдвигов в социальной политике.

Очевидно, что реформирование хозяйственной сферы стран — членов Евросоюза в нынешних сложных условиях — процесс болезненный, требующий жертв. Вопрос лишь в том, какие категории населения понесут при этом наибольший ущерб, насколько оправданы их потери, обусловленные антикризисным курсом правых. Ответ на него дал на последних (май 2014 г.) выборах в Европарламент западноевропейский электорат. В 14 из 15 стран — членов ЕС Западной Европы консерваторы потерпели серьезные поражения. Либералы также лишились поддержки населения в таких странах, как Германия, Великобритания, Дания, Швеция, Люксембург. В целом, представительство

этих партий в Европарламенте сократилось на 10%. Таким образом, прослеживается непосредственная связь между их антикризисной политикой и отношением к ним основных категорий избирателей.

Социал-демократия в зоне политической турбулентности

В начале XXI в. у большинства западноевропейских социал-демократических партий обозначились явные признаки электоральных потерь и ослабления позиций в системе исполнительной власти.

К осени 2014 г., не вступая в коалиции, находились у власти лишь французские социалисты. В четырех государствах (Австрия, Италия, Швеция и Дания) социал-демократы и социалисты возглавляли коалиционные кабинеты. Во всех остальных странах Евросоюза они либо выступали в роли младших партнеров консерваторов и либералов, либо пребывали в оппозиционной изоляции.

Первые признаки такого развития стали заметны еще во время предыдущих выборов в Европейский парламент (июнь 2009 г.). На них социал-демократы проиграли консерваторам и демохристианам в 12 из 15 стран — старожилов Евросоюза. Им удалось собрать всего лишь 24% голосов во всем ЕС, в то время как результат их традиционных политических противников составил 36%.

После выборов в Европарламент в мае 2014 г. за счет резкого падения влияния консерваторов разрыв несколько сократился. Однако в целом социал-демократы смогли заручиться поддержкой лишь 20% западноевропейских избирателей.

Для объективной оценки этих результатов имеет смысл обратиться к ситуации не столь уж и давнего прошлого.

После окончания Второй мировой войны социал-демократия последовательно укрепляла свои политические позиции, активно защищая материальные интересы малообеспеченных слоев населения и наращивая связи с профсоюзным движением. В 60–70-е годы XX в. ее главным политическим аргументом стала ориентация на создание «социального государства» — системы гарантий для лиц наемного физического труда, служащих, студентов, пенсионеров. В нем социал-демократы видели стержневой элемент властной структуры, способной обеспечить защиту интересов своего электората в рамках переговорного процесса с политическими представителями различных фракций частных собственников (демохристианами, консерваторами, либералами).

Немалую роль в деле укрепления социал-демократических позиций сыграл вклад социал-демократов в процесс европейской и меж-

дународной разрядки, их усилия по локализации взрывоопасных конфликтов в странах Азии, Африки и Латинской Америки. Последовательно вели себя социал-демократы в отношениях с коммунистическим сегментом рабочего движения, вступив на путь диалога и даже краткосрочного сотрудничества с коммунистами во Франции, Финляндии, Италии, Португалии. С другой стороны, они никогда не признавали приемлемыми и оправданными нарушения норм демократии в СССР и в других странах «социалистического содружества».

Самоликвидация системы «реального социализма», смена знаковых ориентиров в международных делах, комплекс проблем, порожденных глобализацией — все это потребовало от социал-демократии поиска новых решений, способных не только сохранить, но и приумножить их влияние в европейском электорате. В 1990-е гг. это отчасти удалось не только благодаря инерции прошлых заслуг, но и за счет гибкой реакции на крах «реального социализма», позитивного вклада социал-демократии в становление Евросоюза и умелых шагов по регулированию тогда еще здоровой экономики стран — членов ЕС.

Однако события рубежа XX–XXI вв. показали, что социал-демократия начинает пробуксовывать в том, что касается основных направлений внешней, внутренней и общеевропейской политики. Они явно не набрали очков в результате «миротворческих» усилий на территории бывшей Югославии. Бомбежки Белграда и других сербских городов пришлось на время, когда большинство правительств стран — членов НАТО возглавляли социал-демократы. Бойня в боснийской Сребренице произошла при бездействии миротворцев из Нидерландов, где у власти тогда были социал-демократы. Одним из «соавторов» усилий Дж. Буша по вторжению в Ирак стал лейбористский премьер Великобритании Тони Блэр.

Социал-демократы были оттеснены на вторые роли и в ходе дальнейшего становления Евросоюза. Его в конечном счете возглавили демохристиане, консерваторы и либералы. Невнятны позиции социал-демократов в Европарламенте. Ни Социнтерн, ни его европейский аналог — Партия европейских социалистов — не дали убедительного толкования процессов, происходящих в Европе и мире.

Внешне социал-демократы осуществили «перезагрузку» своего идейного багажа, приняв на вооружение доктрину «нового социализма». Однако ее содержание изложено в предельно общей форме. Ситуацию не изменили ни «Манифест» социал-демократов, обнародованный в канун выборов в Европарламент в 2009 г., ни последовавшие резолюции Социнтерна. Вряд ли можно воспринять в качестве «новации» свойственное им неумеренное обращение к слову «более»:

более справедливое, более безопасное общество, более тесное сотрудничество в Европе, более активные меры в экономике. Рекомендации социал-демократии ограничились разнообразными формами должностования: «можем», «намерены», «будем».

В дальнейшем в Манифесте к последним выборам в Европарламент в 2014 г. социал-демократы вообще отказались от какого-либо идеологического оформления данного документа, предложив избирателю набор мер сугубо прагматического характера.

Сегодняшний социал-демократы Западной Европы оказались в достаточно сложном положении. С одной стороны, на них давят политические соперники-партнеры справа, предлагая такие средства оздоровления экономики, которые, по сути, не совместимы с традиционной социальной ориентацией социал-демократии. С другой — социал-демократов как севера, так и юга Европы подпирают слева радикально-социалистические партии, требующие реальной защиты малоимущих. Как свидетельствует пример Греции, при определенных обстоятельствах они способны оттеснить социалистов на обочину политического пространства. На выборах в Европарламент в мае 2014 г. левая партия СИРИЗА получила 32,6% голосов избирателей, а социалистическая ПАСОК лишь 14,6%. Социалисты Испании (ИСРП) потеряли 15,5%, а блок испанских левых социалистов приобрел 6,3%. Социалисты Франции (ФСП) утратили около 3% голосов, часть из которых отошла к посткоммунистам и левым социалистам.

Социал-демократия испытывает давление радикальных националистов, пытающихся, используя кризисную ситуацию, выступить в роли главных защитников «социального государства», необходимого, по их мнению, для малоимущих граждан коренной национальности.

Речь, разумеется, не идет об исчезновении социал-демократии как важнейшего сегмента партийного спектра Старого Света. Как показывает практика, окончательно теряют политический вес лишь те силы, которые утрачивают свою социальную базу и приемлемый для нее главный ориентир. Социал-демократы в странах Старого Света будут существовать до тех пор, пока в них есть многочисленные социальные группы, люди, нуждающиеся в их поддержке, пусть непоследовательной, но тем не менее существенно отличающейся от того, что предлагают и делают другие политические силы.

Сепаратисты в наступлении

В ряду актуальных тем международной жизни 2012–2014 гг. следует выделить оживление сепаратистских настроений. Представители этого

сегмента партийного пространства добились заметных успехов на выборах в местные органы власти испанской Каталонии (ноябрь 2012 г.) и бельгийской Фландрии (октябрь 2012 г.). Лидеры шотландских сепаратистов, одержав победу на местных выборах в мае 2011 г., вынудили Лондон вступить в переговоры о проведении референдума по вопросу о независимости этой части Соединенного Королевства. В Италии после падения кабинета С. Берлускони партнер в бывшей правящей коалиции — сепаратистская «Лига Севера» — вновь завела разговор о нежизнеспособности унитарного государства. В ноябре 2011 г. «Лига» потребовала учреждения «парламента Севера» с широкими административными полномочиями. Определенный импульс сепаратистским силам в Западной Европе придали события на Украине, отделение от нее Крыма и гражданская война в ее юго-восточной части.

Хотя политическое представительство сепаратистских сил в целом мозаично, в их массе можно выделить ряд крупных региональных партий, превосходящих по влиянию местные отделения партий общенациональных. В Каталонии это объединение «Конвергенция и Союз», чей лидер А. Мас занимает пост председателя правительства автономии. В Шотландии во главе региональной исполнительной власти стоял (до октября 2014 г.) А. Сэлмонд, лидер Шотландской национальной партии. В бельгийской Фландрии сепаратистская партия «Новый фламандский альянс» получила на парламентских выборах 2014 г. более 33% голосов. Ее руководитель, бургомистр Антверпена Б. де Вевер претендовал на пост премьер-министра. В органах законодательной и исполнительной власти Северной Ирландии весомо представлена партия Шинн Фейн, по-прежнему ориентирующаяся на отделение от Великобритании и воссоединение с Ирландией. Уже упомянутая «Лига Севера» уверенно держит пальму первенства в местных органах власти этой части Италии. Сепаратисты Северной Ирландии, Шотландии, Каталонии, Страны Басков, Севера Италии получили в Европарламенте нового созыва около 20 депутатских мандатов.

Сепаратисты широко представлены в национальных парламентах названных выше государств. При этом для их представительства характерна тенденция к увеличению. На выборах в испанские Генеральные кортесы 2011 г. впервые депутатские мандаты получили представители коалиции баскских сепаратистов «Амайур».

Всплеск активности сепаратистов можно рассматривать с точки зрения внутривнутриполитической ситуации в соответствующих государствах. Однако специфические страновые нюансы нельзя отделить и от общей социально-экономической и финансовой нестабильности в Евросоюзе. Нельзя сбрасывать со счетов и глубинные исторические корни такого внутренне противоречивого явления, как европейский сепаратизм.

Сепаратизм в ряде государств Старого Света исторически порожден конфликтом этнических, конфессиональных, культурно-обособленных меньшинств с политикой, ограничивавшей их права. Накладывая эту кальку на ситуацию в Великобритании, нетрудно увидеть, что шотландский сепаратизм во многом проистекает из существования некогда на территории нынешней Великобритании (до объединения в 1707 г.) двух независимых государств — английского и шотландского. Многие шотландцы до сих пор не могут смириться с тем, что длительное время являются младшим и во многом, с их точки зрения, ущемленным партнером. Дополнительным стимулом сепаратизма послужило открытие в конце 70-х годов XX в. на шотландском шельфе нефти и газа и нежелание националистов делиться поступающими от этого доходами с остальной Великобританией.

Иная причина питает североирландский сепаратизм. В его основе лежит возникшее после образования Ирландской республики стремление католиков северной части острова объединиться с ней.

В Испании пребыванием в едином государстве недовольны многие жители двух крупных исторически сложившихся провинций — Каталонии и Страны Басков. Население этих частей страны издавна страдало от игнорирования центром их культурной и языковой специфики. Правда, их права были несколько расширены в последней трети XX в. после падения диктатуры Франко и перехода страны к демократическим формам правления.

Баски уже на протяжении многих десятилетий ведут упорную борьбу за независимость. В Каталонии настроения такого рода получили дополнительный стимул в результате бурного хозяйственного подъема. Сейчас этот регион дает стране пятую часть внутреннего национального продукта.

В Бельгии до середины XX в. франкоязычная Валлония безоговорочно доминировала над Фландрией. Это положение распространялось не только на экономику, но и на политику. Длительное время фламандцы считались младшими партнерами валлонов. Затем ситуация изменилась. Фламандцы по численности превзошли валлонов. Резко вырос и экономический потенциал Фландрии, став решающим фактором бельгийской хозяйственной жизни.

Экономика остается главным аргументом и сепаратистов Севера Италии. Свои притязания на отделение они обосновывают тем, что Север как индустриально развитая часть страны является кормильцем «коррупцированного центра» и депрессивного «мафиозного юга».

Острое противоборство сепаратистов и центральной власти не ограничивается странами, перечисленными выше. Периодически

свои суверенные претензии предъявляют Дании жители Гренландии и Фарерских островов. Не упускают возможности напомнить о своих проблемах добивающиеся культурно-национальной и языковой автономии турки Болгарии, венгры Румынии и Словакии, русскоязычное меньшинство в странах Балтии.

Некоторая часть европейских сепаратистов прибегала к вооруженным методам борьбы. Вспомним в этой связи деятельность в последней трети XX в. Ирландской республиканской армии (ИРА) в Ольстере (Северная Ирландия) или террористическую кампанию баскской ЭТА. Можно упомянуть и об актах насилия на Корсике, организаторы которых стремятся отделиться от Франции.

Вместе с тем в ряде случаев умеренное крыло сепаратистских сил, представленное партиями и движениями, популярными в соответствующих регионах, встало на путь переговоров с центральными властями и добивалось при этом положительных для себя результатов.

В целом политические силы сепаратистских движений Европы готовы достигать своих целей методами диалога, не отказываясь при этом от таких форм сопротивления, как массовые акции протеста, забастовки регионального масштаба, использование в своих целях средств массовой информации и Интернета.

В своей деятельности лидеры сепаратистов не могут не учитывать низкую вероятность того, что они смогут воспользоваться «правом нации на самоопределение, вплоть до отделения». Так, исполнительные и судебные власти Испании воспрепятствовали проведению в ноябре 2014 г. в Каталонии референдума о ее независимости.

Прежде всего, далеко не все население соответствующих регионов готово отказаться от имеющейся государственности ради туманной перспективы обретения «новой родины». Сепаратистов заставляют задуматься о реалиях и экономических последствиях сецессии. Ведь новоявленные государства, появившись они, сразу же лишатся многих экономических связей, сложившихся в пределах нынешних границ. Неясен и вопрос с суверенизацией природных богатств потенциальных новообразований. В частности, власти Великобритании четко заявили, что нефть шотландского шельфа Северного моря не сможет стать в полном объеме собственностью Эдинбурга. Эти аргументы во многом повлияли на итоги референдума о независимости Шотландии (сентябрь 2014 г.), большинство участников которого высказалось за сохранение этого региона в составе Соединенного Королевства.

Существенным тормозом на пути европейских сепаратистов является и позиция Евросоюза. В Лиссабонском договоре зафиксировано, что страны, образованные в результате сецессии, автоматически не

станут членами ЕС, а будут обязаны пройти всю сложную процедуру обретения полноправного членства. Сходную позицию относительно новичков заняла и НАТО. Наконец, продолжающийся кризис еврозоны, увеличение числа безработных, неконтролируемый приток иммигрантов из беднейших стран мира, нерешенные экологические и энергетические проблемы — все это и многое другое заставляет сепаратистов трезво оценивать свои шансы. Не отказываясь от независимости как конечной цели, они в ряде случаев рассчитывают на воплощение программы-минимума: получение больших, чем прежде, уступок от центральных властей в сфере экономической самостоятельности регионов, еще большего развития системы самоуправления, укрепления культурно-языковой идентичности.

Партии, выборы и власть на постсоветском пространстве

Выборы в органы власти различных уровней, прошедшие во втором десятилетии XXI в. в Российской Федерации и в ряде бывших советских республик, показали как сходство, так и различие не только по итогам, но и по ситуации, сложившейся до и после них.

При всех недостатках, имевших место на выборах в Госдуму России, их результаты подтвердили лидерство, хотя уже и не столь очевидное, партии «Единая Россия». Тем не менее на повестке дня по-прежнему стоит задача реформирования политической системы России с целью ее демократизации.

Налицо насущная необходимость переформулирования, а в ряде случаев и пересмотра важных положений Конституции РФ и Закона о политических партиях. Без этих новаций трудно говорить о существовании в России реальной партийно-политической системы. Главным критерием последней, и об этом свидетельствует опыт, является полная интеграция партий в структуру законодательной и исполнительной власти. Именно политические партии, выражающие интересы различных слоев и групп населения, а не «вертикали власти», являются несущими опорами демократического строя.

Текст нынешней Конституции в разделах, посвященных формированию органов законодательной и исполнительной власти, содержит ряд противоречий. Так, из статьи 3 (п. 2 и п. 3) вытекает, что результаты референдумов и свободных выборов являются «выражением власти народа». Органы государственной власти и органы местного самоуправления формируются по итогам свободных выборов. Но в таком случае непонятно, почему президент, избранный волей народа, лишь

согласует с Государственной думой (см. статью 83а), также избранной всенародным голосованием, кандидатуру председателя Правительства РФ. Выходит, что голос, отданный президенту, имеет больший вес, чем голоса за народных избранников. Однако в тексте Конституции нет указаний на приоритетность президентских выборов.

То обстоятельство, что президент является гарантом Конституции, определяет основные направления внутренней и внешней политики, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, делает его лишь первым среди равных в властной иерархии. Это вытекает и из статьи 11 (п. 1), где в одной строке обозначены и президент, и Федеральное собрание, и правительство РФ, и судебная власть.

В связи с изложенным логична формулировка: «Президент РФ назначает председателя правительства РФ, опираясь на итоги выборов в Госдуму РФ». Данное положение не следует понимать таким образом, что президент обязан отдать мандат на формирование правительства лидеру победившей партии. Данный вариант возможен лишь в том случае, если соответствующая партия получает более 50% голосов. Опыт многих стран показывает, что редко какая-либо партия обладает абсолютным большинством. В этом случае президент, как гарант функционирования ветвей власти, имеет право, после соответствующих консультаций с лидерами основных парламентских фракций, назначить премьером лидера той партии, которая сможет сформировать коалицию с устойчивым большинством в Госдуме.

Ключевым элементом партийно-политической системы России является сама партия. В Закон о политических партиях уже внесен ряд достаточно существенных поправок. Можно согласиться с цифрой в 500 членов политической партии, необходимых для ее регистрации. Однако регистрация — не самоцель для политического образования. Поэтому целесообразно установить численный критерий членства для партий, желающих участвовать в парламентских выборах. Здесь, думается, планка может быть повышена до 10 тыс. членов, исходя при этом из округленной цифры в 100 млн граждан России, имеющих право голоса. Что касается выборов в региональные и местные органы власти, то здесь можно сохранить планку в 500 человек. Для тех же, кто хочет выступать от имени региональных движений или местных инициативных групп, можно установить планку в 100 человек для их регистрации.

Нельзя, однако, исключать наличия корыстных мотивов у тех, кто стремится провести в различные органы власти своих представителей. Поэтому следует тщательно продумать механизм противодействия различного рода фальсификациям. В Уголовный кодекс логично вне-

сти статьи, карающие за подкуп с целью стимулирования к вступлению в партию. Сам процесс регистрации членов партии для ее участия в выборах должен быть индивидуальным, по месту жительства и при предъявлении не только членского билета партии, но и паспорта. Таким образом можно будет избежать «многочленства» в партиях.

Закон о политических партиях необходимо освободить от многих абсурдных по своей сути ограничений. Например, практически нигде нет запрета на партийную деятельность на производстве, в учебных и общеобразовательных учреждениях. С другой стороны, вполне оправдана позиция, зафиксированная в статье 13 (п. 5) Конституции Российской Федерации, где указаны ограничения на создание партий, проповедующих «насильственное изменение основ конституционного строя», «нарушение целостности Российской Федерации», «разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни». Однако Закон о политических партиях в его нынешней редакции по существу искажает данное положение, ибо в этом документе запрещено создание партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности. Если бы в современной Европе власти руководствовались подобной доминантой, то там не осталось бы аграрных или рабочих партий, партий, представляющих интересы национальных меньшинств, а также конфессионально ориентированных партий. Между тем партии подобного рода распространены повсеместно и не угрожают основам конституционного строя соответствующих государств.

В целом, формирование партийно-политической системы в России должно идти по пути творческого, а не догматического использования европейского опыта, с учетом той реальной ситуации, в которой находится наша страна в начале второго десятилетия XXI в.

Выборы в парламенты России и некоторых бывших советских республик дают основание вновь высказать суждения о возможности перехода от авторитарной власти к мозаичной демократической альтернативе. Хотя двадцать с небольшим лет — срок по историческим меркам ничтожный, тем не менее он позволяет сделать предварительные выводы.

С одной стороны, прогресс в направлении той формы демократии, которая утвердилась на европейском пространстве, очевиден. Система назначений сверху донизу сменилась частичным переходом к избирательным механизмам, пусть далеко не отлаженным. С другой стороны, борьба нового со старым не близка к завершению, поскольку постоянно предпринимаются попытки вписать в новые демократические формы власти старое, хотя и несколько обновленное авторитарное содержание.

Этот внутренне противоречивый, а оттого и конфликтный сюжет постсоветской политической жизни вполне объективен, ибо люди, участвующие в этом процессе, в большинстве своем родились и сформировались в СССР.

Бытовавшие на исходе советской системы надежды на позитивный пример Запада не оправдались. К тому же и западные, казалось бы, отлаженные механизмы властной демократии работают с перебоями. В результате причудливая смесь советского менталитета и системы взглядов, созданной с помощью современных информационных технологий, дает тот результат, который прослеживается при анализе итогов постсоветских парламентских выборов.

Вместе с тем бывшие советские граждане — это не абстрактный народ, а жители весьма различающихся этнических, лингвистических, а отчасти и конфессиональных зон. Украина исторически делится на Восточную, Западную, Центральную части и совершенно особый Юго-Восток. Грузию представляют страной одного народа лишь те, кто знает о ней понаслышке. На самом деле понятие «грузин» характеризует скорее гражданство, чем этнос. Этнически значительно компактнее армяне. Однако большая их часть проживает вне пределов Республики Армения. Белоруссия как государственное образование сложилась в советское время. Для нее характерно сложное переплетение православной и католической культур, ибо ее западная часть исторически тесно связана с Литвой и Польшей.

Политические круги ряда постсоветских стран пытаются внедрить в массовое сознание новый, этнически окрашенный, национально-государственный менталитет.

Соглашаясь с тем, что хаотичная многопартийность на постсоветском пространстве является отчасти следствием сложной истории соответствующих государств, что сегодня Запад дает по ряду параметров образец, скорее, деградации, чем эволюционного развития партийной системы, отметим все же главную (на взгляд автора) причину неразвитости партийного компонента в большинстве постсоветских стран. Она заключается в сугубо личных, прежде всего материальных интересах политической элиты, интересах краткосрочных, без какой-либо осязаемой перспективы. Между тем партийная система может функционировать лишь в случае органического сочетания личных и общественных интересов, при максимальной прозрачности внутрипартийных процессов, визуально доступных не только для функционеров, но и для всех граждан.

Глава 27

КРИЗИС РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Серьезным препятствием на пути поступательного развития России является кризисная ситуация, в которой находится ее культура.

Любая национальная культура может развиваться только в атмосфере идейного творчества. Когда замирает общественная мысль или обращается вспять, культура начинает медленно деградировать. Конечно, речь идет не о гибели отечественной культуры. Культура (в широком смысле слова, а не как аналог зрелищ и произведений литературы и искусства) — саморегулирующаяся субстанция, и ее можно уничтожить, только уничтожив человека.

Откуда взять идею? Да из воздуха, конечно. Из духа. Из вихря народного отчаяния и простора национальных грез. И уж во всяком случае — не из кабинетов только.

Грустно читать, смотреть и слушать, за редким исключением, отечественные СМИ. Не видно и больших мыслителей, светских и религиозных. Даже деньги устали, они уже олигархов не радуют. Насыщение и нищета пришли в обнимку.

Я не цепляюсь за прошлое, я цепляюсь за будущее. Так хочется узнать, почувствовать — зачем Россия и что за горизонтом? Для чего-то ведь родились мы, мечтали и страдали, подобно чеховским героям. В мире, скудном на идеи, нет общего дела. И само понятие «дела» становится совершенно расплывчато и не определимо. И, конечно, нет сознательного культурного строительства.

Казалось бы, зачем писать новое? Все давно сказано. Не только в Библии, в Коране, в Бхагавадгите, но и во многих веками сопутствующих им текстах. Но писать надо, иначе кто узнает про наше время? Не Атлантида же мы, в самом деле. «Уходить под воду» рано, надо оставить свидетельства и попытаться разобраться, договорить, понять.

Теперь модно цитировать Н.А. Бердяева. Не удержусь и я: «Многое в складе нашей общественной и народной психологии наводит на пе-

чальные размышления. И одним из самых печальных фактов нужно признать равнодушие к идеям и идейному творчеству, идейную отсталость широких слоев русской интеллигенции. В этом обнаруживается вялость и инертность мысли, нелюбовь к мысли, неверие в мысль» (Н. Бердяев «Судьба России»).

Пожалуй, здесь схвачена сама суть российского интеллигентного сознания. И самое печальное, что идейная отсталость прогрессирует, расширяется, захватывая все новые и новые участки. Разумеется, не надо путать «идею» с «идейностью». Идея — дитя разума. Идейность — дитя политики.

За последние двадцать лет самые большие моральные и репутационные потери понесла российская служивая интеллигенция. Она лишилась своего авторитета и слова в системе властных институций. Это не могло не сказаться на уровне культурного заказа и культурного потребления.

Торжество низкопробной массовой культуры в самых разных проявлениях — не только в искусстве, но и в бытовых, реальных, политических, экономических областях — не есть, конечно, следствие имманентных черт русского народа или исторических традиций, как иногда пытаются представить наши публицисты. Это прямое следствие системного государственного влияния на многие сферы нашей общественной и частной жизни. И пока не будут созданы действенные гражданские институты, русская культура рискует превратиться в музейное переживание.

Сущность человека и культура

Речь идет о серьезном мировоззренческом кризисе, который переживает Россия и ее культура. Культура, понятая как почва общественного и государственного развития, которая подвергается сегодня особенно сильным испытаниям. В сущности, речь идет о современном русском (российском) человеке.

По всем социологическим данным, приток и доступ населения нашей страны к объектам культурного наследия, а также к театрам, кинозалам, филармоническим площадкам резко уменьшились.

А ведь сама сущность человека определяет качество культуры: каков человек, такую культуру он и несет миру. И этому человеку (гражданину) нужны точки опоры, чтобы ощутить и понять себя в мире. Нужны базовые ценности, достаточно твердо очерченные. Дальше — семья, общество, государство. Религия и право. Гражданские инсти-

туты. Вся система идейных и нравственных координат, которая порождает форму и содержание человеческой жизни, его стремление к идеалу и смыслу существования. «Смысла я в тебе ищу» — Пушкин и здесь прав. Как только идея жизни и Родины скрывается в тумане демагогий и спекуляций, наступают сумерки культуры и опасность духовного разложения и личности, и социума.

Вот о чем я веду речь, а вовсе не о «национальной идее», которую уже двадцать лет ищут и не найдут наши мыслители. Можно согласиться с Н.П. Шмелёвым, когда он пишет, что не «следует ждать появления какой-то спасительной новой идеи, мобилизующей на подвиги весь российский народ... Спасительной может быть только одна, в высшей степени простая идея, вернее, общее умонастроение, общая цель всего российского общества: сохранение и благополучие народа, созидание, строительство, дальнейшее освоение и обустройство страны, достойная, надежная жизнь каждого человека и его близких»¹.

С этим, конечно, не поспоришь. Но идейное творчество предполагает наличие средств в пути к достижению заветной цели. Да и сама цель (идея пути и результата) обязательно должна быть артикулирована: кто мы, зачем мы, что за общество строим, какое государство имеем, какое место в мире занимаем. Без этих, а также твердых духовных и моральных ориентиров (не факультативных, а непрременных!), в стране начнется новый застой, продолжится «исторический бег на месте» (по выражению Ю.Н. Афанасьева) и торжество тактики над стратегией культурного развития.

О значимости культурного плюрализма

В эпоху глобализации культурные факторы все больше определяют геополитику. Рассуждая о «новом мировом порядке», французский исследователь Доменик Муази образно выделяет существование трех господствующих «эмоциональных культур»: культуру страха (Европа и США), культуру унижения (мусульманский мир), культуру надежды (Индия и Китай). В этой схеме есть зерно истины, но именно эмоциональной на уровне чувств. «Конфликт эмоций» действительно существует, но вряд ли может быть положен в основу типологических обобщений. Человеческая психика, как и коллективная психология, слишком сложная и переменчивая вещь, чтобы служить движущей си-

¹ Россия в многообразии цивилизаций / Под. ред. Н.П. Шмелёва. М.: Весь Мир, 2011. С. 879.

лой общественного развития. По крайней мере, в России подспудно живут все три означенные эмоциональные состояния.

Теперь подумаем, почему понятие «этнос» стало для нас так важно, так влиятельно именно в эпоху глобализма? Куда делись «нация», многонациональная сплоченность, вообще «дружба народов»? Посмотрим на карту мира и признаемся, что этнические конфликты повсеместно стали почти нормой на нашей Земле. При всех интеграционных процессах мир раскалывается, и трещины проходят по линиям немислимой нищеты и баснословного богатства, экологических катастроф, религиозных и национальных распрей. Кроме того, надо учитывать глобальную трансляцию подобных процессов благодаря Интернету и другим средствам массовой информации, где нередко свобода и этика вступают в непримиримое и пагубное для дела культуры и мира противоречие.

Вот почему так важна сегодня поддержка культурного разнообразия в мире глобализма, защита расовой, национальной, религиозной идентичности. Защита русской культуры, в которой веками естественно переплавлялись славянские и инонациональные элементы в единстве, скрепленном «великим и могучим» языком общения, языком литературы и искусства.

Но существует серьезное противоречие, которое ведет к глубоким конфликтам в области культурного развития. Хотя глобализация предоставляет человечеству необыкновенные возможности для установления более тесных связей и более свободного обмена идеями и товарами, она также несет в себе риск очень серьезных последствий: усиление неравенства, установление культурного однообразия и единых эталонов для образа жизни, потеря своей идентичности или, наоборот, преувеличенное чувство своей идентичности.

Здесь для нас важен именно второй аспект, к которому приковано гораздо меньше внимания, чем к риску потери национальной идентичности. Взрыв местного национализма как ответ на глобализационные вызовы есть, пожалуй, самое тревожное явление современного мира, чреватое всякого рода социальными и военными конфликтами, включая международный терроризм. Россия не осталась в стороне от этих опасных процессов.

После завершения Второй мировой войны на земном шаре разразилось свыше 160 локальных и гражданских войн и вооруженных конфликтов, в которых погибло примерно 7,5 млн военнослужащих. С учетом жертв среди гражданского населения, послевоенные потери человечества оцениваются в 33–40 млн, не считая раненых и пропавших без вести. В начале XXI в. большинство военных конфликтов рождаются на почве этнической, религиозной нетерпимости, подогреваемой

скрытой или явной борьбой богатого Севера с бедным Югом за сырьевые источники энергии, прежде всего, нефть и газ. Немалый вред наносит этнонационализм, способствующий разделению общества на национальные кланы и корпоративные группы по принципу землячества. Эти процессы протекают и у нас в стране, подчас с участием властей или при их молчаливом нейтралитете.

Только образование и культура способны смягчить остроту нынешней ситуации. Но они-то, как правило, рассматриваются политическими лидерами и Евросоюза, и России в роли «довеска» к экономическим, базисным проблемам. Все ставится с ног на голову и потому не находит удовлетворительного решения.

В мире все чаще звучат призывы пересмотреть приоритеты международной глобальной политики. Вот мнение одного из видных экспертов ЮНЕСКО: «В 1970-е гг. Объединенные Нации вдохновились идеей “нового мирового экономического порядка”, затем родилась концепция “нового информационного порядка”. Она была призвана сгладить качественные и количественные контрасты между народами, так же как и предотвратить одностороннее переливание мировых информационных потоков. Считаю, что культура должна стать центральной темой XXI в. Необходимо заявить о вызове “нового мирового культурного порядка”»².

Трудно не согласиться с этой декларацией. Гораздо труднее осуществить ее на практике, выработать механизм мирового культурного взаимодействия, спасти многие погибающие языки, культурные суверенитеты развивающихся стран.

В поиске постулатов культуры

Россия все последние годы пытается участвовать в выработке постулатов, регулирующих процессы глобализации и культуры.

Речь идет о поддержке культурного разнообразия общества, страны, мира в целом. Это объективная тенденция, вызванная нынешним обостренным пониманием каждым народом своего образа жизни как абсолютной ценности, так и неотъемлемого права. Во многом она объясняется закономерной реакцией на те процессы глобализации (в первую очередь вестернизации) культуры, при которых только одна система ценностей оказывается основой универсальных норм.

² Хаттори Э. Размышления на перекрестках цивилизаций // Синтез цивилизации и культуры. Межд. альм. Вып. 2. М.: ИНИОН, 2004. С. 136.

Российская академия наук разработала в свое время интересный исследовательский проект «Русская культура в мировом контексте»³. Его актуальность очевидна, особенно сегодня, когда отечественная культура вбирает в себя и зарубежные русские художественные ценности. К сожалению, проект не получил развития. Надо его реанимировать.

По убеждению участников проекта, современный мир представляет собой тесное взаимодействие культур и цивилизаций. И с этим трудно спорить. На рубеже XX—XXI вв. человечеству брошен вызов в виде проблем, перед лицом которых ему предстоит выступить в качестве единого субъекта, принимающего осознанные и согласованные решения. В этом создании общечеловеческого единства решающая роль принадлежит взаимообогащающему диалогу культур, мировому культурному процессу.

Русская культура издавна играла важную роль в этом процессе, но сегодня возникли обстоятельства, заставляющие по-новому определять ее статус в мире, ее роль и судьбу. Речь идет об особой цивилизующей и организующей функции российской культуры, ее традиций в пространстве Евразии, которому угрожает натиск нового варварства и даже превращение в арену «войны всех против всех». Вероятно, восьмая часть суши, а, следовательно, и мир в целом не достигнут стабильности до тех пор, пока не будет восстановлен консолидирующий статус российской культуры как организатора единого духовного пространства в Евразии и посредника в ее связях с мировыми цивилизациями.

Говоря об интеграции России в мировое сообщество и о вкладе, который она может обеспечить, надо подчеркнуть, что Россия, в принципе, открыта всестороннему сотрудничеству в сфере культуры. Она готова делиться накопленным опытом подготовки специалистов в этой области и лучшими образцами своего музыкального, театрального и пластического творчества. Разумеется, без тени имперских амбиций и затушевывания национальных образов иноязычного соседнего мира.

Безусловно и другое — Россия, русский язык, как язык межнационального общения, могут стать организаторами культурного пространства в бывших советских республиках. Рано или поздно это должна понять творческая и научная интеллигенция СНГ.

Но для этого необходима целенаправленная культурная политика российского государства. Слова «культура» и «соотечественники» не часто находят место в лексиконе правительственных кругов. Такова внутренняя угроза, которая чревата серьезными провалами в нашей

³ См.: Образ России в мировой культуре и образы других стран в русской культуре. М., 1995.

общественно-политической жизни, ибо 25 млн соотечественников, оставшихся за пределами России, во многом лишены действенного культурного патроната Родины.

Против вторжения прагматики

Хорошо сказал однажды критик Валентин Курбатов: «Мы сами авторы своих сумерек...».

Сумерки — это утрата внятных духовных и культурных целей, внезапный перерыв в пути, остановка в пустыне, когда солнце уже зашло, а звездное небо еще не открылось.

Таково состояние честного русского художника, писателя, артиста перед лицом социально-политических перемен.

Внезапное вторжение повальной прагматики, коммерции и рынка в художественное пространство, в средства массовой информации, в школу и университеты резко преобразило мир отечественной культуры.

И, конечно, мы сами авторы этой трансформации, хотим того или не хотим. Ибо иллюзии и отвага шестидесятников прямо привели Россию к почти бескровной революции, коренным образом изменившей политический и экономический строй. Можно сказать, что мы, на манер Монголии, совершили формационный бросок в капитализм, миную стадию «социализма с человеческим лицом». Естественно, что истинные зачинатели и творцы перемен были благополучно вытолкнуты из реальной политики как беспомощные и вредные мечтатели.

Культура быстро ощутила на себе эту реакцию.

Сидя на запятках истории, мы бросились догонять Запад не в сфере высоких технологий и гуманитарных прозрений, а на пространстве массовой культуры, сексуальной революции, примитивных образовательных стандартов. Никакие границы не способны противостоять господствующим в мире коммерческим законам рекламы, кинопромышленности, музыкальной эстрады, телесериального натиска. То же с книгоиздательской политикой, где все рекорды побивают детективы и женские романы, собранные из проверенных рынком космополитических деталей.

Сумерки сомнительных развлечений окутали Россию. Глянцевые гламурные журналы, желтая пресса, бесконечная стрельба и насилие на телеэкране, игровые телевизионные шоу, беззастенчиво почерпнутые из закордонных источников без ссылки на оригинал.

Со сцены МХАТа звучит матерная речь. И до этого дожили.

В своем советском снобизме мы долгие годы презрительно относились к массовой культуре. Это — у них, там, а у нас не может быть! Но политика первых лет Советского государства показывает, что ничто так не действует в культурном смысле на человека, как массовая культура. И сегодня — то же. Взять хотя бы «раскрученные» фильмы (блокбастеры, по-голливудски) «Ночной дозор», «Дневной дозор», «Статский советник», «Девятая рота», «Спасибо, что живой», «Легенда № 17» — это кассовые, т.е. рейтинговые фильмы: занимательная простота в изложении сложных исторических и психологических событий, броскость, украшательство и пресловутый «экшн»... Есть здесь и явные учителя, все та же американская массовая культура, которая во всем мире завоевала устойчивые позиции.

Хорошо помню, как в период горбачевской перестройки в нашем Союзе кинематографистов выступал знаменитый польский кинорежиссер Кшиштоф Занусси. Это был короткий мечтательный период, когда новое (прогрессивное) руководство Союза грезило о советских (тогда еще) фильмах, которые завоюют мировой прокат. Так вот, умный Занусси сказал примерно следующее: «Вам в этом смысле никогда не победить американцев, потому что они снимают истории, а вы — проблемы». Что же теперь? Теперь мы решили снимать историю и плетемся (в целом, как национальная область искусства) в хвосте мирового кино. Но ведь у нас есть своя история и своя национальная гордость, не голливудская, а именно русская киногордость — Пудовкина, Эйзенштейна, Тарковского, Германа, Сокурова, Хуциева, Н. Михалкова, Звягинцева, Балабанова. Зачем нам побеждать американское кино? Надо хорошо играть на своем (проблемном, авторском) поле.

Пусть не создается впечатление, что я противник масскульта. Это было бы слишком примитивно и недалководивно. Но я сторонник трезвого понимания, что чего стоит.

Условно говоря, есть две культуры в каждой культуре — высокая и массовая, национальная и интернационально-рыночная, и это не оценочные категории, ибо в каждой из них есть и безусловные, и весьма сомнительные образцы. Есть русский романс, и есть доморошенная безвкусная попса — граница между ними пролегает достаточно определенно.

На чем строится неистребимая живучесть массового зрелища, массового чтения? С одной стороны, на непрременном коммерческом эффекте: все должно приносить прибыль; с другой — на способности объединения публики в некое безразмерное целое, на неразделимость этого целого на части, способные иметь какое-то индивидуальное, критическое мышление, т.е. на зомбировании вольном или невольном.

Часто говорят: на Западе ведь тоже преобладает коммерческое искусство. Конечно, но рядом существует и многое другое. В Париже, к примеру, около 400 театров (в Москве вдвое меньше). Там можно увидеть все, что хочешь, у тебя есть право выбора. Седьмая кнопка государственного телевидения Франции — это культурная продукция высокого качества. Почти как у нас канал «Культура».

Еще раз хочу акцентировать: в культуре (как и повсюду) важно знать что почем. Ведь для этого и существуют семья и школа. Школа, я считаю, самый страдающий сегодня в России культурно-гуманитарный сюжет.

Как-то, в конце восьмидесятых, беседуя в «Литературной газете» с Андреем Дмитриевичем Сахаровым, обсуждали разное, и он, между прочим, сказал одну вещь, которую я постоянно и сочувственно вспоминаю. «У нас, — сказал он, — была перед войной замечательная (в целом) средняя школа, потому что в ней выжили и сохранились преподаватели с гимназических времен». Даже мне, человеку более молодого поколения, посчастливилось застать в сороковых-пятидесятых отзвуки этой школы. Наши учителя (не скажу, что все, но некоторые точно) прививали нам гуманитарный стиль поведения. Они исподволь учили нас этике и эстетике даже в математических формулах, не говоря уже о литературе и русском.

Сегодня российская средняя школа (да и высшая тоже) от традиционного преподавания бросилась навстречу тестовой системе. Резко поменялись приоритеты, гимназический принцип почти повсеместно выветрился, появились новые поверхностные подходы, бесконечные образовательные псевдоидеи и сомнительные пособия, особенно по гуманитарным дисциплинам.

Волны визуальной культуры накрывают мир. Однако стоит прислушаться к голосу знаменитых постмодернистских философов и культурологов, которые в своих последних (по времени) работах весьма скептически относятся к неопитам, беспечным «новаторам», эстетическим нигилистам и творцам интернет-культуры. Такова судьба всех учений: последователи то и дело опошляют первоисточник. И Жак Деррида, и Умберто Эко без устали в последние годы подчеркивали, что да, нужно идти вперед, но надо отчетливо понимать, что есть поэтика первого и второго ряда (СМИ — это как раз безнадежно второй и ниже ряд). Нельзя обожествлять компьютер, должна оставаться (и развиваться) вербальная культура — надо писать друг другу «пером», если хочешь, чтобы написанное проникло в сердце. Движение антиглобализма символически означает традицию. Другое дело, что митингами и публичными протестами здесь дело не решишь.

Культура и средства массовой информации

Совершенно очевидно, что уровень культуры современного общества прямо зависит от средств массовой информации. Особенно велика здесь роль телевидения, чьи программы распространяются практически безо всяких препятствий. Российский телезритель сегодня может смотреть многие отечественные и иностранные каналы. Зарубежный зритель смотрит российские передачи как на русском, так и на других языках.

Постоянный мониторинг роли ТВ в наши дни проводится сектором коммуникаций ЮНЕСКО, который долгие годы возглавлял заместитель Генерального директора этой организации, российский представитель Г.З. Юшкявичюс. На эти исследования я и опираюсь в дальнейшем разговоре.

Приведу некоторые данные, характеризующие нашу телевизионную политику. Она красноречиво отражает зависимость «картинки» от рекламного бюджета и все возрастающий государственный (не общественный) контроль на информационном поле.

Российские исследователи констатируют, что у нас в среднем на один час приходится свыше четырех сцен насилия и эротики. Если допустить, что дети проводят у экранов телевизоров всего один час, то тогда российский ребенок в возрасте от 3 лет до совершеннолетия может увидеть как минимум 22 тысячи таких сцен. Вдвое больше, чем американский подросток.

Мы, по сути дела, потеряли образовательное и учебное телевидение, в то время как в Китае созданы два общенациональных образовательных канала и в каждой провинции — еще несколько.

Было бы неверно думать, что наше ТВ зависит главным образом от властных структур. За исключением новостных, политических программ, ТВ зависит от рекламодателей. Содержание передач чаще всего определяет не власть, а крупный заказчик рекламного клипа. В России практически нет института, который анализировал бы программы российского телевидения. В результате никто, по сути дела, не несет сегодня ответственности за содержание телеэфира. Вот несколько других примеров.

В Великобритании все программы, транслирующиеся до 21 часа, должны твердо соответствовать определенным требованиям для просмотра детьми.

В Германии по Конституции разрешено ограничение свободы информации «законоположениями о защите молодежи».

В Швеции, в Гётеборгском университете создана специальная лаборатория для изучения влияния сцен насилия на поведение детей и подростков.

У нас же только деньги правят бал и решают все, или почти все, если не впадать в окончательный мрачный телепессимизм. В наш век информации без разумного использования эфира нельзя достойно сохранить культуру, язык, народ.

Мир сегодня таков, какова информация о нем. Она изменила карту мира и нашего сознания. Известное утверждение, что наше представление о реальности важнее, чем сама реальность, не такая уж химера. Освещение сирийской войны — красноречивый тому пример. Существует несколько Сирий: одна — в Би-Би-Си, другая — в Си-Эн-Эн, третья — в Аль-Джазире, четвертая — в российских каналах. А каково истинное положение в Сирии, пожалуй, не знает никто. Как заметил Умберто Эко, «война преобразовалась в шедевр массмедийности», а Бодрийяр, любитель парадоксов, заявил, что новых малых войн «вообще не было наяву, они были только в телевизоре».

Нигде в цивилизованных странах телевидение не отдано только рынку. К примеру, во Франции в положении о Высшем Аудиовизуальном Совете прямо сказано, что телевидение должно служить распространению французской культуры, французского языка, популяризации молодых французских авторов, защите детей и женщин, своевременной и объективной информации населения. Я не собираюсь утверждать, что все это твердо соблюдается, но как главная, основная тенденция — так оно и есть.

Русским языком владеют (или его понимают) 300 млн граждан в мире, из них около 100 млн в странах СНГ и Балтии, где российские программы смотрит большинство населения. Немногим больше владеют французским. Но у них давняя, стойкая традиция франкофонии. У нас — отсутствие серьезной «русифонской» политики.

Казалось бы, есть все условия для диалога культур. Есть возможность представить на экране лучшие образцы искусства народов России. Ничего подобного (за исключением, повторяю, малотиражного канала «Культура») мы предложить телевизионному сообществу не в состоянии.

Совершенно очевидно, что содержание российских телевизионных программ, как правило, не отражает новейшую культуру и традиции нашего отечества. Более того, оно деформирует их, формируя новую модель поведения детей и молодежи.

Конечно же, есть счастливые исключения. Создан детский канал, есть хорошие сюжеты на канале «Планета», который транслируется за рубежом по кабельному телевидению, да и на других. Не все так безна-

дежно. Появились талантливые телеэкранизации: «Идиот», «Завещание Ленина», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго», «Жизнь и судьба». Но мы толкуем здесь не об исключениях, а о тенденции, о правилах.

ТВ является не только самым эффективным, но и самым дешевым способом поддержания национальной культуры, языка, традиций. Если бюджет телевизионного канала составляет в год (в лучшем случае) полмиллиарда долларов, то в расчете на одного жителя России такой канал стоил бы в месяц немногим более 7 рублей. Неужели нельзя иметь хотя бы один канал общественного телевидения, без рекламы, но с подпиской потребителя? Конечно, можно и нужно. Созданный, наконец, канал «Общественное телевидение» только разочаровывает. Пока он ничем, по сути, не отличается от других государственных каналов. Только профессиональное качество сюжетов еще ниже.

Культурный пласт, нравственные и этические ценности всегда были базисом мировоззрения любого народа, основой строительства жизни общества, включая и развитие экономики государства. Без нравственных и этических ценностей не может существовать народ и его культура. Будет ли наше телевидение создавать или разрушать эти ценности, вопрос, на который пока нет ответа. Пересмотр и создание системы телевидения, отвечающей интересам людей, а не только частного бизнеса, могло бы стать основой нашей общенациональной программы по культуре.

Коснемся еще одной важной проблемы.

Надежда Маршалла Маклюэна на будущую «глобальную деревню», созданную посредством информационного взрыва и Интернетом, осталась пока утопией. Говорить о создании единого информационного мира явно преждевременно. Существует несколько параллельных миров. В одном — новейшие технологии используются для мгновенного совершения банковских операций на миллионы и миллиарды долларов; в другом — живут миллионы людей, никогда не видевшие телефона и электрического света.

В России сегодня насчитывается примерно 30 млн пользователей Интернета. Это большая цифра. Практически каждый пятый гражданин нашей страны включен в глобальную информационную магистраль. Проблема в том, как использовать это преимущество в культурных целях. Опять же, все зависит от культуры пользователя. От человека, неотъемлемого субъекта истории.

Когда Беллу сообщили об открытии первой трансатлантической телефонной линии между Берлином и Нью-Йорком, он спросил: «А есть ли им что сказать друг другу?» В этом «что сказать?» — вся суть вопроса. Интернет может возвысить, а может и уронить главные ценности культурного общения и культурного развития.

Покойный русский писатель Владимир Солоухин анафемски проклинал ТВ еще полусоветских, полуперестроечных времен. До широкого распространения Интернета он практически не дожил. Луддиты ломали машины. Но нам не пристало бранить новейшие технологии. Задача — обуздать их гуманитарным, человеческим, социально-общественным содержанием. У меня нет готовых рецептов, но думать об этом следует постоянно именно тем, кто формирует общественное мнение и общественную мораль.

Это не только разобшенная и не в меру сервильная творческая интеллигенция. Это и мои студенты, которые завтра спросят с отцов, что им оставлено в наследство. Тут приходит на память «Дума» М.Ю. Лермонтова. Это люди в маленьких и крупных городах по эту и ту сторону Уральских гор. О деревне помолчу. Старая вымерла, новая едва держится на плаву жизни.

«Сбережение народа» — пустые слова, если они не обеспечены нормальной социальной и культурной политикой. Нас, русских (российских) становится все меньше и меньше. И дело не в материальных стимулах, а в духовном вакууме. Ради чего жить и рожать, где перспективы?

Интернет, сам по себе, отнюдь не подтачивает корни национальной культуры и самобытности. Точно так же, как печатный пресс Гутенберга привел к укреплению национальных языков и национальных культур, отодвинув на периферию монополию латыни и греческого. Английский в Интернете постепенно размывается испанским, японским, китайским и нашим, русским языком. Это нормальная, здоровая тенденция, не одним Голливудом и Биллом Гейтсом дышат легкие современного культурно-информационного мира.

Интересно взглянуть на газетно-журнальную территорию России, на желтую и высокорентабельную гламурную прессу. Здесь мы не только приблизились к западным изданиям подобного рода, но кое в чем обогнали их.

Не надо упрекать меня в ханжестве. Не к цензуре я призываю, а к общественному благоразумию. К экономической блокаде многотиражной (как листовки) индустрии растления. Всему должна быть своя мера и своя ниша.

Познать глубинную Россию

Как живая трава, сквозь асфальт идеологически штампованной актуальности, начиная с 1990-х гг. прошлого века стало пробиваться к свету классическое краеведение. Какие лица, голоса, предметы

быта, одежда вокруг всплыли из глубин забвения и явились взору современного посетителя наших провинциальных музеев! Мы не знали глубинную Россию, она была надолго заслонена музейной и книжно-исторической схемой: темное прошлое, предреволюционная борьба с царизмом, Октябрьская революция, и вот оно светлое будущее, наконец, наступило и будет на все времена. Человек как центр культуры, его частная (не героическая!) жизнь, целые классы — купечество, крестьянство, интеллигенция, мещане — все было сметено с музейных витрин, если над ними не сияла большевистская звезда. Краеведение, по существу, было под негласным запретом; история делалась в Кремле, столица диктовала стандарты, все музеи на местах стали похожими друг на друга.

Другое дело теперь. Будучи министром культуры, я посетил более пятидесяти российских областей и республик и познакомился с их краеведческой деятельностью. Вся русская культура вскормлена в сущности провинцией; две столицы, как водится, оттягивали лучшие соки Средней полосы и Севера, Поволжья, Сибири, Урала, но будущие знаменитые художники, поэты, мыслители формировались в основном в старинных усадьбах, дворянская и крестьянская культура сближались, естественно, поневоле. Так было повсюду в России, отсюда сильная и протяжная народная тема в нашей литературе, в нашем искусстве (ее последние превосходные отголоски в творчестве В. Распутина, Б. Можаяева, В. Астафьева, В. Белова, рассказах А. Солженицына). Отсюда и само явление «народничество» — специфически русское движение в среде интеллигенции второй половины XIX в.

Разнообразна краеведческая литература, выходящая сегодня в провинциальных издательствах: справочники, очерки, факсимильные переиздания дореволюционных книг, сопровождаемые богатой иконографией. Постепенно создается многотомная краеведческая библиотека (серия «Вся Россия»), которая сохранит для потомков исторические предания, рассказы о выдающихся людях и памятниках всех губерний нашей Родины от Архангельска до Чукотки. Так постепенно возрождается корневой культурно-исторический процесс и вселяет надежду на будущее развитие многонациональной, многокраевой культуры, которая сильна именно красочным многообразием в своем отечественном геополитическом единстве. (Во Франции, к примеру, подобное провинциальное многообразие прекрасно раскрыл историк Фернан Бродель.)

Есть надежда, что российская почва еще даст новые высокие культурные всходы, ибо в глубине дышат неотменимые духовные

силы, внутренне противостоящие натиску дикорастущим посевам беззастенчивого рынка и низкосортной, чисто развлекательной массовой продукции, способствующей сплочению соотечественников в бездушную и безгласную массу, именуемую теперь не народом, а электоратом.

* * *

Что же делать?

Не паниковать и не бранить все подряд.

Остановиться, оглянуться и задуматься.

Куда идем, на что надеемся, чего хотим?

Красивые слова, не обеспеченные реальным политическим поступком, неудержимо влекут к обрыву. У нас торжествует не коррупция, а элементарное человеческое разложение. Без героизма, без идеи, без классической мафиозной романтики.

Силовые методы, агрессия сырьевого рынка не приведут к добру без гуманитарного наполнения жизни, без любви и вдохновения непрагматичного сознания.

Культура, традиции русской общественной и политической мысли, бессмертные образы великой литературы и великого искусства не могут кануть в небытие. Они все равно вновь всплывут на поверхность, победив водную толщу дикого рынка и утонченного новобуржуазного бескультурья.

Для этого необходимо сплочение государства и общества, власти и гражданина, правительства и частного лица. Пока они разделены и сознательно разноречивы. У них разный словарь, разные ценности, разное чувство Родины.

Ничего, кроме демократического пути развития, история предложить России не в состоянии. Стало быть, политической и культурной элите, образованию, науке и бизнесу надо немедленно сделать шаги навстречу друг другу. Нужна идея развития, принятая всем обществом, артикулируемая публично, во всенародных дискуссиях.

Итак, нужна идея, подразумевающая стратегию развития современного Российского государства. На смену коммунистической (а скорее — большевистской) утопии должна прийти новая главная, «длинная» мысль о нашем развитии.

Державный пафос с проклятием Запада — есть инфантильное и отчасти опасное занятие. Россия погружалась в этот речевой политический поток неоднократно и всегда выходила не с прибытком, а с оче-

редным поражением — даже от своих, казалось бы, уже поверженных врагов. Непереваренный Николай Данилевский до сих пор тревожит сознание некоторых наших доморощенных политологов и писателей. Несравненный Константин Леонтьев грустно усмехнулся бы, глядя на нашу полубразованную консервативную мысль о России.

Как бы то ни было, бесспорно одно: русский путь при всех (естественных) восточноазиатских впечатлениях был и остается частью европейской жизни, частью европейской мысли и культуры.

РАЗДЕЛ III. БУДУЩЕЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

Глава 28

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Современный мир уже не просто трудно, но и невозможно представить себе без стратегических интеграционных союзов. Даже такому небывало сильному и продолжительному кризису, как нынешний, не удалось отменить интеграционный императив. Количественным выражением последнего является наличие в мире без малого пятидесяти интеграционных союзов, в рамках которых осуществляется более двухсот интеграционных программ регионального сотрудничества¹.

В средне- и долгосрочной перспективе значение интеграции как одного из ключевых пунктов мировой повестки дня будет только возрастать. Именно поэтому интеграционными организациями в разных регионах мира так востребован опыт строительства Евросоюза.

Сегодня страны, не участвующие в стратегических интеграционных объединениях, неизбежно теряют и будут терять свои позиции в международном разделении труда и экономической конкуренции. Формирование крупных региональных экономических союзов вокруг основных цивилизационных центров современного мира, происходящее в условиях глобализации, делает ситуацию для отдельно взятых стран практически безальтернативной. Последние либо входят в зону влияния «полюсов» экономической мощи, «либо маргинализируются»².

¹ Кудрицкая Е.Г. Использование опыта Европейского Союза в интеграционных процессах Евразийского экономического сообщества // Современные интеграционные процессы и Республика Беларусь: европейский и евразийский контекст. Белорусская политология: многообразие в единстве: материалы VI международной научно-практической конференции (Гродно, 15–16 мая 2014 г.). В 2 ч. Ч. 2. Гродно: ГрГУ, 2014. С. 15; Радиков И.В. Ресурсы объединения на постсоветской территории. Дилеммы Евразийского интеграционного проекта // Там же. С. 157.

² Сорокин Д. Цивилизационные измерения социально-экономической эволюции России // Вызовы XXI века. Альманах. Вып. II. Общественные сдвиги и цивилизации. М., 2006. С. 12.

Восток—Запад: надежды и разочарования

Процессы дезинтеграции Советского Союза и «социалистического лагеря», развернувшиеся в 1980-е — начале 1990-х гг., были восприняты многими как исторический нонсенс. И не случайно. Ведь именно в то время быстро набирала силу глобальная тенденция к созданию либо дальнейшему развитию стратегических интеграционных объединений, среди которых самое видное место, несомненно, занимало Европейское экономическое сообщество, переименованное в 1993 г. в Европейский Союз (ЕС).

Говоря образно, «корзина ожиданий» России и других независимых государств, сложившихся на постсоветском пространстве, от Евросоюза и в целом от Запада в первое постсоветское десятилетие была очень емкой. Ее наполняли и надежды на содействие западного сообщества по переводу российской экономики на рыночные рельсы, и ожидание помощи от ЕС в преодолении острейших социальных последствий перехода к рынку, и упования на то, что Запад будет вести себя лояльно по отношению к России и СНГ в военно-политической сфере, в частности, не будет «продвигать» НАТО к границам стран СНГ, и многое другое.

Осознание — сначала смутное, а затем все более ясное — того, что надежды руководящих элит России и других стран СНГ на взаимопонимание с Западом и на его солидарность с постсоветскими государствами в большинстве своем неосновательны, пришло, безусловно, не сразу. Особенно большое воздействие на его углубление и укрепление оказали: разразившийся в августе 1998 г. дефолт, потрясший Россию и ее соседей; развязанная западным альянсом война против Югославии, а затем и вторжение в Ирак, поощрение Западом «цветных революций» на постсоветском пространстве и в других регионах мира.

К началу XXI в. правящие элиты СНГ в основном распрощались с первоначальными иллюзиями о том, что Запад решит проблемы их стран³. Вместе с тем позитивное отношение к ЕС и связанные с этим ожидания сохранялись в СНГ и в первое десятилетие XXI в. Пожалуй, самое существенное значение имело упование на Евросоюз как на эталонный интеграционный проект, стратегия и практика осуществления которого виделась своего рода «дорожной картой» создания и успешного развития всех других экономических союзов. Подобное отношение восходило к тем представлениям о роли ЕС, и связанных с ним на-

³ Михайленко А. Перспективы развития Содружества Независимых Государств // Вестник аналитики. 2004. № 2 (16). С. 68, 73, 74.

деждах на те или иные формы участия в строительстве «объединенной Европы», которые доминировали в конце 1980-х — начале 1990-х гг. и в правящей элите, и в аналитических сообществах, и в общественном мнении России и других постсоветских государств.

Успехи Евросоюза и восприятие постсоветской интеграции

Закат «мира социализма» обернулся «золотой порой» для строительства «объединенной Европы». ЕС завершил создание единого внутреннего рынка и успешно выполнял 12-летнюю программу подготовки к введению единой коллективной валюты.

Как отмечал известный российский специалист по евроинтеграции Ю.А. Борко, «Европейский союз... вступил в XXI в. как триумфатор»⁴. 1 января 2002 г. произошло событие, воспринятое в мире, без преувеличения, как эпохальное: в 12 из 15 тогдашних стран — членов ЕС началось хождение евро — единой коллективной валюты, которая в 1999–2001 гг. употреблялась в безналичном виде как валюта рынка капиталов, межбанковских операций и деноминации госдолгов.

Понятно, что Евросоюз, постоянно демонстрировавший в эти годы замечательную динамику и добивавшийся одного впечатляющего успеха за другим, «отбрасывал тень» на все другие интеграционные проекты, особенно постсоветские, которые неминуемо воспринимались как «вторичные». Не способствовала адекватному восприятию этих интеграционных проектов дезориентация общественного сознания на трансформирующемся постсоветском пространстве. Трудно найти другую сферу общественных и государственных интересов, в которой было бы так много категоричности, политической ангажированности и так мало дальновидности, политического и экономического реализма, системности в подходе и взвешенности в суждениях, как в интеграционной сфере. Постсоветские объединения превращались в мишень для критики не только в средствах массовой информации, но и в объект пристрастного анализа со стороны немалого числа экспертов, называвших их «формальными», «несостоявшимися», «квазиинтеграционными», и даже «пустоцветами»⁵.

⁴ Борко Ю.А. От Евросоюза–I к Евросоюзу–II. (ЕС в конце первого десятилетия XXI века) // Белорусский экономический журнал. 2010. № 2. С. 46.

⁵ Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1.; Кортунов С. Россия: не сердиться, а сосредоточиться // Россия в глобальной политике. 2005. № 5; Косикова Л. Несостоявшаяся интеграция, или почему России не удастся объединить страны СНГ // Мир перемен. 2004. № 1; Фурман Д. Россия, СНГ, ЕС // Мир перемен. 2004. № 3.

Скептическое отношение к реальным достижениям постсоветской интеграции характерно не только для отдельных специалистов. Оно, вплоть до середины первого десятилетия XXI в., доминировало и на уровне всего экспертного сообщества. Показательное тому подтверждение — документы и материалы проекта некоммерческого фонда «Наследие Евразии» под названием «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве». Участие в нем приняли «лидеры общественного мнения» — экономисты, историки, политологи, этнологи, социологи, географы, — большая часть которых представляла Россию, Украину, Беларусь и Казахстан. Основные результаты исследования были изложены в обстоятельном отчете⁶, текст которого проанализирован нами в статье, опубликованной в 2013 г.⁷

В отчете была отмечена, в частности, высокая степень «неопределенности, размытости термина “интеграция”» «даже среди профессионального сообщества». Констатировалось, что по причине малой осознанности государствами (политическими элитами) этой части мира своих подлинных интересов «интеграционные усилия государств на постсоветском пространстве... носят «стихийный», «хаотичный»... характер», указывалось на «вялость самоопределения к интеграционному процессу всех его субъектов»⁸.

Несмотря на то что на момент завершения проекта стаж постсоветской интеграции приближался уже к полутора десяткам лет, экспертный пул, оценивая ход и результаты осуществляемых интеграционных проектов, в основном высказался в том смысле, что проекты эти находятся лишь на начальных стадиях развития, которые условно можно назвать «примитивной» интеграцией⁹. Вместе с тем утверждалось, что «каждое государство постсоветского пространства ведет себя в интеграционном плане в чем-то как варвар, в чем-то как примитивное сообщество, а в чем-то и как цивилизованное государство»¹⁰.

⁶ Результаты исследования «Восприятие интеграционных процессов на постсоветском пространстве» // КРЕМЛЬ.ORG: политическая экспертная сеть, 2005, 30 июня (<http://www.kreml.org/other/90622116/>).

⁷ Буховец О.Г. Евразийская интеграция: императивы мирового кризиса и парадоксы аналитики // Евразийский научный форум «Евразийская экономическая интеграция: становление и развитие». СПб., 2013. С. 130–142.

⁸ Результаты исследования «Восприятие интеграционных процессов...»

⁹ О наборе атрибутивных признаков, которые, на взгляд участвовавших в опросе экспертов, характеризуют «дикую» и «примитивную» интеграцию см.: Буховец О.Г. Указ. соч. С. 134.

¹⁰ Результаты исследования «Восприятие интеграционных процессов...»

Из всех опрошенных лишь «отдельные эксперты» высказали уверенность в том, что уровень реальной интеграции новых независимых государств уже преодолел «примитивную» стадию и «находится на переходе к цивилизованной интеграции»¹¹. Набор признаков последней включал в себя:

- принятие принципиальных преимуществ интеграции за аксиому;
- осознание заинтересованности в совместном и согласованном развитии вне зависимости от привходящих обстоятельств;
- готовность в целях успешного развития интеграции скорректировать свои обязательства и помочь в сложный момент партнеру преодолеть возникшие трудности;
- создание надгосударственных органов интеграционного объединения, обеспечивающих координацию и решение спорных проблем¹².

Метаморфозы восприятия интеграции через призму эталона ЕС

Но поскольку в рассматриваемом исследовании был также раздел, где экспертам предлагалось перечислить достижения и неудачи интеграции на постсоветском пространстве по схеме «как есть», а не «как должно быть», то имеется, следовательно, хорошая возможность сопоставить указанную точку зрения с конкретными результатами интеграции. В качестве реальных достижений постсоветской интеграции опрошенные специалисты назвали следующие. *Во-первых*, сдерживание конфликтности в отношениях новых независимых государств и налаживание общих механизмов поддержания безопасности в регионе. *Во-вторых*, перерастание формального желания интегрироваться в конкретно-содержательное понимание необходимости интеграции. *В-третьих*, появление межгосударственных холдингов, трансрегиональных корпораций, налаживание большого объема кооперативных и экономических связей на уровне предприятие — предприятие. *В-четвертых*, создание зоны свободной торговли. *В-пятых*, складывание свободного социального пространства (безвизовый режим между основными участниками интеграции, трудовая миграция). *В-шестых*, возможность реализации межгосударственных научных, культурных и образовательных проектов¹³.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

Сильнейший демонстрационный эффект, порожденный размахом, глубиной и динамизмом процесса создания Евросоюза в конце XX — начале XXI в., сделал его опыт методологически-нормативным, что и привело к его экстраполированию на постсоветскую интеграцию. Отсюда и очевидные противоречия в оценках экспертов: вначале они определили уровень постсоветской интеграции как «варварско-примитивный», а затем в числе реальных ее завоеваний назвали те, которые свидетельствуют, по большому счету, если не о достижении «цивилизованного» уровня, то о заметном приближении к нему. Примечательно, что на такие оценки не смогли тогда повлиять даже грозные симптомы институционального кризиса ЕС (провал «Конституции для Европы» на референдумах во Франции и в Нидерландах, состоявшихся в мае и начале июня 2005 г.).

«Каноничность» интеграционной модели ЕС выразились также в выделении еще одного уровня системогенеза — «культурного». Среди признаков, характеризующих этот уровень, главными были названы следующие. *Во-первых*, не только создание партнерами общих органов управления, имеющих полномочия предписывать министерствам и ведомствам стран-участниц те или иные конкретные действия, но и наделение этих органов возможностями для осуществления принятых решений. *Во-вторых*, готовность сторон перестраивать свое внутреннее устройство и внутренние механизмы под критерии интеграционной целостности. *В-третьих*, выработка и проведение в жизнь единой стратегии совместного интеграционного развития¹⁴.

Хотя участники проекта и не говорили об этом прямо, но интеграцию «культурную» они фактически отождествляли с евросоюзной. Ведь за исключением «отдельных замечаний» о том, что элементы «культурной» интеграции можно усмотреть в проекте создания Союзного государства Беларуси и России, в целом эксперты констатировали «нехарактерность» таких устремлений «для всего постсоветского пространства», а посему сделали вывод, что говорить о появлении на нем признаков культурной (читай: евросоюзной. — *О.Б.*) интеграции «нельзя»¹⁵.

В сложном и противоречивом контексте постсоветской интеграции особое место принадлежит вопросу об ее оптимальных и реально возможных темпах, о вероятной временной протяженности интеграционных процессов. Как отмечалось, «мнения экспертов по целесообразным темпам интеграционного развития разделились». Небольшая часть опрошенных высказалась в пользу «интеграционного рывка» —

¹⁴ Результаты исследования «Восприятие интеграционных процессов...»

¹⁵ Там же.

ускоренного создания дееспособного объединения в течение 5–10 лет¹⁶. Их обоснование: осуществление такого рывка требует от новых независимых государств ускорения темпов глобализации мировой экономики. В условиях, когда у этих стран имеются интеграционные заделы и когда «все механизмы уже вышли на стадию функционирования, но остаются еще достаточно подвижными, глубоко не закостенели», их гораздо легче подогнать друг к другу, а затем настроить на эффективную работу, адаптируя к задачам интеграции и не допуская разрушения ранее сделанного. В противном случае, если плохо настроенные механизмы успеют набрать инерцию, «сдвинуть их в сторону «реальной» интеграции будет гораздо тяжелее»¹⁷.

Большинство специалистов высказалось в пользу варианта «постепенной и осторожной адаптации», на которую уйдет до 50 лет¹⁸. Обосновывая его как наиболее «комфортный» путь объединения, эксперты прямо апеллировали к опыту создания Евросоюза и указывали на такие факторы, препятствующие ускорению интеграции, как недостаточное доверие постсоветских стран друг к другу, боязнь их элит потерять власть и «незавершенность формирования внутренних механизмов»¹⁹.

Результатом «методологически-нормативного» восприятия опыта Евросоюза многими аналитиками и политиками стало непонимание дифференцированности темпов продвижения различных интеграционных проектов. Эти темпы определяются эпохой, особенностями региона, цивилизационно-исторической «дистанцией» между интегрирующимися странами. Наглядной иллюстрацией этого может служить тот факт, что если у ЕЭС на построение таможенного союза ушло без малого 40 лет, то у Беларуси, Казахстана и России — лишь 12.

Кризис ЕС и его последствия для евразийской интеграции

Тем временем Евросоюз, вступивший в XXI в. триумфатором, встретил свой 50-летний юбилей в совсем другом качестве. В считанные годы из эталона успешной интеграции он последовательно превращается в символ завышенной самооценки, близорукости принимаемых решений, неадекватности действий в кризисных условиях. *Во-первых*, произошел институциональный кризис, который, начавшись в 2005 г.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

провалом «Конституции для Европы» на референдумах во Франции и в Нидерландах, продолжает расшатывать единство ЕС. *Во-вторых*, в 2008 г. на страны ЕС перекинулся мировой финансово-экономический кризис, затем приобретший долговую форму. *В-третьих*, с 2011 г. обострился в результате «каскада» арабских революций иммиграционный кризис. Имеются все основания для вывода о том, что и «предстоящее десятилетие будет для ЕС трудным испытанием»²⁰.

Как это ни парадоксально, наиболее глубокий и самый продолжительный за всю историю ЕС кризис влечет за собой и некоторые положительные последствия. Под его влиянием произошли сдвиги в восприятии евроинтеграции как рядовыми гражданами стран ЕС, так и представителями правящих элит. В частности, стало уходить в прошлое еще недавно господствовавшее в странах ЕС представление о безупречности и каноничности идеологии и практики Евросоюза. Убедительным примером распространения массовых евроскептических настроений как в странах Еврозоны, так и в других государствах ЕС могут служить результаты серии опросов, проведенных в 2013 г. и накануне майских выборов 2014 г. в Европарламент.

Самым впечатляющим итогом этих выборов стали беспрецедентная победа Партии независимости Соединенного Королевства в Великобритании и Национального фронта во Франции. Ее значение определялось тем, что Великобритания и Франция являются второй и третьей экономиками ЕС. Больших электоральных успехов евроскептики добились также в Австрии, Дании, Швеции, Греции, Нидерландах, Германии и ряде других стран — членов Евросоюза.

Нынешний кризис, выявивший пороки современной западной финансовой системы, дает мощный импульс дальнейшей плюрализации путей экономического развития в глобализирующемся мире. И в данном отношении требование Бразилии перестать относиться к экономике как к мировому казино, призывы Китая, России, Беларуси, Казахстана и других стран отказаться от эксклюзивной роли доллара в мировых финансах — лишь начало. Предложения о серьезной реформе глобальной экономической и финансовой архитектуры в ближайшие годы будут только множиться.

Важным событием стал первый саммит БРИК (Бразилия, Россия, Индия, КНР), состоявшийся в разгар мирового кризиса в июне 2009 г. в Екатеринбурге. В 2011 г. группа расширилась за счет включения в свой состав ЮАР (после чего организация получила нынешнее название БРИКС). В июле 2014 г. в бразильских городах Форталеза и Бра-

²⁰ Борко Ю.А. Указ. соч. С. 23.

зилия состоялся уже 6-й саммит этой, без сомнения, многообещающей международной организации. Сегодня на повестке дня БРИКС уже находится вопрос о дальнейшем расширении ее состава.

Итак, благодаря нынешнему кризису другие интеграционные объединения, особенно на постсоветском пространстве, смогли выйти из тени, которую отбрасывал на них «эталон» ЕС. Теперь они обретают ту степень самодостаточности, которая стимулирует формирование полицентричного мира.

XXI век: экономическая субъектность стран и интеграционных союзов

Вместе с тем в достаточной степени проявилось еще одно противоречивое последствие комбинированного глобального кризиса. Произошло укрепление позиций сторонников сохранения экономико-политической субъектности, как отдельно взятых стран, так и интеграционных союзов. Ряды тех, кто оспаривает «глобально-интеграционный детерминизм», заметно расширились. Их позиции варьируются в широком диапазоне, от бескомпромиссного изоляционизма до умеренного прагматизма, вполне допускающего взаимовыгодное сотрудничество с различными интеграционными группировками, но без вступления в них.

Второй вариант, на наш взгляд, наиболее логично и убедительно сформулировал российский экономист В.П. Фёдоров. Ссылаясь на отношения России с Евросоюзом, он считает, что эти отношения развиваются, «пусть медленно и не без противоречий, в естественном направлении», т.е. идут к созданию Общего европейского экономического пространства. Но, с другой стороны, отмечает он, между Россией и ЕС уже давно существует асимметрия намерений, которая, как вновь свидетельствуют события 2014 г., выражается в стратегии «ограниченного допуска РФ в Европу, или даже ее изоляции». Эти и другие обстоятельства — огромные природные богатства, стратегические государственные интересы и геополитическое положение страны, являющейся самой большой по территории одновременно и в Европе, и в Азии, — определяют для России, по убеждению В.П. Фёдорова, роль «расчетливого актора», располагающего свободой маневра в обеих «родных» частях света и ведущего свою политику в соответствии с принципом «без друзей и без врагов»²¹.

²¹ Фёдоров В.П. Крушение Европы? (Один из возможных сценариев будущего) // Доклады Института Европы. № 167. М., 2005. С. 30; *он же*. Россия: внутренние и внеш-

Многие аспекты евроинтеграции до сих пор являются объектом дискуссий. Украинский экономист О. Яременко, ссылаясь на острейшие проблемы, испытываемые еврозоной в условиях нынешнего кризиса, делает вывод, что они стали результатом отказа от монетарного суверенитета тех стран, которые перешли на единую коллективную валюту — евро. Обращаясь летом 2010 г. к участникам российско-украинского «круглого стола», он указал на то, что «экономика, построенная на принципе субъектности, допускает гораздо более высокий уровень «неопределенности без разрушения», ибо ей присущи более высокая степень ответственности за результаты хозяйствования и большая экономическая свобода. Национальные суверенитеты вообще, а «экономический и монетарный, в частности, представляют собой несущую конструкцию глобальной системы»²².

Другие специалисты, напротив, считают, что сохранение политико-экономической субъектности в глобализирующемся мире возможно только в составе интеграционных объединений. В частности, российские ученые Н.П. Шмелёв, Р.С. Гринберг, А.Н. Быков, А.И. Бажан с определенностью говорят об этом применительно к постсоветскому пространству. Логика заключается в том, что новые независимые государства в недавнем прошлом составляли единую страну «с единым народнохозяйственным комплексом», и их экономики по-прежнему взаимно дополняют друг друга²³. Усилившееся под влиянием кризиса взаимопроникновение экономик этих государств должно стимулировать «самоорганизацию постсоветского пространства на новой технологической базе», без чего существует реальная угроза, что и Россия, и другие постсоветские страны «утратят субъектность» и станут объектом политики других, более мощных экономических игроков²⁴.

Таким образом, мы имеем дело с двумя противоположными позициями. Одна исходит из того, что отдельно взятые страны могут сохранить и укрепить политико-экономическую субъектность лишь благо-

ние опасности. 2-е изд, испр. и доп. М.: Огни-Пресс–Крафт+, 2005. С. 253, 353, 363.

²² Сотрудничество России и Украины в валютной и финансовой сферах (заседание за «круглым столом») // Мир перемен. 2010. № 3. С. 49–50.

²³ Быков А.Н. Кризис финансовой глобализации и уроки для России и СНГ // Белорусский экономический журнал. 2009. № 4. С. 12.

²⁴ Гринберг Р.С. Глобальный экономический кризис и модернизация России // Белорусский экономический журнал. 2011. № 1. С. 8; Быков А.Н. Что сулит нам посткризисный мир? // Мир перемен. 2011. № 1. С. 48–50; Быков А.Н. Кризис финансовой глобализации и уроки для России и СНГ // Белорусский экономический журнал. 2009. № 4. С. 10–11; Шмелёв Н.П. Модернизация и международные интересы России // Современная Европа. 2010. № 4. С. 13; Мир до и после кризиса. Белорусско-российский «круглый стол» // Белорусский экономический журнал. 2009. № 4. С. 40.

даря участию в интеграционных союзах. Другая точка зрения, заметно укрепившаяся в ходе нынешнего мирового кризиса, указывает на преимущественные шансы сохранения субъектности в рамках отдельно взятых государств.

Проверим степень реалистичности обеих позиций, основываясь на примерах, относящихся к Республике Беларусь и Российской Федерации — партнерам по Союзному государству. Эти две страны являются членами еще пяти постсоветских интеграционных объединений — СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС, ЕЭП, а также Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России. Они — государства-«рекордсмены» по совместному участию в работе интеграционных организаций постсоветского пространства.

Начнем с Беларуси. Р.С. Гринберг, выступая осенью 2009 г. на белорусско-российском «круглом столе», назвал Беларусь «очень серьезным резервом, который может быть включен в процесс самоорганизации постсоветского пространства на новой технологической основе»²⁵. По его мнению, на фоне общей экономической демодернизации постсоветского пространства Беларусь выглядит наиболее развитым государством «с точки зрения вовлечения многих сотен тысяч людей в создание конечной продукции»²⁶.

В некотором смысле это так. Но, с другой стороны, как подчеркивает видный белорусский экономист В.Н. Шимов, никак нельзя забывать и о «значительном и застарелом дисбалансе в структуре промышленности» Беларуси, о «ее давнем технологическом отставании»²⁷. Ведь, отмечает он, совокупная доля продукции V и VI технологических укладов в ее экономике составляет не более 10%, тогда как в странах-лидерах мирового научно-технического прогресса «она колеблется в диапазоне 50–70%»²⁸.

Спустя три года В.Н. Шимов вместе со своим соавтором Л.М. Крюковым констатировали отсутствие сдвигов в преодолении технологического отставания белорусской экономики²⁹. По их прогнозу, отставание Беларуси не удастся сократить своими силами «в течение ближайших пяти лет». Решить данную проблему можно, лишь отказавшись от следования модели «догоняющей» модернизации для

²⁵ Мир до и после кризиса. Указ. соч. С. 40.

²⁶ Там же.

²⁷ Шимов В.Н. Теоретические и практические аспекты структурной трансформации экономики Беларуси: посткризисный контекст // Белорусский экономический журнал. 2010. № 2. С. 5.

²⁸ Там же. С. 15.

²⁹ Шимов В.Н., Крюков Л.М. Модернизация национальной экономики — императив времени // Белорусский экономический журнал. 2013. № 2. С. 28.

развивающихся стран и перейдя к реализации принципиально иной концепции. В.Н. Шимов и Л.М. Крюков называют ее «опережающей» модернизацией, основывающейся на реалиях советской модернизационной модели³⁰.

Жесткость императивов модернизации, особенно на постсоветском пространстве, равно как и масштабы проблем, связанных с продолжающимся мировым кризисом, свидетельствуют о заведомой недостаточности внутренних ресурсов Беларуси. Требуется, в частности, вдохнуть новую жизнь в совместные программы Союзного государства Беларуси и России, создавать совместные предприятия, сборочные производства за рубежом, холдинги, транснациональные корпорации в рамках как Союзного государства, так и других интеграционных организаций³¹.

Теперь о России. **Первое.** Она, конечно, неизмеримо больше Беларуси и по населению, и особенно по территории. Однако, будучи самой большой по территории страной одновременно и в Европе, и в Азии, Россия со своим 146-миллионным населением (с учетом Республики Крым и Севастополя) не может развиваться достаточно успешно вне интеграционных союзов. Как резонно замечает А.Н. Быков, «...нам пора, наконец, учесть, что мы уже 20 лет отнюдь не сверхдержава, а лишь относительно более богатый партнер, способный тратиться на союз...» с новыми независимыми государствами бывшего СССР³². Р.С. Гринберг уверен, что без такого союза, который позволил бы России и другим странам постсоветского мира реанимировать оставшуюся, «еще весьма приличную по международным меркам» часть советского научно-технического потенциала, эти страны неизбежно скатятся в зону «технологического захолустья»³³.

Второе. Без совместной программы действий с Беларусью, Казахстаном и другими ближайшими партнерами Россия не сможет превратить рубль в региональную и резервную валюту. Эту роль, на взгляд А.Н. Быкова, российский рубль сможет играть лишь в случае, если СНГ станет действенным интеграционным объединением³⁴. А.И. Бажан идет еще дальше. По его мнению, взаимодополняемость хозяйственных комплексов наиболее развитых стран СНГ и «примерно

³⁰ Там же.

³¹ Шимов В.Н. Мировой финансово-экономический кризис: негативные последствия для Беларуси и пути их преодоления // Белорусский экономический журнал. 2009. № 2. С. 10.

³² Быков А.Н. Что сулит нам посткризисный мир? С. 49.

³³ Гринберг Р.С. Весна Евразийского союза: хрупкие надежды // Мир перемен. 2012. № 1. С. 7.

³⁴ Быков А.Н. Указ. соч. С. 10.

одинаковый уровень их экономического развития» делают вполне возможным создание ими «оптимальной валютной зоны». И если таковая действительно будет создана, то «функционирование единой валюты здесь было бы более успешным и не привело бы к тем коллизиям, которые имеют место в Евросоюзе»³⁵.

Третье. Без эффективного процесса интеграции постсоветского мира сохранятся и нынешние военно-политические риски для России и других государств бывшего СССР. Можно не сомневаться, что администрация США и НАТО, не отказываясь от отдельных шагов навстречу России, будет и впредь использовать антироссийские настроения (прежде всего стран «новой» Европы) для дальнейшего продвижения своих военных баз в сторону Российской Федерации и ее союзников. В связи с этим, как подчеркивает российский политолог В.С. Буянов, решающее значение приобретает то, что «Российская Федерация для Республики Беларусь — гарант безопасности, прикрывающий ее “ядерным зонтиком”», а для России Беларусь — «единственный геополитический союзник на Западе, щит между НАТО и РФ»³⁶.

Четвертое. Для России в интеграционном союзе существенно смягчились бы и демографические опасности. Совершенно очевидно, что низкий показатель средней плотности населения в России — 8 чел. на км² — будет, чем дальше, тем больше провоцировать в ряде стран представления об «избытке» территории в ней, что сделает ее земли «предметом вождления»³⁷. Подключение к интеграционному процессу других постсоветских государств способствовало бы снижению остроты этой проблемы.

Постсоветская интеграция и вызовы современности

Причины систематической недооценки деятельности постсоветских интеграционных объединений, разумеется, не исчерпываются только тем, что успешно развивавшаяся вплоть до 2005 г. евросоюзная интеграция отбрасывала на них «тень» вторичности и периферийности. На такое восприятие настраивала, собственно, и сама их работа, конкретные ее результаты.

³⁵ Бажан А.И. Двойной долговой кризис в еврозоне // Долговой кризис в ЕС и перспективы евро. Материалы круглого стола (ИЕ РАН, 19 октября 2011 г.). Доклады Института Европы. № 276. М.: Русский сувенир, 2012. С. 33.

³⁶ Буянов В.С. Геополитика современной России: некоторые аспекты // Мир и политика. 2011. № 9. С. 73.

³⁷ Фёдоров В.П. Россия: внутренние и внешние опасности. С. 29–30.

Оценивая эффективность интеграции в постсоветском мире, большинство экспертов и политиков указывают на явный дефицит видимых и значимых результатов, способных представить ее в сугубо положительном свете. В частности, наиболее распространенными характеристиками степени эффективности интеграции новых независимых государств стали следующие: «все намерения остались на уровне благих пожеланий», «все остается на бумаге, не воплощается», «слов много, дел мало» и т.п.³⁸

Низкую эффективность текущего интеграционного процесса объясняют следующими причинами:

- отсутствием у государств-участников четкого представления о собственных долгосрочных интересах;
- групповым и индивидуальным эгоизмом стран-участниц интеграционного процесса (неготовностью или неспособностью идти на согласование интересов);
- недостаточной глубиной проработки и продуманности принимаемых интеграционных решений;
- незащищенностью интеграционных образований от использования в других целях (лоббирование, изменение политической конъюнктуры внутри своих государств, давление на партнеров по объединению и др.);
- коррумпированностью чиновников государственных органов, занимающихся интеграционными проектами;
- чрезмерной бюрократизацией интеграционных процессов;
- слабоволием в реализации принятых интеграционных планов³⁹.

На оценке эффективности интеграции политиками, экспертами, общественностью не может не сказываться и «несоразмерность результатов процесса с наличием большого бюрократического аппарата, ответственного за интеграцию... в СНГ существует около 70 органов, работает 1500 человек, а активность их фоновая: “Интеграционные структуры не участвуют в интеграции! Они существуют сами для себя”»⁴⁰.

Формально нынешнее постсоветское пространство в состоянии противостоять тем вызовам современности, о которых шла речь выше. Об этом говорит наличие в нем целого ряда интеграционных организаций: Содружество Независимых Государств (СНГ), Единое экономи-

³⁸ Результаты исследования «Восприятие интеграционных процессов...»

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

ческое пространство (ЕЭП), Евразийское Экономическое Сообщество (ЕврАзЭС), Союзное государство Беларуси и России, Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), созданный в 2010 г. Таможенный союз Беларуси, Казахстана и России.

Но, с другой стороны, какую из них ни возьми, ни одна в достаточной степени не действует в соответствии с целями, ради которых создавалась. ЕЭП, которое должно было формироваться на принципах и критериях Европейского Союза, на следующий год после своего образования (2003) вступило в фазу «полураспада», поскольку Украина, являющаяся одной из стран-основательниц, с 2005 г. фактически перестала участвовать в его формировании. Сильный импульс к оживлению ЕЭП был дан лишь в 2011 г., когда руководители России, Беларуси и Казахстана согласовали план создания Евразийского экономического союза. В ноябре 2011 г. президенты Беларуси, России и Казахстана, подписав Декларацию о Евразийской интеграции, поставили задачу к 1 января 2015 г. завершить кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Единого экономического пространства и Таможенного союза.

Созданная еще в 1992 г. ОДКБ проявила неспособность к эффективному миротворчеству и урегулированию конфликтов в государствах, входящих в нее, что особенно наглядно подтверждено трагическими событиями в Киргизии весной 2010 г. На неформальном саммите ОДКБ 20 августа 2010 г. в Ереване, в частности, констатировалось, что для прекращения кровавых беспорядков в Киргизии, как стране — полноправном члене этой организации, система выработанных ранее механизмов внешнеполитической координации в рамках ОДКБ не была задействована.

С 2002 г. в фазу затяжного кризиса вступил белорусско-российский союз. Периодически возобновлявшиеся между «самыми близкими» союзниками «газовые», «нефтяные», «молочные», «информационные» войны свидетельствовали о настоятельной необходимости системной «перезагрузки» союзного проекта. На ее осуществление понадобилось несколько лет. Причем, к чести обеих сторон, последовательная нормализация двусторонних отношений происходила на основе взаимных компромиссов.

Хотя установки массового сознания постсоветских стран в преобладающем большинстве были и остаются проинтеграционными, политические институты этих государств, гражданское общество, бизнес (особенно средний и малый), экспертные сообщества изначально были слабо вовлечены в черновую работу по развитию интеграции. Но в том то и дело, что успешное экономическое развитие постсоветского

мира в большей степени зависит не столько от целеполагающей деятельности властей стран, желающих интегрироваться, сколько от создания в нем свободного рынка капиталов, рабочей силы, товаров и услуг, формирования благоприятного инвестиционного климата, равно как и от декриминализации их экономик, искоренения чиновничьего произвола, правовой защищенности участников интеграции.

Локомотивы интеграции

В кардинально изменившихся условиях Российская Федерация должна выступить инициатором ускорения и углубления интеграции постсоветского мира. Ведь Россия, будучи в свое время «первой среди равных» союзных республик, стала после распада СССР его правопреемницей в международно-правовом плане. Уже по этой причине, как и по численности населения, огромной территории, а также природно-экономическому потенциалу, ей принадлежит особая роль в реинтеграции всего пространства бывшего Советского Союза.

Как свидетельствует практика построения стратегических интеграционных объединений в различных частях света, роль инициатора в таких случаях берет на себя крупная страна, заинтересованная по экономическим либо геополитическим соображениям в продвижении своих товаров и капиталов, а также в усилении собственного политического влияния. Она предлагает своим менее мощным соседям систему предпочтений по старому, как мир, принципу «do ut des» («даю, чтобы и ты дал мне»). Так поступают США по отношению к своим партнерам по НАФТА — Канаде и Мексике, КНР — по отношению к участникам Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Германия и Франция — по отношению к менее развитым государствам — членам ЕС.

Понятно, что и Россия здесь не является исключением: ведь поскольку ей больше дано, то с нее и больший спрос. Как писал в этой связи академик РАН Н.П. Шмелёв, выражая позицию реалистически мыслящей части российского экспертного сообщества: «России... следовало бы отказаться от некоторых иллюзий и признать, что роль определенного донора и в Таможенном союзе России, Белоруссии, Казахстана, и в более широких постсоветских интеграционных образованиях для нее неизбежна»⁴¹. Вот почему Россия, «не становясь в позу командира и не защищая безоглядно интересы олигархов, готовых все ценное скупить по выгодным для них ценам», должна играть

⁴¹ Шмелёв Н.П. Указ. соч. С. 14.

в интеграции постсоветского пространства роль, так сказать, «первого среди равных»⁴².

Практически идентичную позицию занимает в этом вопросе и Р.С. Гринберг. По его убеждению, Россия в деле реинтеграции постсоветского мира не должна «бороться за каждый рубль и доллар в... газовых или негазовых войнах». Российский экономист (причем придерживающийся либеральных воззрений) ставит здесь вопрос ребром: «Если мы действительно хотим консолидировать постсоветское пространство, то у нас нет никакого выбора, кроме как платить за интеграцию. В краткосрочном плане — это потери, в долгосрочном — однозначный выигрыш для всех, в том числе и для России»⁴³.

Опыт Евросоюза свидетельствует о том же. Например, Германия и Франция выделили 137 млрд евро в интеграционный фонд на ускоренное развитие более слабых членов ЕС⁴⁴.

Императивы для постсоветского мира

Глубокая и разносторонняя интеграция новых независимых государств Евразии явилась бы адекватным средством преодоления постсоветской демодернизации, тенденции к «цивилизационному регрессу» российского, белорусского, украинского и других обществ — наследников СССР⁴⁵. Ведь эти процессы пока еще не привели к «перекодированию» системных, фундаментальных характеристик социумов, так или иначе, но модернизованных советской цивилизационной моделью. Россию и другие постсоветские государства по-прежнему отличает от развивающихся стран более высокий уровень урбанизации, грамотность подавляющего большинства населения, качественные и количественные показатели уровня высшего образования и науки, относительно развитая промышленная инфраструктура⁴⁶.

По-прежнему, несмотря на ощутимые потери 1990-х гг., дает о себе знать «тотальная сциентизация и большой пиетет перед образовани-

⁴² Быков А.Н. Указ. соч. С. 48–49.

⁴³ Гринберг Р.С. Указ. соч. С. 7.

⁴⁴ Иршиев Б. Путь в Европу. Евросоюз: опыт интеграционной модели (эволюция, ценности и проблемы). Алматы, 2009. С. 311.

⁴⁵ Кандель П.Е. Россия — СНГ: баланс центробежных и центростремительных тенденций // Европа: вчера, сегодня, завтра. М., 2002. С. 549.

⁴⁶ Рукавишников В., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 29.

ем», утвердившиеся в советском обществе⁴⁷. Реальными факторами продолжают оставаться «наличие больших групп населения, профессионально подготовленных к научной и инженерной деятельности» и высокая квалификация инженеров, конструкторов и ученых⁴⁸.

Именно эти устойчивые характеристики — высокая степень урбанизации экс-советских республик (прежде всего европейских), делающая крупные города все более похожими на мегаполисы Запада; высокий уровень образования; современная социальная структура; открытость общественного сознания мировым влиянием; его доминирующая секуляризованность — позволяют уверенно прогнозировать успешное будущее евразийским интеграционным проектам.

На интеграцию стран постсоветского мира сейчас во все большей степени начинают работать факторы их общей истории, сходство менталитета, еще сохранившиеся общие культурно-цивилизационные «коды». Сейчас в гораздо большей мере, чем 10–15 лет назад, и представителями властвующих элит Содружества, и рядовыми гражданами осознается, что, по удачному выражению Н.П. Шмелёва, «слишком многое и слишком долго связывало все эти страны, чтобы полностью отказаться от оценки так называемого «постсоветского развода» как исторически кратковременного замешательства»⁴⁹. В этом принципиальная разница между нынешним временем и эпохой коллапса Советского Союза.

Ведущими центрами интеграции, вокруг которых по-прежнему сосредоточены основные усилия государств постсоветского пространства, выступают Россия и ЕС. Между ними развернулась достаточно активная конкурентная борьба за масштабы интеграции и сферы влияния.

Лидерами интеграции вокруг России считаются в настоящее время Казахстан и Беларусь, к которым тяготеют Армения, Киргизия и Таджикистан. В наиболее отчетливой оппозиции к этому объединению находится Грузия и, в меньшей степени, Молдова. К ним после вооруженного переворота в феврале 2014 г. примкнула Украина. Деструктивное влияние на процесс интеграции стран постсоветского пространства оказывают США, пытаясь переориентировать их на ЕС и НАТО.

⁴⁷ Водопьянова Е.В. Европа и Россия на карте мировой науки. М., 2002. С. 119.

⁴⁸ Кудров В.М. Экономика «Трех Европ» на подъеме: Сопоставительный анализ. М.: Огни ТД-Крафт+, 2005. С. 56; Тихонова Н.Е. Россияне на современном этапе социокультурной модернизации // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 43; Тренин Д. Россия и конец Евразии // Pro et Contra. 2005. № 1. С. 17.

⁴⁹ Шмелёв Н.П. Россия через 50 лет: возможные сценарии будущего // Современная Европа. 2006. № 1. С. 18.

Думается, что прогнозы и пророчества о конце постсоветских интеграционных союзов, так часто высказывавшиеся до начала глобального кризиса, основывались на сознательном или неосознанном приписывании им черт федерации, которая, конечно, неприемлема для наследников СССР ввиду ее неизбежной «россиецентричности». Но именно по причине глубокого кризиса ЕС, парадоксальным образом расширившего горизонты постсоветской евразийской интеграции, зреющие интеграционные союзы — в действительности, конфедерации, — не просто могут, но должны будут существовать и развиваться. Убедительное тому подтверждение — подписание президентами Беларуси, Казахстана и России 29 мая 2014 г. в Астане договора о создании Евразийского экономического союза.

Вместе с тем для эффективного интеграционного «обустройства» постсоветского пространства необходимо использовать и некоторые «ноу-хау» ЕС. Речь, прежде всего, должна идти о появлении, наряду с конфедеральными, и некоторых федеративных институтов. Главное при этом — избежать тех роковых ошибок, которые привели ЕС к самому глубокому и продолжительному кризису.

Уже налицо конкретные свидетельства экономической эффективности Таможенного союза Беларуси, России, Казахстана. Так, темпы роста объема взаимной торговли составили в 2012 г. почти 9%, что в три раза выше, чем в их торговле с остальными странами⁵⁰. По расчетам Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (2011), к 2030 г. годовой прирост ВВП за счет создания Единого экономического пространства стран Евразийского Союза может увеличиться для Беларуси на 14, для Казахстана — на 13, а для России — на 75 млрд долл. США. А совокупный эффект для трех стран союза от создания ЕЭП может составить до 900 млрд долл. США. В случае же присоединения к этому союзу Украины совокупный эффект мог бы достигнуть 1100 млрд долл. США⁵¹. Впрочем, после совершенного в этой стране в феврале 2014 г. государственного переворота, такая возможность, стала, скорее, гипотетической.

* * *

В заключение обратимся к крайне болезненному вопросу: есть ли в нынешней ситуации шансы на то, что экономическая необходимость побудит субрегиональные интеграционные объединения евра-

⁵⁰ Мясникович М.В. Интеграция в ЕЭП, ЕврАзЭС и СНГ: вектор перспективы // Белорусский экономический журнал. 2013. № 2. С. 5.

⁵¹ Там же.

зийского континента — как Европейский Союз, так и Евразийский экономически союз — к содержательному и устойчивому сближению? Что касается последнего, то в его планы входит создание в перспективе единого экономического пространства с ЕС. А вот западные руководители расценивают Евразийский союз как попытку воссоздать СССР⁵².

Ответ на сформулированный выше вопрос звучит так: политико-идеологические «дорожные знаки», ограничивающие движение на трассе «Евразийская интеграция — Евросоюз», еще долго не будут сняты, что, по всей очевидности, будет существенно сдерживать развитие равноправных взаимовыгодных отношений.

⁵² Клинтон: США не допустят воссоздания СССР // LB.UA избранное для всех (http://world.lb.ua/news/2012/12/07/181641_klintonssha_dopustyat.html).

Глава 29

ИНТЕГРАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ

Интеграция, приведшая к созданию Европейского Союза, с полным основанием долго слыла образцовой. Усилиями его основателей был построен эффективный экономический механизм, объединивший, в конечном счете, хозяйственные структуры 28 государств. Многие годы он успешно справлялся с проблемами, встречавшимися на избранном пути. Однако сейчас ЕС оказался перед непростой ситуацией, истоки и последствия которой явно требуют нового подхода.

Считается, что основная причина трудностей, переживаемых сейчас Евросоюзом, — глубокий долговой кризис. Этот вывод представляется не совсем точным. Кризис, при всей его значимости, послужил лишь катализатором, выявившим органические слабости, свойственные сложившимся интеграционным структурам и почти не проявлявшиеся в предшествующие «тучные годы».

Причины этих слабостей ныне вполне очевидны. Первоначально интеграция, завершившаяся созданием ЕС, была задумана и реализована, прежде всего, как экономический проект. Поэтому главное внимание было уделено данной стороне дела. Предполагалось, что все остальные аспекты вторичны и могут быть решены попутно.

Между тем интеграция вызвала к жизни мощные политические и социально-психологические процессы. Тем не менее доминирование экономических подходов сохранилось. Возникло глубокое противоречие, которое со временем создало ряд серьезных препятствий на пути реализации задуманного проекта.

Исключительно важное место в их числе заняла национальная проблема. Отсюда острая необходимость обратиться к ее корням, сущности, динамике и силе влияния.

Об анатомии национальной идентичности

При анализе общности, именуемой нацией, не всегда в должной степени принимается во внимание то, что речь в данном случае должна идти, прежде всего, об общественном продукте не биологического, но социопсихологического плана, в основе которого лежит такое сложное и многообразное явление, как идентичность.

Существует ряд факторов, определяющих становление национальных идентичностей. В их числе территориальная и этническая общность, лингвистическое и культурное единство (или, по меньшей мере, близость), совместное историческое прошлое, аналогичная заинтересованность в безопасности перед лицом угрозы со стороны реального или мнимого противника, совпадение экономических интересов. Значительную роль в выработке национальных идентичностей играло в ряде случаев длительное пребывание в рамках общего государственного образования — особенно, если оно сочеталось с одним или с несколькими факторами, названными выше.

При наличии этнической общности национальная идентичность, как правило, складывалась проще. Однако преувеличивать эту сторону дела не стоит. Истории известно немало идентичностей, не опиравшихся на этнический фактор, но тем не менее демонстрировавших достаточную устойчивость и прочность.

Уровень национальных идентичностей в решающей степени зависит и от стадии общественного развития. В мире все еще сохранилось немало государственных (или, точнее, квазигосударственных) образований, в которых общенациональные идентичности носят сугубо имитационный характер, маскируя доминирующую племенную или даже родовую сплоченность. Однако в большинстве стран (особенно вышедших на сравнительно высокий уровень развития) национальные идентичности не только сложились, но и не раз демонстрировали свойственную им прочность.

Многообразие факторов, формирующих национальные идентичности, неизбежно сказывалось (и сказывается) на их внутренней структуре. Но все они, в том или ином варианте, представляют собой своего рода пирамиды, состоящие из частных субидентичностей, которые в одних случаях дополняют и укрепляют, а в других — ослабляют друг друга.

Чаще всего национальные идентичности подвергаются испытанию на разрыв под воздействием активизации этнических субидентичностей. Но не только. Как свидетельствует исторический опыт, серьезную угрозу общенациональным идентичностям может составить территори-

альная разобщенность или конфликт экономических интересов. Достаточно вспомнить в этой связи судьбу бывших британских доминионов.

Своего рода завершающий характер национальным идентичностям придает государственно-гражданская идентичность. При ней, в идеальном варианте, основная масса граждан, несмотря на набор частных субидентичностей, признает свою принадлежность к сложившейся государственной общности, рассматривает ее как высшую ценность и руководствуется этим в своих оценках и поступках. На этой основе возникает и утверждается такой феномен, как национальное самосознание.

В реальной жизни дело нередко обстоит иначе. *Во-первых*, потому, что как индивидуальное, так и общественное сознание обычно глубоко противоречивы. *Во-вторых*, потому, что сами государственно-гражданские идентичности, как и частные субидентичности, далеко не однородны. Они реализуются в виде различных моделей, форма которых варьируется в зависимости от обстоятельств, в которых они сложились, от условий существования образующих их граждан, от традиций и внешних влияний.

Налицо иерархия государственно-гражданских идентичностей различной интенсивности, обусловленная спецификой их внутренней структуры. В одних случаях такая идентичность базируется на своеобразном компромиссном сосуществовании двух (или более) сравнительно зрелых государственно-гражданских субидентичностей. В других — сочетается с наличием в ее составе нескольких частных, полностью или частично оформившихся субидентичностей, которые либо ограничивают ее всеислие, либо временно пребывают в подавленном состоянии. В-третьих, государственно-гражданская идентичность, не обладая достаточно прочной социально-психологической основой, может искусственно поддерживаться с помощью административного и манипулятивного ресурсов.

Очевидно, что степень воздействия меняющейся ситуации (как и ряда иных обстоятельств) на государственно-гражданские идентичности (а, следовательно, и на соответствующие государственные образования) во многом зависит от уровня их органичности, устойчивости и интенсивности.

Каналы воздействия

Каналы воздействия на национальную (государственно-гражданскую) идентичность можно условно подразделить на первичные и вторичные.

К числу первых следует отнести те, которые непосредственно обусловлены научно-техническими прорывами последнего времени и основанными на них социально-экономическими процессами. В этой связи есть все основания назвать, прежде всего, информационную революцию, качественные сдвиги в области транспорта и коренную глобализацию экономической сферы.

Информационная революция во многом свела на нет ту невидимую, но реальную *непроницаемость* границ, которая в той или иной степени существовала в отношениях между многими государствами (и, следовательно, народами) вплоть до второй половины XX в. Решающее значение имело возникновение «Всемирной паутины», обеспечившей почти повсеместный доступ к информации о том, что происходит во внешнем мире. Во всяком случае, образ жизни, интересы и проблемы других людей, в том числе находящихся совсем далеко, перестали быть тайной за семью печатями.

Качественные сдвиги в транспортной сфере создали для огромного числа людей реальные возможности посещать — в качестве туристов и отдыхающих, для учебы или в деловых целях и т.д. — другие страны. Глобализация экономической жизни не только сделала доступным множество зарубежных товаров (это в той или иной степени не было проблемой и раньше). Главное состояло в том, что под ее воздействием миллионы людей включились в сферу мирового производства. В одних случаях они становились сотрудниками зарубежных предприятий, приобщаясь к трудовым взаимоотношениям, принятым за границей. В других — перемещались в поисках работы в другие, в том числе дальние, районы мира. Соответственно, резко возросла их непосредственная заинтересованность в состоянии дел не только на родине, но и за ее пределами.

Качественные сдвиги в транспортной сфере удешевили и облегчили перемещения в пространстве. Одним из последствий этих сдвигов стало возникновение массовых иммиграционных потоков, все чаще именуемых новым Великим переселением народов и создавших множество острых проблем, потребовавших нестандартных решений.

Вторичные каналы воздействия обусловлены осознанными действиями, представлявшими собой реакцию институтов власти на происходившие перемены. В частности, были приняты законы, облегчающие межгосударственное передвижение не только с целью кратких поездок или в поисках убежища, но благоприятствующие перемещению рабочей силы, осуществлены меры по ее юридическому и бытовому обустройству, создана система ее квалификационной подготовки и переподготовки, обучения языку страны пребывания.

Впоследствии стало очевидным, что эта реакция не была полностью адекватной. Она не учитывала сложности происходящих изменений, и, прежде всего, того, что такие неординарные процессы, как массовые передвижения и не менее массовые контакты, не могут не повлечь за собой серьезные негативные социально-психологические и политические последствия. Во внимание принимались лишь поверхностные соображения экономического порядка — в первую очередь диктуемая конъюнктурой потребность в молодой и дешевой рабочей силе.

Параллельно стали реализовываться и содержательные программы, направленные на создание интеграционных объединений. И дело, как известно, не ограничивалось Европейским Союзом. Интеграционные структуры регионального типа сложились и действуют — пусть не столь эффективно, как ЕС — в северной части американского континента, в Латинской Америке, в странах Юго-Восточной Азии, на широких просторах Африки. Начинают приобретать зримый облик интеграционные тенденции на постсоветском пространстве.

Как все это сказалось на массовом общественном сознании? Что произошло в этой связи с национальной идентичностью?

Иллюзии и реальность

Естественно, что нас в данном случае интересует, прежде всего, ситуация в Европейском Союзе, тем более, что уровень межгосударственной интеграции в нем существенно выше, чем в других регионах. Соответственно, и выше степень воздействия этого процесса на национальную идентичность.

Как известно, новые явления, даже получив признание, далеко не всегда находят должную оценку. Если первоначально их значение преуменьшают, то, спустя некоторое время, начинает входить в моду их непомерное раздувание в духе повествований, которыми в свое время тешил публику небезызвестный барон фон Мюнхгаузен.

В политической публицистике, в том числе претендующей на науку, поныне доминирует представление о происходящем, которое, в сжатой форме, можно изложить следующим образом.

Нынешняя ситуация превратила национальные государства в отмирающий пережиток прошлого. Если они все еще существуют, то только по инерции и благодаря заторможенности общественного сознания. В духе этих перемен реконструируется и человеческое сообщество. Его устаревшие структурные элементы: расы, народы и нации размываются. Складываются, а частично и реализуются, предпосылки

формирования нового глобального сообщества. Преображается и массовое общественное сознание. Оно приобретает космополитическое содержание. Таковы не только перспективы, но во многом и реальность. Тех, кто сомневается в этом, следует считать невеждами и ретроgrадами.

Среди сторонников подобных взглядов немало романтиков, преисполненных доброй воли и мечтающих на досуге о молочных реках с кисельными берегами. Более того, было бы неверным отрицать, что когда-нибудь, в будущем, скрытом от нас временем, может возникнуть нечто похожее на описанную картину. Но ни с нынешней действительностью, ни с видимыми перспективами все это не имеет ничего общего.

Рассмотрим каждую составляющую этой иллюзии в отдельности.

Прежде всего о том, как выглядит сейчас динамика функций современного государства, если судить о ней, опираясь на опыт Евросоюза.

Длительное время государственные институты определяли основные параметры национальной экономической политики: контролировали состояние финансов, предписывали условия производства, регулировали направление товаропотоков, устанавливали правила внешнеторговой деятельности и т.д. Затем началась глобализация финансовой, производственной и торговой сфер. Она ослабила возможности вмешательства национальных государственных институтов в деятельность этого рода.

Прерогативой государства прежде считался более или менее жесткий пограничный контроль над перемещением людей и товаров. Сейчас возможности такого контроля, хотя и сохранились, но не являются столь полными, как прежде.

Раньше государственные институты оказывали решающее воздействие на формирование духовной атмосферы, по меньшей мере, в пределах своих юрисдикций. Ныне их прерогативы в этой области значительны уже.

В ходе интеграции повсеместно появились надгосударственные надстройки, которым в разной степени делегируется часть государственного суверенитета. Это тоже в определенной степени сузило набор функций, которые выполняло в прошлом государство.

Многие годы государственная власть располагала полной свободой рук при определении внешнеполитических приоритетов. В той же мере это касалось и принятия внешнеполитических решений. Теперь эта свобода рук не столь абсолютна. В результате региональной производственной кооперации и меняющихся товарных потоков повсеместно возникли непосредственные сетевые горизонтальные связи, независимые (или лишь частично зависимые) от общегосударственных институтов.

В прошлом суверенные права международно признанных государств слыли нерушимыми, а посягательства на них — нелегитимными и подлежащими осуждению. Ныне рассуждать о национальном суверенитете стало не модным. Он все чаще, как уже отмечалось, провозглашается устаревшим, а его нарушение допустимым — формально во имя практических интересов и нравственно обусловленного интервенционизма.

На данной констатации не следует, однако, ставить точку. Новые обстоятельства способствовали появлению и иных тенденций, которые заметно, по крайней мере пока, укрепляют функции государства.

Политическая система демократического типа исторически сложилась в рамках национального государства. Расширение этих рамок, затронув некоторые важные сферы, сделало актуальным перемещение системы демократического контроля с национального на более высокий уровень. Этого, однако, не произошло. Полноправных органов такого контроля, как известно, за малыми исключениями нет. И об их создании в обозримом будущем не слышно. В результате появилась сфера надгосударственных решений, закрытая для демократических механизмов. Тем самым возникло поле для эгоистических злоупотреблений и неконтролируемых дестабилизирующих влияний. И это не абстрактное предположение, а констатация реальных процессов.

Таким образом, перед суверенным государством практически встала двуединая задача: защиты очагов демократии от транснациональных источников авторитаризма, с одной стороны, и ее развития в таких формах, которые сочетали бы укрепление целостности мирового сообщества с расширением и раскрытием потенциала самобытности различных разновидностей демократии, — с другой.

Существуют и иные вызовы демократическому устройству. Классическая концепция демократии исходила из того, что народовластие базируется на общем интересе, разделяемом, по крайней мере, большинством граждан и позволяющим с помощью демократических институтов выявить их общую волю. Между тем реалии современного мира подвергают эту посылку серьезным испытаниям на прочность. Новые технологии способствуют дроблению общества. Прежние формы социальной и этно-национальной солидарности распадаются. Растет плюрализм позиций, интересов и взглядов. Появляются признаки формирования более гибких видов солидарности с преобладанием духовных и нравственных интересов. Электронные средства коммуникаций создают особые формы прямого межличностного общения, минуя посредничество социальных и политических институтов. Соответственно, ослабевает общественный контроль над действиями и решениями политических элит.

Противостоять подобным тенденциям можно лишь на государственном уровне. И чем дееспособнее национальное государство, тем эффективнее реализуется его роль в качестве гаранта «общего интереса». Причем решающей предпосылкой выполнения им этой функции является одновременная прогрессирующая демократизация государственных институтов, позволяющая им успешно нейтрализовать изощренные формы манипулирования обществом с помощью современных коммуникаций и массовой культуры.

По мере углубления глобализации возросло значение государственных институтов как гаранта социальных завоеваний. Системы социальной защиты, складывавшиеся в различных странах на протяжении многих столетий, далеко не идентичны как по объему, так и по эффективности. Многие зависят от истории их возникновения, степени эффективности народного хозяйства и соотношения политических сил.

Глобализация производственной деятельности, выведя ее за пределы национального государства, сделала необходимой и глобализацию институтов социального партнерства. Однако этого не произошло. И признаков того, что это скоро случится, нет. В результате у глобальных производителей сохранились лишь национально организованные социальные партнеры. Очевидно, что их удельные веса и, соответственно, возможности несопоставимы. В результате производитель получил серьезные преимущества над наемной рабочей силой, которые используются (или, во всяком случае, могут быть использованы) для демонтажа социальных гарантий.

Усилиям в этом направлении в решающей степени способствуют экономические интересы. Размывание социальных гарантий удешевляет рабочую силу. А это, в свою очередь, усиливает конкурентоспособность производимой продукции. Отсюда повсеместно проявляющаяся тенденция к выравниванию системы социальных гарантий не по достигнутому высшему уровню, как это нередко бывало ранее, а по низшему показателю.

Отсутствие глобализированных социальных партнеров породило также ряд новых проблем — в ряде случаев не менее важных. Как ограждать национальные системы социальных гарантий от разрушительного воздействия нынешних экономических кризисов, обретающих все более выраженный глобальный характер? Как успешно противостоять внешнему давлению экономических партнеров, требующих от более слабых стран сокращения государственных расходов, прежде всего на социальные нужды? Как эффективно сопротивляться засилью международных корпораций, душащих национальные производства псевдо-

конкурентоспособностью, основанной на навязанной дешевизне рабочей силы в экономически отставших странах и т.д.?

При отсутствии наднациональных институтов социального контроля, способных решать эти проблемы, ими, безусловно, должно заниматься национальное государство. Это, в свою очередь, означает, что в обозримой перспективе значение его деятельности в социальной сфере не только не ослабеет, но, напротив, существенно возрастет.

Это же в полной мере относится к деятельности государственных институтов в области культуры. Унификационные импульсы не ведут к исчезновению цивилизационных различий, особенно в сферах культуры, образа жизни, поведенческих моделей. Напротив, по мере поступательного развития обществ, ценность самобытности и социокультурного своеобразия возрастает. Пускать этот процесс на самотек — значит, способствовать дополнительному нарастанию напряженности. Отсюда насущная задача, встающая перед национальными государствами, — способствовать реализации объективно возрастающего стремления народов к сохранению своего своеобразия и самобытности, одновременно преодолевая порождаемые этим процессом негативные явления и направляя его в русло солидарности и терпимости. Пока других действенных институтов, способных справиться с этой задачей, у человечества нет.

Правда, далеко не все государства и не всегда успешно решают вставшие перед ними задачи. Но из рассуждений выше следует, что национальные государства не только живы, но и жизнеспособны, и слать эпитафии по случаю их упокоения, по меньшей мере, рано.

Это со всей очевидностью предполагает неизбежность противоречий между стремлением государственных институтов к сохранению привычных компетенций и интеграционными усилиями надгосударственных образований.

Специфика реакции массового сознания

Особую роль в обеспечении жизнестойкости государств продолжает играть и то, что становление наций и их роль в историческом процессе оказали глубочайшее влияние на общественно-политическое сознание народов, воздействуя на всю его толщу, включая самые глубинные слои.

Стремление к сплочению племенных и первичных этнических образований в большую институционально организованную общность, скрепленную не только властными, но и органическими скрепами, возникло в Европе на рубеже XVI и XVII вв. и реализовалось, в ос-

новном, на протяжении двух последующих столетий. Как показал ход событий, этот процесс отражал сложившуюся в то время магистральную составляющую развития человеческого общества. Важнейшей побудительной причиной, породившей названное стремление, была потребность в преодолении административных, торговых и финансовых барьеров, препятствовавших образованию емких рынков, которые в большей мере отвечали нуждам расширявшегося производства. В этом же направлении действовали относительная интенсификация транспортных и информационных потоков, в основе которой лежали новые для того времени технические возможности, возросшая горизонтальная мобильность граждан, стимулируемая как производственными, так и культурными потребностями, а также усилившееся сопротивление произволу мелких трайбалистских и феодальных владык.

Знание прошлого нередко порождает соблазн наложить прежнюю матрицу событий на то, что происходит сегодня. Поскольку глобализация, во многом определяющая нынешний этап развития, превращается из тенденции в реальность, она, де, не может не сказаться на социально-психологической сфере. Это, в свою очередь, должно свидетельствовать о том, что современным нациям не избежать судьбы, которая некогда постигла родовые и племенные союзы, и раствориться в идентичностях надгосударственного, а то и глобального типа.

Отсюда, в частности, слышавшая либеральной иммиграционная политика, проводимая многими странами в конце XX — начале XXI в. Отсюда столь распространенная, не подготовленная должным образом ставка на неограниченное использование иностранной рабочей силы. Из этого же источника проистекает недооценка национального фактора, которая явно просматривается на протяжении всех лет существования Европейского Союза. Наконец, именно такое понимание глобализации порождает чрезмерно высокие надежды, возлагавшиеся многие годы на политику мультикультурализма, исходившую из ориентации на бесконфликтные отношения между замкнутыми на себя этническими общинами.

При этом игнорировался ряд важных обстоятельств.

Во-первых, что становление наций было длительным процессом — даже если рассматривать его в исторических масштабах. *Во-вторых*, что происходил он крайне сложно и противоречиво. Движение к национальной идентичности то и дело меняло направление, совершало рывки, переживало длительные застои и откаты. *В-третьих*, что за столетия существования сложившиеся нации обрели устойчивость, превышающую ту, которая была свойственна предшествующим —

племенным, ранним этническим и, тем более, насильственно сформированным образованиям.

На этих обстоятельствах надлежит остановиться особо.

За столетия существования государственно-гражданских наций у них сложилось экономическое пространство, худо-бедно, но создавшее условия для развития производства и обеспечения приемлемого уровня жизни населения. Несмотря на все большую размытость этого некогда герметичного пространства, его роль все еще значительна — даже там, где национальные государства вошли в состав более широких объединений. И она, судя по всему, сохранится еще длительное время. В этих же пределах возникло правовое и политическое пространство. И значение его с годами не уменьшается, но возрастает.

На базе национальных сообществ укрепились современные политические режимы. Можно долго и много рассуждать об их действительных и мнимых изъянах. Но свои функции они более-менее реализуют. Между тем заинтересованность в них (а она имеет массовый характер) неразрывно связана с привязанностью к национальным общностям, объединенным на государственной основе.

Не меньшую роль играет устойчивое восприятие национальной общности как решающего гаранта безопасности от внешних угроз. Поскольку других гарантов пока мало, а ставка на них связана с риском, вера в государственно-гражданскую общность как защитника от иноземных посягательств до сих пор остается реальным фактом.

Ко всему этому следует добавить во многом негативное массовое социопсихологическое восприятие передачи государственных компетенций на усмотрение наднациональных бюрократов, а также неоднозначный опыт, накопленный многими народами на протяжении истекших десятилетий в результате беспрецедентной интенсивности людских потоков, все активнее преодолевающих границы регионов, государств, цивилизаций и континентов.

Отрицать позитивную сторону этого опыта было бы неверно. Однако позитив реализуется чаще всего тогда, когда масса вновь прибывающих не превышает критического показателя, не создает неудобств коренному населению и цивилизационно, а также конфессионально, близка и проявляет готовность принять и усвоить обычаи и законы новых мест пребывания или, по меньшей мере, считаться с ними. В противных случаях реакция будет не только сдержанной, но, как это часто бывает, негативной.

Соответственно, там, куда вливались иммиграционные потоки, а передача части государственных функций интеграционным институтам осуществлялась без должного учета социопсихологических уста-

новок большинства граждан (прежде всего в странах Евросоюза), сложились три основных типа реакции на интеграцию межнациональных отношений: благожелательная, нейтральная и нетерпимо-негативистская. При этом в каждой из них присутствовала своя шкала интенсивности — от сдержанной до предельно эмоциональной.

Происходило это постепенно. Первоначально коренное население стран — членов ЕС относилось к интеграционному процессу сравнительно индифферентно. Затем, по мере возрастания позитивных экономических сдвигов, равнодушие стало уступать место интересу, становившемуся со временем все более широким. Это особенно отмечалось в странах, ставших получателями значительных выплат от надгосударственных институтов ЕС.

Одновременно накапливались раздражители, работавшие против происходивших сдвигов. Недовольство вызывало растущее влияние тяжеловесной брюссельской бюрократии, неповоротливость и малая эффективность надгосударственных институтов, как и то, что, несмотря на провозглашенный принцип единогласия при принятии решений, членение участников ЕС на более и менее «равных» стало проступать все очевиднее и рельефнее. В свою очередь, потоки иммигрантов и создаваемые ими проблемы все убедительнее демонстрировали коренному населению всю неоднозначность политики «открытых дверей», проводимой Евросоюзом.

Долговой кризис и попытки справиться с ним за счет социально незащищенной части населения внутри отдельных стран и наиболее уязвимых государств — членов ЕС, увеличили это раздражение. А это, в свою очередь, привело к дальнейшему всплеску ксенофобии и национализма. И хотя такие настроения пока характерны лишь для меньшинства граждан стран — членов Евросоюза, социологические замеры дают основания рассматривать его как существенный фактор, воздействующий на ход политического процесса.

Тех, кто отстаивает подобные взгляды, обычно именуют правыми радикалами, а идеологию, которая лежит в основе их действий, — национализмом. В интересах точности подчеркнем, что речь в рассматриваемых случаях должна идти не столько о национализме в целом, сколько о его крайних, радикальных формах.

Каковы же особенности радикального национализма, пустившего корни в странах Евросоюза? Служит ли он аналогом явлений, имевших место в прошлом? Не характеризуется ли рядом отличий?

Ответ на эти вопросы дает непосредственное знакомство с конкретным материалом. А оно убеждает:

1. В прошлом национализм действовал, как правило, в территориально ограниченных пределах, хотя время от времени его вспышки накладывали отпечаток и на ход мировых событий. Сегодня его современный аналог приобрел значительно более широкий характер, хотя проявляется в разных формах.

2. У современного радикального национализма в странах Евросоюза интегрирующая функция, за некоторыми исключениями, если не исчезла, то, по меньшей мере, оказалась оттесненной. Ставка на формирование нации путем интеграции разнородных общностей заменена, в большинстве случаев, идеей этнической самодостаточности.

3. Национализм в том виде, в каком он сложился раньше, более или менее адекватно отражал потребности общественного, в том числе экономического развития: прежде всего, необходимость консолидации общества в рамках единого государственного организма, преодоления общинной, клановой и иной раздробленности. Воинствующий национализм в нынешнем регионе Евросоюза противостоит объективным тенденциям общественного развития: экономическим, политическим и культурным.

4. Налицо заметная специфика ценностных установок. Идеология современного радикального национализма не столь прямолинейна, как в прошлом. Не так очевидна ее антиинтеллектуальная направленность. Чаще она присутствует незримо, в подтексте. В соответствии с этим арсенал аргументов пополняется ссылками на роль национальной культуры в обогащении многообразия культур человечества и, следовательно, на необходимость национально-культурного возрождения. Содержательная сторона этих ссылок не вызывает возражений. Другое дело — чем они оборачиваются на деле.

Свойственное современному радикал-национализму перенесение упора с идеи нации на идею этноса как инварианта внесло существенные коррективы в целевые установки и методы действий националистических движений. Для старого национализма в качестве цели выступала в первую очередь культурная и лингвистическая интеграция общности, рассматриваемой как нация. Главным способом достижения такой интеграции считалась ассимиляция. Готовность к ней, реальное продвижение в ее направлении чаще всего снимали дискриминационные барьеры на пути экономической, социальной и иной мобильности. Новый радикальный национализм, со свойственным ему упором на этническую сторону дела, воспринимает ассимиляцию не как форму национальной интеграции, а как маневр, призванный подорвать ее изнутри. При таком подходе национальная интеграция,

по сути, отождествляется с вытеснением «этнически чуждого элемента» путем либо изгнания, либо физического уничтожения. В этом смысле непосредственным предтечей нынешнего радикал-национализма следует считать германских национал-социалистов с их ориентацией на «расовую чистоту крови».

В целом, однако, основные ценностные установки радикального национализма не изменились. Сами они весьма многообразны. Тем не менее в их числе можно вычлениить и назвать несколько наиболее типичных:

- тяга к самозамыканию этнически и конфессионально однородных общностей;
- активное неприятие глобализационных и интеграционных процессов;
- ксенофобия;
- склонность к крайним формам борьбы за поставленные цели.

Преувеличивать значимость рассмотренной тенденции, разумеется, не следует. Влияние радикального национализма, за некоторыми исключениями, долгие годы оставалось вторичным, во всяком случае в наиболее развитых странах. Но и не считаться с ним было бы неверным. Тем более что в последние годы оно заметно возрастало.

То, что в большинстве стран — членов ЕС правые радикалы действуют легально и собирают значительное число голосов на выборах, — факт общеизвестный. Но не меньшее значение имеет и то, что они со временем становятся «рукопожатными» — их с возрастающей охотой принимают в «приличном обществе», включают в состав политических коалиций, опираются на их голоса в парламентах, утверждают на министерских постах. Историки (и не только они) хорошо помнят, что аналогичная тенденция наблюдалась в Европе в 1920-е гг., и о том, к чему это привело.

Не следует также забывать, что, как свидетельствует печальный опыт, правые радикалы оказываются «на коне», как правило, в периоды острых кризисных потрясений. Судя по всему, мир постепенно, но целеустремленно вползает в ситуацию всеобщей нестабильности. И то, что это чревато политическими последствиями, не вызывает сомнений.

На горизонте грозовые тучи

В сложившихся условиях есть основания задуматься над тем, что может произойти, если радикальный национализм станет определяю-

щей политической силой. На это нас дополнительно побуждает развитие событий, потрясших современную Украину. Вероятных последствий будет много. Обратимся к наиболее актуальным.

Прежде всего, придется столкнуться с попыткой «приструнить» национальные меньшинства, используя всевозможные административные ресурсы. Чем это обернется — представить нетрудно.

Растущая нетерпимость по отношению к меньшинствам вызовет серию острых ответных действий. Там, где такой эксперимент приобретет реальные формы, неизбежно возникнет глубокая напряженность. У тех, кто подвергается дискриминации, существенно усиливается чувство отчужденности от политической системы и конкретной государственности, с которыми им приходится иметь дело. На этой основе возрастает готовность к сопротивлению.

Реакцией на это становится еще большая враждебность к меньшинству, проявляемая основной массой граждан. Лежащее в ее основе по преимуществу бытовое недовольство перерастает в идеологически окрашенный шовинизм. Это, в свою очередь, ослабит политические силы, противостоящие радикальному национализму. Пресечь такое развитие событий предельно трудно.

Национальные меньшинства в разных странах не равнозначны. Одни испокон веков населяли территорию, входящую в состав данного государства. Другие возникли на базе недавних иммиграционных потоков и, по сути, еще не привыкли к новым условиям жизни. Иногда меньшинство многочисленно и составляет заметную долю в составе населения. Нередко, однако, речь идет о сравнительно небольших этнических или конфессиональных общинах. Во многом различны проблемы, которые их беспокоят. Не одинаковы и сложности в отношениях между большинством и меньшинством граждан, проживающих бок о бок.

Но есть и то, что объединяет весь сложный комплекс вопросов. К нему в полной мере относится принцип «не навреди». Решению отдельных элементов «национального вопроса», как и проблемы в целом, противопоказаны игнорирование психологической стороны дела (болезненного восприятия национальными меньшинствами любых неосторожных слов и действий), использование силовых приемов и не всегда продуманная, неоправданная спешка с реакцией на возникающие конфликты.

Националисты-радикалы данный принцип не приемлют. Поэтому вред, который они могут нанести, поистине безграничен. Для Европейского Союза и для интеграции на европейском континенте в целом он будет поистине непоправимым.

Заслуживает особого внимания и другая сторона дела.

Объективные процессы, не угрожая существованию государств как сложившейся форме институционального членения человеческого сообщества, тем не менее способствовали наметившемуся размыванию государственно-гражданской идентичности — в том числе той, которая складывалась на протяжении нескольких столетий. Признаки этого появились уже во второй половине XX в.

Сначала негатив проявился в тех странах, государственно-гражданская идентичность которых по тем или иным причинам оказалась непрочной. Достаточно напомнить судьбу, которая постигла Советский Союз, Чехословакию и Югославию. Разумеется, конкретные причины, как и формы распада, были различными. Но то, что, казавшиеся вполне устойчивыми государства практически в одно и то же время распались, заставляет задуматься о более глубокой первопричине.

Открытые посягательства на сложившуюся государственно-гражданскую идентичность наметились и в некоторых странах Западной Европы, ставших членами Евросоюза. Именно там сформировался и нашел распространение хлесткий лозунг «Европа регионов», предполагавший, что основными субъектами реализуемой интеграции должны стать не «неповоротливые» государства, но непосредственно их районы.

Правда, практических последствий распространение этого лозунга не имело. В те годы, в условиях сравнительно устойчивого, позитивного развития западноевропейской интеграции, серьезных сторонников у него не оказалось. Тем не менее идея не умерла, ибо, даже будучи изложенной в не очень приемлемой форме, она все же отражала некоторые объективные процессы. А они тем временем продолжались. Общая государственно-гражданская идентичность испытывала все новые удары, между тем как региональные субидентичности набирали дополнительную силу.

Соответственно, произошло своего рода переформатирование радикального национализма. Он как бы раздвоился. Его ядро, по-прежнему ориентированное на общенациональную идентичность, объявило войну западноевропейской интеграции, заклеив ее как путь к катастрофе. Вместе с тем, используя «благоприятную обстановку», наряду с ним и тесня его, ринулись в бой националисты-сепаратисты.

Особенно заметным это стало, как только начался очередной мировой экономической кризис. А объектами серии атак оказались, в первую очередь, те страны, в которых государственно-гражданская идентичность по той или иной причине все еще оставалась уязвимой. О возможности отделения некоторых частей и даже полного распада

государств заговорили даже там, где нечто подобное совсем недавно казалось невероятным. Этому способствовало крыло радикальных националистов, объявившее непримиримую войну стремлению национальных меньшинств и исторически сложившихся регионов к сохранению или расширению административного, экономического и культурного самоопределения.

Ряд специалистов поспешил провозгласить происходящее новым свидетельством в пользу тезиса о близком конце государства. О несостоятельности такого подхода уже шла речь выше. В действительности мы имеем дело не с кризисом государства, а с кризисом существующих государств, на смену которым могут прийти другие.

Дальнейший ход событий в деталях не предсказуем. Пока можно лишь сослаться на предварительный список стран, которые могут оказаться перед перспективой крайне болезненных преобразований. Разумеется, в этой связи напрашивается ход событий в современной Украине. Тем не менее, учитывая специфику рассматриваемого предмета, ограничимся членами Евросоюза.

Условно их можно подразделить — в зависимости от остроты проблемы — на несколько категорий.

В первую есть все основания включить Бельгию, Великобританию и Испанию. В них угроза сохранению прежних государственных пределов вышла далеко за границы досужих рассуждений «пикейных жилетов». Сейчас она стала реальным объектом болезненных политических дискуссий и решений.

В Бельгии значительная часть фламандцев не намерена сосуществовать с валлонами в едином государстве. И решение этого вопроса настолько назрело, что выглядит неизбежным.

В Великобритании большая часть населения Шотландии высказывается за выход из состава Соединенного Королевства. От реализации этого намерения до сих пор удерживало множество соображений. Однако они, судя по всему, ослабевают. Как будет решена эта проблема, неочевидно. И не очень ясно, что последует, если это намерение будет претворено в жизнь. Между тем у Великобритании есть и другие болезненные точки: в их числе Северная Ирландия.

Крайне остро складывается обстановка в Испании. Критическая ситуация в экономике и неразумное поведение властей, игнорирующих интересы значительной части населения, до предела взвинтили недовольство. В исторически сложившихся регионах оно приобрело форму отторжения центральной власти. В результате прежний умеренный автономизм стал все очевиднее превращаться в намерение обрести независимость.

С наибольшей силой это проявилось в Каталонии — этнически и лингвистически особом и богатом регионе. Судя по результатам выборов в местный парламент, состоявшихся в конце 2012 г., большинство каталонцев, в том числе представителей политической и экономической элиты, намерены добиваться создания самостоятельного государства. Гадать о том, осуществится ли это намерение, не имеет смысла. Но проблема не исчезнет. Между тем на очереди баски, давно мечтающие о своем государстве.

Во вторую категорию входят Италия и Франция. В первой есть влиятельная, представленная в парламенте и имеющая опыт работы в правительстве партия сепаратистов — Лига Севера. В ее учредительных документах содержатся недвусмысленные установки, предусматривающие отторжение Севера от остальной Италии.

Пока конкретные действия по реализации этой идеи энергичностью не отличались. Не следует, однако, забывать, что за поверхностной риторикой итальянских регионалов стоит богатое историческое прошлое: памятный блеск Венецианской республики; успехи влиятельного Генуэзского государства; культурное наследие существовавшего на протяжении столетий Великого герцогства Миланского; творческие достижения жемчужины средневековой Европы — Флоренции, жители которой поныне ведут свое происхождение от этрусков — стойких врагов тогдашних «дикарей из Рима»; и многое другое. В восприятии итальянцев память обо всем этом вовсе не задвинута в подсознание. И если кризисная ситуация утвердится всерьез и надолго, то нет оснований сомневаться в том, что эта память может превратиться в важный фактор политического поведения граждан.

Франция на протяжении ряда столетий слыла наиболее централистской из всех значимых стран Западной Европы. Тем не менее, и у нее есть свои внутринациональные «болячки». Обычно в этой связи принято называть «корсиканскую проблему». Действительно, этот во многом этнически и лингвистически итальянский остров до сих пор плохо вписывался во французскую идентичность. Однако, если присмотреться ближе, у Франции в «домашнем шкафу» есть и другие «скелеты». Достаточно упомянуть Эльзас с его немецкоязычным населением и тесной связью с немецкой культурой, а также Нормандию и Бретань.

Особняком стоит современная Германия — экономически наиболее успешная держава, выступающая до поры до времени в роли спонсора нищающих коллег по Европейскому Союзу. Ее единство представляет собой нечто вроде «священной коровы». И так, судя по всему, будет до тех пор, пока немецкое народное хозяйство останется

более-менее здоровым. В противном случае возможны различные варианты.

В 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, баварцы вспомнили о том, что их земля на протяжении полутысячи лет была самостоятельным и независимым королевством. И политическая ориентация на независимость оставалась там актуальной вплоть до 1924 г. — начала экономического выздоровления Германии. О самостоятельном прошлом заговорили тогда и в землях рейнского левобережья, где под возгласы «Прочь от Берлина!» была провозглашена Рейнская республика. Нечто подобное можно было наблюдать и в первые месяцы после капитуляции нацистского режима в мае 1945 г.

Конечно, все изложенное выше — не более чем варианты, которые могут и не реализоваться. Вместе с тем бесспорно, что объективная ситуация, складывающаяся во многих развитых, считавшихся стабильными странах, открывает благоприятные возможности для радикальных националистов «разного разлива».

Разумеется, все народы, малые и большие, имеют полное право самим определять свою судьбу, особенно в тех случаях, когда подвергаются дискриминации. Но, констатируя это, не следует забывать, что разрушение сложившихся государственных структур, влекущее за собой болезненный разрыв экономических, культурных, социальных и личных, человеческих связей — чревато множеством потерь и далеко не всегда представляет собой панацею. Выход меньшинства из состава прежнего государства и образование новой государственной структуры, решая одну внутринациональную проблему, порождает другие.

Образовать новое, этнически однородное государство в нынешних условиях практически невозможно. В мире почти не существует этнолингвистически однородных территорий. В рамках вновь образованной страны неизбежно появится новое национальное меньшинство. Ему, естественно, тоже будет присуще стремление к суверенитету. Если же оно было частью прежнего национального большинства, оставшегося за пределами вновь проведенных границ, то его недовольство своим положением будут проявляться в особо настойчивой форме. Этому будет способствовать и обостренное чувство потери прежних доминирующих позиций и реальная возможность опереться на поддержку лингвистически, этнически и культурно близкого населения, живущего в соседнем государстве. Возникнет ситуация, именуемая «ирредентизмом» — источник многих кровавых событий в прошлом.

Но это только одна сторона дела. Есть и другая.

Рассуждая рационально, можно привести следующие аргументы. В мире насчитывается сейчас более 200 суверенных государств. Если

такой статус получают, пусть не все, но хотя бы многие сравнительно крупные этно-лингвистические группы, их число возрастет более чем вдвое. Это, в свою очередь, равнозначно полной перекройке политической карты мира. Она же, как свидетельствует опыт, чревата кровопролитием в широких масштабах.

Реализация всех заявленных требований самоопределения путем обретения самостоятельной государственности привело бы к возникновению множества нежизнеспособных государств, существование которых возможно лишь при масштабной поддержке извне. Однако рассчитывать на такую поддержку, по меньшей мере, нереалистично.

* * *

Если явления, рассмотренные выше, получают дальнейшее развитие (а это вполне возможно, если национальный фактор не будет в должной степени учитываться в ходе интеграционных усилий), дальнейшая интеграция как в рамках нынешнего Евросоюза, так и в пределах Большой Европы, столкнется с серией препятствий, преодоление которых может оказаться крайне трудным.

Процессы, описанные выше, в той или иной степени имеют прямое отношение к нашей стране. И не только в том, что касается ее усилий, направленных на интеграцию постсоветского пространства, но и в том, что имеет отношение к ее внутреннему устройству. Разумеется, специфика сложившейся в России ситуации заслуживает особого разговора. Тем не менее присмотреться к тому, что происходит в столь важной, острой и чувствительной сфере за рубежом, крайне полезно. Учиться следует не только на чужих успехах, но и на чужих просчетах.

Глава 30

РЕГИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ БОЛЬШОЙ ЕВРОПЫ

Регионализация Большой Европы существенно ускорилась после завершения холодной войны, распада СССР и «социалистического содружества». Исчезновение биполярной системы и ликвидация разделительных линий между Востоком и Западом европейского континента повысили роль регионов в архитектуре Европы и отдельных стран. Существенно изменились сферы деятельности и ответственности европейских и евроатлантических структур — ЕС и НАТО. При этом на Западе Европы интеграционные процессы проходили интенсивнее, чем на Востоке. Соответственно, преобразилось само понятие «регионализация». По-иному стали трактовать и проблему суверенитета как государств, входящих в региональные группировки, так и их отдельных частей.

Регионализация в послевоенной Западной Европе приобрела новые формы вместе с зарождением экономической и политической интеграции. Баварская партия (*Bayernpartei*), созданная 18 октября 1946 г. в Мюнхене (американская зона оккупации Германии) и изначально строившая деятельность на требованиях самостоятельности «своей земли», в программе 1949 г. записала: «Демократическая и близкая гражданам Европа может быть создана только на основе максимально возможных субсидиарных полномочий и непосредственного сотрудничества между исторически выросшими регионами»¹. Под регионами тогда понимались субнациональные территории, население которых имело этническую, языковую, культурную и/или религиозную общность. Помимо Баварии, таковыми в Европе являлись и являются, например, Шотландия, французская Бретань, Каталония и некоторые другие субрегионы, которые издавна стремились к самостоятельности.

¹ См.: www.de.wikipedia.org/coiki/Europa_der_Regionen.

Но такой лозунг — привычно воспринимаемый в наши дни — в то время звучал вызывающе. В первые послевоенные десятилетия руководство западноевропейских государств, особенно федеративных, сдержанно относилось к идее регионализации, рассматривая передачу региональным субъектам полномочий и компетенций как потенциальную угрозу решения общенациональных задач и опасность возрождения сепаратистских устремлений. Поэтому региональная и структурная политика Европейского экономического сообщества, впоследствии Европейских сообществ и Евросоюза долгое время строилась на выравнивании уровней хозяйственного и социального развития отдельных стран и их внутритерриториальных образований. Не случайно в преамбуле Римского договора от 1957 г. речь шла лишь о необходимом стремлении государств «объединить национальные хозяйства и обеспечить их гармоничное развитие при сокращении разрыва между отдельными территориями»². О регионах как движущей силе национального и европейского развития тогда говорить было не принято³.

Определенным исключением стало трансграничное региональное сотрудничество в Западной Европе, построенное на двух- и многосторонних межправительственных соглашениях, старт которому был дан в 1950-е гг. прошлого века и которое имело целью преодоление наследия Второй мировой войны. Считается, что первым шагом в этом направлении стал итало-австрийский договор 1949 г. о приграничной торговле продуктами и товарами местного производства в исторической области Тироль⁴. Но на самом деле реальное начало было положено договоренностями европейских соседей побежденной Германии с теми ее частями, которые после 1945 г. оказались в зоне ответственности США, Великобритании и Франции⁵.

² См.: Договор, учреждающий Европейское Сообщество (в редакции Ниццкого договора) (<http://eulaw.ru/content/2001>).

³ Нам близка позиция экспертов Совета Европы, которые исходят из того, что в римском праве понятие «регион» (*Regio*) используется для географического обозначения какой-либо территориальной идентичности, но не ее государственной принадлежности или административного устройства.

⁴ Историческая область в восточной части Альп, включающая австрийскую федеральную землю Тироль и автономные провинции Южный Тироль и Тренто в Италии. См.: *Зюнова Т.* От Европы государств к Европе регионов? // *Полис.* 1999. № 5. С. 157.

⁵ Об истории развития европейского трансграничного сотрудничества см.: *Яровой Г.О., Белокурова Е.В.* Европейский Союз для регионов: что можно и нужно знать российским регионам о ЕС. СПб.: Норма, 2012. С. 186–200.

Становление и развитие региональной политики Евросоюза

Первый полноценный трансграничный регион в Европе был создан Голландией и ФРГ⁶. В 1958 г. была институционализована инициатива ряда немецких и голландских городов, общин и провинций⁷ по организации приграничного сотрудничества, которая получила название «Ойрегио» и послужила прообразом последующих аналогичных образований, созданных в конце 1950-х — начале 1960-х гг., в том числе таких как «Рейн-Вааль», «Маас-Рейн», «Эмс-Долларт регион». Впоследствии они фактически закрепили в политико-общественном и научном обороте термин «еврорегион».

Опыт земельных и местных властей Германии затем использовали в других частях европейского континента⁸. В 1960—1970-х гг. на Севере Европы были созданы восемь скандинавских еврорегионов, во многом заложивших основы будущей концепции «Северного измерения». В 1970-е гг. активно формировались предтечи таких образований — рабочие сообщества между Швейцарией, Францией, Германией, Италией и Австрией. Они получили активное развитие в последующие десятилетия, став в итоге полноценными еврорегионами — среди них выделяется «Ойрегио Три Рена», охвативший три страны. Во многом этому содействовала «Европейская рамочная конвенция о приграничном сотрудничестве территориальных сообществ и властей», подписанная в 1980 г.

В 1990-е гг. наблюдалась волна образования еврорегионов в Южной, Центральной и Восточной Европе, в том числе и на постсоветском пространстве. В отличие от первого еврорегиона, отметившего в 2013 г. свое пятидесятипятителетие и имевшего политическую подо-

⁶ Население приграничных с Германией районов в наибольшей степени пострадало от преступлений и трагедий Второй мировой войны. Поэтому важнейшей задачей в первые послевоенные десятилетия для них стало преодоление этого наследия и примирение на уровне граждан посредством совместной реализации различных проектов. В свою очередь, немецкие власти были заинтересованы в восстановлении позитивного имиджа страны.

⁷ Со стороны Германии — западные районы Северного Рейна-Вестфалии (округа Боркен, Коэффельд, Штайнфурт, Варендорф и г. Мюнстер), а также юго-западные районы земли Нижняя Саксония (округа Графство Бентхейм, Оснабрюк и часть Эмсланда); со стороны Нидерландов — восточные провинции Гелдерланд, Оверсэйл, Дренте.

⁸ В 1971 г. создана Ассоциация европейских приграничных районов, последовательно продвигающая идеи трансграничного сотрудничества. Благодаря ее усилиям в 1981 г. принята Европейская хартия приграничных и трансграничных районов, пропагандирующая принципы субсидиарности и партнерства (см.: www.aebr.net).

плеку, в качестве основной цели данные территориальные образования ставили и ставят разработку и реализацию совместной стратегии социально-экономического, регионального развития во многих сферах⁹. Общее количество еврорегионов уже превышает 100, из которых 25 в качестве одного из партнеров имеют региональные/муниципальные власти одной из земель Германии¹⁰.

Основной целью региональной и структурной политики ЕЭС в 60-е — 70-е гг. прошлого века оставалось выравнивание уровней жизни и в целом хозяйственного развития на пространстве Сообщества путем предоставления, в соответствии с установленными Брюсселем показателями, соответствующих финансовых средств, направляемых в основном в отсталые аграрные, депрессивные старопромышленные и периферийные районы, регионы с хронически высокой безработицей. При этом как усилия, так и результаты по сглаживанию территориальных диспропорций до 1970-х гг. были достаточно скромными. Затем действенным инструментом стал созданный в 1975 г. (наряду с Комитетом по региональной политике) Европейский фонд регионального развития.

Начиная с 1970-х гг. постоянно росло значение региональных аспектов в деятельности Европейского социального фонда, Европейского фонда сельскохозяйственного управления и гарантий, а также Европейского инвестиционного банка. В это же время закладывались важные черты будущей наднациональной региональной политики, оказавшие существенное влияние на последующие региональные измерения на всем европейском пространстве.

В странах Западной Европы всегда сохранялось региональное самосознание на уровне отдельных территориальных образований. Но с середины 1970—1980-х гг. произошла его активизация, обусловленная, в том числе, существенным ростом качества жизни, постепенным преодолением послевоенного синдрома и выдвиганием на первый план таких ценностей как семья, местное окружение, включая культуру, экологию и пр. Существенное влияние на процесс регионализации оказало вступление в ЕЭС Великобритании, Ирландии, а затем и менее развитых стран Южной Европы, в которых развитию регионов традиционно уделялось особое внимание. Постепенно начинали формироваться и основы наднациональной региональной политики,

⁹ Критическую оценку деятельности еврорегионов см.: Кузнецов А.В. Еврорегионы: полвека «малой» интеграции // Современная Европа. 2008. № 2. С. 48–59.

¹⁰ О специфике организации трансграничного сотрудничества в ЕС см.: Данилюк Е.С. Методология и принципы организации трансграничного сотрудничества регионов Европейского Союза // Региональные исследования. 2012. № 3 (37). С. 127–141.

в гораздо большей степени учитывающей региональные измерения расширяющегося хозяйственно-политического интеграционного пространства.

В 1980 г. Европейское ведомство по статистике (Евростат) заложило основы более эффективного статистического учета европейских регионов разного уровня. В июле 2003 г. они были формально закреплены Постановлением ЕС. В соответствии с ним в Евросоюзе в статистических целях вводились стандарты территориального деления, получившие наименование «Номенклатура территориальных единиц для статистики» — сокращенно NUTS (акроним от *фр.* — *nomenclature des unités territoriales statistiques*). Они предназначены для сбора статистической информации, анализа на ее основе социально-экономического развития европейских регионов и разработки региональной политики ЕС¹¹.

В 1985 г. создана Ассамблея европейских регионов Европы, которая сегодня объединяет более 250 регионов, 35 стран и 16 межрегиональных организаций¹². Изначально основными целями этой организации были: содействие усилению влияния регионов в различных европейских структурах и продвижение межрегиональной кооперации, базирующейся на принципах децентрализации и субсидиарности. В 1996 г. члены Ассамблеи приняли Декларацию регионализма.

С подписанием Единого европейского акта в 1986 г. Сообщество наделялось компетенциями в сфере регионального развития. С 1988 г. стартовала реформа региональной политики, в соответствии с которой европейские регионы стали получать дополнительное финансирование. Реформировались структурные фонды, в деталях прорабатывались механизм реализации и инструментарий региональной политики, уточнялись ее цели и задачи. Состоялся переход к индикативному методу предоставления ресурсов и к самостоятельному регулированию территориального развития на уровне Европейских сообществ. Возросло значение регионов в интеграционных процессах.

Со второй половины 1980-х гг. на основе опыта программ «ЕВРЕ-ГИО» началась разработка инициативы «ИНТЕРРЕДЖ» (*INTERREG*),

¹¹ Regionen in der Europaeischen Union. Systematik der Gebietseinheiten für die Statistik. NUTS 2006/EU-27. Luxemburg. 2007. S. 9–11.

¹² Ассамблея состоит из семи специальных комиссий, соответственно отвечающих: за территориальную политику сплочения («COTER»); за экономическую и социальную политику («ECOS»); за окружающую среду, изменение климата и энергетику («ENVE»); за образование, молодежь, культуру и исследования («EDUC»); за природные ресурсы («NAT»); за вопросы гражданства (в ЕС), управление, институциональные вопросы и внешние связи («CIVEX»); за финансовые и административные вопросы («CFAA»).

целью которой стало дальнейшее развитие межрегионального сотрудничества и углубление участия приграничных регионов, удаленных от своих национальных хозяйственных центров, в экономике Евросоюза как важной предпосылки создания будущего единого внутреннего рынка. В 1989 г. были расширены задачи Европейского фонда регионального развития — выделены дополнительные средства на финансирование исследований, а также новых 14 пилотных программ, направленных на развитие приграничных территорий. В 1990 г. — приняты руководящие принципы «ИНТЕРРЕДЖ». За первой программой (1990—1994) последовали вторая (1994—2000), третья (2000—2006) и четвертая (2007—2013). В итоге она стала приоритетной инициативой и одной из важнейших составных частей региональной политики ЕС, направленной на территориальное сплочение (как на его внутренних, так и на внешних границах). Не случайно финансирование этой программы выросло почти в 3 раза. Кроме того добавились средства из прочих специализированных источников по поддержке третьих стран¹³.

В 1992 г. в соответствии со статьей 198а Маастрихтского договора был образован Комитет регионов (первое его заседание состоялось в 1994 г.). В него вошли 344 представителя органов региональной и местной власти стран — членов ЕС¹⁴. Хотя это был совещательный орган, он осуществлял координирующие функции в отношении регионов на общеевропейском уровне. Его эксперты давали оценки проектам резолюций ЕС, разрабатывали рекомендации по всем вопросам европейской региональной политики. Лиссабонский договор наделил Комитет правом обращаться в суд ЕС в том случае, если, по его мнению, нарушен принцип субсидиарности.

В 1992 г. создан Фонд сплочения ЕС, деятельность которого направлена на уменьшение различий между странами и на поддержку государств, ВВП которых на душу населения не превышает 90% от среднего по ЕС.

Расширение Евросоюза в 1995, 2004 и 2007 гг. содействовало дальнейшей трансформации наднационального регулирования территориального развития. Наиболее важным в этой связи стал переход на принцип семилетнего финансового планирования («финансовых перспектив»). После принятия Лиссабонской стратегии основная часть регионального финансирования была привязана

¹³ Отметим также принятые в 2006 г. на уровне ЕС законодательные решения, касающиеся создания Европейской группировки (союза) по территориальному сотрудничеству («EGTC»). Придание ей конкретного правового статуса было призвано эффективнее регулировать вопросы приграничного сотрудничества.

¹⁴ <http://cor.europa.eu>.

к ее требованиям: сокращено число его инструментов, уменьшено до трех число основных целей региональной политики. Все это получило название «политики сплочения» (другие цели — «конвергенция», «региональная конкурентоспособность и занятость», «европейское региональное сотрудничество») ¹⁵. Постепенно пришло понимание приоритетности повышения конкурентоспособности территорий, в том числе через развитие их инновационного и человеческого капитала, и вторичности перераспределения средств от богатых регионов к бедным ¹⁶.

Ввиду резко выросших региональных диспропорций, обусловленных расширением ЕС, особое внимание стало уделяться предоставлению новым членам консультационной помощи, связанной с подготовкой заявок и документов, необходимых для получения средств региональной поддержки. В частности, по инициативе Европейского инвестиционного банка, ЕБРР и Комиссии ЕС были созданы четыре специализированные структуры — «ДЖАСПЕР», «ДЖЕРЕМИ», «ДЖЕССИКА» и «ЕЛЕНА», которые предоставляют регионам бесплатные консультации по оформлению документов на получение займов и безвозмездного финансирования в рамках существующих программ. Одновременно ЕС стал уделять особое внимание имиджевым инструментам и пропаганде целей и содержания региональной политики ¹⁷. В целом с 1990-х гг. интерес к европейскому регионализму и трансграничному сотрудничеству постоянно рос; последовательно наполнялись конкретным содержанием соответствующие программы как на уровне отдельных государств, так и Евросоюза.

За четверть века, прошедшего с того времени, территориальные образования стран ЕС существенно преуспели в деле продвижения своих интересов в Брюсселе и на уровне объединений/ассоциаций, и на собственном уровне (многие открыли в столице ЕС официальные представительства), достигли успехов в самостоятельном получении финансовой и инфраструктурной поддержки в рамках национальных государств, а также региональной политики Евросоюза. Во все большей мере они превращаются в активных игроков, многие из которых

¹⁵ Более подробно см.: Региональная политика стран ЕС / Центр европейских исследований ИМЭМО РАН / Отв. ред. А.В. Кузнецов. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 17–33.

¹⁶ В 2010 г. Европейская комиссия приняла документ, определяющий направления развития ЕС на среднесрочную перспективу — «Европа 2020: Стратегия интеллектуального, устойчивого и инклюзивного роста». Одним из важнейших инструментов реализации данной стратегии была определена региональная политика.

¹⁷ См.: Европейский Союз в XXI веке: время испытаний / Под ред. О.Ю. Потёмкиной, Н.Ю. Кавешникова, Н.Б. Кондратьевой. М.: Весь Мир, 2012. С. 180–191.

начинают требовать повышения своей автономии, расширения прав в рамках существующих государственных образований.

С этой точки зрения можно выделить несколько тенденций дальнейшей регионализации Европы.

Во-первых, обозначившееся с 1990-х гг. стремление регионов разного уровня стать конкурентоспособными хозяйственно-политическими, социально-экономическими, культурно-историческими территориальными пространствами. В Германии соответствующая политика по их формированию называется «штандортной», а создаваемые таким образом пространства — «штандортами». Ее успех в большей степени зависит от желания и умения местных властей, бизнес-структур и населения пользоваться штандортным инструментарием, и в меньшей степени от географического положения и наличия природных и прочих ресурсов. Результатом такой политики становится удержание на своей территории важнейших факторов развития — производственного и человеческого капиталов, а также их привлечение из других регионов. Умение правильного штандортного позиционирования позволяет, наряду со всем прочим, получить доступ к национальным и наднациональным источникам средств. Составными частями эффективных штандортов, как правило, являются кластерные образования.

Наряду с Германией наибольших успехов в штандортной политике в Европе достигли Швейцария и Австрия¹⁸. Их опыт с разной степенью успеха перенимают многие европейские регионы. Не случайно участники Лиссабонского саммита ЕС (2000) обратили внимание на эту тенденцию, определив задачу повышения конкурентоспособности регионов, как одну из самых важных.

Чиновники отдают приоритет тем заявкам, в которых используется проектный подход, предполагающий проведение полноценного аудита регионального хозяйственно-политического пространства, его последующее профилирование и конкурентное позиционирование внутри страны и за ее пределами. Предпочтением пользуются те регионы, которые имеют четкое видение путей реструктуризации и развития своих территорий, в том числе с использованием инноваций, европейских стандартов, норм и лучших практик. Наиболее успешные

¹⁸ В каждой из европейских стран есть свой рейтинг лучших и худших региональных хозяйственно-политических пространств. По итогам 2012 г. (результаты опроса «Эрнст & Янг» среди 3000 немецких средних фирм) лучшими для ведения бизнеса в ФРГ были признаны Бавария, Баден-Вюртемберг, Гессен, Берлин, Тюрингия, Рейнланд-Пфальц и Гамбург; худшими — Саар и Бранденбург (см.: <http://www.wirtschaftsforum.de>). Первые три земли являются единственными донорами финансового выравнивания среди 16 федеральных субъектов Германии.

штандорты играют роль точек роста конкурентоспособности национальных хозяйств и, как следствие, экономики ЕС в целом.

Во-вторых, стремление регионов разных уровней к объединению ресурсов для повышения своей конкурентоспособности за счет роста общего потенциала. Примерами являются еврорегионы, которые все активнее используют преимущества трансграничного сотрудничества. В этом отношении показателен уже упоминавшийся «Ойрегио ТриРена», объединивший территориальные образования Франции, Германии и Швейцарии.

Другой пример — формирование городских агломераций («метрополий») и на их основе — европейских региональных агломераций («метропольрегионов»), что можно назвать относительно новым начинанием. Так, в Германии (в отличие от штандортов, которые не требуют какой-либо формальной институционализации), статус европейского «метропольрегиона» официально присваивает Конференция земельных министров по вопросам пространственного планирования. В 1995 г. такой статус получили 7 регионов, в 1997 г. — 1, в 2005 г. — 3 (см. таблицу 30.1).

В других европейских странах такой статус определяется де факто. Например, крупнейшими европейскими региональными агломерациями считаются швейцарские Цюрих, Женева-Лузанна и Базель, британский Лондон, французский Иль-де-Франс (Париж), голландский Рандстад (Амстердам, Гаага, Роттердам), испанские Мадрид и Барселона, итальянские Кампаниен (Неаполь, Салерно), Лацио (Рим), бельгийский Влаамзе Рюит (Брюссель, Лёвен, Мехелен, Гент, Антверпен).

В ряде районов Европы возникают трансграничные городские агломерации, получивших название «евроокруга» («евродистрикты») ¹⁹. Среди них трехнациональный евродистрикт Базель (ТЕБ) ²⁰, франко-германские Страсбург-Ортенану ²¹, Фрейбург-Мульхаус, и Памина, голландско-немецкий Маас-Рейн, франко-бельгийский Лиль-Кортрейк. Одна из целей таких образований — совершенствование транспортных коммуникаций для тех, кто живет и работает по разные стороны границ.

В-третьих, стремление ряда регионов к получению больших прав в рамках национальных государственных территориальных образова-

¹⁹ Впервые о создании евроокругов заговорили в 1989 г., но политическая поддержка последовала только 22 января 2003 г., когда во время празднования 40-летия франко-германского договора о дружбе и сотрудничестве Жак Ширак и Герхард Шрёдер заявили о необходимости их создания.

²⁰ Объединяет четыре швейцарских кантона, два округа в Германии и три коммуны во Франции (см.: www.eurodistrictbasel.eu).

²¹ Первый в Европе евроокруг создан 17 октября 2005 г.

Таблица 30.1

Региональные агломерации в Германии

Региональные агломерации	«Якорные» города	Число жителей (2008 г.)	Год получения статуса
Рейн-Рур	Кёльн, Дортмунд, Эссен, Дюссельдорф, Дуйсбург, Бохум, Вупперталь, Бонн, Гельзенкирхен, Менхенгладбах	11 693 041	1995
Берлин / Бранденбург	Берлин, Потсдам	5 954 168	1995
Франкфурт / Рейн-Майн	Франкфурт, Висбаден, Майнц, Дармштадт, Оффенбах	5 521 908	1995
Штутгарт	Штутгарт, Ройтлинген, Эслинген, Гейльброн	5 291 507	1995
Гамбург	Гамбург	4 286 123	1995
Ганновер-Брауншвейг-Геттинген-Вольфсбург	Ганновер, Брауншвейг, Геттинген, Вольфсбург, Зальцгиттер, Хильдесхайм	3 879 373	2005
Центральная Германия	Лейпциг, Дрезден, Хемниц, Галле, Цвикау	6 901 813	1997
Мюнхен	Мюнхен	5 601 830	1995
Нюрнберг	Нюрнберг, Фюрт, Эрланген	3 598 323	2005
Бремен-Ольденбург	Бремен, Ольденбург, Бремерхафен	2 726 186	2005
Рейн-Неккар	Мангейм, Людвигсхафен, Гейдельберг, Вормс	2 361 435	2005

Источник: <http://www.klett.de>.

ний. В наиболее выраженной форме это относится к регионам, сформированным на культурно-исторической и этнической основе, а также к богатым регионам-донорам других территорий своих государств. Нередко они совпадают — например, Каталония, Фландрия, Бавария, Шотландия. Крайней формой таких установок выступает сепаратизм отдельных регионов.

В-четвертых, формирование транснациональных регионов на постсоциалистическом пространстве Центрально-Восточной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в которых в некоторых случаях из-за неразрешенных этно-территориальных конфликтов еще до конца не определены границы.

В число таких регионов входят:

Центрально-Восточная Европа (ЦВЕ) Венгрия, Польша, Чехия и Словакия.

Юго-Восточная Европа (ЮВЕ), которую принято делить на две группы: страны Западных и Восточных Балкан. К последним относят Румынию и Болгарию, входящие в НАТО и ЕС. Западная часть Балкан объединяет Хорватию, другие не до конца определившиеся государства, образовавшиеся после распада СФРЮ, и Албанию.

Восточная Европа, куда входят государства европейской части постсоветского пространства.

Особое место занимает **Большое Причерноморье** — Черноморская общность, заинтересованная в развитии взаимного сотрудничества и защите своих интересов в конкуренции с крупными мировыми игроками.

*Центрально-Восточная Европа*²²

Включенные в это понятие Чехословакия и Венгрия образовались на основе распавшейся после Первой мировой войны Австро-Венгрии, унаследовав относительно более высокий уровень экономического и политического развития. После Второй мировой войны страны, так же, как и восстановившая свою независимость Польша, оказались в зоне советского влияния. Но значительная часть их населения не приняла советизацию их государственной и общественной жизни. Подавление восстания в Венгрии в октябре 1956 г. и Пражской весны 1968 г. стали этапами на пути к распаду «социалистического содружества», несмотря на принятую после чехословацких событий «доктрину ограниченного суверенитета». Подъем в начале 1980-х гг. массового общественного движения в Польше завершился революцией 1989 г., за которой последовали смена власти в Венгрии и «бархатная революция» в Чехословакии.

«Назад, в Европу...». Этот призыв первого президента Чехословакии Вацлава Гавела уже в конце 1980-х — начале 1990-х гг. отразил надежды стран ЦВЕ на лучшую жизнь, на искоренение негативных черт прежних режимов. В условиях нарастающей нестабильности в СССР возрастала решимость их лидеров добиться «защитного зонтика» НАТО и вступления в Евросоюз.

²² До 1990 г. государства этого региона относились к Восточной Европе. Однако после распада «социалистического содружества» канцлер Германии Гельмут Коль предложил называть Центрально-Восточной Европой, исходя из их исторической близости к центрально-европейским государствам. См.: *Асмус Р.* Евро-атлантическое Причерноморье // Россия в глобальной политике (RU: <http://www.globalaffairs.ru/numbers/26/7699html>).

В ноябре 1990 г. на встрече лидеров Венгрии, Чехословакии и Польши в Париже по случаю подписания «Парижской хартии для новой Европы» премьер-министр Венгрии Йожеф Анталл предложил своим коллегам вариант более тесного сотрудничества стран ЦВЕ²³. Позиции трех стран до этого различались: если власти Венгрии уже летом 1991 г. неоднократно упоминали о своем намерении выйти из ОВД, то Чехословакия настаивала на продолжении переговоров в рамках СЭВ и ОВД, надеясь на продолжение демократических преобразований в СССР. Обстановка, однако, кардинально изменилась после событий 13 января 1991 г. в Вильнюсе. Уже через неделю в венгерском Вишеграде прошла встреча министров иностранных дел Венгрии, Польши и Чехословакии, которые заявили, что, «согласно волеизъявлению своих правительств и парламентов», участники встречи «настаивают на скорейшем роспуске Варшавского Договора, причем его военную организацию желательно было бы распустить еще до согласованного срока»²⁴.

Последовавший за ликвидацией Варшавского Договора в начале апреля 1991 г. призыв инициатора создания Центрально-европейской («Вишеградской») тройки В. Гавела «не потерять исторический шанс обновления Средней Европы, политического феномена, который будет приближаться к Западной Европе»²⁵, стал обретать реальные формы. В декабре 1992 г. в рамках Вишеградской группы было подписано Центрально-европейское соглашение о свободной торговле (ЦЕФТА), в которое после распада в 1993 г. Чехословакии вошли четыре государства ЦВЕ — Польша, Венгрия, Чехия и Словакия.

В сотрудничество стран ЦВЕ с самого начала преобладала заинтересованность в совместных политических акциях. В середине 1990-х гг. основой для их объединения стала выработка общей политической платформы вступления в НАТО и Европейский Союз.

Что касается экономического аспекта взаимного сотрудничества стран Вишеградской группы, то он не играл для них решающей роли: в объеме внешнеторгового оборота Венгрии Чехословакия занимала в 1990 г. лишь 5,1%, Польша — 3,2%, что было несопоставимо с долей Германии или бывшего Советского Союза. В 1991—1992 гг. удельный вес их взаимных торговых обменов еще больше сократился, что побудило премьер-министра Чехословакии В. Клауса заявить в конце 1992 г. в одном

²³ См.: Вишеградская Европа: откуда и куда? Два десятилетия по пути реформ в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии. М.: Весь Мир, 2010. С. 120.

²⁴ МЭиМО. 1995. № 4. С. 103.

²⁵ Там же. С. 104.

из интервью, что сотрудничество в рамках Вишеградской группы малоэффективно, а его целесообразность сомнительна²⁶. Развитию взаимного сотрудничества не способствовало и наличие в отношениях между соседними странами спорных проблем национальных меньшинств.

За истекшие два десятилетия накопилось множество других проблем. В условиях европейского кризиса Вишеградской группе все труднее согласовывать не только экономические, но и политические вопросы. В значительной степени это объясняется тем, что при отсутствии формальных механизмов управления их согласование основано на консультациях представителей Польши, Чехии, Словакии и Венгрии.

При этом их возможности и вес этих государств далеко не одинаковы. Бюджет Польши более чем вдвое превышает бюджеты каждой из стран – членов группы, а ее оборонные инвестиции в 5 раз больше общего объема оборонных инвестиций других стран²⁷. Все больше политических различий. Так, Польша выступает за углубление евроинтеграции, чего нельзя сказать о Чехии и особенно Венгрии, которая по ряду вопросов и находится в оппозиции к Брюсселю. Такого рода дисбаланс может подтолкнуть Польшу к усилению военной кооперации с Германией и Северными странами.

Вместе с тем страны ЦВЕ лучше справляются с последствиями кризиса, чем некоторые старые члены Евросоюза. В марте 2013 г. в Варшаве состоялся совместный саммит глав правительств стран Вишеградской группы и Веймарского треугольника, представленного канцлером Германии А. Меркель и президентом Франции Ф. Олландом. Премьер-министр Д. Туск (Польша входит в обе эти группировки) обозначил основы дальнейшего строительства европейского единства: валютный и экономический союз, рост конкурентоспособности европейской экономики и укрепление оборонного потенциала²⁸. Вопрос лишь в том, насколько страны региона ЦВЕ смогут стать на этих направлениях подспорьем для пораженной кризисом Европы.

Юго-Восточная Европа

Основу этого сложного региона составляют расположенные на Балканском полуострове Румыния, Болгария, Албания и наследники

²⁶ Там же. С. 105.

²⁷ Семушин Д. Вишеградская группа соединилась с Веймарским треугольником: «прорыв в мыслях» на саммите в Варшаве (см.: www/regnum.ru/news/16333895.html).

²⁸ Там же.

распавшейся Югославии — Сербия, Хорватия, Словения, Черногория, Босния-Герцеговина, Македония²⁹. В него входят также Греция и европейская часть Турции. Большинство этих стран вплоть до начала XX в. находились в составе Османской империи и тесно сотрудничали, добиваясь национального освобождения. Их культурно-историческое развитие отличается рядом общих черт (сходство фольклора, музыкальных и песенных традиций, бытового уклада) в рамках «балканской» культурной общности. Тем не менее после распада Османской империи и образования на ее основе ряда независимых государств балканский регион превратился в 1920–1930-е гг. в источник острых противоречий, в «пороховую бочку Европы». После Второй мировой войны через него прошла «разделительная линия» блокового противостояния. При этом его «социалистический» субрегион также «раздвоился»: в возникшем остром противостоянии между Москвой и Белградом Советский Союз поддержали союзники по ОВД и СЭВ Болгария и Румыния. В то же время Бухарест с начала 1960-х гг. в рамках «особого курса» выступал за налаживание сотрудничества Балканских государств.

Таким образом, многие из проблем и противоречий, свойственных балканскому региону, который сегодня идентифицируется как Юго-Восточная Европа, уходят своими корнями в прошлое. Это и исторически сложившаяся многоэтничность, и позднее формирование наций и государств, и многократная перекройка границ, и, как следствие, затяжная экономическая отсталость. На рубеже тысячелетий государства Юго-Восточной Европы постепенно преодолевали проблемы, доставшиеся им в наследство от прошлого, на путях сотрудничества с ОБСЕ, ЕС и НАТО. Но это не отменяло различий между восточной и западной частью региона. Так, Румыния и Болгария опередили постюгославские государства в вопросах интеграции в НАТО и Евросоюз.

Несоответствие экономического и политического развития Болгарии и Румынии стандартам Евросоюза было очевидно с самого начала, но это не остановило их продвижения по избранному пути, который привел их в январе 2007 г. в ЕС. Для них, как и для Албании, путь в Евросоюз пролегал через членство в НАТО. По оценкам экспертов, решение Альянса об их приеме было обусловлено геостратегической важностью региона как связующего звена между Центральной Европой, Турцией и Ближним Востоком³⁰.

²⁹ Официальное название — Бывшая Югославская Республика Македония (БЮРМ), с упоминанием прежнего статуса страны в составе Югославии, принято по требованию Греции, которая считает, что в противном случае республика присваивает название ее исторической провинции Македонии.

³⁰ Institute for War and Peace Reporting (IWPR) // Balkan Crisis Report. 2002. No 384.

Румыния раньше других обратилась к НАТО, и в этом известную роль сыграл фактор «исторической памяти». Не случайно, что именно в дни «августовского путча» 1991 г. в Москве министр иностранных дел Румынии срочно вылетел в Брюссель для «проведения консультаций». 10 октября 1991 г. президент Румынии представил Генеральному секретарю НАТО декларацию о решимости укреплять связи и добиваться вступления Румынии в Альянс³¹. Согласно данным Европейской комиссии, о поддержке вступления страны в НАТО заявили в марте 1996 г. 95% населения Румынии³². В 2004 г. Румыния и Болгария присоединились к Альянсу.

Что касается Евросоюза, то он был поставлен перед крайне сложной задачей по налаживанию взаимодействия со странами, стремившимися к «возврату в Европу». Достаточно упомянуть, что суммарный ВВП всех десяти постсоциалистических стран составлял не более 5% ВВП стран Евросоюза, а наличие масштабного аграрного сектора существенно увеличивало нагрузку на сельскохозяйственную политику ЕС. В результате чего Евросоюз в 2006 г. был вынужден ввести для «новичков» квоты на экспорт сельхозпродукции³³. Тем не менее в начале 2007 г. Болгария и Румыния получили членство в ЕС.

Сложнее обстояло дело со странами западной части региона, тяжело преодолевающими последствия войн 1990-х гг. В 2010 г. Еврокомиссия опубликовала «Обзор региональных мер ЕС в странах Западных Балкан» и предложила в знак солидарности расширить меры по оздоровлению их экономики³⁴. Но результаты были не однозначными: планку ЕС к 2014 г. смогли преодолеть только Словения и Хорватия; перспективы Сербии омрачены проблемой Косово; для остальных постюгославских республик продвижение по пути евроинтеграции также затруднено.

В последнее время позиции Греции в ЮВЕ потеснила Турция, исподволь укрепляющая свои позиции в регионе. Сегодня цель Анкары — не только «мусульманские Балканы» (Албания, Босния и Косово), но и Македония, Черногория, Сербия, Хорватия. За последнее десятилетие общий объем турецких инвестиций в экономику этих стран возрос на 530%, торговый оборот — на 535%. Экономический аспект политики Турции стал, таким образом, важной частью ее нынешней «углубленной стратегии» в регионе Юго-Восточной Европы³⁵. Хотя Турция открыто не препятствует евроинтеграционным намере-

³¹ MFA. White Book on Romania and NATO. Bucarest, 1997. P. 23.

³² Ibid. P. 51.

³³ Независимая газета. 29.12.2006.

³⁴ Деловая газета. 6.07.2011.

³⁵ I Balkani e L'Europa Centrale: I rapport con il vicino ed estremo oriente. Bologna, 2012.

ниям государств региона, в перспективе ее политика может ограничить расширение влияния не только Евросоюза, но и России, заинтересованной в продвижении своих энергетических проектов.

Большое Причерноморье

Регион Большого Причерноморья формировался с начала 1990-х гг., после окончания холодной войны и распада СССР³⁶. До этого относительно спокойный и, в известной мере, периферийный, он постепенно стал превращаться в перекресток геополитического соперничества мировых держав, а число объединенных его границами стран существенно возросло.

Когда в 1990 г президент Турции Тургут Озал предложил подписать договор о сотрудничестве стран Причерноморья, его поддержали СССР, Румыния и Болгария. В 1992 г. в Договор о черноморском экономическом сотрудничестве входило уже 11 стран, а сегодня Организация черноморского экономического сотрудничества — ОЧЭС — насчитывает 12 участников (суммарная численность населения которых составляет около 350 млн человек³⁷).

В 1999 г. после принятия Устава эта региональная инициатива стала полноформатной международной организацией, получив представительство в ООН. К настоящему времени 13 стран (Австрия, Белоруссия, Германия, Египет, Израиль, Италия, Польша, Словакия, США, Тунис, Франция, Хорватия и Чехия) обрели статус наблюдателей при ОЧЭС, что позволяет им участвовать в разработке и реализации многосторонних проектов³⁸.

Экономическое сотрудничество в рамках ОЧЭС тормозил ряд обстоятельств, прежде всего политического порядка. Это и неустойчивость ряда политических режимов, и наличие этнотерриториальных конфликтов, и близость Причерноморья к кризисным районам Ближнего Востока. В то же время, как подчеркивал экс-президент Турции Абдулла Гюль, целый ряд факторов объективно создает условия для

³⁶ Понятие «Большое Причерноморье» введено в оборот западными политиками для того, чтобы очертить новые политические и стратегические рамки дискуссий вокруг западной стратегии в отношении этого региона. См.: *Асмус Р.* Указ. соч.

³⁷ В ОЧЭС входят: Албания, Азербайджан, Армения, Болгария, Греция, Грузия, Молдова, Румыния, Россия, Турция, Украина, а также Сербия (с 2004 г.).

³⁸ *Гончаренко С.Н.* Региональное сотрудничество причерноморских стран: согласованные решения // *Черноморье-Каспий: поиск новых форматов безопасности и сотрудничества.* М., 2011. С. 138.

расширения экономических связей со всеми странами Европы: это и обширный потребительский рынок, в котором спрос пока еще сильно отстает от предложения, и рынок рабочей силы, отчасти квалифицированной, и обладание вторыми в мире запасами нефти и газа и пока еще неразработанными запасами цветных металлов и минералов³⁹.

В заключительном документе юбилейного саммита ОЧЭС (июнь 2012 г.) обозначен целый ряд новых направлений сотрудничества, прежде всего в области транспорта и коммуникаций. В числе наиболее важных задач в Декларации отмечена необходимость привлечения к реализации проектов, наряду с государственными инвестициями, бизнес структур заинтересованных стран, подчеркнуто значение более тесного сотрудничества с ЕС. Приоритетными в сфере экономики были признаны те проекты, которые способствуют реализации в странах Причерноморья внутренних реформ и постепенному сближению их экономик. Особое значение отведено двум инфраструктурным программам: восстановлению судоходства между основными портами Черного моря и строительству Черноморского кольцевого автобана⁴⁰, которые должны содействовать сближению и восстановлению доверия между народами Причерноморья, развитию экономического сотрудничества и реформированию экономических структур.

Сотрудничество стран Причерноморья обусловлено не только необходимостью экономического сотрудничества, но и их исторической памятью, издавна сложившимся здесь разнообразием цивилизаций, культур и религий. Всю долгую историю региона, его благосостояние, процветание или упадок определяли взаимоотношения между всеми частями света. Империи и цивилизации — Римская и Византийская, Российская и Османская — оставили свой след на берегах Черного моря. По северному Причерноморью в древности проходил Великий шелковый путь из Азии на Кавказ и в Юго-Восточную Европу.

С тех пор ситуация существенно менялась. Персидский Залив и Ближний Восток сегодня находятся в эпицентре существующих или потенциальных вооруженных конфликтов, а регион Большого Причерноморья испытывает на себе давление множественных внутренних и внешних угроз. Находясь на перекрестке между исламским миром, Россией и Европой, большинство стран Причерноморья выбирает европейский вектор внешней политики.

³⁹ Abdullah Gull. BSEC working for stability, prosperity // Daily News (Hurriet). 26.06.2012.

⁴⁰ Кольцевой автобан длиной в 7700 км должен от Белграда через Салоники и Пловдив пройти через Стамбул, Трабзон, Тбилиси, Ереван, Баку, Астрахань и далее через территорию России и Грузии, Кшинёв, Бухарест и вновь замкнуться в Пловдиве. См.: Daily News (Hurriet). 26.06.2012.

Европейский Союз долго не проявлял интерес к Черноморскому региону. В ноябре 1997 г. впервые появился документ под названием «Заявление Еврокомиссии по региональному сотрудничеству в районе Черного моря». Затем были подписаны двусторонние соглашения о сотрудничестве с рядом причерноморских стран, которые вошли в Европейскую политику соседства (ЕПС). После вступления Румынии и Болгарии в ЕС (2007), интерес Евросоюза к черноморскому региону существенно повысился. Были разработаны специальные проекты сотрудничества — «Черноморская синергия» и «Восточное партнерство», с участием всех стран Причерноморья (за исключением Белоруссии). В январе 2011 г. Европарламент утвердил «Черноморскую стратегию», в которой Черное море объявлено «частично европейским внутренним морем и географически преимущественно европейским»⁴¹.

Политическое противостояние в регионе существенно осложнилось после появления в черноморском геополитическом пространстве крупных внешних игроков, прежде всего Соединенных Штатов и НАТО. По оценке американских экспертов, стратегическим интересам США соответствуют: возможность беспрепятственного доступа к альтернативным Персидскому заливу месторождениям нефти и газа из стран Каспийского региона, не являющихся членами ОПЕК. С этими соображениями была связана расширившаяся в последнее десятилетие поддержка независимости стран Причерноморья и их продвижение по пути демократии⁴².

Украинский кризис 2014 г. и присоединение Крыма и Севастополя существенно усилил противостояние между США и Россией. По оценке российских военных экспертов, регулярным стали патрулирование военных кораблей НАТО в акватории Черного моря и нарушение режима Конвенции Монре́ при заходах американских военных судов⁴³. В связи с изменением статуса Крыма и Севастополя США настаивают на изменение условий этой Конвенции, пытаясь заручиться согласием прибрежных стран — Украины, Румынии, Болгарии, Грузии.

Наиболее крупные региональные державы в Причерноморье — Россия и Турция — главные инициаторы экономического сотрудничества

⁴¹ European Parliament. An EU Strategy for the Black Sea. Text adopted on 20 January 2011. Strasbourg.

⁴² The Caucasus and Caspian Region Understanding United-States Policy // Harvard University. 2001, October 10. P. 1 (см.: belfercenter.ksg.harvard.edu/files/statement.pdf).

⁴³ Согласно подписанной 21 июля 1936 г. и действующей по сей день Конвенции Монре, корабли нечерноморских стран не имеют права находиться в акватории Черного моря более 21 суток. Ограничен также тоннаж заходящих в Черное море военных кораблей. США не относится к числу стран, подписавших Конвенцию.

стран Причерноморья. Анкара стремится использовать фактор исторической близости с ними, используя новые подходы к развитию отношений со странами Южного Кавказа (Грузией, Азербайджаном и Арменией), участвует в поиске компромиссных решений в урегулировании региональных конфликтов. В балканском регионе заметно расширение Турцией экономических связей как основы политики «неоосманизма». Неизменное направление черноморской политики Турции — сохранение регионального превосходства своих военно-морских сил и поддержка потенциала черноморской группировки оперативного взаимодействия *Blackseafor*, в которую входят шесть прибрежных государств: Болгария, Грузия, Румыния, и Украина, а также Турция и Россия.

Последствия кризиса вокруг Украины могут негативно сказаться на достигнутых в последние годы российско-турецких договоренностях, если Турция, как член НАТО пойдет на уступки требованиям Альянса. В свою очередь, это чревато дальнейшей милитаризацией региона, свертыванию важных экономических, в том числе и энергетических проектов.

Долгое время после распада СССР Россия сохраняла за собой лишь незначительную часть черноморского побережья («от Адлера до Анапы») и единственный полноценный черноморский порт в Новороссийске. Основанный еще в 1783 г. российский Черноморский флот базировался в Севастополе по договоренности с Украиной, имевшей наибольшую протяженность береговой линии. Также Россия постепенно утрачивала свои позиции в Средиземном море. В новой ситуации Москва взяла курс на укрепление Черноморского флота, на усиление своей группировки военно-морских сил в Севастополе и активизацию деятельности военно-морской авиации.

* * *

Изложенное выше свидетельствует, что процессы регионализации становятся все более активным фактором экономического и политического развития, а возрастающая взаимозависимость регионов современного мира увеличивает их значимость для стран как востока, так и запада Европы, в том числе и для России.

Глава 31

ЭКОНОМИКА РОССИИ В ЕВРОПЕ И МИРЕ

Современные реалии российской экономики

Если в 1999 г. по объему ВВП Россия занимала 10-е место в мире, то к 2014 г. она вышла на 6-е. Прирост ВВП России в 2011 г. составил 4,3%, в 2012 г. — 3,4%, 2013 г. — 2,4%. Промышленное производство и капитальные вложения также возросли. Производя около 3% мирового ВВП, Россия уступает ныне лишь США, Китаю, Индии, Японии и Германии, превосходя Францию и Великобританию.

Более детальная картина современного развития экономики России представлена в таблице 31.1.

Увеличились реальные доходы населения. Сократилась норма безработицы. Тем не менее общая картина состояния нашей экономики достаточно сложная. Экономика России унаследовала низкую эффективность и конкурентоспособность. Слабо развита рыночная инфраструктура, сохраняются структурные перекосы и инновационная отсталость.

По ряду самых современных и прогрессивных производств современная Россия отстает от Запада в большей степени, чем бывший Советский Союз. По электронике и высоким технологиям это отставание особенно сильно. По данным академика И.Д. Иванова, объем машиностроительного производства сегодня у нас в 30 раз меньше, чем в ФРГ, в 31 раз — чем в КНР, в 82 раза — чем в Японии¹. И это несмотря на значительные масштабы производства автомобилей и военной техники.

Низка эффективность российского производства. Она лишь немного лучше советской. В настоящее время, по оценкам Лозаннско-

¹ *Иванов И.* Российские предприятия в открытой рыночной экономике. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2011. С. 185.

Таблица 31.1

**Основные показатели развития экономики России
в 2011 и 2012 гг., в %**

Показатели	2011	2012
Прирост ВВП	4,3	3,4
Индекс потребительских цен	6,1	6,6
Индекс промышленного производства	4,7	2,6
Индекс сельскохозяйственного производства	23,0	- 4,7
Капвложения	8,3	6,7
Строительство	5,1	2,4
Ввод в действие жилых домов	6,6	4,7
Реальные доходы населения	0,4	4,2
Реальная заработная плата	2,8	7,8
Среднемесячная заработная плата (в руб.)	23 369	26 690
Норма безработицы	6,6	5,7
Оборот розничной торговли	7,0	5,9
Экспорт (млрд долл.)	522,0	530,7
Импорт (млрд долл.)	323,2	335,4
Средняя цена за нефть Urals (долл. за баррель)	109,3	110,5

Источник: Экономист. 2013. № 3. С. 92

го института мировой экономики, подготовленным для Давосского экономического форума, народнохозяйственная производительность труда в России в 3,2 раза ниже, чем в США, в 2,5 раза ниже, чем в ведущих странах ЕС и в 2,3 раза ниже, чем в Японии². В международном рейтинге конкурентоспособности за 2013 г. Россия заняла лишь 42-е место из 60 стран.

В 2000–2012 гг. в экономике России возросла несбалансированность отраслевой структуры. Произошли увеличение доли добычи сырья и уменьшение выпуска готовой продукции, особенно машин и оборудования. Доли добывающей и обрабатывающей промышленности в ВВП у нас примерно одинаковы (порядка 15%). Зато удельный вес сырья в экспорте чрезмерен — около 80%. Подобная диспропорция характерна для нефте- и газодобывающих стран, не имеющих собственной современной индустриальной базы. Сохранение такой экономики — залог продолжающейся отсталости.

² Вопросы статистики. 2009. № 7. С. 6.

Россия серьезно отстала от развитых стран мира в сфере научно-технического потенциала, науки, по темпам научно-технического прогресса и уровню инновационного развития. Количество инновационных наукоемких предприятий в России сократилось более чем в 2 раза. В хозяйственном обороте страны находится всего лишь 1% результатов затрат на НИОКР (в США и Великобритании этот показатель составляет 70%). По числу регистрируемых за год патентов мы отстаем от Японии в 10 раз, от США — в 6, от Южной Кореи — в 2 раза. Затраты на НИОКР составляют у нас всего лишь 1,2% ВВП, в то время как в Японии — 3,5, в США — 2,7%.

У нас слабы финансовый рынок и банковская система. Фондовый рынок попросту рухнул в период экономического кризиса 2008–2009 гг., банковская система выжила только с помощью государства. Если взять отдельные отрасли российской промышленности, то обстановка здесь разная. Черная металлургия, автомобильная промышленность, не говоря уже о военном машиностроении, достигли заметных положительных результатов. Другое дело — гражданское машиностроение, энергетика, химическая, лесобработывающая, легкая и ряд других отраслей, включая транспорт.

Около двух третей ВВП России производится в технологически отсталых отраслях, где износ основных фондов превышает 50%, а средний срок службы машин и оборудования приближается к 1970-м гг.³ И это несмотря на то, что не раз ставилась задача технологического обновления российского производства. Серьезные трудности испытывают отрасли и сферы нашего народного хозяйства, связанные с «экономикой знаний», которая неоднократно провозглашалась приоритетом экономической политики России. Сегодня доля сферы «экономики знаний» в российском ВВП занимает менее 15%, что вдвое ниже, чем в Западной Европе и почти втрое ниже, чем в США⁴. Все это результат чрезмерной опоры на производство и экспорт сырья, особенно нефти и газа.

Неумолимо выходит на передний план вопрос о качестве нашей экономической политики. Никакие серьезные подвижки в экономике России невозможны без заинтересованности в ее развитии у бизнеса. Поэтому нужны комплексные программы создания позитивного инновационного климата, зрелой конкурентной среды, повышения эффективности производства параллельно с прогрессивным социальным развитием. Экономический кризис 2008–2009 гг. и последующее непростое посткризисное развитие лишь обострили необходимость срочного и комплексного решения этих крупных и острых проблем.

³ Аганбегян А.Г. «В начале было слово...» // ЭКО. 2013. № 6. С. 9.

⁴ Там же. С. 10.

К сожалению, до сих пор отсутствует комплексная государственная стратегия по созданию современной рыночной экономики.

Активы банковской системы России составляют лишь 80% от ВВП, что в 2,5 раза меньше, чем в Западной Европе, хотя общий (частный и государственный) долг иностранным инвесторам за 2012 г. вырос на 83 млрд долл. и составил на 1 января 2013 г. 624 млрд долл. США⁵. Львиная доля этого долга приходится на предпринимательский сектор, что в условиях снижения темпов роста нашей экономики представляет собой негативный фактор.

Инвестиционный климат в экономике России все еще непривлекателен. За счет банковского кредитования формируется лишь 14% годового объема инвестиций. Уход капитала из страны в последнее время достиг опасных размеров (чистый отток составил в 2011 г. — 84 млрд долл., в 2012 г. — 75 млрд). Это, естественно, отрицательно влияет на масштабы капиталовложений.

Инвестиционный климат напрямую зависит от качества рыночной инфраструктуры и стимулирующих действий государства. Оценка этих факторов также выглядит достаточно негативно. В свое время, в марте 2011 г., выступая в Магнитогорске, тогдашний президент России Д. Медведев откровенно признал: «Я уже давал оценку инвестиционному климату в нашей стране, он у нас очень плохой... В этом году условия для ведения бизнеса для многих небольших компаний не улучшились, а скорее ухудшились; коррупция остается фактором, который влияет на общеэкономическую ситуацию, результат очевиден — деньги бегут из нашей экономики»⁶.

В 2000–2012 гг. практически был приостановлен ход ранее запущенных в жизнь рыночных и демократических реформ. Вместо них усилились прямое присутствие государства в производстве и его контроль над бизнесом. Власть и собственность слишком слиты друг с другом.

Другая острая проблема нашей экономики — бедность. По данным Росстата, на конец 2012 г. численность бедных в России составляла 12,5 млн человек, или 8,8% населения. По данным Института социологии РАН, эта доля значительно больше — около 25% (в 2003 г. было 39%). Необходимы экстренные государственные меры. И дело не только в реальной низкой оплате труда, но и в жилье, коммунальной инфраструктуре и т.д.

Российская экономика функционирует в обстановке мировой глобализации, в системе взаимосвязанности с экономиками других стран.

⁵ Там же. С. 11.

⁶ Экономическая наука современной России. 2011. № 2. С. 64.

Объем нашего ВВП, рассчитанный по паритету покупательной способности, приближается к 3 трлн долл. США, т.е. к уровню Германии. Очевидно, что Россия превзойдет Германию по этому показателю до 2020 г. Это, однако, не значит, что мы заметно укрепим свои позиции в мире по эффективности, конкурентоспособности и инновационности производства. А это главные задачи, которые всерьез стоят перед нашей страной. Чтобы сдвинуться с места, необходимо сменить застойную экономическую парадигму и встать на путь инновационного развития.

Реально перейти на путь современного инновационного развития удастся лишь тогда, когда в стране начнется новая индустриализация. Как писал академик Н.П. Шмелёв: «Нам нужна вторая индустриализация, более осмысленная и охватная, чем индустриализация 1920—1930-х гг., потому что Россия опять невероятно отстала в развитии. Эта задача может быть решена только при сосредоточении всех возможных усилий. ... Такое ощущение, что задумали строить Эйфелеву башню на болоте и по глупости забыли положить четыре кирпича под ее углы, но уже монтируем верхние ажурные этажи. Нам не надо фундамента — мы заняты верхушкой. Вряд ли это самый рациональный и перспективный путь»⁷.

Проблемы модернизации экономики

На преодоление экономического кризиса 2008—2009 гг. Россия затратила примерно 15% своего ВВП — больше, чем основные развитые страны мира. Негатив состоит в том, что в отличие от этих стран в России в интересах поддержания занятости сделан упор не на замену устаревшего оборудования, не на переход на новые технологические процессы, а на сохранение, особенно на государственных предприятиях, традиционного, морально изжившего свои сроки производства — старого, родного и привычного. Доля расходов на передовые технологии в целях модернизации энергетической, транспортной и жилищно-коммунальной инфраструктур составила в антикризисной программе России лишь 1,5%, в то время как в Китае — 37,8, в ЕС — 58,7, в Южной Корее — 80,5%⁸.

Большие средства тратятся на содержание вооруженных сил и военное производство. В бюджетном планировании предусмотрено се-

⁷ Шмелёв Н.П. Россия: угрозы и возможности ближайших десятилетий. СПб.: СПбГУП. С. 36.

⁸ Глазьев С. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М.: Экономика, 2010. С. 224.

рзное увеличение расходов на ВПК, заметно повысившее его долю в ВВП. Происходит это на фоне снижения доли расходов на образование и здравоохранение. Между тем растущее военное производство не имеет прямого отношения к модернизации производственных структур. Новая военная продукция, как известно, не заменяет устаревшие заводские станки, но отвлекает огромные ресурсы от модернизации. Продукция этой отрасли лежит на складах и используется только на военных учениях. Точно так же большие ресурсы не вкладываются в модернизацию из-за упора на добычу сырья.

России нужна, прежде всего, масштабная модернизация производственного аппарата. Средний срок жизни нашего станочного парка превысил 20 лет, что намного превышает срок его нормативной службы. Более половины основных производственных фондов устарела и нуждается в обновлении. Почти 41% предприятий убыточны. Особенно высок этот показатель в промышленности (42%), в сельском хозяйстве и в ЖКХ (62%).

Но модернизации одного производственного аппарата далеко не достаточно. Она необходима всей управленческой системе и ее трудовым ресурсам.

Административные структуры России архаичны. Они несут на себе устаревшие черты ручного управления, иерархической вертикали, основанной на принципе «начальник-подчиненный». Вместо современной коллегиальности, равенства экспертов, независимо от занимаемой ими должности, свободы мнений и дискуссий в интересах принятия грамотных и продуманных решений продолжает существовать бюрократизм.

Еще важнее модернизация общественного сознания, давно сложившегося и противоречивого. Выдающийся русский философ И. Ильин писал, что «России нужен новый *русский человек*: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя по-новому, из нового духа, ради новых великих целей... В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию»⁹.

Очевидно, что сегодня России нужны не только правильные слова, но и грамотная, конкретная стратегия модернизации. Ее практическая реализация должна сопровождаться сотрудничеством со странами развитой рыночной экономики.

По своему национальному менталитету Россия принадлежит как Востоку, так и Западу. У нее особый, расколотый менталитет. Как го-

⁹ Ильин И. О грядущей России. М., 2006. С. 215.

ворил Д. Менделеев, Россия находится «между молотом Европы и наковальной Азии». Естественно, надлежит модернизировать не только экономику, не только общественные структуры, но и всю Россию.

Создавать новую экономику, новое современное общество и новую жизнь следует немедленно. Искусственная задержка на этом пути неизбежно приведет к нарастанию общественного недовольства.

Весьма интересен и полезен с этой точки зрения опыт Китая, твердо вставшего на путь модернизации экономики и общества. В 2006 г. Госсовет КНР принял «Инструкцию по применению государственных среднесрочной и долгосрочной программ по научному и технологическому развитию на период с 2006 по 2020 гг.». Цель Инструкции — создание деловой среды, способствующей появлению и распространению нововведений, осуществляемых частными фирмами, овладению современной техникой и технологиями.

В 11-м пятилетнем плане был сделан акцент на стимулирование отраслей, применяющих высокие технологии с широким участием частного бизнес. В конце 2010 г. был принят план на 12-ю пятилетку, на период с 2011 по 2015 г. В нем особое внимание было уделено развитию следующих семи направлений:

- технологии «чистой» энергетики;
- новые поколения телекоммуникационного оборудования;
- биотехнология;
- высокотехнологическое оборудование;
- новая энергетика;
- новые материалы;
- гибридные и электрические автомобили¹⁰.

Действует в этой стране и программа поддержки «местных инноваций», проводимых на периферийном уровне. Они получают государственную поддержку в виде налоговых льгот, субсидий и государственных контрактов¹¹. Чего-то подобного в России, к сожалению, нет.

Проблемы инновационного развития

В США в 2011 г. сформулирована «Инновационная стратегия», согласно которой инновации — краеугольный камень развития, решающий фактор повышения конкурентоспособности. В Китае пятилетний

¹⁰ Эксперт. 2012. № 12. С. 21– 22.

¹¹ Там же. С. 22.

план, принятый на период 2011–2015 гг., с полным основанием назван планом развития науки и технологий.

Россия не представляет собой исключения. Она, как и многие другие страны, находится у порога новой экономики, базирующейся на качественной интеллектуализации производственных процессов и трудовых ресурсов. Вопрос стоит так: инновации или деградация, инновационная модель или упадок.

Инновации, по определению, понятие широкое. Это не только изобретения, принципиально новые технологические процессы и продукты, организационные преобразования и т.д., но и новые концепции, представления и взгляды. Это прогресс и даже революции в знаниях, находящих воплощение в жизни общества. Инновации могут быть базовыми или стратегическими, когда создается принципиально новый продукт. Они могут быть и модификационными, когда происходит модификация известного продукта, придающая ему принципиально новое качество.

Инфраструктурой стабильного инновационного процесса служит цепочка связей всех его элементов, начиная с науки, практических разработок в КБ и на предприятиях и кончая созданием нового продукта с последующей его реализацией на рынках. Такая система связей может иметь разные масштабы, начиная с общенационального и отраслевого уровней и кончая межотраслевой кооперацией предприятий, территориальных технопарков и т.д. В инновационном процессе органично участвует финансовая система как источник и инструмент кредитования и других форм финансирования инноваций. Но главное — это тесная кооперация бизнеса, государства и научной среды.

В странах со зрелой рыночной экономикой практически уже созданы сети современного инновационного процесса и его среда. Речь там уже идет о комплексной инновационной системе, базирующейся на развитой рыночной экономике, ее институтах и механизмах. В течение 1970–1980-х гг. 40% прироста ВВП большинства стран — членов ОЭСР обеспечивалось за счет инноваций, в 1990-е гг. — уже более 50%.

Показателен путь, пройденный в этом отношении Китаем. Продолжительное эволюционное движение к инновационной модели не дало стране ожидаемых результатов, и признано неприемлемым. Соответственно, была одобрена стратегия прорыва и быстрого выхода на передовые рубежи инновационного прогресса. И это оказалось весьма продуктивным.

Россия пока существенно отстает в создании предпосылок для конструирования такой системы — и в развитии рыночной экономики, и в создании условий для предпринимательской деятельности, и во

внедрении механизмов конкуренции, и в должном развертывании финансово-банковского обслуживания, и в становлении рыночно-предпринимательской инфраструктуры.

Признание этого позволяет в полной мере понять, почему при наличии множества решений о техноградах, технопарках, бизнес-венчурах, о Сколкове и т.д. реальных сдвигов в деле внедрения и реализации инновационной модели не происходит. Главное заключается не в том, чтобы создать еще один исследовательский центр или технопарк (что само по себе и неплохо), а в том, чтобы в стране, в ее экономике возник мощный и масштабный творческий дух, сложилась повсеместная тяга к инновациям и появилась обширная действительно инновационная инфраструктура, стимулируемая государством и бизнесом.

Россия имеет слабые позиции в мировом инновационном процессе. Она занимает в этой сфере 64-е место в мире, т.е. находится в положении аутсайдера. По количеству опубликованных научных статей в расчете на 1 млн чел. населения Россия занимаем 39-е место, по доле производимой высокотехнологичной продукции — 42-е место из 45 обследованных стран.

В 2010 г. лишь 9,3% российских хозяйствующих субъектов осуществляли инновации. Для сравнения, в Германии к инновациям прибегали почти 72%, в Японии — 68, в Канаде — 65, в Эстонии — 53, в Латвии — 27% хозяйствующих субъектов.

Удельный вес инновационной продукции в общем объеме производства товаров и услуг составил в России в 2013 г. всего 0,4%, в то время как в Венгрии и Чехии — более 10%, в Португалии — почти 9%¹².

По оценкам Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ, в 2011 г. Россия занимала последнее место в числе 38 стран, взятых для международного сопоставления по уровню инновационной активности (см. таблицу 31.2).

Конечно, цифрам, приведенным в таблице, не во всем можно верить. В частности, трудно согласиться с тем, что по индексу инновационной активности США отстают практически от всех развитых стран. Но рейтинг России, безусловно, очень низок.

По индексу человеческого развития (по данным ООН) Россия находится на 65-м месте среди обследованных 85 стран; по индексу свободы — на 148-м месте из 179 стран; по индексу глобальной конкурен-

¹² Индикаторы инновационной деятельности. 2011. М.: Изд-во ВШЭ, 2011. С. 441; Гиглавый А.В. Долгосрочные тренды развития сектора информационно-коммуникационных технологий // Форсайт. 2013. № 3. С. 17.

Таблица 31.2

**Индексы совокупного уровня инновационной активности организаций
промышленного производства и сферы услуг по странам в 2011 г.**

Германия	79,9	Швеция	53,7	Бразилия	38,1
Япония	69,0	Италия	53,2	Южная Корея	38,0
Канада	65,0	Финляндия	52,2	Мальта	37,4
Люксембург	64,7	Дания	51,9	Словакия	36,1
Бельгия	58,1	Словения	50,3	Румыния	33,3
Португалия	57,8	Франция	50,2	Болгария	30,8
Новая Зеландия	57,0	Норвегия	49,2	Литва	30,3
Ирландия	56,5	Австралия	48,5	Китай	30,0
Эстония	56,4	Великобритания	45,6	Венгрия	28,9
Австрия	56,2	Нидерланды	44,9	Польша	27,9
Кипр	56,1	Хорватия	44,2	Латвия	24,3
Чехия	56,0	Испания	43,5	США	22,0
				Россия	10,4

Источник: Форсайт. 2013. № 1. С. 81.

тоспособности ей принадлежит 66-е место из 143 стран¹³; по индексу инновационной способности (ВЭФ) — 80-е место из 130 стран¹⁴; по индексу развитости информационно-коммуникационных технологий — также 80-е место.

За последние 10 лет Россия опустилась с 9-го на 16-е место в мире по числу публикаций в ведущих научных журналах и с 17-го на 22-е место по цитированию статей российских исследователей. По качеству учебных институтов она устойчиво пребывает во второй сотне¹⁵.

По оценке Европейской комиссии, в 2010 г. лидерами инновационного развития в Евросоюзе считались Швеция (1-е место), Дания (2-е), Финляндия (3-е), Германия (4-е) и Великобритания (5-е). Показатели инновационного развития в этих странах-лидерах превышают средний для ЕС уровень, в целом, почти на 20%. В рейтинге по индексу инновационного потенциала России досталось 56-е место¹⁶.

Очевидно, что в интересах формирования в России инновационной модели развития надлежит предельно активизировать все слои

¹³ Всемирный экономический форум (ВЭФ) (www.weforum.org).

¹⁴ Инновационное развитие экономики. СПб., 2012. С. 196; Эксперт. 2013. № 14. С. 10.

¹⁵ Известия. 8 февраля 2012 г.

¹⁶ Инновационное развитие экономики. С. 197, 316.

общества, прежде всего, его интеллектуальный сектор. Нужна четкая государственная политика стимулирования бизнеса по использованию в производстве новейших достижений науки и техники и созданию инновационной продукции. Особенно важно поощрять малый и средний бизнес, на который пока приходится менее 2% всех инноваций. Необходима современная система механизмов стимулирования инноваций как в частном, так и в государственном секторе народного хозяйства.

Нужен государственный проект неоиндустриализации и модернизации всех экономических структур. Страна не может довольствоваться только «Газпромом», она нуждается в не менее могучей компании по производству и экспорту современных продуктов машиностроения и, прежде всего станков и электротехнических изделий. Все это невозможно без активного участия крупного бизнеса.

Требуется соответствующая государственная стратегия, содержащая набор конкретных программ ее практической реализации. При разработке этой стратегии полезно использовать уже накопленный зарубежный опыт. А он весьма обширен. Налицо совокупность проверенных на практике программ и обширный набор механизмов стимулирования инноваций. В их числе и налоговые кредиты, и субсидии, и ускоренные амортизационные списания, и временное освобождение от налогов, венчур-бизнесы, бизнес-инкубаторы, всевозможные кластеры и т.д.

Формально многие из перечисленных выше форм государственной поддержки инноваций в России используются. Но мало реальных дел, реальных позитивных результатов.

Характерным для складывающейся ныне ситуации стало то, что при формировании первого правительства новой президентской легистратуры в мае 2012 г. и изложении основных направлений его деятельности практически не упоминалось ни об инновациях, ни о стимулировании научно-технического прогресса, ни о создании специального государственного органа, призванного осуществить формирование инновационной модели.

Инновационная стагнация и даже деградация российской экономики начались не сегодня и не вчера. У них накопилась своя история, начиная с советских времен. Количество наукоемких инновационных предприятий за последние 12 лет сократилось более чем в 2 раза. Из общего объема затрат на НИОКР (более 30 млрд долл. США в год по ППС) лишь 5% становятся объектами коммерческих сделок, получающих воплощение в новой продукции.

Даже если взять, казалось бы, одну из наиболее продвинутых отраслей нашей науки — нанотехнологию, то в ней с 1975 по 2008 г. было зарегистрировано 713 патентов, в то время как в США — 17,6 тыс.,

в Китае — 13,6 тыс., в Японии — 9,7 тыс. и даже на Тайване — 1,4 тыс.¹⁷ Сегодня одна лишь японская корпорация «Панасоник» регистрирует патентов в 4 раза больше, чем вся Россия. По качеству своих институтов и предпринимательскому климату наша страна выглядит аутсайдером даже в группе БРИКС.

Очевидно, что если не переломить сложившиеся тенденции, не форсировать реформы, Россию ждет печальное будущее. Мировой опыт свидетельствует, что многие страны сумели сформировать инновационную модель экономики в короткие сроки. И пример Скандинавских стран, а также Сингапура, Тайваня и Южной Кореи далеко не исчерпывают список «историй успеха». Россия, в отличие от многих развивающихся стран, имеет свой мощный научно-технический потенциал, способный играть большую роль в мировом масштабе.

Курс на стабильность российской экономики дал положительные результаты. Один из наиболее заметных в их числе — повышение жизненного уровня населения. Но этого далеко не достаточно. Во весь рост встал вопрос о смене сложившейся в стране двойственной (капиталистической и социалистической) социально-экономической модели. Жизнь показала, что нам нужна зрелая, современная и конкурентоспособная рыночная экономика, чему мешают чрезмерная монополизация, огромный и неэффективный государственный сектор, отсутствие свободной конкуренции, упор на производство и экспорт сырья, загнивание многих отраслей обрабатывающей промышленности, особенно гражданского машиностроения, государственное регулирование цен в энергетике, слабая правовая система и т.д.

Нам необходимо заменить постсоветскую российскую экономику, точнее, ее сложившуюся двойственную социально-экономическую модель, на модель современной зрелой рыночной экономики, как это сделали постсоциалистические страны Восточной Европы. Сегодняшнюю модель российской экономики можно назвать государственно-монополистической корпоративной с глубинными чертами как капитализма, так и социализма. При этом отсутствует стратегия перехода к современной рыночной экономике.

Институты частной собственности и конкуренции — важнейшие черты не только современной экономики, но и всего цивилизованного общества. Они — гарант инновационных процессов, постоянного обновления и повышения качества производимой продукции. В современной российской экономике частный сектор слаб, он находит-

¹⁷ Кудров В. Международные экономические сопоставления и проблемы инновационного развития. М.: Юстицинформ, 2011. С. 544.

ся в зависимости от бюрократического государственного аппарата, от чиновников.

По данным международного мониторинга, в 2012 г. в России лишь 4,3% трудоспособного населения имели свой бизнес и всего лишь 2,2% граждан хотели стать предпринимателями¹⁸. При таком климате говорить о благих прорывах в сфере экономики трудно, хотя официальные прогнозы довольно оптимистичны. Реальный годовой прирост ВВП в 2014—2017 гг. вряд ли превысит 1—2%. К тому же такие темпы базируются на экстенсивном характере развития нашей экономики.

Догнать Запад нам будет не просто. По мнению бывшего главы ИНСОР И. Юргенса, российская «общинность и архаика» могут быть преодолены не раньше 2025 г.¹⁹ Впереди нас ждет большая работа. И эта работа должна быть направлена на создание современной зрелой конкурентоспособной социально-экономической модели и высококоразвитой инновационной экономики.

* * *

Сегодня нам как никогда нужен государственный проект инновационной системы, проект неоиндустриализации и модернизации экономики. Нам нужны могучие современные машиностроительные и электротехнические, высокотехнологические корпорации и фирмы по производству и экспорту современных машиностроительных продуктов и технологий. У России есть все необходимые условия для здорового экономического роста, экономического и социального процветания. Это огромные людские, технологические, производственные и природные ресурсы. К этому следует добавить финансовые ресурсы. Но не хватает политической воли.

Нам необходима ориентация на высокие технологии, на инновации. Сохранение в экономическом развитии установки на производство сырья не отвечает национальным интересам страны и приведет лишь к углублению технологического отставания. Опираясь на отечественный научно-технический потенциал, Россия должна совершить прорыв в своем научно-техническом развитии и занять одно из ведущих мест в мире.

¹⁸ Независимая газета. 24 мая 2013 г.

¹⁹ Новый Регион — Москва. 15 сентября 2010 г.

Глава 32

АРКТИКА – ЗОНА КОНКУРЕНЦИИ И СОТРУДНИЧЕСТВА

Арктика — уникальный регион мира, где география свела вместе четыре цивилизации: российскую, европейскую, североамериканскую и цивилизацию малочисленных коренных народов Севера. Каждая из них осваивала северные территории по-своему. Вместе с тем теперь, когда на повестку дня встала задача использования природных ресурсов морского шельфа, ряд вопросов предстоит решать на взаимосогласованной основе. Пересечение интересов подталкивает к мирным решениям.

Арктика почти не затронута современной техногенной цивилизацией, поскольку из-за экстремальных погодных и климатических условий слабо заселена и мало изучена. Проникновение в этот регион нельзя осуществлять исключительно на основах конкуренции: в суровых арктических условиях жизненно необходима взаимопомощь. Без широкого международного сотрудничества невозможно найти решение практически ни одной имеющейся здесь проблемы — от определения границ территорий, на которые распространяется национально-государственная юрисдикция, до охраны окружающей среды, сохранения биологических и минеральных ресурсов, организации регулярного судоходства и т.д.

Участники арктического региона действуют на основе сложившегося международного права, признавая при этом необходимость его развития с учетом арктической специфики, стремятся к разрешению возникающих вопросов в рамках международных организаций и соглашений, и, прежде всего, Арктического совета. По разным аспектам арктического сотрудничества проводятся многочисленные международные конференции, семинары и другие мероприятия, которые позволяют не только обсудить сложные вопросы международного сотрудничества, но и сблизить позиции сторон.

С 2006 по 2013 г. страны, имеющие выход в арктический регион по морю и/или по суше, разработали и опубликовали свои арктиче-

ские стратегии. Основы политики России в Арктике на длительную перспективу сформулированы в 2008 г., а в 2013 г. одобрена «Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года». В апреле 2014 г. правительство утвердило государственную программу по ее реализации.

Юридические аспекты

Одна из особенностей Арктики состоит в том, что это единственный оставшийся в мире регион, в котором между странами не установлены морские границы. В прошлом границы в других регионах устанавливались, как правило, путем вооруженных конфликтов. В Арктике же они определяются на основе Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г., а также двусторонних соглашений между странами-соседями о делимитации пересекающихся зон.

Решением Генеральной Ассамблеи ООН от 1970 г. об объявлении ресурсов, которые находятся на дне морей и океанов за пределами национальной юрисдикции, «общим наследием человечества» был отвергнут секторный подход к определению национальных территорий, применявшийся ранее некоторыми странами. В 1973 г. прошла Третья Конференция ООН по морскому праву, которая проложила путь подписанию в 1982 г. Конвенции ООН по морскому праву. Оставшиеся разногласия по осуществлению части XI Конвенции, которые касались режима разведки и добычи полезных ископаемых на морском дне за пределами национально-государственных границ, были разрешены путем заключения дополнительного Соглашения. Конвенция и Соглашение вступили в силу соответственно в ноябре 1996 и в июле 1998 г. В соответствии с Конвенцией действуют три международных органа: Международный орган по морскому дну, Международный трибунал по морскому праву и Комиссия ООН по границам континентального шельфа.

Конвенция ООН ввела в международное право следующие юридические понятия: внутренние воды (определяемые выступающими в море или океан участками суши, например, бухты, заливы и т.д.), территориальные воды (12 м.м. или 22,2 км), прилегающая зона (24 м.м. или 44,4 км), исключительная экономическая зона (200 м.м. или 370,4 км). В некоторых случаях, обоснованных геологическим строением морского дна, исключительная экономическая зона может быть расширена до 350 м.м. (648 км). Эта задача возложена на Комиссию по границам континентального шельфа, которая на основе Конвенции от 1982 г. выносит рекомендации по установлению странами внешних

границ своего континентального шельфа за пределами зон исключительной экономической ответственности. По состоянию на середину 2014 г. в Комиссию ООН странами было подано 74 заявки на расширение исключительных экономических зон. Комиссия вынесла рекомендации по 20 заявкам. Остальные находятся на рассмотрении или отклонены по тем или иным причинам.

Из арктической пятерки только Норвегии, представившей свою заявку в 2006 г., удалось получить международное признание своих морских границ в арктических морях. Решением Комиссии, принятым в апреле 2009 г., норвежские претензии были удовлетворены почти в полном объеме. В результате Норвегия обрела право распространить свой суверенитет на несколько сотен тысяч квадратных километров морской территории, которая сопоставима с величиной ее сухопутных владений.

Россия первой из стран – членов Арктического совета подала в 2001 г. заявку в Комиссию ООН по границам шельфа, которая была возвращена на доработку. В 2012 г. состоялась морская экспедиция «Арктика 2012», которая собрала материал, необходимый для представления новой заявки, возможно, в конце 2014 или в начале 2015 г.

В 2010 г. Россия и Норвегия урегулировали многолетний спор из-за раздела серой зоны в Баренцевом море. Соглашение открыло для стран-участниц возможности разработки нефтегазовых месторождений на ранее спорных территориях. Одновременно это свело на нет заинтересованность Норвегии участвовать в освоении Штокмановского проекта.

Заявки в Комиссию ООН по разграничению морского шельфа, которые уже поданы или только готовятся к представлению, содержат встречные претензии на некоторые территории. Между США и Россией по-прежнему окончательно не решен вопрос о границе в Беринговом проливе, так как соответствующее соглашение, заключенное Дж. Бейкером и Э.А. Шеварднадзе, отдававшее под юрисдикцию США большую часть Берингова моря, не ратифицировано российским парламентом.

Между США и Канадой есть разногласия из-за границы в море Бофорта, а также из-за статуса Северо-Западного прохода, который Канада считает своим, а США — международным. Подобный подход США стремятся применять и к Северному морскому пути. Канада и Дания претендуют на остров Ханса, расположенный в проливе между Канадой и Гренландией. Не решен спор о границе между Гренландией и канадским островом Эсмир. Не до конца ясен юридический статус экономической зоны вокруг архипелага Шпицберген. Норве-

гия в одностороннем порядке распространила свой суверенитет на эту морскую территорию, хотя это противоречит духу международного Парижского соглашения от 1920 г. Спорной территорией является хребет Ломоносова. На него претендуют одновременно Россия, Канада и Дания вместе с Гренландией.

Военное присутствие в Арктике

Несмотря на то что юридическая база позволяет находить решения возникающих в Арктике вопросов (хотя в некоторых случаях и требуются дополнительные согласования), все арктические страны сочли необходимым усилить свое военное присутствие на Крайнем Севере. К настоящему времени оно почти достигло уровня, характерного для периода холодной войны. Все арктические державы демонстрируют на Севере свою военную мощь. В регионе регулярно осуществляется военное патрулирование воздушных и водных границ, проводятся военные учения, в некоторых случаях — совместные. Отрабатывается взаимодействие различных родов войск, укрепляются старые военные базы, возводятся новые опорные пункты военного базирования сухопутных, воздушных и морских сил.

По оценке российских и зарубежных экспертов, острый военный конфликт в Арктике сейчас маловероятен¹. Регион остается пока зоной мирного сотрудничества, потенциально конкуренция из-за сокращающихся ресурсов может обостриться где-то к середине текущего столетия.

Усиливающееся военное присутствие — косвенное подтверждение этого прогноза; оно убедительно свидетельствует об остроте конкуренции в данной сфере.

В документах НАТО неоднократно говорилось о том, что Арктика входит в зону ее стратегических интересов. В качестве аргумента используются ссылки на необходимость защищать энергетическую, информационную и экологическую безопасность стран-участниц. В частности, такие заявления прозвучали в 2008 г. в ходе Бухарестского саммита НАТО, а также в 2009 г. в Рейкьявике на семинаре «Перспективы безопасности на Крайнем Севере». Очевидно, этот военный блок не может не пользоваться тем, что четыре страны из арктической

¹ См., например, статью Загорского А.В. «Военная безопасность в Арктике» // Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия. В 3 т. Т. 1. М.: Аспект-Пресс, 2013. С. 260–262.

пятерки являются членами НАТО. США рассматривает Арктику как приоритетную проблему Североатлантического союза. Норвегия активно добивается распространения политики НАТО на этот регион, поскольку не рассчитывает на одни свои силы. Правда, Канада выступает против усиления роли НАТО в Арктике, очевидно, опасаясь потерять свободу рук в регионе. В таких документах НАТО, как Стратегическая концепция 2010 г. и Чикагская декларация 2012 г., Арктика даже не упоминается. Однако ссылки на угрозы в сфере энергетики, на потребности в усилении охраны окружающей среды или на опасность кибернетической атаки в принципе могут быть использованы, чтобы, провозгласив Арктику источником «неприятностей», включить регион в зону ответственности НАТО.

Инициатором усиления военного сотрудничества на Севере Европы выступает Норвегия. Под ее влиянием участницы Северного совета и Совета министров северных стран разработали совместную военную стратегию для Крайнего Севера. Арктическая повестка дня была принята на заседании Совета министров северных стран в феврале 2009 г., после одобрения доклада, представленного Торвальдом Столтенбергом, который был в свое время министром обороны и министром иностранных дел Норвегии. Этот политический деятель выдвинул на обсуждение новую концепцию регионального сотрудничества в Арктике, сформулировав 12 предложений, от укрепления дипломатического сотрудничества до создания специального объединенного военного отряда, который мог бы патрулировать воздушное пространство Исландии и осуществлять в случае необходимости военные операции в Арктике. В этом своеобразном «северном НАТО» выразили согласие участвовать, наряду с Данией, Исландией и Норвегией, нейтральные Швеция и Финляндия. Новая система военного сотрудничества получила наименование — НОРДЕФКО².

Экология и климатические изменения

Исходя из того, что природа Арктики крайне уязвима и ситуация в этом регионе влияет на климат всей планеты, все арктические и приарктические страны сочли охрану природной среды региона своим важнейшим приоритетом. Большинство специалистов и наиболее влиятельные международные организации исходят ныне из того, что

² НОРДЕФКО (NORDEFKO) — сокращенный вариант английского названия — Nordic Defence Cooperation (Североевропейское сотрудничество в области обороны).

в мире происходит глобальное потепление, о чем, в частности, свидетельствует ускорение таяния арктических льдов. Считается, что этот процесс будет развиваться по восходящей. К данному выводу можно относиться по-разному. Бесспорно, однако, что уже произошедшие климатические изменения сделали возможным продление навигации по северным морским маршрутам.

Для усиления защиты природной среды Арктики предлагается ряд мер.

Все страны арктического региона признают значение принципа устойчивого развития, поэтому они договорились об образовании соответствующей рабочей группы в рамках Арктического совета. Эта группа осуществляет деятельность, направленную на постепенный перевод региона на развитие, которое учитывает состояние окружающей среды и интересы будущих поколений. В этом отношении с Арктикой спорит Балтийский регион, для которого в 2009 г. была разработана Балтийская стратегия, предусматривающая переход на принципы устойчивого развития. Это означает, что хозяйственное освоение территорий Крайнего Севера, включая добычу и транспортировку углеводородного топлива, может осуществляться только такими способами, которые не наносят вреда природе, нынешним или будущим поколениям, местному населению, занимающемуся традиционными промыслами (охота, рыболовство, оленеводство). Однако этот принцип пока не получил юридического оформления. Достижению такой договоренности мешает то, что согласовать на международном уровне экологические нормы и стандарты, методы контроля над их соблюдением, а также меру и механизмы ответственности за возможные техногенные и экологические несчастные случаи и катастрофы, довольно сложно. Достижению соответствующих договоренностей мешают также противоречия между интересами нефтегазовых компаний, с одной стороны, и экологов, а также предприятий рыболовной отрасли, с другой. Следует иметь в виду и то, что рыбные ресурсы являются одним из основных источников дохода для жителей Исландии, Фарерских островов, Гренландии, а также для коренных народов Севера, не говоря уже о том, что Европа остается крупнейшим в мире потребителем северных видов рыбы.

Правда, в экологическом сознании некоторых нефте- и газодобывающих компаний наблюдаются определенные сдвиги. В частности, концерны «Роснефть» и *ExxonMobil* подписали недавно Декларацию об охране окружающей среды и бережном освоении российского арктического шельфа». Документ аналогичного характера был утвержден руководителями «Роснефти» и *Statoil*. Председатель правления

«Роснефти» И.И. Сечин заявил, что российская компания намерена заключить подобные соглашения со всеми своими партнерами. Представители российских нефтяных компаний утверждают, что не заинтересованы в повторении аварии наподобие той, которая произошла в свое время в Мексиканском заливе.

Принципиальный поворот в экологическом направлении намечен и в политике России, которая приступила к реализации программы по очищению российской части Арктики от накопившегося в ней мусора. 2013 г. был объявлен в России годом экологии, в рамках которого проводилась масштабная кампания по очистке Арктики от загрязнения. Местные власти приступили к очищению архипелага Новая Земля и Обской губы. В ЯНАО правительство перешло к проведению промышленной политики, основанной на принципах строгого контроля над соблюдением экологических стандартов.

Ряд арктических стран расширяет число и размеры природоохранных зон и национальных парков в Арктической зоне. Такой политики придерживается Норвегия на территории архипелага Шпицберген. В России региональный парк «Берингия» получил статус национального. Обсуждаются также планы создания национального парка на Земле Франца Иосифа. Увеличивает природоохранные зоны на своем Крайнем Севере и Канада.

Очевидно, что принципы устойчивого развития, широко признанные и поддерживаемые, не могут сразу найти всеобщего применения. Но именно в Арктике имеется потенциальная возможность их всестороннего внедрения. Этот регион еще не испытал на себе широкого хозяйственного освоения с использованием экологически опасных технологий, а мировое хозяйство пока в состоянии функционировать без масштабной добычи его минеральных ресурсов. Достижение договоренности об устойчивом развитии территорий, расположенных на Крайнем Севере, способствовало бы постепенной универсализации соответствующего принципа.

Перспективы добычи полезных ископаемых

Говоря о полезных ископаемых Арктики, чаще всего имеют в виду углеводородные запасы. На самом деле в этом регионе множество других минеральных ресурсов: никель, кобальт, тантал, золото, олово, ниобий и редкоземельные металлы. В соответствии с действующим международным правом странам позволено в пределах зон сво-

ей исключительной экономической ответственности осуществлять разведку и разработку природных ресурсов, пользоваться свободой судоходства, прокладывать кабели и трубопроводы и т.д. При этом они должны учитывать права и обязанности соседнего государства. На разведку и добычу минеральных ресурсов за пределами таких зон требуется разрешение Международного органа по морскому дну. После разработки стандартных условий договоров на проведение поиска и добычи полезных ископаемых на дне морей и океанов был заключен ряд таких соглашений. По состоянию на 2013–2014 гг. имелось 17 таких контрактов с разными компаниями различной принадлежности по разведке и добыче минеральных ресурсов на морском дне в международных водах³.

США не поддержали создание Международного органа по морскому дну. В основном именно по этой причине они не пожелали ратифицировать и Конвенцию ООН по морскому праву, хотя Комитет Сената США по иностранным делам еще в 2007 г. проголосовал за ее ратификацию. Дело в том, что ряд влиятельных политиков США считает, что необходимость получения разрешения международного органа на подводное бурение ограничивает суверенитет США.

Из принципа устойчивого развития логически следует необходимость налаживания строгого контроля над технологиями, применяемыми при добыче минеральных и топливных ресурсов, причем не только в международных водах, но и в пределах исключительных экономических зон. Такая постановка вопроса является достаточно новой для международного сотрудничества. Вместе с тем отсутствие таких договоренностей влечет за собой непомерно высокие экологические риски, что, в частности, показала авария на буровой установке *British Petroleum* в Мексиканском заливе. Напоминание об этой катастрофе актуально, ведь ряд нефтяных и газовых компаний проводит пробное бурение в арктических морях для исследования перспективных месторождений и определения запасов полезных ископаемых. «Роснефть» и *ExxonMobil* уже заявили о скором начале эксплуатации углеводородных месторождений.

Экологическая опасность состоит в данном случае в том, что пока ни одна страна мира не располагает достаточно надежными технологиями добычи нефти на морском шельфе в регионах с ледовым покрытием, сохраняющимся на протяжении большей части года и с дрейфующими льдами, гарантирующими от угрозы катастроф и разливов

³ International Seabed Authority. Press Release. 19-th Session, Kingston, Jamaica. 15–26 July 2013. SB/19/7. 17 July 2013. Council Hears LTC Report on Activities of Contractors.

нефти в морской среде. Риск таких катастроф сохраняется с высокой вероятностью.

В то же время в России разработан уникальный и многообещающий метод экологически безопасной эксплуатации подводных источников нефти, который пока не получил должного распространения. Этот метод предусматривает использование «ячеистой системы», модифицированной для строительства под водой на больших глубинах. Платформу фиксируют над заданной точкой морского дна таким образом, чтобы ее верхний край находился на глубине 20–30 м. К месту установки платформы буксируют защитный вертикальный коллектор, через который должно осуществляться бурение. На нижнем торце первого фрагмента защитного коллектора заранее монтируют устьевое оборудование, которое обеспечивает герметичность внутреннего пространства защитного коллектора, а также аварийное или временное закрытие скважины или ее консервацию⁴.

Представляется, что такие сложные, но экологически оправданные технологии должны быть испытаны на практике и при положительном результате их следует внедрять на арктических месторождениях.

Добывающие компании активно разрабатывают планы добычи ресурсов Арктики. «Роснефть» вместе с *ExxonMobil* в качестве партнера объявила о готовности вложить 1 млрд долл. США в работы на арктическом шельфе. «Роснефть» и *ENI* подписали соглашение о совместном проведении на нем геологоразведочных работ. «Роснефть» и *Statoil* создали совместное предприятие по разведке и добыче углеводородов в Баренцевом и Охотском морях.

Норвежская компания *Statoil* объявила, что намерена выделить в течение 2013–2014 гг. 5,7 млрд долл. США на освоение двух месторождений в Баренцевом море. Она заключила с Исландией соглашение о допуске к эксплуатации месторождений на исландском шельфе и увеличила расходы на проведение НИОКР до 2,1 млрд норв. крон (приблизительно 347,4 млн долл. США) в год⁵.

Из-за технологических трудностей на фоне повсеместных призывов перейти к устойчивому развитию и протестов экологов ряд нефтегазовых компаний вынужден притормозить реализацию ряда проектов на арктическом шельфе. «Газпром» заморозил освоение проекта «Штокман». В аналогичном положении находятся и западные компании. Протесты «зеленых» привели к остановке добычи нефти кор-

⁴ Краснов М.А. Технологические основы Арктической Цивилизации / Проза.ру. (<http://www.proza.ru/2012/01/18/1573>).

⁵ Annual Report of Statoil. 2011.

порациями «Шелл» и *British Petroleum* в американской части Арктики. После катастрофы в Мексиканском заливе масла в огонь подлила авария на буровой установке Куллук, принадлежащей «Ройял Датч Шелл» и расположенной в районе Аляски. «Зеленые» выступают за то, чтобы запретить этой компании доступ к шельфу. Министерство внутренних дел США приступило к расследованию ее деятельности. Вместе с тем, несмотря на технологические трудности, платформа «Приразломная» в апреле 2014 г. приступила к промышленной добыче нефти с арктического шельфа.

Основными владельцами лицензионных участков в арктических морях России являются «Роснефть» и «Газпром». Эти компании первыми начали строить планы добычи нефти и газа в АЗРФ. Позднее к арктическим месторождениям были допущены частные российские компании: «Лукойл», «Новатэк» и др. Начало широкомасштабной добычи в арктической зоне после проведения разведки и пробного бурения российские нефтегазовые компании планируют на 2016 г.

Преимущества государственных компаний при разработке шельфовых месторождений состоят в следующем. *Во-первых*, эти компании достаточно мощные, чтобы финансировать необходимые технологические разработки и адекватно отвечать на риски. *Во-вторых*, государственные компании можно обязать закупать в России хотя бы часть необходимого оборудования, вместо того, чтобы приобретать его за рубежом. Поскольку правительство предоставляет этим компаниям налоговые льготы, соответственно, оно вправе выдвигать определенные условия. Иными словами, государство в ходе реализации масштабной Арктической стратегии может существенным образом содействовать развитию отечественной промышленности, обеспечивая ей дополнительные рынки сбыта продукции внутри страны.

Главными конкурентами России в сфере добычи шельфовой нефти и газа выступают, прежде всего, норвежские и американские компании, действуя либо самостоятельно, либо в альянсе с корпорациями других стран, имеющих выход в арктические воды. При этом конкуренция между странами может трансформироваться в конфликт интересов внутри консорциумов, создаваемых для эксплуатации крупных шельфовых месторождений. В качестве примера такого конфликта можно привести российско-франко-норвежское объединение, созданное для реализации Штокманского проекта, который позднее был заморожен.

Конкуренция на этом рынке все более обостряется. Норвежская компания *Statoil* уже почти сравнялась с российским «Газпромом» по объему поставок природного газа в ЕС. По сообщению Евростата,

в 2011 г. доля Норвегии в этих поставках составила 27% против 33% у России. При этом удельный вес Норвегии увеличивается⁶. Похожая ситуация может сложиться на рынке нефти. Арктическая нефть не может быть дешевой. По расчетам российских экспертов, добыча 1 т нефти в Арктике обойдется не менее чем в 700 долл. против 30 долл. в Восточной Сибири⁷. Поскольку мировые ресурсы углеводородов постепенно заканчиваются во всем мире, а альтернативные источники (включая сланцевые технологии) пока не могут полноценно заменить нефть и газ, цены на мировом рынке на эти виды топлива в ближайшей перспективе будут отражать реальные потребности мирового хозяйства с учетом возможностей их ресурсного удовлетворения.

Изложенное выше — еще одно свидетельство крайней насущности проблемы, которая встает перед политиками всех стран, причастных к судьбам арктического региона. Необходимо безотлагательно принять рамочные условия, закрепленные в международных договорах, позволяющие учитывать и находить решения всей суммы конфликтов между коммерческими интересами нефтегазовых компаний, необходимостью охраны хрупкой природы Арктики, жизненными интересами местного коренного населения и т.д. При этом следует учесть угрозу неблагоприятных изменений климата, а также разработать эффективные механизмы контроля над соблюдением достигнутых договоренностей без ущемления национального суверенитета. Остается надеяться, что Запад не будет использовать обострение отношений с Россией из-за событий на Украине для замораживания сотрудничества в Арктике, ведь значение такого взаимодействия выходит далеко за рамки региона.

Северные морские маршруты

Северный морской путь является весьма привлекательным для ряда европейских и азиатских стран, ибо он позволяет существенно сократить расстояние, время нахождения в пути и транспортные издержки, включая расходы на страхование (из-за отсутствия морского пиратства). Перевозки по пришедшему в упадок в 1990-е гг. Севморпути постоянно растут. Вместе с тем возникает целый ряд вопросов юридического, военного и экономического характера, которые нельзя решить без международного сотрудничества. Прежде всего, ставится под вопрос сам ста-

⁶ http://epp.eurostat.ec/europa/eu?statistics_explained?index.php?title=File:EU-27_impo...

⁷ Путь к арктическим богатствам / ИТАР-ТАСС. 17 января 2013 г.

тус канадского Северно-Западного прохода и российского Северного морского пути. Этот морской маршрут был введен в эксплуатацию в советский период, когда были осуществлены значительные капиталовложения, создана инфраструктура и проведены необходимые социально-экономические мероприятия. В настоящее время Российская Федерация приступила к модернизации этого морского пути. Раздаются призывы к его интернационализации, прежде всего со стороны США. Есть и другая точка зрения — образовать международную компанию, которая бы обслуживала этот путь. Такие притязания не учитывают ни географического положения, ни исторического вклада России в изучение здесь морских маршрутов, ни уже произведенные огромные инвестиции в налаживание регулярного судоходства на Севере, ни того, что Россия, руководствуясь Конвенцией ООН по морскому праву, не собирается применять к иностранным судам дискриминационные меры. Регулирование судоходства по Северному морскому пути направлено, прежде всего, на предотвращение загрязнения морской среды и обеспечение безопасной навигации. Кроме того, есть географические реалии, с которыми нельзя не считаться. Севморпуть проходит отчасти в территориальных водах России, отчасти в ее исключительной экономической зоне. Поэтому претензии на его интернационализацию с правовой точки зрения не имеют под собой оснований.

В России новый закон «О Северном морском пути» вступил в силу с января 2013 г.; в нем зафиксировано недискриминационное правило для иностранных судов. Прибрежные страны в соответствии со статьей 234 Конвенции ООН имеют право применять регулирование в целях охраны суши и морской территории от загрязнения производимого судами в пределах исключительной экономической зоны (т.е. в пределах 200 м.м.). Обязательными условиями доступа на северные морские маршруты являются соответствие судна специальным требованиям, наличие у капитана и членов его команды опыта управления судами, плавающими во льдах. Не допускается плавание судов без страхования гражданской ответственности владельцев судна за ущерб от возможного загрязнения морской среды. Российские парохозяйства в состоянии обеспечить ледокольную проводку иностранных судов по этому маршруту. Российский ледокольный флот является крупнейшим в мире. Осуществляется программа его дальнейшего развития с расчетом на увеличение грузопотока в арктических морях.

Приступившее к работе в 2013 г. Управление Северного морского пути призвано организовать его экономически эффективную и безопасную эксплуатацию. Вспомогательные службы Управления располагаются в Архангельске. В бухте Тикси уже созданы морской спа-

сательный центр, координационные центры по спасанию в портах Диксон и Певек. Всего намечено соорудить десяток таких центров, в том числе пункты базирования аварийно-спасательных формирований в портах Тикси, Диксон, Певек и бухте Провидения.

Подготовка российских нефтяных и газовых компаний к добыче углеводородов на арктическом шельфе усиливает интерес к арктическим морским маршрутам, так как трубопроводов в Арктике нет. На Ямале сооружается порт Сабетта и завод по производству сжиженного природного газа. По данным Росморречфлота, объем коммерческих перевозок по Севморпути в течение 2012 г. составил свыше 1 млн т, и есть большой потенциал для его увеличения (в советский период он был раз в 6–7 выше). В период с 2010 по 2013 г. количество судов, курсирующих по Севморпути, выросло в 10 раз. Время навигации увеличилось до 4,5 месяцев. Использование арктических морских маршрутов позволит пополнить доходы государственного бюджета за счет налогов, выплачиваемых с дохода от экспорта услуг.

Развиваются и другие элементы современной инфраструктуры, необходимые для обеспечения безопасности навигации в северных широтах. В 2013 г. МЧС России оборудовало четыре пожарно-спасательных центра на побережье Северного Ледовитого океана. Всего планируется создать порядка десятка таких центров. Минкомсвязи России приняло решение поддержать в финансовом отношении компанию «Полярнет проект», которая занимается сооружением российской трансарктической кабельной системы.

Взаимоотношения стран по вопросам судоходства, в общем и целом, регулирует Конвенция ООН по морскому праву. Однако, поскольку судоходство в северных широтах имеет большую специфику, то в настоящее время ведется разработка Полярного кодекса в рамках Международной морской организации, который призван ликвидировать пробелы в международном праве. В Проекте Кодекса нашли отражения требования к судам, плавающим в высоких арктических широтах, судовому оборудованию, подготовке экипажа судов, поиску и спасанию в необходимых случаях и т.д. В окончательной редакции Кодекс должен соответствовать не только Конвенции ООН по морскому праву, но и документам Международной морской организации, Конвенциям МАРПОЛ и СОЛАС⁸.

⁸ Международная конвенция по предотвращению эксплуатационного и аварийного загрязнения морской среды, производимого судами (MARPOL). Международная конвенция по охране человеческой жизни на море и правилам безопасности, применяемым к судам (SOLAS).

В северных морях возникают специфические риски, связанные с погодными и климатическими условиями, слабой инфраструктурой и редким населением. Плавание во льдах — это суровое испытание для экипажей и судового оборудования. В несчастных случаях и при поломках возникает необходимость в поиске судов и спасании людей на огромных территориях, удаленных от мест проживания людей. Эти вопросы позволяет решать соглашение, заключенное между странами-членами Арктического совета по поиску и спасанию.

Эволюция Арктического совета

В настоящее время Арктический совет является наиболее представительной международной организацией в регионе. В нем представлены все восемь арктических и приарктических стран. Целый ряд государств и международных организаций также участвует в его работе в качестве наблюдателей. В начале своей деятельности Арктический совет, развивая идею «процесса Рованиеми», фокусировал свою деятельность на охране окружающей среды, но со временем его деятельность стала расширяться, и ныне она охватывает весьма широкий круг вопросов. При Арктическом совете создано шесть рабочих групп:

- по загрязнению Арктики;
- по наблюдению и оценке;
- по флоре и фауне;
- по предупреждению несчастных случаев и оказанию помощи;
- по охране морской среды;
- по устойчивому развитию.

В 2012 г. вступило в силу «Соглашение о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании», которое согласовано в рамках Арктического совета. Этот документ явился первой международной договоренностью данной организации, оформленной в виде международного соглашения, обладающего обязательной силой. Во исполнение этого соглашения в сентябре 2012 г. были проведены учения «Гренландское море-2012» по поиску и спасанию при участии всех стран-участниц Арктического совета. Руководили учениями Гренландия и Дания, Россия участвовала в качестве наблюдателя. В Арктическом совете принято решение о создании первого коллективного фонда для финансирования природоохранных объектов, большая часть которых предположительно будет располагаться на территории России.

В канадском Гузбее проведена встреча начальников Генеральных штабов арктических государств, на которой была достигнута договоренность об оказании содействия проведению поисково-спасательных операций в Арктике вооруженными силами. Под эгидой Арктического совета осуществляется целый ряд научно-практических проектов, Россия принимает участие в 80 из них.

В январе 2013 г. в норвежском городе Тромсё, который расположен на 400 км к Северу от Полярного круга, состоялась конференция «Арктические рубежи». Одновременно был официально открыт постоянный секретариат Арктического совета. В мае в шведском городе Кируна прошла очередная встреча министров стран – участниц Арктического совета, на которой принята Кирунская Декларация по итогам деятельности Арктического совета за истекший период. Дело в том, что каждая страна-участница выполняет функции председателя в Арктическом совете два года подряд. За 16 лет прошел первый круг, когда председателями в Совете побывали по очереди все восемь стран-участниц. Таким образом, настал момент, когда можно подвести некоторые итоги.

В 2013 г. во время председательства Швеции в Арктическом совете продолжалась работа по согласованию стандартов безопасности, которые должны соблюдать страны, ведущие добычу полезных ископаемых с арктического шельфа, а также согласовано и подписано Соглашение о сотрудничестве в области готовности и реагирования на загрязнение нефтью моря в Арктике.

Итак, за годы существования Арктического совета достигнуты следующие важнейшие результаты:

- образован постоянный секретариат Арктического совета, согласованы все вопросы, необходимые для обеспечения его работы (кадровые, финансовые, организационные);
- произошло дальнейшее расширение диапазона его деятельности, охватывающего вопросы охраны окружающей среды и широкий круг практических дел, включая добычу полезных ископаемых;
- заключены два международных соглашения: по поиску и спасанию людей и транспортных объектов, которые терпят бедствие, а также по предотвращению разливов нефти и борьбе с возможными последствиями;
- достигнута договоренность о создании коллективного фонда для совместного финансирования природоохранных проектов.

Все это свидетельствует о том, что Арктический совет успешно трансформируется из органа межправительственного сотрудничества в полноценную международную организацию.

Сотрудничество в области научных исследований

Арктика — один из немногих слабо исследованных регионов мира. Предполагается, что здесь находится от 13 до 20% мировых запасов углеводородов, кроме того, имеются и другие ценные минеральные ресурсы. Такой широкий разброс оценок говорит о малой изученности Арктики. Еще меньше мы знаем о характере и направлении климатических изменений. Распространены две противоположные концепции: о глобальном потеплении и глобальном похолодании. Недостаточно известно о факторах изменений климата, нет достоверных данных о том, происходят ли они в результате антропогенного влияния.

Арктические исследования — очень капиталоемкие, что обусловлено суровостью и необходимостью этого края, необходимостью использования специального оборудования, многотонного снабжения и т.д. Необходим также высокообразованный персонал, прошедший специальную подготовку, который был бы способен не только выживать в суровых арктических условиях, но и проводить научные исследования. Не все арктические страны обладают специальными судами, батискафами и субмаринами, которые могут действовать в ледовой обстановке. Что касается климатических наблюдений, то их необходимо осуществлять регулярно и на большой территории, которая мало заселена. Вот почему все арктические и приарктические государства охотно соглашаются на сотрудничество в области экологических замеров и климатически наблюдений. В 2007–2008 гг. с большим успехом прошел международный Полярный год, который дал обильный материал для научного обмена и анализа. Опираясь на положительную оценку его результатов, Россия выступила с инициативой проведения полярного десятилетия в 2015–2025 гг. На Шпицбергене работает международный коллектив ученых, занятых полярными исследованиями, а также действует Арктический университет.

Еще меньше исследовано дно Северного Ледовитого океана. Именно поэтому странам был предоставлен 10-летний период времени после ратификации Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г., в течение которого они имеют право подавать заявки на расширение своей исключительной экономической зоны. Во время российской экспедиции «Арктика-2012» были получены доказательства континентальной природы подводных хребтов Ломоносова и Менделеева, которые являются продолжением Евразийской континентальной платформы. Внешние границы российской части Арктики долж-

ны определяться в ходе переговоров с Данией и Канадой, которые претендуют на часть этой подводной территории. Результаты российской экспедиции были представлены на рабочем совещании, которое состоялось в США в г. Портсмут в ноябре 2012 г. при участии представителей арктической пятерки.

Круг проблем, в которых арктические государства заинтересованы в научных обменах, очень широк. Сюда относятся технологии подводной добычи полезных ископаемых, проблемы энергетического обеспечения полярных регионов при помощи традиционных и нетрадиционных источников энергии; способы взаимодействия с местными жителями на арктических территориях; обеспечение продовольственной, энергетической и эпидемиологической безопасности в регионах Крайнего Севера и т.д. Крупные международные компании все настойчивее проникают на Север, меняя условия жизни и нарушая спокойствие имеющихся там поселений и кочующих народностей. Неизбежно встает вопрос: как согласовать противоположные и пересекающиеся интересы? Какую роль должно играть государство, международные организации, НПО и местные жители? Здесь свое слово должны сказать не только политики и государственные деятели, но и ученые.

Развитию международного сотрудничества в Арктике способствует проведение многочисленных международных конференций и других научных мероприятий. Такие международные встречи не только помогают обменяться опытом и мнениями, но и содействуют сближению позиций по актуальным вопросам освоения Арктики, помогая в последующем заключению международных соглашений и договоров.

Освоение Арктики как инновационный проект

Заполярье превратилось в своеобразную лабораторию для налаживания международного сотрудничества по широкому кругу вопросов, которое носит по своей сути инновационный характер. В целях обеспечения техногенной и экологической безопасности такое сотрудничество должно иметь своей целью переход на принципы устойчивого развития. Именно поэтому здесь нужно найти применение новым организационным и технологическим решениям.

Специфические условия Крайнего Севера мало подходят для применения технологий, которые были разработаны для более южных широт и которые являются для них традиционными. Применение в Арктике «южных» технологий чревато негативными последствиями, такими

как повышенная капиталоемкость, экологическая опасность, энергетическая неэффективность и т.д. Примером успешного применения специфических арктических технологий является атомный ледокольный флот. Но во многих случаях задача их разработки не ставится.

Длительный и во многом успешный опыт освоения Севера в СССР показал, что применение здесь традиционных приемов обустройства инфраструктуры и систем жизнеобеспечения влечет за собой высокие капитальные и социальные затраты, требует постоянного проведения ремонтных работ, что делает освоение Севера крайне затратным. Между тем применение технологий, специально разработанных для арктических условий, позволяет избежать многих трудностей. Более того, арктические технологии универсальнее, и зачастую они с успехом применяются в условиях умеренных и южных широт. Такие технологии уже созданы в нашей стране, хотя и с трудом пробивают себе дорогу. Важно также иметь в виду, что государственный бюджет России не в состоянии нести расходы, сопоставимые по масштабу с теми, которые выдерживал бюджет СССР. Важно перейти от экстенсивных методов освоения Арктики к интенсивным, основанным на новейших технологиях и организационных формах.

Для разработки и применения инновационных технологий добычи полезных ископаемых Крайнего Севера в целях его хозяйственного освоения достаточно создать условия, которые уже давно с успехом применяются в западных странах, специализирующихся на экспорте наукоемкой и инновационной продукции. Имеется в виду создание венчурных зон, которые с недавних пор используются и у нас в стране. Почему бы не организовать своеобразное арктическое «Сколково», имея в виду грандиозность встающих в этом регионе задач и заманчивость перспектив? В рамках таких венчурных зон инновационной направленности обычно вводятся налоговые льготы на период становления новых предприятий инновационной направленности. Такие предприятия целесообразно обеспечивать государственными заказами, после проведения независимой экспертизы, свободной от ведомственных интересов. Помимо более успешного освоения Севера, развитие и применение технологий, специально предназначенных для Арктических условий, позволит решить другую важную задачу — уйти от преимущественно топливно-сырьевой специализации и постепенно перейти на интенсивный путь развития, создавая «умную экономику», основанную на знаниях. В современной России предприни-

маются некоторые шаги по инновационному развитию, но их явно не достаточно для получения значимого результата.

Решать непротиворечивым образом разнообразные и сложные задачи, возникающие в Заполярной зоне, можно лишь на основе инноваций. Арктика может стать вторым регионом мира после Балтики, где последовательно проводится курс на устойчивое развитие. Может возникнуть новая система хозяйствования, когда наряду с прибылью учитываются долговременные экологические (и социальные) последствия хозяйственной деятельности.

Инновационные технологии уже разработаны и продолжают разрабатываться и в России⁹, и за рубежом. Нужно лишь создать для них необходимые условия, которые существуют в рамках венчурных зон (технологических парков, технополисов, инкубаторов бизнеса и т.д.), обеспечить инфраструктурную и информационную поддержку, предоставить разумные налоговые льготы на обоснованных и точно просчитанных условиях, обеспечить их государственными и частными заказами.

Учитывая серьезные риски техногенных и экологических катастроф в Арктике, новизну возникающих здесь проблем, к освоению Арктики следует относиться как к инновационному проекту и на национальном, и на международном уровнях. Освоение Арктики может должно стать поворотным моментом в истории России, обеспечивающим переход от экономического роста к успешному экономическому развитию. Высокие экологические требования могут стать движущей силой, способствующей нашей стране встать на интенсивный путь.

* * *

Вся система многостороннего сотрудничества в Арктике, создаваемая в течение многих лет на межправительственном и межфирменном уровнях, поставлена в новые, более сложные условия из-за охлаждения отношений между Россией и Западом в связи с украинским кризисом. В такой обстановке становится труднее достигать компромиссов по насущным вопросам. Санкции Запада ставят под вопрос реализацию многих договоренностей финансового, научного и производственного характера. К сожалению, все это непосредственно затрагивает арктическое сотрудничество. США и Канада отказались принимать участие в совещании рабочей группы Арктического совета, которое проходило в Москве в июне 2014 г. Санкции распространились на поставки обо-

⁹ См.: *Краснов М.А. Указ. соч.*

рудования для нефтедобывающей промышленности, что может негативно отразиться на реализации ранее намеченных в Арктике совместных проектов. Под санкции попали банки, финансирующие развитие инфраструктуры Северного морского пути. В этих условиях России не остается ничего другого, как усилить опору на собственные силы, увеличить поддержку собственным арктическим НИОКР и предприятиям, которые участвуют в освоении АЗРФ. Вместе с тем для нерегиональных держав, заинтересованных в арктическом сотрудничестве по тем или иным причинам (Севморпуть, продажа судов, участие в эксплуатации месторождений полезных ископаемых), открываются новые перспективы для усиления взаимодействия с Россией.

Глава 33

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ПЕРСПЕКТИВЕ

Идея построения общего пространства безопасности — от Ванкувера до Владивостока уже свыше двадцати лет признается главным политическим ориентиром бывшими противниками в холодной войне. Однако по-прежнему нет единства даже в том, возможно ли вообще сформировать сообщество евроатлантической безопасности, не говоря уже о дорожных картах многостороннего движения от Ванкувера до Владивостока. Когда в декабре 2010 г., наконец, удалось после 11-летнего перерыва собрать номинальных участников «общего пространства» на саммите ОБСЕ в Астане, они с большим трудом смогли принять совместную декларацию.

Этот документ свидетельствует о явном дефиците объединительной повестки дня и способности действовать сообща. В первом пункте декларации признается, что 56 стран — членов ОБСЕ собрались, *«чтобы вновь подтвердить [курсив мой. — Д.Д.] свое видение свободного, демократического, единого и неделимого сообщества Евроатлантической и Евразийской безопасности, простирающегося от Ванкувера до Владивостока, основанного на согласованных принципах, общих обязательствах и общих целях»*¹.

Д.А. Медведев незадолго до окончания своего президентского срока на представительной международной конференции в Москве в марте 2012 г. признал, что евроатлантическое сообщество безопасности — пока миф, хотя он «должен стать реальностью»². Эта честная оценка была более чем тревожной, а ее позитивная установка слишком напоминала известную песенную строку: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью».

¹ Astana Commemorative Declaration: Towards a Security Community // ОБСЕ (<http://www.osce.org>).

² Конференция Российского совета по международным делам // Сайт Президента России (<http://president.kremlin.ru/news/14834>).

Политически оценка звучала довольно жестко, особенно в контексте возвращения на президентский пост В.В. Путина, который в начале своего первого президентского срока декларировал европейский выбор России и инициировал «новый курс» — на сближение с Западом. Теперь президент России также вынужден признать: «Мировое сообщество по-прежнему далеко от создания основ универсальной и неделимой системы безопасности. На словах все вроде бы “за”, но на деле значительное количество наших партнеров стремится обеспечить лишь собственную неуязвимость»³.

Так почему же, несмотря на декларированные цели, на то, что «Россия, безусловно, добивается построения евроатлантического сообщества безопасности» и «глобальная значимость этой задачи очевидна»⁴, — между мифом и реальностью по-прежнему сохраняется «дистанция огромного размера»? В последнее время все громче говорят о дефиците доверия, который никак не удастся преодолеть. Украинский кризис с еще большей очевидностью подчеркнул, что дефицит доверия не только существует, но и достиг критической отметки. Однако это, скорее, симптом, нежели причина. Времена, когда казалось, что достаточно честно взглянуть друг другу в глаза, чтобы дружить «от Ванкувера до Владивостока», прошли. Для преодоления дефицита доверия необходимо понять глубинные причины разобщенности, выявить системные дисбалансы и сбои неоднородного и все еще далекого от единства евроатлантического пространства безопасности.

Полюса европейской системы

Европейская система безопасности (ЕСБ) и ее архитектура переживают глубокую трансформацию. Она определяется логикой современного этапа исторического развития — переходом от биполярной конфронтации к многополярности и от холодной войны к сотрудничеству в сфере безопасности. ЕСБ испытывает возрастающее давление глобальных вызовов, но и сама становится фактором глобализации, формируя международную среду безопасности. Государства и их объединения, приспособленные к регулированию отношений между ними

³ Совещание послов и постоянных представителей России // Сайт Президента России (<http://события.президент.рф/новости/15902>).

⁴ Конференция Российского совета по международным делам // Сайт Президента России (<http://president.kremlin.ru/news/14834>).

в поисках собственной или совместной безопасности, сталкиваются с новыми, сетевыми вызовами и угрозами.

Происходят значимые изменения характера безопасности по всем ее основным параметрам: содержание и масштабы вызовов и угроз, субъекты и объекты, поставщики и потребители, способы и методы обеспечения, культура и восприятие безопасности. Трансформационные процессы определяются и внутренней логикой, организацией, и собственной динамикой институтов безопасности, их взаимосвязями с внешними акторами. Эволюцию среды безопасности направляет также «логика событий», изменяющих сложившиеся стереотипы, привычки и мышление.

ЕСБ характеризуется возрастающей волатильностью, ее единственной константой является «устойчивая неопределенность». Управляемость системы снижается, а перестройка преимущественно реактивна.

Украинский кризис со всей очевидностью показал, что попытки приспособить старую машину для движения по новому маршруту с постоянно меняющимся «ландшафтом безопасности» фактически провалились. Внутри этой машины обостряется борьба за рычаги управления, а общие и понятные всем дорожные карты отсутствуют.

Возможно, главной характеристикой современной системы безопасности является констатация ее неадекватности современным вызовам и угрозам. Но в понимании того, в чем, собственно, состоит неадекватность, согласия нет — ни между государствами и политиками, ни между политиками и гражданским обществом. Для одних НАТО является опорой стабильности и безопасности, для других — военным блоком образца холодной войны. Для одних Россия представляется стратегическим партнером в обеспечении безопасности, для других означает угрозу европейским ценностям и демократическому порядку.

Это отражает не только ментальные различия, но и объективную реальность: Европа, покончив с холодной войной и биполярным противостоянием четверть века назад, продолжает оставаться разделенной на интегрированный и расширяющийся Запад, с одной стороны, и Россию в центре постсоветского пространства, с другой. Даже в политическом лексиконе понятие «Европа» чаще всего не включает Россию. И это разделение остается базовой проблемой европейской безопасности вопреки провозглашенному и декларативно разделяемому всеми принципу ее неделимости.

На западе континента основным ответом на крушение биполярности, а вместе с ней СССР и восточного блока, на усиливавшуюся нестабильность и неопределенность стала стратегия консолидации

собственного пространства безопасности, формирование на этой основе внутреннего пояса стабильности. В институциональном плане это означает укрепление и развитие основных евроатлантических институтов — НАТО и ЕС, их расширение и создание развитой системы партнерств (западноцентричная модель). Москва в ответ на «блоковый подход» стремится сохранить и укрепить позиции в зоне своих особых интересов — СНГ («зона влияния», согласно западной интерпретации), структурировать вокруг России восточное пространство безопасности. Это порождает «конкуренцию за окружение», которое становится не сферой сотрудничества, а мощным источником противостояния.

В результате в современной европейской системе безопасности сохраняется глубинный конфликт интересов — между интегрирующимся западным полюсом, который не может включить Россию, и Россией, которая хочет быть самостоятельным полюсом, политически равным Западу. Этот конфликтный потенциал периодически прорывается в виде политических кризисов. До сих пор, до начала украинского кризиса, этот конфликтный потенциал побуждал обе стороны к поиску неконфронтационных путей преодоления конфликта. Югославский кризис 1999 г. и особенно грузинская война 2008 г. стали в этом отношении недвусмысленными уроками. Основным методом преодоления обоих кризисов, как и в целом снижения конфликтности между Россией и Западом, стало развитие сотрудничества и партнерства: в начале века «новый курс» В.В. Путина на сближение с Западом, а «после Грузии» — «перезагрузка», объявленная Б. Обамой, и выдвижение российской инициативы относительно Договора о европейской безопасности (ДЕБ). Однако украинский кризис 2014 г. показал, что развивающееся прагматическое сотрудничество на поле общих интересов не устраняет конфликт интересов в Европе, глубинные противоречия и линии разрыва, которые проходят, главным образом, по постсоветскому пространству.

Таким образом, хотя холодная война ушла в прошлое, биполярная структура европейской системы безопасности не исчезла, а трансформировалась в новую, размытую биполярность, когда внутренняя структура «полюсов» лишена прежней жесткости, а между ними формируется общее пространство взаимодействия. Военно-политическая конфронтация оставила после себя структуры взаимного сдерживания и «старое мышление», которые мешают преодолеть разделение Европы. На смену военной конфронтации пришло своего рода военное сосуществование России и Запада, но оно, как показала война в Грузии, отнюдь не исключает военных конфликтов на континенте. Солидар-

ность, проявленная Западом в отношении «маленькой Грузии», заставила задуматься о вероятности новой конфронтации. Ведь М. Саакашвили делал ставку отнюдь не на свою военную силу, а на поддержку Запада, прежде всего США, и играл на российско-западных разногласиях. Внутренний вооруженный конфликт на Украине стал новым испытанием для «Европы от Ванкувера до Владивостока», разорвав общее пространство безопасности и спровоцировав новые военно-политические реакции Запада / НАТО и России в направлении взаимного сдерживания.

Это свидетельствует о том, что, несмотря на ликвидацию прямой военной угрозы между Западом и Востоком, в ЕСБ сохраняется, хотя и не превалирует, логика взаимного сдерживания и игры с нулевой суммой, препятствующие развитию многостороннего партнерства. При отсутствии стратегического видения «серьезной новой модели для новой эры глобального мироустройства», в которой могла бы воплотиться «романтическая идея “Евроатлантического пространства от Ванкувера до Владивостока”»⁵, российско-западные отношения (и в целом развитие европейской системы безопасности) до сих пор имеют отчетливый циклический характер: для них характерны как резкие взлеты и падения, так и периоды неопределенности и депрессии.

События на Кавказе заставили и Запад, и Россию искать пути преодоления очередного и крайне острого политического кризиса в русле постепенной нормализации отношений. Но если первоначально оппоненты были сосредоточены на том, как, несмотря на принципиальные разногласия, выйти из кризисной ситуации с минимальными потерями, то очень скоро главной задачей стал поиск качественных ответов в русле развития долгосрочных кооперативных векторов в отношениях Россия—Запад.

Однако позитивная динамика, связанная с выходом из грузинского кризиса, особенно отчетливая в 2009—2011 гг., стала затем быстро затухать. Основная причина — недостаточная результативность политики взаимного партнерства, наиболее очевидная при взгляде на него через то действительно широкое окно возможностей, которое стороны сумели раскрыть прежде. Масштаб разногласий и взаимных претензий постепенно нарастал, набирая новую критическую массу, ряд проблемных тем (таких как ПРО и ситуация в Сирии) все более явно угрожал перерасти в новый широкий конфликт интересов. Украинский кризис поставил окончательную точку в политике «постгрузин-

⁵ *Lukyanov F.* From Vancouver to Vladivostok // *The St. Petersburg Times*. 2008. 20 June. Issue No 1383 (47).

ского» сближения России и Запада и, более того, девальвировал эту неудавшуюся попытку.

До украинского кризиса острота будущего стратегического выбора нарастала, и существующие противоречия объективно требовали не только приспособительных реакций, но и поиска системных ответов. В практическом плане было чрезвычайно важно, куда сместится политический баланс. Либо России и Западу удастся консолидировать достигнутые на фоне «перезагрузки» успехи и продолжить курс на развитие стратегического партнерства в сфере европейской безопасности, либо возникшие сложности в новом политическом цикле, когда происходят значимые смены политических элит в ключевых странах и институтах Евроатлантики, приведут к очередному и, возможно, более опасному спаду в российско-западных отношениях и расколу в Европе.

Многие на Западе продолжают видеть основную проблему возникших и усиливающихся сложностей в России, которая после присоединения Крыма и Севастополя вообще характеризуется как агрессор. Однако, при всей важности политико-дипломатической контраргументации, гораздо сложнее разобраться в существе проблемы — рассмотреть влияние «российского фактора» на европейскую политику безопасности.

Россия, несомненно, является одним из ключевых игроков по своему весу и, следовательно, степени влияния на европейские дела: и в качестве партнера, и в качестве оппонента. Она поэтому продолжает оставаться также ключевым вызовом для системы европейской безопасности — и в смысле ее адекватной вовлеченности, и в восприятии другими игроками, и с точки зрения своего будущего облика.

Системные дисбалансы

Итак, несмотря на сближение России и Запада «после Грузии» и достигнутые результаты, в сфере европейской безопасности сохраняется высокий потенциал конфликтности и неопределенности, который существенно усилился в контексте кризиса на Украине и осложнения российско-западных отношений.

В первую очередь, речь идет об асимметрии подходов к европейской безопасности на двух ее полюсах. Западная политика строится в русле стратегического Атлантического альянса и укрепления его институциональных опор — НАТО и ЕС, Россия отстаивает «внеблоковый подход».

Запад рассматривает европейское сотрудничество в категориях притяжения партнеров, включая Россию, к своей орбите (западных ценностей и интересов). Россия настаивает на своем равенстве и стремится укрепить свои позиции в качестве интеграционного центра на постсоветском пространстве, активизирует независимую политику во внеевропейских регионах. Она поэтому остается для Запада не только сложным партнером, но и «другой стороной». На Западе нет ответа, можно ли построить подлинное стратегическое партнерство с таким «другим», который готов участвовать в принятии коллективных решений только в качестве равного и самостоятельного центра. В России же нет ответа на вопрос, сможет ли она сохранить самостоятельность, отказавшись от политики оппонирования и уравнивания Запада.

Во-вторых, такая асимметрия неизбежно порождает существенные различия в повестке дня России и Запада, хотя они и декларировали, в том числе на Лиссабонском саммите Совета Россия—НАТО в ноябре 2010 г., что вызовы у них общие и требуют общих ответов.

Москва по-прежнему настаивает на том, что прогресс в сфере европейской безопасности связан с принципиальным выбором между взаимным сдерживанием и стратегическим партнерством. Для нее «однозначно ключевой остается проблема выяснения с точки зрения восстановления истины: являемся ли мы стратегическими партнерами или по-прежнему смотрим друг на друга в качестве противников»⁶. Отсюда — акцент на военно-политические проблемы, попытка поднять их приоритетность. Даже в рамках кооперативного курса Москва больше внимание, чем Запад, уделяет противоречиям, хотя стороны и договорились не драматизировать разногласия.

Российские партнеры не разделяют такой подход. Акцент на «жесткой безопасности» воспринимается как отражение старого геополитического мышления, основанного на поддержании военно-политических балансов. Российские озабоченности рассматриваются как не соответствующие кардинально изменившейся повестке дня и как ясное свидетельство различий в ценностных ориентирах. В российской интерпретации, никакого ценностного разрыва не существует, а Запад использует это «*ноу-хау*» как политический инструмент в отношениях с Россией — что, мол, в практической политике Запад, в отличие от России, делает упор не на разногласия, а на совпадающие или параллельные интересы.

⁶ Интервью Министра иностранных дел России С.В. Лаврова «Российской газете» от 11 июля 2011 г. / Официальный сайт МИД РФ (http://www.mid.ru/bdomp/brp_4.nsf/2fee282eb6df40e64325699005e6e8c/6b152fd7e350f216c32578ca0022efd6!OpenDocument).

Однако в контексте украинского кризиса Запад вынужден признать, что, во-первых, военно-политическая повестка дня продолжает оставаться в центре политики безопасности всех игроков европейской системы, во-вторых — что попытки «не видеть» фундаментальные разногласия, скрыть их за программами прагматического партнерства, не гарантируют от обострения конфликта интересов и, более того, приводят к наращиванию его критической массы.

Такие разногласия формируют *третью асимметрию* — стороны существенно расходятся в том, что касается институциональной трансформации ЕСБ и, в частности, структур и механизмов их взаимоотношений. Россия настаивает на институциональных решениях, тогда как Запад — на функциональном сотрудничестве. По мнению Москвы, совместные институты и юридически обязывающие договоренности принципиально необходимы, чтобы обеспечить равноправное сотрудничество. Но когда она настаивает на юридических гарантиях (в том числе и по ПРО), Запад считает достаточным политическое согласие. На СРН в Сочи в июле 2011 г. генсек НАТО Расмуссен «напомнил российской принимающей стороне», что уже в принятом в 1997 г. основополагающем акте Россия и НАТО согласились не использовать силу друг против друга, и это «политическое обязательство», которое вполне можно декларировать повторно, «конечно, относится и к противоракетной обороне»⁷.

Ни у России, ни у Запада нет ответа на вопрос, какие формы должна обрести общая европейская система безопасности. Выдвигаемые инициативы (ДЕБ, реформа ОБСЕ, совместная ПРО, «мезебергская инициатива», налаживание партнерства ОДКБ—НАТО и т.д.) несут на себе печать различий в институциональных подходах и ориентирах сторон.

В-четвертых, высокая степень секьюритизации политики России и ее стремление выступать на равных с Западом дают парадоксальный результат. Хотя Европа объективно и декларативно является приоритетным направлением политики России, ее позиция по вопросам европейской безопасности определяется через призму отношений с США. Москва убедилась, особенно после Ирака, что тщетно делать ставку на европейско-американские разногласия. Но чем больше Москва стремится повысить свою роль в Европе путем выстраивания балансов с Вашингтоном, тем больше она рискует отдалиться от европейцев, имеющих иную повестку дня.

⁷ Monthly press briefing by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_76126.htm).

В-пятых, все это неизбежно ведет к различиям в позициях по конкретным вопросам: ПРО, регулирование кризисов и применение силы, режим ДОВСЕ и контроль над вооружениями, трактовка международного права в контексте тех или иных кризисных ситуаций и т.д. И эти различия тесно переплетены, урегулировать их по отдельности, без определения общего алгоритма, крайне сложно.

Итак, Европа сталкивается сегодня не только с новыми внешними вызовами безопасности, но и не избавилась от серьезных внутренних проблем, многие из которых уходят корнями в былое военно-политическое противостояние. Она по-прежнему разделена на Запад и Восток, к тому же каждый из полюсов подвержен сильным центробежным тенденциям. Попытки приспособить старые институты к быстро меняющейся среде безопасности не адекватны современным вызовам и угрозам и порождают новые линии напряженности. Временные коалиции отчасти позволяют преодолевать слабость ЕСБ в плане реагирования на кризисы, но расшатывают ее изнутри, углубляя системный кризис. Эрозия традиционных институтов усиливает тенденцию к ренационализации политики безопасности. И поскольку серьезные дефициты ЕСБ порождаются субстанциональными проблемами, их устранение требует комплексного подхода.

На пути к общему пространству

Качественные перемены в системе европейской безопасности возможны лишь в контексте решения ее ключевой дилеммы: как «вписать» Россию в качестве заинтересованного и равноправного партнера в евроатлантическую архитектуру, если она не может стать частью ее западных опорных элементов — расширяющихся НАТО и ЕС. Для многих на Западе ответ очевиден. России предлагается присоединиться к западным ценностям и постепенно, так или иначе, интегрироваться в западное (евроатлантическое) пространство.

Збигнев Бжезинский, например, предложил в этой связи проект «Большой Запад» — действия по расширению Запада от Северной Америки и Европы в сторону Евразии (с последующим включением Турции и России). Понимая, что без прямого включения нашей страны в западные институты она в любом случае не захочет и не сможет быть частью Запада, Бжезинский предлагает «подготовить» Россию «к будущему полноправному членству в ЕС» (но не в НАТО). Понятно, что сама цель членства вряд ли достижима, но она как бы оправдывает

движение Запада во главе с США на Восток, «до самой Японии и Южной Кореи»⁸.

В самой России на волне «перезагрузки» также высказывались подобные идеи, причем не исключая и перспективы присоединения России к НАТО⁹. В политологическом дискурсе обсуждение такой идеи в определенной мере, вероятно, полезно, поскольку помогает преодолевать российский изоляционизм и рассматривать отношения с Западом в интеграционном контексте. Однако политически интеграция России в западно-центричную институциональную систему вряд ли может стать стратегическим ориентиром как для нее, так и для ее партнеров. По своим параметрам Россия никак не вписывается в эту систему.

Российское отношение к подобной модели европейского объединения отражено в выступлении С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по безопасности: «Вновь и вновь выдвигаются тезисы об “инкорпорировании” России в “расширенный Запад” без учета выработанных столетиями традиций внешнеполитической самостоятельности нашей страны»¹⁰.

Приняв идею «интеграции», Москва оказалась бы в зависимости от решений, принимаемых «в Брюсселе». Или в Вашингтоне, как можно заключить из комментария В.В. Путина: складывается впечатление, «что Соединенным Штатам не нужны союзники. Им нужны вассалы»¹¹. К тому же и в Европе все еще сильно желание удерживать Россию на расстоянии вытянутой руки: чтобы она была не настолько сильной, чтобы оказывать давление, и не настолько слабой, чтобы стать источником проблем. (Россию невозможно закрыть, как ядерный реактор, но можно получать энергию, создав вокруг защитные механизмы).

Путинский прагматизм был, вероятно, оптимальным подходом в период высокой конфликтности и неустойчивости российско-западных отношений в первое десятилетие XXI века. Несомненно, прагматизм, опирающийся на «политику интересов», и теперь сохраняет свою значимость, и президент Путин не откажется от испытанного метода.

⁸ Бжезинский З. Уравновесить Восток, обновить Запад // Россия в глобальной политике. 2012. № 1 (<http://www.globalaffairs.ru/number/Uravnovesit-Vostok-obnovit-Zapad--15458>).

⁹ См., например: Towards a NATO-Russia Strategic Concept: Ending Cold War Legacies; Facing New Threats Together // INSOR, IISS. Moscow, 2010.

¹⁰ Выступление министра иностранных дел России С.В. Лаврова на 48-й Мюнхенской конференции по вопросам безопасности.

¹¹ «Им нужны вассалы»: Владимир Путин раскритиковал США и ответил на критику в свой адрес, размещенную в Интернете // Взгляд. Деловая газета (<http://www.vz.ru/politics/2012/1/25/556370.html>).

Сотрудничать там, где это выгодно, несмотря на споры и различия, — этот принцип отношений подтвердил свою эффективность, особенно «после Грузии». Да и на Западе в целом придерживаются аналогичного подхода. Проблема в том, что подобный подход, вполне оправданный, сам по себе не может заменить политическую стратегию, он не дает ответа на ключевой вопрос — о стратегических целях политики безопасности.

Во-первых, неясность стратегии в любом случае ограничивает потенциал прагматического взаимодействия, а политические конфликты сокращают его до «вынужденного сотрудничества» (например, по Афганистану). *Во-вторых*, в том числе и по этой причине, необходимость определиться в стратегическом выборе в последние годы возросла. Москва несколько лет, вплоть до украинского кризиса, убеждала Запад в том, что Европа оказалась на перекрестке, настал «момент истины» и надо делать принципиальный выбор дальнейшего пути. «После Грузии» цена «российского вопроса» действительно возросла, многие осознали необходимость формирования новых отношений сотрудничества, конструктивных ответов на сохраняющиеся российские озабоченности.

Лиссабонский саммит стал не столько ответом на кризис двусторонних отношений Россия—НАТО, сколько результатом активизировавшегося поиска новой парадигмы российско-западных отношений. И если «группа мудрецов» во главе с Мадлен Олбрайт рекомендовала строить отношения с Россией, «фокусируясь на перспективы прагматического взаимодействия»¹², то в Лиссабоне все-таки была принята формула «истинного стратегического партнерства»¹³.

Однако значимые и принципиальные различия в оценках, приоритетах и интересах сохранялись, и по этой причине вполне естественно было продолжать развивать метод конструктивного сотрудничества. Но с западной стороны и из России он виделся по-разному. На Западе такой подход обосновывался тем, что «во многих областях Россия является неизбежным партнером», и «если мы ожидаем больше этого, то обречены на разочарование»¹⁴; в России, наоборот, предполагалось,

¹² NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm).

¹³ Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation. adopted by Heads of State and Government in Lisbon // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm).

¹⁴ Sherr J. NATO and Russia: doomed to disappointment? // NATO Review 2011. Edition 5: NATO–Russia relations: 20 year safter the USSR // Официальный сайт НАТО (http://www.nato.int/docu/review/2011/NATO_Russia/Disappointment/EN/index.htm).

что этот метод необходимо переориентировать в русло стратегического партнерства.

Российский внешнеполитический прагматизм изменился вслед за переоценкой базисных интересов: он стал более ориентированным на сотрудничество с Западом, а не на жесткое оппонирование ему. Российская политика стала более «экономической» и, следовательно, менее идеологизированной. Парадигма стратегического партнерства с Западом усилилась не столько как декларированный внешнеполитический выбор, сколько как выбор внутреннего развития, курса на модернизацию.

Это означает, что декларированный курс на стратегическое партнерство требует не только объединяться вокруг общих специфических целей безопасности, но и определить, каким образом управлять субстанциональными асимметриями и дисбалансами в Европе.

Присоединение России к интегрированной Евroatлантике не может быть принято в качестве практической перспективы. Так же как паневропейские механизмы не могут стать альтернативой существующей западнцентричной организации европейской безопасности. Поэтому стратегическое партнерство возможно, видимо, лишь на пути взаимного сближения, конвергенции «двух Европ». Конкретные пути и методы взаимодействия не будут взаимоисключающими и могут варьироваться. Это означает преодоление противопоставления «западно-центризм — общая Европа», т.е. одновременное продвижение по двум направлениям: первое — развитие систематического партнерства между Россией и западными институтами; второе — укрепление общеевропейских механизмов.

Эти направления необходимо перестать рассматривать как политические альтернативы. Действительно, практика подтвердила, что Россия не может преодолеть «блоковый подход» Запада, пытаясь ослабить, прямо или косвенно, его институты. Коллективная ответственность и безопасность являются основой западной политики, а так называемый «блоковый подход» — ни чем иным как отражением общих интересов Запада. Поэтому «преодолевать» его Москва должна в мейнстриме, укрепляя сотрудничество с западными институтами. На Западе также растет понимание критической необходимости подключать Россию к евроатлантической системе. Украинский кризис создает опасность реверса Европы — возвращения к политике взаимного сдерживания, включая военно-политическое измерение. Однако именно такая опасность является существенным стимулом для поиска долгосрочной общеевропейской стратегии, исключающей конфронтационные модели «сосуществования».

Для того чтобы это понимание перевести в практическое русло, нужно формировать совместные механизмы принятия решений, хотя площадки диалога, переговоров и сотрудничества частично заблокированы в результате украинского кризиса. До сих пор заметного прогресса здесь нет. По многим причинам, в особенности из-за сдержанности Запада. Западные аргументы против таких совместных институтов известны: Россия не может претендовать на право вето; институтов уже вполне достаточно и надо просто развивать реальное сотрудничество; для создания совместных механизмов с Россией необходим консенсус западных стран, а этого добиться крайне сложно. «Украина» стала новым и труднопреодолимым ограничением, поскольку на Западе считают более невозможным вести дела с Россией в прежнем русле (*business as usual*).

Но ведь есть и контраргументы. **Первое.** Россия не претендует на право вето в ЕС и НАТО, но должна стать частью сложившейся евроатлантической культуры политических компромиссов, которая, таким образом, должна охватить все сообщество безопасности «от Ванкувера до Владивостока». На практике это как раз и означает усовершенствование механизмов диалога и консультаций, направленных на выработку общих политических платформ.

Второе. Да, совместные институты существуют. Но даже СРН, задуманный как «круглый стол» равноправных партнеров, на деле так и не стал форумом для совместных решений и действий, тем более всепогодным. Экспертно-политическое сообщество России всегда подчеркивало принципиальную важность его преобразования из «брифингового центра» в действительно коллективный орган, и в этом видело выход на новое качество отношений с НАТО¹⁵. От ЕС же Москва, напротив, ожидала, что Союз будет подтягиваться к планке отношений Россия–НАТО в формате СРН¹⁶, несмотря на существующие институциональные различия. Поэтому, хотя создание институтов действительно не является определяющим условием развития парт-

¹⁵ См., например: Антоненко О., Юргенс И. Россия и НАТО: новая глава // Россия в глобальной политике. 2010. № 6.

¹⁶ В. Воронков, в то время директор Департамента общеевропейского сотрудничества МИД РФ, подтвердил, что в отношениях Россия–ЕС «сейчас стоит вопрос о том, как превратить такое серьезное политическое основание в инструмент совместных действий и принятия решений». В качестве возможного образца он привел Совет Россия–НАТО, включающий 29 стран, которые наделены правом принятия совместных решений. «Нечто подобное, учитывая огромные объемы политических, экономических и иных связей с ЕС предстоит нам сделать в обозримом будущем». См.: Председательство Польши в ЕС может сыграть существенную роль в развитии отношений России и Европы // ИТАР-ТАСС (<http://www.itar-tass.com/c12/176029.html>).

нерства, для продвинутого партнерства нужны продвинутые институты. Между прочим, именно такая логика закладывается в основу институциональных преобразований самих западных институтов.

Третье. Внутриз западный консенсус — дело сложное, тем более по России. Но он вполне достижим, если есть политическая воля и общий интерес. Тогда существующие институциональные преграды перестают быть политическими и становятся техническими. Ведь «нереально» в Брюсселе говорили в свое время и по поводу механизмов совместного миротворчества на Балканах, и о Постоянном Совете Россия—ЕС, и о СРН, а теперь, кажется, готовы окончательно забыть об идее создания Комитета по политике и безопасности Россия—ЕС. Другими словами, противоречие между «институциональным» и «функциональным» подходами возможно преодолеть, но опять-таки, лишь согласившись с общей целью перехода к продвинутому уровню отношений.

Европейская безопасность: окно возможностей и «украинские ставни»

Украинский кризис кардинальным образом изменил повестку дня европейской системы безопасности и отношений Россия—Запад. Еще за полтора-два года до него стало понятно, что открывшееся окно возможностей для продвижения к реальному, не декларативному стратегическому партнерству Россия—Запад, если им не воспользоваться, не предпринять значимых практических шагов, может закрыться в самом ближайшем будущем. В 2012—2013 гг. стало очевидно, что энергия сближения затухает, и главной задачей является сохранение тех дивидендов, которые все же были получены на предыдущем этапе. В сфере политики безопасности они весьма значимы: это и новый российско-американский договор о сокращении стратегических вооружений (СТАРТ-3), и сближение по ряду ключевых тем международной политики, особенно по Ирану. Однако в целом отсутствие практического прогресса, нацеленного на позитивную перспективу российско-западных отношений, усиливало напряжение между Россией и Западом по всем линиям, но, прежде всего, на постсоветском пространстве. В результате удержать позитивный баланс российско-западных отношений и европейской системы безопасности и не сползти в провал нового кризиса не удалось, хотя опасность такого развития событий прогнозировалась.

Попытки гармонизировать два европейские интеграционные проекта — западнцентричный (вокруг ЕС и НАТО) и евразийский, презен-

тованный президентом Путиным в качестве ключевой цели российской политики, оказались безуспешными. Евросоюз, не желая предметно обсуждать с российской стороной тему совместимости двух пространств и, на этой основе, возможные параметры будущих совместных пространств, напротив, взял курс на ускорение процесса интегрирования пространства «Восточного партнерства». Такой подход, *во-первых*, лишал Россию возможности планировать формирование Евразийского союза в контексте общего курса на сближение с Европой / ЕС; *во-вторых*, заставлял более жестко отстаивать свои приоритетные интересы на пространстве СНГ. Для России ставки оказались предельно высоки: перспектива подписания странами Восточного партнерства соглашений об ассоциации и углубленной зоне свободной торговли с ЕС угрожала основополагающим интересам РФ, экономическим и политическим; Москва была поставлена в ситуацию, когда ее интересы явно игнорировались; в этих условиях Россия фактически лишалась возможности конструктивного (партнерского) диалога с Западом и вынуждена была вновь отстаивать свои интересы как оппонент Запада.

При этом на первый план вышел вопрос украинского выбора, который определяющим образом влияет на геополитический баланс в Европе и в отношениях Россия—Запад, но и разрушительным образом — на саму Украину.

Еще до кризиса на Украине автор, отвечая на вопросы Киевского института мировой политики: *«Какова главная угроза для безопасности Украины? Какие пути ее преодоления?»*, дал следующую оценку:

«Главная угроза безопасности Украины связана с комплексом внутренних вызовов социально-экономической и политической неопределенности и нестабильности, которые напрямую подрывают национально-государственный суверенитет и единство страны. Как результат, Украина в значительной мере является объектом международных отношений и европейской политики, испытывает серьезное давление со стороны внешних игроков, интересы, цели и стратегии которых не только различаются, но и сталкиваются. Внешний конфликт интересов (например, интеграционной политики ЕС в отношении стран Восточного партнерства и Евразийского интеграционного проекта, проблема расширения НАТО и т.д.) обостряет проблему внутреннего стратегического выбора в Украине, провоцирует внутреннюю конфликтность и социально-политические расколы, усиливает внутреннюю нестабильность.

Эти вызовы носят системный характер и их преодоление возможно только на основе выработки и реализации стратегии внутренней стабилизации и развития. 2000-е гг. показали, что объективно такая стра-

тегия не может быть связана с выбором между Востоком и Западом, или Западом и Востоком. Подобный стратегический выбор по существу означал бы не стабилизацию и развитие, а напротив — нарастание социально-экономических проблем, политической нестабильности, внутренних и внешних вызовов безопасности. Объективно стратегический выбор Украины связан с формированием общих европейских пространств, прежде всего, экономического. В рамках такой стратегии Украина могла бы стать важным и деятельным игроком, способным не на опасное и контрпродуктивное маневрирование между двумя полюсами Европы, а на ответственную и последовательную политику двусторонней гармонизации и конвергенции западного и восточного пространств европейской системы»¹⁷.

К сожалению, политические риски, связанные с переводом в практическую плоскость вопросов выбора между Западом и Востоком для Украины и других стран Восточного партнерства ЕС, очевидно, крайне высокие, оказались недооцененными. Неразрешенная дилемма «двух Европ», хотя и была направлена в русло политико-экономического выбора, стала приоритетной темой современной политики европейской безопасности и фундаментальной проблемой организации будущей европейской системы.

Украина оказалась на грани распада и в полушаге от состояния «несостоявшегося государства», Россия и Запад — на пороге нового противостояния в духе холодной войны. НАТО заявила о необходимости пересмотра всего комплекса отношений с Россией, с учетом «российской агрессии» и «аннексии» Крыма и Севастополя — в направлении укрепления коллективной обороны и функции военно-политического сдерживания. Евросоюз остановил переговоры с Россией по базовому соглашению. «Восьмерка» отрезала от себя Россию, вернувшись в формат западного клуба и перестав быть площадкой общеевропейского формата. Санкции, введенные западными государствами в отношении России, не только разрушают ткань европейского сотрудничества, но и создают труднопреодолимые политические преграды для возврата на прежние позиции. ОБСЕ, на фоне глубоких разногласий участников и информационной войны вокруг Украины, не может претендовать на роль модератора общеевропейского диалога и сотрудничества, особенно в сфере безопасности.

На Западе и в России по-разному трактуют украинский кризис. На Западе превалирует точка зрения, что это российско-украинский

¹⁷ Україна: діагностика національної (не)безпеки підсумкова записка стратегічно-го дискусійного клубу. Київ: Інститут світової політики, 2013. С. 29.

конфликт. С российской стороны звучат обвинения в сторону Запада и прежде всего США в том, что это управляемый конфликт, продиктованный западными интересами и попытками сдерживания России. Однако, вероятно, важно признать два обстоятельства. **Первое:** это глубокий внутриукраинский кризис, вызванный неразрешенными за четверть века после распада СССР дилеммами развития Украины в качестве независимого государства. **Второе:** неразрешенные за это время проблемы организации общего европейского пространства, отношений между двумя частями Европы — расширяющимся Западом и Россией, стремящейся к консолидации пространства СНГ — провоцировали конфликт интересов Россия—Запад, и так называемая «разделительная линия» в Европе все глубже проходила через «пространство общего соседства», через Украину в первую очередь. Таким образом, внешний конфликт интересов спровоцировал кризис на Украине, но этот кризис стал, со всей очевидностью, не только отражением нараставших расколов в Европе, но и их питательной средой.

Отличие украинского кризиса, а, по сути, кризиса европейской системы безопасности, от двух предыдущих — югославского 1999 г. и грузинского 2008 г. — весьма существенно. *Во-первых*, этот кризис до предела обострил конфликт интересов внутри европейской системы безопасности. До такой степени, что теперь речь идет о минимизации взаимных рисков и ущербов, но не о возможностях выхода из кризиса с добавленной стоимостью европейского / российско-западного сотрудничества (как после югославского и грузинского конфликтов). *Во-вторых*, политические выводы, которые сделали Россия и Запад, заставляют их возвращаться к взаимному сдерживанию, не исключая военно-политическое измерение. Если в ближайшее время не произойдет значимого сближения, императивы военно-политического планирования, учитывающего новые реалии кризиса вокруг Украины, заложат новый, фактически конфронтационный вектор развития европейской системы безопасности. *В-третьих*, глубокие внутренние причины украинского кризиса, наряду с сильнодействующими внешними факторами конфликта, его эскалация и фактически перейденный порог «гуманитарной цены» делают ситуацию крайне непредсказуемой, а задачу урегулирования крайне сложной. Более того, нельзя исключать различных сценариев перерастания внутренних вооруженных действий на Украине в широкомасштабную гражданскую войну и ее перерастание в региональный конфликт с вовлечением внешних сил.

Поэтому будущие параметры европейской системы безопасности в большой мере зависят от развития ситуации на Украине и вокруг нее. Фактически период «после холодной войны» закончился, баланс сдер-

живание—партнерство периодически смещался в противоположные стороны и, несмотря на попытки «перезагрузки», так и не был закреплён на шкале стратегического партнерства Россия—Запад. Энергия отскока, связанная с возвратом в той или иной форме если не к холодной войне, то к длительному противостоянию, взаимному сдерживанию, может надолго изменить парадигму постбиполярного развития Европы, стремившейся к формированию общего пространства мира и безопасности. Чтобы выйти из нынешнего, крайне глубокого кризиса в Европе, необходимо, с одной стороны, попытаться сохранить в качестве совместной основополагающей цели формирование Большой Европы, которая, по крайней мере, ограничивала бы негативные политические реакции и действия в острой фазе украинского кризиса; с другой стороны — сосредоточиться на совместном урегулировании на Украине, понимая это не только как комплекс задач по де-эскалации и надёжной стабилизации ситуации, но и как необходимое условие для дальнейшего кооперативного развития общеевропейской системы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большая Европа — грядущая реальность или утопия?

Прежде чем ответить на этот вопрос (причем в перспективе не одного-двух десятилетий или поколений), необходимо уяснить себе, что мы имеем в виду, говоря о Большой Европе. Привычное географическое понятие, охватывающее часть материка Евразии с восточной границей по Уралу? Или все пространство от Атлантики до Тихого океана, каким оно сложилось в течение последних 400 лет? Достаточно ли одной географии или надо говорить об общем историческом, культурном, в конце концов, цивилизационном пространстве от Лиссабона до Владивостока? Или даже о некоем межгосударственном, а может быть, и наднациональном единстве, о самостоятельном мировом центре силы, сосуществующим с другими центрами влияния и притяжения, такими, как США, Китай, Индия, арабо-исламский мир, Южная Африка, Бразилия и другие?

Большую Европу нельзя, конечно, сводить только к географическому понятию, тем более, что европейским ареалом уже давно стали Сибирь и Дальний Восток, значительная часть Средней Азии, Закавказье, даже Турция. Но и исторической, цивилизационной общности Европы с множеством ее больших и малых государств, отделенных друг от друга политическими границами, этническим, языковым и конфессиональным разнообразием, тоже, очевидно, недостаточно. Большая Европа не может не быть мировым центром силы, в чем и заключается ее уникальный созидательный потенциал и ее возможное (и вероятное) будущее.

Гадать с прицелом на десятилетия и поколения вперед — занятие, несомненно, малопродуктивное. Возможно все: и негативный, и нейтральный, и позитивный сценарии, а при определенных допущениях и взятых за основу вероятных условиях будущего каждый из этих сценариев даже просчитывается. Но в реальной жизни любой подобный прогноз есть, прежде всего, дело веры: во что веришь, то и кажется

более вероятным — разного рода грядущие катастрофы, распад, деградация человеческих обществ или, наоборот, мирное, созидательное будущее и всей современной мировой цивилизации, и отдельных ее составляющих.

В самом деле, может ли сегодня кто-нибудь с уверенностью сказать, что Третья мировая война невозможна? И не обязательно в ней будут виноваты великие державы: запалом ее вполне может стать уже более 60 лет тлеющий арабо-израильский конфликт, или превращение «арабской весны» в мощное и агрессивное панисламистское международное движение, или новая катастрофа на Корейском полуострове, или украинский кризис — да мало ли что еще. Но, с другой стороны, не меньше оснований и надежд, что от природы присущие человечеству инстинкты самосохранения и созидания смогут и дальше сохранять в мире какой-то приемлемый уровень равновесия, противостоять грозящим бедам и хаосу, искать и находить компромиссы даже в ситуациях, из которых, казалось бы, выхода нет и не предвидится.

Оптимистический взгляд позволяет, прежде всего, с высокой степенью уверенности основываться на том, что та часть Европы, которая входит ныне в Евросоюз, сумеет сохранить свои исторические достижения в деле объединения вечно враждовавших между собой больших и малых европейских государств.

Экономический фундамент такого объединения за истекшие более чем полвека создан: барьеры для свободного передвижения по всей территории Евросоюза товаров, капитала, рабочей силы и услуг в основном устранены. Еврозона, несмотря на все трудноразрешимые ее проблемы последнего времени, доказала свою жизнеспособность, евро утвердил свой статус второй резервной валюты мира, и даже гипотетическое отпадение от этой системы отдельных государств, столь долго позволявших себе жизнь не по средствам, вряд ли будет означать крушение этого далеко идущего общеевропейского проекта. Еще большее значение будут иметь, по-видимому, намерения и, соответственно, практические попытки проводить в рамках Евросоюза согласованную бюджетную, финансово-кредитную и социальную политику.

Все это будет означать неизбежное дальнейшее укрепление компетенции и функций наднациональных органов ЕС. По существу, речь идет о постепенном продвижении к «Соединенным Штатам Европы». Более того, не только в экономике, но и во внешней и внутренней политике ЕС уже ощутимо приблизился к этой цели. Это не значит, что она будет когда-либо полностью достигнута; вполне вероятно, что ЕС

никогда не изменит своей двоякой природе — межгосударственной и наднациональной.

Пока картина складывается весьма неоднозначная. Британия, например, вообще не убеждена, оставаться ли ей в Евросоюзе, или лучше выйти из него. Неопределенны и перспективы ряда «кризисных» стран, которые вполне могут, в конце концов, покинуть ЕС. Нет и ответов на вопросы: останется ли Шотландия в составе Британии, Фландрия — в Бельгии, Каталония — в Испании и т.д.?

В этих условиях весьма туманными, если не сказать призрачными, представляются надежды Украины, Молдавии, Грузии и даже Турции на членство в Евросоюзе. Жизнь весьма сурово обошлась с амбициями некоторых «горячих голов» в политических кругах ЕС: Евросоюз не смог пока «переварить» даже государства своей периферии, особенно такие бедные страны, как Болгария и Румыния. Карман основного западноевропейского, в частности германского, налогоплательщика оказался не бездонным. Страсти «по Европе» на Украине во многом были спровоцированы безответственными заявлениями ряда киевских политиков и функционеров ЕС о грядущем вступлении этой страны в его ряды. Тех украинцев, которые поверили в это, ждет жестокое разочарование.

Но масштабы ЕС, соотношение наднациональных тенденций и сугубо национальных интересов стран — его членов, конечно, важная, но не самая разрушительная проблема для европейской интеграции. Демография и, по сути дела, стихийная иммиграция из стран Азии, Африки, Латинской Америки, из восточноевропейских и постсоветских государств начинает напоминать раннесредневековое Великое переселение народов из азиатских глубин на Европейский континент. Понятно, это не степные орды Чингисхана, но по своим уже сегодня ощутимым результатам эта иммиграция в перспективе двух-трех поколений может сильно изменить этнический, конфессиональный, языковой и, вообще, культурный состав Европы.

Жизнь уже доказала, что мультикультурализм отнюдь не гарантирует Европе спокойную, стабильную жизнь. Процесс изменения культурного, религиозного, этнического состава западноевропейского сообщества зашел уже столь далеко, что никакое принудительное регулирование иммиграционных потоков не даст желаемого эффекта. Придется, похоже, полагаться на стихию.

Возвращаясь к вопросу о вере как основе любого прогноза, можно сказать, что Большая Европа со временем может претендовать на статус самостоятельного мирового центра силы и влияния, если решит проблему своего управления, исторических фантомов, политических

амбиций, смягчит неконтролируемую иммиграцию, создаст общую систему безопасности. По своему экономическому, кадровому, научному, военному, технологическому и вообще культурному потенциалу такая Европа вполне сможет выдержать разностороннюю конкуренцию с любыми другими ведущими мировыми игроками.

Но по меньшей мере два фактора в этом отношении остаются пока под вопросом. *Первый* — это возможность (а, лучше сказать, необходимость) для западной и центральной частей Европы рано или поздно избавиться от американского оборонного зонтика. *Второй* — совместимость различных проектов внутриевропейской региональной интеграции. В Евразии складывается еще одно интеграционное объединение, включающее в себя ряд постсоветских государств, — Евразийский экономический союз, который начинает действовать с 1 января 2015 г. Импульсы к его развитию, сам процесс и стадии формирования похожи на опыт Евросоюза: сначала Таможенный союз трех государств — России, Казахстана и Белоруссии, затем формирование на этой основе (с последующим присоединением других стран, включая Армению, Киргизию и др.) полноценного Единого экономического пространства, а в дальнейшем его перерастание в комплексное объединение. Оно имело бы все шансы стать самостоятельным, самодостаточным центром силы с широкой сферой ответственности, включая наднациональную.

Отдельная тема — подключение к этим процессам Украины, одно из самых больших по территории и населению государств Большой Европы. Ее членство в Таможенном союзе и в Евразийском экономическом союзе, безусловно, придали бы им сильную дополнительную динамику и емкость. Однако политические события на Украине, силовой захват власти оппозиционными силами, начало гражданской войны на Юго-Востоке этой страны, ставка Вашингтона на ее превращение в свой политический протекторат поставили такую перспективу под большой вопрос, хотя и не зачеркнули ее полностью. Открытое вмешательство США и ЕС во внутривнутриполитический конфликт на Украине пока ведет к худшему из возможных вариантов: блокированию ее участия в интеграционных проектах на постсоветском пространстве при отсутствии шансов на вхождение в ЕС. И это при пребывании Украины в состоянии полубанкротства, которое продлится, вероятно, не один год. Причем в проигрыше оказывается не только Таможенный союз и Евразийский экономический союз, но не менее, а возможно, и более ЕС, на который теперь, помимо США, ложится бремя ответственности, и политическое, и финансовое, за спасение Украины от экономического коллапса и очередного социального взрыва.

Евразийская интеграция не есть, как нередко утверждают на Западе, попытка реанимировать, возродить «советскую империю». Эта цель в нынешних (да и в любых будущих) условиях не только нереалистична — она просто никому не нужна. Слишком далеко по пути самостоятельного, независимого развития ушли постсоветские государства. С другой стороны, слишком грандиозны современные внутренние задачи России, чтобы еще взваливать на свои плечи дополнительный, неоимперский груз.

Нет, у интеграции в разных регионах и на всех континентах мира свои, в основном общие, объективные законы и движущие силы. Конечно, есть и очевидные различия: первоначальный толчок западноевропейской интеграции, например, дала многовековая мечта европейцев установить прочный мир между беспрестанно воевавшими друг с другом большими и малыми народами. Мотивами интеграции стран СЭВ были идеология и холодная война. И у евразийской интеграции есть свои побудительные мотивы. Это неисчислимы беды и страдания от разрыва исторических, культурных, производственных, трудовых, семейных и прочих связей.

Основные исходные стимулы, действующие в обоих интеграционных проектах, по сути дела, одни и те же. Евразийская интеграция, это, *во-первых*, создание единого рынка путем снятия всех барьеров для передвижения товаров и услуг через политико-административные границы. *Во-вторых*, такая же свобода для перемещения из страны в страну производительного капитала и кредитно-финансовых ресурсов (с прицелом на возможное в недалеком будущем введение единой валюты). *В-третьих*, не стихийное, а узаконенное свободное перемещение рабочей силы по всему интеграционному пространству. *В-четвертых*, восстановление почти разрушенной сейчас системы кооперационных связей между различными национальными производителями и их субпартнерами. *В-пятых*, резкое повышение совместными усилиями научного и образовательного потенциала всех стран-участников этого объединения, ибо в одиночку, похоже, никто из них не способен достичь мирового уровня в науке, образовании, подготовке квалифицированных кадров. Наконец, *в-шестых*, только общими усилиями страны-участники такого объединения могут решать чрезвычайно сложные по капиталоемкости и организационным трудностям проблемы: такие, например, как необходимость спасения Арала, Амударьи и Сырдарьи, или строительство системы международных транспортных коридоров Запад–Восток, или согласование стратегических планов ряда государств-производителей и транзитеров по добыче и доставке нефтегазовых ресурсов потребителям в других регионах мира.

Итак, с позиции сегодняшнего дня в Большой Европе отчетливо прослеживается тенденция к образованию двух самостоятельных и самодостаточных, хотя и тесно связанных половин, двух интеграционных объединений. Разница в том, что Евросоюз — это уже зрелое, доказавшее свою жизнеспособность объединение, а Таможенный союз, тем более Евразийский экономический союз, находятся в начале своего пути, и свою жизнеспособность им еще предстоит доказать.

Серьезной помехой органическому сближению двух половин Европы является агрессивно-мессианские настроения значительной части политического класса и общественности западных стран. Вместе с США они прилагают и будут прилагать немалые усилия, в первую очередь, политические, к тому, чтобы затормозить процесс евразийской интеграции.

Значит ли это, что все рассуждения о Большой Европе как о чем-то целостном, едином, построены на песке? Нет, не значит, если измерять историю длительными периодами времени. Думается, что верные ориентиры движению в этом направлении дало весьма оптимистичное по своему духу Соглашение между ЕС и Россией о партнерстве и сотрудничестве, вступившее в силу в 1997 г. Несмотря на то что срок действия этого Соглашения давно истек и отношения между ЕС и Россией за это время не раз испытывались на прочность, апогеем чего стал украинский кризис, нельзя не видеть: по некоторым пунктам был достигнут определенный прогресс, имея в виду, в частности, известные четыре «дорожные карты».

В экономической сфере ориентиры, намеченные Соглашением, остаются целью хотя и не близкого, но понятного для всех будущего: это единое экономическое пространство, т.е. свобода движения товаров, капитала, услуг и рабочей силы через все границы. И не только на декларативном, но и на практическом уровне можно сегодня сказать, что единое экономическое пространство уже прослеживается — несмотря на то и дело возводимые на этом пути искусственные барьеры.

Наиболее затрудненным остается пока движение в сфере внутренней безопасности. Эта «дорожная карта» включает в себя самый широкий круг вопросов — от Шенгенского режима для всех участников Соглашения до, например, изменения юридического статуса меньшинств нетрадиционной ориентации, что вряд ли может быть достигнуто только административно-политическими мерами, без учета национальных традиций.

Опять-таки руководствуясь оптимистическим взглядом на мир, можно утверждать, что так или иначе процесс образования Большой Европы как некоего цивилизационного единства за последнюю чет-

верть века сдвинулся с мертвой точки и будет, скорее всего, развиваться после временного отступления. При нахождении какого-то баланса во внешнеполитической, а отчасти и внутривполитической сфере не существует фундаментальных непреодолимых препятствий для конструктивного взаимодействия между европейскими интеграциями. Однако следует, несомненно, считаться и с тем, что должны быть и неизбежно будут признаны существенные для обеих сторон особенности, в частности, растущее влияние азиатского фактора в нынешнем развитии России, как и мощный фактор североамериканского влияния в развитии Евросоюза.

Иными словами, цель — подлинно Большая Европа, а не расколотый на множество больших и малых осколков континент, не только может быть, но будет когда-нибудь достигнута. С точки зрения длительных исторических периодов и украинский кризис не сможет стать этому помехой.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АНТЮШИНА Наталья Михайловна** – кандидат экономических наук, руководитель Центра Северной Европы Института Европы РАН.
- БАЖАН Анатолий Иванович** – доктор экономических наук, заведующий Отделом экономических исследований Института Европы РАН.
- БЕЛОВ Владислав Борисович** – кандидат экономических наук, заведующий Отделом страновых исследований и руководитель Центра германских исследований Института Европы РАН.
- БОРКО Юрий Антонович** – доктор экономических наук, руководитель Центра документации Европейского Союза Института Европы РАН.
- БУТОРИНА Ольга Витальевна** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Центра документации Европейского Союза Института Европы РАН.
- БУХОВЕЦ Олег Григорьевич** – доктор исторических наук, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН, заведующий кафедрой политологии Белорусского экономического университета.
- ВОДОПЬЯНОВА Елена Викторовна** – доктор философских наук, руководитель Центра культурологии Института Европы РАН.
- ГАЛКИН Александр Абрамович** – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института социологии РАН.
- ГЛАДКОВ Игорь Сергеевич** – доктор экономических наук, руководитель Центра европейской торговли Института Европы РАН.
- ГОВОРОВА Наталья Викторовна** – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра международных социально-экономических сопоставлений Института Европы РАН.
- ГРОМЫКО Алексей Анатольевич** – доктор политических наук, директор Института Европы РАН.
- ДАНИЛОВ Дмитрий Александрович** – кандидат экономических наук, заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы РАН.

- ЖУРКИН Виталий Владимирович** – академик РАН, почетный директор Института Европы РАН.
- КАМКИН Александр Константинович** – кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра германских исследований Института Европы РАН.
- КАРГАЛОВА Марина Викторовна** – доктор исторических наук, руководитель Центра проблем социального развития Европы Института Европы РАН.
- КРАСИКОВ Анатолий Андреевич** – доктор исторических наук, руководитель Центра по изучению проблем религии и общества Института Европы РАН.
- КРЫЛЯТЫХ Эльмира Николаевна** – академик РАН, заведующая кафедрой управления фирмой Высшей школы корпоративного управления (ВШКУ) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- КУДРОВ Валентин Михайлович** – доктор экономических наук, руководитель Центра международных социально-экономических сопоставлений Института Европы РАН.
- МАКСИМЫЧЕВ Игорь Фёдорович** – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, Чрезвычайный и полномочный посланник.
- НОСОВ Михаил Григорьевич** – член-корреспондент РАН, зам. директора по научной работе Института Европы РАН.
- ПОТЁМКИНА Ольга Юрьевна** – доктор политических наук, заведующая Отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН.
- РУБИНСКИЙ Юрий Ильич** – доктор исторических наук, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН.
- СИДОРОВ Евгений Юрьевич** – доктор культурологических наук, кандидат филологических наук, профессор Литературного института им. А.М. Горького.
- ТИМОФЕЕВ Тимур Тимофеевич** (1928–2013) – член-корреспондент РАН, руководитель Центра межцивилизационных исследований Института Европы РАН.
- ФАЛЬЦМАН Владимир Константинович** – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
- ФЁДОРОВ Валентин Петрович** – член-корреспондент РАН, зам. директора по научной работе Института Европы РАН.
- ХАЙТУН Алексей Давыдович** – доктор экономических наук, руководитель Центра энергетической политики Института Европы РАН.
- ХЕСИН Ефим Самуилович** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН.

ЦИРЕНЩИКОВ Вадим Сергеевич – доктор экономических наук, руководитель Центра инновационных систем и инновационной политики Института Европы РАН.

ШВЕЙЦЕР Владимир Яковлевич – доктор исторических наук, руководитель Центра партийно-политических исследований Института Европы РАН.

ШМЕЛЁВ Николай Петрович (1936–2014) – академик РАН, директор Института Европы РАН (1999–2014).

ЯЗЬКОВА Алла Алексеевна – доктор исторических наук, заведующая Отделом Черноморско-Средиземноморских исследований и руководитель Центра по изучению балканских стран и стран Южного Кавказа Института Европы РАН.

УДК 327(4)
ББК 66.4(4),3
Б79

Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы: [монография] / [Н. П. Шмелёв и др.] ; под общ. ред. Ал. А. Громыко и В. П. Фёдорова ; Федеральное гос. бюджет. учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. – М.: Весь Мир; Ин-т Европы РАН, 2014. – 704 с. – (Старый Свет – новые времена). – Авт. указаны на обороте тит. л. – ISBN 978-5-98153-038-5 (ИЕ РАН). – ISBN 978-5-7777-0643-0 (Весь Мир).

Основное содержание монографии, подготовленной авторским коллективом в составе научных сотрудников Института Европы РАН и нескольких других исследовательских центров России, посвящено рассмотрению всех ключевых аспектов межгосударственных и наднациональных отношений на Европейском континенте в условиях продолжающихся интеграционных процессов. Книга состоит из трех разделов: «Европа в мировой истории», «Современная Европа» и «Будущее Большой Европы» и содержит предложения о наиболее целесообразных путях и способах разрешения не только давних, но и новых противоречий между отдельными европейскими странами и их объединениями. Издание отличают высокая актуальность и широта тематического охвата. Всесторонне осмыслены исторические, политические, экономические, идеологические и культурные аспекты исследуемого комплекса вопросов.

Авторы исследования приходят к выводу, что при всех трудностях и даже откатах на пути к укреплению отношений России с другими странами Европы и Европейским Союзом сохраняется объективная потребность в становлении единого пространства Большой Европы, необходимость сближения России и ее соседей.

УДК 327(4)
ББК 66.4(4),3

Серия «Старый Свет — новые времена»
основана Институтом Европы РАН в 2007 году
и издается в издательстве «Весь Мир».

Основатель проекта академик РАН *Н.П. Шмелёв*.

В СЕРИИ ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

Великобритания. Эпоха реформ

Под ред. Ал.А. Громько. М.: Весь Мир, 2007. 536 с.

Франция. В поисках новых путей

Под ред. Ю.И. Рубинского. М.: Весь Мир, 2007. 624 с.

Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен

Под ред. А.А. Язьковой. М.: Весь Мир, 2007. 352 с.

Испания: анфас и в профиль

Под ред. В.Л. Верникова. М.: Весь Мир, 2007. 480 с.

Северная Европа — регион нового развития

Под ред. Ю.С. Дерябина. М.: Весь Мир, 2008. 512 с.

**Государства Альпийского региона и страны Бенилюкс
в меняющейся Европе**

Под ред. В.Я. Швейцера. М.: Весь Мир, 2009. 544 с.

Германия — вызовы XXI века

Под ред. В.Б. Белова. М.: Весь Мир, 2009. 792 с.

Вишеградская Европа: откуда и куда?

**Два десятилетия по пути реформ
в Венгрии, Польше, Словакии и Чехии**

Под ред. Л.Н. Шишелиной. М.: Весь Мир, 2010. 568 с.

Россия в многообразии цивилизаций

Под ред. Н.П. Шмелёва. М.: Весь Мир, 2010. 896 с.

Социальная Европа в XXI веке

Под ред. М.В. Каргаловой. М.: Весь Мир, 2010. 528 с.

Безопасность Европы

Под ред. В.В. Журкина. М.: Весь Мир, 2011. 752 с.

На перекрестке Средиземноморья:

«Итальянский сапог» перед вызовами XXI века

Под ред. Т.В. Зоной. М.: Весь Мир, 2011. 456 с.

Европейский Союз в XXI веке: время испытаний

Под ред. О.Ю. Потёмкиной. М.: Весь Мир, 2012. 656 с.

Португалия: путь от революции...

Под ред. В.Л. Верникова. — М.: Весь Мир, 2014. — 368 с.

По вопросам приобретения книг
обращаться в издательство «Весь Мир»:

125993, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 3В

Тел./факс: (495) 276-02-92

e-mail: info@vesmirbooks.ru;

<http://www.vesmirbooks.ru>

ИСТОРИИ СТРАН ЕВРОПЫ В СЕРИИ «НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ»

О серии:

Серия представляет собой коллекцию однотомных общих «отечественных» или «национальных» историй разных стран мира. О польской истории в этой серии пишут поляки, а о британской — англичане. Соответственно книги серии переводятся на русский язык со многих языков мира. Подобного проекта, знакомящего читателей с национальными историями стран мира, никогда не было не только в нашей стране, но и за рубежом. Вся книга отличается высоким научным уровнем. Они являются бесценным пособием для историков-профессионалов и студентов, они служат тем, кто занимается международными отношениями и мировой политикой.

Но книги серии могут сослужить хорошую службу и широкому читателю. Их полезно прочитать перед зарубежной поездкой, что позволит лучше узнать страну, в которую вы едете. Они необходимы для того, чтобы лучше понимать мир вокруг нас, не замыкаясь в кругу доморощенных (и, как правило, весьма искаженных) представлений о других странах, народах и национальных культурах. Кроме всего прочего, это еще и способ познания нашей собственной истории, которая соприкасается, переплетается с прошлым других народов и стран. Серия «Национальная история» основана в 2002 году.

В СЕРИИ ВЫШЛИ В СВЕТ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

История Франции. Марк ФЕРРО

Пер. с фр. Предисл. Ю.И. Рубинского. 2015 г. М.: «Весь Мир»

Нидерланды. Каприз истории. Мак Геерт

Пер. с нидерл. 2013 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История итальянцев. Прокаччи Дж.

Пер. с ит. 2012 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История сербов. Чиркович С.М.

Пер. с сербскохорв. 2009 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Великобритании

Пер. с англ. 2008 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Финляндии.

Линии, структуры, переломные моменты. Мейнандер Х.

Пер. со швед. 2008 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Австрии Воцелка К.

Пер. с нем. 2007 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Португалии. Сарайва Ж.Э.

Пер. с порт. 2007 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Дании. Палудан Х. и др.

Пер. с датск. 2006 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Румынии. И. Болован, И.-А. Поп (координаторы) и др.

Пер. с рум. 2005 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Польши. Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи

Пер. с польск. 2004 г. М.: Издательство «Весь Мир»

Краткая история Германии. Шульце Хаген

Пер. с нем. 2004 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Исландии. Хьяульмарссон Й.

Пер. с англ. 2003 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Норвегии. От викингов до наших дней

Даниельсен Р., Дюрвик С., Грентли Т., Хелле К., Ховланн Э.

Пер. с англ. 2003 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Швеции. Мелин Ян, Юханссон Альф В., Хеденборг С.

Пер. со швед. 2002, 2003 г. М.: Издательство «Весь Мир»

История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. Контлер Л.

Пер. с англ. 2002 г. М.: Издательство «Весь Мир»

Спрашивайте в книжных магазинах книги серии «Национальная история» и другие издания издательства «Весь Мир».

Заказывайте эти книги в интернет-магазинах или через сайт издательства «Весь Мир»

www.vesmirbooks.ru

Серия: Старый Свет — новые времена

**Большая Европа.
Идеи, реальность, перспективы**

Под редакцией
Ал.А. Громько, В.П. Фёдорова

Редакторы: *Беляев М.М., Бондаренко А.В., Демьянович В.А.,
Зимарин О.А., Рысляева А.С., Шабурова Н.Н.*

Корректор: *М.М. Балашова*

Верстка: *Голодко С.А.*

Мл. редактор: *Поташевская Е.А.*

Подписано в печать 20.11.2014 г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. л. 44,0
Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО Издательство «Весь Мир»
125009, Москва, ул. Моховая, 11, строение 3 «В».
Тел./факс: (495) 276-02-92
E-mail: info@vesmirbooks.ru
<http://vesmirbooks.ru>

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpk.ru. E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8(496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

ISBN 978-5-7777-0643-0

9 785777 706430

Основное содержание монографии, подготовленной авторским коллективом в составе научных сотрудников Института Европы РАН и нескольких других исследовательских центров России, посвящено рассмотрению всех ключевых аспектов межгосударственных и наднациональных отношений на Европейском континенте в условиях продолжающихся интеграционных процессов. Книга состоит из трех разделов: «Европа в мировой истории», «Современная Европа» и «Будущее Большой Европы» и содержит предложения о наиболее целесообразных путях и способах разрешения не только давних, но и новых противоречий между отдельными европейскими странами и их объединениями. Издание отличают высокая актуальность и широта тематического охвата. Всесторонне осмыслены исторические, политические, экономические, идеологические и культурные аспекты исследуемого комплекса вопросов.

Авторы исследования приходят к выводу, что при всех трудностях и даже откатах на пути к укреплению отношений России с другими странами Европы и Европейским Союзом сохраняется объективная потребность в становлении единого пространства Большой Европы, необходимость сближения России и ее соседей.

Серия *«Старый Свет – новые времена»* основана Институтом Европы РАН в 2007 году и выпускается издательством «Весь Мир».